

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 2017

Гуманитарные науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

А.Ю. Александров, кандидат экономических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

Заместитель главного редактора

Г.Е. Корнилов, доктор филологических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Члены редакционной коллегии

Л.А. Абукаева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Йошкар-Ола)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент (Россия, Москва)

С.А. Арутюнов, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Д.Н. Давлетбаева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Казань)

Е.С. Данилко, доктор исторических наук, профессор РАН (Россия, Москва)

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

И. Зимони, доктор наук, профессор (Венгрия, Сегед)

Т.Н. Иванова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор (Австрия, Вена)

Н.В. Кондратьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Ижевск)

Й. Луутонен, доктор философии, доцент (Финляндия, Турку)

Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

С.Ю. Михайлова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

О.А. Мудрак, доктор филологических наук (Россия, Москва)

С.А. Мызников, доктор филологических наук, главный научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)

О.Е. Поляков, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Л.П. Репина, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

А.К. Салмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)

О.Н. Широков, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

А.Ш. Юсупова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Казань)

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

ISSN 1810-1909

Vestnik

CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

№ 2 2017

Humanities

Scientific Journal

Since March, 1995

Founder:
Federal State Educational Budgetary Institution
of Higher Education
the Ulyanov Chuvash State University

Editor-in-Chief

A.Yu. Aleksandrov, Candidate of Economics, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

G.Ye. Kornilov, Doctor of Philology, Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board

L.A. Abukaeva, Doctor of Philology, Associate Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

T.B. Agranat, Doctor of Philology, Associate Professor (Moscow, Russia)

S.A. Arutyunov, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

D.N. Davletbaeva, Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

E.S. Danilko, Doctor of Historical Sciences, RAS Professor (Moscow, Russia)

A.V. Dybo, RAS corresponding member, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

I. Zimoni, Doctor of Science, Professor (Szeged, Hungary)

T.N. Ivanova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

A. Kappeler, Doctor of History, Professor (Vienna, Austria)

N.V. Kondratieva, Doctor of Philology, Associate Professor (Izhevsk, Russia)

J. Luutonen, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Turku, Finland)

E.K. Mineyeva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

S.Yu. Mikhailova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

O.A. Mudrak, Doctor of Philology (Moscow, Russia)

S.A. Myznikov, Doctor of Philology, Chief Researcher (St. Petersburg, Russia)

O.E. Polyakov, Doctor of Philology, Professor (Saransk, Russia)

L.P. Repina, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

A.K. Salmin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher (St. Petersburg, Russia)

O.N. Shirokov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

A.Sh. Yusupova, Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia).

Executive Editor

N.I. Zavgorodnyaya

The journal is included into the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation where the main scientific results of doctoral theses are to be published.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015, Russia
Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)
E-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

УДК 37(091)(470.343)
ББК 4403(А 512)

И.В. АЛМЕТЕВА, А.Г. ИВАНОВ, А.А. ФИЛОНОВ

ТРУДОВОЕ ОБУЧЕНИЕ В ЗЕМСКОЙ ШКОЛЕ МАРИЙСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ*

Ключевые слова: народное образование, земская школа, трудовое обучение, ремесленные классы и отделения, Марийский край.

В статье рассматривается исторический опыт земств Марийского края в развитии технической грамотности населения. Авторами исследованы попытки земства за счет введения трудового обучения в массовой школе России во второй половине XIX – начале XX вв. распространить технические знания и ремесла среди населения, а также стимулировать развитие местного производства. В Марийском крае в начале XX в. насчитывалось несколько десятков ремесленных и сельскохозяйственных отделений при училищах, где ученики обучались рукоделию, сапожно-башмачному, слесарно-токароному ремеслу, приемам рационального ведения садоводства и огородничества. Здесь ученики получали необходимые в хозяйстве знания и профессиональные навыки. Продолжить профессиональное обучение можно было в низших сельскохозяйственных учебных заведениях края.

Со второй половины XIX в. в начальных школах Марийского края кроме основных учебных предметов стали преподавать уроки труда, где изучали рукоделие, сапожно-башмачное и слесарно-токароное ремесло, садоводство и огородничество. Во многом это диктовалось потребностями крестьянского хозяйства. В изучаемый период в связи с развитием капиталистических отношений у крестьян возникала необходимость в получении более широких практических знаний, в том числе в области ремесленного и сельскохозяйственного производства. Нужно было повышать доходность своего хозяйства не только за счет увеличения надела, но и за счет внедрения новых технологий, техники и оборудования. Для решения этих задач по инициативе земских учреждений при начальных училищах стали открывать ремесленные классы и отделения, а также опытные садовые и огородные участки. Вышеназванные сюжеты в значительной мере конкретизируются архивными документами, а также материалами опубликованных источников.

Во второй половине XIX – начале XX вв. трудовое обучение получило достаточно широкое распространение в Козьмодемьянском уезде. В рассматриваемый период здесь с целью привлечения в училища девочек в учебную программу были включены занятия по рукоделию. Так, в 1894 г. в Козьмодемьянском уезде уроки рукоделия велись в 8 женских (Козьмодемьянском городском женском, Акрамовском, Виловатоврагском, Мало-Сундырском, Орнинском, Пернянгашском, Троицко-Посадском, Чермышевском) и 7 смешанных (Ахмыловском, Больше-Сундырском, Владимирском, Кожважском, Мало-Юнгинском, Руткинском, Цыгановском) училищах. К 1914 г. число таких училищ осталось прежним. Примечательно, что труд учительниц по обучению девочек рукоделию никак не оплачивался. Земство оказывало лишь небольшую финансовую помощь, связанную с компенсированием затрат на приобретение расходных материалов по рукоделию для раздачи их учащимся. В

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Марий Эл в рамках научного проекта № 16-11-12002.

ходе занятий девочек обучали самым необходимым в быту рукодельным работам: шитью, вязанию и плетению кружева. Исключение составляло лишь Козьмодемьянское городское женское училище, где была составлена конкретная программа по рукоделию и уроки были расписаны по отделениям: вязание на спицах, тамбурное вязание, вышивание по канве, вышивание строчкой по полотну [13. С. 94; 14. С. 44].

При некоторых училищах Козьмодемьянского уезда открывали ремесленные классы, где обучали сапожно-башмачному, слесарно-токарному и другим ремеслам. Известно, что первый ремесленный класс в Марийском крае был открыт при Пертнурском двухклассном училище Козьмодемьянского уезда. Занятия с учениками здесь, как правило, проводили местные мастера. Так, сапожному мастерству в Пертнурском училище обучал Леонтий Герасимов – крестьянин Кулаковской волости Козьмодемьянского уезда [3. С. 7].

В 1902 г. при Козьмодемьянском городском четырехклассном училище был открыт слесарно-токарный класс. Небольшая площадь помещения приводила к тому, что одновременно в классе могли заниматься не более 13 человек. Реальное же число желающих приобрести практические знания с течением времени имело тенденцию к росту. Так, в 1908 г. около 50 человек изъявили желание заниматься слесарным и токарным ремеслом [12. С. 80, 90].

Система трудового обучения активно развивалась и в Царевококшайском уезде. В начале XX в. Царевококшайское земство включилось в работу по распространению профессиональных знаний. В 1900 г. при четырех училищах Царевококшайского уезда было введено преподавание ручного труда. 25 февраля 1900 г. при Княжнинском женском училище Царевококшайского уезда была открыта прядильно-ткацкая мастерская, в которой обучались шесть девочек. Занятия проводила выпускница Мариинской практической школы кружевниц А.Ф. Короткова [10. Л. 20об.–21].

Наибольшую организованность профессиональное обучение в Царевококшайском уезде получило с 1909 г., когда при пяти двухклассных училищах Министерства народного просвещения (Вараксинском, Моркинском, Суртовском, Сотнурском, Уньжинском) и одном земском училище (Цибикнурском) были открыты ремесленные отделения. Обучаться в них могли мальчики в возрасте с 12 лет и старше, владевшие элементарными основами грамоты. Учебный год продолжался с 1 сентября по 1 июня. Практические и теоретические занятия проводились ежедневно с 8 до 17 часов с двухчасовым перерывом на обед. Во всех ремесленных отделениях обучение было бесплатным, а срок его составлял 4 года. После завершения четырехгодичного курса ученики должны были сдавать экзамен. В состав экзаменационной комиссии входили инспектор народных училищ, заведующий ремесленным отделением, мастера отделения и члены педагогического совета учебного заведения. Те из учеников, кто успешно прошел экзаменационные испытания, получали свидетельства с указанием об обучении конкретному ремеслу и изучении предметов с оценками по ним. Те из учеников, кому не удалось сдать экзамен, получали удостоверение, в котором фиксировалось, сколько лет они обучались в ремесленном отделении с прохождением указанного ремесла. Летние каникулы продолжались в течение 3 месяцев, т.е. с 1 июня по 1 сентября. Это делалось для того, чтобы во время исполнения полевых работ ученики могли помогать своим родным [11. Л. 259–260; 2. С. 298–309].

В ремесленных отделениях преподавали профессиональные предметы. Так, например, в Вараксинском ремесленном отделении Царевококшайского уезда ученики изучали слесарно-кузнечное ремесло, черчение, рисование, а также технику ремесла. Программа по слесарно-кузнечному ремеслу включала

такие упражнения, как «рубка железа и черчение под линейку и угольник; ковка железа; загибание железа по кругу; шарнирное соединение железа; сгибание тонкой проволоки; ковка, оттягивание и сгибание железа в горячем виде; нарезка круглого железа; сварка стали и железа; точка и закалка стали» и др. Обучающиеся изготавливали кузнечные молотки, косари, ножи, щипцы для орехов, садовые грабли, циркули, слесарные угольники, отвертки, воротки для метчиков, подсвечники, зубила, подковы, кусачки, клещи, топоры, кровати и другие изделия, чтобы «подготовить учеников вполне к сельскому обиходу». В Суртовском слесарно-кузнечном ремесленном отделении, помимо профильного обучения, с учениками регулярно проводились религиозно-нравственные беседы, занятия по анатомии, физиологии и гигиене человека. Благодаря работе заведующего С.А. Логинова и мастера Никунина отделение функционировало достаточно успешно [5. Л. 119; 6. Л. 75–76].

В целом к 1 января 1914 г. в ремесленных отделениях Царевококшайского уезда состояло 83 человека. К 1 января 1915 г. количество учащихся возросло незначительно и составило 84 человека, в том числе в Варакинском – 19 (22,6%), Суртовском – 18 (21,4%), Уньжинском – 15 (17,9%), Моркинском – 11 (13,1%), Цибикурском – 11 (13,1%) и Сотнурском – 10 (11,9%) человек. Из общего числа 61 (72,6%) человек были в возрасте 12–16 лет и 23 человека (27,4%) – от 16 до 20 лет. Все ученики упомянутых ремесленных отделений были выходцами из крестьян, а по национальному принципу – русские и маришцы [8. Л. 8; 9. Л. 259об.–260].

В 1915 г. выпускниками ремесленных отделений Царевококшайского уезда стали 12 человек, в том числе 6 из Суртовского слесарно-кузнечного отделения и столько же – из Цибикурского столярно-токарного отделения. Некоторые из них стали впоследствии работать на Ижевском заводе, Пермской железной дороге, находившейся в г. Казань. Средний их заработок составлял 1 руб. в день. Другие выпускники остались в своих деревнях, где занимались сельским хозяйством и ремеслом.

В каждом ремесленном отделении Царевококшайского уезда имелся преподаватель-мастер, а в трех отделениях (Варакинском, Суртовском и Сотнурском) – еще и подмастерья. Заведующие отделениями получали жалование в сумме 60 руб., преподаватели-мастера – 360–480 руб., а подмастерья – 300 руб. в год. Преподаватели ремесленных отделений в значительной степени были квалифицированными специалистами. Все они имели специальную подготовку в низших ремесленных школах и ремесленных училищах: Царицынском ремесленном училище, Буинской ремесленной школе, Рыбинском техническом училище, Нолинской ремесленной школе, Царевококшайской низшей ремесленной школе, Царевококшайской земской кузнечной мастерской, Казанской учительской семинарии, в частных мастерских Казани [7. Л. 5об.–16].

Произведенные в ходе обучения ремесленные изделия либо продавались местному населению, либо пополняли имущественный инвентарь самих отделений. От продажи ученических изделий в 1914 г. поступило из всех 6 ремесленных отделений Царевококшайского уезда 190 руб. 23 коп. Кроме того, 365 руб. 84 коп. было выручено в ходе сбыта изделий, произведенных на заказ. Полученные средства тратились на хозяйственные нужды отделений, закупку сырья, а в Суртовском ремесленном отделении около 30% чистой прибыли распределялось между учениками.

Средства на содержание ремесленных отделений выделялись Министерством народного просвещения и местным земством. Так, в 1915 г. 6 отделений Царевококшайского уезда получили в общей сложности 5750 руб., в

том числе 3150 руб. (54,8%) от Министерства и 2600 руб. (45,2%) от земства. Этой суммы зачастую было недостаточно для удовлетворения насущных потребностей отделений (выплата жалованья учителям, арендная плата за помещение, приобретение материалов, инструментов, отопление и освещение помещения и др.) [6. Л. 89–95об.]. К 1915 г. только два ремесленные отделения (Вараксинское и Моркинское) имели собственные помещения. Первое располагалось в здании кузницы, принадлежавшей Царевококшайской ремесленной школе, и здании Вараксинского двухклассного училища МНП, а второе – в собственном здании. Остальные ремесленные отделения располагались в арендуемых простых крестьянских избах.

С конца XIX в. одним из направлений развития системы трудового обучения в Марийском крае было открытие сельскохозяйственных курсов и отделений. Местные земские учреждения уделяли этому вопросу значительное внимание. По инициативе земств при начальных училищах стали появляться специальные сады, огороды, опытные участки, где учителя могли наглядно показать пользу и необходимость тех или иных сельскохозяйственных улучшений. На территории Марийского края первые школьные сады появились в начале 90-х гг. XIX в. В 1893 г. при Пихтулинском училище Козьмодемьянского уезда был заложен сад и огород [1. С. 224]. Такие же сад и огород существовали и при Шурминском двухклассном училище Уржумского уезда [16. С. 530–531].

В конце XIX в. неоднократно поднимался вопрос о наделении сельских начальных школ земельными участками. Это придало определенный импульс к открытию садов и огородов при училищах Марийского края. Здесь выращивали различные сорта яблонь, вишни, сливы, крыжовник, смородину, малину, землянику, а в огородах – капусту, огурцы, брюкву, морковь, свеклу, репу, редьку, лук, картофель. В 1899 г. преподавание сельскохозяйственных знаний в Яранском уезде велось при 7 училищах, в Царевококшайском – при 7 училищах, в Козьмодемьянском – при 6 училищах. Здесь в ходе теоретических и практических занятий преподаватели знакомили учащихся с правильными приемами разведения плодовых деревьев, ягод, выращивания овощей. Полученные знания многие ученики использовали дома, в своих огородах.

Большую пользу приносили школьные сады и огороды в распространении новых агрикультур. Преподаватели выписывали в свои школьные хозяйства новые сорта саженцев плодовых деревьев, семена овощей из Казанского земледельческого училища, Казанской казенной фермы, Козьмодемьянского плодово-ягодного питомника, Царевококшайского земского сельскохозяйственного склада. Постепенно они распространялись среди местного населения. Так, местные крестьяне еще в 60–70-е гг. XIX в. не имели никакого представления о петрушке, пастернаке, салате, а в конце XIX – начале XX вв. они появляются в крестьянских огородах. Через школьные хозяйства шло также знакомство с новыми сельскохозяйственными машинами и удобрениями.

Наряду с несомненными успехами в развитии школьного садоводства и огородничества при сельских начальных училищах Марийского края существовали и серьезные трудности. Они заключались в том, что далеко не все училища имели собственные земельные участки. Многие учителя и учительницы не были готовы к преподаванию садоводства и огородничества, и в летние каникулы уезжали из училищ домой. С началом весны многие учащиеся и преподаватели вынуждены были отрываться от школьных занятий и заниматься полевыми работами. Отрицательно сказывались на школьном хозяйстве частые перемещения учителей из одной школы в другую. Негативную роль играл и недостаток финансирования школьного садоводства и огородничества.

Тем не менее профессиональное обучение в сельских школах продолжалось и развивалось, особенно в начале XX в. В Козьмодемьянском уезде рост школьных садов и огородов наблюдается с 1905 г. Основам садоводства здесь обучали при 10 начальных училищах, а огородничества – при 9 училищах. В этом же году в Царевококшайском уезде обучение садоводству и огородничеству производилось при 8 училищах, а в Яранском уезде – при 10 училищах. В последующие годы наблюдается еще больший рост школьных хозяйств. Так, в 1915 г. в Козьмодемьянском уезде садоводство преподавалось уже при 19 училищах, а огородничество – в 20 училищах [1. С. 226–227].

Таким образом, профессиональное обучение сельскому хозяйству в начальных училищах Марийского края было введено в конце XIX в. и, преодолевая различные трудности, получило развитие в начале XX в. Здесь ученики получали необходимые в хозяйстве знания и профессиональные навыки. Продолжить профессиональное обучение можно было в низших сельскохозяйственных учебных заведениях края – Нартасской сельскохозяйственной школе в Уржумском уезде, открытой 2 ноября 1893 г., а также в Козьмодемьянской практической школе садовых рабочих в Козьмодемьянском уезде, основанной в 1911 г. [1. С. 230, 241; 4. С. 39; 15. С. 3].

В целом система трудового обучения в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX вв. получила достаточно широкое распространение. Это диктовалось потребностями местного крестьянского населения. Сельскохозяйственные общества, земские учреждения, хорошо знавшие нужды крестьянства, последовательно и целенаправленно вели деятельность по созданию и развитию сети профессиональных учебных заведений. В Марийском крае в начале XX в. насчитывалось несколько десятков ремесленных и сельскохозяйственных отделений, где ученики обучались рукоделию, сапожно-башмачному, слесарно-токарному ремеслу, приемам рационального ведения садоводства и огородничества. Их деятельность играла важную роль и способствовала распространению технических знаний и ремесел среди населения, а также стимулировала развитие местного производства. Преподавательский состав отличался достаточно высокой квалификацией, что, безусловно, отражалось на серьезном отношении к делу учеников отделений и их поведении. Однако с самого начала своей деятельности в ремесленных и сельскохозяйственных отделениях края наблюдались серьезные трудности, связанные с нехваткой финансирования, помещений и необходимого для организации учебного процесса оборудования.

Литература

1. Алметева И.В. История начального школьного образования в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX веков. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2006. 314 с.
2. Алметева И.В. Ремесленные отделения Царевококшайского уезда в начале XX века // Марийский архивный ежегодник. 2016. С. 298–309.
3. Алметева И.В. Уроки труда в начальных школах Козьмодемьянского уезда во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы теории и практики преподавания горномарийского языка, литературы, истории, культуры: материалы докладов и выступлений на республиканской науч. конф. (1 апреля 2005 г.). Йошкар-Ола [Б.и.], 2006. С. 6–11.
4. Алкаримова Е.Ю. Деятельность земств по распространению агрономических знаний среди населения Вятской губернии в конце XIX в. // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт: материалы науч. конф., посвящ. 135-летию Вят. земства. Киров [Б.и.], 2002. С. 39–44.
5. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. 98. Оп. 1. Д. 196.
6. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1031а.
7. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1034.
8. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1043.
9. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1054.
10. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 548.
11. ГА РМЭ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 101.

12. Журналы 45-го очередного Козьмодемьянского уездного земского собрания, состоявшегося 20, 21 и 22 сентября 1909 года, и чрезвычайных, состоявшихся 30 апреля и 20 июня 1909 года. Козьмодемьянск, 1910.

13. Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы за 1893–1894 год. Казань, 1895.

14. Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы о деятельности ее по управлению делами, подлежащими ведению земства, и о состоянии уездного земского хозяйства за время с 1-го июля 1913 года по 1-е июля 1914 года. Козьмодемьянск, 1915.

15. Романов А.И. Был в Нартассе техникум. Йошкар-Ола, 1999. 104 с.

16. Сборник постановлений Уржумского земства с 1867 по 1898 год. Вятка, 1903. Т. 2.

АЛМЕТЕВА ИРИНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (almetevaiv@gmail.com).

ИВАНОВ АНАНИЙ ГЕРАСИМОВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (anani@marsu.ru).

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (fil88meat@rambler.ru).

I. ALMETEVA, A. IVANOV, A. FILONOV

LABOR TRAINING IN ZEMSTVO SCHOOLS IN THE MARI REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Key words: public education, zemstvo school, labor training, craft classes and offices, the Mari Region.

The article considers the historical experience of zemstvos of the Mari Region in the development of technical literacy among the population. It examines the attempts of the zemstvo by introducing labor training in the mass school of Russia in the second half of the XIX – beginning of the XX century, to disseminate technical knowledge and crafts among the population and to stimulate the development of local production. In the Mari region at the beginning of the XX century there were several dozens of handicraft and agricultural branches, where pupils were trained in handiwork, shoemaking, fitter's and turnery skills, methods of rational gardening and vegiculture. Students received necessary for the household knowledge and skills. Continuing professional training was possible in lower agricultural educational institutions of the region.

References

1. Almeteva I.V. *Istoriya nachal'nogo shkol'nogo obrazovaniya v Mariiskom krae vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov* [The history of primary school education in the Mariysk region in the second half of the XIX – early XX centuries]. Yoshkar-Ola, 2006, 314 p.

2. Almeteva I.V. *Remeslennye otdeleniya Tsarevokokshaiskogo uezda v nachale XX veka* [Craft departments of Tsarevo-Koksha Uyezd in the beginning of XX century]. *Mariiskii arkhivnyi ezhegodnik* [Mari archive yearbook], 2016, p. 298–309.

3. Almeteva I.V. *Uroki truda v nachal'nykh shkolakh Koz'modem'yanskogo uezda vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Lessons of labor in the primary schools of the Kozmodemyansky Uyezd in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Problemy teorii i praktiki prepodavaniya gornomariiskogo yazyka, literatury, istorii, kul'tury: materialy dokladov i vystuplenii na respublikanskoj nauch. konf. (1 aprelya 2005 g.)* [Proc. of Mari Republic Conf. «Problems of the theory and practice of teaching the Mining Language, literature, history, culture»]. Yoshkar-Ola, 2006, p. 6–11.

4. Apkarimova E.Yu. *Deyatel'nost' zemstv po rasprostraneniyu agronomicheskikh znanii sredi naseleniya Vyatskoi gubernii v kontse XIX v.* [The activities of zemstvos on the dissemination of agronomic knowledge among the population of Vyatka province at the end of the XIX century]. *Zemskoe samoupravlenie: organizatsiya, deyatel'nost', opyt: materialy nauch. konf., posvyashch. 135-letiyu Vyat. zemstva* [Proc. of Sci. Conf. «Zemsky self-government: organization, activities, experience»]. Kirov, 2002, p. 39–44.

5. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 98. Op. 1. D. 196* [State Archives of the Mari El Republic. Archive 98. Anagraph 1. Document 196].

6. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. GA RME. F. 18. Op. 1. D. 1031a* [State Archives of the Mari El Republic. Archive 18. Anagraph 1. Document 1031a].

7. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 18. Op. 1. D. 1034 [State Archives of the Mari El Republic. Archive 18. Anagraph 1. Document 1034].
8. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 18. Op. 1. D. 1043 [State Archives of the Mari El Republic. Archive 18. Anagraph 1. Document 1043].
9. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 18. Op. 1. D. 1054 [State Archives of the Mari El Republic. Archive 18. Anagraph 1. Document 1054].
10. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 18. Op. 1. D. 548 [State Archives of the Mari El Republic. Archive 18. Anagraph 1. Document 548].
11. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 98. Op. 1. D. 101 [State Archives of the Mari El Republic. Archive 98. Anagraph 1. Document 101].
12. Zhurnaly 45-go ocherednogo Koz'modem'yanskogo uezdnogo zemskogo sobraniya, sostoyavshegosya 20, 21 i 22 sentyabrya 1909 goda i chrezvychaynykh, sostoyavshikh'sya 30 aprelya i 20 iyunya 1909 goda [Magazines of the 45th regular Kozmodemyansky district territorial meeting which took place on September 20, 21 and 22, 1909 and extraordinary, taken place on April 30 and on June 20, 1909]. Kozmodemyansk, 1910.
13. Otchet Koz'modem'yanskoi uezdnoi zemskoi upravy za 1893–1894 god [The report of the Kozmodemyansky district territorial justice for 1893–1894]. Kazan, 1895.
14. Otchet Koz'modem'yanskoi uezdnoi zemskoi upravy o deyatelnosti ee po upravleniyu delami, podlezhashchimi vedeniyu zemstva i o sostoyanii uezdnogo zemskogo khozyaistva za vremya s 1-go iyulya 1913 goda po 1-e iyulya 1914 goda [Report Kozmodemyanskoy County Council of Zemstvo on its activities to manage the affairs that are subject to zemstvo and the state of the county zemstvo economy for the period from July 1, 1913 to July 1, 1914]. Kozmodemyansk, 1915.
15. Romanov A.I. *Byl v Nartasse tekhnikum* [I was in Nartasse College]. Yoshkar-Ola, 1999, 104 p.
16. *Sbornik postanovlenii Urzhumskogo zemstva s 1867 po 1898 god* [Collection of Orders of the Urzhum Zemstvo from 1867 to 1898]. Vyatka, 1903, vol. 2.

ALMETEVA IRINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of National History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

IVANOV ANANY – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of National History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

FILONOV ALEKSANDR – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of National History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

Ссылка на статью: Алметева И.В., Иванов А.Г., Филонов А.А. Трудовое обучение в земской школе Марийского края во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 5–11.

УДК 351.86:061(470.344)«1946/1951»
ББК Ц493(2Рос.Чув.)631

О.В. АНДРЕЕВ

ОБОРОННО-МАССОВАЯ РАБОТА В ЧУВАШИИ В 1946–1951 ГОДАХ

Ключевые слова: оборонно-массовая работа, Центральный Совет, комитет, первичная организация, секция, кружок, военно-морское дело, авиатехническая подготовка, аэроклуб, военно-прикладные виды, военно-спортивные мероприятия, противовоздушная оборона, агитация и пропаганда, оборонные кадры.

В статье анализируется оборонно-массовая работа в Чувашии в первые послевоенные годы, когда прекратил свою деятельность Всевобуч, а подготовку оборонных кадров из числа гражданских лиц вновь до 1948 г. самостоятельно продолжил ОСОАВИАХИМ. Значительное внимание уделено также изучению деятельности в 1948-1951 гг. на территории Чувашии трёх самостоятельных оборонно-массовых организаций, сменивших ОСОАВИАХИМ – Добровольного общества содействия флоту (ДОСФЛОТ), Добровольного общества содействия авиации (ДОСАВ), Добровольного общества содействия армии (ДОСАРМ).

С завершением Великой Отечественной войны, началом мирного строительства в 1946–1951 гг. претерпела изменения и оборонно-массовая работа. Достоинно выполнив задачу непрерывной подготовки кадров для Вооружённых Сил Советского Союза и внося значительный вклад в Победу в войне, в 1946–1948 гг. прекратили свою деятельность Главное управление Всевобуча, его отделы в военных округах и при военкоматах. Вслед за этим в 1948 г. была проведена реорганизация ОСОАВИАХИМа, разделённого на три самостоятельные организации – Добровольное общество содействия флоту (ДОСФЛОТ), Добровольное общество содействия авиации (ДОСАВ), Добровольное общество содействия армии (ДОСАРМ).

На ОСОАВИАХИМ, как и в довоенный период, с 1946 г. были возложены: подготовка призывников, развитие военно-прикладных видов спорта, вовлечение населения в ряды оборонно-массовой организации, совершенствование военно-патриотического воспитания. К традиционным задачам прибавилась новая – всемерное участие в решении народнохозяйственных задач, в частности в реализации «Закона о восстановлении и развитии народного хозяйства СССР на 1946-1950 годы».

В послевоенные годы ОСОАВИАХИМ Чувашской АССР, возглавлявший И.А. Смирновым, А.Ф. Лебедевским, испытывал трудности, характерные для всех оборонно-массовых организаций послевоенного периода: нехватка квалифицированных инструкторов, слабое материально-техническое обеспечение, сокращение численности членов общества, снижение удельного веса представителей мужского пола.

В таких непростых условиях Центральный Совет ОСОАВИАХИМа СССР под руководством генерал-лейтенанта П.П. Кобелева помимо постановки текущих задач требовал неуклонного повышения уровня организационной работы и руководства первичными организациями; подъёма общественной и трудовой дисциплины; более активной пропаганды технических знаний; завершения перестройки военного обучения во всех организациях в более сжатые сроки; усиления формирования стрелкового, военно-морского дела, автмотоспорта, авиамоделизма, парашютизма, планеризма, развития движения коротковолновых радиолоубителей, служебного собаководства и т.д. [12. Д. 2. Л. 99].

В Чувашии в указанные годы успешнее осуществлялась подготовка стрелков: только в 1946 г. было подготовлено 3329 стрелков-разрядников [11. Д. 15. Л. 36]. Успехи в данном направлении позволили провести соревно-

вания по стрелковому спорту на районном, республиканском и всесоюзном уровнях с участием стрелков-осоавиахимовцев.

Следует отметить непосредственную связь между оборонно-массовой работой и военно-патриотическим воспитанием граждан: многие военно-спортивные мероприятия были приурочены к значимым общественно-политическим событиям, памятным датам в истории страны и республики. Например, в 1947 г. соревнования по стрелковому делу, военизированные лыжно-спортивные мероприятия были посвящены двадцатилетию ОСОАВИАХИМа СССР и награждению общества орденом Красного Знамени, дню выборов в Верховные Советы РСФСР и Чувашской АССР, Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота, Международному женскому дню 8 Марта, 1 Мая и Дню Победы [12. Д. 2. Л. 3], Дню авиации и Дню Конституции [11. Д. 15. Л. 36].

На этом фоне скромнее выглядели результаты обучения санитарному делу и подготовки к противовоздушной и химической обороне, хотя организациями ОСОАВИАХИМа ЧАССР только в 1946 г. было проведено более 14 тыс. мероприятий [12. Д. 2. Л. 4].

С учётом опыта Великой Отечественной войны уже в 1946–1947 гг. в программы теоретического обучения и практической подготовки были внесены существенные изменения. Во всех первичных организациях общества акцент был сделан на технической подготовке. Центральный Совет ОСОАВИАХИМа Чувашской АССР придавал большое значение обеспечению массовой подготовки радистов-коротковолновиков, радиотелефонистов, специалистов связи. Поэтому в зоне особого внимания была радиоработа. Её основными направлениями стали изучение радиоминимума, телеграфного и телефонного дела, прием на слух и передача на ключе азбуки Морзе, конструирование радиотехники. Также усилилась организационная работа по укреплению рядов; приобретались имущество и оборудование для учебных классов; проводились внутрирайонные и городские очные конкурсы радистов-операторов; республиканские выставки радиолюбителей-конструкторов; шла подготовка к Всесоюзной радиовыставке [12. Д. 2. Л. 150]; созданы Совет Радиоклуба и лекторская группа.

Однако многообразие форм и направлений деятельности не могло скрыть существенных недостатков. Если задание по подготовке оборонных кадров в целом удалось выполнить, развернув соцсоревнование (только в первом полугодии 1947 г. в нём приняли участие 1410 первичных организаций ОСОАВИАХИМа Чувашии) [12. Д. 2. Л. 98], то более сложной оказалась задача подготовки радистов-коротковолновиков, телефонистов, водителей [12. Д. 2. Л. 133]. Успешнее и результативнее в указанном направлении была деятельность школьных ячеек Чувашской организации ОСОАВИАХИМа.

Не всеяли оптимизма и показатели численности членов Чувашской организации ОСОАВИАХИМа первых послевоенных лет. Так, если за период с третьего квартала 1945 г. и до третьего квартала 1947 г. количество первичных организаций выросло с 2625 до 2690, то количество членов общества, наоборот, сократилось с 80 556 [6. Д. 10. Л. 133] до 67 726 человек [12. Д. 2. Л. 131].

Неудовлетворительные показатели по отдельным видам работы были вызваны как объективными (тяжёлые экономические и демографические последствия войны), так и субъективными (недостатки в подборе кадров и низкая квалификация последних, что соответствующим образом сказывалось на уровне организационной работы) факторами [12. Д. 2. Л. 99].

В первые послевоенные годы было проведено большое количество массовых мероприятий, из которых наиболее значимыми стали: торжества, посвящённые Великой Октябрьской революции, Дню Красной Армии и Военно-

Морского Флота, дням Победы над Германией и милитаристской Японией. В честь этих событий были проведены военно-спортивные соревнования, тематические беседы, доклады, лекции [11. Д. 17. Л. 1, 2].

Не менее масштабными и торжественными мероприятиями стали начиная с 23 января 1947 г. празднества и военно-спортивные мероприятия в честь двадцатилетия ОСОАВИАХИМа СССР и его награждения орденом Красного Знамени [11. Д. 15. Л. 46].

С завершением восстановительного периода в системе оборонно-массовой работы произошли кардинальные изменения. Так, на основании постановления Совета Министров СССР от 16 января 1948 г. на базе ОСОАВИАХИМа были созданы три самостоятельные организации: Добровольное общество содействия авиации (ДОСАВ), Добровольное общество содействия армии (ДОСАРМ) и Добровольное общество содействия флоту (ДОСФЛОТ) [12. С. 4]. Для проведения организационной работы по их созданию были утверждены три состава оргбюро, которые возглавили генерал-полковник Н.П. Каманин (ДОСАВ), генерал-полковник В.И. Кузнецов (ДОСАРМ), вице-адмирал А.А. Николаев (ДОСФЛОТ).

Согласно постановлению Совета Министров СССР в 1948 г. в Чувашии были сформированы: Республиканский комитет Добровольного общества содействия флоту Чувашской АССР (председатель – И.М. Иванов), Республиканский комитет Добровольного общества содействия авиации Чувашской АССР (председатель – А.И. Соколов), Республиканский комитет Добровольного общества содействия армии Чувашской АССР (председатель – И.М. Михайлов).

1 октября 1948 г. Постановлением Совета Министров Чувашской АССР было создано оргбюро Добровольного общества содействия военно-морскому флоту (ДОСФЛОТ) по Чувашской АССР под председательством И.М. Иванова. В состав оргбюро вошли: И.А. Маркелов (секретарь Чувашского ОК ВЛКСМ по кадрам), Г.А. Андреев (инструктор В/О Чувашского ОК ВКП(б)), Н.И. Ильин (председатель ОК Союза политпросветработников), А.В. Меренков (начальник 4-го отдела Чувашского областного военкомата) и Н.И. Кувакин (инспектор судоходства Козьмодемьянского участка Верхнее-Волжского пароходства) [15. Д. 1. Л. 4].

2 октября 1948 г. был составлен также список городов и районов, в которых Чувашским ОК ВКП(б) и Советом Министров Чувашской АССР было намечено создание Оргбюро ДОСФЛОТа в городах: Чебоксары и Алатырь; районах: Чебоксарский, Алатырский, Козловский, Мариинско-Посадский, Ядринский, Сундырский, Шумерлинский, Кувакинский, Порецкий и Цивильский [15. Д. 1. Л. 4]. Вскоре были созданы следующие организации ДОСФЛОТа по Чувашской АССР: Республиканский, Алатырский городской и Марпосадский, Ядринский, Козловский районные комитеты; Чебоксарский военно-морской клуб (далее – ВМК) [15 Д. 1. Л. 113].

Также были созданы районные комитеты во внештатных районах: Шумерлинский, Цивильский, Чебоксарский, Порецкий, Сундырский.

Основными задачами ДОСФЛОТа стали: пропаганда военно-морского дела; распространение военно-морских знаний как среди членов общества, так и среди широких слоев населения; военно-морская подготовка членов общества и населения; развитие военно-морского и водного спорта и морского моделизма.

ДОСФЛОТ для успешного содействия Военно-Морскому Флоту должен был разъяснять населению свои цели и задачи, необходимость вовлечения широких масс в ряды общества. Для этого были намечены разнообразные мероприятия: чтение лекций и докладов, проведение бесед, выступлений по радио и в печати на военно-морские темы; привлечение к этой работе актива общества, офицеров частей и учреждений местных гарнизонов, офицеров

запаса, инженерно-технических и научных работников; организация военно-морских клубов, водных и буферных станций, кабинетов, уголков, выставок и витрин, курсов и кружков по изучению военно-морского дела; развертывание военно-морского и водного спорта, морского моделизма, обучение членов общества плаванию, гребле, мотопарусному и буерному спорту; организация массовых водно-спортивных соревнований, походов на катерах, гребных и парусных судах. На плечи ДОСФЛОТа ложились также создание учебных организаций, проведение подготовки и переподготовки руководящих и командно-инструкторских кадров общества.

Масштабная и непростая работа требовала развития инициативы и самодетельности членов общества, их тесного взаимодействия с партийными, профсоюзными и другими общественными организациями.

Решение Правительства СССР исходило из следующей установки: так как основой общества являлись его первичные организации, создававшиеся на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, МТС и учебных заведениях, отсюда следовало, что важнейшей и первоочередной задачей Оргбюро ДОСФЛОТа в городах и районах должно было стать создание первичных организаций общества, способных эффективно решать поставленные задачи. В связи с этим Оргбюро ДОСФЛОТа ЧАССР усилило работу по привлечению населения, в особенности молодежи и военнообязанных запаса военно-морских сил, в ряды ДОСФЛОТа и по созданию первичных организаций общества на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, МТС и учебных заведениях. Работа проводилась в условиях, когда ещё не были определены штаты и не сформирован аппарат. Поэтому изначально широко привлекались общественный актив, офицеры запаса и бывшие члены ОСОАВИАХИМа. При создании первичных организаций и приеме в члены ДОСФЛОТа также первоначально руководствовались временными положениями. Так, членом ДОСФЛОТа мог стать каждый гражданин Советского Союза, достигший 14 лет [15. Д. 1. Л. 7]. Бывшие члены ОСОАВИАХИМа, имевшие на руках старые членские билеты, принимались в ряды новой организации без каких-либо особых условий и обсуждений. Принятые в ряды оборонно-массового общества вносили вступительные взносы в размере 1 руб. Им выдавались временные удостоверения установленного образца, в которых наклеивались марки ОСОАВИАХИМа [15. Д. 1. Л. 7].

В ходе работы по созданию первичных организаций и вовлечению населения в ряды общества Оргбюро республики, городов и районов с помощью партийных, комсомольских, профсоюзных организаций на предприятиях, в организациях, учебных заведениях и колхозах проводили собрания граждан, в которых в общей сложности приняло участие более 4 тыс. человек. На собраниях слушались доклады о военно-морских силах страны, истории русского военно-морского флота, героизме советских моряков в гражданской и в Великой Отечественной войнах, проводились беседы о целях и задачах ДОСФЛОТа.

Во исполнение решений XI съезда ВЛКСМ Чувашским ОК ВЛКСМ перед комсомольскими организациями были поставлены задачи по улучшению военно-физкультурной работы. В свою очередь, Оргбюро ДОСФЛОТа Чувашской АССР 11 марта 1949 г., утвердив план спортивных мероприятий, определил основные задачи первичных организаций: 1) создание спортивных команд; проведение регулярных занятий, тренировок; сдача каждым членом ДОСФЛОТа норм на значок ГТО; 2) улучшение пропаганды физкультуры и спорта; систематическое проведение в организациях докладов на спортивные темы; систематическое освещение в печати и по радио лучших примеров физкультурной работы; 3) оборудование простейших спортплощадок и вод-

ных станций в течение летнего спортивного сезона совместно с комитетами физкультуры и спорта; 4) усиление пропаганды военных знаний среди молодежи совместно с комсомольскими организациями, с привлечением внештатных директоров ГК и РК ВЛКСМ, а также демобилизованных матросов, старшин и офицеров военно-морских сил [15. Д. 2. Л. 200].

Важнейшим направлением работы ДОСФЛОТа являлось изучение военно-морского дела. Но для этого необходимо было создать специальные кружки. Так, в начале 1949 г. в республике был создан 31 кружок, включавший 575 членов общества [15. Д. 2. Л. 169]. Занятиями были охвачены организации и учреждения: Чебоксарская пристань, фармшкола, торгово-кооперативная школа, художественное училище, музыкальное училище, Горпромкомбинат г. Чебоксары, сельскохозяйственный техникум, промартели «Парижская Коммуна», Сурское агентство и сельхозтехникум в г. Алатырь, колхозы: имени Кирова, «Сёне Ял» Марпосадского района, Перво-Чебаково Ядринского района и др. [15. Д. 2. Л. 169].

Нужно признать, что изучение военно-морского дела и подготовка специалистов проходили не на должном уровне, поскольку многие кружки работали нерегулярно, а в некоторых случаях вообще бездействовали. Такое положение объяснялось прежде всего тем, что в Чувашии организационная работа по созданию ДОСФЛОТа, в отличие от других регионов, развернулась с большим опозданием. К тому же работа проходила при полном отсутствии штатных работников, а мероприятия проводились малочисленным составом из числа запасников ВМФ на крайне слабой материальной базе и при отсутствии соответствующей литературы. Безусловно, военно-морская подготовка для Чувашии стала совершенно новым направлением деятельности. Поэтому в объяснительной записке к отчету о массовой военно-морской, спортивной и агитационной работе Республиканского комитета ДОСФЛОТа за четвертый квартал 1950 г. отмечалось, что разным военно-морским специальностям был обучен всего 1001 член Общества [15. Д. 1. Л. 64]. В отчете также отмечалось, что по вине районных оборонных комитетов в Цивильском, Сундырском, Порецком и Чебоксарском районах кружки быстро распались.

На территории Чувашии в рамках военно-морской подготовки всё же действовали некоторые кружки: по рулевому, сигнальному, водолазному делу, морскому моделизму, основам военно-морского дела, изучению моторов, изучению р. Суры.

Несмотря на трудности, ДОСФЛОТ на территории Чувашии успешно проводил свои специализированные соревнования. Так, в 1950 г. по военно-морскому и водному спорту было проведено девять районных и городских соревнований, а также одно республиканское соревнование [15. Д. 2. Л. 169]. 1951-й год стал более весомым: были проведены Третьи республиканские соревнования на первенство районных, городских Комитетов ДОСФЛОТа ЧАССР, третьи республиканские соревнования шлюпочных команд на первенство ДОСФЛОТа по комплексу военно-морского спорта, Вторые всесоюзные соревнования по парусному спорту и Первые всесоюзные соревнования по буерному спорту. Данные мероприятия способствовали популяризации буерного и парусного спорта в Чувашии, выявлению сильнейших спортсменов по данным видам спорта и лучших конструкций буеров, стимулировали их строительство в организациях ДОСФЛОТа.

Военно-морскую работу при ДОСФЛОТе проводили военно-морские клубы, главной целью которых являлись пропаганда и распространение военно-морских знаний среди членов общества и населения. Для этого при ВМК была создана

секция пропаганды военно-морских знаний, в которую входили наиболее подготовленные штатные работники и члены клуба, способные к личному участию в военно-морской пропаганде. Секция планировала, организовывала и проводила работу по пропаганде военно-морских знаний и среди членов клуба, а на мероприятиях, в учреждениях, учебных заведениях эта работа проводилась по заданию комитетов. Наиболее распространенными формами пропаганды были лекции, доклады, беседы, работа своей библиотеки, встречи членов клуба с моряками, прославленными представителями флота, а также массовые гуляния, посвященные всенародным праздникам и историческим датам.

В 1951 г. для более широкого распространения знаний по основам военно-морского дела, дальнейшему развертыванию морского моделизма в ВМК, первичных организациях ДОСФЛОТа, школах, домах пионеров, станциях юных техников усилиями клубов были проведены Вторые республиканские соревнования самоходных, парусных и настольных моделей [15. Д. 2. Л. 264]. Эти мероприятия позволили выявить уровень развития массового морского моделизма и лучшие образцы самоходных, парусных и настольных моделей в республике.

Принципиально важным направлением деятельности ВМК являлась подготовка общественных инструкторов, из которых наиболее подготовленные привлекались для руководства кружками в первичных организациях. Лучшими организациями по подготовке членов общества в кружках стали Алатырская городская и Ядринская районная организации.

Большую помощь в развитии морского моделизма оказывали секции морского моделизма. Так, лучшим руководителем кружка стал председатель секции морского моделизма Ядринской районной организации Шадрин, который принял активное участие в подготовке и изготовлении 6 моделей кораблей разного класса. Отличился и председатель секции при Чебоксарском ВМК Андрианов, изготовивший 14 моделей кораблей разного класса [15. Д. 2. Л. 264].

Таким образом, несмотря на трудности, ДОСФЛОТ Чувашской АССР внёс посильный вклад в пропаганду и обучение военно-морскому делу.

Целью следующего оборонно-массового объединения – Всесоюзного добровольного общества содействия авиации (ДОСАВ) – стали пропаганда авиации и распространение авиационных знаний среди членов общества и населения страны; подготовка специальной авиации, развитие всех видов авиационного и воздухоплавательного спорта для установления всесоюзных и международных рекордов [14. Д. 10. Л. 41]. В связи с этим при ДОСАВе были созданы комитеты. Их основными задачами стали: формирование у членов общества чувства любви к Родине; укрепление и создание первичных организаций; усиление авиационно-технической пропаганды; создание и улучшение работы кружков, аэроклубов и других учебных организаций. Насущной оставалась задача изучения и обобщения опыта организаций ДОСАВ по распространению авиационно-технических знаний среди населения и членов общества, осуществления руководства аэроклубами, самолётными, планерными, парашютными станциями и другими учебными организациями [14. Д. 10. Л. 41].

В структуре ДОСАВ высшим исполнительным органом являлся Центральный комитет. На него возлагались обязанности: разработка и издание директивных указаний о задачах и содержании работы организаций; руководство и контроль за деятельностью республиканских Советов общества, работой комитетов, первичных и учебных организаций; изучение и обобщение опыта организационно-массовой и пропагандистской работы по распространению авиационно-технических знаний и внедрение их в практику работы комитетов, первичных и учебных организаций ДОСАВ и др. Республиканский комитет работал под руко-

водством республиканского Совета Общества, который находился в подчинении Центрального комитета Совета Общества. В свою очередь, ЦК Совета Общества являлся руководящим органом по вопросам организации работы ДОСАВ в автономных республиках, краях, областях, районах, городах и округах, входивших в состав республики. На него (ЦК Совета ДОСАВ) возлагались функции: руководство республиканскими комитетами автономных республик, краев, областей, районов, городов и округов, аэроклубами и другими учебными организациями; направление их деятельности на укрепление первичных и учебных организаций, усиление распространения авиатехнических знаний среди членов общества и населения, вовлечение граждан в члены общества; контроль за деятельностью подчиненных ему комитетов и организаций ДОСАВ по выполнению ими директив вышестоящих органов и Устава Всесоюзного общества содействия авиации; контроль и оказание помощи комитетам ДОСАВ в подготовке на курсах контингента младших авиационных специалистов согласно программам, заданиям и др.

Руководящим органом по вопросам организации ДОСАВ в городах, районах, округах и автономных областях, входивших в состав края, области, автономной республики, являлся краевой, областной и автономной республики комитет общества [14. Д. 9. Л. 3]. На него возлагались следующие функции: руководство работой городских, районных и окружных комитетов ДОСАВ, аэроклубов и других учебных организаций и направление их деятельности на укрепление организаций общества, усиление распространения авиатехнических знаний среди членов общества и населения, вовлечение трудящихся в члены общества; контроль за деятельностью подчиненных ему комитетов и организаций общества по выполнению решений и директив вышестоящих органов, устава ДОСАВ и оказание им практической помощи в работе; организация курсов при краевых, областных и республиканских комитетах по подготовке авиационных специалистов, мотористов, мастеров по вооружению, электроспецоборудованию и приборов; осуществление руководства и контроля за качеством комплектования и подготовки переменного состава аэроклубов и самолетно-планерных станций и др. [14. Д. 9. Л. 3].

В свою очередь, налаживанием и проведением работы первичных организаций (комитетов) ДОСАВ, входивших в состав района, города, округа, руководил городской районный окружной комитет общества [14. Д. 9. Л. 10]. Его функциями являлись: непосредственное руководство работой первичных организаций (комитетов) общества с целью организационного укрепления, распространения авиационно-технических знаний среди членов общества и населения, вовлечения трудящихся в члены общества; контроль за деятельностью первичных организаций (комитетов) по выполнению решений и директив вышестоящих органов и Устава общества; изучение, обобщение опыта работы первичных организаций (комитетов) и внедрение в практику деятельности всех организаций ДОСАВ района, города; подбор и подготовка кадров инструкторов и руководителей занятий на курсах и в кружках при комитетах общества, осуществление контроля за качеством и регулярностью занятий [14. Д. 9. Л. 10].

Согласно уставным положениям, комитет первичной организации общества работал под руководством городского, районного, окружного комитета ДОСАВ, на которого возлагались обязанности: создание актива общества, который должен был служить опорой в работе; регулярный инструктаж председателей, групповых, цеховых и равнозначных им организаций ДОСАВ, практическая помощь в их работе; формирование кружков, материальное

обеспечение их занятий, подбор и подготовка для них руководителей; проведение инструктивно-методических занятий с руководителями кружков организаций общества; осуществление контроля за качеством и регулярностью занятий в кружках; проведение лекций, докладов, бесед на авиационные темы среди членов общества и населения; вовлечение трудящихся в члены общества, изучение и обобщение опыта работы членов общества, цеховых и равнозначных им организаций ДОСАВ с целью внедрения всего положительного в практику работы организаций [14. Д. 9. Л. 14].

В Чувашской АССР действовало более 20 районных городских комитетов во главе с председателями на местах: Вурнарский, Ишлейский, Козловский, Комсомольский, Красноармейский, Кувакинский, Марпосадский, Октябрьский, Ядринский, Шихазанский и др. [14. Д. 9. Л. 6]. Председателем Республиканского комитета ДОСАВ Чувашской АССР являлся А.И. Соколов.

Наиболее трудной задачей для руководства ДОСАВ республики стало создание первичных организаций на местах, где председателям пришлось решать такую проблему, как нежелание населения добровольно вступать в ряды организации. Особенно сложно было создавать подобные организации в колхозах. Так, в Алатырском, Аликовском, Цивильском, Ишлейском, Яльчиковском, Янтиковском районах вначале первичных организаций в колхозах не было вовсе. Поэтому в этих районах были развернуты активная пропаганда и агитация: проводились лекции, доклады, беседы на авиационные темы, организовывались всевозможные встречи, выставки, конкурсы. В итоге лучшими районами по количеству членов организаций, количеству секций, кружков и клубов стали: Марпосадский, Советский, Урмарский, Шумерлинский, Чкаловский.

Немалых усилий с точки зрения организации, кадрового и материально-технического обеспечения требовали созданные в первичных организациях аэроклубы, которые выдвигали задачу штурманской службы. Так, в 1950 г. Республиканским комитетом ДОСАВ Чувашской АССР перед первичными организациями были поставлены следующие задачи: «1) повышение теоретических знаний постоянного летного состава по воздушной навигации, особенно по теории радионавигации; 2) дальнейшее совершенствование постоянного летного состава методом визуальной ориентировки и компасной навигации, путем выполнения летных упражнений по самолетовождению на учебных самолетах по курсу летной подготовки постоянного состава; 3) выполнение теоретической и летной программы по самолетовождению с переменным составом» [14. Д. 11. Л. 8].

Дальнейшее развитие получила и метеорологическая служба. Ее основной задачей являлось содействие повышению теоретических знаний постоянного летного состава по метеорологии. Метеорологическое обслуживание учебных организаций Добровольного общества ДОСАВ СССР обеспечивалось Главным управлением гидрометеорологической службы при Совете Министров Советского Союза. Для непосредственного метеорологического обеспечения учебных организаций ДОСАВ ГУ ГМС (Главное управление государственной метеорологической станции) содержало на аэродромах, принадлежавших этим организациям, специальные авиаметеорологические станции (АГМС) 1-, 2-, 3-, 4-го разрядов.

В целях внедрения авиационно-технических знаний и распространения первоначальных летных навыков как среди членов ДОСАВ, так и среди широких слоев населения Советского Союза ЦК ДОСАВ ставил перед местными комитетами задачу усиления агитационной работы. Поэтому Республиканским комитетом ДОСАВ ЧАССР было рекомендовано районным и городским комитетам ДОСАВ и Чебоксарскому республиканскому аэроклубу создание из актива ДОСАВ и летно-технического состава агитбригады для проведения работы по разъяснению членам общества и населению целей и задач ДОСАВа.

В Чувашии шёл постепенный процесс создания новых первичных организаций ДОСАВ, открывались авиационные кружки, оборудовались специализированные уголки и т.д. В результате к 1950 г. было создано 415 первичных организаций, в рядах которых насчитывалось 7480 человек [14. Д. 4. Л. 15]. Для более широкой пропаганды и увеличения количества квалифицированных кадров, спортсменов, инструкторов и мастеров спорта при Республиканском комитете ДОСАВ Чувашской АССР были созданы секции: парашютная, авиамодельная, планерная. Их основная задача сводилась к всемерной помощи в развитии массового авиационного спорта в Чувашии, а также содействие в подготовке квалифицированных кадров для армии. Все три секции являлись общественными и консультативными органами при Республиканском комитете.

ЦК ДОСАВ всемерно поощрял деятельность местных комитетов по организации таких военно-спортивных видов, как стрелковый спорт. Республиканский комитет ДОСАВ Чувашской АССР проводил активную работу по привитию населению навыков владения стрелковым оружием и меткой стрельбы. [14. Д. 11. Л. 8].

Третья оборонно-массовая организация – ДОСАРМ – по своей структуре была схожа с двумя другими обществами, и в ней действовали одни и те же принципы и решались аналогичные задачи. На территории Чувашской АССР действовали: Алатырский, Вурнарский, Калининский, Чебоксарский, Козловский, Красночетайский, Урмарский, Моргаушский, Канашский, Чкаловский, Чебоксарский, Ибресинский райоргбюро ДОСАРМа [13. Д. 9. Л. 25].

Основными целями деятельности организаций ДОСАРМа были: 1) пропаганда военных и военно-технических знаний среди членов общества и населения; 2) повышение квалификации членов общества; 3) содействие допризывной подготовке членов общества; 4) подготовка населения к противоздушной и противохимической защите; 5) развитие военного спорта [13. Д. 9. Л. 51].

В основу организационной и массовой работы было положено усиление повседневного руководства и практической помощи первичным организациям. Обязанностью каждого комитета являлась организация разветвленной сети военно-спортивных кружков и команд, в которых широкая масса членов общества могла бы освоить стрелковое дело, Уставы Вооруженных Сил СССР, топографию, связь, правила противоздушной обороны, автомобильное и мотодело, радиодело и т.п.

Одной из главных задач комитетов и учебных организаций ДОСАРМа было выполнение контрольных заданий по подготовке специалистов. С этой целью осуществлялось всестороннее изучение опыта Великой Отечественной войны самими преподавателями, инструкторами комитетов и учебных организаций, руководителями кружков в системе командирской учебы; регулярно проводились семинарские занятия и учебно-методические сборы.

Также для массового развития всех видов военного спорта и повышения технического мастерства спортсменов была усилена учебно-спортивная работа в командах, клубах и первичных организациях ДОСАРМа. Систематически проводились различные военно-спортивные соревнования с небольшим охватом членов общества, особенно молодежи, с тем, чтобы каждый спортсмен смог сдать разрядные нормы ГТО.

Для проверки качества подготовки снайперов и стрелково-спортивной работы в организациях ДОСАРМа, выявления и отбора сильнейших стрелков для зачисления в сборные районные и городские команды, соответственно, для участия в различных соревнованиях, с 1949 г. организации ДОСАРМа стали проводить городские стрелковые и снайперские соревнования.

Одним из эффективных средств воспитательной работы среди членов общества и населения была лекционная пропаганда. Поэтому значительно

активизировали свою деятельность лекторские группы, секции при республиканском, районных и городских комитетах ДОСАРМа, налажена постоянная связь с лекторским бюро ОК ВКП(б) и Обществом по распространению политических и научных знаний.

Об усилении организационной работы, улучшении материально-технического обеспечения свидетельствуют созданные при ДОСАРМе учебные организации: автомотоклуб, стрелково-спортивный клуб, радиоклуб и школа ПВО [13. Д. 9. Л. 52].

Для популяризации оборонно-массовой работы, военно-технических знаний начиная с 1949 г. Советом автомотоклуба были проведены разнообразные мероприятия: соревнования среди шоферов по экономии горючего; мотосоревнования на дистанцию в 1 км с места и с хода; кросс на 50 километров по пересеченной местности; агитационный пробег по маршруту Чебоксары – Ишлеи – Покровское – Кугеси – Чебоксары. Одновременно во время пробега было проведено 4 лекции и 20 бесед с населением.

Также для популяризации и совершенствования уровня подготовки членов общества, владевших приемом на слух азбуки Морзе, для выявления лучших радистов-операторов Чувашии и формирования постоянных спортивных команд были проведены соревнования радистов-операторов ДОСАРМа Чувашской АССР.

Оживилась и работа спортивных автомотосекций при Совете автомотоклубов, при районных комитетах и крупных первичных организациях ДОСАРМа. Массово-разъяснительная работа, проведенная среди членов Общества и населения, способствовала росту интереса к кружкам ДОСАРМа. Например, большой интерес вызвали изучение стрелкового оружия, радио, автомобиля, мотоцикла, трактора; проведение различных военно-спортивных мероприятий. В итоге только в 1949 г. нормы программы «Готов к ПВХО» успешно выполнили свыше 14 тыс. человек; в различных учениях, походах, тренировках, соревнованиях приняло участие свыше 32 тыс. человек, в стрелковых соревнованиях – около 11 тыс. человек [13. Д. 3. Л. 16].

В рамках мер по пропаганде массового военизированного мотоциклетного спорта в Чувашии были проведены республиканские соревнования мотоциклистов на личное и командное первенство Добровольного общества содействия армии Чувашской АССР. Также совместно с Комитетом физической культуры и спорта при Совете Министров Чувашской АССР были проведены очные Республиканские стрелковые соревнования.

В течение двух лет школе ПВО удалось улучшить военно-массовую работу в первичных организациях ДОСАРМа. Силами работников школы было организовано чтение докладов и проведены беседы и семинары по противовоздушной обороне, оказана практическая помощь в проведении соревнований по ПВХО.

Особое значение придавалось работе по распространению военно-массовых знаний среди молодежи и призывников. Такая работа осуществлялась путем вызова их на однодневные или двухдневные сборы, где в организованном порядке создавались учебные подразделения, с которыми проводились военизированные походы с преодолением полосы препятствий, пересеченных местностей, форсированием малых и больших рек с помощью подручных материалов. Популяризация знаний по противовоздушной и противохимической обороне осуществлялась в кружках первичных организаций и районными комитетами ДОСАРМа.

В целях оживления и улучшения оборонно-массовой работы при первичных организациях ДОСАРМа республики были созданы различные секции:

организационной работы; пропаганды военных и военно-технических знаний; военного обучения; стрелково-спортивная; автомобильно-мотоциклетная; по работе с радиолюбителями; противовоздушной обороны. В Чувашской АССР наибольшую популярность получили кружки по изучению материальной части оружия, уставов Вооруженных Сил, топографии, радиодола и ПВХО.

Что касается количества первичных организаций и членов ДОСАРМа ЧАССР, то их было больше, чем количество первичных организаций и членов ДОСАВ и ДОСФЛОТ. Например, к концу 1948 г. в 1989 первичных организациях ДОСАРМа [13. Д. 9. Л. 25] состоял 40441 человек [13. Д. 9. Л. 53].

Таким образом, послевоенный ОСОАВИАХИМ и его преемники ДОСФЛОТ, ДОСАВ и ДОСАРМ накопили значительный опыт в организации учебной, методической, военно-технической, спортивной и других видов оборонно-массовой работы. Выросли новые кадры общественного актива, руководителей кружков, тренеров команд – специалистов спортивного дела. Расширилась и материально-техническая база: создавались различные клубы, тир и стрельбища, планерные и водные станции, лаборатории авиационного и морского моделизма, учебные классы. Вместе с тем параллельное существование трёх самостоятельных обществ создавало определённые трудности в оборонно-массовой работе, а дублирование деятельности не позволяло полноценно использовать накопленный мощный потенциал, заложенный в самой основе всенародной оборонно-патриотической организации. К тому же ещё были невысокими количественно-качественные показатели по некоторым видам работы в сельской местности, учебных организациях. Вызывал определённую тревогу и тот факт, что 20% бывших членов ОСОАВИАХИМа после его реорганизации в 1948 г. не пожелали вступать в ряды ДОСАРМа, ДОСФЛОТа и ДОСАВа.

В результате в целях совершенствования и приведения в соответствие с требованиями времени, обеспечения единой политики в области оборонно-массовой работы 20 августа 1951 г. Советом Министров СССР было принято постановление об объединении ДОСАРМа, ДОСАВа, ДОСФЛОТа в единую организацию – Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ СССР).

Литература

1. Андреев О.В. Возрождение Всеобуч и перестройка деятельности Осоавиахим в условиях Великой Отечественной войны // Чувашия накануне и в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. Респ. науч.-практ. конф., посвящённой 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. С. 95–105.
2. Андреев О.В., Савельева А.А. Оборонно-массовая и военно-патриотическая работа в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сб. ст. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 282–299.
3. Андреев О.В. ОСОАВИАХИМ Чувашской АССР в первые послевоенные годы (1946–1947 гг.) // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции): сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 20 декабря 2016 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 95–102.
4. Васютин Ю.С. Военно-патриотическое воспитание. М.: Мысль, 1984. 172 с.
5. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. 2754/1022. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
6. ГАСИ ЧР. Ф. 2754/1022. Оп. 16. Д. 10. Л. 133.
7. ГАСИ ЧР. Ф. 2757/1022. Оп. 1.
8. ГАСИ ЧР. Ф. 2757/1022. Оп. 2.
9. ГАСИ ЧР. Ф. 2757/1022. Оп. 3.
10. ГАСИ ЧР. Ф. 2757/1022. Оп. 16.
11. ГАСИ ЧР. Ф. 2757/1022. Оп. 17.
12. ГАСИ ЧР. Ф. 2757/1022. Оп. 21.

13. ГАСИ ЧР. Ф. 2758/1896. Оп. 1.
14. ГАСИ ЧР. Ф. 2759/1895. Оп. 1.
15. ГАСИ ЧР. Ф. 2760/1897. Оп. 1.
16. Золотов В.Т. Ореол романтики и мужества: 80-летию ОСОАВИАХИМ–ДОСААФ–РОСТО. Чебоксары: Новое время, 2007. 147 с.
17. Камышанов Ю.Ф. На службе Отечеству: 80-летию ОСОАВИАХИМ–ДОСААФ–РОСТО. М.: Витязь–Братишка, 2008. 359 с.
18. Краснознаменное оборонное: Книга о ДОСААФ, о возникновении и развитии общества, его военно-патриотической деятельности, его вкладе в укрепление оборонного могущества страны. М.: Изд-во ДОСААФ, 1971. С. 111.
19. Панюков Н. VI съезд РОСТО (ДОСААФ) подвел итоги 80-летней деятельности оборонной организации страны // Военные знания. 2007. № 2. С. 2–7.

АНДРЕЕВ ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (olevasandr@mail.ru).

O. ANDREEV

DEFENSE-MASS WORK IN CHUVASHIA IN 1946–1951

Key words: defense-mass work, Central Council, committee, primary organization, section, group, naval science, airtechnical training, aero club, military-applied kinds, military sports events, air defense, agitation and propaganda, defense staff.

The article analyses defense-mass work in Chuvashia in the first post-war years, during the period, when Vsevobuch ceased its activity, and training of defense staff from among civilians again up to 1948 was independently continued by OSOAVIAKhIM (Society for the Promotion of Aviation and Chemical Defense). A considerable attention is paid to studying the activity of three independent defense-mass organizations in 1948–1951 on territory of Chuvashia, which took over OSOAVIAKhIM – Voluntarily society of assistance to fleet (DOSFLOT), Voluntarily society of assistance to aviation (DOSAV), Voluntarily society of assistance to army (DOSARM).

References

1. Andreev O.V. *Vozrozhdenie Vsevobuch i perestroika deyatel'nosti Osoaviakhim v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny* [Revival of the Vsevobuch and alteration of activity of the OSOAVIAKhIM in the conditions of Great Patriotic war]. *Chuvashiya nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: sb. st. Resp. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 65-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [Proc. of Chuvash Republic Sci. Conf. «Chuvashia the day before and in the years of Great Patriotic war»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2011, pp. 95–105.
2. Andreev O.V., Savel'eva A.A. *Oboronno-massovaya i voenno-patrioticheskaya rabota v Chuvashskom gosudarstvennom universitete imeni I.N. Ul'yanova* [Defensive-mass and military-patriotic work is in the Chuvash state university of the I.N. Ulianov]. *Universitetskoe obrazovanie v politnichnykh regionakh Povolzh'ya (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova): sb. st.* [The Russian intelligentsia in conditions of civilizational challenges: a collection of articles]. Cheboksary, Interaktiv plus Publ., 2015, pp. 282–299.
3. Andreev O.V. *OSOAVIAKhIM Chuvashskoi ASSR v pervye poslevoennye gody (1946–1947 gg.)* [OSOAVIAKhIM of the Chuvash ASSR in the first post-war years (1946–1947)]. *Aktual'nye voprosy arkheologii, etnografii, istorii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V.F. Kakhovskogo i 60-letiyu Chuvashskoi arkheologicheskoi ekspeditsii): sb. st. Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Rus. Sci. Conf. «Actual questions of archeology, ethnography, history (to the 100-year from the day of birth of V.F. Kakhovsky and to the 60-year of the Chuvash archaeological expedition)»]. Cheboksary, Interaktiv plus Publ., 2017, pp. 95–102.
4. Vasyutin Yu.S. *Voenno-patrioticheskoe vospitanie* [Military-patriotic education]. Moscow, Mysl' Publ., 1984, 172 p.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2754/1022. Op. 1* [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 2754/1022. Anagraph 1].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2754/1022. Op. 16* [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 2754/1022. Anagraph 16].
7. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2757/1022. Op. 1* [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 2757/1022. Anagraph 1].

8. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2757/1022. Op. 2 [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 2757/1022. Anagraph 2].
9. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2757/1022. Op. 3 [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 2757/1022. Anagraph 3].
10. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2757/1022. Op. 16 [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 2757/1022. Anagraph 16].
11. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2757/1022. Op. 17 [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 2757/1022. Anagraph 17].
12. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2757/1022. Op. 21 [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 2757/1022. Anagraph 21].
13. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2758/1896. Op. 1 [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 2758/1896. Anagraph 1].
14. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2759/1895. Op. 1 [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 2759/1895. Anagraph 1].
15. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2760/1897. Op. 1 [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 2760/1897. Anagraph 1].
16. Zolotov V.T. *Oreol romantiki i muzhestva: 80-letiyu OSOAVIAKHIM – DOSAAF – ROSTO* [A halo of romance and courage: to the 80 year of OSOAVIAKHIM-DOSAAF-ROSTO]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2007, 147 p.
17. Kamyshanov Yu.F. *Na sluzhbe Otechestvu: 80-letiyu OSOAVIAKHIM-DOSAAF-ROSTO* [On service to Homeland: to the 80 year of OSOAVIAKHIM-DOSAAF-ROSTO]. Moscow, Vityaz'-Bratishka Publ., 2008, 359 p.
18. *Krasnoznamennoe oboronnoe: Kniga o DOSAAF, o vzniknovenii i razvitiu obshchestva, ego voenno-patrioticheskoi deyatel'nosti, ego vklade v ukreplenie oboronnogo mogushchestva strany* [The Red Banner-defense: The Book of DOSAAF, about an origin and development of society, his military-patriotic activity, his contribution to strengthening of defensive power of country]. Moscow, DOSAAF Publ., 1971, p. 111.
19. Panyukov N. *VI s"ezd ROSTO (DOSAAF) podvel itogi 80-letnei deyatel'nosti oboronnoi organizatsii strany* [VI convention of ROSTO (DOSAAF) summed up the 80-year activity of the defense organization of the country]. *Voennye znaniya* [Soldiers knowledge]. 2007, no. 2, pp. 2-7.

ANDREEV OLEG – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (olevasandr@mail.ru).

Ссылка на статью: Андреев О.В. Оборонно-массовая работа в Чувашии в 1946–1951 годах // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 12–24.

УДК 351.86: 061(470.344) «1951/1953»
ББК Ц493 (2Рос.Чув.) 632

О.В. АНДРЕЕВ

ФОРМИРОВАНИЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЕДИНОГО ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА – ДОСААФ В 1951–1953 ГОДАХ

Ключевые слова: ДОСААФ, военно-патриотическое общество, комитет, первичная организация, общественный инструктор, военно-прикладные виды, спортивные мероприятия, устав, символика, агитация и пропаганда, патриотическое воспитание, оборонные кадры.

В статье рассматривается процесс объединения трёх самостоятельных общественных оборонных организаций – ДОСАРМа, ДОСАВа и ДОСФЛОТа в единую военно-патриотическую организацию ДОСААФ. На примере Республиканского Оргкомитета ДОСААФ ЧАССР раскрываются цели и задачи объединённого общества, параллельно с объединительными мероприятиями на общесоюзном уровне анализируется содержание проведённой и выполненной в срок организационной работы в городах и районах республики. Также раскрываются направления, успехи и недостатки, первые результаты деятельности организаций Республиканского комитета ДОСААФ ЧАССР.

Совет Министров СССР, всесторонне изучив состояние оборонно-массовой работы, 20 августа 1951 г. принял Постановление № 3060 «Об объединении ДОСАРМ, ДОСАВ и ДОСФЛОТ во Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ СССР)» [З. Д. 1. Л. 1]. В основе столь кардинального решения лежали факторы: дублирование работы ДОСАРМа, ДОСАВа и ДОСФЛОТа, бюрократизация и чрезмерное разрастание руководящего аппарата, распыление сил и средств, и, соответственно, необходимость сокращения расходов на содержание органов военно-массовой работы и военно-патриотического воспитания.

Таким образом, целью объединения обществ в единую организацию – ДОСААФ – стало устранение параллелизма в работе, улучшение руководства деятельностью организации, усиление помощи со стороны партийно-государственных, советских, комсомольских, профсоюзных и военных органов, укрепление первичных ячеек и их материальной базы, повышение качества учебной, военно-массовой, спортивной работы среди членов общества, а через них – среди широких слоёв населения.

На организации ДОСААФ (далее – Общество) были возложены задачи: пропаганда и распространение военных, военно-технических, авиационных и военно-морских знаний среди членов Общества и населения; их подготовка по всем видам противовоздушной и противохимической обороны; военная подготовка военнообязанных запаса, не служивших в Советской Армии и Военно-Морском Флоте; подготовка допризывной молодежи по военным, военно-техническим, авиационным и военно-морским специальностям; совершенствование знаний и навыков у рядового, сержантского и старшинского состава запаса армии, военно-воздушных и военно-морских сил; широкое привлечение на общественных началах офицеров запаса в качестве организаторов-инструкторов; развитие лыжного, стрелкового, самолетного, парашютного, планерного, радиолюбительского, автомобильного, мотоциклетного, конного, военно-морского и водного спорта, а также авиационного и морского моделизма, развитие служебного собаководства [З. Д. 1. Л. 1].

Эти ответственные задачи определили главное направление в деятельности Общества, которое было основано на принципах: совершенствование и

широкое использование опыта вовлечения граждан в дело укрепления обороноспособности и могущества Вооруженных Сил СССР, изучение «азбуки» военного дела, укрепление единства армии и народа.

Для проведения организационной работы по объединению и руководству всей деятельностью ДОСААФ до выборов его руководящих органов Советом Министров СССР был создан Организационный комитет Общества в составе: председатель – генерал-полковник В.И. Кузнецов, заместители председателя – генерал-полковник Н.П. Каманин, И.Ф. Голубев-Монаткин; члены: А.К. Кесаев, Б.Ф. Трамм, И.М. Молчков, А.И. Асауленко, А.А. Матушкин, Б.А. Смирнов, М.П. Казьмин, Н.Ф. Исаев, А.Ф. Кустов, А.Г. Шелахов, Д.С. Могильный, И.М. Соколов, В.Г. Силуянов, В.Е. Семичастный [3. Д. 1. Л. 2].

Организационный комитет ДОСААФ СССР, руководствуясь Постановлением Совета Министров СССР от 20 августа 1951 г. о необходимости на базе ДОСАРМа в двухмесячный срок полностью завершить объединительный процесс, провел значительную работу по созданию единого Общества. Основой ДОСААФ, согласно постановлению Совета Министров СССР, стали действовавшие первичные организации ДОСАРМа, ДОСАВа и ДОСФЛОТа и вновь создававшиеся на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, МТС и учебных заведениях. В результате было зарегистрировано более 240 тыс. первичных организаций, насчитывавших в своих рядах 11 млн 442 тыс. членов ДОСААФ [6. С. 150]. Председателем ЦК ДОСААФ СССР стал генерал-полковник Василий Иванович Кузнецов, возглавлявший до этого ДОСАРМ.

В свою очередь, для проведения организационной работы по объединению организаций ДОСАРМа, ДОСАВа, и ДОСФЛОТа на местах и по руководству их текущей деятельностью Совет Министров республик, краевые, областные, окружные, городские и районные исполкомы в двухнедельный срок должны были создать оргкомитеты ДОСААФ на соответствующих уровнях. Была определена и главная задача оргкомитетов: при помощи партийных органов в двухмесячный срок провести объединение; сделать объединенные и вновь созданные первичные организации сплоченными, крепкими своей общественной дисциплиной, популярными в народе своими полезными практическими делами.

Согласно постановлению правительства страны, в Чувашии решением бюро Чувашского обкома ВКП(б) от 5 сентября 1951 г. и Постановлением Совета Министров Чувашской АССР от 7 сентября 1951 г. был создан Республиканский оргкомитет ДОСААФ в составе: председатель – полковник П.Т. Трофимов, его заместители – полковник И.Л. Грицкевич, подполковник И.В. Литвинюк; члены комитета: второй секретарь обкома ВЛКСМ Г.А. Матрасов, начальник политотдела облвоенкомата подполковник И.М. Васькин, председатель Комитета физической культуры и спорта при Совете Министров ЧАССР К.Н. Никишев, инструктор обкома ВКП(б) В.Д. Димитриев, секретарь Облпрофсовета А.С. Ягодкина, председатель Чебоксарского городского оргкомитета ДОСААФ М.А. Корсаков [3. Д. 1. Л. 13].

В соответствии с Постановлением Оргкомитета ДОСААФ СССР от 25 августа 1951 г. также был определен порядок объединения первичных организаций. Так, объединение ДОСАРМа, ДОСАВа и ДОСФЛОТа в ДОСААФ должно было производиться на базе ДОСАРМа, т.е. материальные ценности, расчёты и все прочие активы и пассивы, а также дела текущего года и архивы передавались организациями ДОСАВа и ДОСФЛОТа организациям ДОСАРМа, а последние передавали оргкомитетам ДОСААФ все вышеуказанное с включением всех своих активов и пассивов, дел и архивов. Всю эту работу необходимо было завершить к 20 октября 1951 г.

Порядок объединения по вопросам финансово-хозяйственным, передачи и приема всех видов имущества был также изложен в инструкциях оргкомитета ДОСААФ СССР от 25 августа 1951 г. [З. Д. 1. Л. 2], которые предусматривали: немедленное начало работы по выполнению Постановления Совета Министров СССР об объединении ДОСАРМа, ДОСАВа и ДОСФЛОТа; необходимость соблюдения в ходе объединительной работы ряда положений. Требования сводились к следующим позициям:

1. В области организационной работы: разработка и утверждение на местах плана объединения, предусмотреть в нём сроки, подбор и расстановку кадров, меры содействия в создании новых первичных организаций, информации и отчетности; установление систематического контроля за работой по объединению организаций; усиление агитационно-пропагандистской, широкой разъяснительной работы о целях и задачах нового общества, по дальнейшему вовлечению граждан в ряды ДОСААФ, руководствоваться решением Правительства об увеличении числа членов общества в ближайшие 2-3 года не менее чем в 2 раза; организационное укрепление первичных организаций путем тщательного подбора руководящих кадров, неукоснительного выполнения всеми членами общества уставных требований; обеспечение бесперебойности военно-массовой работы, высокого качества учебного процесса, сохранности и эффективного использования материальной базы.

2. В области подбора и расстановки кадров: комплектование организаций ДОСААФ лучшими работниками ДОСАРМа, ДОСАВа и ДОСФЛОТа для подготовки высококвалифицированных специалистов армии, авиации и флота; преимущественное сохранение действующих штатов комитетов и учебных организаций ДОСАРМа, ДОСАВа и ДОСФЛОТа до введения новых.

3. В финансово-хозяйственной части: сохранение объёмов финансирования и обязательств по этой части вплоть до принятия решения о прекращении деятельности ДОСАРМа, ДОСАВа и ДОСФЛОТа; полная ликвидация задолженностей по членским взносам.

Оргкомитет Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту также требовал от республиканских, областных, окружных, городских, районных оргкомитетов ДОСААФ выполнения в строгом соответствии с инструкциями и настоящими указаниями в установленные сроки Постановления Правительства об объединении ДОСАРМ, ДОСАВ, ДОСФЛОТ.

Таким образом, в короткие сроки были созданы оргкомитеты и развернута работа во всех городах и районах Чувашской АССР. Как и было предусмотрено Постановлением Обкома и Совета Министров ЧАССР, создание городских и районных оргкомитетов было завершено в срок – к 15 сентября 1951 г.

В целях реализации постановления Оргкомитета ДОСААФ СССР об объединении Республиканским оргкомитетом был осуществлён ряд мероприятий [З. Д. 1. Л. 14]: проведены заседания оргкомитета по обеспечению объединения, инструктивные совещания председателей райгороргкомитетов 14 и 15 сентября 1951 г. в двух пунктах республики; в районы и города республики с согласия обкома ВКП (б) для оказания помощи районным и городским оргкомитетам направлены активисты ДОСААФ; в районах и городах райкомами и горкомами ВКП (б) выделены представители для проведения объединенных собраний; ход объединительной работы широко освещался в печати и по радио.

К 25 сентября 1951 г. Республиканским оргкомитетом были подведены первые итоги работы по объединению и созданию первичных организаций. Так, на заседании Республиканского оргкомитета были заслушаны и обсуждены доклады председателей оргкомитетов г. Чебоксары и Марпосадского района. В

результате ознакомления ходом работы по объединению в районах и городах республики были выявлены существенные недостатки [3. Д. 1. Л. 11]: формальное отношение многих комитетов к подготовке и проведению объединенных собраний без согласования с местными партийными и советскими органами, что привело к срывам ряда собраний. Также были выявлены случаи нарушения инструкций о проведении собраний. Например, на собрании артели «Красный мебельщик» г. Чебоксары, хотя из присутствовавших 30 человек членов общества было всего 11 человек, к тайному голосованию были допущены все присутствовавшие. В результате решение было аннулировано, а виновники получили дисциплинарное взыскание.

В ходе собраний исключительно незначительным оказался прием новых членов, что отчасти объяснялось слабой пропагандой и агитацией. По сути, и само население особого интереса к этим мероприятиям не проявляло.

Поэтому после заслушивания и обсуждения на заседаниях оргкомитетов докладов председателей первичных организаций, представителей районных и городских комитетов о ходе проведения объединенных собраний председателем Республиканского оргкомитета ДОСААФ ЧАССР полковником П.Т. Трофимовым был внесён ряд предложений по исправлению положения [3. Д. 1. Л. 11]. В частности, было рекомендовано: при составлении плана-графика собраний исходя из реальных возможностей конкретной организации обязательное его согласование с местными партийными органами; недопущение срывов плановых собраний, а в случае срыва – обязательное обсуждение на заседании оргкомитета и принятие в отношении нарушителей мер партийного взыскания; назначение собраний только после точной выверки состава организаций; решительное пресечение случаев нарушения инструкции по выборам, особенно недопущение отступления от принципа тайного закрытого голосования при выборах комитета и ревизионной комиссии; избрание в руководящие органы лиц не моложе 18 лет; обязательная отмена собраний, проведённых с нарушением инструкции; всемерное развертывание работы по приему новых членов и созданию многочисленных новых первичных организаций на всех предприятиях и в учреждениях, в особенности в колхозах; использование объединительных собраний в деле полной ликвидации задолженности по членским взносам.

Организационное оформление ДОСААФ завершилось созывом I Всесоюзной конференции Общества, состоявшейся 26-29 декабря 1953 г. [7. С. 4]. С получением конференцией статуса съезда было принято решение рассматривать её в качестве III всесоюзного съезда Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту. На съезде был заслушан и обсуждён доклад председателя Организационного комитета ДОСААФ СССР генерал-лейтенанта Н.Ф. Гритчина «О состоянии работы и очередных задачах всесоюзного добровольного общества содействия армии, авиации и флоту», также утверждён Устав Общества, избраны его центральные руководящие органы.

На съезде было особо отмечено, что в результате принятых мер добровольное Общество стало более массовым. Так, по состоянию на 1 октября 1953 г. в нем насчитывалось 281348 первичных организаций, объединявших 17 млн 324 тыс. 384 члена ДОСААФ, в том числе свыше 5 млн женщин [5. С. 60].

С образованием ДОСААФ изменились также Устав и символика. Флаг организации, утвержденный Советом Министров СССР в июне 1953 г., был красного цвета с белой полоской внизу; а в верхнем левом углу имел герб ДОСААФ. Так как ДОСААФ предстояло сосредоточить в одних руках оборонно-массовую и военно-патриотическую работу, то его эмблема стала представлять единство армии, авиации и флота. В лавровом венке по центру размещалась красная пяти-

конечная звезда с изображением серпа и молота. За ней с двух сторон крест-накрест – винтовки как мощь армии; якорь внизу – символика флота; вверх, парящий над звездой самолет означал славную советскую авиацию. Всю композицию венчала красная лента с надписью «ДОСААФ СССР».

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 20 августа 1951 г., требовавшим представления в трёхмесячный срок для рассмотрения и утверждения проекта Устава ДОСААФ СССР, был обновлён и данный документ. В Уставе была определена структура Общества, которая основывалась на принципе демократического централизма, указывались права организаций и их руководящих органов. Излагались также права и обязанности членов ДОСААФ. В его ряды могли вступить все граждане СССР, достигшие 14-летнего возраста, признававшие Устав Общества, состоявшие в одной из первичных организаций и регулярно уплачивавшие членские взносы. В руководящие органы могли избираться члены ДОСААФ, достигшие 18 лет. Допускалось исключение из правил для первичных организаций средних школ, ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО.

Устав также определял обязанности досаафовца: 1) участие в работе первичной организации, посещение собраний и выполнение всех возложенных на него заданий; 2) разъяснение и пропаганда цели и задач ДОСААФ, вовлечение граждан в ряды Общества; 3) изучение военного дела и совершенствование военных знаний; 4) своевременная уплата членских взносов, соблюдение дисциплины, бережное отношение к материальным ценностям общества, особенно к оружию и предотвращение его хищения.

Объединение трех организаций в единое оборонное Общество превратило его в цельную и мощную силу. В результате и первичные организации ДОСААФ улучшили показатели оборонно-массовой и спортивной работы, стали больше уделять внимания военной подготовке молодежи. К 1953 г. количество занятых в различных военно-технических кружках Общества составило всего около 3 млн человек, было подготовлено 160 600 шоферов, мотоциклистов и водителей тягачей для армии, флота и народного хозяйства [5. С. 57]. Дальнейшее развитие получили военно-прикладные виды спорта.

Позитивные изменения подтверждаются также сведениями из докладной записки от 29 августа 1952 г. В ней было отмечено, что, начиная с создания единой организации, ДОСААФ ЧАССР на общесоюзном фоне не только количественно выросло, но и окрепло организационно [3. Д. 17. Л. 186].

В своей деятельности оргкомитет ДОСААФ ЧАССР большее внимание уделял созданию новых первичных организаций в колхозах. В результате в 90% колхозов республики были созданы первичные организации оборонного Общества.

Позитивные результаты были достигнуты первичными организациями благодаря более широкому привлечению к работе общественного актива, прежде всего сержантов и старшин запаса, а также офицеров, генералов и адмиралов, состоявших в запасе и отставке. При их активном участии в коллективах ДОСААФ был создан институт общественных инструкторов и тренеров спортивных команд, ставших организаторами оборонно-массовой работы.

В Постановлении оргкомитета ДОСААФ Чувашской АССР от 11 января 1952 г. «Об утверждении отчета Республиканского Оргкомитета ДОСААФ ЧАССР по военно-массовой, спортивной и пропагандистской работе за 1951 г.» отмечалось, что с объединением трех обществ в одно единое общество ДОСААФ в республике улучшилось качество военно-массовой, спортивной и пропагандистской работы, укрепились первичные организации, усилилась по-

мощь со стороны советских, комсомольских и профсоюзных организаций, расширилась материальная база Общества. Далее указывалось: в районах и городах республики увеличилась сеть военно-технических, авиационных и военно-морских кружков и улучшилось качество их работы, больше стало создаваться спортивных команд. Также в республике был создан и действовал 3251 военно-технический, авиационный и военно-морской кружок, а количество обучавшихся в них достигло 45 284 человек. Всего было обучено 43 418 членов Общества, создано 622 спортивные команды, в которых состояло 3878 человек.

Лучше была поставлена военно-массовая, спортивная работа в организациях ДОСААФ Марпосадского, Канашского, Ядринского, Красноармейского, Яльчикского районов, в городах Алатырь и Чебоксары. Помогало и колхозное руководство. Так, в колхозе «Коммунизм» Марпосадского района на средства колхоза были приобретены спортивный инвентарь, стрелковое оружие, а силами членов Общества изготовлено учебное стрелковое оружие, оборудованы учебный класс и военный кабинет. Имелся также и свой тир.

Члены местных организаций выступали с рядом полезных инициатив. Так, члены Канашской районной организации ДОСААФ выступили с предложением радиофицировать колхозные села. Они своими силами построили 1705 детекторных и ламповых приемников. Их усилиями в районе полностью были радиофицированы колхозы: «Канаш», имени Молотова, «Соревнование», «Мотор». Их примеру последовали члены Общества Красноармейского района, которые содействовали полной радиофикации колхозов «Сталинец», «30 лет Чувашии». В колхозе «Сталинец» был установлен радиоприемник на 25 точек, членами радиокружков построено 309 детекторных и ламповых приемников.

В республике в числе передовиков была первичная организация Чебоксарского электроаппаратного завода (г. Чебоксары), которая насчитывала 866 членов ДОСААФ. Организация располагала 2 оборудованными военными кабинетами, стрелковым оружием, библиотекой, а также выписывала газеты и журналы Общества: «Патриот Родины», «Военные знания», «Крылья Родины», «Радио» и др. На заводе во всех цехах действовали первичные организации. Работали кружки стрелкового и автотододела. Досаафовцами завода была подхвачена инициатива ленинградского завода «Электросила»: «каждому члену ДОСААФ – комплект военных знаний».

Среди сельских в числе передовых была первичная организация колхоза имени Я.М. Свердлова Яльчикского района, в которой на должном уровне проводилась кружковая и пропагандистская работа. Действовали курсы шоферов и мотоциклистов, через которые полный курс обучения прошли 65 членов ДОСААФ. Большую помощь местной организации оказывало правление колхоза: на его средства были приобретены мотоцикл, мелкокалиберные винтовки, противогазы, учебная литература, оборудован военный кабинет. Все члены ДОСААФ были охвачены кружковой работой.

Однако деятельность оборонного Общества ещё не в полной мере соответствовала тем требованиям, которые предъявлялись партийно-государственными органами. Медленно ещё решалась задача превращения общества в подлинно массовую военно-патриотическую организацию. На многих предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях, в колхозах к концу 1953 г. вообще не было первичных организаций ДОСААФ. Хотя постановлением Совета Министров СССР от 20 августа 1951 г. была поставлена задача о необходимости увеличения численности Общества в течение двух-трёх лет не менее чем в два раза, многие первичные организации были ещё малочисленны, насчитывали всего по 5-7 членов ДОСААФ [6. С. 150].

Недостатки были вызваны прежде всего тем, что комитеты Общества ещё не в полной мере связывали вопросы роста рядов ДОСААФ напрямую с организацией военной и спортивной работы, их возможности, прежде всего материально-технические, были ещё довольно ограниченными. Такое положение сковывало инициативу первичных организаций, вело к формализации, показухе, застою в работе.

В процессе реализации Постановления Совета Министров СССР от 20 августа 1951 г. Центральный и местные комитеты Общества приняли ряд мер по организационному укреплению первичных организаций. Было усилено разъяснение задач ДОСААФ, улучшена работа с общественным активом. В комитетах Общества создавались секции по различным видам оборонно-массовой и спортивной работы. В результате к середине 1950-х гг. на большинстве предприятий, в учебных заведениях и учреждениях, в колхозах были созданы коллективы ДОСААФ. Заметно улучшилась их практическая деятельность, а количество обучавшихся в кружках, на курсах и в спортивных командах Общества выросло в полтора раза. Хотя участников соревнований по военно-прикладным видам спорта в 1953 г. было ещё недостаточно – немногим более 8% членов Общества (даже в 1957 г. – не более 27%).

В исследуемый период в числе миллионов рабочих, служащих, учащихся, колхозников, прошедших подготовку по нормативам комплекса «Готов к ПВХО», обучение мерам защиты от атомного оружия, были члены первичных организаций Чувашии.

В 1950-е гг. было осуществлено техническое перевооружение армии и флота и на этой основе проведена реорганизация Вооруженных Сил. Одновременно с оснащением ракетно-ядерным оружием, в войска широко внедрялись новые образцы техники и вооружения. Все это отразилось и на содержании учебной деятельности Общества. На первый план выдвинулись вопросы широкого развертывания военно-технической пропаганды среди населения и, в первую очередь, среди молодежи.

В этом направлении районными комитетами и учебными организациями Республиканского комитета ДОСААФ ЧАССР была проделана большая работа. Им удалось создать первичные организации Общества практически во всех колхозах, в большинстве предприятий, учреждений и учебных заведений. В течение 1951–1953 гг. удалось подготовить 2394 общественных инструкторов по различным видам военных специальностей. Было создано 2670 различных спортивных команд ДОСААФ, что составляло 127% к числу первичных организаций. В них прошли курс обучения 22 598 человек. В результате в организациях повысилось и качество военно-массовых мероприятий, в которых более активно участвовали члены ДОСААФ и население.

В целом в 1951–1953 гг. также удалось добиться позитивных сдвигов в динамике роста численности первичных организаций и членов ДОСААФ ЧАССР: количество первичных организаций увеличилось с 1913 до 2101, а количество членов общества – с 53 160 до 74 953 [3. Д. 1, 18].

Литература

1. Андреев О.В., Савельева А.А. Оборонно-массовая и военно-патриотическая работа в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сб. ст. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 282–299.
2. Васютин Ю.С. Военно-патриотическое воспитание. М.: Мысль, 1984. 172 с.
3. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 2744/1894. Оп. 1.
4. Золотов В.Т. Ореол романтики и мужества: 80-летию ОСОАВИАХИМ–ДОСААФ–РОСТО. Чебоксары: Новое время, 2007. 147 с.

5. Камышанов Ю.Ф. На службе Отечеству: 80-летию ОСОАВИАХИМ–ДОСААФ–РОСТО. М.: Витязь–Братишка, 2008. 359 с.

6. Краснознаменное оборонное: Книга о ДОСААФ, о возникновении и развитии общества, его военно-патриотической деятельности, его вкладе в укрепление оборонного могущества страны / Л.П. Борисов, Д.Н. Кузнецов, Г.П. Шатунов и др. М.: Изд-во ДОСААФ, 1971. 282 с.

7. Панюков Н. VI съезд РОСТО (ДОСААФ) подвел итоги 80-летней деятельности оборонной организации страны // Военные знания. 2007. № 2. С. 2–7.

АНДРЕЕВ ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (olevasandr@mail.ru).

O. ANDREEV

**FORMATION OF THE CHUVASH REPUBLICAN ORGANIZATION
OF UNIFORM MILITARY PATRIOTIC SOCIETY – DOSAAF IN 1951–1953**

Key words: DOSAAF, military patriotic society, committee, primary organization, public instructor, military and applied types, sporting events, charter, symbols, propaganda and promotion, patriotic education, defense personnel.

The article examines the process of uniting three public defense organizations – DOSARM, DOSAV and DOSFLOT in a uniform military patriotic organization DOSAAF. On the example of the Republican Organizing committee of DOSAAF of the Chuvash Republic the purposes and tasks of the joint society are revealed. Together with unifying actions at the all-union level the content of organizational work which was carried out and performed at the scheduled time in the towns and areas of the republic is analyzed. Directions, progress and shortcomings, the first results in activity of organizations of DOSAAF Republican committee of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic are studied.

References

1. Andreev O.V., Savel'eva A.A. *Oboronno-massovaya i voenno-patrioticheskaya rabota v Chuvashskom gosudarstvennom universitete imeni I.N. Ul'yanova* [Defensive-mass and military-patriotic work is in the Chuvash state university of the I.N. Uliyanov]. *Universitetskoe obrazovanie v politnichnykh regionakh Povolzh'ya (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova): sb. st.* [The Russian intelligentsia in conditions of civilizational challenges: a collection of articles]. Cheboksary, Interaktiv plyus Publ., 2015, pp. 282–299.

2. Vasyutin Yu.S. *Voенно-patrioticheskoe vospitanie* [Military-patriotic education]. Moscow, Mysl', 1984, 172 p.

3. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2744/1894. Op. 1* [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 2744/1894. Anagraph 1].

4. Zolotov V.T. *Oreol romantiki i muzhestva: 80-letiyu OSOAVIAKHIM – DOSAAF – ROSTO* [A halo of romance and courage: to the 80 year of OSOAVIAKHIM-DOSAАF-ROSTO]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2007, 147 p.

5. Kamyschanov Yu.F. *Na sluzhbe Otechestvu: 80-letiyu OSOAVIAKHIM-DOSAАF-ROSTO* [On service to Homeland: to the 80 year of OSOAVIAKHIM-DOSAАF-ROSTO]. Moscow, Vityaz'-Bratishka Publ., 2008, 359 p.

6. Borisov L.P., Kuznetsov D.N., Shatunov G.P. et al. *Krasnoznamennoe oboronnoe: Kniga o DOSAAF, o vzniknovenii i razvitiі obshchestva, ego voenno-patrioticheskoi deyatel'nosti, ego vklade v ukreplenie oboronnoy mogushchestva strany* [The Red Banner-defense: The Book of DOSAAF, about an origin and development of society, his military-patriotic activity, his contribution to strengthening of defensive power of country]. Moscow, DOSAAF Publ., 1971, 282 p.

7. Panyukov N. *VI s'ezd ROSTO (DOSAAF) podvel itogi 80-letnei deyatel'nosti oboronnoi organizatsii strany* [VI convention of ROSTO (DOSAAF) summed up the 80-year activity of the defense organization of the country]. *Voennye znaniya* [Soldiers knowledge]. 2007, no. 2, pp. 2–7.

АНДРЕЕВ ОЛЕГ – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (olevasandr@mail.ru).

Ссылка на статью: Андреев О.В. Формирование Чувашской республиканской организации единого военно-патриотического общества – ДОСААФ в 1951–1953 годах // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 25–32.

УДК 94(470) «1990/1991»
ББК ТЗ(2)634

А.В. АРТЕМОВ

ОБРАЗ ПЕРЕСТРОЙКИ В ДИКТОВКАХ М.С. ГОРБАЧЕВА НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ (1990–1991 годы)

Ключевые слова: перестройка, риторика М.С. Горбачева, XXVIII съезд КПСС, официальный дискурс, образ перестройки.

В статье рассматриваются материалы диктовок М.С. Горбачева, послуживших основой для текста отчетного доклада на XXVIII съезде КПСС. В данной публикации автор выдвигает гипотезу о том, что образ мышления архитектора перестройки и его команды определял как восприятие перестройки у советского общества, так и успех радикальных реформ. Анализируемые архивные материалы, полученные из Международного фонда социально-экономических и политологических исследований Горбачев-Фонд, попадают в исследовательское поле впервые. Документы, вошедшие в статью, отражают представления руководства СССР о радикальных реформах середины 80-х гг. XX в. и предоставляют возможность для понимания процессов формирования образа перестройки через изменение роли коммунистической партии в советском государстве и обществе.

Перестройка как процесс радикальных социально-экономических и политических преобразований, начатых во второй половине 1980-х гг. в СССР, привлекает все большее внимание современных историков, поскольку из-за широких возможностей сравнительных исследований различных периодов советской истории («застоя» и «перестройки», «оттепели» и «перестройки») удерживает исследовательский фокус на трансформации общественного строя (транзите демократических ценностей) [8, 12, 13, 17], а также на изменении советского общества, оказавшего существенное влияние на мировую политику [1–9].

Следует отметить, что в последние годы отмечается историзация последнего десятилетия социализма. Это способствует формированию научно-исторического осмысления рассматриваемого периода и снижает политизированность периода перестройки в советской истории. Исследователи обращаются к вопросам внутривластных трансформаций общества и власти, изменению базовых характеристик политической системы периода перестройки. При этом современная наука предлагает новые методологические подходы, позволяющие нивелировать влияние разнонаправленных точек зрения на процессы середины 1980-х гг., и позволяет исследователю обратиться к анализу основных источников, формирующих идейную и смысловую базу перестройки, её образ в официальном дискурсе и риторике.

В данном контексте стоит обратить внимание на работу Н. Рис «Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки», чьи исследовательские интересы направлены на язык перестройки как систему, отражающую устойчивые представления о взаимодействиях «власти и общества». По мнению Н. Рис, язык перестройки представлен обширной жанровой базой, начиная от официального дискурса, заканчивая слухами и разговорами о полной разрухе в государстве. При этом преобладали официальные формы коммуникации. Так, дискурс, формируемый М.С. Горбачевым, воспринимался соотечественниками в негативном контексте, западные слушатели, наоборот, восхищались его умом и рационализмом: «...к концу 1980-х годов горбачевская манера говорить уже настолько раздражала людей, что они не только не одобряли его

высказываний, но даже не желали их серьезно критиковать» [13. С. 84]. При этом Н. Рис, исходя из мнений своих респондентов, высказывает точку зрения о том, что течение перестройки тесно связано с общественным мышлением, – «то, как они мыслят (и говорят)» [13. С. 84].

В данной публикации мы исходим из обратного исследовательского посыла: нам важно понять, как мыслила власть – М.С. Горбачев и его команда. Для этого в статье мы проанализируем процесс подготовки выступлений М.С. Горбачева на XXVIII съезде. Отчетный доклад М.С. Горбачева поставил важный и проблемный вопрос как для советской системы управления, так и для общества – это роль КПСС в радикальных социально-экономических и политических реформах. В качестве источниковой базы для анализа выступают диктовки, записанные со слов М.С. Горбачева, во время обсуждения текста отчетного доклада на XXVIII съезде КПСС в мае и июне 1990 г. Анализируемые архивные материалы, полученные из Международного фонда социально-экономических и политологических исследований Горбачев-Фонд, попадают в исследовательское поле впервые. Следует отметить, что диктовки представляют исследователю уникальную информацию о процессах создания официальных текстов, а значит, и конструирования образа перестройки, а также приоткрывают возможность понять, какие именно смыслы в понятие перестройки вкладывал непосредственно её «архитектор» М.С. Горбачев. Рассматриваемые документы обладают системным характером, затрагивают устойчивый набор проблематик, а также отражают широкий перечень идеологических исканий команды М.С. Горбачева, а значит, наиболее подходят для анализа и предоставляют возможность изучения процессов формирования базовых элементов образа перестройки в 1990–1991 гг.

Методологическим ориентиром исследования являются методы дискурсивного анализа документов. Мы опираемся на работы Л. Хант по историческому дискурс-анализу распространения революционной риторики в период Великой французской революции [15. Р. 78–94]. Другой важной составляющей выступают концепция исследования языка перестройки Н. Рис [13] и апробированные в ней текстологические методы работы с источниками.

Третий этап «перестройки» (1990–1991 гг.) как политического процесса стал заключительным не только для всего проекта М.С. Горбачёва и его команды, но и для всей советской политической системы, для СССР как государства. Как пишет Д.В. Ефременко, «1987–1988 гг. можно считать решающими для судьбы СССР в том смысле, что в этот период были одновременно активированы несколько мощных механизмов ее разрушения – ликвидация идеологической монополии и цензуры, ослабление внутреннего единства КПСС и появление возможностей прихода в структуры власти людей, позиционирующих себя в качестве оппонентов режима, эрозия плановой экономики, подъем сепаратизма в ряде союзных республик и использование его активистами легальных способов борьбы за национальное самоопределение и независимость» [6. С. 70].

М.С. Горбачев в своих воспоминаниях характеризует период с 1990 г. по 1991 г. как «кризис и срыв перестройки», XXVIII съезд же, по его мнению, «стал схваткой реформаторского и ортодоксально-консервативного течений в партии» [5. С. 267]. Это укрепило позицию М.С. Горбачева, что перестроечной реформы КПСС не произойдет, если «она (партия – А.А.) не согласится на разрыв с большевизмом».

Исходя из архивных документов, доклад готовился в несколько этапов. На первом этапе (21 мая 1990 г.) был подготовлен план-проект отчетного доклада

при участии Г.Х. Шахназарова (советник Президента СССР) и А.С. Черняева (помощник Президента СССР по международным делам). Уже 24 июня 1990 г. была разработана схема-логика отчетного доклада, в обсуждении которой принял участие М.С. Горбачев. Его корректировки легли в основу рассматриваемой диктовки. Также в обсуждении приняли участие А.С. Черняев, И.Т. Фролов (член Политбюро ЦК КПСС, главный редактор газеты «Правда» с 1989 г. по 1991 г.), В.А. Медведев (член Политбюро ЦК КПСС). К 28 июня 1990 г. был подготовлен доклад на основе логической схемы, предложенной Президентом СССР. При этом структура отчетного доклада, подготовленная к 28 июня 1990 г., сохранилась и в итоговой версии документа, однако в текст были внесены содержательные правки.

Первый вариант отчетного доклада имеет разветвленную структуру, состоящую из введения, 2 разделов, 6 подразделов и заключения. Основные разделы посвящены вопросам соотношения реформаторских процессов и партии, а также вопросам взаимодействия партии и общества. Стоит отметить, что центральной темой съезда выступает именно партийный вопрос – её дальнейшая судьба и варианты преобразования партийной платформы.

Понятие перестройки в тексте доклада встречается 23 раза. Каждый раз авторы доклада связывают понятие перестройки с партийной деятельностью и перекладывают ответственность за начало радикальных реформаторских процессов не только непосредственно на М.С. Горбачева, но и на партию в целом. Одним из центральных постулатов доклада является необходимость перестройки самой партии, выдвигается концепция «авангардной партии» [10. Л. 10]. Ключевое значение в этой концепции занимает определение места партии в обществе и её отношения с государством. «Она будет действовать только и исключительно в рамках Конституции СССР на основании тех полномочий, которые получает любая политическая партия, если ей удастся завоевать большинство в представительных органах власти», – отмечают авторы доклада [10. Л. 11]. Также в проекте доклада присутствуют типичные элементы образа перестройки как «необратимых изменений экономической и политической системы советского общества» [10. Л. 4], «способа интеграции СССР в мировое сообщество, вернуть в общий контекст современной цивилизации, превратить в современное демократическое правовое государство» [10. Л. 5].

В июне 1990 г. структурно отчетный доклад претерпел серьезные изменения – были исключены все подразделы, однако количество разделов было увеличено до 4. Свой доклад М.С. Горбачев предлагает начать без введения и сконцентрироваться на оценке текущих событий, текущей политической действительности, оценке общества, которое возникло в результате перестройки. Президент СССР предлагает прибегнуть к метафорическому отражению сложившейся обстановки в советском государстве в контексте радикальных реформ: «...можно применить такой образ: беременно (общество. – А.А.) 8 месяцев, но может родиться здоровый ребенок, может и дебил, а может и сама мать погибнуть».

При этом М.С. Горбачев дает оценку текущему состоянию, которую невозможно рассматривать без контекста происходящих событий: «Текущий момент, его противоречия, его особенности, как и его трудности, материальные и социальные, можно правильно понять, лишь учитывая, что перед нами: другой народ, другое общество, другая партия, другие республики» [7. Л. 1]. В диктовке М.С. Горбачева прослеживается преемственность идей из предыдущих этапов радикальной реформы, здесь перестройка рассматривается как революция [7. Л. 2].

Второй раздел Президент СССР предлагает выстроить из концепции и теории перестройки: «Надо рассказать, что у нас есть теория, есть политика. И надо рассказать, как эта политика складывается, как мы продвигаемся и как мы выходим на прорыв – на прорыв в мысли, что касается перспектив, и как сложились эти этапы. Раскрыть все это по всем решениям наших Пленумов». Кроме того, М.С. Горбачев отвергает мысли своих политических оппонентов, отмечая необходимость предвосхитить их критику и дать соразмерный ответ в виде теории и практики перестройки: «Нельзя отдавать им, сдаваться, что вроде мы экспериментируем над обществом. Вот когда мы скажем о теории и политике перестройки, тогда все будет ясно. И закончить надо рассуждениями о гуманном, демократическом социализме, что это содержится в программном документе. Это будет служить своего рода стыковкой – вот теория и вот политика, то есть выход, в конце концов, на то, что такое гуманный, демократический социализм».

Третий раздел был определен под вопросы практической реализации политики перестройки. Также во второй и третий разделы отчетного доклада было предложено включить вопросы международных отношений как неотъемлемой части политики нового мышления [7. Л. 3].

Четвертый раздел был обозначен как «Партия». Содержательная часть раздела не была отражена в рассматриваемой диктовке. Однако в качестве базового элемента перестройки в 1990–1991 гг. уже можно рассмотреть реформу политической партии, которая началась обсуждаться еще на первом этапе радикальных реформ – «перестройка должна начаться с нас самих, с партии». Личный пример партийных деятелей должен был выступить толчком для изменений и в других структурах советского общества. В докладе также используются такие традиционные элементы образа перестройки, как «демократизация» и «гласность».

В продолжение работы по корректировке отчетного доклада М.С. Горбачева на XXVIII съезде КПСС 28 июня 1990 г. в его структуру были внесены дополнительные изменения. Вводная часть все-таки была включена в доклад. Количество разделов сократилось до трех. Также у документа появилось название – «Идти дальше путем перестройки».

В первом разделе М.С. Горбачев, признавая незавершенность перестройки, прибегает к традиционному образу радикальных реформ как мирной революции, которая бы «обеспечила переход страны в новое качество без потрясений, главной жертвой которых бывает народ. Нужно создавать все демократические условия для того, чтобы к власти приходили по-настоящему талантливые люди» [12. Л. 4]. Также М.С. Горбачев, в рамках своего выступления, формирует и образ «врагов» – противников перестройки, которая «неизбежно затронет интересы тех, в чьих руках была реальная власть и кто от имени общества распоряжался общественным богатством». По мнению Президента СССР, именно нежелание расставаться с прошлым и выступает основным «тормозом на пути перемен».

Во втором разделе доклада уделяется значительное внимание статистическим данным о состоянии социальной и экономической сфер жизни советского общества в период с 1986 г. по 1990 г. Исходя из неутешительного состояния экономики в стране, М.С. Горбачев вновь апеллирует к тезису о том, что сама ситуация подводит государство и общество к «необходимости фундаментальных перемен в экономической системе» – последовательного перехода на рыночные отношения [12. Л. 7] (ранее данные тезисы приводились в контексте политики «ускорения» в 1985–1986 гг. и получили теоретическое обоснование через призму марксизма-ленинизма на февральском Пленуме ЦК КПСС в 1988 г. – А.А.). При этом в тексте отчета отмечается, что курс перестройки и

ускорения застопорился из-за противоречий с прежней политической системой, т.е., по мнению М.С. Горбачева, начавшуюся экономическую реформу должна была предвосхитить реформа политической системы [12. Л. 15].

Другая важная тема в рамках отчетного доклада – национальный вопрос. М.С. Горбачев отмечает «перестройка и гласность создали благоприятные условия для возрождения национального самосознания» [12. Л. 14], однако «этой ситуацией воспользовались прежде всего деструктивные элементы». Используя вопросы национальной политики, Президент СССР укрепляет «образ врага»: «...поскольку перестройка задела интересы коррумпированных элементов, теневую экономику и другие антиобщественные слои, то они, чтобы надежнее оградить свои корыстные интересы, выбросили национальные лозунги, выступили под национальными флагами» [12. Л. 14].

В третьем разделе М.С. Горбачев уделяет большое внимание вопросу принципов партийного обновления и закрепления этих принципов в соответствующем документе – Программном заявлении: «Я бы сказал, Программное заявление вбирает в себя весь теоретический поиск партии за истекшие годы перестройки» [12. Л. 21]. В основу программного заявления легла сама концепция перестройки. Президент СССР вступает в дискуссию со своими оппонентами, пытаясь развенчать мифы о том, что концепция перестройки – это не «сиюминутное озарение какой-то группы людей» [12. Л. 21], а динамический процесс, задача которого «раскрыть потенциал социализма на основе отказа от идеологии, теории и практики сталинизма, разрушения тоталитарной системы» [12. Л. 21]. Таким образом, мы можем заключить, что в официальную риторику интегрировался и негативный образ перестройки как идеологической концепции некоторой группы советских политиков.

В качестве заключения М.С. Горбачев выдвигает образ обновленной КПСС как партии социалистического выбора и коммунистической перспективы, добровольного союза единомышленников, не претендующего на властные полномочия, но признающего свои обязательства перед всем классами советского общества посредством диалога общечеловеческих, гуманистических идеалов и национальных традиций, самоуправления и свободы действий партийных организаций [5. С. 266–267].

Рассмотренные диктовки М.С. Горбачева позволяют выявить эволюцию структуры и идей его выступления на XXVIII съезде КПСС. В итоговом варианте доклада произошли сокращение окологеростроечной риторики и сосредоточение на итогах реализации политики перестройки с 1986 г. по 1990 г., а главное на изменении роли партии в этих процессах. Структура отчетного доклада претерпевала значительные изменения: из 2 разделов, 6 подразделов, введения и заключения в итоге остались только 3 раздела и вводная часть (см. таблицу).

Также, исходя из материалов диктовок, можно сделать вывод, что М.С. Горбачев уделяет больше внимания публицистичности своего выступления, его доступности, стремится использовать риторические выражения и метафорические обороты.

М.С. Горбачев артикулирует идеологическую сущность перестройки, которую можно аналитически свести к следующим тезисам. Перестройка есть мирная революция в умах через возрождение чувства собственного достоинства в советских людях, духовное возрождение и идейное обновление в самом широком смысле слова, а также решительный отказ от практики командования.

Суть перестройки заключается в раскрытии потенциала социализма на основе отказа от идеологии, теории и практики сталинизма, разрушения то-

талитарной системы, а также осмысления всех тех величайших изменений, с которыми мир подошел к концу XX в. При этом перестройка представляется как динамический, незавершенный процесс, выступающий катализатором скрытых конфликтных ситуаций, в том числе как в сфере межэлитных, так и межнациональных взаимоотношений. При этом М.С. Горбачев заключает, что перестройка – это не сиюминутное озарение какой-то группы людей, наоборот, она олицетворяет все лучшее, что зрело в недрах нашего общества, в прогрессивной части партии, в науке, культуре.

Динамика структуры отчетного доклада М.С. Горбачева на XXVIII съезде КПСС в процессе его подготовки

Варианты доклада М.С. Горбачева на XXVIII съезде КПСС			
21 мая 1990 г. (план-проект отчетного доклада)	24 июня 1990 г. (схема-логика доклада)	28 июня 1990 г.	2 июля 1990 г. (итоговый текст отчетного доклада)
Введение	Отсутствует (комментарий М.С. Горбачева – «обойтись без введения»)	Введение «Идти дальше путем перестройки»	Введение «Политический отчет ЦК КПСС XXVIII съезду и задачи партии»
Раздел 1 «Партия и перестройка»: Подраздел 1.1. «Перестройка – новый политический курс КПСС»; Подраздел 1.2. «Ключевые идеи нового мышления»; Подраздел 1.3. «О программе ближайших действий»	Раздел 1 «Текущий момент»	Раздел 1 «Текущий момент»	Раздел 1 «О текущем моменте»
Раздел 2 «Партия и общество»: Подраздел 2.1. «Концепция авангардной партии»; Подраздел 2.2. «Партия и классы, социальные слои»; Подраздел 2.3. «О перестройке партии»	Раздел 2 «Теория и политика перестройки»	Раздел 2 «Политика перестройки: опыт и перспективы»	Раздел 2 «Политика перестройки: опыт и перспективы»
Заключение	Раздел 3 «Реализация политики перестройки»	Раздел 3 «Партия и перестройка»	Раздел 3 «Партия и перестройка»
	Раздел 4 «Партия»		
	Заключение отсутствует		

Таким образом, на основе анализа одного из центральных выступлений М.С. Горбачева в 1990 г. можно сделать вывод о том, что в материалах, посвященных подготовке официального текста для XXVIII съезда, присутствует выраженная преемственность образов перестройки предыдущих периодов. Также наблюдается тот факт, что власть и государство продолжали находиться в творческом поиске определения новой роли партии в советском государстве.

Литература

1. Абалкин Л.И. Советское общество: Революционное обновление. М.: Профиздат, 1989. 96 с.
2. Аганбеян А.Г. В первом эшелоне перестройки. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 76 с.
3. Безбородов А., Елисеева Н., Шестаков В. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб., 2011. 216 с.
4. Бурлацкий Ф.М. Новое мышление. Диалоги и суждения о технологии революции в наших реформах. М.: Политиздат, 1989. 429 с.
5. Горбачев М.С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 400 с.
6. Ефременко Д.В. Нормальная катастрофа: ещё раз об исторических развилках 1980-1990-х гг. // Россия и современный мир. 2014. № 2. С. 58–80.
7. К докладу Генерального секретаря XXVIII съезду КПСС. Схема-логика доклада (24 июня 1990 года) // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований Горбачев-Фонд / Личный архив М.С. Горбачева.
8. Кирсанов Р.Г. Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР. М.: ИП Каширин В.В., 2011. 200 с.
9. Коэн С. «Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза?. Новое расш. изд. М.: АИРО-XXI, 2011. 216 с.
10. План-проект отчетного доклада ЦК КПСС. С рукописной правкой и сопроводительной запиской А.С. Черняева – Г.Х. Шахназарову (21 мая 1990 года) // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований Горбачев-Фонд / Личный архив М.С. Горбачева.
11. Пологинов М.Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-хх гг. СПб.: Алетейя, 2010. 512 с.
12. Проект доклада ЦК КПСС «Идти дальше путем перестройки» (28 июня 1990 года) // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований Горбачев-Фонд / Личный архив М.С. Горбачева.
13. Рус Н. Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки / пер. с англ. Н.Н. Кулаковой и В.Б. Гулиды; предисл. И. Утехина. М.: Новое лит. обозрение. 2005. 328 с.
14. Alfred G. Meyer. The Soviet Political System. N.Y., Random House, 1965, 400 p.
15. Hunt L. The Rhetoric of Revolution in France. *History Workshop*, 1983, no. 15 (Spring, 1983), pp. 78–94.
16. Lane D. Soviet Elites, Monolithic or Polyarchic?. In: Lane D., ed. *Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform*. Aldershot, Edward Elgar, 1992, pp. 15–16.
17. Rigby T.H. Gorbachev and Monoorganisational Socialism. In: *The Changing Soviet System*. Aldershot, Edward Elgar, 1990, 248 p.
18. Rigby T.H. Traditional, Market and Organisational Societies and the USSR. *World Politics*, 1964, vol. 16, p. 545.

АРТЕМОВ АНТОН ВИКТОРОВИЧ – начальник отдела экспертно-аналитической работы, Управление общественных связей Правительства Челябинской области, Россия, Челябинск (artyomow@gmail.com).

A. ARTEMOV

THE IMAGE OF PERESTROIKA IN THE DICTATIONS OF M. GORBACHEV AT THE LAST STAGE OF POLITICAL REFORMS (1990–1991)

Key words: *perestroika, rhetoric of M. Gorbachev, the XXVIII Congress of the CPSU, official discourse, the image of perestroika.*

The article examines the materials of M. Gorbachev dictations which served as the basis for the text of his report at the XXVIII Congress of the CPSU. In the given publication, the author puts forward the hypothesis that the way of thinking of the perestroika architect and his team determined both perception of perestroika in the Soviet society and success of radical reforms. The analyzed archive materials received from the International Fund for Socio-Economic and Political Studies – Gorbachev Foundation fall into the research field for the first time. The documents included in the article reflect the views of the USSR leadership on radical reforms of the mid 80s of the 20th century and provide an opportunity for understanding the processes of shaping perestroika image through changing the role of the Communist Party in the Soviet state and society.

References

1. Abalkin L.I. *Sovetskoe obshchestvo: Revolyucionnoe obnovlenie* [Soviet society. Revolutionary renewal]. Moscow, Profizdat Publ., 1989, 96 p.
2. Aganbegyan A.G. *V pervom eshelone perestroiki* [In the first level of perestroika]. Novosibirsk, Novosibirsk Publ. House, 1989, 76 p.
3. Bezborodov A., Eliseeva N., Shestakov V. *Perestroika i krakh SSSR. 1985–1993* [Perestroika and the collapse of the USSR. 1985–1993]. St. Petersburg, 2011, 216 p.
4. Burlackii F.M. *Novoe myshlenie. Dialogi i suzhdeniya o tehnologii revolyucii v nashikh reformakh* [New mentality. Dialogues and judgments about the revolution technology in our reforms]. Moscow, Politizdat Publ., 1989, 429 p.
5. Gorbachev M.S. *Ponyat' perestroiku... Pochemu eto vazhno seichas* [Understand perestroika ... Why is it important now]. Moscow, Alpina Business Books, 2006, 400 p.
6. Efremenko D.V. *Normal'naya katastrofa: eshche raz ob istoricheskikh razvilkakh 1980–1990 gg.* [Normal catastrophe: once again about the historical forks of the 1980s–1990s]. *Rossiya i sovremennyy mir*, 2014, no. 2, pp. 58–80.
7. *K dokladu General'nogo sekretarja XXVIII s'ezdu KPSS. Shema-logika doklada (24 iyunya 1990 goda)* [To the report of the Secretary-General to the XXVIII Congress of the CPSU. Scheme-logic of the report (June 24, 1990)]. In: *Mezhdunarodnyi fond social'no-ekonomicheskikh i politologicheskikh issledovaniy Gorbachev-Fond. Lichnyi arhiv M.S. Gorbacheva* [The International Foundation for Socio-Economic and Political Studies Gorbachev Foundation (further — Gorbachev Foundation). M.S. Gorbachev Personal Archives].
8. Kirsanov R.G. *Perestroika. «Novoe myshlenie» v bankovskoi sisteme SSSR* [New Thinking in the banking system of the USSR]. Moscow, 2011, 200 p.
9. Kojen S. *«Vopros voprosov»: Pochemu ne stalo Sovetskogo Soyuza? SSSR* [The Question of the Questions: Why did the Soviet Union fail?]. Moscow, St. Petersburg, 2007, 200 p.
10. *Plan-proekt otchetnogo doklada CK KPSS. S rukopisnoi pravkoi i soprovoditel'noi zapiskoi A.S. Chernjaeva – G.H. Shahnazarovu (21 maya 1990 goda)* [Plan-draft report of the CPSU Central Committee. With handwritten editing and a cover note by A.S. Chernyaeva – G.Kh. Shakhnazarov (May 21, 1990)]. In: *Mezhdunarodnyi fond social'no-ekonomicheskikh i politologicheskikh issledovaniy Gorbachev-Fond. Lichnyi arhiv M.S. Gorbacheva* [The International Foundation for Socio-Economic and Political Studies Gorbachev Foundation (further — Gorbachev Foundation). M.S. Gorbachev Personal Archives].
11. Polynov M.F. *Istoricheskie predposylki perestroiki v SSSR. Vtoraya polovina 1940 – pervaya polovina 1980-hh gg.* [Historical background of perestroika in the USSR. The second half of 1940 – the first half of the 1980s]. St. Petersburg, 2010, 512 p.
12. *Proekt doklada CK KPSS «Idti dal'she putem perestroiki» (28 iyunja 1990 goda)* [Draft report of the Central Committee of the CPSU «Go further by perestroika» (June 28, 1990)] In: *Mezhdunarodnyi fond social'no-ekonomicheskikh i politologicheskikh issledovaniy Gorbachev-Fond. Lichnyi arhiv M.S. Gorbacheva* [The International Foundation for Socio-Economic and Political Studies Gorbachev Foundation (further — Gorbachev Foundation). M.S. Gorbachev Personal Archives].
13. Ris N. *Russkie razgovory: kul'tura i rechevaya povsednevnost' epokhi perestroiki* [Russian conversations: Culture and speech everyday life of the Perestroika period]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005, 328 p.
14. Alfred G. Meyer. *The Soviet Political System*. Random House. N.Y., 1965. 400 p.
15. Hunt L. *The Rhetoric of Revolution in France*. *History Workshop*, 1983, no. 15 (Spring, 1983), pp. 78–94.
16. Lane D. *Soviet Elites, Monolithic or Polyarchic?*. In: Lane D., ed. *Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform*. Aldershot, Edward Elgar, 1992, pp. 15–16.
17. Rigby T.H. *Gorbachev and Monoorganisational Socialism*. In: *The Changing Soviet System*. Aldershot, Edward Elgar, 1990, 248 p.
18. Rigby T.H. *Traditional, Market and Organisational Societies and the USSR*. *World Politics*, 1964, vol. 16, p. 545.

ARTEMOV ANTON – Head of the Department of Expert and Analytical Work, Public Relations Department of the Government of the Chelyabinsk Region, Russia, Chelyabinsk (artymow@gmail.com).

Ссылка на статью: Артемов А.В. Образ перестройки в диктовках М.С. Горбачева на последнем этапе политических реформ (1990–1991 годы) // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 33–40.

УДК 94:355. 27(470. 344) «1914»
ББК ТЗ(2Рос.Чув)534-68

С.Н. БЛИНЯЕВ, О.Н. ШИРОКОВ

**ПРОВЕДЕНИЕ МОБИЛИЗАЦИИ В ЧЕБОКСАРСКОМ УЕЗДЕ
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(по документам Чебоксарской городской управы)**

Ключевые слова: Чебоксарская городская управа, мобилизация, Чебоксарский уездный воинский начальник, Казанский губернатор, Чебоксарское уездное по воинской повинности присутствие, Чебоксарский соединенный уездный земский и городской комитет, Алексеевский комитет.

В статье дан обзор региональной историографии проблемы. На основе неопубликованных архивных источников исследованы вопросы, связанные с деятельностью городского самоуправления и местного военного управления в лице уездного воинского начальника по проведению мобилизации в начале Первой мировой войны. Рассмотрена политика местных властей во исполнение мобилизационных предписаний центра. Освещены вопросы создания и начальной деятельности Чебоксарского соединенного уездного земского и городского комитета Всероссийского союза помощи раненым и больным и членам их семей, а также Алексеевского главного комитета. Уделено внимание деятельности Районного попечительства по сбору пожертвований. Изучен такой немаловажный аспект проблемы, как прибытие, своевременное расквартирование и отправка на фронт прибывших в город Чебоксары нижних чинов запаса и ратников ополчения 1-го разряда. В статье затрагивается вопрос снабжения, постоя конного состава и ухода за ним.

В последние годы выявилось четко выраженное стремление российского общества к переосмыслению реалий прошлого и, прежде всего, исторического опыта ушедшего столетия, уроков и итогов его этапных событий. В этом отношении заслуживает внимания один из регионов страны – Чувашский край. Именно годы Первой мировой войны стали временем, активно включившим край в общероссийское и мировое экономическое и политическое пространство. Массовые мобилизации в вооруженные силы, масштабные поставки продовольствия для нужд армии, промышленных центров, подключение отраслей кустарной промышленности для выполнения оборонных заказов, размещение военнопленных и беженцев – вот далеко не полный перечень функций тыла в Чувашском крае, благодаря которым он стал участником не только общероссийских, но и глобальных социально-политических процессов.

Изучение истории российской провинции на примере Чувашского края с начала проведения мобилизации вплоть до конца 1914 г. важно и потому, что оно позволяет выявить те общие проблемы внутренней жизни России, которые привели к общественным катаклизмам. Поэтому необходимо на основе обзора региональной историографии сделать вывод об изученности данной проблематики в Чувашской Республике. Глубокие исследования по развитию чувашской многоконфессиональной деревни, использованию труда военнопленных, беженцев в сельском хозяйстве пяти чувашских уездов Казанской и Симбирской губерний и привлечению мелкой промышленности края для обслуживания армии в 1914–1917 гг. провел Г.А. Николаев [13]. В научный оборот им были введены многие дела фондов № 15, 16, 122, 123, 151, 181, 373 государственного исторического архива ЧР, а также статистические документы, журналы уездных земских собраний и материалы сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Представляют интерес выводы в работе Ф.Ф. Федорова, посвященные изучению влияния писем фронтовиков на мировоззрение населения Чувашского края [16]. Им был использован и введен в научный оборот как ис-

торический источник огромный фонд алатырского военного цензора, содержащийся в государственном историческом архиве ЧР. Он содержит более одной тысячи конфискованных военными цензорами писем и их отчеты в окружную военно-цензурную комиссию. В статье А.В. Изоркина содержатся сведения о чувашских воинских частях: боевых – принимавших участие в военных действиях на фронте, и запасных – стоявших в городах Казань, Чебоксары и Алатырь [8]. Истории правомонархического и революционного движений в Чувашском крае в начале XX в., в том числе и в период Первой мировой войны, посвящается монография Е.М. Михайловой [12]. Проблемы функционирования и реформы уездной полиции и жандармского управления Казанской губернии, включая и период Первой мировой войны, рассмотрены в диссертации Д.А. Ялтаева [19] и статье С.И. Бойко [1]. В 2013 г. вышла статья В.И. Соколовой и С.Б. Харитоновой по проблеме размещения и трудоустройства эвакуированных и беженцев в Симбирской губернии в годы Первой мировой войны [14]. Ими был использован фонд № 13 Государственного исторического архива ЧР. В 2014 г. к 100-летию начала Первой мировой войны государственным историческим архивом ЧР был издан сборник документов и материалов в форме тематического комплекса, свидетельствующий о присутствии на территории Чувашского края военнопленных из армий Австро-Венгрии и Германии [15]. Здесь же необходимо упомянуть о статье М. Казаковой-Шемякиной, затронувшей проблему пребывания немецких военнопленных в столице Чувашии [9]. Тогда же на основе широкого круга научной, краеведческой литературы и архивных источников написана и издана коллективная монография по истории города Чебоксары, где в главе 4 содержатся некоторые сведения о жизни его жителей в годы Первой мировой войны [17]. Научными редакторами исторического очерка были чувашские ученые: И.И. Бойко, Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев, В.В. Орлов. К этой же памятной дате работниками здравоохранения БУ «Республиканская психиатрическая больница» была написана статья по вопросу создания и функционирования военных госпиталей и лазаретов в Чувашском крае в годы Первой мировой войны [18]. В 2016 г. вышла в свет статья С.Н. Блиняева и О.Н. Широкова «Подготовка к мобилизации в Чебоксарском уезде Казанской губернии в 1910–1914 гг. (по документам Чебоксарской городской управы)», где на основе неопубликованных архивных источников фонда № 82 рассмотрена деятельность городского самоуправления и местного военного управления по подготовке мобилизации накануне Первой мировой войны. Последней работой по данной проблематике стала вышедшая в том же году статья, написанная коллективом авторов: О.Н. Широковым, П.Н. Матюшиным, И.Г. Кашаевым [11]. На основе материалов фонда № 306 Чебоксарского воинского начальника рассмотрены организационные вопросы осуществления военно-мобилизационных мероприятий в начальный период войны в границах Чебоксарского уезда.

На высокий суд исследователей выносится попытка на основе ранее не вводившихся в научный оборот архивных материалов фонда № 82 Государственного исторического архива ЧР проанализировать механизм взаимодействия центральных и местных властей, общественных организаций в начале проведения мобилизации в деле обеспечения фронта материальными и людскими ресурсами, оказания помощи семьям призванных на войну, раненым в 1914 г. Исследование осуществлено на основе вновь вводимых в научный оборот архивных источников и анализа указов и циркуляров центральной власти.

19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России, которая сразу же приобрела общеевропейский характер, а вскоре превратилась в мировую. То обстоятельство, что Германия первой объявила войну России, в значительной степени обусловило рост боевого духа и патриотических настроений в стране. Первая мировая война была воспринята с пониманием, на волне антигерманских настроений произошло единение власти и общества. Можно констатировать, что политические настроения народных масс в первые годы войны соответствовали лозунгу «За Веру, Царя и Отечество» [9. С. 53]. Россия не зависела, как Великобритания или Германия, от импорта сырья; колоссальные людские резервы могли восполнить потери на фронте и недостаток рабочей силы в городах [7. С. 475].

21 июля 1914 г. Казанская духовная консистория, ссылаясь на указ Святейшего Правительственного Синода от 23 июня за № 10669, уведомила Чебоксарскую городскую управу о том, что, согласно закону, духовно-учебные заведения не освобождаются от воинского постоя при чрезвычайных обстоятельствах, к числу которых относится мобилизация нижних чинов [1. Д. 1328. Л. 20].

22 июля 1914 г. Чебоксарский уездный исправник уведомил Чебоксарскую городскую управу, что на 29 июля 1914 г. намечается прибытие трех команд ратников 1-го разряда в составе 709 человек, а их отправка в войска запланирована на 31 июля [1. Д. 1328. Л. 41]. Всего по мобилизационному расписанию 1910 г. в Чебоксарском уезде должна была быть сформирована 21 команда и 1 маршевая команда нижних чинов 1-й очереди прибывала в Чебоксары из Козьмодемьянского уезда. Они размещались у 577 домовладельцев г. Чебоксары [6. Д. 1354. Л. 1–13].

24 июля 1914 г. в Введенском соборе был зачитан Манифест о вступлении России в войну, подписанный царем Николаем II еще 20 июля. Затем на городской площади был отслужен торжественный молебен «О ниспослании победы русскому оружию» перед небесной заступницей Чебоксар – иконой Владимирской Божьей Матери, который перерос в огромный митинг. Из правительственного учреждения был вынесен большой портрет императора Николая II, с которым собравшийся народ прошел по главным улицам города с пением и завершил шествие мощным, раскатистым «ура». 27 июля такой же молебен прошел на Базарной площади по инициативе торговцев [3. Д. 1331. Л. 341]. При проходах мобилизованных нижних чинов и ратников 1-го разряда первого призыва на центральной площади с участием всего городского духовенства было отслужено напутственное молебствие с водосвятием. Собравшийся народ проводил новобранцев из города и напоследок осенил иконой Владимирской Божьей Матери.

На повестку дня встал вопрос о помощи раненым солдатам, их семьям и беженцам. Уже 10 августа 1914 г. на чрезвычайном Чебоксарском земском собрании образован уездный комитет Всероссийского земского союза (ВЗС), в который вошли городской голова Ф.П. Ефремов (заместитель председателя), его заместитель, член управы А.Н. Ключев и земский гласный Ф.Д. Дряблов. 18 августа 1914 г. на экстренном заседании городской думы образован комитет Всероссийского городского союза, который отправил в состав уездного комитета ВЗС своих членов И.С. Лаптева, Д.Я. Маркелова и А.Н. Иевлева, откликаясь на их призыв. После этого последний стал называться Чебоксарским соединенным земским и городским комитетом Всероссийского союза помощи раненым и больным и членам их семей. Бюджет его формировался из субсидий ВЗС, пожертвований. Так с августа 1914 г. перечислялись 2% от жалованья всех земских служащих, с сентября – 1-2% от жалованья членов и

канцеляристов городской управы. 3 сентября 1914 г. в фонд комитета передан запасной городской капитал в сумме 8752 руб. 61 коп. [10. С. 198].

Военное министерство (Военный Совет) положением от 30 августа 1914 г. поручило войсковым частям, управлениям и учреждениям военного ведомства приобретать за деньги у призываемых новобранцев, запасных нижних чинов и ратников ополчения «приносимые ими собственные вещи обмундирования и снаряжения ... по указанным в ведомости ценам... вещи могут быть произвольного образца, но при условии пригодности для своего назначения и ... похода [2. Д. 1330. Л. 106]. А уже 2 сентября 1914 г. «Высочайше утвержденным положением» Совета Министров на Алексеевский главный комитет было возложено «призрение», т.е. опека и содержание детей офицеров и классных нижних чинов, погибших, пропавших без вести, умерших от ран, болезней и утративших трудоспособность. 17 сентября и 24 октября 1914 г. было призвано еще 800 ратников государственного ополчения 1-го разряда [6. Д. 1354. Л. 14–18, 26].

1 ноября 1914 г. Чебоксарский соединенный земский и городской уездный комитет направил в Чебоксарскую городскую управу два воззвания Главноуполномоченного Всероссийского Земского Союза князя Г.Е. Львова, в которых просил открыть при районных попечительствах прием пожертвований вещами с вывеской объявления. Они принимали следующие пожертвования: белье простое и теплое, теплые жилеты, варежки, куртки, шапки, фуфайки, полушубки, халаты, сапоги, валенки, кисеты, материи – холст, миткаль, сукна, овчину, кожу, чай, сахар, табак, спички, сало [3. Д. 1331. Л. 472]. В тот же день на сборный пункт Чебоксарского воинского начальника стали прибывать новобранцы 1914 г. призыва (всего 723 человека), которых должны были развести по квартирам разводчики под руководством городского квартирмейстера А.А. Попова [1. Д. 1328. Л. 32., Д. 1331. Л. 454]. По расчетному листу на оплату 45 домовладельцам г. Чебоксары за квартирное довольствие новобранцев и нижних чинов, сопровождавших их в войска, было потрачено 184 руб. 35 коп.: казенных – 108 руб. 48 коп.; земских – 65 руб. 16 коп.; городских – 10 руб. 71 коп [5. Д. 1353. Л. 16–16об.].

23 ноября 1914 г. Казанский губернатор направил земским начальникам и городским управам уведомление о том, что начальник Казанского почтово-телеграфного округа на основании постановления МВД по почтовой части от 31 октября 1914 г. на время военных действий отменил трехкопеечный сбор за выдачу писем, бандеролей и почтовых карточек, «пересылаемых бесплатно по почте на имя чинов действующей армии, так и от чинов и раненых по любым адресам» [2. Д. 1330. Л. 111].

11 декабря 1914 г. начальник Казанской местной бригады отправил Чебоксарскому воинскому начальнику приказ по Казанскому военному округу от 1 декабря 1914 г. за № 653. В нем предписывалось: 1) «Конюшни, занимаемые находящимися на сборном пункте лошадьми, должны содержаться в полной чистоте; 2) снабжать лошадей обязательной подстилкой ... 3) выдавать им полную положенную дачу фуража овса и сена; 4) производить обязательную чистку всех лошадей ... иметь надлежащее число скребниц и щеток; 5) лошади должны помещаться в хорошо устроенных помещениях или ... крытых и обшитых тесом сараях ... 6) по числу лошадей иметь необходимое число торб, кошелей и водопойных ведер» [3. Д. 1331. Л. 551–551об.]. В конце приказа говорилось, что «лошади предназначаются в армию, куда должны отправляться ... здоровыми и в отличных видах. ВРИО Начальника бригады подполковник Кравец». Последним распоряжением в 1914 г. был приказ командующего войсками Казанского округа генерала от инфантерии Маврина от

30 декабря 1914 г. В нем говорилось: «Для формирования новых частей Государственного ополчения и пополнения запасных батальонов призвать ратников ополчения 1 разряда, не проходивших ряды войск ... во всех уездах губернии. ... Первый день мобилизации – 30 декабря [4. Д. 1352. Л. 1–3].

Таким образом, на основании историографического обзора статьи можно сделать вывод, что в целом чувашскими исследователями немало сделано по изучению проблем Первой мировой войны, но все же заметны недостаточная изученность и освещенность многих проблем Чувашского края. Это обстоятельство и стало основанием для написания статьи. Подводя итоги, надо сказать, что начавшаяся на патриотической волне в конце июля 1914 г. в Чебоксарском уезде мобилизация проводилась до конца года четко по плану и строго по установленным срокам. Для более успешной мобилизации и помощи раненым воинам и их семьям уже в августе был создан Чебоксарский соединенный земский и городской комитет Всероссийского союза помощи раненым и больным и членам их семей. А в сентябре Алексеевский главный комитет взял на себя опеку и содержание детей офицеров и классных нижних чинов, погибших и пострадавших во время боевых действий.

Литература и источники

1. *Бойко С.И.* Деятельность Казанского губернского жандармского управления по сбору и анализу информации о ситуации в губернии в годы Первой мировой войны // История государства и права. 2012. № 6. С. 36–38.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (Далее ГИА ЧР). Ф. 82. Оп. 1. Д. 1328.
3. ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1330.
4. ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331.
5. ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1352.
6. ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1353.
7. ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1354.
8. *Изоркин А.В.* Советы солдатских депутатов Чувашии в 1917 году // Чувашия в годы первой мировой войны: сб. ст. / НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1985. С. 44–62.
9. *Казакова-Шемякина М.* Пленные немцы оккупировали столицу Чувашии: неизвестные подробности первой мировой войны // Ведомости Чувашской Республики. 2005. № 11. С. 18–19.
10. *Карацуба И.В., Курукун И.В., Соколов Н.Т.* Выбирая свою историю. Развилки на пути России: от рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005. 475 с.
11. *Кашаев И.М., Матюшин П.Н., Широков О.Н.* Организация мобилизации людских ресурсов в уездах Казанской губернии в начале Первой мировой войны (на материалах фонда Чебоксарского уездного воинского начальника) // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 98–104.
12. *Михайлова Е.М.* Черносотенные организации Среднего Поволжья в 1905–1917 гг. Чебоксары: Клио, 2000. 258 с.
13. *Николаев Г.А.* Изменение производительных сил в сельском хозяйстве Чувашии в годы первой мировой войны // Чувашия в годы первой мировой войны: сб. ст. / НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1985. С. 3–26.
14. *Соколова В.И., Харитоновна С.Б.* Размещение и трудоустройство эвакуированных и беженцев в Симбирской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 53.
15. Первая мировая война: австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии (документы и материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики) / сост. Ф.Н. Козлов. Чебоксары: Новое Время, 2014. 520 с.
16. *Федоров Ф.Ф.* Фонд алаторского военного цензора – исторический источник для изучения настроений солдат русской армии в первой мировой войне // Чувашия в годы первой мировой войны: сб. ст. / НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1985. С. 27–43.
17. Чебоксары: исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 511 с.
18. *Шибяева В.Ф., Бреткина М.А., Ванюшкин Е.А.* Военные госпитали и лазареты в годы первой мировой войны в Чувашском крае // Здравоохранение Чувашии. 2014. № 3. С. 82–83.
19. *Ялтаев Д.А.* Уездная полиция в Казанской губернии в 1862–1917 (по материалам чувашских уездов): дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 292 с.

БЛИНЯЕВ СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ – аспирант кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (semen-blinjaev@rambler.ru).

ШИРОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, декан историко-географического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (425954@rambler.ru).

S. BLINJAEV, O. SHIROKOV

**CONDUCT OF MOBILIZATION IN CHEBOKSARY DISTRICT OF KAZAN GOVERNORATE DURING THE FIRST WORLD WAR
(BASED ON DOCUMENTS OF CHEBOKSARY ADMINISTRATIVE BOARD)**

Key words: *Cheboksary Administrative board, mobilization, Cheboksary district military chief, Kazan Governor, Cheboksary district military office, Cheboksary united district territorial and city committee, Alekseevsky committee.*

The article gives a review of regional historiography of the problem. Based on unpublished archive sources the article examines the activity of municipal self-government as well as that of local military administration in the person of the district military chief in conducting military mobilization in the first years of the First World War. The local authorities' policy on executing mobilization directions from the centre is examined. Questions of creation and initial activity of Cheboksary united district territorial and municipal committee of the All-Russian union for the help to wounded and patients and members of their families, as well as those of Main Alekseevsky committee are highlighted. The attention is paid to activities of Regional Guardianship for collecting donations. Such important aspect of the problem as arrival, timely quartering and sending reserve rankers and the 1st category militia fighters to the front is studied. The article addresses the issue of supplying, quartering mounted soldiers and caring of them.

References

1. Boiko S.I. *Deyatel'nost' Kazanskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya po sboru i analizu informatsii o situatsii v gubernii v gody pervoi mirovoi voiny* [Activities of the Kazan provincial gendarme management for collecting and the analysis of information on a situation in the province in the years of 1 world war]. *Istoriya gosudarstva i prava*. [History of state and law], 2012, no. 6. pp. 36–38.
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 82. Opis. 1. Document 1328* [State Historical Archives of the Cuvash Republic. Archives 82. Anagraph 1. Document 1328].
3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 82. Opis. 1. Document. 1330* [State Historical Archives of the Cuvash Republic. Archives 82. Anagraph 1. Document 1330].
4. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 82. Opis. 1. Document. 1331* [State Historical Archives of the Cuvash Republic. Archives 82. Anagraph 1. Document 1331].
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 82. Opis. 1. Document. 1352* [State Historical Archives of the Cuvash Republic. Archives 82. Anagraph 1. Document 1352].
6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 82. Opis. 1. Document. 1353* [State Historical Archives of the Cuvash Republic. Archives 82. Anagraph 1. Document 1353].
7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 82. Opis. 1. Document. 1354* [State Historical Archives of the Cuvash Republic. Archives 82. Anagraph 1. Document 1354].
8. Izorkin A.V. *Sovety soldatskikh deputatov Chuvashii v 1917 godu* [Councils of soldier's deputies of Chuvashia in 1917]. In: *Chuvashiya v gody pervoi mirovoi voiny: sb. st.* [Chuvashia in the years of 1 world war: collection of the station]. *Cheboksary*, 1985, pp. 44–62.
9. Kazakova-Shemyakina M. *Plennye nemtsy okkupirovali stolitsu Chuvashii: neizvestnye podrobnosti 1-oi mirovoi voiny* [Captured Germans occupied the capital of Chuvashia: unknown details of the 1st world war]. *Vedomosti Chuvashskoi Respubliki* [Sheets Chuvash Republics]. 2005, no. 11, pp. 18–19.
10. Karatsuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.T. *Vybiraya svoyu istoriyu. Razvilki na puti Rossii: ot ryurikovichei do oligarkhov* [Choosing the history. Forks on the way of Russia: from Rurik dynasty to oligarchs]. Moscow, Kolibri Publ., 2005, 475 p.
11. Kashaev I.M., Matyushin P.N., Shirokov O.N. *Organizatsiya mobilizatsii lyudskikh resursov v uezdakh Kazanskoi gubernii v nachale Pervoi mirovoi voiny (na materialakh fonda Cheboksarskogo uezdnogo voinskogo nachal'nika)* [The organization of mobilization of human resources in counties of the Kazan province at the beginning of World War I (on materials of fund of the Cheboksary district military chief)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2016, no. 4, pp. 98–104.

12. Mikhailova E.M. *Chernosotennye organizatsii Srednego Povolzh'ya v 1905–1917 gg.* [The Chernosotenny organizations of Central Volga area in 1905-1917 Cheboksary]. Cheboksary, Klio Publ., 2000, 258 p.

13. Nikolaev G.A. *Izmenenie proizvoditel'nykh sil v selskom khosyastve Chuvashii v gody pervoi mirovoi voiny* [Change of productive forces in agriculture of Chuvashia in the years of 1 world war]. *Chuvashiya v gody pervoi mirovoi voiny: sbornik statei* [Chuvashia in the years of 1 world war: collection of the station]. Cheboksary, 1985, pp. 3 – 26.

14. Sokolova V.I., Kharitonova S.B. *Razmeshchenie i trudoustroistvo evakuirovannykh i bezhentsev v Simbirskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny* [Placement and employment evacuated and refugees in the Simbirsk province in the years of World War I]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, no. 2, p. 53.

15. *Pervaya mirovaya voina: avstro-vingerskie i germanskije voennoplennye v Chuvashii (dokumenty i materialy Gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Chuvashskoi Respubliki)* [World War I: Austro-Hungarian and German prisoners of war in Chuvashia (documents and materials of the State historical archive of the Chuvash Republic)]. Cheboksary, Novoe Vremya Publ, 2014, 520 p.

16. Fedorov F.F. *Fond alatyrskogo voennogo tsenzora – istoricheskii istochnik dlya izucheniya nastroyenii soldat russkoi armii v pervoi mirovoi voine* [Fund of the alatyrsky military censor – a historical source for studying of moods of soldiers of the Russian army in the 1st world war]. *Chuvashiya v gody pervoi mirovoi voiny: sbornik statei* [Chuvashia in the years of 1 world war: collection of the station]. Cheboksary, 1985, pp. 27–43.

17. *Cheboksary: istoricheskii ocherk* [Cheboksary: historical sketch]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2014, 511 p.

18. Shibaeva V.F., Bretkina M.A., Vanyushkin E.A. *Voennye gosspitali i lazarety v gody pervoi mirovoi voiny v Chuvashskom krae* [Military hospital and infirmaries in the years of 1 world war in the Chuvash region]. *Zdravookhranenie Chuvashii* [Health care of Chuvashia], 2014, no. 3, pp. 82–83.

19. Yaltaev D.A. *Uezdnyaya politsiya v Kazanskoj gubernii v 1862–1917 (po materialam chuvashskikh uezdov): dis. ...kand. ist. nauk.* [District police in the Kazan province in 1862–1917 (on materials of the Chuvash counties). Diss.]. Cheboksary, 2004. 292 p.

BLINJAEV SEMEN – Post-Graduate Student, Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (semen-blinjaev@rambler.ru).

SHIROKOV OLEG – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of Historian and Geographical Faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (425954@rambler.ru).

Ссылка на статью: Блиняев С.Н., Широков О.Н. Проведение мобилизации в Чебоксарском уезде Казанской губернии в годы Первой мировой войны (по документам Чебоксарской городской управы) // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 41–47.

УДК 392
ББК 63.5

Н.С. ВОЛКОВИЧ

ЧУВАШСКАЯ СВАДЬБА КАК СЕМЕЙНО-РОДОВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Ключевые слова: свадьба, семья, род, церемония, этнография, чуваш.

В статье акцентируются аспекты чувашской свадьбы, связанные с семейно-родовыми отношениями. Блоки свадебной обрядности («Знакомство», «Сватовство», «Одевание жениха», «Мужская свадьба», «Девичья баня») рассматриваются как формы конструирования связей не только двух экзогамных семей, но и, по меньшей мере, двух родовых групп. С этой точки зрения рассматриваются особенности поведения невесты (демонстрация подневольности, подчинения интересам родственной группы) и жениха на каждом этапе свадебных торжеств. Работа опирается на материалы экспедиций автора, полевые источники из регионов Поволжья, Ленинградской области и Санкт-Петербурга, архивные источники и опубликованные данные. Автор демонстрирует сохранение традиций, идущих от прежних поколений, в современной жизни чувашской семьи и видит в нынешней свадебной обрядности элементы сохранения отношений, восходящих к родовым структурам. Основанием для анализа служат собранные автором материалы (живое общение с современными чувашами на темы свадьбы, брака и семьи), архивные источники и опубликованная литература.

Вводная часть. Детальное изучение истории всегда, так или иначе, связано с попыткой осмыслить настоящее. Изменения семейных отношений, отношений мужчины и женщины в сравнении с традиционной нормой колоссальны. В моих полевых записях есть эпизод, когда в диалоге с дочерью некрещеный и преклонных лет чуваш, придерживающийся крайне традиционных взглядов на брак, вынужден публично признать точку зрения дочери, что мужчина, взявший замуж женщину с двумя и более детьми, заслуживает уважения. Хотя ранее он назвал бы это полной глупостью [6]. За последние 100 лет произошел коренной сдвиг в традиции семьи и взаимоотношений мужского и женского начал.

В традиции патриархальной семьи входило, среди прочего, сформировать идеальный (предпочтительный) тип женского поведения: плодовитость, работоспособность, чистоплотность, сдержанность в речах и т. д. Нередко основными стратегиями воздействия на женщину со стороны мужчины (в рамках семьи) являлись насилие и ограничение ресурсов, пищи, посещения родственников и соседей и т. д. Если разбирать каждую стратегию подробнее, то становится очевидным, что активные действия мужчины «во благо» могли вызывать негативную оценку со стороны других членов семьи. Например, дети не увидят ничего позитивного в прямом насилии над их матерью. Последним и радикальным средством в противостоянии мужа и жены является развод, но это относительно современный способ. Для традиционной культуры развод был возможен в случае отсутствия детей.

Чтобы понять внутреннюю логику традиционной чувашской семьи, обратимся к свадебному обряду, который раскрывает как основные ценности, так и структурные особенности семейной организации.

Основная часть. Стороннему наблюдателю при посещении некрещеных чувашей прежде всего в глаза бросается тема рода.

Деревня Средние Алгаши имеет три основные улицы по трем родам основателей деревни. Роды: Бикмендеевы, Селендеевы и Ильмендеевы. О таком типе застройки деревни (патронимии) упоминается у этнографов не раз. Современное чувашское кладбище организовано аналогично: три основные группы надгробий по родам, между ними небольшие лужайки. В начале обряда поминовения предков, которое проводится на кладбище на *шмёк* (рус. *семик*), заход одного члена рода в другую группу не приветствуется. Только в конце

обряда участники могут обходить могилы родственников на всем кладбище. Понятно, что за последние три века многие женщины, выходя замуж за односельчан с другой улицы (т.е. мужчин из другого рода), наладили взаимоотношения на общесельском уровне.

Причин экзогамных браков может быть немало, и выделять что-то отдельно нельзя. Показателен пример монархических браков, которые в какой-то степени законсервировали в себе традицию прошлого, в любом случае – это браки, направленные на установление и закрепление связей между определенными группами или народами.

Всегда сложно говорить о таких понятиях, как восприятие человека прошлого. Чтобы понять человека из прошлого, необходимо постараться встать на его место, что однозначно недостижимо, но попытка всегда дает шанс приблизиться к истине.

Знакомясь с традициями свадебной обрядности чувашской, русской и других народов, невольно удивляешься тому, как простой и неграмотный крестьянин мог наизусть проговаривать огромные тексты при сватовстве, как в подавляющем большинстве неграмотные девушки могли запомнить и воспроизвести столь пространные тексты плача невесты. Тексты свадебной обрядности предполагают определенный порядок действий, к которым они привязаны. Сват же воспроизводит эти тексты (совместно с обрядовыми действиями) всего несколько раз в жизни. Последовательное воспроизведение текстов и действий связано с их сакральным значением. При этом их воспроизведение предполагало некоторую вариативность, оставлявшую возможность проявить творческую свободу, а также адаптирование к особенностям каждой конкретной ситуации [16. С. 107–177].

Понятие «свадьба» многогранное, но мы попытаемся с помощью нашей гипотезы (род как системообразующий фактор) выстроить и проанализировать элементы свадебного обряда. Поэтому вкратце рассмотрим преломление традиции сквозь призму интересов рода в каждом случае. Свадьба у чувашей, как и у русских, – это сложное многоэтапное мероприятие.

Знакомство. Как известно, чувашские девушки и юноши собирались на *улахи* (посиделки) в осенне-зимнее время. Там происходили знакомства, проводились игры эротической направленности, появлялись влюбленные пары. Интимная близость была запрещена, табуирована. Надо отметить, что *улах* проводился только в рамках одной деревни.

В прошлом существовал запрет на браки в рамках одной деревни:

В своей деревне есть парень,
К нему душа лежит.
Но в чужой деревне есть парень,
Предписанный божеством *Турă* [14. С. 38].

Особо интересно, что подростки даже с присущим им максимализмом принимали это правило. Хотя, обратим внимание, для этого им приходилось разрывать «сердечную» связь с девушкой или парнем из своей деревни.

Уже в послевоенное время некрещеные чуваша могли жениться в рамках своей деревни.

Некогда строжайшее табу брака «до седьмого колена» постепенно сходило на нет:

Моему отцу богатство нужно,
Чужаку из седьмого колена
Большая семья нужна [13. С. 339].

Некрещеный чуваш (вернее сказать – человек, не порвавший с дедовскими традициями) Василий Алексеевич Селендеев (1937 г. р.), проживающий в Цильнинском районе Ульяновской области, рассказывал так о своем знакомстве с женой: «Мне уже было пора жениться, вот она мне приглянулась и, видимо, и я ей. Да, я знал, что она моя дальняя родственница – мы же из одной деревни» [6]. Один из его сыновей, шофер, женился на девушке из другой деревни. Дочь, переехав в город, уже там нашла супруга. Все дети В.А. Селендеева уже крещеные. Знакомство сейчас уже никак не регламентируется.

В традиции же характерно следующее: «У чуваш есть обыкновение брать жен и отдавать дочерей непременно в другие деревни. Отдавать дочерей или женить сыновей в своих деревнях у них считается грехом» [12. С. 26]. У чувашей Самарской Луки, как отмечают исследователи, браки заключаются преимущественно между женихом и невестой из компактно расположенной группы деревень или селений, находящихся на значительном расстоянии друг от друга (более 100 км) [11. С. 92]. Указывается, что до 90% всех браков – это браки между парнями и девушками из соседних окрестных чувашских деревень [19. С. 91]. Хотя уже В.А. Сбоев указывал, что традиции брать невест из чужой деревни в *большом* селе не существует [8. С. 20]. Большая деревня могла включать в себя немалое количество родов, поэтому в крупных селениях этот обычай не имел под собой смысла.

В чувашской и русской традиции не последнюю роль играет симпатия девушки и юноши. Видимо, браки против воли жениха и невесты были большой редкостью. Одним же из традиционных мест знакомства чувашских девушек и юношей соседних деревень являлась *ларма* – межсельская форма посиделок, а также другие межсельские контакты. В некоторых исследованиях говорится о соблюдении этой традиции как следствии сохранения единоверия (пример, в Самарской Луке). Вера воспринималась как один из признаков идентичности.

Сложная внутренняя драма разрыва отношений с партнером из своего села обусловлена строгим табу брака «до 7-го колена» (как правило, из чужой деревни). Правило это исходило от рода и имело обязательный характер.

Сватовство. В процессе сватовства достигаются две важнейшие цели:

1. Формальное одобрение выбора невесты и жениха обоими родами;
2. Невеста высказывает свое согласие/несогласие относительно кандидатуры жениха.

По естественным причинам возникает очень любопытный вопрос о значении сентиментальных чувств. Древнейшим памятником по этой теме является берестяная грамота № 521 (приглашение на свидание) [3. С. 507]. В большом количестве источников по русской и чувашской свадебной культуре определенно указывается все-таки на обязательную симпатию девушки и парня. Повторимся, что наибольшую сложность представляет реконструкция представлений/воззрения человека прошлого, но момент симпатии, безусловно, имел одно из ключевых значений.

Сам процесс сватовства буквально пронизан символикой соприкосновения двух родов.

Обратим внимание на некоторые важные особенности этого обряда:

– Яркая символика дальнего расстояния. Территориальная разность = родовая разность (чужак). По мнению Эдуарда Тайлора, территориальная разделенность племен лежит в основе возникновения экзогамии [10. С. 396-434]. Идея дальности находит также отражение в плаче невесты и во многих других элементах свадьбы. Дорогу к дому невесты сват нарочно увеличивает. Отец жениха после окончательного договора громко кричит всю обратную дорогу.

– Крайняя осторожность свата при вхождении в дом: выделяется порог, поклоны в избе, выделяется матица. Особое почтение локальным домашним божествам в доме невесты.

Мы можем предположить, что такая символика восходит к архаическим временам, когда территория чужого рода была, безусловно, смертельно опасной для чужаков, а вступающим на эту территорию необходимо быть крайне осторожными, чтобы ненароком сделать что-то не так. Обращает внимание традиция дать издали понять, что идет сват: он надевает лучшую одежду, но с некоторыми странностями, например, одна штанина выпущена из сапог. Странность одежды еще раз подчеркивает, что он чужак (даже одевается диковинно). Хотя, прежде всего, здесь следует говорить не о чужаке, а о человеке, наделенном особыми функциями.

И последнее ограничение, выдвигаемое родом, – это возраст невесты. Как правило, возраст невесты около 25-28 лет, а жених примерно лет на 10 младше. В этнографической литературе подтверждений данного обычая и его, скажем так, обязательности – множество [7. С. 135–136].

На этапе сватовства происходит процесс первичного одобрения родами будущего союза и, что очень важно, девушкой и юношей дается их собственное согласие. Молодые совершенно свободно решают свою судьбу, но в рамках легитимного с точки зрения традиции союза. Форма ритуала прекрасно сохранила традиции родовой раздробленности и противоположности.

Одевание жениха. Структура обряда «Одевание жениха» имеет следующие особенности:

- 1) жениха одевает, как правило, жена старшего брата жениха или жена старшего дружки, или жена брата невесты;
- 2) наряд жениха со смушковой шапкой, по сути, зимний, очень сложный;
- 3) монета в лобной части шапки жениха;
- 4) в его руке нагайка.

Естественно, особенностей здесь существенно больше: наплечный платок жениха *сулӑк*, пояс жениха и т. д., но остановимся на наиболее значимых с точки зрения темы.

В случае одевания здесь очевидно значение уровня рода. Старший брат – это всегда отделившийся и самостоятельный человек. Кроме того, одевает всегда женщина со статусом «жена», т.е. *женщина*, уже прошедшая инициацию, уже интегрированная в чужой род.

Еще один элемент – плеть. Напомним, что сват уже на этапе сватовства использует этот предмет. Нужно отметить (по собственному наблюдению), что чуваша-мужчины очень терпеливые и любящие мужа, которые стараются сохранить с женой теплые отношения [4]. Даже пьющие чуваша считают нужным объяснить причину своего конфликта с женой. Чуваш старается никогда не наговаривать на жену: «Когда я брал ипотеку, она (жена) повела себя так, что мне и говорить стыдно» [5]. Открытых, грубых конфликтов среди чувашей мне не приходилось видеть.

Нагайка, в любом случае, это образ силы и покорности. Мы попытаемся вложить несколько иной смысл использования нагайки в свадебной символике, чем это принято считать. Напомним, что свадьба – это объединение двух экзогамных родов. Нагайка используется сватом, женихом. Поэтому позволим себе утверждать, что здесь речь идет не об уровне жених – невеста, а, все-таки, определенно это уровень «род жениха – род невесты». Символика нагайки в свадебной обрядности – это отголосок прошлых времен, когда женитьба была одним из способов перемирия двух враждующих родов с той или иной целью в зависимости от обстоятельств. Поиск невесты в прошлом был

сопряжен с риском для жизни юноши-жениха. Проникновение чужака на территорию другого рода было опасным для жизни в буквальном смысле. По всей видимости, весь процесс переговоров в свадебной обрядности – это отражение межродовых переговоров в прошлом, где оружие (сила) играла не последнее место. Нагайка – это образ силы не только жениха, но и его рода.

Тема силы, агрессии рода жениха проявляется и в том, что сват в доме невесты садится под матицу, что у чувашей не принято. Конечно, этот комплекс обрядов абсолютно прозрачен: обыгрывается первособытие, когда на территорию рода невесты приходит племя *опасных* завоевателей, *угрожающих* жизни этого рода. Нерегламентированное поведение стороны жениха по отношению к матице и в русской, и в чувашской традиции призвано изобразить покушение на устои рода невесты. Поэтому нагайка тут – собирательный образ оружия/силы/войны, а не тривиальный символ подчинения жены.

Прошлое, как и современная жизнь, многообразно. Повторимся, что невозможен один единственный вариант процесса возникновения экзогамии. В каких-то ситуациях это мог быть результат военного противостояния, где-то – как противостояние экономического характера, в других моментах – как кража невест (обряд умыкание невесты) и т.д. В этом-то и кроется загадка возникновения экзогамии, которую невозможно свести только к одной определенной ситуации. Звеном единой цепи можно назвать только само противостояние между родами, которое вытекает из самой природы того уклада, т.е. племенной раздробленности (свой/чужой). Свадебная обрядность сохранила в себе эти моменты, но многослойно. Первособытие свадьбы в традиции отражает некое многообразие прошлых ситуаций: отдание девушек как перемирие перед более сильным противником или для торговых выгод, или после кражи в силу обстоятельств и т.п. И все эти моменты нашли отражение в элементах обряда, но сохранялись они в обрядности не хронологически, а многослойно, иногда наслаиваясь друг на друга в зависимости от определенных обстоятельств. Но в каких-то случаях мы говорим об отдельной традиции, например, умыкании.

Сегодня человек выпадает из самого понятия «род». В прошлом место в роду человеку обеспечивал сам общий образ жизни. Например, для автора было поразительно при общении с некрещеными чувашами то, что строительство дома (обеспечение жилплощадью) выполнялось полностью силами и средствами рода, в том числе, естественно, семьи. Респондент откровенно сказал, что строительство ему не стоило ни копейки. Причем чувашский дом – это не только сам дом, сюда входит дом, сарай, летний дом, ворота, баня и около 10 соток земли под огород. Для городских современников, платящих самостоятельно несколько десятков лет солидные суммы за ипотеку, – это не более чем удивительная сказка из прошлого.

Снижение внешней агрессии среды обитания постепенно сделали человека независимым от рода. Поэтому многие аспекты прошлого обречены на вымирание. Например, сегодня, женившись, мужчина может взять на себя обязательство за нескольких чужих детей от предыдущего брака и это теперь вызывает уважение в обществе. Женщины могут иметь несколько детей от нескольких мужчин и необязательно быть когда-нибудь за ними замужем. Для традиции, т.е. буквально 100 лет назад, это было бы просто нереальным, такие люди в лучшем случае были бы обречены стать изгоями. Мужчины и женщины вынуждены принимать новые условия для продолжения жизни как таковой, даже если дети уже не своего рода.

Мужская свадьба. Здесь продолжается логика констатации события в мужском роду, т.е. его утверждения на всех уровнях рода. Если раньше участники были локализованы в рамках избы семьи (не считая выездов), то теперь

свадьба должна утвердиться в полную силу на всей территории деревни жениха. Естественно, одним из основных пунктов визита свадьбы становится коренной дом жениха.

Обряд многосложен и включает в себя множество крайне важных элементов.

Постараемся изложить наиболее важные пункты в хронологическом порядке:

1. После коленапреклонения поют три круга песен, а скрипач начинает играть мелодию *вэй килли*. Глава дома и жена начинают танцевать, слегка шаркая ногами. Происходит важнейшее событие в жизни человека – одно из событий цикла человеческого жития (рождение – свадьба – смерть). Пройден один из этих этапов: свадьба сына или отделение сына. Шарканье как некий символ преодоления одного из этапов и уже надвигающейся старости. Можно сказать, что перед нами отец и мать, постаревшие перед возможной потерей сына (теперь женатый сын отделится и уходит от родителей). В шарканье мы видим выражение старости/немощи после определенного события.

2. Все выходят во двор и садятся на коней в особом порядке. Старший и младший дружка в первой линии. Затем в центре жених с другими мужчинами и двумя холостяками по краям во вторую линию. Все остальные на телегах под управлением мужчин. Перед нами получается небольшое войско в походе: авангард, левый и правый фланги, центр, обоз.

3. И первым местом, куда движется это импровизированное войско – *вэй кил* (букв. – «дом для игры»), место временного пребывания представителей невесты (может быть соседний дом, дом родственника, дом родителей невесты, но, как правило, соседний дом). Как и на настоящих войнах, всегда должно произойти первое столкновение «разведка боем», что, собственно, и происходит в обряде в аллегорической форме.

Обращает на себя внимание:

– За въезд в *вэй кил* требуют денег. Во все остальные дворы мужской свадьбе ворота открыты и не чинится препятствий.

– Родственники жениха в итоге врываются в избу, где находятся родственники невесты, и начинают плясать, возможна и потасовка. Напомним, что во время сватовства большинство участников со стороны жениха находятся только в пороговой части избы, не смея вступить далее.

Исследователями подчеркивается, что тут происходит первый контакт стороны жениха со стороны невесты. На наш взгляд, *сверхважно* выделить, что этот контакт, по сути, аллегорический бой.

Ведь именно с боя двух сторон начинается встреча родственников при свадьбе умыканием: «Но не опасайтесь за его слишком вредные последствия: расквасят носа два-три, вставят с обеих сторон несколько фонарей под глаза, махнут по разу друг-друга под микитки, – и баста! это только церемония» [8. С. 30].

Получается, что в основе свадебной легенды лежит некое противостояние двух родов, в котором всегда есть место такому важнейшему событию, как непосредственно сам бой.

4. Далее следует обход поездом родственников, который начинается с коренного дома *тёл кил*. Здесь много движений по ходу солнца – в доме коренного важна эта отсылка на цикличность, так как он есть символ преемственности. Этим участники передают лаконичность своих действий, т.е. свадьба идет в соответствии с жизненным порядком (по солнцу).

Следуют песни и обращения к главе дома.

Достаточно примечательно следующее обращение старшего дружки к хозяину дома:

Снаружи восемь, изнутри четыре,
Из четырех углов один нам не будет ли? – говорю.
Из шестидесяти шести половиц
Шесть нам не будет ли поплясать? [7. С. 149].

Ранее там были просьбы отдать 8 скамеек из 88 и 9 половиц из 99. Скорей всего, речь идет о какой-то общепринятой внутренней доле распределения. Наподобие 10% доходов, которые православный должен жертвовать церкви.

В дальнейшем из речи дружки следует, что дом свата также имеет восемь внешних углов и внутри четыре. Местом отправления культа у чувашей является *Киремет*, который имеет форму четырехугольника. У каждой деревни существовало свое святилище. Изначально исследователи считали такое место местом обитания злого духа, но позднее была показана его дуалистичность.

Возвращаясь к коренному дому и дому невесты, можно сказать, что в обоих случаях проходит логическая увязка:

дом коренного – *Киремет* деревни «А»,
дом невесты – *Киремет* деревни «Б».

Согласно общему мнению, старцы имели связь с родоначальниками деревни и с божествами, обитающими в округе. И выбор для обряда дома тестя (= дом родоначальника) наглядно говорит о том, что первично породнение двух родов шло через родство родоначальников. Поэтому в некоторых деревнях некрещеных чувашей так широка традиция брать невест только из определенной деревни [13. С. 323]. По всей видимости, породненные в стародавние времена по инерции так и следовали уже традиции-правилу, первопричина которой со временем забылась.

5. В коренном доме участники поезда, стоя на коленях, получают благословление от стариков.

Далее поезд обходит других родственников жениха. Предстоящий брак получает одобрение на всех уровнях деревенской иерархии, а также по всему локусу рода жениха.

Девичья баня. Перед свадьбой накануне вечером или рано утром невеста по обычаю шла в баню. Как и в случае со свадебной баней жениха, девичья баня проводилась для духовного очищения невесты [15. С. 95]. В бане невесту сопровождали обязательно девушки, отсюда и название обряда *девичья баня*. Женщин тут не должно быть.

Представляет интерес следующий момент: подружки охаживают невесту вениками до тех пор, пока она не произнесет имя жениха. Чем дольше она терпит и не произносит имя жениха, тем лучше с точки зрения традиции. Далее ее трижды обливали ключевой водой, чтобы смыть все девичьи шалости.

Этот обряд прекрасно иллюстрирует все то же противостояние родов. Невеста здесь жертва, которую родители вероломно отдают чужим людям. Девушку отрывают от ее рода. Тот момент, когда подружки невесты охаживают ее веником, призван изобразить силу ее сопротивления отделению от своего рода. Как только она назовет имя жениха – это принятие ею неизбежного. Канонически девушка противилась именно исключению ее из своего рода и должна показательно демонстрировать все свое сопротивление. Это выражается всеми способами на протяжении всей свадьбы: сюда относится и плач невесты, и девичья баня, и другие элементы обряда.

Приведем еще один аргумент данного объяснения. Во время родов незамужняя роженица должна была для облегчения боли назвать имя отца ребенка [7. С. 118]. Здесь прослеживается та же логика: в финале физической муки должно прозвучать имя виновника.

В обоих контекстах имя жениха называется как обозначение конечного виновника. Вина девушки перекладывается с нее, и она становится уже жертвой.

1. В случае с баней: обыгрывается степень определения ее виновности из-за ухода из рода. Оказывается, она выходит из своего рода не по своей воле, а из-за конкретного человека – вот его имя. Поэтому традиция поощряет долго-терпение пару и охаживанию венниками = сила ее противления. Имя виновника должно произноситься в момент кульминации, когда невозможно более терпеть. Обряд использует символику крайнего вынуждения = невозможно более оставаться в роду. Невеста, «не терпящая» банного обряда, выказывает пренебрежение своему роду, что крайне негативно воспринимается традицией.

2. В случае с родами: не по своей воле она забеременела, ее обольстил «злодей-искуситель». Родовые муки посылаются ей высшими силами. Но как только она перекладывает вину (произносит имя): она сменяет статус с виноватой на жертву. Родовые муки должны прекратиться после того как именуется конкретная виновная сторона. Думается, что этот же механизм в какой-то мере заложен и в куваду, где муж призван разделить (забрать) родовые муки своей жены, так как он ответствен за зачатие. Соответственно, признав свою вину, муж снимает боли с жены и переносит их уже на себя. Таким образом он одновременно переводит ребенка женщины из чужого рода в свой род.

В прошлом человек воспринимал себя как *неотъемлемую* часть своего рода. Мы знаем, насколько страшно было отцовское проклятие для выживания мужчины в традиционной культуре [1. С. 178–186]. В данном случае свой род вынуждена покидать женщина. В действительности выход из рода являлся для нее настоящей *драмой*. И именно эту тему развивает свадебная обрядность со стороны невесты: она была призвана не только аллегорически выразить драму оставления рода, но и придать легитимность этой крайней ситуации.

Принято считать, что традицией двигало рождение детей, так как дети – это бесплатные помощники для тяжелого крестьянского труда. Поставим тогда вопрос так: *почему девушки должны были покидать свой род и уходить к мужу, не удобней было бы им оставаться в своем роду и рожать детей?* Это как раз и бесплатные работники в будущем, и, самое главное, это – родные внуки, те же продолжатели рода, но только по женской линии. Чувашский материал ярко отражает тот период социально-экономического развития, когда семья, по словам Энгельса, стала грозной силой для родовых устоев [18. С. 162].

Серьезным шагом, практически прорывом, можно назвать понимание свадебной обрядности (и следующих в этом ключе обрядов вплоть до утраты женщиной репродуктивности) как сложный процесс интеграции женщины в новый род [9. С. 419–431]. Подчеркивая огромную важность для человека прошлого быть включенным в род, нельзя забывать о невозможности данной интеграции без неразрывного с ним процесса выхода девушки из своего рода. Девушка интегрируется в новый род не из ниоткуда, она приходит из конкретного рода, имеющего свою историю и традиции. Поэтому взгляд на эту проблему должен обязательно включать понимание двух этих обоюдных процессов, а не только вопрос входа невесты, а затем уже женщины, в новый род, род мужа. Существует большая сложность для исследователя, так как, с одной стороны, это два самостоятельных процесса «вход» и «выход», но, с другой стороны, они являются взаимообразующими. Эту взаимосвязь необходимо четко понимать, чтобы избегать односторонности. Например, для жениха выкрикивание его имени в обряде «девичья баня» означает согласие невесты на принадлежность ему. Поэтому Б. Малиновский справедливо полагал, что ритуал, оторванный от реальности, атавизм [2. С. 278–288].

Процесс интеграции девушки-невесты (далее уже со статусом жены) в новую родовую группу изначально требует ее обязательного выхода из преж-

ней группы. В основе процесса выхода лежит исключение девушки из репродуктивного цикла ее родной группы [17. С. 150].

Выводы. Древние обряды – это те же созданные человеком конструкции, где все элементы плотно *взаимоувязаны* в единую структуру, выполняющую вполне конкретные функции и задачи (свадебная, родильная, похоронная и другая обрядность). Слитность (сращенность) многочисленных элементов единой конструкции обеспечена многовековой историей функционирования обряда. Обряд обладает уникальной «непростой» простотой.

В основе этих конструкций лежат обычные интересы людей, касающиеся довольно простых (повседневных) вещей. С ходом времен эти интересы меняются, происходит трансформация обрядов. В основе свадебной обрядности лежит первособытие, а точнее – цепь первособытий, которые накладываются (наслаиваются) друг на друга, приобретая впоследствии новые значения и функции.

Основываясь на исторических и этнографических источниках, можно заключить, что в недавнем прошлом чувашское общество состояло из патрилинейных родовых групп. На основе такой группы и формировалась, как правило, деревня.

В процессе свадебной церемонии традиция особо ставила акценты на:

- исключение невесты из ее родовой группы;
- включение «чужачки» в родовую группу жениха.

Обрамленный в обрядовые церемонии переход невесты в чужой род происходил вполне легитимно.

Феномен свадьбы присутствует в чувашской жизни всегда, но ее форма сейчас кардинально другая. Теперь свадьбы даже в самой глухой чувашской деревне проводят в клубах, в столовых или дома, они ничем не отличаются от городских свадеб.

Хотя следует признать, что народ противится «забвению» своих корней и часто обращается к традициям своих дедов. Никому не хочется, чтобы его назвали «Иваном, не помнящим родства».

Литература

1. Кушкова А.Н. Конфликт отцов и сыновей // Мужской сборник. М.: Лабиринт, 2004. Вып. 2. С. 178–186.
2. Малиновский Бр. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.
3. Пушкарева Н.Л. «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.). М.: Ладомир, 1999. 862 с.
4. ПЭМ (Полевые экспедиционные материалы) – собраны автором в 2014 г. в г. Санкт-Петербург среди участников фольклорного ансамбля «Парне» чувашского землячества.
5. ПЭМ – собраны автором в 2015 г. в пос. Токсово Ленинградской обл.
6. ПЭМ – собраны автором в 2016 г. в Цильнинском районе Ульяновской области.
7. Салмин А.К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 688 с.
8. Сбоев В.А. Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношении: Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. М.: Тип. С. Орлова, 1865. 188 с.
9. Содномпилова М.М. Чужие для всех: группа «невестки» в концептуальном универсуме монгольского общества // Сибирский сборник – 4. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 419–431.
10. Тайлор Э. Б. Антропология. СПб.: Изд. И.И. Билибина и К^о, 1882. 434 с.
11. Фокин П.П. Свадебные традиции чувашей Самарской Луки // Чуваша Самарской Луки / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. С. 92–101.
12. Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Казан. ун-т, 1840. 329 с.
13. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее НА ЧГИГН). 7 – Ашмарин Н.И. Этнография, топонимика, фольклор. 1899–1901 гг. 1080 с.
14. НА ЧГИГН. 14 – Песни. 1896–1930 гг. 421 с.
15. НА ЧГИГН. 332 – Никольский Н.В. История, археология, этнография, язык, литература. 1928–1929 гг. 223 с.
16. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л.: Наука, 1986. 304 с.

17. Щеланская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.

18. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 23–178.

19. Ягафова Е.А. Семья и брак до христианизации (по материалам III ревизии) // Чуваши Самарской Луки / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. С. 89–91.

ВОЛКОВИЧ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ – экстерн, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (nvolk@mail.ru).

N. VOLKOVICH

CHUVASH WEDDING AS A FAMILY-ANCESTRAL CEREMONY

Key words: wedding, family, ancestry, ceremony, ethnography, the Chuvash.

The article focuses on Chuvash wedding aspects connected with family-ancestral relations. Blocs of wedding rituals such as «Acquaintance», «Match-making», «Dressing up a fiancée», «Men's Wedding» «Maiden banya» are seen as forms for designing relations not only between two exogamic families but of at least two ancestral groups as well. From this point of view a bride's behavior (demonstration of subjection, subordination to the kin group interests) and that of a fiancée at each stage of the wedding celebrations are examined. The work draws on materials of the author's expeditions, field sources of the Volga regions, Leningrad region and St. Petersburg, archival sources and published data. The author illustrates preserving traditions from previous generations in modern life of a Chuvash family and in current wedding rituals he sees elements of maintaining relations, rising to ancestral structures. The bases for the analyses are materials collected by the author (live communication with modern Chuvashes on the themes of wedding, marriage and family), archival sources and published literature.

References

1. Kushkova A.N. *Konflikt ottsov i synovei* [Conflict of fathers and sons]. In: *Muzhskoi sbornik* [Men's digest]. Moscow, 2004, iss. 2, pp. 178–186.

2. Malinovskii Br. *Maghiya, nauka i relighiya* [Magic, science and religion]. Moscow, Refl-buk Publ., 1998, 304 p.

3. Pushkareva N.L. «A se grekhi zlyye, smertnyye...»: *Lyubov', erotika i sek-sual'naya etika v doindustrial'noi Rossii (X – pervaya polovina XIX v.)* [«And behold evil sins, mortal ...»: Love, erotic and sexual ethics in the pre-industrial Russia (X – the first half of XIX century)]. Moscow, Lodomir Publ., 1999, 862 p.

4. *Polevyeye ekspeditsionnyye materialy – sobrany avtorom v 2014 g. v g. Sankt-Peterburg sredi uchastnikov fol'klornogo ansamblya «Pame» chuvashskogo zemlyachestva* [Field-work expedition's materials].

5. *Polevyeye ekspeditsionnyye materialy – sobrany avtorom v 2015 g. v pos. Toksovo Leningradskoi obl.* [Field-work expedition's materials].

6. *Polevyeye ekspeditsionnyye materialy – sobrany avtorom v 2016 g. v Tsil'ninskom raione Ul'yanovskoi oblasti PEM* [Field-work expedition's materials].

7. Salmin A.K. *Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda* [Celebrations, rites and beliefs of the Chuvash people]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2016, 688 p.

8. Sbovey V.A. *Chuvashy v bytovom, istoricheskom i religioznom otnosheni-yakh: Ikh proiskhozhdeniye, yazyk, obryady, pover'ya, predaniya i pr.* [Chuvash in the household, historic and religious aspects: Their origin, language, rituals, beliefs, traditions and so on]. Moscow, 1865, 188 p.

9. Sodnompilova M.M. *Chuzhyye dlya vsekh: gruppa «nevestki» v kontseptual'nom universume mongol'skogo obshchestva* [Aliens for all: a group of «daughter-in-law» in the conceptual universe of Mongolian society]. *Sibirskii sbornik – 4* [Siberian digest – 4]. St. Petersburg, 2014, pp. 419–431.

10. Tailor E.B. *Antropologiya* [Anthropology]. St. Petersburg, 1882, 434 p.

11. Fokin P.P. *Svadebnyye traditsyi chuvashy Samarskoi Luki* [Wedding traditions Chuvash of Samara's Luki]. In: *Chuvashi Samarskoi Luki* [Chuvash of Samara's Luki]. Cheboksary, 2003, pp. 92–101.

12. Fuks A. *Zapiski o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoi gubernii* [Notes about Chuvash and Cheremis of Kazan province]. Kazan, 1840, 329 p.

13. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. 7 – Ashmarin N.I. Etnografiya, toponimika, fol'klor. 1899–1901 gg. 1080 s.* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. 7 – Ashmarin N.I. Ethnography, toponymics, folklore. 1899–1901, 1080 p.].

14. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk*. 14 – *Pesni. 1896–1930 gg.* 421 s. [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. 14 – Songs. 1896–1930, 421 p].

15. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk*. 332 – *Nikol'skii N.V. Istoriya, arkheologhiya, etnografiya, yazyk, literature. 1928–1929 gg.* 223 s. [History, archeology, ethnography, language, literature. 1928–1929, 223 p.].

16. Chistov K.V. *Narodnyye traditsii i fol'klor: Ocherki teorii* [Folk traditions and folklore: Essays on the theory]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 304 p.

17. Schepanskaya T.B. *Kultura dorogi v russkoy miforitualnoy traditsii XIX–XX vv.* [Culture of the Road in Russian Mythologic and Ritual Tradition XIX–XX cc.] Moscow, Indrik Publ., 2003, 528 p.

18. Enghels F. *Proiskhozhdeniye sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva: V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana* [The Origin of the Family: In connection with studies of Lewis H. Morgan]. In: Marks K. i Enghel's F. *Sochineniya* [Collected works] Moscow, 1961, vol. 21, pp. 23–178.

19. Yagafova Ye.A. *Sem'ya i brak do khristianizatsii (po materialam III revizii)* [Family and marriage before Christianization (according to the 3rd audit)]. In: *Chuvashy Samarskoi Luki* [Chuvash of Samarskoi Luki]. Cheboksary, 2003, pp. 89–91.

VOLKOVICH NIKITA – Extern, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Russia, Saint Petersburg (nvolk@mail.ru).

Ссылка на статью: Волкович Н.С. Чувашская свадьба как семейно-родовая церемония // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 48–58.

УДК 94(47+57)“1941/1945”]:172.15-054.5
ББК ТЗ(2)622-207.2(2Рос.Чув)

А.Д. ГРИГОРЬЕВ, С.Б. ХАРИТОНОВА

**ФОНД ОБОРОНЫ И ФОНД КРАСНОЙ АРМИИ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПАТРИОТИЗМА И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШСКОЙ АССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Ключевые слова: история Великой Отечественной войны, тыл в годы войны, патриотизм, гражданственность, Чувашская АССР.

Фонд обороны и фонд Красной Армии являются ярким показателем проявления патриотизма и гражданственности населения в период Великой Отечественной войны. Именно в этот сложный для страны период тыл государства выступил в едином порыве, направленном на сбор средств в помощь фронту. На основе опубликованной литературы и архивных источников в статье представлен анализ динамики поступлений средств от населения в фонды обороны и Красной Армии в период Великой Отечественной войны, а также формы выражения этих поступлений. В статье дан анализ примеров героических поступков тружеников тыла, направленных на пополнение фондов обороны и Красной Армии.

Патриотическое движение трудящихся по оказанию финансовой, а также материальной помощи фронту носило всеобъемлющий характер, и с началом Великой Отечественной войны в стране было развёрнуто движение, связанное с созданием фонда обороны. В Чувашской АССР не было семьи, которая в той или иной форме не принимала непосредственного участия в поддержке Красной Армии.

С создания фонда обороны, по существу, началась помощь фронту, проявившаяся не только индивидуальными и коллективными взносами и отчислениями части заработной платы и трудовой, но и сдачей продовольствия, обмундирования, вещей и т.д. В значительной степени население в своём патриотическом порыве вносило в фонд обороны как денежные сбережения, так и облигации государственных займов, активно передавались драгоценные предметы, золото, серебро, а также продукты сельского хозяйства. При всём многообразии форм самым главным в данном движении, конечно же, являлась всенародная помощь фронту денежными средствами во имя победы над общим врагом.

Идея создания самого фонда обороны принадлежит трудящимся, но это всенародное патриотическое движение никогда бы не стало массовым без огромной разъяснительной работы, которую проводили различные общественные организации. Именно они доводили до населения идею о том, что средства, вносимые в фонд обороны, – это снаряды и бомбы, танки и боевые корабли, пушки и самолёты, а самое главное – это победа.

Официальная дата возникновения фонда обороны – июль 1941 г. Инициаторы создания – рабочие завода «Красный пролетарий». Именно они через печать обратились ко всей стране с призывом создать фонд, куда бы стекались все денежные средства, направляемые населением в помощь армии и фронту. Этот призыв нашёл сторонников у трудящихся Чувашской АССР. Труженики Кольцовского колхоза Вурнарского и Чепкас-Никольского сельского совета Шемуршинского районов выступили инициаторами создания в Чувашской АССР счёта по перечислению денежных средств в фонд обороны в июле 1941 г. Одними из первых в фонд обороны внесли денежные средства коллектив Чкаловской МТС (14 тыс. руб.) и пайщики Козловского, Ибресинского, Ишлейского районов (300 тыс. руб.) [13]. Именно с этой инициативы трудящихся берёт своё начало создание фонда обороны в Чувашской АССР.

После публикации обращения в центральной и республиканской прессе в Чувашской АССР начались митинги, на которых труженики тыла заявили о своем желании помочь армии и государству в борьбе с фашистской Германией и выступили с инициативой создания фонда обороны. Данная инициатива получила отклик среди трудящихся республики. Так, к середине октября 1941 г. в фонд обороны поступило 1900 тыс. руб., из них по городу Чебоксары – 414 тыс. руб., по Канашскому району – 265 тыс. руб., по Алатырскому району – 216 тыс. руб., по Шумерлинскому району – 156 тыс. руб. [12]. Только рабочие и служащие Канашского вагоноремонтного завода к началу января 1942 г. перечислили в этот фонд 562,2 тыс. руб. [10. С. 241].

Крестьянство Чувашской АССР поддержало инициативу рабочих. В декабре 1941 г. Чувашский обком ВКП(б) одобрил предложение трудящихся колхоза «Цивильстрой» Цивильского района, первыми в Волго-Вятском регионе обратившихся с предложением к трудящимся Чувашской АССР посильно выращивать домашний скот для сдачи его в фонд обороны [3. Д. 175. Л. 87]. Результаты этого призыва не заставили себя долго ждать, и к началу февраля 1942 г. колхозниками Чувашской АССР в помощь фронту было выращено 400 голов крупного рогатого скота, а также более 4000 овец и свиней [16. С. 339].

Активно было поддержано и предложение колхозников Чувашской АССР сеять сверх плана так называемые «гектары обороны». Несмотря на сложную обстановку, ими было сдано в фонд обороны 80 тыс. л. молока, 336 т зерна, 433 ц мяса [2. Д. 681. Л. 8]. К январю 1942 г. населением республики было внесено 6,5 млн руб. деньгами и 5,5 млн руб. облигациями госзайма, также около 3 тыс. пудов мяса, 65 тыс. л молока, более 23 тыс. пудов зерна и 2264 кг шерсти [11. С. 122].

Так, нарком финансов СССР А.Г. Зверев в мемуарах рассказал о том, что в сложнейших условиях военных действий были разработаны проекты мероприятий, связанных со срочным изысканием денежных средств для обеспечения фронта всем необходимым, и их реализации уделялось первостепенное внимание [8. С. 202]. Так, фонд обороны был одним из средств мобилизации накоплений населения, направленной на укрепление финансовой системы государства. Следует отметить, что партийные организации, занимаясь агитацией населения, сами принимали активнейшее участие в сборе денежных средств. Так, Первочкаловской партийной организацией было принято решение о ежемесячном отчислении в фонд обороны, помимо однодневного заработка, ещё и 25 руб. [5. Д. 17. Л. 66].

Сбор средств в фонд обороны принял по-настоящему грандиозный характер, в нём участвовало всё население страны, несмотря на возраст и род деятельности. На всех крупных и средних предприятиях, а также в учреждениях рабочие и служащие каждый месяц до победы в Великой Отечественной войне переводили свой однодневный или двухдневный заработок в фонд обороны. Уже в конце 1942 г. денежные взносы, перечисляемые трудящимися, превысили 5 млрд руб. [17. С. 501]. От населения за четыре года Великой Отечественной войны было получено наличными средствами более 131 кг золота и 9519 кг серебра, 17 кг платины, 17 млрд руб. [1. С. 762].

Трудящиеся Чувашии приняли активное участие в движении по созданию фонда обороны в стране. От населения, проживающего в Канашском районе, к середине января 1942 г. поступило в отделение Госбанка для фонда обороны 669 949 руб., а также средства, заработанные на воскресниках – 122 318 руб. [6. Д. 45. Л. 2]. Так, в конце 1942 г. перечисления в фонд обороны составляли в целом по Чувашской АССР около 23 млн руб. [10. С. 241].

Уже осенью 1941 г. был начат сбор средств и на приобретение боевой техники в фонд Красной Армии, что стало ещё одним значительным проявлением патриотизма жителей Чувашской АССР. Это движение быстро распространилось и выразилось в сборе средств на покупку именных самолетов, танковых колонн, бронепоездов, боевых кораблей, а также иной военной техники. Республиканские газеты и местное радиовещание освещали данное мероприятие и вели разъяснительную работу среди трудящихся республики о значении этого патриотического движения [4. Д. 55. Л. 11,66].

Одним из ярчайших примеров проявления патриотизма чувашского народа является сбор денег на постройку бронепоезда «Комсомол Чувашии», проведившийся по инициативе молодёжи и комсомола швейных и сапожных цехов промышленной артели «Большевик» Октябрьского района. Этот порыв молодёжи был поддержан абсолютно всеми трудящимися Чувашской АССР вне зависимости от их возраста. К началу декабря 1941 г. было собрано почти 500 тыс. руб., а к 20 декабря 1941 г. на строительство «Комсомола Чувашии» поступило уже 1341 тыс. руб. [2. Д. 920. Л. 131]. Сбор денег на строительство бронепоезда был расценен как важное государственное дело, как вклад Чувашской АССР в помощь фронту. К концу 1942 г. трудящимися в Чувашской АССР в целом было внесено в фонд Красной Армии 43250 тыс. руб. [2. Д. 913. Л. 2].

Примером патриотизма и гражданского долга стал поступок студентов и преподавателей высших учебных заведений. Так, коллективом Чувашского государственного педагогического института было собрано на бронепоезд «Комсомол Чувашии» более 2 тыс. руб. Преподаватели отчисляли свой двухдневный заработок в помощь населению, проживавшему на освобождённых от немецких захватчиков территориях. В 1944 г. коллективом института было собрано более 100 тыс. руб. на приобретение боевой техники, за что он удостоился благодарности Верховного главнокомандующего И.В. Сталина [18. С. 124].

Широчайший размах в годы Великой Отечественной войны получила и традиция дарения боевой техники гражданами республики родственникам и землякам, воевавшим на фронте. Так, в июне 1944 г. в Яльчикском районе председатель колхоза «Марс» А.Г. Грязов внёс 110 тыс. руб. на приобретение боевого самолёта для земляка Героя Советского Союза А.В. Кочетова, несмотря на то, что в 1942 г. уже вносил 105 тыс. руб. на приобретение техники для Красной Армии. В июле 1944 г. в Вурнарском районе председатель Кольцовского колхоза А.Д. Васянин внёс 100 тыс. руб. на приобретение боевого самолета, попросив передать его сыну Николаю Васянину. 30 июля 1944 г. в Моргаушском районе председатель колхоза «Красное Сормово» П.Н. Михайлов вместе с трудовым коллективом внес 200 тыс. руб. на приобретение самолётов для земляков Героев Советского Союза Ф.Н. Орлова и Б.М. Васильева [19. С. 31]. В Порецком районе председатель колхоза «Красный пахарь» М.В. Дубровин внес 100 тыс. руб. на боевой самолет для сына Степана [16. С. 352].

Активное участие в создании фонда обороны и фонда Красной Армии принимали и дети. Так, по примеру взрослых они занимались сбором денег на строительство танка «Пионер Чувашии», а также танковой колонны «Школьник Советского Союза». На протяжении 1942–1943 гг. школьниками в Чувашской АССР было внесено почти 360 тыс. руб. С инициативы учеников пятого класса Чебоксарской СШ № 3 имени Н.К. Крупской была начата пропаганда, направленная на сбор средств и строительства на них танка «За счастливое детство». В результате коллективом школы было собрано более 12 тыс. руб., при этом свыше 7 тыс. руб. наличными, 5300 руб. облигациями госзайма [14].

Сбор денежных средств на строительство техники для фронта с 1943 г. приобрел огромный размах. Так, в 1943 г. на Чебоксарском электроаппаратном заводе собирались денежные средства на строительство эскадрилий боевых самолетов «Красная Чувашия» и «Комсомол Чувашии». Коллективом предприятия было внесено 238 тыс. руб. на строительство бронепоезда «Казанский железнодорожник» – 115 тыс. руб. и более 30 тыс. руб. облигациями государственного займа [6. Д. 64. Л. 16]. Более 13 тыс. руб. было собрано на подарки солдатам Красной Армии. В этот же период ими было собрано более 18 тыс. руб. для жителей г. Ленинград [15. С. 57]. Следует отметить, что помощь фронту оказывалась в основном женщинами, так как именно они заменили мужчин в тылу [7. С. 41].

За годы Великой Отечественной войны трудящимися страны было внесено в фонд обороны и фонд Красной Армии более 16 млрд руб. наличными и более 4,5 млрд руб. облигациями государственных займов. Именно на эти средства, поступившие от населения, было выпущено свыше 16 военных катеров, 8 подводных лодок и несколько тысяч танков, а также 2,5 тыс. боевых самолетов и много другой техники и вооружения [1. С. 762]. Что касается средств, вложенных населением Чувашской АССР, то это 115,5 млн руб., в том числе 67,5 млн руб. в фонд Красной Армии и 48 млн руб. в фонд обороны [9. С. 46].

Создание фонда обороны и фонда Красной Армии было поистине массовым проявлением патриотизма и гражданственности, в нем участвовали все категории граждан. Конечно, во многом оно успешно развивалось не только благодаря невиданному патриотическому подъему и проявлению гражданственности, но и усиленному вниманию как партийных органов, так и других общественных организаций. Данное движение возникло уже в первые месяцы Великой Отечественной войны и осуществлялось на всем её протяжении.

Несмотря на ощутимо снизившиеся доходы населения в результате начавшейся войны, граждане изыскивали средства на помощь фронту, хотя в условиях Великой Отечественной войны заметно возрастает налогообложение, появляются новые виды платежей, негативно сказавшихся на доходах граждан. Тяжелейшим бременем, которое легло на плечи тружеников тыла, было прекращение предоставления отпусков, а также военные займы и другие формы мобилизации денежных накоплений населения. Всё это в значительной степени увеличило нужду и лишения населения, но не сломало их стремления к победе. Граждане, находившиеся в тылу, были надежной опорой защитников отечества, воевавших на фронте.

Мы всегда будем помнить, что Великая Отечественная война занимает особое место: ни один из участвующих в ней народов мира не подвергался таким тяжелым испытаниям и ни один не стал столь надёжным фактором победы.

Литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 832 с.
2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 23.
3. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 65.
4. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 86.
5. ГАСИ ЧР. Ф. 200. Оп. 8.
6. ГАСИ ЧР. Ф. 715. Оп. 1.
7. Григорьев А.Д., Харитонова С.Б. Женщина и война: анализ изменений социального статуса и роли (на материалах Чувашии) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 40–48.
8. Зверев А.Г. Записки министра. М.: Политиздат, 1973. 270 с.
9. История промышленности и рабочего класса Чувашии: в 2 ч. Ч. 2. Июнь 1941–1945 гг. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. 255 с.

10. История Чувашии новейшего времени: в 2 кн. Кн. 1. 1917–1945 / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. 261 с.
11. История Чувашской АССР: в 2 т. Т. 2. От Великой Октябрьской Социалистической революции до наших дней. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1967. 279 с.
12. Красная Чувашия. 1941. 18 окт.
13. Красная Чувашия. 1941. 6 авг.
14. Красная Чувашия. 1943. 10 февр.
15. Кузнецов И.Д., Петров Г.П. История Чебоксарского электроаппаратного завода. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. 280 с.
16. Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 627 с.
17. История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны 1938–1945 гг. М.: Наука, 1978. 566 с.
18. Тимофеев В.В. Образование и культура республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2001. № 4. С. 120–126.
19. Тимофеев В.В. Чувашия в годы Великой Отечественной войны в датах и событиях (1941–1945 гг.) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2002. № 7. С. 28–31.

ГРИГОРЬЕВ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (pu-900pis@yandex.ru).

ХАРИТОНОВА СВЕТЛАНА БРОНИСЛАВОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ssbron@mail.ru).

A. GRIGORJEV, S. KHARITONOVA

**THE DEFENSE FUND AND THE RED ARMY FOUNDATION
AS A MANIFESTATION OF PATRIOTISM AND CIVIC CONSCIOUSNESS
OF THE CHUVASH ASSR POPULATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Key words: *history of the Great Patriotic war, home front in war years, patriotism, civic consciousness, the Chuvash ASSR.*

Patriotism and civic consciousness of population during the Great Patriotic war are strongly exemplified by the Defense Fund and the Red Army Foundation. It was during this difficult period for the country that the state home front came forth in step, aimed at raising funds to help the front. On the basis of published literature and archival sources the article presents the analysis of revenues dynamics to the Defense Fund and the Red Army fund during the Great Patriotic war as well as forms of expression of these revenues. The article analyses examples of heroic actions of homefront workers aimed at replenishment of the Defense Fund and the Red Army Foundation.

References

1. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945: entsiklopediya* [The great Patriotic war 1941–1945: encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ, 1985, 832 p.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 1. Opis 23* [State Archives of Contemporary History. Archive 1. Opis 23].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 1. Opis 65* [State Archives of Contemporary History. Archive 1. Opis 65].
4. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 1. Opis 86* [State Archives of Contemporary History. Archive 1. Opis 86].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 200. Opis 8* [State Archives of Contemporary History. Archive 200. Opis 8].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 715. Opis 1* [State Archives of Contemporary History. Archive 715. Opis 1].
7. Grigorjev A.D., Kharitonova S.B. *Zhenshchina i voina: analiz izmenenii sotsial'nogo statusa i roli (na materialakh Chuvashii)* [Women and war: an analysis of changes in the social status and role (on the materials of the Chuvash Republic)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 4, pp. 40–48.

8. Zverev A.G. *Zapiski ministra* [Notes of a Minister]. Moscow, Politizdat Publ., 1973, 270 p.
9. *Istoriya promyshlennosti i rabocheho klassa Chuvashii: v 2 kn.* [The history of industry and working class Chuvash Republic. 2 books]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1982, book 2, 255 p.
10. *Istoriya Chuvashii noveishego vremeni: v 2 kn.* [Modern Time History of Chuvashia. 2 books]. Cheboksary, 2001, book 1, 261 p.
11. *Istoriya Chuvashskoi ASSR: v 2 t. Ot Velikoi Oktyabr'skoi Sotsialisticheskoi revolyutsii do nashikh dnei* [The history of the Chuvash ASSR (From the great October Socialist revolution to the present day). 2 vols]. Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1967, vol. 2, 279 p.
12. *Krasnaya Chuvashiya* [Red Chuvashia], 1941, Oct. 18.
13. *Krasnaya Chuvashiya* [Red Chuvashia], 1941, Aug. 6.
14. *Krasnaya Chuvashiya* [Red Chuvashia], 1943, Febr. 10.
15. Kuznetsov I.D., Petrov G.P. *Istoriya Cheboksarskogo elektroapparatnogo zavoda* [The history of the Cheboksary electric plant]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1975, 280 p.
16. *Ocherki istorii Chuvashskoi oblastnoi organizatsii KPSS* [Essays on the history of the Chuvash regional organization of the CPSU]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1974, 627 p.
17. *Istoriya sotsialisticheskoi ekonomiki SSSR: v 7 t. T. 5. Sovetskaya ekonomika nakanune i v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1938–1945 gg.* [History of the socialist economy of the USSR. 7 vols. Vol. 5: Soviet economy before and during the great Patriotic war 1938–1945]. Moscow, Nauka Publ, 1978, 566 p.
18. Timofeev V.V. *Obrazovanie i kul'tura respublik Marii El, Mordovii i Chuvashii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Education and culture of Republic of Mari El, Mordovia and Chuvashia during the great Patriotic war of 1941–1945]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva* [Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University], 2001, no. 4, pp. 120–126.
19. Timofeev V.V. *Chuvashiya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny v datakh i sobytiyakh (1941–1945 gg.)* [Chuvashia during the great Patriotic war in the dates and events (1941–1945)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva* [Bulletin of the Chuvash state pedagogical University], 2002, no. 7, pp. 28–31.

GRIGORJEV ALEKSANDR – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (pu-900pis@yandex.ru).

KHARITONOVA SVETLANA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department for Records Management, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (ssbron@mail.ru).

Ссылка на статью: Григорьев А.Д., Харитоновна С.Б. Фонд обороны и фонд Красной Армии как проявление патриотизма и гражданственности населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 59–64.

УДК 655.3(091)(470.344)
ББК М802г(2Рос.Чув)

А.А. ДАНИЛОВ, А.П. ДАНИЛОВ

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИИ СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ТRENДЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: история, техника, технология, печатные СМИ, Чувашская Республика.

Анализируются этапы развития техники и технологии печатных средств массовой информации Чувашской Республики, отмечаются значительные изменения, связанные с бурным развитием компьютерных технологий, дается оценка журналистики регионов России с точки зрения включения в формирующееся мировое информационное пространство, а также оценка процессов конвергенции в СМИ на региональном уровне. Определены основные тренды в развитии конвергентной журналистики в Чувашской Республике, конкретные рекомендации дальнейшего развития медиаконвергенции в печатных изданиях на примере анализируемых газет.

Газета считается самым древним средством распространения информации из ныне существующих. Зачатки периодической печати появились еще в I веке до нашей эры в Древнем Риме. Приказ Юлия Цезаря об опубликовании протоколов заседаний сената («acta senatus») положил основу регулярному обнародованию политических сообщений. Долгое время газеты не были доступны простому народу и считались атрибутом жизни высокопоставленных чиновников и богатых торговцев. Технический прогресс в газетном деле получил бурное развитие с изобретения Иоганна Гутенберга. Изобретатель создал печатную форму из «подвижных» выпуклых букв, вырезанных в зеркальном отображении. После печати эти формы можно было разбирать и использовать при следующем наборе. Ранее литеры вырезались на цельных деревянных или металлических дощечках. С них печатались книги. В дальнейшем, после изобретения Гутенберга, оборудование для тиражирования и набора изданий регулярно модернизировалось.

Первые газеты в привычном для нас виде появились во второй половине XVI в. в Венеции. Это были небольшие рукописные информационные листки. А слово «газета», вошедшее во многие европейские языки, произошло от названия мелкой старинной венецианской монеты («gazzetta»), за которую ее покупали читатели. На рубеже XVI–XVII вв. появились первые печатные газеты. В 1609 г. в Страсбурге стала выпускаться газета, начинавшаяся словами «Relation: Aller Furnemmen». В ней печатались новости Рима, Венеции, Кельна, Антверпена, Праги и Вены. Редактором и по совместительству издателем еженедельника стал профессиональный типограф Иоганн Каролюс. К 1630 г. еженедельные газеты появились уже в 30 городах Европы. К примеру, в Германии в 1700 г. зафиксировано хождение уже более 200 газет. В России первая печатная газета появилась в 1702 г. по указу Петра I.

Естественно, научно-технический прогресс влиял на развитие производства газет. Следующий прорыв в производстве печатной продукции произошел в XIX в. В 1814 г. в типографиях стал использоваться паровой пресс, что позволило в четыре раза увеличить количество выпускаемых за один час экземпляров. В 1884 г. американский изобретатель Отмар Мергенталер создал линотип – строкоотливную наборную машину. В ней были объединены разбор матриц, набор и выключка (изменение пробелов строк), их отливка. В 1897 г. Тольберт Лэнстон сконструировал буквоотливной строконаборный автомат – монотип, который управлялся от перфоленты.

В XX в. совершенствование печатной техники продолжилось. В 1906 г. профессором Артуром Корном впервые по фототелеграфу была передана фотография. Впоследствии это привело к созданию факсимильных аппаратов. Факсы дали возможность передавать страницы газет для печати на дальние от редакции расстояния. Первая фотонаборная машина была разработана еще в 1922 г. одной из английских фирм. Однако патент на данное изобретение купила крупнейшая литьевая компания «Лайнотайп». Фотонаборная техника стала внедряться в типографиях. В 50-е гг. XX в. появилась механическая технология. В начале 1960-х гг. на замену ей пришла оптико-механическая. А в конце 1960-х гг. стали использоваться электронные технологии. В начале 1970-х гг. уже большинство полиграфических американских предприятий использовали фотонабор. В конце 1970-х гг. электронную технологию в фотонаборе сменила лазерная технология.

В конце XX в. в технике СМИ произошли значительные изменения, связанные с бурным развитием компьютерных технологий. В 1985 г. зародились первые компьютерные издательские системы, которые в корне изменили основы печатного дела. Теперь набор текста и изображения интегрировались в электронные страницы, что позволило выводить их на различных цифровых устройствах. Подготовка газет и журналов редакцией стала отличаться большей оперативностью, хотя типографские процессы (начиная с набора и заканчивая получением фотоформ) полностью трансформировались в работу в рамках отделов допечатной подготовки редакций периодики. Интернет сделал возможным появление и распространение различных электронных изданий. Благодаря компьютеру появились новые возможности для поиска и передачи информации, однако по-прежнему необходимо анализировать и отфильтровывать поток данных. Стала распространяться и цифровая техника: цифровые диктофоны, фото- и видеокамеры [6. С. 361; 7. С. 31; 9. С. 88].

Журналистика России также активно включается в формирующееся мировое информационное пространство. На отечественную журналистику повлиял такой преобразующий ее характер фактор, как развитие новейших информационных технологий: видео, кабельного, спутникового и цифрового телевидения, компьютерных баз данных, мультимедиа, Интернета, сетевых СМИ [10. С. 81; 12. С. 27].

Все перечисленные исторические явления оказали непосредственное влияние на печатные издания рассматриваемого региона. Газетам и журналам прогнозировали исчезновение еще после появления радио, позже – после появления телевидения. Однако пресса никогда не теряла своего читателя и всегда умело подстраивалась под современные реалии. Так и с появлением Интернета печатные СМИ «приняли бой» и стали бороться за потребителя. Теперь газета – это не только свежий печатный выпуск, но и страница в Интернете, электронная версия в «читалке» и обновление в мобильном приложении. Интернет с присущей ему конвергентностью отнял аудиторию у традиционной газеты, но в то же время дал ей дополнительный толчок к дальнейшему развитию [1. С. 27; 2. С. 201].

Развитие современных технологий в конце XX в. совершило переворот в производстве газет и журналов. Появление Интернета позволило печатным СМИ распространять информацию на различных платформах. Конвергенция – одна из самых передовых тенденций в журналистике последних лет, позволяющая соответствовать запросам современной аудитории. Многие печатные СМИ вынуждены осваивать инновационные технологии в стремлении сохранить конкурентоспособность [3. С. 206; 11. С. 242].

Процессы конвергенции на региональном уровне основаны на национальных особенностях; следует учитывать и уровень развития Интернета, количество интернет-пользователей, специфику медиарынка и целевую аудиторию. Чувашская Республика находится на начальном этапе становления конвергентной журналистики. Тем не менее достигнутый уровень уже позволяет определять начальные специфические особенности процессов конвергенции, присущих региону. Развитие конвергенции в Чувашии во многом зависит от технологической составляющей, оснащенности редакций современной техникой, внешних факторов – уровня развития информационно-коммуникационных технологий в республике. Региональные сетевые СМИ стали осваивать азы конвергентной журналистики. Финансовые трудности тормозят развитие одновременно всех форм подачи информации, в связи с чем СМИ находятся в поиске собственной ниши, специализируются на определенных видах мультимедийного контента [4. С. 3; 5. С. 97].

В результате исследования чувашских газет на предмет конвергентности необходимо определить основные тренды в развитии конвергентной журналистики в Чувашской Республике:

- современные технологии тяжело осваиваются печатными изданиями, сайты изданий зачастую дублируют печатную версию;
- региональная конвергентная журналистика характеризуется созданием ограниченного количества в видовом отношении мультимедийного продукта;
- аудиоформат на сайтах печатных изданий не развивается;
- помимо основной интернет-площадки контент распространяется посредством PDA-версии, в социальных сетях;
- наблюдается развитие процессов конвергенции в форме слияний производственных процессов, изменений в организации труда;
- появление предпосылок для формирования «конвергентных» журналистов, умеющих создавать контент для различных медийных платформ.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что для Чувашии понятие «конвергентная журналистика» – актуальное направление. Одни газеты развивают сайты, другие – ориентируются на PDA-платформы и социальные сети. Появились первые признаки конвергенции в виде использования гипертекстовости, дополнения контента инфографикой. На сайтах газет стал использоваться видеоконтент и развивается пользовательский [14. С. 93]. Зарождающаяся в республике конвергентная журналистика требует осмысления тех обстоятельств, которые не позволяют более активно развиваться в регионе:

- отсутствие универсальных журналистов, обладающих мультимедийными навыками. В республике относительно недавно начали обучать конвергентной журналистике, которая требует одновременного освоения различных форм представления информации (фото-, видео-, аудио- формат, текст, интернет-журналистика). Существует практика освоения журналистами новых технологий в редакциях. Фото- и видеосъемка для журналистов не представляется сложной задачей, более сложными в производстве являются видеомонтаж, создание инфографики;
- слабая техническая база региональной журналистики не позволяет оперативно генерировать качественный контент. Отсутствие современных девайсов у журналиста не дает возможность мгновенно фиксировать уникальные события, отправлять в редакцию готовые материалы с места события;
- большие финансовые потери при развитии конвергенции в редакциях СМИ. Отсутствие журналистов-универсалов, способных работать сразу на

нескольких медийных платформах, требует от изданий необходимость содержать большой штат сотрудников. Возможность сэкономить в этом позволило бы редакциям усилить техническую базу.

В Чувашской Республике печатные СМИ находятся на начальной стадии конвергенции, поскольку финансовые проблемы и слабая техническая оснащённость редакций не позволяют проводить радикальные изменения в своей деятельности. В рамках представленного исследования были изучены республиканские, районные и городские газеты и журналы. Региональная конвергентная журналистика главным образом базируется на создании мультимедийного продукта. Чувашские периодические издания помимо текста для создания мультимедийного контента используют различные формы визуализации и новые форматы представления информации: пользовательский контент, изображение, видео, инфографику. Аудиоформат используется редко. К наиболее «современным» печатным СМИ можно отнести газеты «PRO ГОРОД Чебоксары», «Советская Чувашия», «Грани» и региональные отделения «АиФ-Чувашия» и «МК в Чебоксарах». Среди районной прессы выделяется газета «Таван Ен» [8. С. 105; 13. С. 316].

Изучение опыта конвергентной журналистики в печатных СМИ дает возможность определить конкретные рекомендации дальнейшего развития медиаконвергенции в печатных изданиях на примере анализируемых газет. Для улучшения своих позиций на медиарынке и выхода на самоокупаемость сайта газеты, на наш взгляд, необходимо выполнение следующих требований:

- грамотное продвижение сайтов по ключевым словам;
- генерирование уникального контента для различных платформ медиа: печатной версии, сайта, PDA-версии, социальных сетей;
- создание мультимедийного продукта, совмещающего элементы видео, аудио, графики, интерактива;
- создание новых медиа на базе печатного СМИ и развитие кросс-медийной журналистики;
- создание отдельного интернет-подразделения, которое может делиться на творческие группы: медиа-студию, рекламную службу, техническую службу, контент-службу.

Литература

1. Гавериллов А.Д., Данилов А.А. Особенности дигитализации печатных СМИ Чувашской Республики (на примере газет «Советская Чувашия» и «PRO город Чебоксары») // Сб. науч. тр. молодых ученых и специалистов / отв. ред. А.Н. Захарова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015.
2. Данилов А.А. Оценка эффективности деятельности интернет-СМИ Чувашии // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (23 октября 2014 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015.
3. Данилов А.А. Становление и развитие телевидения в регионах России во второй половине XX – начале XXI в. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской Республик). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009.
4. Данилов А.А. Телевидение в регионах России: история и современность (на материалах Чувашской Республики). М.: Изд-во ИНИОН РАН РФ, 2006.
5. Данилов А.А. Эволюция средств информационных технологий в контексте трансформации условий социокультурного бытия малых народов России // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4.
6. Данилов А.А. Электронные масс-медиа в трансформирующемся обществе // История и регионология: грани пересечения: сб. науч. ст. Казань: Изд-во Казан. технол. ун-та, 2007.
7. Данилов А.П., Эшкерат А.М. История журналистских расследований от Джекоба Рииса до Чарльза Льюиса // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2016. № 3 (91).
8. Данилов А.П., Моисеев Д.А. Ранний (первый) этап формирования чувашской молодежной печати // Сб. науч. тр. молодых ученых и специалистов / отв. ред. А.Н. Захарова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014.

9. Данилов А.А. Проблемы формирования информационной среды в условиях социокультурной трансформации российского общества // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4.

10. Данилов А.А., Данилов А.П., Данилова М.Г., Мытников А.Н. «Новые медиа» и массмедиа в Чувашии: стратегии взаимодействия // Мультимедийная журналистика Евразии-2015: медиатизация социально-культурного пространства и медиакратия в условиях новой медиареальности Востока и Запада: сб. материалов и науч. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф (Казань, 10-11 декабря 2015 года) / науч. ред. проф. Е.С. Дорожук. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016.

11. Данилов А.А., Данилов А.П., Данилова М.Г. Медиатекст веб-формата в современной новостной журналистике Чувашии // Ашмаринские чтения: сб. трудов X Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20-21 окт. 2016 г.) / сост. и отв. ред. О.Г. Владимирова, А.М. Иванова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016.

12. Данилов А.П., Данилов А.А. К вопросу об информационной безопасности в регионах Российской Федерации: историко-правовые аспекты // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2.

13. Данилов А.П., Данилова М.Г. Пресса Чувашии в Интернете // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5(360).

14. Золотухин А.А., Мажарина Ю.Н. Лонгрид, сноуфолл, мультимедийная история – как новые вершины журнализма? // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. 2015. № 2.

ДАНИЛОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (danilov.andrey@mail.ru).

ДАНИЛОВ АНАТОЛИЙ ПОРФИРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (anatoliy.p.danilov@gmail.com).

A. DANILOV, A. DANILOV

**DEVELOPMENTAL HISTORY OF MODERN PRINT MEDIA EQUIPMENT
AND TECHNOLOGY OF THE CHUVASH REPUBLIC:
TRENDS, EVALUATION, OUTLOOK**

Key words: *history, equipment, technology, print media, the Chuvash Republic.*

The article analyzes developmental stages of equipment and technology in printing mass media of the Chuvash Republic, it notes significant changes associated with rapid development of computer technologies and assesses Russian regional journalism from the point of view of inclusion into emerging global information space, it evaluates convergence in the media at the regional level as well. The main trends in the development of convergent journalism in the Chuvash Republic are determined as well as specific recommendations for further development of media convergence in printed press on the example of analyzed newspapers.

References

1. Gavrillov A.D., Danilov A.A. *Osobennosti digitalizatsii pechatnykh SMI Chuvashskoi Respubliki (na primere gazet «Sovetskaya Chuvashiya» i «PRO gorod Cheboksary»)* [Peculiarities of digitalization of print media of the Chuvash Republic (for example, the newspaper "the Soviet Chuvashiya" and "PRO Gorod Cheboksary")]. *Sb. nauch. tr. molodykh uchenykh i spetsialistov* [Collection of scientific works of young scientists and specialists]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2015.

2. Danilov A.A. *Otsenka effektivnosti deyatel'nosti internet-SMI Chuvashii* [Assessment of the effectiveness of online media Chuvash Republic]. *Vizual'naya kommunikatsiya v sotsiokul'turnoi dinamike: sb. statei Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.i (23 okt. 2014 g.)* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Visual communication in the socio-cultural dynamics»]. Kazan, Kazan State Univesity Publ., 2015.

3. Danilov A.A. *Stanovlenie i razvitie televideniya v regionakh Rossii vo vtoroi polovine XX – nachale XXI v. (na materialakh Mariiskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi Respubliki)* [Formation and development of television in the regions of Russia in the second half of XX – beginning of XXI century (on the materials of the Mari, Mordovian and Chuvash Republics)]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2009.

4. Danilov A.A. *Televidenie v regionakh Rossii: istoriya i sovremennost' (na materialakh Chuvashskoi Respubliki)* [Television in the regions of Russia: history and the present (on materials of the Chuvash Republic)]. Moscow, 2006.

5. Danilov A.A. *Evolyuetsiya sredstv informatsionnykh tekhnologii v kontekste transformatsii uslovii sotsiokul'turnogo bytiya malykh narodov Rossii* [The Evolution of information technology in the context of transformation of social and cultural conditions of existence of small peoples of Russia]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 4.

6. Danilov A.A. *Elektronnye mass-media v transformiruyushchemsya obshchestve* [Electronic mass media in a transforming society]. In: *Istoriya i regionologiya: grani peresecheniya: sb. nauch. st.* [History: the point of intersection]. Kazan, 2007.

7. Danilov A.P., Eshkerat A.M. *Istoriya zhurnalistskikh rassledovaniy ot Dzhekoba Riisa do Charl'za L'yuisa* [History of investigative journalism from Jacob Riis to Lewis Charles]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva* [Bulletin of the Chuvash state pedagogical University named after I. Y. Yakovlev], 2016, no. 3(91).

8. Danilov A.P., Moiseev D.A. *Rannii (pervyi) etap formirovaniya chuvashskoi molodezhnoi pechati* [Early (first) stage of the formation of the Chuvash youth print]. *Sb. nauch. tr. molodykh uchenykh i spetsialistov* [Collection of scientific works of young scientists and specialists]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2014.

9. Danilov A.A. *Problemy formirovaniya informatsionnoi sredy v usloviyakh sotsiokul'turnoi transformatsii rossiiskogo obshchestva* [Problems of formation of the information environment in the conditions of sociocultural transformation of Russian society]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 4.

10. Danilov A.A., Danilov A.P., Danilova M.G., Mytnikov A.N. «*Novye media*» i massmedia v Chuvashii: *strategii vzaimodeistviya* [New media and mass media in Chuvashia: engagement strategies]. *Mul'timediinaya zhurnalistika Evrazii-2015: mediatizatsiya sotsial'no-kul'turnogo prostranstva i mediakratiya v usloviyakh novoi mediareal'nosti Vostoka i Zapada: sb. materialov i nauchnykh statei IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kazan, 10-11 dekabrya 2015 goda)* [Proc. of IX Int. Sci. Conf. «Multimedia journalism of Eurasia-2015: communication socio-cultural space and mediacracy in the new media reality of the East and West»]. Kazan, Kazan. State University Publ., 2016.

11. Danilov A.A., Danilov A.P., Danilova M.G. *Mediatekst veb-formata v sovremennoi novostnoi zhurnalistike Chuvashii* [Media text web format in modern news journalism Chuvash Republic]. *Ashmarinskies chteniya: sb. trudov X mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 20-21 okt. 2016 g.)* [Almatin reading]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2016.

12. Danilov A.P., Danilov A.A. *K voprosu ob informatsionnoi bezopasnosti v regionakh Rossiiskoi Federatsii: istoriko-pravovye aspekty* [To the question about information security in the Russian regions: historical and legal aspects]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 2.

13. Danilov A.P., Danilova M.G. *Pressa Chuvashii v Internete* [Press Chuvash Republic]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state University], 2015, no. 5(360).

14. Zolotukhin A.A., Mazharina Yu.N. *Longrid, snoufall, mul'timediinaya istoriya – kak novye verшины zhurnalizma?* [Longed, snowfall, a multimedia history – as new heights of journalism?]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika* [Herald of the Voronezh state University. Series: Philology. Journalism], 2015, no. 2.

DANILOV ANDREY – Doctor of Historical Sciences, Professor of Journalism Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (danilov.andrey@mail.ru).

DANILOV ANATOLIY – Candidate of Historical Sciences, Head of Journalism Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (anatoliy.p.danilov@gmail.com).

Ссылка на статью: *Данилов А.А., Данилов А.П. История развития техники и технологии современных печатных СМИ Чувашской Республики: тренды, оценки, перспективы // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 65–70.*

УДК 378.4(470.344)096:070
ББК Ч60р30(2Рос.Чув)

А.П. ДАНИЛОВ, А.А. ДАНИЛОВ

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ЧУВАШСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА**

Ключевые слова: история, журналистское образование, наука, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, техника, кадры.

В статье анализируется история становления и развития подготовки журналистских кадров в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова. Отмечается деятельность филиала кафедры журналистики при Союзе журналистов Чувашии, работа студентов в творческих студиях под руководством ведущих сотрудников радиоканалов и телестудий, главных редакторов республиканских печатных изданий. Исследуется работа «малого факультета журналистики», созданного с целью организации профориентационной работы, органов управления факультета журналистики, студенческого научного общества, редакционно-издательского центра, оценивается уровень материально-технической базы факультета. Рассматривается структура учебного плана на различных исторических этапах, обеспеченность учебной литературой, доступом к информационным базам данных. Делаются выводы о том, что подготовка журналистских кадров в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова прошла три этапа: подготовка журналистов путем специализации (1967–1993 гг.); пятилетняя подготовка кадров в рамках специалитета (1994–2013 гг.); этап многоуровневой подготовки журналистов (начиная с 2014 г.).

Вопросы подготовки журналистских кадров в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова обсуждались почти с первых дней его открытия в сентябре 1967 г. В ноябре 1967 г. по рекомендации правления Союза журналистов Чувашской АССР журналиста-практика И.Я. Тенюшева пригласили на кафедру чувашского языка и литературы вести журналистские дисциплины. Так началась подготовка чувашскоязычных журналистских кадров в университете путем специализации. Начав работу почасовиком, впоследствии он прошел путь от ассистента и старшего преподавателя до доцента и профессора.

Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. И.Я. Тенюшев окончил отделение журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС в 1964 г. Кандидатскую диссертацию «Литературно-публицистическая деятельность чувашского просветителя И.Я. Яковлева» защитил во Львовском государственном университете имени Ивана Франко. В дальнейшем работал в должностях ответственного секретаря редакции районной газеты, редактора районной газеты, комсомольско-молодежной газеты Чувашии, заведующего отделом редакции республиканской газеты «Коммунизм ялаве», заведующего сектором печати, телевидения и радиовещания Чувашского обкома КПСС. Не легко давалась ему работа по подготовке специалистов нового профиля, так как ни программ, ни учебных пособий по дисциплинам национальной журналистики тогда не было. Приходилось работать над составлением конспектов лекций, циклов упражнений по дисциплинам специализации. Шаг за шагом им были разработаны курсы лекций по истории чувашской журналистики, основам журналистики, переводу газетных материалов с русского на чувашский язык, литературному редактированию и мастерству журналиста [14].

Был период, когда была сделана попытка свести на нет специализацию путем перевода на факультативные начала. Только вмешательство бюро об-

кома КПСС помогло сохранить специализацию журналистских кадров в университете в первоначальном статусе.

После выхода на пенсию в 1984 г. до возвращения в университет в 1998 г. И.Я. Тенюшев работал на должностях редактора и старшего редактора в Чувашском книжном издательстве. Одновременно перешел в бизнес – организовал производственно-издательское и торговое малое предприятие «Булгар», которым выпущены 21 книга, много другой печатной продукции.

Вместе со студентами подготовил книгу «Мечты и разочарования предпринимателей». Осуществлен выпуск книги об агрофирме имени В.И. Ленина Батыревского района. Свои основные научные труды в годы работы в университете И.Я. Тенюшев посвятил истории и теории чувашской журналистики: анализу публицистической деятельности деятелей чувашской культуры. К ним относятся: «Роль стенной печати в организации и воспитании детского коллектива» (1959 г.), «Радио – важная форма партийной пропаганды» (1960 г.), «Литературно-публицистическая деятельность чувашского просветителя И.Я. Яковлева» (1980 г.), «Массовые рейды рабочих и сельских корреспондентов в Чувашии» (1983 г.), «Оружие публициста» (о публицистической деятельности чувашского народного поэта Я.Г. Ухсая) (1984 г.), «Первые чувашские публицисты» (1987 г.), «И.Я. Яковлев-публицист» (1980 г.), «Становление и развитие чувашской публицистики и журналистики» (1999 г.), (в соавторстве с А.П. Даниловым), «Начальные этапы чувашской публицистики и журналистики» (2004 г.) (на чувашском языке, в соавторстве с А.П. Даниловым).

С расширением подготовки журналистских кадров на почасовых началах пригласили вести практические занятия тогдашнего редактора газеты «Пионер сасси» К.С. Сергеева, ответственного секретаря газеты «Коммунизм ялавё» В.П. Петрова. Через некоторое время из Казанского университета пригласили доцента К.К. Петрова. В течение первых 18 лет в университете путем специализации было подготовлено и направлено на работу по полученной профессии 150 специалистов, прошедших специализацию по журналистике [14].

В 1984 г. в связи с выходом доцента И.Я. Тенюшева на пенсию специализацию по журналистике начал вести доцент К.К. Петров, известный писатель, исследователь раннего этапа развития чувашской журналистики, до перевода работавший на факультете журналистики Казанского государственного университета.

В Чувашском государственном университете специальность 021400 – «Журналистика» была открыта в 1994 г. 15 мая 1995 г. открыта кафедра журналистики (заведующий – А.П. Данилов). На кафедре в разные годы успешно работали известные журналисты и исследователи Г.В. Краснов, К.К. Петров, Г.Н. Желтухин, Л.И. Ильин, В.Н. Николаев, И.И. Семенов, В.А. Жебит, В.П. Комиссаров, И.М. Григорьев, А.С. Абрамов, А.В. Тарасов, В.А. Иванова, М.И. Иванов, И.Я. Тенюшев, Н.И. Завгородняя, А.П. Леонтьев, Б.В. Чиндыков, В.М. Савельева, Е.А. Канюка, Э.В. Никитина, Л.И. Филиппова, С.Л. Павлов, С.А. Александров, Г.В. Вакку, А.А. Кириллова, Л.А. Будниченко и др.

Первый набор студентов на факультете журналистики (декан – А.П. Данилов) начал обучение с 1 сентября 1995 г. С этого времени появилась возможность готовить журналистские кадры как для чувашскоязычных (включая СМИ чувашской диаспоры), так и для русскоязычных периодических изданий.

В первые годы журналисты готовились на отделении чувашской журналистики и отделении русской журналистики (очная форма обучения). На факультете обучались студенты не только из Чувашии, но и из многих регионов России: из Республик Башкортостан, Коми, Марий Эл, Саха (Якутия), Татарстан,

Чукотского АО, из Иркутской, Кировской, Пензенской, Самарской, Тюменской, Ульяновской областей, из городов Воркута, Воронеж, Сургут, Тольятти. Также обучались и студенты зарубежных стран (Кения, Сирия, Марокко, Турция).

В структуру факультета журналистики входили 3 кафедры:

- 1) кафедра журналистики;
- 2) кафедра электронных средств массовой информации и рекламы;
- 3) кафедра литературного редактирования и стилистики.

Совершенствованию практической работы студентов способствовало открытие в 1995 г. филиала кафедры журналистики при Союзе журналистов Чувашии. Работу студентов в творческих студиях курировали ведущие сотрудники радиоканалов и телестудий, главные редакторы республиканских печатных изданий.

С 1995 г. при факультете работал «малый факультет журналистики», созданный с целью организации профориентационной работы, подготовки абитуриентов к творческому конкурсу.

Органом управления являлся ученый совет факультета. В управлении факультета активное участие также принимал студенческий совет, члены которого участвовали в проведении воспитательных мероприятий, студенческом самоуправлении, выпуске студгазет и т. д.

На факультете также работало студенческое научное общество (СНО), созданное с целью организации научной деятельности студентов. В немалой степени этому способствовало проведение на факультете студенческой научно-практической конференции, где работали секции по истории, теории, практике журналистики.

На факультете журналистики был создан редакционно-издательский центр, в рамках которого преподаватели, сотрудники и студенты готовили студенческие газеты, журналы, учебно-методическую литературу.

В распоряжении факультета были:

1) компьютерный класс с современными персональными компьютерами, оснащенными доступом в сеть Интернет. В нем проводились занятия по дисциплинам, связанным с информатикой, современной компьютерной техникой, газетно-журнальным дизайном, современными техническими средствами журналистики;

2) фотолаборатория с полезной площадью 36 кв. м с различным фотооборудованием и фотоаппаратами, где каждый студент имел возможность работать в свободное время. Здесь проводились занятия фотокружка, в котором студенты учились азам фотодела, занятия по техническим средствам журналиста и фотожурналистике;

3) редакционно-издательский центр, где имелся ризограф, принтеры, компьютеры, сканеры и другая техника. Здесь студенты выпускали учебные студенческие газеты, готовили книги, журналы;

4) радиоузел ТУ-100;

5) учебное телевидение. Здесь проводились занятия по телевизионной журналистике, работа в творческих студиях.

Учебное телевидение было основано в 1977 г. В 1980-е гг. оно являлось мощной вузовской структурой: регулярным кабельным вещанием были охвачены все учебные корпуса, осуществлялась передача оригинальных новостных программ, велось обучение студентов с использованием специальных телевизионных курсов. С появлением широкого доступа к ЭВМ в 1990-е гг. произошел спад интереса университетской общественности к учебному телевидению.

Студенты факультета журналистики, обучавшиеся телевизионной журналистике, вместе с занятиями на учебном телевидении регулярно проходи-

ли практику в творческих студиях на телеканалах «Канал 5+», «МТВ», ГТРК «Чувашия», с 2011 г. – Национальной радиотелерадиокомпании Чувашии. Широко использовалась материально-техническая база различных редакций радио- и телевидения, печатных изданий, филиала кафедры журналистики при Союзе журналистов Чувашии.

Структура учебного плана по специальности «Журналистика» предусматривала изучение следующих дисциплин:

- 1) общие гуманитарные и социально-экономические;
- 2) общие математические и естественнонаучные;
- 3) общепрофессиональные;
- 4) специальные.

Каждый из представленных циклов состоял из дисциплин федерального компонента, дисциплин национально-регионального (вузовского) компонента, дисциплин по выбору студента. Дисциплины регионального компонента («История чувашского народа», «Материальная и духовная культура Чувашии»), по выбору студента («Мировые религии», «Современные международные отношения», «Иностранные языки») содержательно дополняли дисциплины федерального цикла.

Блок специальных дисциплин включал все установленные государственным образовательным стандартом дисциплины и дисциплины по выбору – «Журналистское мастерство» (работа в творческих студиях по выбору: в редакции газеты, журнала, радио, телевидения, в книжном издательстве и т.д.). Существовали дополнительные виды подготовки – военная и медицинская (по выбору студента), факультативная дисциплина «Делопроизводство».

Обеспеченность учебниками и учебно-методическими пособиями по разным дисциплинам на факультете была различной. Каждый студент имел доступ к библиотечным фондам художественной, учебной и научной литературы, периодических изданий. Кроме того, студенты факультета журналистики могли пользоваться богатым фондом литературы Национальной библиотеки имени М. Горького, Книжной Палаты Чувашской Республики. Библиотека Чувашского госуниверситета ежегодно подписывала газеты и журналы, выходящие в Чувашской Республике, центральные издания, в том числе и профессиональные: «Вестник Московского университета. Сер. Журналистика», «Журналист», «Четвертая власть», «Читающая Россия», «Среда». В библиотеке также имелись периодические издания по разным специализациям: библиотечному делу, педагогике («Педагогика», «Воспитание школьников», «Народное образование» и др.), рекламному делу, фотожурналистике, литературно-художественной критике, книгоиздательскому делу.

Студенты имели доступ к различным информационным базам данных, сетевым источникам информации. Для этого в учебном корпусе имеется центр Интернет, где каждый студент мог работать в удобное для него время. В 2000 г. компьютерный класс факультета был подключен к сети Интернет.

Познавательную деятельность студентов активизировали встречи, круглые столы, пресс-конференции с артистами, политическими деятелями, видными журналистами, писателями и т.д. В сентябре 2002 г. на встрече со студентами факультета журналистики выступил один из авторов закона «О печати и других средствах массовой информации» доктор юридических наук, профессор, Герой России космонавт Ю.М. Батулин. В разные годы со студентами факультета журналистики мастер-классы проводили Л.А. Якубович, В.В. Познер, А.А. Архангельский, Л.А. Коханова и другие известные журналисты России.

В ходе учебы регулярно проводился контроль уровня практических умений и знаний студентов. При этом традиционно использовались формы зачета, экзамена, между сессиями проводились контрольные работы, аттестации. Преподаватели начали регулярно применять экспресс-опросы для проверки самостоятельной работы, систему тестового контроля.

Студенты факультета принимали активное участие в научно-исследовательской работе. Ежегодно проводились студенческие научные конференции, где работали следующие секции: «История журналистики», «Отечественная журналистика», «Журналистское мастерство», «Актуальные проблемы журналистики», «Система средств массовой информации Чувашской Республики», «Зарубежная журналистика», «Психолого-педагогические основы журналистики», «Теле- и радиожурналистика» и т.д. Студенты выступали с интересными содержательными тезисами и сообщениями, готовили плакаты, стендовые доклады, использовали технические средства, готовили фотовыставки и т.д. Материалы победителей на конференции публиковались в сборниках студенческих научных работ. Кроме того, будущие журналисты активно участвовали в ежегодных межрегиональных конференциях «Юность Большой Волги», «Человек. Гражданин. Ученый» [13. С. 6].

Гордостью факультета журналистики является студентка Янина Птак, которая в 2001 г. заняла 1-е место в конкурсе на лучшую студенческую научную работу, организованном Министерством образования Российской Федерации. В этом же году студентка была удостоена золотой медали Российской академии наук и премии за другую ее научную работу. С 15 по 22 апреля 2001 г. она участвовала в работе Международного научного конгресса.

Расширению профессионального диапазона студентов-журналистов, совершенствованию практических навыков и умений способствует учебно-производственная и непрерывная практика, которая проводится в редакциях районных и республиканских газет и журналов, радио и телевидения, рекламных агентствах. У факультета имелись договоры с редакциями республиканских средств массовой информации о сотрудничестве. В соответствии с этими договорами были открыты творческие студии в редакциях газет «Хыпар», «Хресчен сасси», «Ульяновец», «Советская Чувашия», «Чебоксарские новости», «МК в Чебоксарах», в редакциях журналов «Таван Атӑл», «Самант», ГТРК «Чувашия», «Канал 5+», НТРК Чувашии, в редакционно-издательском центре, отделе пресс-службы и информации Чувашского госуниверситета. Факультетом активно использовалась материальная база данных редакций. Работа в творческих студиях по учебному плану была предусмотрена уже во II семестре. Для этой работы в расписании отводился один учебный день [13. С. 6].

Со дня открытия специальности на факультете выходили студенческие учебные газеты «Вести Альма-матер», «Нонпарель». Студенты активно участвовали в процессе подготовки материалов для газет и макетирования, редактирования и компьютерной верстки. В учебно-издательском центре кроме газет готовились и сборники научных трудов, учебные и методические пособия, журналы. В 1996–2001 гг. издавались газеты для договорных организаций и предприятий «Энергетик Чувашии», «Чӑваш Сурӑмӗ», «Паттӑр Ен», всероссийские журналы «Семья в России», «Интегральная педагогика», «Бюллетень Ассоциации российских вузов», «Школа духовности», «Известия РАО» и др. Студенты факультета под руководством опытных преподавателей активно участвовали в выпуске данных изданий, выполняли практические задания по основным газетным жанрам, публиковали свои материалы, набирали на компьютере, верстали, т.е. включались уже с первого курса в повседневную практическую деятельность.

Практика студентов подразделялась на учебную и производственную. За время практики теоретические знания и навыки проходили практическую проверку в редакциях, закреплялись и совершенствовались, уточнялись и развивались профессиональные ориентации.

Еще будучи студентами, многие подрабатывали в различных средствах массовой информации (в среднем 5-8 студентов в группе). Так, студентка V курса Оксана Возняк уже со второго курса работала в газете «МК в Чебоксарах», затем стала главным редактором этой газеты. Студентка IV курса Лина Макарова являлась главным редактором газеты «Ачача», Дмитрий Моисеев – «Җамрăксен хаҗачё». В эфир радио и телевидения ежедневно выходили выпускники и студенты факультета журналистики. На завершающем курсе большинство выпускников определялись в выборе места работы. Потребители специалистов по журналистике положительно отзывались о качестве подготовленности выпускников и рекомендовали больше готовить специалистов по пресс-службе, рекламному делу, связям с общественностью. Специалисты распределялись не только в Чувашской Республике, но и в других регионах Российской Федерации, странах ближнего и дальнего зарубежья.

Научная работа кафедр велась в соответствии с планом подготовки специалистов-журналистов и практически была нацелена на повышение эффективности функционирования местных средств массовой информации. С открытием новой кафедры – кафедры электронных СМИ и рекламы – это направление расширилось и начались исследования в области теле- и радиожурналистики.

Постоянно поддерживались научные связи кафедр с ведущими научными центрами страны, где готовились журналистские кадры – Воронежским, Екатеринбургским, Казанским, Марийским, Московским, Санкт-Петербургским госуниверситетами.

Факультет журналистики поддерживал научные связи с ведущими исследовательскими центрами Российской Федерации. Были заключены договоры с факультетами журналистики Московского и Санкт-Петербургского университетов, в рамках которых предусмотрены вопросы сотрудничества в области совместных научных изысканий, обучения в аспирантуре и докторантуре. Выпускники-журналисты, защитившие диссертации: профессор кафедры журналистики А.А. Данилов (докторская диссертация по истории регионального телевидения России) [1; 2. С. 5–9; 3; 4; 5. С. 45–52], кандидатами наук стали Э.В. Никитина, И.В. Варламова, Т.Н. Пирожкова, О.В. Иванова.

Кроме того, ряд студентов факультета журналистики были направлены для продолжения учебы за границу. В Турции продолжили обучение Н. Федотов, А. Астров, Е. Малышев. В аспирантуре Турции училась выпускница Н. Мышкина. В США и Голландии продолжила обучение студентка М. Петрова. В 1999 г. студент факультета журналистики А. Михайлов учился в Швеции. Профессор кафедры журналистики А.А. Данилов прошел стажировку в Швеции (2013 г.).

В сентябре 2002 г. на работу был принят представитель Палестины Эшкерат Амин Мухамад, окончивший Российский университет дружбы народов в Москве по специальности «Международная журналистика» и защитивший диссертацию.

В целом на факультете велась активная работа по созданию кадрового, научно-методического потенциала, позволяющего обеспечить качественную подготовку специалистов. Учебный процесс был организован в соответствии с учебным планом. Широко использовались различные методы и формы активизации познавательной деятельности студентов, контроля их знаний. Учебно-научный процесс был ориентирован на практическую деятельность,

связь с потребителями специалистов. В учебном процессе активно использовались новые информационные технологии.

Среди вузовских периодических изданий республики популярной стала газета «Вести Альма-матер», которая издавалась с 1998 г. по 2003 г. силами студентов факультета журналистики. Она освещала многостороннюю студенческую жизнь, знакомила читателей с различными проблемами молодежи, выносила на обсуждение вопросы нравственного воспитания, организации учебного процесса и досуга, имела тесные контакты со студенческим советом и профсоюзным комитетом. Из-за отсутствия офсетной полиграфической техники первые номера газеты печатались в Цивильске. Ректорат университета принял решение оснастить вузовскую типографию современной техникой, позволяющей качественно печатать газетную и книжную продукцию. В связи с этим появились дополнительные возможности для оперативного издания как студенческой газеты «Вести Альма-матер», так и общеуниверситетских периодических изданий «Ульяновец», «Чувашия сегодня».

Факультет журналистики стал методическим центром внедрения новой технологии в издательский процесс. В учебный план были включены такие дисциплины, как «Техника и технология СМИ», «Выпуск учебной газеты», «Газетно-журнальный дизайн», «Информатика» и т.д. Преподаватели помогли многим редакциям районных газет перейти на компьютерную технологию подготовки и выпуска периодических изданий. Результатом плодотворного сотрудничества университета с ОАО «Чувашэнерго», коллективным хозяйством «Чувашская Сорма», Батыревского землячества стали газеты «Энергетик Чувашии», «Чăваш Сурăмĕ», «Паттăр Ен». Для слушателей «Малого факультета журналистики» (подготовительные курсы) имела газета «Нонпарель». Такая активная издательская деятельность способствовала тому, что многие студенты профессионально сотрудничали в штатах средств массовой информации, некоторые из них стали редакторами газет [11. С. 316; 12. С. 105].

Примером поддержки творческих начинаний студентов стало издание книг очерков и зарисовок о современниках «Подвиг их бессмертен», «Дороже родной земли нет», «Село родное – Алманчиково», сборников стихов Оксаны Ивановой, Ольги Афанасьевой, Елены Крыловой, Янины Птак, Максима Приходченко, Ильи Казакова.

Студенты активно участвовали в подготовке и выпуске учебной и научно-методической литературы по журналистике. При этом не ограничивались выпуском книг местных авторов, издавались работы ученых Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Воронежа, Саранска, Йошкар-Олы, Уфы, Якутска и других городов.

Другим важным направлением подготовки журналистских кадров являлось участие студентов в выпуске специальных номеров журналов «Тăван Атăл» (журнал Министерства печати и информационной политики Чувашской Республики), ««Известия Российской академии образования», «Семья в России» (учредители – государственный научно-исследовательский институт семьи и воспитания Российской Академии образования, Министерство труда и социального развития Российской Федерации), «Интегральная педагогика» (соучредители – Всероссийский институт интегральной педагогики и Чувашский государственный университет), «Школа духовности» (учредитель – Всероссийский институт интегральной педагогики), «Бюллетень ассоциации российских вузов». Будущие журналисты участвовали во всех циклах технологического процесса выпуска данных изданий. За подготовку журнала «Бюллетень ассоциации российских вузов» студенты факультета журналистики получили письменную благодарность от ректора Московского государственного университета

геодезии и картографии, летчика-космонавта СССР, президента Ассоциации российских вузов, доктора технических наук, профессора В.П. Савиных.

В 2013 г. факультет журналистики вошел в состав факультета русской и чувашской филологии и журналистики. В новых условиях перехода на многоуровневую систему подготовки журналистских кадров и изменения федеральных государственных образовательных стандартов встала необходимость пересмотреть учебные планы и оптимизировать штатную структуру. С 2013 г. по 2015 г. прием на направление подготовки 42.03.02 «Журналистика» осуществлялся только на контрактной основе. Удалось сохранить созданную годами систему двуязычной подготовки журналистов, стараниями ректората появились бюджетные места. В 2016 г. было 10 бюджетных мест, в 2017 г. – 12. В 2016 г. вместе с контрактниками были приняты 3 академические группы.

Сегодня имеются все условия для того, чтобы студенты практически могли реализовать свои творческие возможности. Наряду с изучением теоретических вопросов на лекционных и практических занятиях они постигают азы практической журналистики. Молодые люди знакомятся с условиями и факторами формирования и функционирования средств массовой информации, методами и методикой типологического анализа, принципами строения организационной, функционально-должностной структуры редакции. Студенты имеют возможность проверить себя в том или ином виде журналистской специализации и профилизации: по должностным и функциональным признакам, по тематической и жанровой направленности, по средствам массовой информации, по аудиторной направленности периодического издания [13. С. 31].

В процессе учебно-издательской деятельности вырабатывается модель личности журналиста, проявляются его гражданские, нравственные, профессиональные, психологические характеристики. Студент получает навыки самовоспитания и самообразования, проходит через все основные ступени в развитии профессионализма: образованность, умение, мастерство. Создавая журналистское произведение, участвуя в подготовке и выпуске периодического издания, будущий специалист знакомится со спецификой стадии познания действительности в зависимости от познавательной деятельности, формирует конкретный замысел, реализует его, редактирует материал [8. С. 75-80; 10. С. 139-153].

Использование компьютеров способствует организации учебного процесса в условиях развития новых информационных технологий. С помощью современной электронной редакционно-издательской техники студенты обучаются набору текстов, сканированию и обработке изобразительного материала, пространственной организации текста и изображения, знакомятся с принципами формирования текстовой и изобразительной информации в фотонаборных автоматах, лазерных принтерах, ризографах, слайд-сканерах, цифровых фотоаппаратах и т.п. Ощутимую помощь в организации редакционно-издательского процесса оказывает Интернет, особенно в поиске и получении информации [6. С. 242; 7. С. 81; 9. С. 27].

Результатом освоения новых технологических схем выпуска печатных средств массовой информации явилось то, что каждый студент факультета журналистики выпускает свою газету, особо уделяя при этом внимание дизайну печатного издания, типу шрифтов и особенностям их психологического восприятия, моделирования полосы. Вполне профессиональными признаны газеты студентов «Пилигрим», «Моя газета», «Сам себе лекарь», «Любопытная газета», «REДакция», «Веселый трамвай», «Вечерние Чебоксары», «Хроника происшествий», «Возрождение России», «Спортивная Чувашия», «Сударушка» и др.

При издании книг и журналов студенты осваивают основные вопросы организационно-творческой работы издательства с автором, порядок прохождения материала и корректурных оттисков. При этом проявляется особая забота о высоких научных и художественных достоинствах текстового материала. Работа над подготовкой оригиналов книг к выпуску проходит через все этапы: работа с автором, прием авторского оригинала, оценка рецензирования и одобрение авторского оригинала; редакционная работа с авторским оригиналом, принятый к изданию; подготовка издательского оригинала к изданию на иностранных языках и в переводе на чувашский и русский языки; порядок работы с авторским оригиналом в части художественно-графического оформления; вычитка издательского оригинала; порядок подготовки издательского оригинала; работа с корректурными оттисками; подготовка издательского оригинала к набору без последующего корректурного обмена; работа учебно-издательского центра с сигнальным экземпляром.

Студенты также знакомятся с порядком распространения средств массовой информации, с правами получения информации, получения запроса информации, с правами и обязанностями журналиста, ответственностью за нарушение законодательства о средствах массовой информации, авторскими правами, возникающими в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства, с особенностями размещения рекламы.

В целом, можно сказать, что подготовка журналистских кадров в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова прошла три этапа: подготовка журналистов путем специализации (1967–1993 гг.); пятилетняя подготовка кадров в рамках специалитета (1994–2013 гг.); этап многоуровневой подготовки журналистов (начиная с 2014 г.). Опыт многолетней работы по подготовке журналистских кадров показывает, что они крайне востребованы на каждом этапе исторического развития. Дальнейшее совершенствование системы воспитания творческих работников редакций средств массовой информации с учетом развития рыночных условий и расширения новых информационных технологий – в этом сегодня видит свою главную задачу коллектив кафедры журналистики Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

Литература

1. Данилов А.А. Исторический опыт развития телевидения в регионах России (вторая половина XX – начало XXI вв.). М.: УЦ «Перспектива», 2008. 295 с.
2. Данилов А.А. Расширение культурно-воспитательной функции регионального телевидения: исторический опыт советского государства (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 5–9.
3. Данилов А.А. Становление и развитие телевидения в регионах России во второй половине XX – начале XXI в. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской Республик). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 483 с.
4. Данилов А.А. Телевидение в регионах России: история и современность (на материалах Чувашской Республики). М.: Изд-во ИНИОН РАН РФ, 2006. 315 с.
5. Данилов А.А. Эволюция жанрово-тематической составляющей передач телевидения Марийской, Мордовской и Чувашской Республик в советский период // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3. С. 45–52.
6. Данилов А.А., Данилов А.П., Данилова М.Г. Медиаатекст веб-формата в современной новостной журналистике Чувашии // Ашмаринские чтения: сб. трудов X Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20–21 окт. 2016 г.) / сост. и отв. ред. О.Г. Владимирова, А.М. Иванова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016.
7. Данилов А.А., Данилов А.П., Данилова М.Г., Мытников А.Н. «Новые медиа» и массмедиа в Чувашии: стратегии взаимодействия // Мультимедийная журналистика Евразии-2015: медиатизация социально-культурного пространства и медиакратия в условиях новой медиареальности Востока и Запада: сб. материалов и науч. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 10–11 декабря 2015 года) / науч. ред. проф. Е. С. Дорошук. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016.

8. Данилов А.П. Отражение чувашско-русских этнокультурных и литературных контактов в публицистике // Нижегородская журналистика: история и современность: сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. 170-летию выхода в свет газеты «Нижегородские губернские ведомости» / Кафедра журналистики филологического факультета Нижегородского гос. ун-та имени Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2009. С. 75–80.

9. Данилов А.П., Данилов А.А. К вопросу об информационной безопасности в регионах Российской Федерации: историко-правовые аспекты // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2.

10. Данилов А.П., Данилов А.А. Нравственный потенциал телевизионной публицистики: исторический опыт // Семья в России. 2006. № 1. С. 139–153.

11. Данилов А.П., Данилова М.Г. Пресса Чувашии в Интернете // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360).

12. Данилов А.П., Моисеев Д.А. Ранний (первый) этап формирования чувашской молодежной печати // Сб. науч. тр. молодых ученых и специалистов / отв. ред. А.Н. Захарова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014.

13. Данилов А.П., Эшкерат А.М. История журналистских расследований от Джекоба Рииса до Чарльза Льюиса // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2016. № 3(91).

14. И.Я. Тенюшев, участник Великой Отечественной войны, профессор факультета журналистики Чувашского госуниверситета: «Нам есть, что вспомнить...» [Электронный ресурс] // Официальный сайт отделения журналистики Чувашского госуниверситета. URL: <http://journ.chuv-su.ru/index.php/novosti/novosti/item/3671-i-ya-tenyushev-uchastnik-velikoj-otechestvennoj-vojny-professor-fakulteta-zhurnalistiki-chuvashskogo-gosuniversiteta-nam-est-cto-vspomnit> (дата обращения: 10.01.2017).

15. Факультет журналистики // Ульяновец. 2011. 16 июня. С. 6.

ДАНИЛОВ АНАТОЛИЙ ПОРФИРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (anatoliy.p.danilov@gmail.com).

ДАНИЛОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dani-lov.andrey@mail.ru).

A. DANILOV, A. DANILOV

THE HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF JOURNALISTIC EDUCATION AT I.N. ULIANOV CHUVASH STATE UNIVERSITY

Key words: *history, journalistic education, science, I. N. Ulianov Chuvash state University, equipment, personnel.*

The article analyzes the history of formation and development of journalists' training at I. N. Ulianov Chuvash State University. It notes the activity of journalism department branch at Journalists union of the Chuvash Republic, the work of students in creative studios under the guidance of leading employees of radio and TV stations, editors-in-chief of Republican printing editions. It examines the work of the small journalism faculty created with the purpose to organize vocational guidance work, that of management bodies of the journalism faculty, of student scientific society, editorial Board, it assesses the level of material-technical base of the faculty. The curriculum structure at different stages of history, provision with educational literature, access to information databases is examined. The article makes conclusions that journalists training at I. N. Ulianov Chuvash state University passed three stages: training of journalists by specialization (1967–1993.); five-years training under specialist programme (1994–2013); stage of multilevel training of journalists (since 2014).

References

1. Danilov A.A. *Istoricheskii opyt razvitiya televideniya v regionakh Rossii (vtoraya polovina XX – nachalo XXI vv.)* [The Historical experience of the development of television in the regions of Russia (second half of XX – beginning of XXI centuries)]. Moscow, Perspektiva Publ., 2008, 295 p.

2. Danilov A.A. *Rasshirenije kul'turno-vospitatel'noi funktsii regional'nogo televideniya: istoricheskii opyt sovetskogo gosudarstva (na materialakh Mariiskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi ASSR)* [Extension of cultural and educational functions of regional television: the historical experience of the Soviet state (on the materials of the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet socialist Republic)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 5–9.

3. Danilov A.A. *Stanovlenie i razvitie televideniya v regionakh Rossii vo vtoroi polovine XX – nachale XXI v. (na materialakh Marijskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi Respublik)* [Formation and development of television in the regions of Russia in the second half of XX – beginning of XXI century (on the materials of the Mari, Mordovian and Chuvash Republics)]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2009, 483 p.
4. Danilov A.A. *Televidenie v regionakh Rossii: istoriya i sovremennost' (na materialakh Chuvashskoi Respubliki)* [Television in the regions of Russia: history and the present (on materials of the Chuvash Republic)]. Moscow, Publ., 2006, 315 p.
5. Danilov A.A. *Evolutsiya zhanrovo-tematicheskoi sostavlyayushchei peredach televideniya Marijskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi Respublik v sovetskii period* [Evolution of the genre-themed component of the television Mari, Mordovian and Chuvash Republics in the Soviet period]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2009, № 3, pp. 45–52.
6. Danilov A.A., Danilov A.P., Danilova M.G. *Mediatekst veb-formata v sovremennoi novostnoi zhurnalistike Chuvashii* [Media text web format in modern news journalism Chuvash Republic]. *Ashmarinskii chteniya: sb. trudov X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 20-21 okt. 2016 g.)* [Ashmarin reading]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2016.
7. Danilov A.A., Danilov A.P., Danilova M.G., Mytnikov A.N. *«Novye media» i massmedia v Chuvashii: strategii vzaimodeistviya* [New media and mass media in Chuvashia: engagement strategies]. *Mul'timedijnaya zhurnalistika Evrazii-2015: mediatizatsiya sotsial'no-kul'turnogo prostranstva i mediakratiya v usloviyakh novoi mediareal'nosti Vostoka i Zapada: sb. materialov i nauch. st. IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kazan', 10-11 dekabrya 2015 goda / nauch. red. prof. E. S. Doroshchuk* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Multimedia journalism of Eurasia-2015: communication socio-cultural space and mediocracy in the new media reality of the East and West»]. Kazan, Kazan State University Publ., 2016, p. 81.
8. Danilov A.P. *Otazhenie chuvashsko-russkikh etnokul'turnykh i literaturnykh kontaktov v publitsistike* [Reflection Chuvash-Russian ethno-cultural and Literature contacts in journalism]. *Nizhegorodskaya zhurnalistika: istoriya i sovremennost': sb. materialov nauch.-prakt. konf., posvyashch. 170-letiyu vykhoda v svet gazety «Nizhegorodskie gubernskie vedomosti»* [Proc. of Sci. Conf. «Journalism Nizhny Novgorod: history and modernity»]. Nizhnii Novgorod, 2009, pp. 75–80.
9. Danilov A.P., Danilov A.A. *K voprosu ob informatsionnoi bezopasnosti v regionakh Rossiiskoi Federatsii: istoriko-pravovye aspekty* [To the question about information security in the Russian regions: historical and legal aspects]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 2.
10. Danilov A.P., Danilov A.A. *Navstvennyi potentsial televizionnoi publitsistiki: istoricheskii opyt* [Moral potential of the television tion of journalism: the historical experience]. *Sem'ya v Rossii* [Family in Russia], 2006, no. 1, pp. 139–153.
11. Danilov A.P., Danilova M.G. *Pressa Chuvashii v Internete* [Press Chuvash Republic]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state University], 2015, no. 5(360).
12. Danilov A.P., Moiseev D.A. *Rannii (pervyi) etap formirovaniya chu-vashskoi molodezhnoi pechaty* [Early (first) stage of the formation of the Chuvash youth print]. *Sb. nauch. tr. molodykh uchenykh i spetsialistov* [Collection of scientific works of young scientists and specialists]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2014.
13. Danilov A.P., Eshkerat A.M. *Istoriya zhurnalisticheskikh rassledovaniy ot Dzhekoba Riisa do Charl'za L'yuisa* [History of investigative journalism from Jacob Riis to Lewis Charles]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva* [Bulletin of the Chuvash state pedagogical University named after I.Y. Yakovlev], 2016, no. 3(91).
14. I.Ya. *Tenyushev, uchastnik Velikoi Otechestvennoi voiny, professor fakul'teta zhurnalistiki Chuvashskogo gosuniversiteta: «Nam est', chto vspomnit'...»* [I.J. Tanushev, participant of the great Patriotic war, Professor of journalism faculty of the Chuvash state University: "We have something to remember..."]. Available at: <http://journ.chuvsu.ru/index.php/novosti/novosti/item/3671-i-ya-tenyushev-uchastnik-velikoj-otechestvennoj-voyny-professor-fakulteta-zhurnalistiki-chuvashskogo-gosuniversiteta-nam-est-cto-vspomnit>.
15. *Fakul'tet zhurnalistiki* [Faculty of journalism]. *Ulyanovets* [Ulyanovsk], 2011, June 16, p. 6.

DANILOV ANATOLIY – Candidate of Historical Sciences, Head of Journalism Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (anatoliy.p.danilov@gmail.com).

DANILOV ANDREY – Doctor of Historical Sciences, Professor of Journalism Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (danilov.andrey@mail.ru).

Ссылка на статью: Данилов А.П., Данилов А.А. История становления и развития журналистского образования в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 71–81.

УДК 94 (571)
ББК 63.5 (2Рос)6

А.К. ИДИАТУЛЛОВ

ТРАДИЦИОННАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ (на примере г. Ульяновск)*

Ключевые слова: духовная культура, народные песни, народные танцы, традиция, русские.

В статье анализируются современные компетенции населения г. Ульяновск в области духовной культуры на основе анкетных материалов. Дана краткая характеристика основным элементам народного творчества, праздников, национальных обрядов русского населения; указаны причины воздействия на респондентов нетрадиционной культуры. Исследование показало положительную установку респондентов к русской традиционной и русскоязычной культуре. Самый высокий уровень компетентности у опрошенных наблюдается в сфере праздничной и песенной культуры. Давление массовой культуры не до конца уничтожает этнокультурную специфику. Предполагается усиление позиций православия в регионе. Несмотря на то, что зачастую представление о русской традиции у респондентов носит синкретичный (смешанный) характер, в целом заметна тенденция к осознанию своих исторических корней и национальной идентичности.

В условиях крупного полиэтничного города, коим является Ульяновск, этническая специфика концентрируется, главным образом, в сфере духовной жизни [9. С. 206]. Выяснение современного состояния народного творчества, праздников, национальных обрядов позволит глубже понять особенности идентификации этнических групп Ульяновска, а также выявить возможную реакцию населения города на активные межэтнические и межконфессиональные контакты. Итак, целью статьи является анализ компетенций населения г. Ульяновск в области духовной культуры.

В качестве объекта исследования выбраны русские – самая многочисленная этническая общность региона (76,8%, согласно результатам переписи 2002 г.). В 2014 г. в г. Ульяновск нами было проведено анкетирование 213 человек русской национальности (7 респондентов в возрасте от 61 года и старше, 36 респондентов в возрасте от 41 года до 60 лет, 27 респондентов в возрасте от 26 до 40 лет, 68 респондентов в возрасте от 19 до 25 лет, 75 респондентов в возрасте от 13 до 18 лет). Отбор респондентов проводился методом «снежного кома». При проведении анкетирования были использованы вопросники социологических исследований Т.А. Титовой [9].

В выборке 51 человек (23,9%) имеет среди своего ближайшего окружения (родители, супруг или супруга) представителей 13 народов и этнических групп, что также указывает на интенсивность межнациональных контактов в пределах города (табл. 1).

Анализ анкетных материалов показал, что в целом русское население проявляет высокий интерес к отдельным элементам традиционной духовной культуры. Более 60% респондентов ответили, что знают русские народные песни, танцы, национальные

Таблица 1
Представители народов, приходящихся родителями и супругами для респондентов

Этноним	Количество упоминаний
Мордва	19
Чуваши	17
Татары	15
Украинцы	5
Азербайджанцы	4
Армяне	3
Белорусы, болгары, евреи, казаки, румыны, таджики, узбеки	по 2

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-11-73601е(р).

праздники, обряды, обычаи и традиции. Тем не менее доля лиц, не ответивших на вопросы о знании тех или иных элементов культуры, также является высокой. Например, 50 респондентов (23,5%) не знают ни одной народной песни. 4 респондента не ответили на данный вопрос. Всего респондентами в качестве народной была названа 71 песня. Чаще всего респонденты в качестве русской народной называли песню «Калинка-малинка» (табл. 2), которая на самом деле имеет своего автора. Написана она Иваном Петровичем Ларионовым в 1860 г., а впервые была исполнена в Саратове. Очевидно, что популярность этой песни в качестве народной объясняется влиянием массовой культуры, эстрады, благодаря которой она стала столь широко известна в народе. Однако предположим наличие ещё одной причины, повлиявшей на такое уникальное доминирование её в массовом сознании русского населения. Исследование русских и украинских песен показывает поразительную устойчивость красной калины как поэтического символа любви [2]. Образ калины тесно связан с темой предстоящего замужества, молодости и «красы» девушки, и такие песни часто относятся к свадебным. В нашем анкетировании помимо «Калинки-малинки» зафиксировано ещё две песни, где упоминается этот славянский архетипический символ перехода девушки в замужнее состояние: «Ой, цветёт калина» (написана в 1950 г. Исааком Дунаевским для фильма «Кубанские казаки») и «Калина красная» (русская народная). Показательно, что свадебные песни, исполняемые в XIX в. в соседней Саратовской губернии во время свадебных обрядов, также «изобилуют» красной ягодой:

Как у нас ли во нынешнем саду
Уродился виноград во саду
И калина со малиною,
Чёрна ягодка смородина [7. С. 178].

В списке народными (в исконном понимании этого термина) можно также назвать песни «Во поле берёза стояла...» (хороводная народная песня), «Ой, мороз, мороз...», «Ой, то не вечер» (казацкая народная песня, известная также под названием «Сон Степана Разина»), «Чёрный ворон» (казацкая народная) и «Яблочко» (созданная в жанре частушки на рубеже XIX–XX вв.). В то время как «Катюша» – песня авторская: стихи написаны Михаилом Исаковским, а музыка Матвеем Блантером в 1938 г. [6].

Присутствие в списке гимна России объясняется некоторой расплывчатостью этнической идентификации русского населения, как и любой другой титульной нации. Действительно, сам текст гимна лишён откровенных признаков русского этноса и прямо апеллирует к многонациональности страны: «Братских народов союз вековой...». В поисках наднациональных, межэтнических маркеров русские осознают себя интеграционной силой российского государства, но взамен этого рискуют утратить часть этнической самобытности. Фигурирование гимна России в качестве народной песни может также свидетельствовать о том, что для части русских этническая и общероссийская идентичности совпадают [5. С. 174].

Таблица 2
**Песни, которые,
по мнению респондентов,
являются народными**

Название песни	Количество упоминаний
Калинка-малинка	53
Ой, мороз-мороз...	32
Во поле берёза стояла...	28
Катюша	14
Валенки	13
Гимн России	5
Ой, цветёт калина...	5
Ой, то не вечер...	4
Чёрный ворон	4
Частушки	4
Виновата ли я...	3
Рябина кудрявая	3
Яблочко	3
Калина красная	3

Таблица 3
Танцы, которые,
по мнению респондентов,
являются народными

Названия танцев и элементов танца	Количество упоминаний
Хоровод	41
Калинка-малинка	15
Барыня	10
Кадриль	10
Ручей	8
Яблочко	6
Цыганочка	6
Присядка	5
Вальс, пляска, перепляс, трепак	по 2
Полька, коровяк, берёзка, лезгинка, казачок	по 1

78 респондентов (36,6%) не знают ни одного народного танца. Всего респондентами в качестве народного было названо 23 танца. Значительный перевес хоровода (табл. 3) в ответах респондентов вновь заставляет обратиться к глубинным основам русской ментальности. Здесь уместно прозвучит мнение А.В. Терещенко – известного этнографа XIX в.: «Ни один народ в Европе, кроме славян, не усвоил их своей жизнью и никто не сохранил их для своей забавы с такими многообразными изменениями, как русские славяне... Хороводы наши, душа увеселений девушек, слились с русской жизнью» [8. С. 94]. По всей видимости, давление массовой культуры не до конца уничтожает этнокультурную специ-

фику, имеет место лишь поверхностное стирание ряда этноиндификационных маркеров.

К русским народным танцам в списке относятся барыня, трепак и казачок. Интересно, что схожая по движениям с барыней и трепаком другая русская плясовая – «камаринская», в ответах не была указана, хотя и имеет в отличие от трепака свой напев. Перепляс и присядка, указанные в списке – это элементы танцев, кстати говоря, тех же русских плясовых.

Ещё одна тенденция при ответах на вопрос о танцах и песнях – это установка на потребление не только национальной, но и привнесённой извне культуры. Например, в качестве русских народных танцев фигурируют международный танец вальс, кавказская лезгинка, среднеевропейская полька, а также цыганочка. Такие танцы, как кадриль и яблочко, которые в массовом сознании напрямую ассоциируются с русской культурой, также имеют иностранное происхождение [4; 11]. Песня «Валенки», хотя и воспринимается русской народной благодаря тому, что была в своё время блистательно исполнена Лидией Руслановой, на самом деле уходит своими корнями в цыганскую традиционную культуру. В анкетах указывались и такие заведомо ненародные песни, как «Изгиб гитары жёлтой», что также характеризует весьма причудливый характер восприятия духовной культуры русскими исследуемого региона. В известном смысле традиционного комплекса русской культуры в Ульяновске, особенно в массовой форме, на сегодняшний день не существует. Имеет место отчасти нивелированное и трансформированное под воздействием инородных влияний и заимствований культурное образование, в котором, тем не менее, прослеживаются черты традиционной русской ментальности.

Интересные результаты получены при ответе респондентов на вопрос «Почитаются ли Вашим народом какие-либо места, объекты, памятники как священные?»: 54 респондента (25,4%) не только не назвали ни одного священного места, но и посчитали, что таких мест нет. 10 человек (4,7%) не ответили ничего. Из тех, кто назвал священное место, 92 респондента (61% от назвавших) посещают данные священные места. Значительный перевес объектов православного культа при ответе на данный вопрос – это, с одной стороны, усиление позиций официальной религии в регионе, с другой – отсутствие архитектурного символа новейшего времени. Действительно, актуальность советской архитектуры очевидна, она стала во многом рупором тех побед, которые были достигнуты в XX в. и, в первую очередь, в Великой Отечественной войне. Современность же ознаме-

новалась восстановлением, ренессансом православия и шире – духовных основ российского общества на фоне краха старой, советской идеологии [3. С. 137]. На данном этапе только храмы, церкви и монастыри смогли восполнить образовавшуюся пустоту культурных символов (табл. 4).

41 (19,2%) опрошенный не смог вспомнить ни одного народного праздника. Значительная часть опрошенных (табл. 5) упоминала в качестве народных праздников религиозные, что можно объяснить ростом роли православия как этноидентификационного фактора на фоне низкой компетентности части респондентов по другим элементам духовной культуры. Действительно, как отмечают исследователи, для российских респондентов «религия скорее связана не с устойчивой религиозностью и воцерковленностью, а выступает одним из элементов этнической идентичности» [1. С. 44]. Можно также предположить, что усиление религии как фактора этнической идентификации может быть связано с общей нестабильной ситуацией, которую переживает российское общество в постсоветский период, так как кризис общественного развития требует универсального ответа на вопрос о смысле существования и социального действия [10. С. 146], и таким ответом естественным образом становится религия. Другая особенность списка – смешение праздников разного происхождения: международных (8 Марта, Новый год), государственных (День Конституции, День Народного единства), региональных (День Города), языческого происхождения (Иван Купала, Масленица).

Сходные результаты получены при ответе респондентов на вопрос: «Какие в Вашей семье соблюдаются национальные обряды, обычаи, традиции?»: 75 (35%) респондентов не соблюдают ни одного национального обычая или обряда, 17 (7,9%) не дали ответ на данный вопрос. Для большинства респондентов традиционная сфера зачастую ассоциируется с православными обрядами (табл. 6). Отметим, что список народных праздников выглядит гораздо разнообразнее, чем перечень национальных обрядов, традиций и обычаев, соблюдаемых в семьях.

Некоторую осведомлённость демонстрируют респонденты при ответе на вопрос: «Кого Вы считаете национальным героем своего народа?»: 75 (35%) опрошенных либо не знают ни одного

Таблица 4

**Объекты, места и памятники,
почитаемые как священные**

Названия объектов	Количество упоминаний
Церкви, храмы, соборы, монастыри	80
Памятники погибшим в Великой Отечественной войне	15
Кладбища	10
Памятники истории и культуры	6
Памятники В.И. Ленину	3

Таблица 5

**Народные праздники,
по мнению респондентов**

Название праздника	Количество упоминаний
Пасха	97
Рождество	81
Новый год	46
Масленица	40
День Победы	23
Крещение	20
Троица	14
Иван Купала	13
8 Марта	9
1 Мая	7
23 Февраля	7
Яблочный и Медовый Спас	5

Таблица 6

**Национальные обряды,
обычаи и традиции,
по мнению респондентов**

Название обряда, обычая	Количество упоминаний
Пасха	27
Рождество	20
Масленица	10
Соблюдение постов	9
Свадебный обряд	8
Новый год	8
Крещение	8

Таблица 7
**Национальные герои,
 по мнению респондентов**

Имена героев	Количество упоминаний
Илья Муромец	23
Юрий Гагарин	17
А.В. Суворов	16
Александр Невский	15
В.И. Ленин	15
Добрыня Никитич	12
Алёша Попович	10
Г.К. Жуков	10
М.И. Кутузов	8
В.В. Путин	8
И.В. Сталин	6
Пётр I	5
А.С. Пушкин	4

национального героя, либо считают, что таковых нет. В списке героев оказалось 49 позиций. Приведём некоторые из них. На первом месте оказался Илья Муромец (табл. 7) – во многом компромиссная фигура, успех которой вполне объясним тем, что она синтезирует в себе черты христианского святого, защитника земли русской, реально существовавшего исторического персонажа, а также полумифического, былинного, сказочного и даже анимационного образа (имеется в виду серия современных российских мультфильмов о приключениях трёх богатырей). В этом же контексте фигурируют в списке Добрыня Никитич и Алёша Попович. Значительная часть респондентов рассматривает в качестве национальных героев защитников Родины, как неизвестных солдат, так и знаменитых полководцев (А.В. Суворова, А. Невского). Ещё одна тенденция при ответе на данный вопрос – это очевидная попытка переосмысления с целью возможного синтеза трёх периодов в нашей истории: дореволюционного этапа, советского прошлого и современности.

Таким образом, исследование показало положительную установку респондентов к русской традиционной и русскоязычной (по духу народной) культуре. Самый высокий уровень компетентности у опрошенных наблюдается в сфере праздничной и песенной культуры. Несмотря на то, что зачастую представление о русской традиции у респондентов носит синкретичный (смешанный) характер, в целом заметна тенденция если не к сохранению, то к осознанию своих исторических корней и национальной идентичности.

Литература

1. *Ананьина В.Т., Корablёва Г.Б.* Религия как элемент этнической идентификации личности в межнациональных семьях // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: XVIII Междунар. конф. памяти проф. Л.Н. Когана (19-20 марта 2015 г., г. Екатеринбург). Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 38–45.
2. *Девятко В.* Калинка-малинка – это о любви [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovoart.ru/node/820> (дата обращения: 12.09.2014).
3. *Идиатуллов А.К.* Религиозность русского населения г. Ульяновска в начале XXI в // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-4(61). С. 135–138.
4. *Кадриль, история появления танца* [Электронный ресурс]. URL: <http://goldpark.ru/2013/10/kadri-istoriya-poyavleniya-tanca/> (дата обращения: 12.09.2014).
5. *Макарова Г.И.* Культурная составляющая современных этнических идентичностей татар и русских в Республике Татарстан (по материалам полуструктурированных интервью) // Вопросы культурологии. 2010. № 3. С. 73–78.
6. *Песня «Катюша»* (история создания и текст стихов) [Электронный ресурс]. URL: <http://journal-shkolniku.ru/katyusha.html> (дата обращения: 12.09.2014).
7. *Терещенко А.В.* Быт русского народа. М.: Русская книга, 1999. Ч. II, III. 335 с.
8. *Терещенко А.В.* Быт русского народа. М.: Русская книга, 1999. Ч. IV, V. 333 с.
9. *Титова Т. А.* Этнические меньшинства в Татарстане: статус, идентичность, культура. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. 254 с.
10. *Шаев А.А.* Этническая и религиозная идентичность: специфика взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. № 3(50). С. 140–147.
11. *Яблочко, история возникновения танца* [Электронный ресурс]. URL: http://hnb.com.ua/articles/s-sport-entsiklopediya_tantsa_yablochko-2545 (дата обращения: 12.09.2014).

ИДИАТУЛЛОВ АЗАТ КОРБАНГАЛИЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры географии и экологии, Ульяновский государственный педагогический университет, Россия, Ульяновск (AzKoldiat@yandex.ru).

A. IDIATULLOV

TRADITIONAL SPIRITUAL CULTURE IN A POLYETHNIC REGION
(ON THE EXAMPLE OF ULYANOVSK)**Key words:** spiritual culture, folk songs, folk dances, tradition, the Russians.

The article analyzes modern competences of the population of Ulyanovsk in the field of spiritual culture on the basis of questionnaire findings. A short characteristic is given to basic elements of folk creativity, holidays, folk ceremonies of the Russian population; the reasons for impact on respondents of nonconventional culture are specified. The study showed positive attitude of respondents to the Russian traditional and Russian-speaking culture. The highest level of competence among respondents is observed in the sphere of festive and song culture. The pressure of mass culture does not completely destroy ethnocultural specifics. Strengthening the positions of Orthodoxy in the region is supposed. In spite of the fact that often the idea of the Russian tradition at respondents has a synergetic (mixed) character, in general the tendency to understanding historical roots and national identity is noticeable.

References

1. Ananina V.T., Korableva G.B. *Religiya kak element etnicheskoi identifikatsii lichnosti v mezhnatsional'nykh sem'yakh* [Religion as an element of ethnic identification in ethnic families]. *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya: XVIII Mezhdunar. konf. pamyati prof. L.N. Kogana (19-20 marta 2015 g., Ekaterinburg)* [Proc. of XVIII Int. Sci. Conf. «Culture, personality, society in modern world: methodology, experience of empirical research»]. Ekaterinburg, 2015, pp. 38–45.
2. Devyatko V. *Kalinka-malinka – eto o lyubvi* [Kalinka-Malinka is about love]. Available at: <http://www.slovoart.ru/node/820> (Accessed 12 November 2014).
3. Idiatullov A.K. *Religioznost' russkogo naseleniya g. Ul'yanovska v nachale XXI v* [Religiosity of the Russian population in Ulyanovsk in the beginning of XXI century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo state University], 2015, no. 1-4 (61), pp. 135–138.
4. *Kadril', istoriya poyavleniya tantsa* [Square dance the history of dance]. Available at: <http://goldpark.ru/2013/10/kadril-istoriya-poyavleniya-tanca> (Accessed 12 November 2014).
5. Makarova G. I. *Kul'turnaya sostavlyayushchaya sovremennykh etnicheskikh identichnostei tatar i russkikh v Respublike Tatarstan (po materialam poluformalizovannykh interv'yu)* [the modern Cultural component of the ethnic identity of Tatars and Russians in Tatarstan (materials half formalized interview)]. *Voprosy kul'turologii* [Questions of cultural studies], 2010, no. 3, pp. 73–78.
6. *Pesnya «Katyusha» (istoriya sozdaniya i tekst stikhov)* [The song «Katyusha» (the history of creation and the text of verses)]. Available at: <http://journal-shkolniku.ru/katyusha.html> (Accessed 12 November 2014).
7. Tereshchenko A. V. *Byt russkogo naroda* [Life of the Russian people]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999, vol. 2-3, 335 p.
8. Tereshchenko A. V. *Byt russkogo naroda* [Life of the Russian people]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999, vol. 4-5, 333 p.
9. Titova T. A. *Etnicheskie men'shinstva v Tatarstane: status, identichnost', kul'tura* [The Ethnic minorities in Tatarstan Republic: status, identity, culture]. Kazan, Kazan state university named after V.I. Ul'yanov-Lenin Publ., 2007, 254 p.
10. Shaov A.A. *Etnicheskaya i religioznaya identichnost': spetsifika vzaimodeistviya* [Ethnic and religious identity: the specificity of the interaction]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Adyge state University], 2009, no. 3 (50), pp. 140–147.
11. *Yablochko, istoriya vznikeniya tantsa* [‘Apple’, the history of dance]. Available at: http://hnb.com.ua/articles/s-sport-entsiklopediya_tantsa_yablochko-2545 (Accessed 12 November 2014).

IDIATULLOV AZAT – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of Geography and Ecology Department, Ulyanovsk State Pedagogical University, Russia, Ulyanovsk (AzKoldiat@yandex.ru).

Ссылка на статью: *Идиатуллово А.К. Традиционная духовная культура в полиэтничном регионе (на примере г. Ульяновск) // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 82–87.*

УДК 94 (571)
ББК 63.5(2Рос)6

А.К. ИДИАТУЛЛОВ

НОВАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ СТУДЕНТОВ УФЫ (на примере башкир и татар)

Ключевые слова: новая религиозность, студенты, башкиры, татары, ислам.

В статье анализируются новейшие тенденции в современной религиозности башкирских и татарских студентов Уфы; дана краткая характеристика основных элементов нетрадиционных представлений; указаны причины воздействия на мировоззрение части респондентов православия, неоязычества и атеизма. Главной источниковой базой исследования стало анкетирование 190 студентов. Значительная часть респондентов называют себя верующими. Конфессиональная идентичность татарских и башкирских студентов также значительна. Тем не менее автор считает, что за внешней происламской ориентацией студенческой молодёжи могут скрываться совсем неисламское сознание и поведение. Данная тенденция усиливается секулярными и атеистическими взглядами.

Возникновение новой религиозности обычно объясняют изменениями, произошедшими сначала в СССР, а затем в России в конце 80-х – 90-е гг. прошлого столетия. Кризис экономических и общественных систем, ускоренная либерализация почти всех сторон жизни привели к эволюции старых и постепенному развитию новых ценностей. В ситуации принципиальной неопределённости граждане России активизировали свои метафизические поиски [1. С. 3]. Подобные изменения не могли не «вылиться» в качественно новые формы религиозного, духовного, сакрального мировоззрения, что требует соответствующего осмысления.

Особенно актуально исследование новой религиозности в контексте мировоззрения студенческой молодёжи, которое характеризуется, на наш взгляд, значительной подвижностью представлений религиозного характера, вызванного как спецификой деятельности студентов (обучение профессии), так и их активной социализацией. Думается, что такое «пограничное», в известном смысле, состояние татарской и башкирской студенческой молодёжи (впрочем, как и любой другой) способствует конструированию, синтезу различных религиозных представлений на базе исламской культуры, которая по-прежнему остаётся доминирующей в их мировоззрении.

Ряд советских и российских учёных внесли ощутимый вклад в изучение новой религиозности. Основу для них заложили исследования 70–80-х гг. XX в., которые рассматривали новую религиозность в контексте проблемы синкретизма [3, 8, 11]. Отрадно, что указанные исследования констатировали не полное, а фрагментарное исчезновение религиозного мировоззрения, а в некоторых случаях и появление новых и эволюции традиционных религиозных форм. В 1990-е гг. изучению религиозности населения России, в том числе новой, посвящен ряд социологических исследований [7, 9]. В них выявлены элементы новой религиозности населения России и её отдельных регионов, выявлен нелинейный характер религиозного ренессанса, когда на смену атеизму не всегда приходила дореволюционная, во многих смыслах традиционная религиозность. Публикации 2000-х гг. продолжают констатировать наличие нетрадиционных религиозных представлений у части населения, в том числе у студентов [3–5]. Однако нередко явление нетрадиционной религиозности остаётся завуалированным или вовсе незамеченным. Дело в том, что традиционная религиозность подменяется религиозной и конфессиональной самоидентификацией [10], что размывает смысл православной веры [2. С. 86], а роль нетрадиционных представлений в мировоззрении населения как бы нивелируется. Поэтому в нашей работе под новой религиозностью мы понимаем систему взглядов, пред-

ставлений и мнений, зачастую разрозненных, отличающихся от принятых в традиционной религии изучаемых народов (в данном случае в исламе). Такой подход, на наш взгляд, поможет избежать позиции, согласно которой верующий мусульманин, придерживающийся откровенно немусульманских представлений, всё равно является носителем исламской религиозности, при этом сами эти представления не останутся без внимания. В качестве основных нетрадиционных религиозных компонентов мировоззрения татар и башкир предлагаем считать православие, неоязычество, атеистические представления.

Цель статьи – анализ новой религиозности студентов г. Уфы (на примере татар и башкир) и выявление в их мировоззрении представлений нетрадиционного характера.

Эмпирической базой исследования послужило проведённое в октябре 2013 г. в г. Уфе анкетирование 190 студентов (91 башкир, 86 татар, 13 студентов, не определившихся со своей этнической идентичностью). Отбор респондентов проводился методом «снежного кома».

Конфессиональная идентичность татарских и башкирских студентов значительна: относят себя к мусульманам 84 башкира (92,3%) и 67 татар (77,9%). Верят в Аллаха 79 опрошенных башкир (86,8%) и 61 татарин (70,9%) (таблица). Удельный вес респондентов, отнёсших себя к мусульманам, больше доли респондентов, верующих в Аллаха. На наш взгляд, это связано с тем, что отнесение к мусульманам часто никак не коррелирует с религиозностью как таковой, а определяется отмеченной выше ролью ислама как этномаркирующего фактора. Вера в Аллаха, напротив, является одним из проявлений религиозности и потому не всегда фиксируется в ответах номинальных (этнических) мусульман, чья религиозность вообще вызывает большие сомнения.

Религиозные убеждения, представления и обряды башкирских и татарских студентов Уфы, % от опрошенных

Религиозные убеждения, представления и обряды	Башкиры		Татары	
	абс.	%	абс.	%
Верующие	63	69,2	42	48,8
Верят в Аллаха	79	86,8	61	70,9
Читают исламскую литературу и Коран	32	35,2	13	15,1
Относят себя к мусульманам	84	92,3	67	77,9
Считают Иисуса пророком, посланником	54	59,3	39	45,3
Считают Иисуса Богом, сыном Божьим	18	19,8	16	18,6
Считают Иисуса обычной исторической личностью	13	14,3	22	25,6
Читают Библию	9	9,9	5	5,8
Празднуют Рождество и Пасху, так как это принято в семье, народе	7	7,7	8	9,3
Верят в существование человеческой души	79	86,8	70	81,4
Верят, что душа после смерти человека воплощается в новом теле	20	22	23	26,7
Верят, что душа после смерти человека разрушается и перестаёт существовать	4	4,4	7	8,1
Верят, что душа умершего влияет на родственников умершего	40	44	43	50
Верят, что душа умершего влияет на всех людей	6	6,6	4	4,7
Верят в магию	35	38,5	32	37,2
Обращались к знахарям, колдунам, магам и экстрасенсам	24	26,4	20	23,3
Обращались к гадалкам или гадают сами	17	18,7	15	17,4

На фоне высокого уровня первичной, во многом внешней, религиозности, основой для которой служит особая роль ислама в сохранении национальной самобытности изучаемых народов, в мировоззрении башкирских и татарских студентов заметны влияния неисламских представлений. В частности, выделяется группа представлений, связанных с православной культурой. Ключевым здесь следует считать мнение части респондентов (19,8% башкир и 18,6% татар) о том, что Иисус является Богом или сыном Божьим, что можно объяснить влиянием соседних православных народов, с которыми татары и башкиры активно взаимодействуют на бытовом, культурном и духовном

уровнях уже на протяжении ряда столетий. Конечно, считать Иисуса Богом, ещё не значит верить в это, однако сам факт слабой религиозной компетенции части опрошенных кажется нам весьма показательным, так как вера в Иисуса как пророка в исламе является одним из важнейших маркеров, отличающих мусульманскую религию от христианской.

Тесными контактами татар и башкир с православными народами, и в первую очередь с русскими, объясняется то обстоятельство, что часть респондентов празднуют Рождество и Пасху, следуя при этом скорее сложившимся в регионе традициям, а не религиозному опыту (см. таблицу). Отчасти подобные «заимствования» из православия связаны с фактором многоконфессиональной семьи. Например, среди 15 респондентов, ответивших, что они празднуют Рождество и Пасху, так как это принято в семье и в народе, значатся 6 человек, у которых имеются супруги или родители русской или украинской национальности. То же самое наблюдается и касательно ответов о чтении Библии. 9,9% башкир и 5,8% татар читают священную книгу христиан, что само по себе не запрещено в исламе, в котором Библия мыслится как искажённое людьми откровение Аллаха. Однако на фоне не самой выраженной установки у студентов к познанию Корана (см. таблицу), а также в контексте нашего исследования эти данные заслуживают определённого внимания. В частности, среди 14 респондентов, ответивших, что они читают Библию, значатся 5 человек, у которых имеются супруги или родители русской или украинской национальности. Таким образом, нам представляется, что многоконфессиональная семья является микросредой, где формируется новое, зачастую амбивалентное мировоззрение, представляющее собой сочетание мусульманской и православной традиций.

Вторая группа нетрадиционных представлений татарских и башкирских студентов связана с неоязычеством. Во-первых, это проявляется в специфическом отношении к человеческой душе вообще и душам умерших в частности. Так, среди опрошенных татар, верящих в человеческую душу, оказалось больше тех, кто относит себя к мусульманам, верит в Аллаха и считает себя верующим (см. таблицу). Иными словами, представление о душе у незначительной части опрошенных оказывается как бы вне конфессии и религии, что, на наш взгляд, является свидетельством нового, возможно квазирелигиозного, отношения к трансцендентному или, как было отмечено выше, примером развития секуляризации религии вглубь. Обращает на себя внимание и тот факт, что многие респонденты верят, что душа после смерти человека воплощается в новом теле и что душа умершего влияет на людей и родственников (см. таблицу). Оба эти убеждения не являются исламскими, и их проникновение в мировоззрение опрошенных следует считать следствием мифологизации массового сознания в условиях переходного периода, когда дискредитация одних ценностей и постепенное утверждение других вызвали фактически ситуацию идеологического и культурного вакуума, который заполнялся в том числе в ходе религиозного новаторства и мифотворчества. И если первичная религиозность достаточно быстро оказалась вовлечена в систему исламской культуры, то вторичная – оказалась объектом индивидуального выбора, который, надо сказать, вершился зачастую в условиях тотальной религиозной безграмотности.

Неоязычество в мировоззрении опрошенных студентов представлено также магией. В неё верят 38,5% респондентов из числа башкир и 37,2% татар. Обращались к знахарям, колдунам и экстрасенсам 26,4% башкир и 23,3% татар. Наиболее распространено среди магических представлений гадание: обращались к гадалкам или гадают сами 18,7% и 17,4% респондентов соответствующих этнических групп. Анализируя эти данные, важно отметить, что только 7,7% башкирских и 22,1% татарских респондентов не отнесли себя к мусульманам. Таким образом, часть из тех, кто испытывает на себе влияние языческого мировоззрения,

при этом идентифицирует себя с исламом. Очередное несоответствие конфессиональной идентичности и реальных компетенций в области мусульманских представлений вновь заставляет задуматься над очевидными сложностями процесса исламского ренессанса. В самом деле, за внешней демонстрируемой про-исламской ориентацией студенческой молодёжи могут скрываться совсем не исламское сознание и поведение. Данная тенденция усиливается и в связи с имеющимися у студентов секулярными и откровенно атеистическими взглядами. Например, считают Иисуса обычной исторической личностью 14,3% опрошенных башкир и 25,6% татар, до 8,1% респондентов верят, что душа после смерти человека разрушается и перестаёт существовать.

Итак, анализ данных анкетирования показал, что, хотя свыше половины башкирских и татарских студентов отнесли себя к мусульманам, их мировоззрение нередко является синкретичным, испытывает на себе влияние православия, неоязычества и атеизма. Новая религиозность татар и башкир является следствием межконфессиональных браков – микросреды, в которой во многом неосознанно формируется амбивалентное мировоззрение. Среди исследуемой выборки такая амбивалентность проявляется прежде всего в сочетании православных и мусульманских представлений. Справедливости ради отметим, что нередко влияние православных идей можно объяснить следованием татар и башкир за сложившейся в регионе традицией, а не религиозным опытом. Выскажем предположение, что в перспективе такая пассивная религиозность может иметь более серьёзные последствия. Влияние неоязыческих представлений на респондентов объясняется как своеобразной преемственностью с доисламским мировоззрением, так и банальной религиозной безграмотностью молодого поколения татар и башкир. Наконец, исследование зафиксировало весомую долю респондентов, придерживающихся атеистических представлений. В целом можно предположить, что вторичная религиозность татар и башкир определяется в большей степени на уровне индивида и в связи с этим весьма плюралистична, чего нельзя сказать о конфессиональной, во многом первичной религиозности.

Литература

1. *Васильева С.Б.* Традиционная и нетрадиционная религиозность в современном мире // Вестник Бурятского госуниверситета. 2010. № 8. С. 3–8.
2. *Вовченко В.А.* К вопросу определения уровня, степени и характера религиозности православного населения России (на основе опроса студентов вузов г. Орла) // Учёные записки Орловского государственного университета. 2008. № 3. С. 84–87.
3. *Гёзаян И.Г.* Трансформация религиозности // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 1(101). С. 152–157.
4. *Грашевская О.В.* Исследование отношения студенческой молодежи к религии // Проблемы развития территории. 2014. № 5 (73). С. 57–68.
5. *Идиатуллов А.К.* Религиозность карачаевских студентов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 718.
6. *Капустин Н.С.* Особенности эволюции религии (на материалах древних верований и христианства). М.: Мысль, 1984. 222 с.
7. *Кублицкая Е.А.* Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103.
8. *Кудряшов Г.Е.* Динамика полисинкретичной религиозности. Опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 356 с.
9. *Мчедлов М.П.* Религиозная ситуация в России: реалии, противоречия, прогнозы // Свободная мысль. 1993. № 5. С. 52–62.
10. *Синелина Ю.Ю.* Этапы изменения религиозности населения в России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 78–88.
11. *Яблоков И.Н.* Кризис религии в социалистическом обществе. М.: Знание, 1974. 64 с.

ИДИАТУЛЛОВ АЗАТ КОРБАНГАЛИЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры географии и экологии, Ульяновский государственный педагогический университет, Россия, Ульяновск (AzKoldiat@yandex.ru).

A. IDIATULLOV

NEW RELIGIOUSNESS OF UFA STUDENTS
(ON THE EXAMPLE THE BASHKIRS AND THE TATARS)**Keywords:** new religiosity, students, Bashkirs, Tatars, Islam.

The article analyses the latest trends in contemporary religiosity of Bashkir and Tatar students of Ufa; a brief characteristics is given to the main elements of non-traditional beliefs; the reasons for the influence of orthodoxy, neo-paganism and atheism on the belief system in a part of respondents are indicated. The main source basis was the research questionnaire of 190 students. A significant part of respondents calls themselves believers. Confessional identity of Tatar and Bashkir students is also significant. However, the author believes that external pro-Islamic orientation among student youth can hide non-Islamic consciousness and behavior. The given trend is reinforced by secular and atheistic views.

References

1. Vasil'eva S.B. *Traditsionnaya i netraditsionnaya religioznost' v sovremennom mire* [Traditional and non-Traditional religiosity in the modern world]. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta* [Bulletin of the Buryat state University], 2010, no. 8. pp. 3–8.
2. Vovchenko V. A. *K voprosu opredeleniya urovnya, stepeni i kharaktera religioznosti pravoslavnogo naseleniya Rossii (na osnove oprosa studentov vuzov g. Orla)* [To the question of determining the level, extent and nature of religiosity of the Orthodox population of Russia (on the basis of a survey of Orel' s University students.)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Orel state University], 2008, no. 3, pp. 84–87.
3. Gezalyan I.G. *Transformatsiya religioznosti* [Transformation of religiosity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Public opinion Monitoring], 2011, no. 1(101), pp. 152–157.
4. Grashevskaya O. V. *Issledovanie otnosheniya studencheskoi molodezhi k religii* [Study of the attitudes of students to religion]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of development of the territory], 2014, no. 5(73), pp. 57–68.
5. Idiatullov A. K. *Religioznost' karachaevskikh studentov* [Religiosity Karachai students]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2014, no. 5, p. 718.
6. Kapustin N.S. *Osobennosti evolyutsii religii (na materialakh drevnikh verovanii i khristianstva)* [Features of the evolution of religion (on the materials of ancient beliefs and Christianity)]. Moscow, Mysl' Publ., 1984, 222 p.
7. Kublitskaya E.A. *Traditsionnaya i netraditsionnaya religioznost': opyt sotsiologicheskogo izucheniya* [Traditional and non-Traditional religiosity: an experience of sociological research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1990, no. 5, pp. 95–103.
8. Kudryashov G.E. *Dinamika polisinkretichnoi religioznosti. Opyt istoriko-etnograficheskogo i konkretno-sotsiologicheskogo issledovaniya genezisa, evolyutsii i otmiraniya religioznykh perezhitkov chuvashei* [Dynamics polysintetizly religiosity. Historical and ethnographic and particular sociological studies of the Genesis, evolution and withering away of religious remnants of the Chuvash]. Cheboksary, Chuvash book Publ., 1974, 356 p.
9. Mchedlov M.P. *Religioznaya situatsiya v Rossii: realii, protivorechiya, prognozy* [The Religious situation in Russia: realities, controversies forecasts]. *Svobodnaya mysl' Publ.*, 1993, no. 5. pp. 52–62.
10. Sinelina Yu.Yu. *Etapy izmeneniya religioznosti naseleniya v Rossii* [The Stages of changes of religiosity in Russia]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad], 2009, no. 4. pp. 78–88.
11. Yablokov I.N. *Krizis religii v sotsialisticheskoy obshchestve* [The crisis of religion in a socialist society]. Moscow, Znanie Publ., 1974, 64 p.

IDIATULLOV AZAT – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of Geography and Ecology Department, Ulyanovsk State Pedagogical University, Russia, Ulyanovsk (AzKoldiat@yandex.ru).

Ссылка на статью: Идиатуллоев А.К. Новая религиозность студентов Уфы (на примере башкир и татар) // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 88–92.

УДК 930.1
ББК 63.3(2)5

А.В. МАНЬКОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ТЕРРОРИЗМА: ИСТОКИ, СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, субъекты терроризма, террористические организации, террористические акты, революционный терроризм, террористическая тактика, террористические методы, подготовка офицеров, высшие военные учебные заведения.

Делается попытка осмыслить терроризм в историко-образовательном аспекте. Автор считает, что курсанты и слушатели российских военно-учебных заведений очень мало знают о сущности и истории терроризма. Дается краткий обзор истории терроризма в Древнем мире, Средневековье и в Новое время, приводятся факты из террористической практики различных российских революционных организаций. Раскрываются особенности террористической деятельности партии социалистов-революционеров (эсеров) в начале прошлого столетия. Отмечается, что почти вся история России знала как антигосударственный терроризм: народовольческий, эсеровский, так и государственный террор – опричнина, «белый» и «красный» террор в гражданскую войну, террор НКВД в 1937 г. Исследователь подчеркивает, что террористические акты являются частью современной российской жизни. Он напоминает о том, что обе мировые войны в XX в. начались с террористических акций, и указывает на то, что оценки текущих вызовов и угроз безопасности государства, высказываемые в официальных заявлениях, представляют терроризм как серьезную угрозу для жизни наших соотечественников и общей стабильности российского социума. По оценкам отечественных и иностранных специалистов, в ближайшем будущем угроза терроризма останется высокой. В связи с этим автор предлагает новые подходы в подготовке офицерских кадров. Делаются выводы о необходимости частичного изменения учебных программ и тематических планов изучения ряда гуманитарных дисциплин с учетом современной террористической угрозы для страны, а также активизации проведения различных мероприятий с разными категориями обучаемых по истории терроризма и противодействия ему со стороны нашего государства.

Современные социально-политические реалии предполагают по-новому взглянуть на роль и место истории в формировании личности российского гражданина. В последнее десятилетие прошлого столетия и начале XXI в. эпидемия терроризма захлестнула Россию. Объективное видение проблемы свидетельствует о том, что для тысяч наших соотечественников терроризм из абстрактного понятия превратился в конкретное явление социальной жизни, с которым приходится серьезно считаться как государству, так и всему российскому обществу [10]. По мнению одного из исследователей терроризма О.В. Будницкого, «терроризм, ставший одним из бедствий человечества в последней трети двадцатого века, а с недавних пор захлестнувший и нашу страну, заставляет еще раз заглянуть в то универсальное зеркало, которым является история». История, напоминает ученый, «имеет свойство повторяться; в случае с терроризмом она чаще повторяется как трагедия, а не как фарс» [1. С. 3]. В то же время, к большому удивлению, мы находим, что зарубежное и отечественное научное сообщество до сих пор не имеют общей теории терроризма [10. С. 8–9]. Очень мало знают о сущности и истории терроризма курсанты и слушатели наших высших военных учебных заведений. Автор уже отмечал, что террорологическая тематика современности придает дополнительный импульс осмыслению феномена терроризма [5]. В связи с этим существенно возрастает необходимость проведения научных исследований терроризма во всем многообразии его проявлений, о чем автор писал ранее [6]. Особенно важными представляются исторические исследования революционного терроризма в России (1866–1911 гг.) [5]. Все эти обстоятельства обуславливают актуальность темы

статьи и определяют ее цель. Цель работы – попытка проанализировать терроризм в историко-образовательном аспекте, что представляется новым подходом к изучению явления. Возможность развязывания в ближайшей перспективе боевых действий против нашего государства вполне реальна. Для повышения качества подготовки офицеров представляется уместным ответить на вопрос следующего характера: каковы главные угрозы безопасности нашего государства и их происхождение?

Оценки, высказываемые в официальных заявлениях, определяют как серьезную угрозу не только для жизни наших сограждан, но и для общей стабильности российского социума терроризм. По мнению отечественных и иностранных специалистов в будущем угроза терроризма останется высокой [10. С. 8–9]. Сегодня очевидно, что крупные террористические акции имеют сходство с боевыми действиями. Российские военные эксперты считают, что «терроризм – это удивительно универсальное военное средство...» [10. С. 8]. Мы полагаем, что терроризм имеет три основных признака: применение насилия, его политическая мотивация и публичный характер. Автор раньше подчеркивал, что существует мнение о том, что «нарастание терроризма – это всегда как разведка при назревании крупномасштабной войны» [6].

Обратимся к истории явления и вспомним, что Первая мировая война началась с теракта (убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в г. Сараево) [4. С. 227–228]. Второй мировой войне также предшествовала целая волна терроризма в 30-е гг. XX в., в том числе и государственного (Германия, Италия и др.) [4. С. 9–10]. В настоящее время со страниц зарубежных изданий в наши средства массовой информации перекочевал тезис об «исламской террористической угрозе». США организовали большую военную коалицию, не меньше чем антигитлеровская в годы Второй мировой войны, для того чтобы бороться с терроризмом на Ближнем Востоке (более 70 государств). В сознание граждан западных стран, а теперь и россиян внедряется представление о мусульманском мире как источнике терроризма [10. С. 9]. При определенной объективности подобной оценки текущей международной обстановки всё же абсурдно считать терроризм специфическим мусульманским явлением. Диалектические методы, используемые в исторических исследованиях, позволяют автору утверждать, что история терроризма как особой формы политического насилия насчитывает не одно тысячелетие.

Терроризм был известен еще в Древнем мире. Например, в Иудее (территория современного Израиля) существовала террористическая организация, которая занималась убийствами своих соотечественников, сотрудничавших с римскими оккупационными властями. Члены этой группы называли себя сикариями (кинжальщиками – от лат. «сика» – кинжал). О них в I в. н.э. писал историк И. Флавий в книге «Иудейская война» [5]. Другая террористическая структура – «Ассасины» («Убийцы»), правда, с иными целями действовала на Ближнем Востоке в Средневековье [10. С. 9]. В Новое время терроризм приобрел характер индивидуальной активности и осуществлялся, в большей степени, приверженцами анархистских идей, а также некоторыми националистическими организациями, в первую очередь, в странах Западной Европы (Франция, Германия). Громкой акцией, например, явилось убийство в мае 1819 г. немецкого писателя А. фон Коцебу студентом К. Зандом. Он и его единомышленники считали Коцебу предателем немецких национальных интересов [8]. Во второй половине XIX в. терроризм в ряде стран Европы принял систематический характер. В конце XIX в. он превратился в социальное течение со своей идеологией и организациями. Целью организаций было переустройство общества на новых справедливых, по мнению участников, социально-экономических принципах.

Терроризм не является абсолютно новым явлением и в отечественной истории [1]. В 1863 г. в Москве возник революционный кружок, получивший название по фамилии руководителя Н.А. Ишутина. В 1866 г. в составе ишутинцев образовалась особая группа «Ад». Она, по замыслу организаторов, должна была осуществлять террористические акты против императора («акты царевубийства»). 151 год назад – 4 апреля 1866 г. член общества бывший студент Казанского и Московского университетов Д. Каракозов в Петербурге стрелял в императора Александра II. Выстрел был неудачным, и самодержец не пострадал. Каракозов был задержан и вскоре казнен по приговору суда. Это событие явилось первой террористической акцией в нашей стране [4. С. 59]. В то же время она явилась, в целом, одиночным террористическим действием. Учитывая характер организации, процесс подготовки теракта, личность исполнителя – это, скорее всего, акт «предреволюционного терроризма» (индивидуальная активность), «пролог» терроризма как явления. Его значение для развития терроризма велико как первый опыт: Каракозова следует считать первым отечественным субъектом терроризма, хотя его «выстрел» со временем и стал событием достаточно символическим.

Переход к системному терроризму в России осуществлялся достаточно долго и непросто. Все началось с покушений революционеров на жизнь собственных предателей и изменников («акты внутреннего терроризма»). Это был особый период становления терроризма – народнический, о котором редко пишут исследователи. Так, 11 июня 1876 г. группой «южных бунтарей» в Одессе было совершено зверское покушение на жизнь Н. Гориновича [9]. За несколько лет по всей стране было проведено не менее 14 подобных акций. С 1878 г. терроризм становится атрибутом российского революционного движения. Ключевым моментом в истории терроризма стал теракт, совершенный В. Засулич. 24 января 1878 г. она выстрелила в градоначальника Петербурга Ф. Трепова, при этом тяжело ранив его. Мотив акции – революционная месть [4. С. 57]. Летом 1879 г. в России радикально настроенными оппозиционерами была создана организация «Народная воля», которая в качестве крайней меры политической борьбы признавала возможным обратиться к террористическим методам («дезорганизация правительства»). Начался народовольческий этап развития явления. Революционерами очень быстро была сформирована эффективная система конспирации и осуществления террористических операций, позволявшая совершать теракты против тщательно охраняемого императора в Европейской России. Менее чем за 2 года своего существования «Народная воля» организовала 8 покушений на жизнь царя-освободителя Александра II, который был убит ими в центре Петербурга 1 марта 1881 г. [4. С. 234–237].

Следующим этапом развития терроризма явился терроризм начала XX в., проводившийся, в первую очередь, общероссийской партией социалистов-революционеров (ПСР) [5]. Социалисты-революционеры (эсеры) заявляли, что «толпа» бессильна против царской полиции и жандармерии, а с «неуловимыми» террористами они справиться не могут и что можно при помощи цепи террористических актов добиться свержения самодержавия, поднять народ на революцию [2. С. 8]. Эсеры, как уже подчеркивал автор, являлись продолжателями террористических традиций народovolьцев. В то же время они значительно развили их террористическую тактику. Так, например, народovolьцы сосредоточили все свои силы на подготовке террористических актов против императора, а эсеры, в первую очередь, планировали использовать террористические методы против наиболее одиозных чиновников правительства [11. Р. 1324]. Это были «акты имперского значения». Так, 2 апреля 1902 г. в Петербурге состоялся пер-

вый эсеровский теракт – покушение на министра внутренних дел Д. Сипягина. Убийство совершил студент Киевского университета С. Балмашев [3. С. 56].

Терроризм в России активизировался накануне и, особенно, в ходе революции 1905–1907 гг. Это был «революционный терроризм» («боевое дело»). Он, в первую очередь, был связан с практикой Боевой организации партии социалистов-революционеров (БО ПСР), созданной осенью 1901 г. [4. С. 130–133]. Создателем БО ПСР и ее первым руководителем был Г.А. Гершуни. Боевики находились в партии на особом положении [4. С. 130–133]. В то же время, вопреки широко распространённому мнению, что террористическая деятельность партии эсеров осуществлялась прежде всего этим формированием, основная масса терактов была совершена боевыми структурами региональных и местных организаций ПСР. БО ПСР за все годы своего существования совершила всего 11 терактов (5% общего числа): до революции – 4, в революцию – 5, во второй половине 1907 г. – 2 [4. С. 130–133]. Это всего лишь эпизод в общей картине террористической стратегии оппозиционеров. С началом первой русской революции партия эсеров, по данным К.В. Гусева, резко активизировала свою террористическую деятельность [3. С. 59–61]. Интенсивность террора, его практические виды и методы в этот период не оставались неизменными. В осуществлении политических убийств и экспроприаций, кроме БО ПСР, принимали участие и другие террористические организации партии. Так, в террористической тактике эсеров активно функционировали несколько летучих отрядов, которые осуществляли операции в различных регионах России (Центр, Северо-Запад, Поволжье). Летучие боевые отряды (ЛБО) создавались при областных комитетах. При губернских комитетах имелись свои боевые дружины. Все эти субъекты терроризма действовали под непосредственным партийным контролем. Отколовшиеся от ПСР эсеры-максималисты создали собственные боевые структуры, которые рассматривались ими как непосредственно делающие революцию путём убийств и экспроприаций. Свои террористические организации имели также РСДРП (большевики) и различные анархистские группы [4. С. 7].

В 1906–1907 гг. революционный терроризм постепенно вышел за пределы столиц империи и перекинулся в губернии и уезды огромного государства от Прибалтики до Сибири («региональный терроризм»). Отечественные исследователи справедливо отмечают, что в годы первой русской революции центром эсеровского влияния стало Поволжье. Не осталось в стороне от общероссийских процессов и Среднее Поволжье, где уже в 1902–1904 гг. активно создавались эсеровские кружки, группы и комитеты [7. С. 158]. В революционные годы эсеры региона широко использовали террористические методы борьбы: захваты оружия, нападения на полицию, экспроприации и террористические акты. Так, 21 сентября 1906 г. летучий боевой отряд Поволжской области смертельно ранил симбирского губернатора К. Старынкевича [7. С. 165]. Эволюция терроризма продолжилась в 1908–1911 гг. Он становится малозначительным, его тактика мельчает, опять превращаясь в единичные акты («постреволюционный терроризм»). Террористические организации оперативно уничтожались полицией и жандармами, либо деградировали и самостоятельно распадались. Последним терактом досоветского периода стало убийство в Киеве в сентябре 1911 г. премьер-министра П. Столыпина.

Таким образом, Россия познакомилась с терроризмом достаточно давно и без какого-либо участия или влияния ислама и его последователей. Российский терроризм как общественное явление действительно не молод. Как уже отмечал автор, почти вся многовековая история нашего государства знала терроризм. Он был как антигосударственный: народнический, народовольческий, эсеровский, так и государственный: опричнина, «белый террор» в 1860-е гг., столыпинский

террор в 1906–1907 гг., «белый» и «красный» террор в гражданскую войну, террор НКВД в 1937 г. [6]. Несомненно, что самым значительным фактом истории терроризма является революционный терроризм, который был частью русского революционного движения. Его истоки в стране автор относит к организации ишутинцев. Наиболее известными террористическими организациями стали «Народная воля» и Боевая организация партии эсеров, самыми эффективными – летучие боевые отряды при областных комитетах ПСР.

В настоящем, к сожалению, мир без насилия невозможен. Сегодня необходимо отметить, что один из наших основных противников в настоящем и будущем – это терроризм, в какой бы форме он ни проявлялся в России или за ее пределами. Терроризм представляется симптомом нездоровья, болезни общества, как правило, в достаточно тяжелой и запущенной форме. Для террориста насилие – это и способ влиять на власть и общество в необходимом направлении, и форма демонстрации несогласия с устоявшимися нормами поведения. Главная антитеррористическая задача – максимально сокращать масштабы терроризма. Основной путь такого сокращения – урегулирование социальных проблем и конфликтов ненасильственными методами.

В заключение обратимся к подготовке российских офицеров. Мы мало предлагаем обучаемым материала по историческим аспектам терроризма. Видимо, настало время для корректировки учебных программ и тематических планов по истории. Одно из ведущих мест в формировании личности российских офицеров, несомненно, принадлежит патриотическому воспитанию, проводимому в высших военных учебных заведениях. Рассуждая о содержании воспитания, отметим, что воспитание офицера-патриота, высоконравственной личности защитника Отечества во все времена было невозможно без знания им отечественной истории, сложного и противоречивого пути, пройденного нашим государством, в том числе и истории борьбы с терроризмом.

Литература

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX–начало XX века). М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.
2. Гусев К.В. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М.: Знание, 1966.
3. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. 383 с.
4. Жаринов К.В. Терроризм и террористы: исторический справочник / под общ. ред. А.Е. Тараса; Минск: Харвест, 1999. 606 с.
5. Маньков А.В. Революционный терроризм в России конца XIX – начала XX веков (к вопросу об актуальности научной проблемы) // XXI век: человек, общество, наука: сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Ю. Ефремова / Военная академия связи; Санкт-Петербургский университет МВД России. СПб.: Астерион, 2008. Вып. 6. С. 78–85.
6. Маньков А.В. Терроризм в России: история, настоящее и будущее (к 150-летию первого террористического акта) // Инновационная деятельность в Вооруженных Силах Российской Федерации: тр. всеармейской науч.-практ. конф. (10–11 октября 2016 г.). СПб.: ВАС, 2016. 489 с.
7. Минеева Е.К., Шайпак Л.А., Маньков А.В. Жандармские документы о симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905–1907 гг.) // Право и образование. 2015. № 7. С. 158–167.
8. Нехамкин С. Зандов кинжал // Аргументы недели. 2015. № 37(478). С. 21.
9. Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 130–150.
10. Тихонов А. Против террора – всем обществом // Красная Звезда. 2009. 13–19 мая. № 83(25326). С. 8–9.
11. Mankov A.V., Mineeva E.K., Mineev A.I., Shaypak L.A. Revolutionary terrorism: tactics, organizations and practice. *Bylye gody*, 2016, vol. 42, iss. 4, pp. 1321–1327.

МАНЬКОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи имени маршала Советского Союза С.М. Буденного, Россия, Санкт-Петербург (63donetsk@mail.ru).

A. MANKOV

ON THE QUESTION OF TERRORISM HISTORY:
ORIGINS, FORMATION AND EVOLUTION IN RUSSIA

Key words: terrorism, terrorist activities, subjects of terrorism, terrorist organization, terrorist acts, revolutionary terrorism, terrorist tactics, methods of terrorism, training of officers, military educational institutions.

The article makes an attempt to understand terrorism in historical and pedagogical aspects. The author considers that cadets and officer cadets of Russian military educational institutions know very little about the essence and history of terrorism. The paper provides a brief review of terrorism history in the Ancient world, in the Middle Ages and in modern age, it gives facts of terrorist practices of Russian revolutionary organizations. It particularly discloses peculiarities of terrorist activities of Socialists-Revolutionaries Party (SRs) at the beginning of the past century. It is noted that almost the entire history of Russia was known as anti-state terrorism (Narodnaya Volya, SRs) and state-backed terrorism (life-guards, «White» and «Red» Terror in Civil War, People's Commissariat for Internal Affairs Terror in 1937). The researcher underlines that terrorist acts are part of modern Russian life. He reminds that both world wars in the twentieth century began with terrorist acts and indicates that assessment of current challenges and threats to state security, expressed in official statements, represents terrorism as a serious threat to the lives of our compatriots and overall stability of the Russian society. According to native and foreign specialists' research at an early date terrorist threat will remain high. As such, the author offers new approaches to training officers. Conclusions are made about the necessity for correcting academic programs and editorial calendars of humanitarian subjects taking into account modern terrorist threat for the country, as well as activation of carrying out diverse actions with various categories of trainees on the history of terrorism and countermeasure on the part of our nation.

References

1. Budnitskii O.V. *Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vto- rayaya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of XIX – beginning of XX century)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, 399 p.
2. Gusev K.V. *Krakh melkoburzhuznykh partii v SSSR* [The Collapse of the petty-bourgeois parties in the USSR]. Moscow, Znanie Publ., 1966.
3. Gusev K.V. *Partiya eserov: ot melkoburzhuznogo revolyutsionarizma k kontrevolyutsii* [Party of social- ist-revolutionaries: from petty-bourgeois revolutionism to counter-revolution]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, 383 p.
4. Zharinov K.V. *Terrorizm i terroristy: istoricheskii spravochnik / pod obshch. red. A.E. Tarasa* [Terror- ism and terrorists: a historical Handbook. Ed. by A. E. Taras]. Minsk, Kharvest Publ., 1999, 606 p.
5. Man'kov A.V. *Revoljutsionnyi terrorizm v Rossii kontsa XIX – nachala XX vekov (k voprosu ob aktual'nosti nauchnoi problemy)* [Revolutionary terrorism in Russia in the late XIX – early XX centuries (to the question about the relevance of scientific problems)]. XXI vek: chelovek, obshchestvo, nauka: sb. nauch. st. / pod obshch. red. O.Yu. Efremova / Voennaya akademiya svyazi; Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii [XXI century: people, society, and science: collection of scientific works. art. Ed. by O.Y. Ephraim]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2008, issue 6, pp. 78–85.
6. Man'kov A.V. *Terrorizm v Rossii: istoriya, nastoyashchee i budushchee (k 150-letiyu pervogo terro- risticheskogo akta)* [Terrorism in Russia: history, present and future (the 150th anniversary of the first terrorist act)]. *Innovatsionnaya deyatel'nost' v Vooruzhennykh Silakh Rossiiskoi Federatsii: tr. vsearmeiskoi nauch.- prakt. konf. (10–11 oktyabrya 2016 g.)* [Proc. of All-army Sci.-Pract. Conf. «Innovative activity in the Armed Forces of the Russian Federation» (10–11 October 2016)]. St. Petersburg, VAS Publ., 2016, 489 p.
7. Mineeva E.K., Shaipak L.A., Man'kov A.V. *Zhandarmskie dokumenty o simbirskikh sotsialis- takh-revoljutsionerakh (period revolyutsii 1905–1907 gg.)* [Gendarme documents on Simbirsk social- ists-revolutionaries (the period of the revolution of 1905-1907)]. *Pravo i obrazovanie* [Law and educa- tion], 2015, no. 7, pp. 158–167.
8. Nekhamkin S. *Zandov kinzhal* [Sandow dagger]. *Argumenty nedeli*. [Arguments of the week], 2015, no. 37(478), p. 21.
9. Pelevin Yu.A. *Yuzhnye buntari i «Chigirinskii zagovor»* [The southern rebels and «Chigirin con- spiracy»]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian history], 2014, no. 1, pp. 130–150.
10. Tikhonov A. *Protiv terrora – vsem obshchestvom* [Against terror – society]. *Krasnaya Zvezda* [The Red Star], 2009, 13–19 May, no. 83(25326), pp. 8–9.
11. Mankov A.V., Mineeva E.K., Mineev A.I., Shaypak L.A. *Revolutionary terrorism: tactics, or- ganizations and practice. Bylye gody*, 2016, vol. 42, iss. 4, pp. 1321–1327.

MANKOV ANDREI – Senior Lecturer, Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Military Academy of Communications named after S.M. Budenny, Russia, Saint Pe- tersburg (63donetsk@mail.ru).

УДК 930. 1
ББК 63.3(2)5

А.В. МАНЬКОВ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ: БОЕВЫЕ СТРУКТУРЫ И ОБЪЕКТЫ ТЕРРОРИЗИРОВАНИЯ ЭСЕРОВ ПОВОЛЖЬЯ В 1905 ГОДУ

Ключевые слова: региональный революционный терроризм, террористическая тактика, партия социалистов-революционеров (ПСР), эсеры, террористический акт, боевые дружины, летучий боевой отряд (ЛБО), субъекты терроризма, объекты терроризирования.

В центре внимания автора – революционный терроризм эсеров. Рассматривается роль Среднего Поволжья в террористической стратегии этой партии в ходе первой русской революции. Раскрывается значение Поволжского областного комитета ПСР в развертывании террористической деятельности в регионе. Приводятся факты из практики терроризма областных, губернских и местных террористических структур партии в 1905 г. в исследуемом крае. Уделяется внимание характеристике объектов террористических посягательств боевиков. Ставится вопрос о зависимости начала регионального терроризма революционеров от государственного террора правительства. Автор приходит к выводам, что регулярные террористические акты в крае начались только в конце 1905 г., когда государство провело массовые репрессии против средневолжского крестьянства и жестко подавило выступления представителей революционных партий в ряде городов. Во второй половине 1905 г. региональный революционный терроризм становится значимым фактором общественно-политической жизни края на несколько лет вперед. Террористические акты осуществлялись различными субъектами терроризма партии. Ключевым из них стал летучий боевой отряд Поволжской области. Пионерами террористического процесса явились Саратов, Самара и Пенза, где находились самые крупные в регионе организации ПСР, а администрации придерживались ярко выраженной жесткой позиции по отношению к крестьянству и политическим противникам. Эсеры Поволжья организовали в первую очередь ряд покушений на военнослужащих царской армии. Основными объектами терроризирования стали генералы, организовавшие подавление революционных выступлений, а также чиновники, которые занимали жесткую позицию в отношении представителей революционного движения. Ведущим мотивом террористических действий была революционная месть, что хорошо видно при анализе объектов терроризма. В местных организациях края в 1905 г. работали известные эсерские функционеры Н.И. и И.И. Ракитниковы, М.А. Веденяпин, А.Д. Добромыслов, А.С. Поляков и др. В регион активно приезжали руководители партии из центра (Б.В. Савинков, И.И. Бунаков, Н.Д. Авксентьев). Их отношение к проявлениям террора было разным, но постепенно террористические настроения стали доминировать среди лидеров эсеров Среднего Поволжья.

Угрозы терроризма для российского общества по-прежнему остаются высокими, что делает очевидным необходимость его научного осмысления. Существует мнение, с которым автор частично согласен, что современный терроризм сохраняет свое «родовое единство» и имеет общие «принципиальные идеологические обоснования, мотивы и боевые приемы» с историческими формами этого явления [1. С. 43]. В годы первой русской революции одним из центров революционного насилия стало Поволжье. Наибольшую активность в регионе в этот период проявляли организации партии социалистов-революционеров (ПСР). Статья ставит своей целью выявление основных субъектов терроризма и объектов терроризирования местных социалистов-революционеров (эсеров) в 1905 – начале 1906 гг. Постановка автором проблемы регионального революционного насилия связана с тем, что она слабо освещена. Так, К.В. Гусев пишет о том, что в декабре 1905 – январе 1906 г. было совершено 22 теракта [8. С. 22]. В то же время, говоря о Поволжье, он пишет только о двух: убийстве генерала Сахарова и покушении на генерала Сергеева [7. С. 61].

Другой исследователь эсеров К.Н. Морозов вообще не приводит примеры из практики поволжских эсеров начала революции [17]. Справочник по истории терроризма также обходит вниманием Поволжье 1905 г., кроме убийства Сахарова [9]. Региональные авторы тоже не уделяют должного интереса терроризму в 1905 г., что видно на примере работы пензенского историка В.Ю. Карнишина [10]. Важные сведения об эсерах в годы революции содержатся в трудах М.И. Леонова, но и они не делают терроризм 1905 г. в регионе более известным [13, 14]. Не все известные в настоящем факты практики террора приведены в работах ульяновского ученого В.Н. Кузнецова [11, 12]. За рамками исследований находятся боевые структуры эсеров, кроме точного количества терактов, совершенных ими. Плохо понятна роль этих субъектов и их акций в общественно-политическом процессе в крае.

Автору статьи очевидно, что специфика боевой практики эсеров в регионе на этапе начала и подъема революции до сих пор недостаточно ясна. Ключевым является вопрос о причинах и времени начала террористических действий. С другой стороны, региональные особенности тактики оппозиционеров представляют сегодня интерес с практической точки зрения. Исторический опыт может стать одним из источников выработки государством эффективных мер противодействия терроризму на местном уровне. Это стимулируется наличием большого круга источников по деятельности эсеров в ходе революции, которые впервые вводятся автором в научный оборот. Методологическая основа статьи базируется на общеполитическом подходе к познанию объективной реальности в совокупности идей, относящихся к диалектическому пониманию истории. Главным общенаучным методом исследования является диалектический, включающий принципы историзма, объективности и детерминизма, которые получили свою конкретизацию в последовательном и детальном анализе исторических событий и их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Начавшаяся в январе 1905 г. революция, а также пассивность и неопределённость руководства партии заставили проявлять повышенную активность эсеров на местах. В крупнейших регионах страны создавались областные комитеты ПСР (ОК ПСР), которые, по существу, стали выполнять функции Центрального комитета (ЦК). ОК ПСР осуществляли координацию действий организаций в губерниях своего края [14. С. 10–11]. Как мы уже отмечали, одним из центров эсеровского влияния стало Поволжье. Местные комитеты часто посещали видные эсеровские лидеры и пропагандисты террора Г.А. Гершуни, Е.К. Брешко-Брешковская и др. [16. С. 158]. В регионе инициативу взяли на себя опытные саратовские члены ЦК: М.С. Арефьев, А.И. Альтовский, Н.И. и И.И. Ракитниковы. В феврале 1905 г. в Пензе был проведен I областной съезд представителей местных комитетов эсеров, на котором был учреждён Поволжский областной комитет ПСР [3. Д. 994. Л. 24]. В сферу ответственности ОК вошли и организации ряда губерний Среднего Поволжья: Саратовской, Самарской, Симбирской и Пензенской [12. С. 62]. Одним из руководителей комитета («организатором») стал пензенский эсер А.Д. Добросмыслов (партийная кличка «Митрич») [3. Д. 994. Л. 24]. Особо следует отметить, что съезд одобрил политический террор, единогласно осудив аграрный, поскольку «такие действия в крестьянстве развивают лишь хищничество». ОК не имел постоянного местонахождения и перемещался из города в город. При ОК создавался летучий боевой отряд (ЛБО). В его работе могли принять участие боевики из всех губерний края [11. С. 24].

В первой половине 1905 г. местные эсеры сосредоточили свою основную деятельность на селе. Их позиции в средневожской деревне были довольно

прочными [24. С. 206]. Агитаторы ПСР проводили в жизнь лозунги о «земле и воле» [3. Д. 202. Л. 23об.]. Крестьяне хотели «земли», а политические лозунги их мало интересовали. В июле 1905 г. в Тамбове состоялся II съезд поволжских эсеров. На съезде было обращено внимание на «...боевую подготовленность всех революционных организаций» [10. С. 60]. Все лето эсеры готовили народ к восстанию. Так, в Алатыре Симбирской губернии в июле были разбросаны листовки такого содержания «Долой самодержавие! Готовьтесь к восстанию!» [3. Д. 305. Л. 1]. Однако крестьянство безмолвствовало, а интеллигентские комитеты эсеров только бросались зажигательными лозунгами, но оказывались несостоятельными в реализации реальной подготовки восстания.

Во второй половине 1905 г. поволжские эсеры переходят от громких слов к реальному делу. Это дело стало боевым: происходит генезис регионального терроризма. Поволжский ОК ПСР организовал первый теракт, привлечший внимание общественности. 30 июля в Самаре член летучего отряда ОК Марков ранил помощника пристава [11. С. 24]. Процесс возникновения террористических формирований в регионе носил закономерный характер. В ходе революции в осуществлении политических убийств, кроме созданной осенью 1901 г. боевой организации ПСР (БО ПСР), принимали участие различные террористические группы эсеров [9. С. 7–8]. Первые из этих подразделений – эсеры называли их боевыми – возникли еще в 1903 г. С начала 1905 г. стали действовать боевые дружины при Московском, Уфимском, Нижегородском и ряде других комитетов ПСР [7. С. 59]. Некоторые структуры при местных организациях начали функционировать с лета 1905 г. [20. С. 149]. Автор согласен с мнением М.И. Леонова, что основная масса боевых формирований эсеров была создана в конце 1905 – начале 1906 г. [14. С. 24]. В Среднем Поволжье первыми они оформились в составе Саратовского и Самарского комитетов. Осенью 1905 г. боевая дружина создается в Саратове [13. С. 116], а затем и в Самаре [2. С. 198]. В Симбирске дружина была организована позднее – в первой половине 1906 г. [3. Д. 994. Л. 92, 92об.].

В октябре в тактику партии были внесены существенные изменения. После обнародования Манифеста 17 октября и признания Думы законодательным органом, ЦК, ослепленный конституционными иллюзиями, принял решение прекратить теракты [7. С. 60]. Вокруг этого решения развернулась активная дискуссия. Среди противников приостановления террора были московские члены ЦК. Их поддержало большинство местных организаций: «Настроение всей провинциальной публики было ярко террористическим» [13. С. 195]. Совместным решением обоих отделов ЦК прежнее постановление было отменено, так как «террористические провинциальные дела» были признаны целесообразными. В решении была сделана оговорка, что прекращается террор центральный, т.е. против правительства, а теракты против непосредственных «усмирителей революционных выступлений» продолжались [13. С. 196]. Однако в Симбирской губернии лидеры местных эсеров К.В. Родионов и А.С. Поляков по-прежнему не были склонны к террористической деятельности. Они продолжали ездить по губернии и призывать крестьян к погромам помещичьих усадеб и насильственному отбору у помещиков принадлежавших им земель [3. Д. 305. Л. 3].

Наиболее широкий характер аграрное движение приняло в ноябре – декабре 1905 г. [19. С. 104]. По мнению И.П. Шмыгина, «осенью 1905 г. во многих селах Поволжья проходили такие революционные события, которые достойны, чтобы о них написали в будущем целые книги» [25. С. 21]. В Среднем Поволжье ситуация резко обострилась в конце ноября. Так, в Сызранском и Сенгилеевском уездах Симбирской губернии начались крестьянские беспорядки, активно разжигаемые эсеровскими агитаторами [3. Д. 345. Л. 4, 4об.]. Полиция

отмечала, что крестьяне настроены «крайне враждебно» [3. Д. 345. Л. 3]. Это касалось как Симбирской, так и Самарской губерний. Власти считали, что у крестьян идет «брожение умов» [3. Д. 305. Л. 6]. Шмыгин писал, что в 1905 г. «крестьяне нередко доводили свое сопротивление царским чиновникам, войскам и полиции до вооруженной борьбы» [25. С. 24]. Разграбление помещичьих имений произошло в Курмышском уезде Симбирской губернии. Губернский предводитель дворянства сообщал министру внутренних дел, что движение охватило Курмышский уезд и ряд сел других уездов губернии, нарастает с каждым днем и «грозит общим разорением землевладельческому классу. Необходимо немедленная военная помощь» [19. С. 105].

Эсеры Симбирской губернии продолжали активно насаждать среди крестьян мысли об «аграрном терроре» [24. С. 235]. В самом Симбирске на многочисленных собраниях, проводимых в период после 17 октября, активно обсуждалась возможность ниспровержения существующего строя [3. Д. 994. Л. 405, 405об.]. В то же время свои призывы к вооруженному восстанию эсеры региона не подкрепили необходимой организаторской работой. Они не подготовили плана выступления, не обеспечили восстание технически, речь о революционном терроризме не велась вообще.

Что же тогда привело к началу системного насилия? Средневожскими историками отмечено 192 факта неповиновения представителям власти, вооруженных выступлений против войск и полиции и 549 поджогов и погромов помещичьих имений, совершенных только в Симбирской губернии в 1905 г. [24. С. 284]. Саратовская, Пензенская и Симбирская губернии были признаны полицией самыми неблагонадежными в стране по интенсивности крестьянских выступлений [19. С. 101–102]. В ответ на действия крестьян власти осенью повсеместно начали создавать летучие отряды, в которые входили пехотные и артиллерийские части. Во главе этих отрядов были назначены высшие офицеры армии: генерал-майор Лисевич (Саратов), генерал-лейтенант Лисовский (Пенза), генерал-майор Паруцкий (Оренбург–Самара) [5. Д. 7588. Л. 1]. Они проводили операции, которые эсеры вполне справедливо называли «карательными экспедициями» [3. Д. 753. Л. 5об.]. Общее руководство осуществлял бывший военный министр генерал-лейтенант В.В. Сахаров, который был направлен лично Николаем II для подавления выступлений в поволжских губерниях.

После этого в крае начинается первая волна революционного терроризма. В Среднем Поволжье развертывается настоящая «охота» на крупных региональных чиновников и высших военных чинов. Обратимся к наиболее крупным террористическим актам. Самые громкие из них были проведены в Саратове. Осенью в городе образовалась группа из 19 боевиков для убийства губернатора П.А. Столыпина и вице-губернатора И.Г. Кнолля. 18 ноября член боевой дружины местного комитета рабочий К.Д. Бакланов покушался на жизнь вице-губернатора Кнолля. В Кнолля была брошена бомба, начиненная динамитом, которая не взорвалась [11. С. 24]. Террорист попытался убежать, но был пойман. Позже он объяснил, что мстит Кноллю за погромы. Осенью 1905 г. тот распорядился, в частности, произвести аресты среди эсеров и социал-демократов [10. С. 52]. Однако самый громкий теракт в губернии совершился позднее. 22 ноября в Саратове был убит генерал Сахаров – главный «усмиритель аграрных беспорядков» [7. С. 61]. Теракт проводился при непосредственном участии центральных органов партии. В ноябре из Москвы через Пензу в Саратов прибыл летучий боевой отряд ПСР в составе А. Биценко и Б. Мищенко-Вноровского. По приезде они вошли в контакт с Саратовским комитетом. В день убийства Биценко явилась в дом Столыпина под видом просительницы и во время передачи «прошения», содер-

жащего текст смертного приговора, несколькими выстрелами из револьвера застрелила генерала. Она была тут же схвачена и позднее приговорена к смертной казни, замененной вечной каторгой [9. С. 375].

Активной частью террористического движения в этот период стали самарские эсеры. Самара являлась крупным центром революционных выступлений в Среднем Поволжье. В город в течение года неоднократно приезжали партийные лидеры И.И. Бунаков (Фондаминский) и Н.Д. Авксентьев [2. С. 154]. Силовое содержание деятельности командования местного гарнизона, подавлявшего манифестации, подталкивало эсеров к ответным мерам. Особенно они активизировались в ноябре-декабре. Отчасти это было связано с приездом в ноябре в Самару видных партийных работников М.А. Веденяпина и В.П. Троицкого. Ключевой фигурой в этот период стал М.А. Веденяпин, который возглавил местный комитет [2. С. 197–198]. Апогей революционных событий 1905 г. в городе произошел в Народном доме – цитадели революционной Самары, где шел многодневный многотысячный митинг (2 тыс. участников). Митингующих поддержали некоторые военнослужащие 3-й запасной артиллерийской бригады, многие ее офицеры симпатизировали оппозиционерам. Однако войска гарнизона и казаки разогнали оппозиционеров [6. Д. 564. Л. 26об.]. В декабре эсеры организовали «террористическую атаку» на начальника гарнизона, командира артиллерийской бригады генерал-майора Сергеева, которого местные оппозиционеры считали «главой самарской реакции». Генерал Сергеев был одним из военных организаторов разгрома Народного дома. В последние дни уходящего года на него было совершено 2 покушения. 15 декабря на жизнь генерала покушался член местной военной организации солдат артиллерийской бригады С.С. Власов. Сергеев остался невредимым, а Власов схвачен и сразу же подвергся жестокому избиению [21. С. 153]. Интересно отметить, что в этот день, 15 декабря, в Самаре состоялось последнее заседание Совета рабочих депутатов. На заседании была принята резолюция протеста против разгрома войсками собрания в Народном доме [18. С. 242]. Это неудача не остановила эсеров. В ночь на 28 декабря на вокзале г. Сызрань при отъезде Сергеева к новому месту службы на него было произведено еще одно покушение. Осколком брошенной с перрона под вагон бомбы он был легко ранен в лицо. Покушавшийся – член летучего отряда рабочих Н.М. Жуков [21. С. 157]. Он также был сразу задержан, подвергнут избиению и в бессознательном состоянии отправлен в тюрьму. 10 апреля 1906 г. в Сызрани состоялся военный суд, вынесший Жукову смертный приговор, замененный 15 годами каторжных работ [21. С. 157].

Не отставали от своих соседей и пензенские эсеры. Летом губернию посетил один из лидеров БО ПСР Б.В. Савинков, который встретился с боевиками местной организации [10. С. 50]. В ноябре в Пензу вернулся из ссылки один из лидеров местных эсеров А.Д. Добросмыслов. Политическая ситуация в крае усложнялась тем, что в Пензенской губернии 18 ноября 1905 г. было введено военное положение. Поим, Башмаково, Чаадаевка, Елюзань – вот далеко не полный список мест, куда для усмирения взбунтовавшихся крестьян направлялись полицейские. Генерал Сахаров создал отряды стражников и отдал под суд более 600 местных крестьян. Однако эта мера успокоения властям не принесла. Вечером 2 января 1906 г. в центре Пензы жертвой боевика стал начальник местного гарнизона и командир 78-й пехотной дивизии генерал-лейтенант В.Я. Лисовский [12. С. 7]. Следствием было установлено, что подпаленные пули, найденные в теле убитого, по характерным признакам свидетельствовали о принадлежности убийцы к организации ПСР. Убийство, по мнению прокурора, было совершено по ошибке: террорист метил в начальника губернского жандармского управления

генерала Прозоровского, который, как и Лисовский, старался скрыть свою внешность таким же способом, надевая папаху, которая скрывала его лицо, направляясь в глухие места города, где он появлялся, будучи любителем «ухаживать за девицами легкого поведения» [10. С. 62]. Возможно, что это и было трагическое совпадение. В конце месяца, утром 26 января, в Пензе произошло еще одно громкое убийство. Возле Спасского кафедрального собора эсеры расстреляли пензенского полицмейстера Д.Д. Кандаурова [12. С. 7]. Убийца был задержан двумя городскими и солдатом – свидетелем преступления. Террористом оказался бывший воспитанник рисовальной школы, уроженец Пензы 20-летний В. Васильев. Ранее он уже дважды привлекался к дознанию по политическим делам. При нем был обнаружен браунинг с 4 патронами. Пули были нарезные, в одной из них был яд. Убийство было совершено по решению партийного собрания. 28 февраля 1906 г. военный суд приговорил Васильева к 10 годам каторжных работ. Он бежал из-под стражи, но был арестован в Швейцарии и как уголовник выдан России.

Реакция властей была жесткой. Так, симбирский губернатор Л. Яшвиль в докладной записке на имя Столыпина предложил разместить военные гарнизоны в уездных городах, как это было в далеком 1861 г. [4. Д. 618. Л. 43–44]. Начиная с весны 1906 г., как указывает И.П. Шмыгин, «губернии Поволжья начали наводняться войсками». В апреле 1906 г. губернии Среднего Поволжья были частично объявлены на положении усиленной военной охраны [25. С. 24].

Таким образом, мы согласны с оценкой ряда поволжских авторов, сделанной ранее, что с первых дней революции Поволжье стало одним из центров партийной работы, а эсеры Поволжья – активным отрядом ПСР [16]. Это явилось следствием высокой организации дела в крае. К лету 1905 г. в Среднем Поволжье происходит радикализация общественной жизни, которая проявилась в митинговой эйфории в городах и призывах к восстанию. В то же время до конца года в регионе не было никакой активной террористической практики. Начало боевой деятельности эсеров пришлось на вторую половину 1905 г., когда оппозиционеры, как автор писал ранее, вступили в открытое противостояние с властью [23]. Руководство террористической тактикой взял на себя образованный в начале года Поволжский областной комитет ПСР (ОК), который организовывал «местный» террор («региональный революционный терроризм»). При ОК был создан летучий боевой отряд. В конце года в крупнейших губернских организациях региона создаются собственные субъекты терроризма. Практика создания этих структур становится особенностью тактики ПСР в исследуемый нами период. В сознании эсеров постепенно формируются основные объекты терроризирования. Активное участие армии в карательных операциях против крестьян постепенно делало одним из главных объектов регионального терроризма военнослужащих, в первую очередь, высшего звена. Мишенями для эсеров выступили воинские чины, принимавшие самое активное участие в подавлении антиправительственных выступлений как в сельской местности (генералы Сахаров и Лисовский), так и в городах (генерал Сергеев), а также высшие гражданские чиновники (Кнолль) и полицейские чины (Кандауров). Теракты были совершены в больших губернских городах (Саратове, Самаре и Пензе), а также крупном уездном городе (Сызрани), при этом, как правило, при большом стечении людей, например, на вокзале или возле собора в воскресный день. Самый известный теракт (убийство генерала Сахарова) вообще произошел в губернаторском доме. Все это свидетельствует, с одной стороны, о несомненной дерзости и смелости боевиков, так и о беспечности правоохранительных органов, с другой стороны. Этот теракт относится к числу наиболее знаменитых террористических акций

ПСР в годы революции. Поволжских эсеров поддержали их товарищи из других регионов (участие в убийстве Сахарова). Как автор уже подчеркивал – Поволжье стало одним из районов жесточайшего терроризма эсеров [15. С. 71]. На конец осени – начало зимы 1905 – 1906 гг. приходится первый пик регионального революционного терроризма. Он совпал с подъемом городского и сельского протестного движения. При этом активно действовал областной летучий отряд. Он, в частности, провел оба покушения на генерала Сергеева. Подобная ситуация была обусловлена не только решениями ЦК, но и относительной слабостью местных комитетов, легко восприимчивых к террору и не способных организовывать массовые революционные выступления.

Мы уже писали, что террористическая тактика эсеров Среднего Поволжья в этот период была не столько следствием общепартийной линии, сколько ответом региональных и местных организаций на репрессивные действия властей [23. С. 41]. В связи с этим можно согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что государственный террор как открытое насилие со стороны правительства способен провоцировать появление оппозиционного терроризма [22. С. 24]. Значение революционного терроризма для судьбы, как страны, так и региона еще предстоит осмыслить до конца. Не оправдывая терроризм, можно согласиться с эсерами в том, что их действия в этот период были, в основном, актами «революционного возмездия» в условиях репрессивной политики как центральных, так и местных властей, неспособных к конструктивному диалогу как с народом, так и с оппозиционными политическими партиями в условиях общенационального кризиса начала XX в. Опыт событий 1905 г и их уроки должны учитываться в современных условиях развития нашего государства.

Литература

1. *Витюк В.В.* Терроризм постперестроечной эпохи // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 42–50.
2. *Блюменталь И.И.* Социал-демократия и революционное движение 1905 года в Самарском крае // 1905 год в Самарском крае. Материалы по истории РКП (б) и революционном движении. Самара, 1925.
3. Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 855. Оп. 1.
4. ГАУО. Ф. 45. Оп. 1.
5. Государственный архив Пензенской области. Ф. 5. Оп. 1.
6. Государственный архив Самарской области. Ф. 468. Оп. 1.
7. *Гусев К.В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975.
8. *Гусев К.В.* Рыцари террора. М.: Луч, 1992.
9. *Жаринов К.В.* Терроризм и террористы: Исторический справочник / под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск: Харвест, 1999.
10. *Карнишин В.Ю.* Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX века. Пенза: Изд-во Пенз. гос. техн. ун-та, 1996.
11. *Кузнецов В.Н.* Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 24–38.
12. *Кузнецов В.Н.* Pro et contra: жандармы и революционеры в Поволжье в 1906–1917 гг. Ульяновск: ГОУ ВПО «УлГПУ», 2007.
13. *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997.
14. *Леонов М.И.* Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара: Самар. гос. ун-т, 1992.
15. *Маньков А.В.* Революционный терроризм партии эсеров: возникновение и периодизация // История в подробностях. 2012. № 12(30). С. 64–71.
16. *Минеева Е.К., Шайпак Л.А., Маньков А.В.* Жандармские документы о симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905–1907 гг.) // Право и образование. 2015. № 7. С. 158–167.
17. *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998.
18. *Наякшин К.Я.* Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1962.

19. Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1964. Ч. 1.
20. Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905–1907 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях: сб. ст. М.: Наука, 1989.
21. Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902–1917. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1969.
22. Петухов В.Б. Терроризм как социокультурное явление. Ульяновск: Ульяновский гос. техн. ун-т, 2006.
23. Шайпак Л.А., Маньков А.В. Тактика революционного терроризма эсеров Среднего Поволжья в период открытого противостояния с властью // Поволжский педагогический поиск. 2014. № 4(10). С. 38–41.
24. Шмыгин И.П. Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905–1907 гг. Ульяновск: Кн. изд-во, 1962.
25. Шмыгин И.П. Об участии сельских учителей в крестьянском движении Среднего Поволжья в революции 1905–1907 гг. // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. Ульяновск, 1958. С. 3–26.

МАНЬКОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи имени маршала Советского Союза С.М. Буденного, Россия, Санкт-Петербург (63donetsk@mail.ru).

A. MANKOV

**REGIONAL REVOLUTIONARY TERRORISM:
MILITARY STRUCTURES AND TERRORIZING OBJECTS BY VOLGA SRs IN 1905**

Key words: regional revolutionary terrorism, terrorist tactics, Socialist-Revolutionary Party (SDP), Socialist-Revolutionaries, an act of terrorism, fighting squads, flying combat unit (LBO), the subjects of terrorism, terrorizing objects.

The author focuses on the revolutionary terrorism of SRs. The role of the Middle Volga in the terrorist strategy of the party in the first Russian Revolution is examined. The significance of SDP Volga Regional Committee in deployment of terrorist activities in the region is disclosed. The facts of terrorism practices of regional, provincial and local terrorist organizations of the Party in 1905 in the study region are given. Attention is paid to characteristics of objects attacked by terrorists-gunmen. The question of dependence between the start of revolutionaries' regional terrorism and state terror of the government is raised. The author concludes that regular acts of terrorism in the region did not begin until the end of 1905, when the state conducted massive repressions against peasantry of the Middle Volga and rigidly suppressed actions of revolutionary parties representatives in several cities. In the second half of 1905 regional revolutionary terrorism becomes a significant factor in socio-political life of the region for several years ahead. Terrorist attacks were carried out by various terrorism parties. The most important of them was a flying combat unit of the Volga region. The pioneers of terrorist process were Saratov, Samara and Penza, where the largest regional SDP organizations were situated and where administration kept to a pronounced tough position in relation to peasantry and political opponents. SRs of the Volga region organized firstly series of attacks on soldiers of the tsarist army. The main objects of terrorizing became generals who organized suppression of revolutionary actions, as well as officials who took a hard line against members of the revolutionary movement. The leading motive of terrorist actions was a revolutionary revenge, as can be seen in the analysis of terrorism objects. Well-known SR functionaries N.I. and I.I. Rakitnikov, M.A. Vedenyapin, A.D. Dobrosmyslov, A.S. Polyakov and others worked in local organizations in 1905. The region was actively visited by party leaders came from the center (B.V. Savinkov, I.I. Bunakov, N.D. Avksentyev). Their attitude toward terror manifestations was different, but gradually terrorist moods became dominant among SR leaders of the Middle Volga.

References

1. Vityuk V.V. *Terrorizm postperestroichnoi epokhi* [The terrorism of the post-perestroika era studies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1993, no. 7, pp. 42–50.
2. Blyumental' I.I. *Sotsial-demokratiya i revolyutsionnoe dvizhenie 1905 goda v Samarskom krae. 1905 god v Samarskom krae. Materialy po istorii RKP(b) i revolyutsionnom dvizhenii* [The Social democracy and the revolutionary movement of 1905 in Samara region. 1905 in Samara region. Materials on the history of the RCP(b) and the revolutionary movement 1905 in Samara region]. Samara, 1925.

3. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 855. Opis'. 1 [State archive of Ulyanovsk region. Archives 855. Anagraph 1].
4. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 45. Opis' 1 [State archive of Ulyanovsk region. Archives 855. Anagraph 1].
5. Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti. Fond 5. Opis' 1 [State archives of the Penza region. Archives 5. Anagraph 1].
6. Gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti. Fond 468. Opis' 1 [State archives of Samara region. Archives 468. Anagraph 1].
7. Gusev K.V. *Partiya eserov: ot melkoburzhuznogo revolyutsionarizma k kontrrevolyutsii* [Party of socialist-revolutionaries: from petty-bourgeois revolutionism to counter-revolution]. Moscow, Mysl' Publ. 1975.
8. Gusev K.V. *Rytsari terrora* [Knights of terror]. Moscow, Luch Publ., 1992.
9. Zharinov K.V. *Terrorizm i terroristy: Istoricheskii spravochnik i pod obshch. red. A.E. Tarasa* [Terrorism and terrorists: a Historical Handbook. Ed. by A. E. Taras]. Minsk, Kharvest Publ., 1999.
10. Kamishin V.Yu. *Obshchestvenno-politicheskii protsess v Povolzh'e v nachale XX veka* [Political process in the Volga region in the early XX century]. Penza, Penza State Technical University Publ., 1996.
11. Kuznetsov V.N. *Revoljutsionnyi terror i akty ekspropriatsii v Povolzh'e v nachale XX v.* [Revolutionary terror and the acts of expropriation in the Volga region in the early XX century]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2010, no. 12, pp. 24–38.
12. Kuznetsov V.N. *Pro et contra: zhandarmy i revolyutsionery v Povolzh'e v 1906–1917 gg.* [Pro et contra: the gendarmes and the revolutionaries in the Volga region in 1906–1917]. Ul'yanovsk, Ul'yanovsk State Pedagogical University Publ., 2007.
13. Leonov M.I. *Partiya sotsialistov-revoljutsionerov v 1905–1907 gg.* [The Party of socialists-revolutionaries in 1905–1907]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997.
14. Leonov M.I. *Esery v revolyutsii 1905–1907 gg.* [Revolutionaries in the revolution of 1905–1907]. Samara, Samara state University Publ., 1992.
15. Man'kov A.V. *Revoljutsionnyi terrorizm partii eserov: vzniknovenie i periodizatsiya* [Revolutionary terrorism of the socialist revolutionary party: the origin and periodization]. *Istoriya v podrobnostyakh* [History in detail], 2012, no. 12(30), pp. 64–71.
16. Mineeva E.K., Shaipak L.A., Man'kov A.V. *Zhandarmskie dokumenty o simbirskikh sotsialistakh-revoljutsionerakh (period revolyutsii 1905–1907 gg.)* [Gendarme documents on Simbirsk socialists-revolutionaries (the period of the revolution of 1905–1907)]. *Pravo i obrazovanie* [Law and education], 2015, no. 7, pp. 158–167.
17. Morozov K.N. *Partiya sotsialistov-revoljutsionerov v 1907–1914 gg.* [The party of socialists-revolutionaries in 1907–1914]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998.
18. Nayakshin K.Ya. *Ocherki istorii Kuibyshevskoi oblasti* [Essays on the history of the Kuibyshev region]. Kuibyshev, Kuibyshev Publishing House, 1962.
19. *Ocherki istorii Ul'yanovskoi organizatsii KPSS* [Essays on the history of the Ulyanovsk branch of the Communist party]. Saratov, Privolzhskoe Kniznoe Publ., 1964. Ch. 1.
20. Pavlov D.B. *Iz istorii boevoi deyatel'nosti partii eserov nakanune i v gody revolyutsii 1905–1907 gg.. Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyutsiyakh: sb. st.* [From the history of military activities of the socialist revolutionary party before and during the revolution of 1905–1907. Non-proletarian parties of Russia in three revolutions: collection of articles]. Moscow, Nauka Publ., 1989.
21. Popov F.G. *Letopis' revolyutsionnykh sobytii v Samarskoi gubernii. 1902–1917* [A Chronicle of the revolutionary events in the Samara province. 1902–1917]. Kuibyshev, Kuibyshev Publishing House, 1969.
22. Petukhov V.B. *Terrorizm kak sotsiokul'turnoe yavlenie* [Terrorism as a social phenomenon]. Ul'yanovsk, Ul'yanovsk state technical University Publ., 2006.
23. Shaipak L.A., Man'kov A.V. *Taktika revolyutsionnogo terrorizma eserov Srednego Povolzh'ya v period otkrytogo protivostoyaniya s vlast'yu* [Tactics of revolutionary terrorism of the social revolutionaries of the Middle Volga region in the period of open confrontation with the government], *Povolzhskii pedagogicheskii poisk* [Volga pedagogical search], 2014, no. 4(10), pp. 38–41.
24. Shmygin I.P. *Bol'shevistskie organizatsii Srednego Povolzh'ya v bor'be za krest'yanskie massy v revolyutsii 1905–1907 g.* [The Bolshevik organizations of the Middle Volga region in the struggle of the peasant masses in the revolution of 1905–1907]. Ul'yanovsk, Knizhnoe Publ., 1962.
25. Shmygin I.P. *Ob uchastii sel'skikh uchitelei v krest'yanskom dvizhenii Srednego Povolzh'ya v revolyutsii 1905–1907 gg. Uchenye zapiski Ul'yanovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [On the participation of rural teachers in the peasant movements of the Middle Volga region in the revolution of 1905–1907. Scientific notes of Ulyanovsk state pedagogical Institute]. Ul'yanovsk, 1958. pp. 3–26.

MANKOV ANDREI – Senior Lecturer, Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Military Academy of Communications named after S.M. Budenny, Russia, Saint Petersburg (63donetsk@mail.ru).

Ссылка на статью: Маньков А.В. Региональный революционный терроризм: боевые структуры и объекты терроризирования эсеров Поволжья в 1905 году // Вестник Чувацкого университета. – 2017. – № 1. – С. 99–107.

УДК 378.4(470.344):330.341.1
ББК Ч480.54(2Рос.Чув)

С.Ю. МИХАЙЛОВА, А.Л. МУЗЯКОВА, О.В. ШУМИЛОВА

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УСКОРЕННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЧУВАШИИ В 60–70-е ГОДЫ XX ВЕКА*

Ключевые слова: Чувашская АССР, ускоренная индустриализация, научно-техническая революция, промышленные предприятия, Чувашский государственный университет, университетско-промышленные связи.

В статье дана комплексная оценка места и роли Чувашского государственного университета в осуществлении ускоренной индустриализации на территории Чувашской АССР в период развертывания научно-технической революции. Определено значение вопроса об университетско-промышленных связях в историческом дискурсе. Рассмотрены ход и результаты ускоренной индустриализации в Чувашии в 1960–1970-е гг. Обобщен опыт подготовки специалистов с высшим техническим образованием на базе университета и их использования на промышленных предприятиях. Проанализирована практика проведения научно-исследовательских работ на договорной основе. Сформулирован вывод о степени реализации потенциала университетской составляющей ускоренной индустриализации Чувашии.

На современном этапе развития Российской Федерации в контексте политики импортозамещения все чаще говорят о необходимости обеспечения максимально высокого уровня технологической независимости и устойчивости в стратегических отраслях отечественной промышленности. Речь идет о восстановлении на новой технологической основе, а в некоторых случаях и о создании, промышленного производства.

Условием успешной реиндустриализации называют приоритетное развитие ключевых сфер высокотехнологического материального производства и необходимого для этого научно-образовательного прогресса. При этом ученые приходят «к логичному выводу о методологической правильности, адекватности реалиям существующей хозяйственной системы советского подхода к структуризации промышленного производства», считая, что многое из советского опыта в связи с этим следовало бы учесть [3. С. 5].

Названные обстоятельства повышают исследовательский интерес к истории индустриализации Чувашии в 60–70-е гг. XX в. и выявлению в ней роли и места университетского компонента. К тому же в изучении истории Чувашии новейшего времени существуют определенные трудности, связанные с отсутствием знаний об историческом опыте совместной деятельности научно-образовательных организаций и промышленных предприятий по решению задач социально-экономического развития региона на различных исторических этапах.

Генезис обозначенной проблемы обусловлен как познавательными, так и прагматическими потребностями. Прежде всего следует отметить дискуссии о сущности индустриального общества и его значении в истории России, исторических предпосылках формирования информационного общества, исторической роли высшей школы в распространении инноваций. Значительное влияние на повышение интереса к данной теме оказывает также заинтересованность высших учебных заведений и промышленных предприятий в воссоздании частично нарушенной исторической преемственности и использовании исторических традиций взаимовыгодного сотрудничества, которое се-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-11-21006.

годня рассматривается как одно из условий повышения конкурентоспособности российской экономики.

Обращаясь к историографии проблемы, справедливости ради следует отметить, что тема непосредственно индустриального развития Чувашии в советский период нашла широкое освещение в научной литературе. Различным аспектам истории промышленных предприятий республики и проблемам их кадрового обеспечения посвящено множество трудов [4, 14, 15, 17, 20–22]. Исследователями рассмотрены такие аспекты, как основные направления и содержание индустриального развития национальных республик Поволжья, государственная политика в данном направлении, изобретательство и техническое творчество рабочих, профессиональная подготовка кадров рабочих, их социально-демографический состав и профессионально-квалификационная структура, культурно-технический уровень и т.д. Не осталась без внимания и история Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова [16].

Таким образом, представители гуманитарных наук в тесном сотрудничестве разрабатывали различные проблемы индустриального развития Чувашии. Однако при этом влияние университетского компонента на индустриальное развитие Чувашии оставалось в тени исследовательских интересов. Между тем аналогичная проблематика поднималась учеными других регионов. В последние годы историками, экономистами, социологами пристальное внимание уделяется влиянию университетов на социально-экономическое развитие страны в целом и ее регионов в частности, рассматривается сотрудничество вузов с промышленными предприятиями и организациями.

Отсутствие научных работ, посвященных эволюции университетского компонента индустриального развития Чувашии на протяжении длительного исторического периода, на фоне возрастающего интереса ученых других регионов к аналогичным проблемам актуализирует выбранную тему исследования.

В 1960–1970-е гг. в Чувашии происходило поступательное развитие промышленности, форсировалось развитие тяжелой индустрии, что отражало ориентацию индустриального строительства на общесоюзные интересы. Учитывая различные особенности (наличие трудовых ресурсов, хорошие транспортные возможности, ограниченная сырьевая база) и некоторое отставание уровня развития промышленности Чувашии по сравнению со средними показателями по России, Совет Министров РСФСР 30 июля 1959 г. принял постановление № 1293 «О мерах помощи в дальнейшем развитии хозяйства и культуры Чувашской АССР» [6. Л. 15]. Постановлением были предусмотрены строительство и реконструкция 32 промышленных предприятий, обеспечение этих объектов необходимыми капиталовложениями [18. С. 5]. В республике планировалось развивать такие трудоемкие отрасли промышленности, как электротехническая, приборостроительная, машиностроительная, химическая, текстильная.

В 1959–1965 гг. осуществлялась широкая программа строительства новых и реконструкции многих действующих промышленных предприятий. Это был период дальнейшего роста крупной промышленности республики. Были введены в эксплуатацию 26 крупных предприятий, в том числе: заводы электроизмерительных приборов, машиностроительный, авторемонтный, железобетонных изделий, «Чувашкабель» и чулочно-трикотажная фабрика, завод керамических блоков в г. Чебоксары, завод строительной индустрии и ряд других предприятий в г. Новочебоксарск, завод электропогрузчиков в г. Канаш, «Электроавтомат» в г. Алатырь. Кроме того, были построены и введены в действие более 100 новых цехов, значительно расширены мощности действующих промышленных предприятий. Вновь построенные и реконструированные предприятия оснащались современ-

ным оборудованием, механизированными и автоматическими линиями. К 1965 г. действовало более 330 таких линий против 64 в 1959 г. [18. С. 5].

Развитие промышленности в Чувашии ускоренными темпами напрямую ставило вопрос ее обеспечения специалистами с высшим техническим образованием. В 1958 г. в народном хозяйстве Чувашской АССР работало всего около 800 инженеров при наличии более чем 3 тыс. инженерных должностей [6. Л. 1–2].

Дополнительная потребность в молодых специалистах частично удовлетворялась по линии Госплана РСФСР за счет планов межведомственного распределения. Однако, как показывал опыт, заявки Чувашского СНХ исполнялись Госпланом не полностью. К примеру, в 1958 г. при заявке на 227 человек Госпланом РСФСР было выделено всего 145 специалистов. При персональном распределении институтами было выделено 97 человек, фактически в места назначения прибыло всего лишь 82 человека [6. Л. 1–2]. По отдельным наиболее дефицитным для республики специальностям заявки удовлетворялись еще в меньших размерах. Например, по специальности «Электрические машины и аппараты» заявка Чувашского СНХ была выполнена в 1958 г. на 51,5%, выделено 14 при заявке 27, в 1959 г. – на 55,5% (при заявке 18 – выделено 10). По специальности «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты» в 1958–1959 гг. было выделено 32 инженера при заявке 58 человек, или 55% к заявке [6. Л. 15]. Заявка совнархоза на инженеров по специальности «Электрические машины и аппараты» в 1961 г. была удовлетворена только на 11% [6. Л. 19].

Нехватка инженерно-технических кадров и замещение по этой причине их должностей так называемыми «практиками» были факторами, сдерживавшими ускорение и углубление индустриального развития республики. С другой стороны, следует отметить, что в Чувашии «в результате ускоренного промышленного развития в 50-е годы... острее, нежели в соседних республиках, ощущалась нехватка квалифицированных кадров» [22. С. 273].

Выход из сложившейся ситуации был найден в открытии Волжского филиала Московского энергетического института (в 1961 г.), а на его базе – Чувашского государственного университета (в 1967 г.).

Уже на 1 октября 1967 г. контингент студентов в нем составил 5244 человека. В 1967/68 учебном году дневное отделение выпустило 195 специалистов (93% плана), вечернее – 96 специалистов (100% плана) и заочное – 94 специалиста (120% плана) [8. Л. 2]. При этом выпускники вуза направлялись на предприятия не только республики, но и других регионов страны. К примеру, из 98 специалистов, окончивших электротехнический факультет в 1970 г., более половины (58 человек) приступили к трудовой деятельности за пределами Чувашии [9. Л. 66].

К концу 1975 г. в промышленности республики было занято 97,9 тыс. ИТР с высшим и средним специальным образованием, в том числе с высшим образованием – 35,4 тыс. человека. Если в 1965 г. на 1000 рабочих в промышленности Чувашии приходилось 169,8 инженерно-технических работника, то в 1970 г. их было уже 188, а в 1975 г. – 216 человек [2. С. 64]. В 1983 г. ректор университета П.А. Сидоров отмечал: «... наверное, уже почти 50% врачей, работающих в республике, скоро будут наши выпускники, если уже не так. А про инженерно-технических работников и говорить нечего – их у нас в республике практически, ну, много ли, было. А сейчас, я об этом говорил много раз, мы обеспечили практически нужды промышленности, мы определяем техническую политику, мы определяем, вообще говоря, уровень организации производства, и, не секрет, мы определяем формирование научно-технической интеллигенции» [7. Л. 128].

В условиях ускоренной индустриализации не удалось избежать и некоторых недостатков. Так, в связи с существенным ростом спроса на выпускников университетов со стороны промышленности, отраслевых и проектных институтов, опытно-конструкторских учреждений, характер работы в которых значительно отличался от деятельности научных учреждений, занятых фундаментальными исследованиями, выпускники университетов зачастую оказывались неподготовленными к работе в области прикладных исследований и разработок, которые требовали не меньших творческих способностей и навыков [5]. Нередко руководители предприятий жаловались, что молодых специалистов приходится доучивать на производстве.

Кроме ключевой задачи вуза – подготовки квалифицированных кадров для народного хозяйства, можно назвать и другие формы его сотрудничества с производством. К ним можно отнести проведение НИР в рамках хозяйственных договоров. С первых дней функционирования Чувашского государственного университета стало заметно доминирование технических наук в их осуществлении. Так, в 1970 г. общая сумма договоров в 1970 г. составила 471 тыс. руб. По факультетам она распределилась следующим образом: факультет электрификации промышленности – 223 тыс. руб. (47,3%), электротехнический – 154 тыс. руб. (32,6%), химический – 37 тыс. руб. (7,8%), общетехнический – 25 тыс. руб. (5,3%), физико-математический – 16 тыс. руб. (3,4%), медицинский – 10 тыс. руб. (2,1%) и экономический – 6 тыс. руб. (1,3%) [19]. В 1967–1979 гг. доля технических кафедр и факультетов в научных исследованиях составляла 60–70% общего объема этих работ по университету [22. С. 334].

Широка была география заказчиков университета – Москва, Ленинград, Киев, Павлодар, Магнитогорск, Свердловск, Уфа, Горький, Казань и др. В процессе выполнения тематического плана коллектив университета поддерживал постоянные связи с более чем 80 предприятиями и организациями СССР.

Связи осуществлялись, как правило, путем заключения хозяйственных договоров на проработки тех или иных конкретных вопросов. Кроме того, на 1975 г. имелось более 20 договоров творческого содружества. Общая стоимость работ, выполненных по договорам творческого содружества, составляла 150 тыс. руб. [10. Л. 70].

В 1975 г. разрабатывалась тематика по 150 хозяйственным договорам с 60 организациями и предприятиями СССР, в том числе 30 – по Чувашской АССР. Наиболее стабильные и широкие связи университет имел: в пределах Чувашии – с Чебоксарским электроаппаратным заводом, заводом имени В.И. Чапаева, заводом «Чувашкабель», Всесоюзным научно-исследовательским, проектно-конструкторским и технологическим институтом релестроения, Чебоксарским химкомбинатом, Чебоксарским заводом промтракторов и т.д.; за пределами Чувашии – с предприятиями и организациями городов Москва, Горький, Куйбышев, Пермь, Новосибирск, Рига, Саратов, Магнитогорск, Тольятти, Казань, Вильнюс, Саранск, Баку, Челябинск и Кострома, в том числе ВЭИ имени В.И. Ленина, ВНИИЭТО, ВНИИС, ЦНИЛХИ, НИИПМ, Институт химической кинетики и горения, МЭИ, ЦДУ ЭЭС, Магнитогорский металлургический комбинат, Горьковский автозавод, Челябинский металлургический комбинат, ТатНИИ-нефтемаш, КазНИИтехфотопроект, СКБ объединения Эльфа, вагоностроительный завод г. Рига, Казанский авиационный завод имени С.П. Горбунова, политехнический институт г. Куйбышев, КХТИ имени С.М. Кирова, автозавод г. Тольятти, азотно-туковый завод г. Куйбышева и ряд других выступали заказчиками хозяйственных НИР [10. Л. 70–71].

В то же время около половины объема хозяйственных НИР приходилось на предприятия и организации Чувашии. Географическая близость способ-

ствовала установлению более тесных связей. На предприятиях постоянно внедрялись результаты НИР, проводимых университетом. Так, в 1981–1982 гг. были внедрены результаты 38 работ на 34 предприятиях с экономическим эффектом в 10 млн руб. [12].

Существенным было и содействие предприятий в развитии вуза, особенно в создании материальной базы. С 1967 г. по 1971 г. за счет хоздоговоров было приобретено оборудования и материалов на сумму более чем 530 тыс. руб. Это оборудование и материалы в последующем передавалось на баланс университета и использовалось для проведения бюджетных НИР и в учебном процессе [1].

Однако в организации НИОКР первоначально не удавалось избежать трудностей. Так, в 1974 г. декан электротехнического факультета В.А. Борисов писал, что «помощь промышленности могла бы быть существенно выше при более совершенной организации научных исследований. Сейчас работы ведутся лишь в рамках хоздоговоров. Это, как известно, не единственная возможность. Более совершенной формой организации работ являются отраслевые лаборатории и учебно-научно-производственные объединения. Здесь полностью исключается элемент стихийности в подборе тематики, усилия ученых направляются на решение главных задач, стабилизируются источники финансирования, повышается ответственность. Необходимо настойчиво добиваться реализации этих организационных форм в нашем университете. Большой ущерб несет коллективу факультета отсутствие в университете производственной базы» [5].

Не всегда можно однозначно оценивать и деятельность руководства предприятий. Так, в архивных документах за 1975 г. содержится констатация того, что «в отчетном году не удалось добиться установления систематических встреч ученых университета и руководителей предприятий по соответствующим направлениям науки и техники» [10. Л. 65].

В последующем, в 1980-е гг., отмеченные В.А. Борисовым формы сотрудничества вуза и предприятий реализовывались путем создания проблемных научно-исследовательских лабораторий, учебно-производственных объединений «ЧувГУ – ПО ЧЗПТ», «ЧувГУ – ПО Химпром», «ЧувГУ – ПО Системпром» и др. [11].

Таким образом, в 1960–1970-е гг. ускоренная индустриализация Чувашии приобрела приоритетный характер, хронологически совпав с развертыванием в стране НТР. В ходе решения региональных задач индустриального развития важным преимуществом стало открытие Чувашского государственного университета, который, образно говоря, сыграл роль кузницы кадров и научного цеха. Вместе с тем необходимо отметить, что университетская составляющая индустриального развития была использована не в полной мере, хотя в действительности возможностей было больше.

Литература и источники

1. Аbruков С.А. Университетская наука, успехи и проблемы // Ульяновец. 1972. 22 марта.
2. Анисимов А.С. Повышение культурно-технического уровня рабочей молодежи – важное средство комплексного подхода к формированию всесторонне развитой личности // Проблемы комплексного воспитания рабочей и студенческой молодежи в Чувашии. Чебоксары, 1978. С. 57–66.
3. Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России: в 2 ч. СПб.: ИНИР, 2015. Ч. I. 551 с.
4. Бойко И.И. Рабочие Волго-Вятского региона: опыт и уроки социально-экономического развития (1960–1985 гг.). Чебоксары, 1997. 256 с.
5. Борисов В. Научный цех факультета // Ульяновец. 1974. 30 мая.
6. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 167.

7. ГАСИ ЧР. Ф. П-294. Оп. 1. Д. 198.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. А-605. Оп. 1. Д. 3902.
9. ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 4623.
10. ГА РФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 6621.
11. Данилов И.П. НИС университета: достижения и проблемы // Ульяновец. 1992. 29 окт.
12. Ильдеменов С. Всегда в поиске // Ульяновец. 1983. 21 окт.
13. Каменских М.А. Исследование влияния университетов на региональное экономическое развитие // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 42. С. 12–20.
14. Кузнецов И.Д., Петров Г.П. История Чебоксарского электроаппаратного завода. Чебоксары, 1975. 280 с.
15. Кузнецов И.Д., Смирнов Ю.П. История Козловского комбината автофургонов. Чебоксары, 1984. 176 с.
16. Кураков Л.П. Чувашскому государственному университету 25 лет: подведение итогов и взгляд в будущее. М.: [Б.и.], 1992. 30 с.
17. Михайлова С.Ю. Историография рабочей молодежи республик Волго-Вятского региона во второй половине XX – начале XXI века. М.: ИНИОН РАН, 2006. 124 с.
18. Промышленность и рабочий класс Чувашской АССР: в 2 ч. Часть II (1951–1980 гг.): Сб. док. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 351 с.
19. Растет объем хоздоговорных работ // Ульяновец. 1970. 2 дек.
20. Смирнов Ю.П. Индустриальное развитие автономных республик Поволжья в 50-80-е годы: опыт и проблемы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. 264 с.
21. Смирнова А.Л. Молодой рабочий России: создатель и потребитель культурных ценностей (1970–1980-е годы) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 160–166.
22. Степанов В.Р. НТР: государственная политика и регион (на материалах индустриального развития республик Волго-Вятского экономического региона в 50–80-е годы). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 368 с.

МИХАЙЛОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (svemikh1@rambler.ru).

МУЗЯКОВА АЛИНА ЛЕОНИДОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alinasmirnova@list.ru).

ШУМИЛОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (shumilovaolga@bk.ru).

S. MIKHAILOVA, A. MUZYAKOVA, O. SHUMILOVA

UNIVERSITY COMPONENT IN RAPID INDUSTRIALIZATION OF CHUVASHIA IN THE 60–70s OF XX CENTURY

Key words: the Chuvash ASSR, accelerated industrialization, technological revolution, industrial enterprises, Chuvash State University, University-industrial relations.

The article gives a comprehensive assessment of the role and the place of the Chuvash State University in implementation of accelerated industrialization on the territory of the Chuvash ASSR in the period of technological revolution expansion. It identifies the importance of University-industrial relationships in historical discourse. It examines the progress and results of rapid industrialization in the Chuvash Republic in the 1960–1970s. The experience of training specialists with higher technical education at the University and their use in industry are summarized. The article analyzes the practice of carrying out research works on a contractual basis. The conclusion about the degree of fulfilling the University's potential in rapid industrialization of the Chuvash Republic is formulated.

References

1. Abrukov S.A. *Universitetskaya nauka, uspekhi i problemy* [University science, progress and challenges]. *Ul'yanovets* [Ulyanovets], 1972, Mar. 22.
2. Anisimov A.S. *Povyshenie kul'turno-tekhnicheskogo urovnya rabochei molodezhi – vazhnoe sredstvo kompleksnogo podkhoda k formirovaniyu vsestoronno razvitoi lichnosti* [Improving the cultural and technical level of young workers – an important means of an integrated approach to the formation of fully developed personality]. *Problemy kompleksnogo vospitaniya rabochei i studencheskoi molodezhi v Chuvashii* [Problems of integrated education and students working in Chuvashia]. Cheboksary, 1978, pp. 57–66.

3. Bodrunov S.D. *Formirovanie strategii reindustrializatsii Rossii: v 2 ch.* [Formation of the Russian re-industrialization strategy. 2 parts]. St. Petersburg, INIR Publ., 2015, part 2, 551 p.
4. Boiko I.I. *Rabochie Volgo-Vyatskogo regiona: opyt i uroki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (1960–1985 gg.)* [The workers of the Volga-Vyatka region: experience and lessons of social and economic development (1960–1985)], Cheboksary, 1997, 256 p.
5. Borisov V. *Nauchnyi tsekh fakul'teta* [Science department of the Faculty]. *Ul'yanovets* [Ulyanovets], 1974, May 30.
6. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond P-1. Opis' 1. Dokument 167* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive P-1. Anagraph 1. Dokument 167].
7. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond P-294. Opis' 1. Dokument 198* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive P-294. Anagraph 1. Dokument 198].
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond A 605. Opis' 1. Dokument 3902* [State archive of the Russian Federation. Archive A-605. Anagraph 1. Dokument 3902].
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond A 605. Opis' 1. Dokument 4623* [State archive of the Russian Federation. Archive A-605. Anagraph 1. Dokument 4623].
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond A 605. Opis' 1. Dokument 6621* [State archive of the Russian Federation. Archive A-605. Anagraph 1. Dokument 6621].
11. Danilov I.P. *NIS universiteta: dostizheniya i problemy* [Research sector of the University: achievements and problems]. *Ul'yanovets* [Ulyanovets], 1992, Oct. 29.
12. Il'demenov S. *Vsegda v poiske* [Always on the lookout]. *Ul'yanovets* [Ulyanovets], 1983, Oct. 21.
13. Kamenskikh M.A. *Issledovanie vliyaniya universitetov na regional'noe ekonomicheskoe razvitiye* [Research universities influence on regional economic development]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 2014, no. 42, pp. 12–20.
14. Kuznetsov I.D. *Istoriya Cheboksarskogo elektroapparatnogo zavoda* [History of the Cheboksary Electrical Equipment Plant]. Cheboksary, 1975, 280 p.
15. Kuznetsov I.D. *Istoriya Kozlovskogo kombinata avtofurgonov* [History Kozlovsky Plant vans]. Cheboksary, 1984, 176 p.
16. Kurakov L.P. *Chuvashskomu gosudarstvennomu universitetu 25 let: podvedenie itogov i vzglyad v budushchee* [Chuvash State University 25 years: taking stock and looking to the future]. Moscow, 1992, 30 p.
17. Mikhailova S.Yu. *Istoriografiya rabochei molodezhi respublik Volgo-Vyatskogo regiona vo vtoroi polovine XX – nachale XXI veka* [Historiography of young workers republics of the Volga-Vyatka region in the second half of XX – beginning of XXI century]. Moscow, INION RAN Publ., 2006, 124 p.
18. *Promyshlennost' i rabochii klass Chuvashskoi ASSR: v 2 ch. Chast' II (1951–1980 gg.): Sbornik dokumentov.* [Industry and the working class of the Chuvash ASSR. 2 parts. Part 2 (1951–1980 gg.)]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1987, 351 p.
19. *Rastet ob'em khozdogovornykh rabot* [There is a growing volume of contractual work]. *Ul'yanovets* [Ulyanovets], 1970, Dec. 2.
20. Smirnov Yu.P. *Industrial'noe razvitiye avtonomnykh respublik Povolzh'ya v 50–80-e gody: opyt i problemy* [The industrial development of the autonomous republics in the Volga region of 50–80s: experience and problems]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 1996, 264 p.
21. Smirnova A.L. *Molodoi rabochii Rossii: sozdatel' i potrebitel' kul'turnykh tsennostei (1970–1980-e gody)* [Young worker of Russia: the creator and user of cultural values (1970–1980s)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 4, pp. 160–166.
22. Stepanov V.R. *NTR: gosudarstvennaya politika i region (na materialakh industrial'nogo razvitiya respublik Volgo-Vyatskogo ekonomicheskogo regiona v 50–80-e gody)* [Scientific and technological revolution: state policy and the region (on materials of the industrial development of the Volga-Vyatka economic region of the Republic in the 50–80s)]. Kazan, Kazan University Publ., 2004, 368 p.

MIKHAILOVA SVETLANA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (svemikh1@rambler.ru).

MUZYAKOVA ALINA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alinasmirnova@list.ru).

SHUMILOVA OLGA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (shumilovaolga@bk.ru).

УДК 371 (093)(47+57)
ББК Ч403(2)53ю11

А.Н. ПАВЛОВА

МАТЕРИАЛЫ ШКОЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ 1911 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОСТОЯНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НЕРУССКИХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: исторический источник, школьная перепись, статистические данные, начальные школы, школьное образование.

В статье проанализированы итоги Одновременной школьной переписи, проведенной 18 января 1911 г., включавшей все учебные округа России. По своему масштабу перепись была всеохватывающей. Она отражала положение одноклассных и двухклассных народных училищ, количественный и качественный состав учащихся и обучающихся. Школьная перепись 1911 г. раскрывает состояние школьного образования нерусских народов восточной части России в начале XX в. Результаты переписи подтверждают рост сети школ, численности учащихся и профессиональной подготовленности учителей. Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что при имеющихся положительных сдвигах большинство «инородческих» детей в рассматриваемый период оставалось вне школы.

В начале XX в. Россия заметно отставала от других европейских стран по количеству школ на душу населения. Так, в России на 1000 жителей приходилось 39 учеников народных школ, в то время как в Германии – 157, Франции – 152, Великобритании – 147 учеников. На каждую народную школу в России приходилось 1399 жителей и 55 учащихся, в Германии эти показатели составили, соответственно, 1010 и 158, Франции – 451 и 68, Великобритании – 1368 и 201 [1].

По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., грамотных в России было всего 21%. В 1900 г. численность начальных школ Министерства народного просвещения составляла 36 820 с числом учащихся 2592,6 тыс. За последующие 10 лет наблюдается динамика численности школ и учащихся. В 1910 г. насчитывалось 59 тыс. школ Министерства народного просвещения с 4541,7 тыс. учащихся [6. С. 308, 315, 316, 318]. Если темпы развития школьной сети росли в целом по России, то этот процесс хотя бы слабо затронул регионы, населенные нерусскими народами.

Школьные переписи были проведены в дореволюционной России 20 марта 1880 г., 1 января 1894 г. и 18 января 1911 г. Они представляли собой регистрацию данных о состоянии школьного дела, проводимую периодически по определенной программе в отдельных регионах и масштабах страны в целом. В них отражались вопросы учебно-воспитательной работы, численности и состава учащихся. Переписи проводились под руководством Центрального статистического комитета при Министерстве внутренних дел. В них принимали участие губернские статистические комитеты. Наряду с ними сбор и обработку статистических сведений проводили губернские и уездные земства. По форме организации сбора данных школьная перепись 1911 г. относится к специально организованному статистическому наблюдению, при котором проведено разовое детальное, всестороннее обследование объектов переписи. Требование к достоверности информации о них удовлетворяется методом непосредственного анкетного опроса.

Сбор статистических данных проводился специально подготовленными работниками – переписчиками, которые в ходе переписи заполняли заранее разработанные переписные формы на основании опроса респондентов, круг

которых был определен задачами данной конкретной переписи. Перепись 1911 г. коснулась только одноклассных и двухклассных начальных школ и не учитывала многоклассные народные училища.

Однодневная перепись начальных школ, проведенная 18 января 1911 г., охватила территории всех учебных округов. «Инородческие» школы, работавшие по системе Н.И. Ильминского с преподаванием на родном языке, были расположены на территории Казанского, Оренбургского, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского учебных округов. Данные переписи, относящиеся к Казанскому учебному округу, включавшему Вятскую, Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Саратовскую и Астраханскую губернии, были изданы в Санкт-Петербурге в 1913 г. [2]. Сведения по Оренбургскому учебному округу, в состав которого входили Пермская, Уфимская, Оренбургская губернии, Уральская и Тургайская области, были опубликованы в 1914 г. [3]. В 1916 г. вышли в свет выпуски, посвященные Западно-Сибирскому учебному округу, включавшему Тобольскую и Томскую губернии, Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области, и Восточной Сибири [4]. В 1916 г. также опубликованы сводные итоги переписи [5].

По полученным в ходе переписи данным, в 1911 г. в Казанском учебном округе насчитывалось 222 двухклассные и 261 одноклассная школа Министерства народного просвещения; 89 двухклассных и 3959 одноклассных земских школ, всего 4 531 школа. Из общего числа министерских и земских школ выделялись 250 «инородческих» школ, действовавших по «Правилам о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г., официально утвердившим систему просвещения, разработанную Н.И. Ильминским. Согласно данным переписи, в пределах округа действовала 141 «инородческая» школа, при этом значительная часть «инородческих» школ была включена в число министерских, земских, церковноприходских, миссионерских школ и школ грамоты, так как программа обучения в них не отличалась от русских школ, за исключением преподавания родного языка. Одноклассные церковноприходские школы уступали по численности только земским. Согласно переписи, в 1911 г. в Казанском учебном округе насчитывалось 3 581 одноклассная и 58 двухклассных церковноприходских школ, 474 школы грамоты, 166 «миссионерских» школ [2. С. 34].

В Оренбургском учебном округе действовало 635 «инородческих» школ, в том числе 611 сельских. Из них: 176 русско-казахских (166 школ, действовавших по особым положениям, девять двухклассных и одна одноклассная школа Министерства народного просвещения); 170 русско-башкирских (123 школы, действовавшие по особым положениям, 40 земских и шесть министерских одноклассных, одна двухклассная школа Министерства народного просвещения); 80 русско-марийских (71 школа работала по «Правилам о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. и «Правилам о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» от 31 марта 1906 г., семь земских одноклассных и две двухклассные школы Министерства народного просвещения); 48 русско-чувашских (47 школ – по положению 1906 г. и одна одноклассная земская школа); 35 русско-татарских (34 школы, действовавшие по положениям 1870 г. и «Правилам о начальных народных училищах для инородцев» от 1 ноября 1907 г., две земские одноклассные); 28 русско-удмуртских (20 школ, работавших на основе правил 1870 г. и 1906 г., семь земских одноклассных и одна министерская двухклассная); 10 русско-мордовских (8 – по положению 1906 г., две земские одноклассные школы) [3. С. 24]. В Западно-Сибирском учебном округе и Восточной Сибири школы были представлены в незначительном количестве.

Перепись представляет данные о численности учащихся в сельских начальных школах по учебным округам и по национальностям в 1911 г. В Казанском учебном округе в школах Министерства народного просвещения обучалось: 16 383 чуваша, 13 712 удмуртов, 11 046 мордвинов, 7062 марийца, 3797 татар, 625 казахов и 112 башкир; в церковных школах: 18 050 чувашей, 7971 мордвин, 4937 удмуртов, 3040 марийцев, 2784 татарина, 31 казах [2. С. 94].

В Оренбургском учебном округе в 1911 г. начальные сельские школы Министерства народного просвещения посещали 9833 ученика татарской, 4153 – казахской, 2783 – марийской, 2195 – мордовской, 2003 – чувашской, 1415 – башкирской, 832 – удмуртской национальностей. В сельских начальных школах Ведомства православного исповедания обучалось 2299 чувашей, 1895 мордвинов, 1859 татар, 333 марийца, 66 удмуртов, 36 казахов, 12 башкир [3. С. 64–65].

По материалам переписи 1911 г., в сельских школах Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел Западно-Сибирского учебного округа состояло 1 064 учащихся из казахов, 301 – мордвы, 256 – татар, 53 – чувашей. В школах Ведомства православного исповедания в пределах данного округа числилось 265 учеников мордовской, 145 – татарской, 118 – чувашской, 110 – алтайской, 18 – казахской, пять – марийской национальностей. На территории Восточной Сибири в школах Министерства народного просвещения обучалось 317 татар, 81 мордвин, 29 чувашей; в школах Ведомства православного исповедания насчитывался 61 ученик татарской и 40 – мордовской национальностей [4. С. 46–47].

Всего обучающихся в 1911 г. в одноклассных и двухклассных школах указанных учебных округов, по национальностям: 38 935 чувашей, 23 794 мордвина, 19 547 удмурта, 19 052 татарина (обучающихся в светских школах), 13 223 марийца, 1927 казахов, 1539 башкир, 110 алтайцев.

По Казанскому учебному округу перепись 1911 г. показала, что процент «православных» учащихся значительно превосходил долю русских учеников. Это являлось показателем «духовного обрусения инородцев» и усвоения ими православия. Процент учащихся финно-угорской группы в целом превышал долю учеников, представленных тюркоязычными народами, из которых наибольшее количество учащихся приходилось на чувашей. Из общего количества учеников в школах Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел и Ведомства православного исповедания в Казанском учебном округе чуваша составляли 5,52%, мордва – 3,04%, удмурты – 2,98%, марийцы – 1,61%, татары – 1,37%, казахи – 0,11%, башкиры – 0,02% [2. С. 24].

В одноклассных и двухклассных школах Оренбургского учебного округа учащиеся-«инородцы» в 1911 г. составляли 37,69%. Наибольшая доля учащихся приходилась на татар (3,86%), затем шли казахи (1,38%), за ними – чуваша (1,29%), мордва (1,24%), башкиры (0,44%), удмурты (0,27%) [3. С. 19].

Анализ данных переписи позволяет сделать вывод о сословном составе учащихся школ в начале XX в. Обучающиеся в школах, в большинстве своем, были представлены выходцами из крестьянского сословия. В Казанском учебном округе доля учащихся-крестьян составляла в школах Министерства народного просвещения 90,15%, в школах Ведомства православного исповедания – 94,49% [2. С. 21]. В Оренбургском учебном округе в данных типах школ выходцы из крестьянских семей составляли, соответственно, 89,15% и 85,99% [3. С. 26]. Среди учащихся школ Западно-Сибирского учебного округа численно преобладали представители крестьянского сословия. В школах Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел они составляли 73,23%, в школах Ведомства православного исповедания – 89,67% [4. С. 6].

По данным переписи 1911 г., доля учащихся, окончивших курс начальной школы в 1910 г., была равна в Казанском учебном округе 10% (к общему числу учащихся), причем самый высокий процент окончивших был в Симбирской губернии (14,7%), а самый низкий – в Саратовской (9,0%). Выбывшие до окончания курса составляли в «инородческих» школах – 20,1%; в среднем по округу – 20,2% [2. С. 10–11].

В Оренбургском учебном округе в 1910 г. до окончания курса выбыло 18,8% из общего числа учащихся, в то время как окончило курс 10,4%. Среди учащихся женского пола доля выбывших была равна 22,6, окончивших – 9,4%. Наиболее высокие показатели окончания школ были характерны для учащихся Уральской и Уфимской областей, а самые низкие – для Тургайской. Наименьший процент выбывших до окончания курса был в Оренбургской губернии, наибольший – в Уральской. Из основных типов школ самый высокий процент оканчивающих давали приходские и земские школы. Доля учащихся, прошедших курс в одноклассных школах, была выше, чем в двухклассных [3. С. 8].

В Западно-Сибирском учебном округе в 1910 г. доля выбывших из начальных школ до завершения курса составляла 18,5%, в то время как оканчивало курс только 8% учащихся [4. С. 6].

Из приведенных данных следует, что количество учащихся начальных школ, окончивших курс обучения, почти в два раза было ниже доли выбывших. Однако такие показатели вполне устраивали учебное начальство.

К 1911 г. значительно изменился сословный состав учителей. В пределах Казанского учебного округа это привело почти к двукратному увеличению доли учителей-крестьян и мещан. В 1911 г. процент учителей-крестьян вырос в 2,8 раза, учительниц-крестьянок – в 2,7 (по сравнению с 1880 г.). Перепись 1911 г. показала качественный рост профессиональной подготовленности учителей в Казанском учебном округе. Среди учителей министерских двухклассных школ 63,7% мужчин и 15,8% женщин имели среднее специальное педагогическое образование; соответственно, 29,8% и 19,5% – низшее и домашнее; 4,9% и 21,0% – среднее духовное; 1,6% и 43,7% – среднее светское образование. В одноклассных школах Министерства народного просвещения работало 39,3% учителей и 15,2% учительниц со средним специальным педагогическим образованием; соответственно, 56,6% и 29,6% – с низшим и домашним образованием; 3,6% и 27,6% – со средним духовным; 0,5% и 27,6% – со средним светским. В земских двухклассных школах работали 36,4% учителей и 9,1% учительниц со средним специальным педагогическим образованием; соответственно, 55,2% и 20,4% – с низшим и домашним; 4,7% и 15,6% – со средним духовным; 3,7% и 54,9% – со средним светским. Большинство учителей одноклассных приходских школ имело низшее и домашнее образование (33,3% мужчин и 50% женщин), 50% учителей получили среднее специальное педагогическое образование, 50% учительниц – среднее светское, 16,7% учителей – среднее духовное [2. С. 18, 24].

В пределах Оренбургского учебного округа в 1911 г. 69% учителей окончили низшее учебное заведение или получили домашнее образование. Более высокий образовательный ценз имели учительницы, из которых 51,5% окончили средние учебные заведения (в том числе: 29,6% – средние светские, 19,5% – средние духовные, 2,4% – средние педагогические учебные заведения). Наиболее высокий процент учителей со средним светским образованием был характерен для Тургайской области. В подготовке учителей Оренбургского учебного округа отмечалась тенденция увеличения среди них выходцев из крестьянского сословия. В 1911 г. они составляли 38,3% от общего числа, в то время как в 1880 г. эта цифра была равна 16,7% [3. С. 14].

В Западно-Сибирском учебном округе наибольший процент учителей со средним специальным образованием был представлен в школах Акмолинской и Семипалатинской областей. Учителя со средним специальным педагогическим образованием работали в основном в министерских, миссионерских и приходских школах [4. С. 82].

В целом, итоги школьной переписи 1911 г. показали, что в России только 23,8% детей в возрасте от 7 до 14 лет обучались в сельских начальных школах. Доля учащихся ко всему сельскому населению Европейской России с 1880 г. по 1911 г. увеличилась с 1,5% до 4,5%. [6. С. 316, 318]. Положительной чертой в школьном образовании нерусских народов восточной части России в начале XX в. являлось расширение сети начальных национальных школ. Несмотря на рост их численности в начале XX в., они не могли полностью удовлетворить потребностей «инородцев» в образовании. Численность школ в регионах, населенных нерусскими народами, как в целом по России, была крайне недостаточной. Качественные сдвиги наблюдались в профессиональной подготовленности учителей. Несмотря на некоторый рост численности учащихся начальных школ, все же в 1911 г. процент учащихся ко всему населению продолжал оставаться на весьма низком уровне.

Литература

1. Географический и статистический карманный атлас России / сост. А.Ф. Маркс. СПб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркса, 1907.
2. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. СПб., 1913. Вып. VI. Казанский учебный округ. 84 с.
3. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. СПб., 1914. Вып. VII. Оренбургский учебный округ.
4. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. Пг., 1916. Вып. XII – XIV. Азиатская Россия.
5. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. Пг., 1916. Вып. XVI. Итоги по империи.
6. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1813–1913). М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.

ПАВЛОВА АЛЕВТИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (arhidok2008@mail.ru).

A. PAVLOVA

**MATERIALS OF SCHOOL CENSUS OF 1911 AS A SOURCE
FOR STUDYING EDUCATION STATUS OF NON-RUSSIAN POPULATION
OF EASTERN RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY**

Key words: *historical source, school census, statistics, primary schools, school education.*

The article analyzes the results of a one-day school census of January 18, 1911, including all the school districts of Russia. By its scale the census was comprehensive. It reflected the position of one-class and two-class public schools, quantitative and qualitative composition of pupils and teachers. The school census of 1911 reveals the status of school education of non-Russian population of Eastern Russia in the early XX century. The results of the census confirmed the growth of school nets, the number of pupils and professional skills of teachers. The analysis of statistical data allows to conclude that despite existing positive shifts the majority of non-Russian children in the examined period remained out of school.

References

1. *Geograficheskii i statisticheskii karmannyi atlas Rossii* [Geographical and statistical pickpocket atlas of Russian]. St. Petersburg, 1907.
2. *Odnodnevnyaya perepis' nachal'nykh shkol v imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 goda* [One-day census of primary schools in empire taken on 18 January 1911]. *Vyp. VI. Kazanskii uchebnyi okrug* [Kazan educational district, issue 6]. St.Petersburg, 1913, 84 p.
3. *Odnodnevnyaya perepis' nachal'nykh shkol v imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 goda* [One-day census of primary schools in empire taken on 18 January 1911]. *Vyp. VII. Orenburgskii uchebnyi okrug* [Orenburg educational district, issue 7]. St.Petersburg, 1914.
4. *Odnodnevnyaya perepis' nachal'nykh shkol v imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 goda* [One-day census of primary schools in empire taken on 18 January 1911]. *Vyp. XII – XIV. Aziatskaya Rossiya* [Asian Russia, issue 12-14]. Petrograd, 1916.
5. *Odnodnevnyaya perepis' nachal'nykh shkol v imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 goda* [One-day census of primary schools in empire taken on 18 January 1911]. *Vyp. XVI. Itogi po imperii* [Results of empire, issue 16]. Petrograd, 1916.
6. Rashin A.G. *Naselenie Rossii za 100 let (1813–1913)* [The population of Russia for 100 years (1813–1913)]. Moscow, State standard Publ., 1956, 352 p.

PAVLOVA ALEVTINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (arhidok2008@mail.ru).

Ссылка на статью: Павлова А.Н. Материалы школьной переписи 1911 года как источник для изучения состояния образования нерусских народов восточной части России в начале XX века // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 115–120.

УДК 371(091)(093)(470.4)
ББК Ч403(235.544)52ю11

А.Н. ПАВЛОВА

**ОПУБЛИКОВАННЫЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НЕРУССКИХ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В 70–90-х ГОДАХ XIX ВЕКА**

Ключевые слова: опубликованные материалы, архивные документы, школьное образование, нерусские народы, «инородческие школы», родной язык в обучении.

Рассмотрены источники по изучению истории развития школьного образования среди нерусских народов Среднего Поволжья. Разнообразны опубликованные материалы. Среди них важнейшее значение для освещения проблемы имеют труды Н.И. Ильминского и других деятелей просвещения. В них раскрывается история организации школы в Казани и сельских школ для нерусских народов, их численность и материальная обеспеченность, роль в просвещении. Важное значение имеют отчетные материалы в изучении динамики развития численности школ и учащихся в них. Справочно-статистические материалы характеризуют финансовую и материальную обеспеченность различных типов школ. Архивные документы раскрывают новые научные факты, помогают охарактеризовать положение школ для нерусских народов в рассматриваемый период.

Источники по изучению истории развития школьного образования нерусских народов Среднего Поволжья в 70–90-х гг. XIX в. представлены разнообразными опубликованными и архивными материалами. Среди них наибольший интерес вызывают труды Н.И. Ильминского и других деятелей народного образования, отражающие их взгляды на вопросы просвещения, отчетная документация, представленная отчетами инспектора чувашских школ, отчетами о деятельности братства св. Гурия, отчетами Казанского епархиального училищного совета, отчетами министра народного просвещения, статистические материалы о народных училищах, а также архивные документы.

Труды Н.И. Ильминского раскрывают историю организации Казанской школы и сети сельских школ для крещеных татар в 60-х гг. XIX в., учителями в которых становились бывшие воспитанники Казанской школы, до 1867 г. не получавшие звания учителя и стремившиеся обучить грамоте других детей по личной инициативе [7. С. 93].

Н.И. Ильминский отмечал, что первые школы по его системе появились среди крещеных татар в 1865 г. Летом этого года была открыта школа в дер. Арняши Абдинского прихода Казанской губернии, учителем в которую был определен один из учеников В.Т. Тимофеева Яков Дмитриев. Осенью того же года была организована школа в с. Никифоровка Мамадышского уезда Казанской губернии. В ней обучением девочек стала заниматься первая ученица Казанской крещенотатарской школы шестнадцатилетняя Федора Гаврилова. В январе 1867 г. открылась школа в с. Апазово, учителем в которой работал Игнатий Тимофеев, брат В.Т. Тимофеева [9. С. 307–310].

Представленные Н.И. Ильминским сведения о крещенотатарских школах отражают их численность и материальную обеспеченность. В 1867 г. все крещенотатарские школы, открытые в Казанской губернии, были приняты в ведение братства св. Гурия. В 1869 г. по всей губернии работало девять школ, находившихся на содержании братства. В течение 1869 г. на средства Синода было организовано 16 крещенотатарских школ, в том числе шесть – в Мамадышском, пять – в Лаишевском, по две – в Чистопольском и Спасском, по одной – в Тетюшском и Цивильском уездах. В 1870 г. в Казанской губернии рабо-

тало 30 сельских крещенотатарских школ, на содержание 24 из них было получено 4 тыс. руб. от Министерства народного просвещения [8. С. 14–16].

Н.И. Ильминский отводил школам важную роль в деле распространения грамотности, усвоения основных понятий христианства. Перед воспитанниками крещенотатарских школ не ставилась цель обязательного продолжения образования. Основная масса учеников была призвана нести грамотность и понятия христианства в среду своего народа, способствовать его духовному подъему [8. С. 16].

По мнению директора народных училищ Казанской губернии И.А. Износкова, первые чувашские школы по системе Н.И. Ильминского, организованные братством св. Гурия, были открыты в 1867 г. (Чурашевское, или так называемое Кошкинское, в Чебоксарском уезде и Шуматовское в Ядринском уезде). Наставниками училищ были приходские священники, хорошо знакомые с бытом своих прихожан, их родным языком и пользовавшиеся им при обучении своих учеников. В с. Чурашево учительствовал И.В. Золотницкий, в Шуматово – К.Е. Магницкий [5. С. 3-4].

Согласно отчету инспектора чувашских школ Н.И. Золотницкого за 1867 г., система Н.И. Ильминского нашла сторонников среди чувашских и марийских учителей. Среди них названы Е. Петров, К. Соловьев (из чувашей), И. Захаров и Г. Яковлев (из марийцев). Учитель Большеяльчикской школы Тетюшского уезда Е. Петров с 30 сентября по 15 октября 1867 г. по приглашению Н.И. Золотницкого пребывал в Казани. Здесь он посетил крещенотатарскую школу, ознакомился с методами ее работы вместе с К. Соловьевым, И. Захаровым, Г. Яковлевым, приглашенными в Казань Н.И. Золотницким для знакомства с системой Н.И. Ильминского. В октябре 1867 г. в школе Е. Петрова обучалось 13 мальчиков и одна девочка, в декабре число учащихся выросло до 25 человек. Учебными книгами в школе являлись букварь Н.И. Золотницкого и учебники, изданные Н.И. Ильминским. С декабря 1867 г. учителю Е. Петрову было назначено жалование в размере пяти рублей от братства св. Гурия. По оценке Н.И. Золотницкого, ученики «охотно шли учиться в школу», в которой обучение велось на чувашском языке [3. С. 26–28].

Отчеты братства св. Гурия позволяют охарактеризовать развитие сети школ для нерусских народов в рассматриваемый период. Согласно отчету, в 1870 г. в Казанской губернии насчитывалось 10 чувашских «братских» школ, в которых обучалось 160 учащихся [16. С. 49]. Учителя в них назначались по рекомендации Н.И. Золотницкого. Из них три школы содержались на средства братства. Школа в д. Атлаши Чистопольского уезда получала ежемесячно по пять рублей, в д. Большие Яльчики Тетюшского уезда – по 13 руб., в дер. Шемердяны Мамадышского уезда – по 10 руб. [16. С. 49]. По оценке И.А. Износкова, в д. Атлаши во время открытия школы все жители, чувашаи, были некрещеные и сам учитель С.Н. Тимрясов, назначенный по совету Н.И. Ильминского, был из некрещеных чувашей. При осмотре школы в 1873 г. директор народных училищ отметил, что она «в короткое время успела благотворно повлиять на местное инородческое население, нашла сочувствие у местного населения и вызывала доверие к учителю» [5. С. 4].

Согласно отчету братства св. Гурия, в октябре 1867 г. были открыты школы в Козьмодемьянском уезде. В 1870 г. насчитывалось 11 «братских» школ для марийцев в Казанской губернии [16. С. 261].

В 70–80-х гг. очевидной являлась нехватка школ для мордовского населения. По данным И.А. Износкова, в Тетюшском уезде Казанской губернии в 1878 г. проживало 4805 мордвин, но школ для них не было организовано [6. Оп. 1. Д. 37. Л. 3-4].

После принятия в 1870 г. системы Н.И. Ильминского началось развитие сети удмуртских школ. В 1881 г. при общей численности удмуртов в Казанском уезде менее 1000 (точнее – 926) для них работало три школы братства св. Гурия [6. Оп. 1. Д. 37. Л. 3–4].

По данным отчета министра народного просвещения, в 1876 г. в Казанском учебном округе работало 22 двухклассных, 2123 сельских одноклассных училища [18]. Наибольшее распространение получили школы Министерства народного просвещения, земские, церковноприходские, а также «братские», миссионерские и школы грамоты.

Справочно-статистические материалы о народных училищах, опубликованные в Казани, раскрывают материальное положение различных типов школ Казанской губернии в 80-х гг. XIX в. Анализ данных позволяет сделать вывод о том, что «братские» школы в плане материальной обеспеченности были беднее земских школ, особенно школы, расположенные в «инородческих» селениях. Такие школы получали от братства 60–120 руб. в год. Учителя в них получали зарплату от 50 до 100 руб. в год, в основном из тех средств, которые выделялись на содержание школ. «Братские» школы, в основном, размещались в частных квартирах. Некоторые из них имели собственные дома (крещенотатарские школы в дер. Колькумеры и д. Альбедино Лаишевского уезда, в д. Баймурзино Тетюшского уезда). Классные помещения в них не отличались от других школ.

В более выгодном положении оказывались школы, располагавшиеся в селениях, где вместе с нерусским населением проживали русские. Дополнительно к средствам, поступающим от братства, они получали средства от сельских обществ (в д. Ковали Лаишевского уезда, с. Лебедино Спасского уезда), от частных лиц (в с. Лебедино Спасского уезда, с. Янсавары Лаишевского уезда). Некоторые школы помещались в собственных домах, построенных на средства частных лиц или сельского общества (крещенотатарские школы в дер. Янасал (на средства дворянина, землевладельца А. Степанова), в д. Янсавары (на средства купца П.В. Щетинкина), в д. Ковали (на средства сельского общества). Классные помещения в них не отличались от остальных «братских» школ. Учителя получали в год от 60 до 120 руб. Некоторым из них платили меньше или больше этих сумм: учитель в с. Лебедино Спасского уезда получал 30 руб., а учитель в с. Янсавары получал 150 руб. в год. Часть школ, находившихся на содержании братства, переходила на содержание земств, например, школа в с. Уреево-Челны Лаишевского уезда в 70-е гг. была передана в ведение земства [13].

Опубликованные статистические материалы свидетельствуют о том, что лучше в материальном отношении были обеспечены земские школы. Им выделялись средства на содержание от земств в размере от 60 до 190 руб. в год и учебные пособия. Заработная плата учителей составляла от 120 до 180 руб. в год. Исключение составляло земское училище в дер. Старые Карабаяны Лаишевского уезда, где учитель получал 60 руб. в год, училище размещалось в собственном доме учителя. Земские училища, в которых совместно с нерусскими детьми обучались русские, получали 230–350 руб. в год, учебные пособия от земств, а также небольшие суммы на хозяйственные нужды школ – от сельских обществ. Зарплата учителей в них была равна 175–180 руб. в год. Они размещались в собственных домах, построенных на средства сельских обществ (крещенотатарская школа в с. Уреево-Челны Лаишевского уезда), на средства частных лиц (крещенотатарская школа в дер. Верхние Козылы Лаишевского уезда, построенная на средства крестьянина Н. Дементьева). Размеры классных помещений в земских училищах мало отличались от «братских» школ [13].

По составу учеников школы делились на «инородческие» и совместного обучения детей русских и «инородцев». В «братских» школах обучалось в среднем 30 учащихся, в земских – более 40 учащихся [13].

Динамику численности школ помогают представить отчеты Казанского епархиального училищного совета. Роль церковных лиц в руководстве школами [4], подготовке соответствующей отчетной документации [2. С. 36] вызывает интерес современных исследователей. Согласно отчетным данным, в Казанской губернии в 1892/93 учебном году насчитывалась 1191 школа, в том числе: 576 – ведомства Министерства народного просвещения и земства, 243 школы грамоты, 237 церковноприходских, 135 «братских». В каждом из 537 приходо-в имелась хотя бы одна школа [15. С. 4]. Таким образом, к началу 1890-х гг. в сравнении с 70-ми гг. XIX в. возросла сеть начальных школ. Данные позволяют сделать вывод о том, что наибольшее распространение в губернии получили министерские и земские школы. За ними шли школы грамоты, количество которых возрастало за счет перевода в их число церковноприходских школ. На последнем месте находились «братские» школы. Программа министерских и земских «инородческих» школ для нерусских народов не отличалась от начальных русских школ, за исключением преподавания родного языка, поэтому при составлении статистических данных «инородческие» школы не выделялись из числа русских. Учет велся в целом по всем школам Министерства народного просвещения и земств.

В пределах губерний распределение количества школ по национальностям было неравномерным. Например, в 1898 г. в Самарской губернии насчитывалось 300 церковноприходских школ для нерусских народов, в том числе: 168 мордовских (из них только в 20 было введено преподавание на родном языке), 126 чувашских, остальные 6 – крещенотатарские и удмуртские. В них обучалось 10 тыс. человек, а именно: 3740 человек мордовской национальности, 6 тыс. чувашей, 200 крещеных татар, 60 удмуртов [14].

Несмотря на постоянный рост сети начальных «инородческих» училищ в 70–90-х гг. XIX в., их нехватка была очевидной, что было характерно и для сельского русского населения. Однако для нерусских народов эта проблема была выражена острее.

В этом плане характерно письмо директора Казанской инородческой учительской семинарии Н.А. Бобровникова попечителю Казанского учебного округа от 20 июня 1897 г., в котором он писал: «Из отчетов уездных училищных советов о состоянии народных училищ в уездах Казанской губернии видно, что среди русского населения одно училище приходится на 1100 человек об[оего] п[ола], среди инородческого населения на одно училище – 3800 человек. Кроме того, (русские. – А.П.) училища М[инистерства] н[ародного] п[росвещения] и уездные (земские. – А.П.) прекрасно обставлены, как в материальном, так и в учебно-воспитательном отношении. Они имеют собственные помещения, в достаточном количестве снабжены учебными пособиями. Учителя в них получают приличное вознаграждение. Совсем в другом положении находятся школы для инородческих детей. Большая часть этих школ помещается в наемных квартирах, в крестьянских избах. Большинство этих школ нуждается в учебниках и учебных пособиях; при них отсутствуют библиотеки. Учителя этих школ получают 40-100 руб. в год» [17. Оп. 1. Д. 556. Л. 97]. Такая оценка была приемлема не только в отношении школ Казанского учебного округа, она относилась к большинству нерусских школ восточной России в рассматриваемый период.

Согласно отчету о состоянии церковноприходских школ и школ грамоты Казанской епархии за 1891/92 учебный год, в Казанской губернии насчитыва-

лось детей «инородцев-христиан» от восьми до 14 лет 204 065 человек. Из этого числа: в церковноприходских школах обучалось 8927 (7287 м., 1640 д.), в школах грамоты – 6513 (5289 м., 1224 д.), всего 15 410 человек. В «братских» школах числилось 4700 учащихся; в школах Министерства народного просвещения и земства – 35 тыс. В конечном счете около 150 тыс. детей школьного возраста оставалось вне школы [10].

Согласно отчету Казанского епархиального училищного совета за 1892/93 учебный год, в Казанском учебном округе в каждой министерской и земской школе обучался в среднем 61 ученик, на одну церковноприходскую школу приходилось около 40 учеников, на одну «братскую» – 37 и школу грамоты – 30 учащихся [15. С. 6].

Отчетные данные говорят о ежегодном увеличении числа учащихся, окончивших курс начальных училищ. В 80-х гг. XIX в. в уездах Симбирской губернии, населенных чувашами, заканчивали курс около 10% всего числа учащихся. Эта цифра признавалась учебным начальством приемлемой [11. С. 98]. Немногим более выпусков давали в 80–90-х гг. начальные школы Казанской губернии. Например, в 1893 г. в церковноприходских школах губернии обучалось 9291 человек. Из них окончили курс 1234 человека (13%), в том числе: 1031 ученик (на 99 человек больше, чем в предыдущем году) с правом на льготу по отбыванию воинской повинности, 30 – без права на эту льготу и 183 девочки со свидетельствами об окончании курса в церковноприходских школах. В том же году школы духовного ведомства в уездах, населенных чувашами, окончили 522 человека, в том числе: в Свияжском – 78, Тетюшском – 137, Цивильском – 115, Чебоксарском – 49 и Ядринском – 103 [15. С. 37–38].

Использование системы Н.И. Ильминского было официально разрешено в «инородческих» школах с 1870 г. Своей спецификой отличался процесс обучения в чувашских школах. По отчетным данным, в 70-х гг. XIX в. в чувашских школах преобладал трехлетний курс обучения, родной язык изучался в течение первого года. В 1879 г. в чувашской школе с. Баймурзино Буинского уезда Симбирской губернии занятия родным и русским языками были организованы следующим образом: учащиеся младшего отделения читали, пересказывали тексты на родном языке; ученики среднего отделения прочитывали статью на русском языке и пересказывали ее с использованием родного языка; в старшем отделении обучение велось на русском языке. При обучении русскому языку в младшем отделении использовался родной язык. Ученики, изучив русский алфавит, упражнялись в «разложении слов на буквы», составлении из них новых слов; в письме и чтении, при этом для объяснения учитель и ученики часто обращались к чувашскому языку [12. С. 114].

В 80-х гг. XIX в. в чувашских школах, в отличие от остальных «инородческих» школ, устанавливался четырехлетний курс обучения. Он делился на два отделения, преподавание родного языка велось в продолжение первых двух лет. В ходе обучения русскому языку использовался двуязычный метод.

При характеристике учебного процесса в чувашских школах может быть использовано расписание уроков на первое полугодие 1886/87 учебного года в одноклассном училище Министерства народного просвещения в с. Сиктерма Спасского уезда Казанской губернии. Согласно расписанию, по понедельникам с 8 до 12 часов в первом отделении предусматривались занятия по арифметике, чтению, письменная работа и «диктовка», во втором отделении «диктовка», чтение, «звуковой метод» (устные занятия по русскому языку), письмо. По вторникам: в первом отделении – чтение, письменная работа, повторительное чтение, чистописание, во втором – письменная работа, арифметика, «звуковой метод», пись-

мо. По средам: в первом – два занятия по арифметике, чтение, черчение; во втором – чтение, два занятия по арифметике, черчение. По четвергам: в первом – чтение, письменная работа, «диктовка», чистописание, во втором – арифметика, «звуковой метод», письмо, «диктовка». По пятницам: в первом – арифметика, чтение, письменная работа, повторительное чтение, во втором – чтение, письменная работа, «звуковой метод», письмо. По субботам: в первом – «списывание», арифметика, чтение, пение, во втором – «звуковой метод», арифметика, письмо, чтение. Кроме того, ежедневно во всех отделениях с 14 до 15 часов были предусмотрены занятия по Закону Божию [1. Оп. 1. Д. 48. Л. 15].

Таким образом, источники по изучению истории развития школьного образования нерусских народов Среднего Поволжья в 70-90-х гг. XIX в. многообразны. Среди них наиболее важное значение для освещения проблемы имеют труды Н.И. Ильминского, раскрывающие историю организации Казанской школы и сети сельских школ для крещеных татар, их численность, материальную обеспеченность и роль в деле христианского просвещения «инородцев».

Важное значение имеют труды известных деятелей народного просвещения, современников и сторонников Н.И. Ильминского, в которых также отражаются вопросы развития сети «инородческих» школ и применения в них системы обучения на родном языке, предложенной Н.И. Ильминским и официально утвержденной в 1870 г.

Большой интерес в плане изучения вопроса о развитии сети школ для нерусских народов представляет отчетная документация, в том числе отчеты о деятельности братства св. Гурия. Динамику численности школ и роста числа учащихся помогают проследить отчеты Казанского епархиального училищного совета. Отчеты министра народного просвещения представляют итоговые данные, касающиеся изучаемой темы.

Серьезного внимания при изучении темы заслуживают справочно-статистические материалы о народных училищах, характеризующие финансовую и материальную обеспеченность школ по различным типам. Архивные материалы позволяют вводить в оборот новые научные факты, помогают полнее и ярче представить картину жизни «инородческих» школ в рассматриваемый период.

Литература

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 501. Оп. 1. Д. 48. Л. 15.
2. *Евдокимова А.Н.* Духовная консистория, правление и благочинные священники в структуре управления Русской Православной Церкви на территории Чувашского края в XIX веке // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 31–38.
3. *Золотницкий Н.И.* Отчет инспектора чувашских школ за 1867 год // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. 140. Отд. 4. С. 12–28.
4. *Зотиков А.В., Кудрявцева А.Е.* Осуществление архиерейского надзора над церковноприходскими школами в Российской империи в конце XIX века // Научные исследования: от теории к практике: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 12 февр. 2017 г.): в 2 т. Т. 1. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. № 1(11). С. 42–44.
5. *Износков И.А.* Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края. М., 1895. 112 с.
6. *Износков И.А.* Распределение сельского населения Казанской губернии по народностям и вероисповеданиям по сведениям 1878 г. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 968. Оп. 1. Д. 37. Л. 3–4.
7. *Ильминский Н.И.* О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещенотатарской школе. Казань, 1913. 135 с.
8. *Ильминский Н.И.* Сведения о крещенотатарских школах. Казань, 1870. 22 с.
9. *Ильминский Н.И.* Школа для первоначального обучения детей крещеных татар в Казани // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. 134. Отд. 4. С. 293–328.
10. Краткий отчет о состоянии церковноприходских школ и школ грамоты Казанской епархии за 1891/92 учебный год. Казань, 1893. С. 1.

11. Начальное народное образование в Симбирской губернии с 1869 по 1879 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Ч. 209. Отд. 4. С. 89–107.
12. Начальные училища Буинского уезда Симбирской губернии в марте 1879 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. 205. Отд. 4. С. 90–112.
13. Народные училища Казанской губернии. Материалы к истории народного образования. Казань, 1887. С. 21–96.
14. Общий очерк состояния инородческих школ Самарской губернии за 1896/97 – 1897/98 учебные годы // Сборник разных статей. СПб., 1910. С. 2–3.
15. Отчет Казанского епархиального училищного совета за 1892/93 учебный год. Казань, 1894.
16. Отчет деятельности братства св. Гурия с 4 октября 1869 по 4 октября 1870 года // Известия по Казанской епархии. 1871. № 3. С. 55–86.
17. Письмо Н.А. Бобровникова попечителю Казанского учебного округа от 20 июня 1897 года // НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 556. Л. 97.
18. Приложения к отчету министра народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Ч. 214. Отд. 1. С. 48–49.

ПАВЛОВА АЛЕВТИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (arhidok2008@mail.ru).

A. PAVLOVA

**PUBLISHED AND DOCUMENTARY MATERIALS
ON DEVELOPMENTAL HISTORY OF SCHOOL EDUCATION
FOR NON-RUSSIAN PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA
IN THE 70–90s OF THE XIX CENTURY**

Key words: *published materials, archival documents, school education, non-Russian peoples, «non-Slavic» schools, native language in education.*

The sources for studying developmental history of school education for non-Russian peoples of the Middle Volga region are studied. The published materials are diverse. Among them the works of N.I. Ilminskiy and other education figures are very important for the problem being examined. These works reveal the history of school organization in Kazan and country schools for non-Russian peoples, their number and material security, their role in education. Records have a great significance in studying the growth of the number of schools and their pupils. Reference-statistical findings characterize financial provision and material security in different types of schools. Archival documents reveal new scientific facts, help to characterise the position of non-Russian schools in the period considered.

References

1. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 501 [The State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 501].
2. Evdokimova A.N. *Dukhovnaya konsistoriya, pravlenie i blagochinnnye svyashchenniki v strukture upravleniya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi na territorii Chuvashskogo kraja v XIX veke* [Ecclesiastical consistory, board and rural deans in the system of Russian orthodox church management in XIX century Chuvash Region]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 2, pp. 31–38.
3. Zolotnitskii N.I. *Otchet inspektora chuvashskikh shkol za 1867 god* [The report of the Chuvash school inspector for 1867 year]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Chast' 140. Otdel 4* [Periodical of Ministry of national education. Part 140. Section 4], St. Petersburg, 1867, pp. 12–28.
4. Zotikov A.V., Kudryavtseva A.E. *Osushchestvlenie arkhieireiskogo nadzora nad tserkovnoprihodskimi shkolami v Rossiiskoi imperii v kontse XIX veka* [The episcopal supervision of parochial schools in Russian empire in the end of XIX century]. *Nauchnye issledovaniya: ot teorii k praktike: materialy KhI Mezhdunar. nauch-prakt. konf. (Cheboksary, 12 fevr. 2017 g.): v 2 t. T. 1.* [Proc. of XI Int. Sci. Conf. «The scientific research: from theory to practice». 2 vols. Vol. 1]. Cheboksary, Interaktiv plus Publ, 2017, pp. 42–44.
5. Iznoskov I.A. *Materialy dlya istorii khristianskogo prosveshcheniya inorodtsev Kazanskogo kraja* [The materials for history of the non-Russian population Christian education of Kazan kraii]. Moscow, 1895, 112 p.
6. Iznoskov I.A. *Raspredelenie sel'skogo naseleniya Kazanskoi gubernii po narodnostyam i veroispovedaniyam po svedeniyam 1878 g.* [The national and religion distribution of Kazan province rural

population according to data of 1878]. In: *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 968* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 968].

7. Ilminskiy N.I. *O sisteme prosveshcheniya inorodtsev i o Kazanskoj tsentral'noi kreshchenotarskoj shkole* [About the non-Russian nationalities system of education and the Kazan central school of Christian Tatars]. Kazan, 1913, 135 p.

8. Ilminskiy N.I. *Svedeniya o kreshchenotatarskikh shkolakh* [The information of schools for Christian Tatars]. Kazan, 1870, 22 p.

9. Ilminskiy N.I. *Shkola dlya pervonachal'nogo obucheniya detei kreshchenykh tatar v Kazani* [The primary school for Christian Tatars in Kazan]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Chast' 134. Otdel 4* [Periodical of Ministry of national education. Part 134. Section 4]. St. Petersburg, 1867, pp. 293–328.

10. *Kratkii otchet o sostoyanii tserkovnoprikladnykh shkol i shkol gramoty Kazanskoj eparkhii za 1891/92 uchebnyi god* [The brief essay about of parochial and read and write schools condition of Kazan eparchy for 1891/92 school year]. Kazan, 1893, p. 1.

11. *Nachal'noe narodnoe obrazovanie v Simbirskoi gubernii s 1869 po 1879 gg.* [The primary people's education in Simbirsk province from 1869 to 1879]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Chast' 209. Otdel 4* [Periodical of Ministry of national education. Part 209. Section 4]. St. Petersburg, 1880, pp. 89–107.

12. *Nachal'nye uchilishcha Buinskogo uyezda Simbirskoi gubernii v marte 1879 goda* [The primary schools of Buinskiy uyezd in Simbirsk province in March at 1879]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Chast' 205. Otdel 4* [Periodical of Ministry of national education. Part 205. Section 4]. St. Petersburg, 1879, pp. 90–112.

13. *Narodnye uchilishcha Kazanskoj gubernii. Materialy k istorii narodnogo obrazovaniya* [People's schools of Kazan province. Materials for public education history]. Kazan, 1887, pp. 21–96.

14. *Obshchii ocherk sostoyaniya inorodcheskikh shkol Samarskoj gubernii za 1896/97 – 1897/98 uchebnye gody* [General essay of non-Russian nationalities schools status in Samara province for 1896/97 – 1897/98 school years]. *Sbornik raznykh statei* [Collection of various articles], St. Petersburg, 1910, pp. 2–3.

15. *Otchet Kazanskogo eparkhial'nogo uchilishchnogo soveta za 1892/93 uchebnyi god* [The report of Kazan eparchial school council for 1892/93 school year]. Kazan, 1894.

16. *Otchet deyatelnosti bratstva sv. Guriya s 4 oktyabrya 1869 po 4 oktyabrya 1870 goda* [The report St. Gurias community from 4 Oct 1869 to 4 Oct 1870]. *Izvestiya po Kazanskoj eparkhii* [Bulletin of Kazan diocese], 1871, no 3, pp. 55–86.

17. *Pis'mo N.A. Bobrovnikova popechitel'yu Kazanskogo uchebnogo okruga ot 20 iyunya 1897 goda* [The letter of N.A. Bobrovnikov to the administrator of Kazan school district at 20 Jun 1897]. In: *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 93* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 93].

18. *Prilozheniya k otchetu ministra narodnogo prosveshcheniya* [Appendix to the minister of national education report]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Chast' 214. Otdel 1* [Periodical of Ministry of national education. Part 214. Section 1]. St. Petersburg, 1877, pp. 48–49.

PAVLOVA ALEVTINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (arhidok2008@mail.ru).

Ссылка на статью: Павлова А.Н. Опубликованные и документальные материалы по истории развития школьного образования нерусских народов Среднего Поволжья в 70–90-х годах XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 121–128.

УДК 39
ББК 63.5

А.К. САЛМИН

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ ПЕРСОВ НА ЧУВАШЕЙ

Ключевые слова: персы, обряды, верования, Кавказ, савиры, чуваш.

Влияние религии персов на Юго-Западную Азию и Восточную Европу не оспаривается. Исследователи пишут о южноиранском потоке, который шел с юга от парфян, от Персии и Закавказья, и североиранском пути, шедшем через Хорезм на Волгу. Например, из трех основных этнических и политических образований в Восточной Европе (аваров, болгар и хазар) болгары оказались под наиболее сильным влиянием иранской традиции. Это влияние наиболее четко заметно в именах болгарских правителей. Сюда же относятся раннесредневековые храмы огня на территории современной Болгарии (в Плиске, Мадаре и Преславе), которые имеют неоспоримое иранское происхождение. В статье рассматривается персидское влияние на традиционные обряды и верования племен (и народов) Восточной Европы, в том числе – савиров (и чувашей).

Термин *тён* пришел к савирам и чувашам из персидского языка в значениях «религия, вероисповедание, право». Та же семантика этого слова в авестийских, согдийских и вавилонских памятниках, а также в китайском, арабском, арамейском, древнееврейском, таджикском и других языках. Например, в авестийских источниках *даэна* значит «правильная, зороастрийская религия» [22. С. 299]. Отсюда – *Денкарт* «свод религиозных предписаний», ср. чуваш. *тён* «религия» + *карт* (букв. «зарубка») = «письмена на бирке».

Особый интерес вызывают места для проведения молений у народов, населявших Переднюю Азию в последние века до н.э. В этом регионе, в основном, соблюдались иранские традиции, ибо в интересующий нас период здесь располагалась Персидская держава. Поэтому мы должны учесть, что ни «Веды», ни «Авеста» не знали сакральных сооружений. С середины VI в. до н.э. ведущая роль в иранском мире стала принадлежать персам, которые сокрушили владычество мидян и создали державу династии Ахеменидов [14. С. 64–93]. Об их религиозных обычаях оставил сведения Геродот. Согласно отцу истории, у персов традиций воздвигать статуи, храмы и алтари не было. Для жертвоприношений они выбирали неоскверненное место: здесь они разрезали на части жертвенное животное, варили мясо, которое раскладывали на свежую траву. А маг совершал моление, обращаясь к огню. О том же писал Страбон.

Естественно, усиление влияния Византии через Албанскую церковь в Закавказье вызывало сильное беспокойство шахского двора, издавна насильственно насаждавшего здесь зороастризм. Поэтому шах Ирана Иездигерд II во всех своих владениях в Армении издал указ следующего содержания: «Чтобы все народы и нации, мне подвластные, немедленно бросили свои ложные религии; чтобы все обратились к единому поклонению солнцу, признали его богом, приносили жертвоприношения приличные и были бы все готовы явиться, куда призовет их служение огню, и во всем и в точности исполняли закон магов». С этой целью он направлял свои полчища на провинции Армении. «Не случайно освободительное движение в Закавказье, как правило, носило религиозный характер и было направлено как против политического господства Ирана, так и против его государственной религии» [9. С. 87]. На этой основе возникли войны. Албанцы и армяне сопротивлялись, как могли. В целях предотвращения святотатства на церковь они объединяли силы. Агафий, описывая события последнего десятилетия V в., отмечал, что армяне боялись мести Кавада за разрушение храмов огня, но не намерены были подчи-

ниться. Тогда Кавад собрал войска и взял верх. Тем не менее он обещал, что не станет принуждать к почитанию огня, если армяне будут его союзниками против ромеев. Из боязни репрессий армяне согласились.

Одним из отличительных обрядов зороастрийцев был погребальный. Например, Агафий оставил рассказ о прощании с полководцем Мермеросом (VI в.). Обнаженное тело героя близкие вынесли за город и оставили по обычаю предков на растерзание нечистым псам и птицам, которые питаются трупами. Если птицы и собаки не прикасались к телу, то такой человек, считали, был порочных нравов. Тяжелобольных простолюдинов выносили за город еще дышащих и находящихся в сознании, рядом с ними клали кусок хлеба, воду и палку, чтобы те защищались от хищников. Нередко эти отверженные возвращались домой. О следах зороастризма и о данном конкретно обряде в Армении, Азербайджане и Дагестане писали многие средневековые историки. Например, Ибн-Русте и Гардизи. Прямые его рудименты находим и в Волжской Булгарии через четыре столетия после упоминания об этом в трудах Агафия. Ибн-Фадлан, в частности, подметил: «Если заболит из их числа человек, ... никто из его домочадцев не приближается к нему. Для него разбивают палатку в стороне от домов, и он остается в ней до тех пор, пока не умрет или не выздоровеет. Если же он был рабом или бедняком, то они бросают его в дикой местности и отъезжают от него» [13. С. 128]. Выживший в такой ситуации человек возвращался домой, в противном случае он оставался на растерзание зверям и птицам. О ком идет речь у Ибн-Фадлана (о булгарах, сувах или эскелах) – неизвестно. Впрочем, обычай вкладывать в руку умершего палку для защиты от злых духов четко зафиксирован у чувашей. С этой целью использовали какой-либо прутик, чаще – таволговый. Чувашаи заготавливали ее задолго до своей кончины, что свидетельствует о традиционной вере в ее защитную функцию. Например, в начале XX в. в д. Трехизб-Шемурша (Буинский уезд) берегли таволговые прутики на случай смерти. В качестве заменителей таволги могли выступать мордовник, красная полынь или какая-нибудь засохшая жесткая трава. В тех же целях могли вложить в руку покойника тупой нож [20. С. 188–189].

Зороастризм на Кавказе имел место как в древности, так и в раннее средневековье. В том числе в Дагестане – родине савиров. Исследователи указывают на следы зороастризма в с. Кубачи и близлежащих селениях, а также в Дербенте. В исторических сочинениях Кубачи упоминается в связи с событиями, относящимися к VI в. н.э., под названием Зирихгеран, что означает «кольчугоделатели». Зирихгеран являлся крупнейшим для того времени центром изготовления оружия и для персов имел стратегическое значение. Поэтому насильственное распространение здесь зороастризма проводилось целенаправленно. Об этом источники (ал-Гарнати, ал-Казвини) свидетельствуют однозначно. Курганообразные холмы-дахмы близ с. Кубачи сохранились и по сей день [17. С. 209–215].

Р.М. Юсупов писал о надгробных деревянных срубках у башкир. По его мнению, такие сооружения «свидетельствуют о бытовании в глубокой древности у предков башкир обряда наземных форм выставления покойников внутри срубка с целью отделения мягких тканей от скелета мелкими хищниками и птицами и дальнейшего погребения чистых костей в землю» [26. С. 60–61]. Конечно, речь идет о зороастрийской идеологии в религиозных воззрениях предков башкир, также являвшихся жителями Волжской Булгарии. Тут уместно привести мнение Агафия: «Совершенно очевидно, что каждый народ считает лучшим и справедливейшим тот обычай, к которому привык за долгое время его существования, а поэтому избегает, осмеивает и не доверяет всему тому, что делается в его нарушение» [2. С. 70].

«У них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют. О будущем они гадают странным образом: собирают прямые ивовые прутья, в определенное время раскладывают их с какими-то тайными наговорами и таким образом ясно узнают, что им предвещается» [4. С. 263]. Идолопоклонниками назвал основное население аланов и Гардизи. Констатацию этого факта Аммиана Марцеллина в 375 г. в целом можно применить как к гуннам, так и к савирам. Для них объектом поклонения служили отдельно стоящие деревья и другие примечательные объекты ландшафта. В это время на Северном Кавказе христианство еще не имело силу.

Исследователи религии аланов V–IX вв. обращают внимание на динамику количества и разнообразия амулетов-оберегов в катакомбах того времени. В V в. такие амулеты представляли собой бусы, браслеты, кольца, серьги, бронзовые зеркала и т.д. Тогда обереги носили 32% населения. В VI в. по северному шелковому пути в Аланию активно проникает христианство из Византии. В это время появляются амулеты в виде птицевидных фибул. К VII в. вводятся бронзовые амулеты местного производства (миниатюрные зеркала, кольца с птичьими головками, кольца с шишечками, а также фигурки оленей и быков). В этих оберегах обозначались культы солнца и неба. В VII в. число людей, носивших амулеты, достигло 54% (в том числе среди женщин – 81%). В VIII–IX вв. на амулетах усилились земледельческие символы. В VIII в. на аланской территории возникают святилища. Например, на Маяцком городище, Мокрой балке, Хумаринском городище. Тогда же божества начинают приобретать человеческие черты и, как и люди, нуждаются в жилище [3. С. 6–7]. Как известно, в VIII в. как болгары, так и савиры еще продолжали обитать на Северном Кавказе и включались в тесные взаимоотношения с аланами и носителями салтово-маяцкой археологической культуры в целом, что позволяет говорить о сходных религиозных взглядах.

Согласно источникам, своих древних традиций придерживались буртасы. По крайней мере, к началу X в. среди них не было ни мусульман, ни христиан. Замечание Якута о приверженцах ислама среди этого народа основано на недоразумении, а слова Истахри о булгарах были ошибочно перенесены на буртасов [7. С. 868]. Их традиции Ал-Бекри и Джейхани (Jayhānī) считали сходными с верованиями гуззов (огузов) [27. Р. 99]. На уровне реконструкции допустимо, что и персоязычные буртасы вели зороастрийский образ жизни, но в X в. они частично приняли ислам.

Известно также, что божество Солнце характеризует верования скифов, почиталось оно и массагетами. Эти народы, как и савиры, приносили в жертву Солнцу лошадь. Персы почитают воду, не моют ею даже лицо и другим образом не касаются, за исключением питья и поливки растений, писал Агафий.

Гунно-савиры, жившие в VII в. на Кавказе, думали, что почитаемое ими божество *Куар* производил искры громоносных молний и эфирные огни. Когда молния поражала человека, они приносили этому божеству жертву. Таким образом, *Куар* у «гуннов, называемых савирами» – это божество молнии. Слово *кăвар* относится к самому древнему пласту чувашской лексики и имеет этимологические параллели в иранских, европейских, тюркских, кавказских, финно-угорских, балтийских и других языках. В грузинской религии божество *Квириа* управляет огнем. «У мгрелов *k+var-i* ‘колобок’, ‘хлебец’, ‘лепешка’, в частности ‘культовая’, св. *kvar* (тавр. говор) ‘хлебец’... св. *kver-ōl* (халд. говор) ‘маленький хлебец’, обыкновенно выпекаемый для детей, ...раньше, несомненно, имевший значение ‘жертвенного хлеба’» [18. С. 265]. Укажем также на афганское *фвар* «яркий» (о пламени). *Куар* (*Куэра*, *Куера*) называют божеством индо-

европейского происхождения. Оно было принесено ираноязычными племенами на Армянское нагорье и вошло в мифологическую систему дохристианской Армении. Иранские племена принимали участие в этногенезе армянского народа еще в IX–VII вв. до н.э. И позже до VII в. н.э. кочевые племена иранского мира вливались в народности, проживавшие в Армянском нагорье [6. С. 266, 285]. В качестве раннего источника этого слова исследователи указывают на язык Авесты. П.И. Лерх в рецензии на книгу «История агван», в частности, писал о том, что *Куар* напоминает иранское слово и ссылаясь на авестийское *hvare*, означающее «солнце» [15. С. 490]. В.И. Абаев находил это слово у осетин в форме *xur/xor* и у персов в форме *xwar* [1. С. 246–248]. И.М. Стеблин-Каменский, кроме древнеиранского *hvar* и согдийского *xwr*, указывает на варианты из ваханского языка и из языков шугнано-рушанской группы: *hvar* «солнце», *xəwūr* «солнцепек» и *hvar tāpana* «время около полудня» [21. С. 415, 426]. Таким образом, подтверждается гипотеза В.Г. Егорова о родстве чувашского *кăвар* с древнеиранским понятием «солнце». В этой связи лингвист напомнил древнее название *Хорезма*: персы называли его *Хуваразмиш*, арабы – *Хваризм*, т.е. «солнечная страна» [11. С. 57]. Варианты слова *кăвар* зафиксированы в IX в. Ибн Хордадбехом: *ал-Хаварустан* (город в иранской провинции Шираз), *Кувар* (округ и город в Иране). Если учесть, что у чувашей божество грома – это *Аслати*, то понятию *Кăвар* соответствует божество молнии у гунно-савиров. По этой же причине нуждается в корректировке утверждение А.Б. Булатова и В.Д. Дмитриева о том, что саварскому божеству молнии и грома *Куара* соответствует *Аслати Турă* [8. С. 233]. Как видим, несмотря на то, что *Кăвар* у савиров символизировал молнию, а также имел этимологическую и функциональную связь с божеством *Хёвел* «Солнце», эти два понятия в последующем не закрепились за ним. Оказавшись в X в. на правом берегу Волги, савары окончательно стали оседлыми земледельцами, а за божеством *Кăвар* утвердили функцию покровителя очага и семейного благополучия. При этом исконная семантика сохранилась.

Если сразу молния, но при этом человек останется в живых, то осетины его закапывали в землю [10. С. 347]. Аналогично поступали чувашаи. Но что здесь первично: семантика захоронения или рациональный момент? Чувашаи, например, полагали, что таким образом электрический заряд переходит из человека в землю.

В верованиях чувашей имеет место божество *Аша* или *Аша турă*. Соответствует авестийскому понятию «Аша – порядок, истина, справедливость (принцип, правящий всем миром)» [23. С. 334]. Корень чувашского слова – *аш*, т.е. «переходи, преодолевая препятствия (обычно в виде воды, грязи)». В киргизском *ас*, алтайском, башкирском и татарском *аш* означает то же самое: «через, сверх, перейти». Полное совпадение этих терминов наблюдается и на семантическом уровне.

Аша как в чувашском пантеоне, так и в авестийских гимнах является символом разума и наилучшего распорядка. *Айван ашана каşар пире* «Прости нам наше неразумие», – говорят чувашаи в молениях. Авестийцы воспевали свое божество *Аша* в специальном гимне «Аша Вахишта-яшт». Поскольку зороастрийская религия в основе дуальная, божеству правды-праведности противостоит божество лжи *Друг*. Согласно зороастрийскому афоризму, «Есть лишь один путь, этот путь Аша, все остальное – беспутье». Как божество справедливости, *Аша* может благословить на праведные дела против зла и лжи.

Мост Чинват (= чуваш. мостик в обряде *юла*) могут перейти лишь те, кто является преданным последователем *аша* – правды и порядка, т.е. *аша* приравнивается ведическому *рта* – фундаментальному принципу индоиранской религии. *Аша* «Правда» является ближайшим помощником и опорой Ахура Мазды.

Поскольку любой человек – это всего лишь произведение Творца, а не божественная суть, то он склонен совершать ошибки и подвергаться соблазну. Поэтому рано или поздно придет время раскаяния. Божество *Аша* является тем лицом в пантеоне, к которому обращаются с просьбой простить за неразумные поступки, слова и мысли. Логично у него же просить разум и удачу. В словосочетании *Аша каҫар* слово *каҫар* буквально означает «переводи, способствуй переходу через трудное препятствие», а также приобретает переносное значение «прости». Так, в молитве по случаю инициирования дождя, в частности, говорят: «Есть известные нам (правила), есть и неизвестные, Аша, прости». В домашних молитвах во время еды каши в финале ритуала обязательно следует произнести: «Аша, прости нас». Позже смысл слова *Аша* был утерян, а выражение «Аша, прости» стали понимать только как «Пожалуйста, прости», «Прости из снисхождения», «Снисходительно прости».

В «Авесте» на этот счет имеются пространные толкования. Например, основательно объясняется, что перед *Аша* могут молиться только люди без физических и моральных изъянов.

Термин *Аша* в чувашских верованиях и мифологии часто встречается в сочетании *Аша патман карчӑк* «старуха Аша патман». Например, в лечебных заговорах: «Из-за Волги, из-за Суры пришла старуха Аша, она дует, она плюет: пусть ее дуновение, пусть ее плевание будут полезными, пусть не будет нужды больше дуть». Согласно одному из вариантов, старуха эта проживает в озере в темном лесу, а лес – в степи. Волосы у нее золотые (седые, серебряные, медные). Единственный во рту зуб – золотой (серебряный, железный), язык у нее стальной, посох железный, волосы медные, глаза жемчужные, а на *suplus'e* – единственный пух. Как писал Н.И. Золотницкий, «старуха эта, по своему значению, должна принадлежать к числу добрых земных божеств» [12. С. 177]. В Авесте *Аша* также женского пола.

Н.А. Андреев-Урхи вместо *патман* советовал читать *атман* и видел связь с древнеиндийским *Атман* (источник и носитель субъективного «Я») [5. С. 98]. Выходит, одни видят в мифической старухе божество, способное излечивать, а другие имеют в виду старуху, обладающую магической силой снимать сглазы и наговоры. В принципе, суть одна. К тому же, действительно, в чувашских текстах термин «старуха Атман» имеет место.

Ее лечение всегда имеет положительный исход. Она не фигурирует в ритуалах с отрицательными целями. Например, в тексте заговора, записанном в 1927 г. от Д. Падимировой Н.Я. Золотовым, снимать сглаз из-за Волги приходит старуха *Аша патман*. Волосы у нее золотые, зубы серебряные. Она является в виде грома и молнии, но она мощнее грома и молнии. В то же время в заговоре колдуньи, направленном на порчу, вместо *Аша патман* действует злой дух, а является он не из-за Волги, а сквозь три слоя преисподней. Его колдовство, наоборот, приносит облегчение самому злему духу, а адресату – невыносимый недуг.

Наличие в чувашских источниках термина *аша юпи* в значении центрального столба в доме дает возможность причислять божество *Аша* к домашним божествам. Ведь и авестийское понятие *аша*, и ведийское **arta-* : *rtá-* «персонифицированное божество истины» [19. С. 207] подразумевают слаженную жизнь в семье. Факт *аша юпи/уша юпи* также соотносится с авестийским божеством утренней зари *Ушахина*.

Аналогичный авестийскому демону *Aži Dahāka* в чувашских верованиях имеется дух *Аҫтаха*. Армянской формой является *Aždaha*, заимствованная из парфянского языка.

Совершенно одинаковое представление о домашнем змее у осетин и чувашей. Осетины их держали в жилых помещениях, поили молоком, ибо, со-

гласно верованиям, счастье и благополучие семьи зависят от живущих в доме змеев. Трогать и убивать домашних змеев категорически запрещалось. В некоторых горных селениях Осетии они свободно обитали во дворе. В основе такого благоговейного отношения к домашним змеям лежит представление о том, что в образе змеи дом посещает дух предков [25. С. 425, 427]. Аналогичное отношение к змею, обитающему в пределах домашнего хозяйства, было у чувашей. Они также ставили домашнему змею в укромном месте молоко. Он оберегал дом от бед. Обижать его категорически нельзя. Ибо он может покинуть такой дом, уведя с собой благополучие, достаток и изобилие.

К числу заимствованных персидских религиозных терминов следует отнести и понятие *эрне* «неделя, пятница» у чувашей. Бернат Мункачи возводил его к персидскому **ābīna* и объяснил изменение $\delta > z > r$ в чувашском [29. Р. 42–64]. В других персидских заимствованиях чувашского языка такое изменение не обнаруживается. Оно было характерно для персидского диалекта VII в. в окрестностях Баку и Дербента. Из него древние чуваша и заимствовали это слово в форме *эрне*. Как известно, пятница стала священным днем и для предков чувашей.

Некоторые иранизмы до сих пор бытуют в чувашских деревнях в виде прозвищ. Например, в д. Старое Ахпердино Батыревского района в недавнем прошлом жил Иван Салмин, более известный в народе как *Ахун Ванюк*. Естественно, *ахун* – слово персидское («старший мулла»), вошло оно через ислам и отражает исторические реалии.

В качестве гипотезы можно предположить, что савиры и предки ведийских и авестийских арий в истории имели культурно-религиозную общность или контакты. Таким контактным пространством были Передняя Азия и Кавказ, время – V в. до н.э. – VII в. н.э. Например, божество *Армази*, принесенное из Ирана, имело место в дохристианской Грузии [28. Р. 125], а в фольклоре чувашей имя этого божества сохранилось как название горы *Армаçи*.

Рассуждая об исконной религии народов Волжской Булгарии, А.Ф. Лихачев заметил, что «она в силу давности и посторонних влияний очень искажена, но и в том виде, в котором мы ее находим теперь у чувашей, она изобличает свое происхождение от древней парсийской религии и была занесена к булгарам из Персии, вместе с большим количеством слов персидского языка, доньяне оставшихся в языке чувашей» [16. С. 3]. Имело место влияние зороастрийской религии и через Согдиану (на древнеперс. *Suguda*; перс. *Sōgd*; тадж. *Sughd*, греч. *Суγуд*, на чувашском – название ряда деревень и речки *Сăкăм*).

Сумма проанализированных и не вошедших в рамки статьи фактов позволяет сделать предварительные выводы.

Экзоэтноним *савиры* происходит от персидского *sāvar* «всадник, наездник, умелый». С осетинами у чувашей общность даже на уровне этнонимов. Если на Кавказе предков чувашей называли *савиры/савары*, то в языке современных сванов сохранилось название древних осетин – *савиары*. Исследователь духовной культуры осетин Л.А. Чибиров подчеркивает, что имеются весьма существенные аграрные параллели осетин с чувашами, и видит в этом влияние на культуру чувашей скифов и сармато-алан [25. С. 556].

Прямые интенсивные контакты савиров с иранскими племенами (кроме персов, это – аорсы, аланы, осетины, дигорцы, массагеты, басилы и буртасы) имели место, по крайней мере, с V в. до н.э. по IX в. н.э. На Кавказе савиры установили тесные взаимоотношения с персидским миром.

Основу языка и культуры местного населения Кавказа до IX в. составлял иранский субстрат. Показательно слово «сковорода»: персид. *tabag* → чуваш. *тупа*. Здесь следует обратить внимание также на армянское *тапак/т^hава*. По-

этому вполне возможно, что слово к чувашам пришло еще в Закавказье. В конце III–II вв. до н.э. в Центральный Кавказ с Дона и из Нижнего Поволжья вторгаются ираноязычные племена – сарматы. Греческие и римские историки часто упоминают эти племена. Среди них – аорсы, одни из первых соседей савиrow на Северном Кавказе. Иначе говоря, савиры также подвергались глобальной иранской «переработке» – в антропологическом, культурном и лингвистическом отношениях.

Литература

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1979. Т. IV. 358 с.
2. *Агафий Миринейский.* О царствовании Юстиниана / пер., ст. и примеч. М.В. Левченко. М.: Арктос, 1996. 256 с.
3. *Албегова З.Х.* Этапы развития аланской религии в V–IX вв. // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Кисловодск: Наследие, 2000. С. 5–7.
4. *Аммиан Марцелин.* История / пер. В.В. Латышева // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I: Античные источники. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 259–266.
5. *Андреев (Урхи) Н.А.* Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели // Труды / НИИЯПИЭ. Чебоксары, 1975. Вып. 59. С. 91–113.
6. *Арутюнова-Фиданян В.А.* Божество *Куар* и «северные племена» // Цивилизация и варварство: Трансформация понятий и региональный опыт. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 266–296.
7. *Бартольд В.В.* Сочинения. М.: Наука, 1963. Т. II, ч. 1. 1024 с.
8. *Булатов А.Б., Дмитриев В.Д.* Параллели в верованиях древних савиrow и чувашей // Ученые записки / НИИЯПИЭ. Чебоксары, 1962. Вып. XXI. С. 226–236.
9. *Джафаров Ю.Р.* Гунны и Азербайджан. Баку: Элм, 1985. 124 с.
10. *Дмитриев В.А.* Культ молнии в полевых материалах А.А. Миллера по Северной Осетии 1923 г. // Лавровский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 343–348.
11. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
12. *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь. Казань: Имп. ун-т, 1875. 272 с.
13. *Ибн-Фадлан.* Книга // Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Ст., пер. и коммент. Харьков: Харьков. ун-т, 1956. С. 119–148.
14. *Кошелев Г.А., Гаубов В.А.* Ранняя сакральная архитектура иранских народов // Scripta antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М.: Собрание, 2015. Т. 4. С. 63–99.
15. *Лерх П.И.* Рец.: История агван Моисея Каганкатваца. СПб., 1861 // Известия Императорского археологического общества. СПб.: Тип. Имп. АН, 1861. Т. III. С. 479–499.
16. *Лихачев А.Ф.* Бытовые памятники Великой Булгарии. СПб.: Тип. Имп. АН, 1876. 50 с.
17. *Маммаев М.М.* О зороастризме в средневековом Дагестане // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала: Эпоха, 2005. С. 209–226.
18. *Марр Н.Я.* Избранные работы. М.; Л.: ГАИМК, 1935. Т. V. XXI, 668 с.
19. *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. М.: Восточ. лит., 2000. Т. 1. 328 с.
20. *Салмин А.К.* Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 688 с.
21. *Стеблин-Каменский И.М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербург. востоковед., 1999. 478 с.
22. *Стеблин-Каменский И.М.,* вступ., пер. и коммент. Гаты Заратуштры // Вестник древней истории. 2000. № 2. С. 290–300.
23. *Стеблин-Каменский И.М.* Перевод и примечания // Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2003. 352 с.
24. *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин. М.: РОСПЭН, 2008. 712 с.
25. *Чибиров Л.А.* Ранние формы народных верований // Осетины. М.: Наука, 2012. С. 423–433.
26. *Юсупов Р.М.* Древние этапы этно- и расогенеза башкир и происхождение этнонимов «башкорт» и «иштяк» // Проблемы востоковедения. 2009. № 4. С. 59–61.
27. *Golden Peter B.* Burtās. In: Encyclopaedia of Islam. 3. Wiesbaden, Brill, 2011, pp. 98–101.
28. *Jong Albert de.* Armenian and Georgian Zoroastrianism. In: The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism. Chichester: John Wiley & Sons, Ltd., 2015, pp. 119–128.
29. *Munkácsi Bernát.* Die heidnischen Namen der Wochentage bei den alten Völker des Wolga-Uralgebietes // Kőrösi Csoma Archivum. II. Budapest, 1926: 42–64.

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (antsalmin@mail.ru).

A. SALMIN

THE INFLUENCE OF THE RELIGIOUS BELIEFS OF THE PERSIANS ON THE CHUVASH

Key words: the Persians, rituals, beliefs, the Caucasus, the Savirs, the Chuvash.

The influence of Persian religion on the South-Western Asia and Eastern Europe is not disputed. The researchers write about South Iranian way that went from the South from the Parthians from Persia and Transcaucasia, and North Iranian way, which passed via Khoresm to the Volga. For example, out of three major ethnic and political formations in the Eastern Europe (the Avars, the Bulgars and the Khazars) the Bulgars were most heavily influenced by Iranian traditions. This influence is most clearly evident in the names of Bulgarian rulers. They also include early medieval fire temples in the territory of modern Bulgaria (in Madara, Pliska and Preslav) which have an undeniable Iranian origin. This article discusses the Persian influence on traditional rituals and beliefs of the tribes (and peoples) in the Eastern Europe, including the Savirs (and the Chuvash).

References

1. Abayev V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of Ossetian language]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, vol. IV, 358 p.
2. Agafii Mirineiskii. *O tsarstvovanii Yustiniana* [The reign of Justinian]. Moscow, Arktos Publ., 1996, 256 p.
3. Albegova Z.Kh. Etapy razvitiya alanskoj religii v V–IX vv. [Stages of development of the alanian religion in V–IX centuries]. In: *XXI «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza (teziy dokladov [XXI «Krupnovskie readings» on the archaeology of the Northern Caucasus (abstracts)]*. Kislovodsk, Naslediye Publ., 2000, pp. 5–7.
4. Ammian Martsellin. *Istoriya* [History]. In: *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya. T. I: Antichnyye istochniki* [Ancient Rus in light of foreign sources. Reader. Vol. I: Ancient sources]. Moscow, 2009, pp. 259–266.
5. Andreyev (Urkhi) N.A. *Iransko-chuvashskie etnokul'turnyye i yazykovyye paralleli* [Iran-Chuvash ethnocultural and linguistic Parallels]. In: *Trudy* [Collection of Work]. Cheboksary, 1975, iss. 59, pp. 91–113.
6. Arutyunova-Fidanyan V.A. *Bozhestvo Kuar i «severnyye plemena»* [Deity of Coire, and «Northern tribes»]. In: *Tsvivilizatsiya i var-varstvo: Transformatsiya ponyatii i regional'nyi opyt* [Civilization and barbarism: the transformation of concepts and regional experiences]. Moscow, 2012, pp. 266–296.
7. Bartol'd V.V. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, Nauka Publ., 1963, vol. II, part 1, 1024 p.
8. Bulatov A.B., Dimitriyev V.D. *Paralleli v verovaniyakh drevnikh suvarov i chuvashei* [Parallels in the beliefs of the ancient Suvars and Chuvash]. *Uchenyye zapiski* [Scientific notes]. Cheboksary, 1962, iss. XXI, pp. 226–236.
9. Dzhaifarov Yu.R. *Gunny i Azerbaidzhan* [The Huns and Azerbaijan]. Baku, Elm Publ., 1985, 124 p.
10. Dmitriyev V.A. *Kul't molnii v polevykh materialakh A.A. Millera po Severnoi Osetii 1923 g.* [The cult of the lightning field materials A.A. Miller on North Ossetia, 1923]. *Lavrovskii sbornik* [Lavrovsky collection]. St. Petersburg, 2015, pp. 343–348.
11. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [The Chuvash language etymological dictionary]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1964, 355 p.
12. Zolotnitskii N.I. *Kornevoi chuvashsko-russkii slovar'* [Root Chuvash-Russian dictionary]. Kazan, 1875, 272 p.
13. Ibn-Fadlan. *Kniga* [Book]. In: Kovalevskii A.P. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o yego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [Ahmed Ibn Fadlan's book on his journey along the Volga in 921–922]. Kharkov, 1956, pp. 119–148.
14. Koshelenko G.A., Gaibov V.A. *Rannyya sakral'naya arkhitektura iranskikh narodov* [Early sacral architecture of Iranian peoples]. In: *Scripta antiqua: Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury* [Matters of ancient history, philology, arts and material culture]. Moscow, Sobraniye Publ., 2015, vol. 4, pp. 63–99.
15. Lerkh P.I. *Rets.: Istoriya agvan Moiseya Kagankatvatsi* [Review: The story of agvan Moisey Kaghankatvatsi]. SPb., 1861. In: *Izvestiya Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva* [News of the Imperial archaeological society]. St. Petersburg, 1861, vol. III, pp. 479–499.
16. Likhachev A.F. *Bytovyye pamyatniki Velikoi Bulgarii* [Domestic monuments of Great Bulgaria]. St. Petersburg, 1876, 50 p.

17. Mammayev M.M. *O zoroastrizme v srednevekovom Daghestane* [Zoroastrianism in medieval Daghestan]. In: *Drevnosti Kavkaza i Blizhnego Vostoka* [The antiquity of the Caucasus and the Middle East]. Makhachkala, Epokha Publ., 2005, pp. 209–226.
18. Marr N.Ya. *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow, Leningrad, GAIMK Publ., 1935, vol. V, 668 p.
19. Rastorguyeva V.S., Edel'man D.I. *Etimologhicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, vol. 1, 328 p.
20. Salmin A.K. *Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda* [Holidays, rituals and beliefs of the Chuvash people]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2016, 688 p.
21. Steblin-Kamenskii I.M. *Etimologhicheskii slovar' vakhanskogo yazyka* [Vakhan language etymological dictionary]. St. Petersburg, 1999. 478 s.
22. Steblin-Kamenskii I.M., vstup., per. i komment. Gaty Zaratushty [Gathas of Zarathushtra]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of ancient history], 2000, no. 2, pp. 290–300.
23. Steblin-Kamenskii I.M. *Perevod i primechaniya* [Translation and notes]. In: Bois M. *Zoroastriitsy: Verovaniya i obychai* [Zoroastrians: beliefs and practices]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ.; Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2003, 352 p.
24. Chibirov L.A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [The traditional culture of the Ossetians]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 712 p.
25. Chibirov L.A. *Ranniye formy narodnykh verovaniy* [Early forms of folk beliefs]. In: *Osetiny* [Ossetians]. Moscow, Nauka Publ., 2012, pp. 423–433.
26. Yusupov R.M. *Drevniye etapy etno- i rasogheneya bashkir i proiskhozhdeniye etnonimov «bashkort» i «ishtyak»* [Ancient stages of ethno- and rasogheneya of the Bashkirs and the origin of the ethnonyms «bashkort» and «ishtyak»]. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies], 2009, no. 4, pp. 59–61.
27. Golden Peter B. Burtaş. In: *Encyclopaedia of Islam*. 3. Wiesbaden, Brill, 2011, pp. 98–101.
28. Jong Albert de. *Armenian and Georgian Zoroastrianism*. In: *The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism*. Chichester: John Wiley & Sons, Ltd., 2015, pp. 119–128.
29. Munkácsi Bernát. *Die heidnischen Namen der Wochentage bei den alten Völker des Wolga-Uralgebietes. Körösi Csoma Archivum*. II. Budapest, 1926, pp. 42–64.

SALMIN ANTON – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Russia, Saint Petersburg (antsalmin@mail.ru).

Ссылка на статью: Салмин А.К. Влияние религиозных верований персов на чувашей // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 129–137.

УДК 069.4
ББК 79.147.17

Т.С. СЕРГЕЕВ

«ВИЗИТНАЯ КАРТА» ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: 45 ЛЕТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МУЗЕЯ И.Н. УЛЬЯНОВА И И.Я. ЯКОВЛЕВА

Ключевые слова: И.Н. Ульянов, И.Я. Яковлев, инспектор народных училищ, инспектор чувашских школ, Симбирская губерния, Чувашский государственный университет, музей, экспозиции, музейная педагогика.

В статье прослеживается многолетняя кропотливая работа по сбору материалов, оформлению экспозиций, открытию и функционированию музея И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева при Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова, пропаганде научно-педагогического наследия этих педагогов, известных школьных инспекторов пореформенной России, просветителей народов Среднего Поволжья. Показан личный вклад автора в деятельность этого очага культуры, который стал своеобразной «визитной картой» вуза и за 45 лет функционирования внес определенный вклад в профессиональную подготовку будущих учителей и других специалистов народного хозяйства.

Илья Николаевич Ульянов (1831–1886) и Иван Яковлевич Яковлев (1848–1930) были известными педагогами-демократами пореформенной России, внесшими значительный вклад в просвещение многонационального и многоконфессионального Среднего Поволжья, населенного русскими, татарами, мордвой, чувашами и др. Как педагоги-новаторы, активные общественные деятели, они оставили богатое научно-педагогическое наследие, которое не потеряло своей актуальности и в нынешнее время, в условиях модернизации системы образования и вхождения страны в рыночные отношения. Как известно, имя И.Я. Яковлева было присвоено в 1958 г. Чувашскому педагогическому институту, а имя И.Н. Ульянова – в 1967 г. Чувашскому университету. Это было данью уважения к их научно-педагогическому подвигу в нелегкой борьбе за подъем культуры чувашского народа.

Жизненный путь этих корифеев педагогического труда сложился нелегко: они оба вышли из низов, выросли сиротами, пробивались в жизни благодаря своему незаурядному таланту и упорному труду, посвятили всю сознательную творческую жизнь служению народному просвещению, полагая, что через это можно хотя бы немного облегчить положение многомиллионных масс трудящихся. За плечами этих достойных выпускников Казанского университета десятки и сотни открытых ими городских и сельских училищ, целая плеяда подготовленных народных учителей, которые внесли неоценимый вклад в просвещение и культурное возрождение народов Среднего Поволжья.

То, что сделано инспектором (1869–1874) и директором народных училищ Симбирской губернии (1874–1886) И.Н. Ульяновым и инспектором чувашских школ Казанского учебного округа (1875–1903) и директором Симбирской чувашской школы (1871–1918) И.Я. Яковлевым на ниве народного просвещения, отражено как в их многочисленных отчетах, трудах, воспоминаниях, так и в опубликованных о них монографиях, статьях, включая труды автора этих строк [4]. Для наших современников большой интерес представляют музейные экспозиции, позволяющие более осязательно воспринимать события пройденных эпох, касающиеся научно-педагогической и просветительской деятельности этих талантливых методистов-учителей «от бога». Это прежде всего фонды музеев И.Н. Ульянова, хранящиеся в Ульяновске, Астрахани, Казани, Нижнем Новгороде, Пензе, Чебоксарах, а также музеев И.Я. Яковлева в дер. Кошки-Новотим-

баево Республики Татарстан, в Чувашском пединституте (с 1998 г. – педуниверситет) в Чебоксарах [5. С. 31].

Музей И.Н. Ульянова при Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова был открыт в год возникновения вуза – 14 октября 1967 г. при участии многих известных ульянововедов страны, в дни Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения педагога-демократа. Он располагался на втором этаже главного учебного корпуса вуза по Московскому проспекту, д. 15. В подготовке экспозиционных столов и настенных стендов приняли участие учащиеся городских профтехучилищ. Восемь физических приборов, выписанных в свое время лично учителем физики Нижегородской мужской гимназии И.Н. Ульяновым и любезно переданных чебоксарцам руководством Горьковского педагогического института имени И.Н. Ульянова, придают музею в какой-то степени мемориальный оттенок. Чем-то родственным, «ульяновским», веет от книги «Д.И. Ульянов. Очерки разных лет» (на русском и финском языках), подаренной музею внучкой просветителя О.Д. Ульяновой, а также писем членов семьи внука просветителя В.Д. Ульянова, проживавших в Москве. Макеты зданий школ, открытых И.Н. Ульяновым, карты-схемы тех времен, учебники XIX в., школьная утварь, копии фотографий на эту тему – все это результат четырехлетних кропотливых поисков автора этих строк, который на общественных началах в течение трех десятилетий выполнял обязанности научного консультанта музея. При посещении вуза высокие гости прежде всего шли в музей, который представлял собой своеобразную «визитную карту» университета, носящего имя известного педагога-интернационалиста [3] Не случайно первые ректоры университета С.Ф. Сайкин и П.В. Сидоров уделяли становлению и функционированию музея И.Н. Ульянова пристальное внимание. В необходимых случаях для проведения экскурсий приглашали научного консультанта музея. Заведующими музея в разные годы были В.С. Буцевицкий, Н.В. Кривонова, С.П. Дмитриева, Л.Г. Иванова, О.Н. Галошева.

При оформлении экспозиций ставилась задача поэтапно показать просветительскую деятельность И.Н. Ульянова как инспектора и директора народных училищ Симбирской губернии в 1860–1880-х гг., при этом акцент делался на материалах, помогающих профессиональному совершенствованию будущих педагогов на личном примере педагога-демократа.

Вслед за экспозицией «Родословная Ульяновых» расположены в хронологической последовательности разделы, посвященные астраханскому (1831–1850), казанскому (1850–1854), пензенскому (1855–1863), нижегородскому (1863–1869), симбирскому (1869–1886) периодам. Были представлены также материалы о современной жизни школ, которые в свое время открывал или инспектировал И.Н. Ульянов.

В 1998 г. передовая общественность отмечала 150-летие со дня рождения чувашского просветителя И.Я. Яковлева. К этому времени в структуре университета, обладавшей собственной типографией и солидной издательской базой, функционировала Лаборатория по изучению яковлевского научно-педагогического наследия, руководимая доктором педагогических наук профессором Н.Г. Красновым, и готовилось к выпуску многотомное издание «Переписка И.Я. Яковлева». Живший в то время в Москве внук просветителя доктор технических наук профессор И.Я. Яковлев преподнес в дар Чувашскому университету свою домашнюю библиотеку из двух тысяч томов. С учетом этих новшеств руководство вуза пошло на расширение названия музея. Приказом ректора Л.П. Куракова к прежнему названию вузовского очага культуры

добавилось новое слово: он был преобразован в «Музей И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева».

Пришлось пополнить экспозиции переименованного музея за счет дубликатов из существующего музея И.Я. Яковлева в Чувашском пединституте (с 1998 г. – педуниверситет). Это – материалы о детстве, учебе, практической деятельности чувашского школьного инспектора, автора чувашского букваря, основателя многих чувашских школ, подготовившего через созданную им Симбирскую чувашскую школу свыше тысячи учителей, в том числе 400 учительниц. Музей И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева, состоящий из зала экспозиций, библиотеки и отдела хранения, содержит в своих фондах свыше 1800 единиц хранения, которые позволяют изучать и пропагандировать научно-педагогические идеи и взгляды просветителей края, на конкретных примерах раскрывать новаторский дух и прогрессивный характер инспекторской деятельности И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева среди так называемых «инородцев», малых народов Среднего Поволжья.

Музей И.Н. Ульянова – органическая часть молодого вуза, ставшего центром науки и культуры Чувашии, служит делу воспитания студенческой молодежи в духе преданности родине, любви к педагогической профессии. активно просветительства. Ежегодно его посещают до 5 тысяч человек, притом первокурсники – в обязательном порядке [1]. В помещении музея в торжественной обстановке проводились мероприятия по вручению наград, встречи с почетными гостями, ветеранами войны и труда и т.д. В течение двадцати лет, когда автором этих строк читался спецкурс «Семья Ульяновых и культура народов Поволжья», при музее функционировал студенческий научно-исследовательский кружок «Ульяновед», из числа студентов готовились кадры экскурсоводов [2]. На конкретных материалах мемориальных музеев семьи Ульяновых имеются благоприятные условия для развития новой отрасли педагогики – музейной педагогики, которая занимает особое место в учебно-воспитательной работе со школьниками. По примеру Ульяновского педагогического университета имени И.Н. Ульянова, где с 2003 г. функционирует кафедра музееведения и охраны памятников, нашим коллегам следовало бы задумываться об открытии подобного подразделения в структуре нашего вуза.

К сожалению, в последние годы, в связи с открытием Музея Чувашского государственного университета в честь его приближающегося 50-летия, фонды Музея И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева «временно» свернуты, складированы и ждут своего развертывания.

Педагоги-демократы И.Н. Ульянов и И.Я. Яковлев, соратники по работе и единомышленники, оставившие добрый след в истории просвещения русских, татар, мордвы, чувашей, навсегда остались в доброй памяти народов Среднего Поволжья. Материалы музеев вызывают у наших современников гордость за их подвижническую деятельность в пореформенной России, желание хотя бы немного быть похожими на них.

Литература

1. *Галошев В.* Музей И.Н. Ульянова – центр по изучению и пропаганде научно-педагогического наследия И.Н. Ульянова // Ульяновец. 2001. 23 нояб.
2. *Голанцева М.* Музею и научному кружку – 20 лет // Ульяновец. 1991. 2 июля.
3. Музей И.Н. Ульянова: путеводитель. Чебоксары, 1983. 14 с.
4. *Сергеев Т.С.* Научно-педагогическое наследие И.Н. Ульянова и современность. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. 292 с.
5. *Сергеев Т.С.* Фонды музея И.Н. Ульянова при Чувашском университете как дидактический материал для музейной педагогики // Восьмье Яковлевские чтения: сб. науч. ст. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2012. С. 31–38.

СЕРГЕЕВ ТИХОН СЕРГЕЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (tikhon-sergeev@yandex.ru).

T. SERGEEV

**«VISIT CARD» OF CHUVASH STATE UNIVERSITY:
45 YEARS OF FUNCTIONING OF I.N. ULIANOV AND I.Ya. YAKOVLEV MUSEUM**

Key words: *I.N. Ulianov, I.Ya. Yakovlev, inspector of public schools, inspector of Chuvash schools, Simbirsck Province, Chuvash State University, museum, displays, museum's pedagogy.*

The present article traces longstanding laborious work by collecting materials, arrangement of displays, opening and functioning of I.N. Ulianov and I.Ya. Yakovlev museum at the Chuvash State University named after I. N. Ulianov as well as work connected with propaganda of scientific-pedagogical heritage of these teachers, who were famous schools inspectors in pre-reform Russia and educators of the middle Volga region. The article shows personal contribution of the author to functioning of this cultural oasis, which is a unique «visit card» of the University and made a certain contribution to professional training of future teachers and other specialists of national economy.

References

1. Galoshev V. *Muzei I.N. Ul'yanova – tsentr po izucheniyu i propagande nauchno-pedagogicheskogo naslediya I.N. Ul'yanova* [Museum of I.N. Ulyanov – the center for investigation and propaganda of scientific-pedagogical heritage of I.N.Ulyanov]. *Ul'yanovets*, 2001, Nov. 23.
2. Golantseva M. *Muzeyu i nauchnomu kruzhku – 20 let* [20 years of museum and scientific society]. *Ul'yanovets*, 1991, Jul. 2.
3. *Muzei I.N. Ul'yanova: putevoditel'* [Museum of I.N. Ulyanov]. Cheboksary, 1983, 14 p.
4. Sergeev T.S. *Nauchno-pedagogicheskoe nasledie I.N. Ul'yanova i sovremennost'* [Scientific-pedagogical heritage of I. N. Uljanow and modern time: monography / T. S. Sergeev]. Moscow, 2009, 292 p.
5. Sergeev T.S. *Fondy muzeya I.N. Ul'yanova pri Chuvashskom universitete kak didakticheskii material dlya muzeinoi pedagogiki* [Foundation of I. N. Uljanov's museum from Chuvash state university as a didactic material for museum's pedagogic]. *Vos'mye Yakovlevskie chteniya: sb. nauch. st.* [Eighth Jacovlew's reading: collection of scientific articles]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 31–38.

SERGEEV TIKHON – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of National and Global History, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (tikhon-sergeev@yandex.ru).

Ссылка на статью: *Сергеев Т.С. «Визитная карта» Чувашского университета: 45 лет функционирования музея И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 138–141.*

УДК 94: 338(47+57) «1950/1989»
ББК ТЗ(2) 63 – 2

В.И. СОКОЛОВА

СССР В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ НТР В 1950–1980-е ГОДЫ: УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОБНОВЛЕНИЯ

Ключевые слова: Научно-техническая революция, эпоха НТР, научно-технический прогресс, НТП, СССР, страны Запада, Япония, Китай, инновационный, военный, статусный заказ на науку, направления научно-технических открытий, автоматизация производства, применение ЭВМ, новые виды энергии, «зеленая революция» в сельском хозяйстве, гениальная инженерия, компьютеризация, внедрение новых технологий, мировое разделение труда, ядро технологической зоны, государства промышленного пояса, страны третьего мира, поставщики сырья, рынок сбыта, упущенные возможности обновления.

Исследуется история зарождения и развития эпохи научно-технической революции и место СССР и России в этом процессе. Доказано, что уровень жизни людей во многом зависит от уровня развития науки. НТР возникла под влиянием крупнейших научных и технических открытий. Основными ее направлениями стали автоматизация производства, использование электронно-вычислительных машин, новых видов энергии и конструкционных материалов. Наиболее восприимчивыми к научно-техническому прогрессу оказались высокоразвитые экономики США, ФРГ, Японии. Так называемая «зеленая революция» пришла в сельское хозяйство. Успехи в гениальной инженерии, компьютеризация, внедрение новых технологий позволили аграрному сектору развитых стран мира перевести сельскохозяйственное производство на промышленную основу. Первоначально СССР также показал свою приверженность к достижениям НТП, однако социально-экономическое реформаторство в СССР в изучаемый период потерпело крах.

В середине XX в. в истории человеческой цивилизации началась длительная эпоха научно-технической революции (НТР). С наступлением эпохи НТР огромное значение в развитии общества стала играть наука. В этой связи определение места науки в СССР и современной России становится актуальной исследовательской задачей. Целью данной работы является анализ развития советского общества и государства в условиях начавшейся научно-технической революции. Предстоит ответить на вопрос, как развивалась наука в СССР, какой социальный (общественный) заказ на науку существовал в 1950–1980-е гг. и почему начавшиеся в 1950-х гг. смелые реформы в экономике закончились застоєм, кризисом общественно-политической системы? Некоторые региональные аспекты данной темы освещены в работах А.И. Минеева, В.А. Морозова, В.И. Соколовой [2. С. 39–42; 3. С. 77–83].

Для того, чтобы ответить на эти и другие вопросы, необходимо совершить небольшой экскурс в историю развития науки и пояснить, что такое «социальный заказ» на науку. Более подробно этот вопрос освещен в статье «Ученые при новом феодализме» [4].

В современном мире большинство ученых выделяют три основных типа социального заказа на науку: статусный, инновационный и военный. Все эти типы заказов на науку могут существовать одновременно и в сочетании друг с другом.

Статусный заказ – это готовность власти платить за укрепление своего статуса ради престижа, для эффектной демонстрации прочного положения власти (государства). Статусный заказ на науку более всего востребован в странах с традиционной экономикой.

Инновационный заказ – это готовность власти финансировать научные исследования для повышения конкурентоспособности своего товара и увеличения прибыли. В современном мире научные исследования проводятся, прежде

всего, в развитых капиталистических странах, там на них имеется большой спрос. Но этот спрос распределен неравномерно, разные государства играют разную роль в мировом разделении труда. Ядро технологической зоны составляют Северная Америка, Западная Европа, Япония. Здесь ведутся научные исследования и технические разработки. В государствах промышленного пояса (Китай, Южная Корея и др.) сосредоточено производство. Страны третьего мира являются поставщиками ресурсов и рынками сбыта готовой продукции. Инновационный заказ на науку существует только в ядре технологической зоны. К сожалению, Россия к этой категории государств не относится.

Военный заказ – это спрос на научные исследования, увеличивающие военные возможности общества, само существование государства (власти). Спрос на военный заказ невероятно вырос во второй половине XX в., когда началось соперничество сверхдержав – США и СССР. А какой социальный заказ на науку преобладал в СССР в 1950–1980-е гг.? Прежде всего, военный заказ. В годы «холодной войны» денег на это не жалели. На карту было поставлено само выживание социалистической (коммунистической) системы. Примеры инновационного заказа тоже имелись, но зачастую они не достигали поставленных целей. К сожалению, желаемого размаха инновационная деятельность в Советском Союзе не получила, но статусный заказ на науку был налицо [4. С. 14].

В современной России, похоже, идет масштабное возрождение статусного заказа на научные исследования. Крупные суммы выделяются на демонстративные проекты вне всякой логики развития науки. Взять хотя бы, к примеру, деятельность генерального директора государственной корпорации «Российская корпорация нанотехнологий» (с 2011 г. председателя правления ОАО «Роснано») А.Б. Чубайса. Каковы мало-мальски позитивные результаты работы названной организации? Ответ гениально прост и примитивен. Исполнители не несут никакой ответственности за результаты деятельности, но это вполне устраивает заказчика (власть). Страна «зарывается» в отчетах и ненужных бумагах. Строятся огромные стадионы (которые стоят пустыми), перестраиваются и сносятся целые районы столицы, а дороги и малые города приходят в полнейший упадок.

Далее обратимся к названной проблеме и более подробно проанализируем ситуацию с внедрением достижений НТР в СССР в 1950–1980-х гг. Известно, что уровень жизни людей во многом зависит от уровня развития науки. НТР возникла под влиянием крупнейших научных и технических открытий. Основными ее направлениями стали автоматизация производства, использование ЭВМ, новых видов энергии и конструкционных материалов. Наиболее восприимчивыми к научно-техническому прогрессу оказались высокоразвитые экономики США, ФРГ, Японии. Так называемая «зеленая революция» пришла в сельское хозяйство. Успехи в генной инженерии, компьютеризация, внедрение новых технологий позволили аграрному сектору развитых стран мира перевести сельскохозяйственное производство на промышленную основу.

Первоначально СССР также показал свою приверженность к достижениям научно-технического прогресса. Причинами такого успеха уместно назвать следующие обстоятельства: имевшее повсеместное распространение централизованное руководство народным хозяйством временно оказало положительное воздействие на ход НТР; большую роль сыграл трудовой энтузиазм граждан страны. НТП быстро набирал темпы в СССР. Можно констатировать, что промежуток времени в одно десятилетие (с середины 1950-х до середины 1960-х гг.) – это наиболее успешный период в истории развития советской страны. В эти годы развивались важные научно-технические направления: освоение космоса, химизация народного хозяйства, электроника и др. Выдающи-

мися достижениями стали спуск на воду первого атомного ледокола «Ленин», запуск многоступенчатой межконтинентальной баллистической ракеты и искусственного спутника Земли, полет в космос первого космонавта Юрия Гагарина. Тем не менее это не означало, что мир социализма оказался восприимчив для широкого внедрения результатов научно-технического прогресса. Производственные отношения стали тормозом на пути использования достижений НТР. Таким образом, в СССР создавались такие специфические условия хозяйствования, при которых невозможно было осуществить прорыв в ведущих направлениях научно-технической революции.

Кроме того, говоря о политических преобразованиях в СССР, необходимо отметить, что в 1961 г. была принята новая Программа КПСС, которая провозгласила построение основ коммунистического общества в стране к концу 1970-х гг. На волне десталинизации стал актуальным вопрос о создании прочных юридических гарантий законности, прав и свобод граждан. Лидер страны Н.С. Хрущев заявил, что Конституция 1936 г. устарела в своих основных положениях и необходимо отразить новый этап в развитии советского общества и государства. Была создана Конституционная комиссия под председательством Н.С. Хрущева. По поручению председателя рабочая группа под руководством Л.Ф. Ильичева подготовила докладную записку об основных положениях новой Конституции. Однако записке не суждено было увидеть свет.

Тем не менее, здесь очень важно осветить упущенные возможности обновления страны в политической сфере, так как политика и экономика – это две стороны одной медали. Итак, в новой Конституции предполагалось ограничить срок пребывания в должности руководителя высшего ранга, чтобы препятствовать злоупотреблению властью. Предлагалось увеличить число созывов Верховного Совета, на его заседаниях заслушивать отчеты Правительства. Предполагалось обеспечивать полную гласность в работе Советов, публиковать материалы о работе сессий, президиумов, постоянных комиссий, ставился вопрос о введении выборных должностей директоров заводов, фабрик, совхозов. Предусматривалось расширение прав предприятий в отношении планирования, распоряжения материальными фондами. Предлагалось введение в практику общесоюзных, республиканских и местных референдумов. Ставился вопрос о ликвидации паспортной системы, введении суда присяжных заседателей. Обсуждалось предложение об учреждении Конституционного суда и введении должности Президента страны. Часть из предложенного нашла отражение в Конституции 1977 г., но большая часть предлагаемых демократических положений была предана забвению после смещения Н.С. Хрущева.

К середине 1960 г. политическому руководству страны стало ясно, что при помощи административного диктата добиться повышения эффективности экономического развития не удастся. С 1965 г. стала проводиться хозяйственная реформа, получившая в истории название «косыгинской». В этот период основные усилия страны направлялись на развитие оборонной промышленности, энергетики, сельского хозяйства и Сибири. Вначале реформа дала неплохой экономический результат: вырос объем промышленного производства. Однако вскоре попытки оживить экономику страны за счет «совершенствования» устаревшего хозяйственного механизма и повышения роли партийного руководства не привели к положительному результату. Негативные процессы в экономике отражались на социальной сфере. С конца 1970-х гг. уровень жизни населения начал падать, условия жизни и быта населения ухудшались.

В результате не социалистические страны, а ведущие капиталистические страны мира в максимальной степени воспользовались плодами научно-

технической революции и продемонстрировали мощный подъем экономики. Это обеспечило им стабильно высокие прибыли, позволило создать изобилие материальных благ и способствовало росту уровня жизни населения. Тем не менее в СССР в 1960–1980-х гг. тоже неоднократно предпринимались попытки внедрения НТР. К сожалению, эти меры не увенчались успехом и не привели к желаемому результату.

Современная жесткая конкуренция вынуждает производителей перманентно обновлять технологию производства и ассортимент выпускаемой продукции. К примеру, японцы считают, что оборудование морально устаревает за 5 лет. В США средняя продолжительность производственной «жизни» продукции новых отраслей еще короче и составляет примерно 3–4 года. Поэтому торговля высокотехнологичной продукцией происходит в основном между высокоразвитыми государствами Запада. Доля этих индустриально развитых стран в мировом экспорте такой продукции составляет львиную долю.

С середины 1980-х гг. начался новый этап в общественной жизни советской страны. Постепенно стал нарастать глубокий экономический и политический кризис. Власть и общество стали осознавать, что так жить дальше нельзя. Быть изолированным от многих стран мира, жить за «железным занавесом», находиться в состоянии хотя бы даже частичной автаркии уже было невозможно. Глобализация резко усилилась во второй половине XX в. после окончания Второй мировой войны.

В марте 1985 г. генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев. На апрельском пленуме ЦК КПСС был провозглашен курс на ускорение социально-экономического развития страны. Резкое отставание в научных разработках в высокотехнологичной сфере вынудило советское руководство в качестве стратегической цели определить задачи ускорения НТП. Почти в три раза превосходя США по количеству инженеров, советская страна получала в 40 раз меньше средств от продажи лицензий за рубеж. По сравнению с СССР в Японии в 1986 г. на одного работника регистрировалось в 540 раз больше заявок на рацпредложения. А в списке изобретений, наиболее значимых для повседневной жизни, советские авторы почти не присутствовали [1. С. 317].

Приведенные факты свидетельствуют, что социально-экономическое реформаторство в СССР в изучаемый период не достигло своих целей. В результате был осуществлен поворот к коренным преобразованиям во всех сферах жизни государства и общества, вызвавшим смену всей общественно-экономической формации. Этот период можно назвать временем упущенных возможностей коренного обновления общественно-экономической модели. Почему это случилось с нашей страной? Думается, на этот вопрос давным-давно ответили великие мыслители и прогрессивные деятели прошлого Франсуа Вольтер, Джон Локк, Томас Джефферсон, Александр Радищев, Михаил Сперанский, Адам Смит и многие другие. Ответ гениален и прост: для процветания любого государства граждане должны обладать неотъемлемыми правами на свободу, справедливые законы и частную собственность.

Литература

1. История России (Россия в мировой цивилизации) / сост. и отв. ред. А.А. Радугин. М.: Центр, 1998.
2. Минеев А.И. Чувашский совнархоз и производственная активность работников промышленности // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 39–42.
3. Морозов В.А., Соколова В.И. Трудовая активность молодежи Марийской и Чувашской автономных республик во второй половине 60–80-х гг. XX века // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 77–83.
4. Ученые при новом феодализме // Новая газета. 2014. 26 февр., № 22. С. 14.

СОКОЛОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Sokolova-cheb@mail.ru).

V. SOKOLOVA

THE USSR IN TERMS OF SCIENTIFIC-TECHNOLOGICAL REVOLUTION DEVELOPMENT IN 1950–1980s: MISSED OPPORTUNITIES FOR RENEWAL

Key words: *Scientific-technological revolution, the era of scientific and technological revolution, technological progress, the USSR, Western countries, Japan, China, innovation, military status order for the science, directions of scientific and technological discoveries, manufacturing automation, new types of energy, «green revolution» in agriculture, genetic engineering, computerization, introduction of new technologies, international division of labor, the core of technology area, rust belt states, third world countries, suppliers of raw materials, market, missed opportunity for renewal.*

The article examines the origin and development of scientific-technical revolution era and the place of the Soviet Union and Russia in the process. It is proved that the standard of people's living depends on the level of scientific development. Scientific-technological revolution originated under the influence of major scientific and technological discoveries. Its main directions were manufacturing automation, the use of computers, new forms of energy and structural materials. The most receptive to scientific and technological progress turned out to be highly developed economies of the United States, Germany, Japan. The so-called "green revolution" came to agriculture. Advances in genetic engineering, computerization, introduction of new technologies allowed the agricultural sector of developed countries to transfer agricultural production on an industrial basis. Initially, the Soviet Union also showed its commitment to achievements of scientific-technological revolution. However, socio-economic reforms in the USSR in the study period failed.

References

1. *Istoriya Rossi (Rossiya v mirovoi tsivilizatsii)* [History of Russia (Russia in world civilization)]. Moscow, Tsentr Publ., 1998.
2. Mineev A.I. *Chuvashskii sovnarkhoz I proizvodstvennaya aktivnost' rabotnikov promyshlennosti* [Chuvash Council of national economy and productive activity of industrial workers]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 39–42.
3. Morozov V.A., Sokolov V.I. *Trudovaya aktivnoctm molodezhi Mariiskoi i Chuvashskoi avtonomnykh respublik vo vtoroi polovine 60-80-ikh godov XX veka* [Labor activity of youth Mari and Chuvash Autonomous republics in the second half of the 60-80-ies of the XX century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 2, pp. 77–83.
4. *Uchenye pri novom feodalizme* [Scientists in the new feudalism]. *Novaya gazeta*, 2014, Feb. 26, no. 22, p. 14.

SOKOLOVA VALENTINA – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian History Department named after A.V. Arsent'yeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (Sokolova-cheb@mail.ru).

Ссылка на статью: Соколова В.И. СССР в условиях развития НТР в 1950–1980-е годы: упущенные возможности обновления // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 142–146.

УДК 93:323.3

ББК 63.3

О.А. ХАБИБРАХМАНОВА

**ПРАКТИКИ АДАПТАЦИИ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ТАТАРСТАНА
В 1920–1930-х ГОДАХ**

Ключевые слова: адаптация, научная интеллигенция, социализация, идентичность, советский.

В статье рассматриваются проблемы адаптации научной интеллигенции Татарстана 1920–1930-х гг. Исследование адаптивных практик научной интеллигенции проведено с целью выявления социальных изменений, охвативших послереволюционное общество и профессорско-преподавательскую корпорацию г. Казань. Историко-системный подход в изучении адаптивных практик научной интеллигенции позволил выявить степень участия научной интеллигенции в трансформационных процессах.

На основе архивных материалов раскрываются особенности формирования и использования новых адаптивных практик научной интеллигенции. Показан непростой путь ресоциализации ученых в новых условиях. Особенно остро ученые переживали изменения, происходящие в профессиональной сфере. Поскольку основу повседневного пространства занимали науки и преподавательская деятельность ученых, то именно в профессиональной среде были необходимы конструктивные изменения с целью приспособиться и попытаться сохранить прежние ценности и социальные практики. Вступая на путь ресоциализации, ученые испытывали как объективные, так и субъективные сложности. Изобретая новые поведенческие практики, ученые не только менялись сами, но и способствовали изменению социальной реальности. Сложнейший путь ресоциализации привел некоторых ученых к апатии и полному неприятию советской действительности. Часть ученых приспособлялась, другая попросту оказалась вычеркнута из новой социальной реальности, простившись с профессией, меняя прежнее место жительства.

Таким образом, в результате появления новых адаптивных практик, используемых научной интеллигенцией в 1920–1930-е гг., происходили серьезные социальные изменения, способствовавшие появлению новой, гибридной идентичности, уже не буржуазного, но еще не советского ученого.

В формирующемся советском обществе 1920–1930-х гг. особый акцент был сделан на создание новых социальных слоев общества. В процессе этой сложнейшей реконструктивной практики возникало немало так называемых «чуждых», отверженных элементов. К категории отверженных граждан была причислена и значительная часть научной интеллигенции по своему безусловному буржуазному происхождению. «Буржуазность» происхождения становилась для обладателя своеобразным «клеймом», способным вычеркнуть его из советской действительности вплоть до физического уничтожения. Между тем власти, создавая острую необходимость в научных кадрах, провозгласили политику перевоспитания «буржуазных» ученых. И.В. Сталин, рассуждая о путях развития интеллигенции, высказал следующую мысль: «Ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции. Каждый господствующий класс ставил своих идеологических оруженосцев, своих трубадуров, своих теоретиков, свои научные и технические кадры. И если этот класс потом устами своих теоретиков говорит об интеллигенции как о носительнице лучших и наиболее благородных идеалов всего человечества, то речь идет, конечно, о вечности и незыблемости идеалов и чаяний данного класса» [1. С. 6].

Однако задача «воспитать» свою интеллигенцию и носителей новых идеалов оказалась для новой власти непростой. И решить ее должны были в среде носителей культуры, в том числе и учебные заведения страны. На XII съезде РКП(б) указывалось, что «каковы бы ни были основные задачи каждого типа школы, в частности вузов и техникумов, она, вырабатывая специалиста в той или

иной отрасли строительства, в то же время должна готовить в его лице общественно-политического работника, вооруженного теорией марксизма» [3. С. 458]. По сути, «буржуазным» профессорам и преподавателям предлагалось встать на путь перевоспитания и со временем обрести новую идентичность согласно новым идеологическим установкам. Формирование «советского» ученого в первую очередь осуществлялось в профессиональной сфере. Уже 9 октября 1918 г. вышел в свет декрет СНК «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учреждений и вузов в РСФСР», где делу «отсечения контрреволюции» в вузах было отведено особое место. Согласно вышедшему декрету упразднялись все дореволюционные ученые степени и звания, вводилось единое звание профессора. В состав профессоров переводились все приват-доценты, имеющие стаж преподавательской деятельности не менее трех лет. Власть делала ставку на молодых ученых, предлагая значительные преференции. Стать профессором, не имея научных заслуг, без защиты диссертации, в дореволюционной России было невозможно. Для всех остальных профессоров, прослуживших в университете более 10 лет или в вузах вообще более 15 лет, проводились перевыборы. На вновь образовавшиеся вакансии профессоров был объявлен всероссийский конкурс. Для участия в конкурсе необходимо было получить поддержку видных ученых [6. Д. 9. Л. 28]. В Национальном архиве республики Татарстан сохранились блестящие отзывы-рекомендации ведущих ученых страны для своих коллег из Казани [6. Д. 1. Л. 16].

Начатая работа по советизации научных учреждений страны давала свои результаты. На места таких именитых профессоров, как историки Дмитрий Александрович Корсаков, Федор Афанасьевич Курганов и Константин Васильевич Харлампович, искусствовед Алексей Максимович Миронов, приходили новые ученые из числа приват-доцентов, менее именитые, но сочувствующие советской власти. Многие ученые не смогли отказаться от столь заманчивого предложения власти и стать в одночасье профессором. В Казанском университете бывшие приват-доценты Н.П. Грацианский, А.М. Селищев, В.И. Огородников, А.С. Архангельский, А.О. Маковельский стали профессорами. Неоднократно оценку давали поступкам своих коллег, ставших профессорами, другие ученые. «Советских» профессоров часто называли «красными профессорами». Весьма нелестные характеристики в своих воспоминаниях дает им Е.К. Завойский: «...вошли к Баранову и услышали нецензурную брань. Кстати, Баранов был так называемый красный профессор, т.е. человек, заявивший в 1919 г., что желает быть профессором университета, хотя он работал лаборантом. В то время такое желание – закон» [4. С. 128]. Таким образом, часть ученых смогла извлечь выгоду из социальных потрясений 1920-х гг. и обрести новую идентичность, воспользовавшись предложениями советской власти. Между тем, по мнению очевидца событий, профессора-астронома Казанского университета И.А. Дюкова, мероприятия по пролетаризации научной интеллигенции не могли полностью удовлетворить запросы властей по обновлению профессорских кадров, так как новые профессора из приват-доцентов по большей части были воспитаны под влиянием тех же традиций, что и ушедшие старые профессора с большим дореволюционным стажем, и не были в состоянии создать на факультете такую обстановку, которая могла бы отвечать в полной мере требованиям социалистического строительства, осуществляемого советской властью [2. С. 64].

Хорошо продуманная акция по выдворению «старой» профессуры из стен вузов оказалась действительно малоэффективной. Университетская корпорация в Казани на протяжении 1921–1929 гг. не претерпела значительных изменений. В основном наибольшие потери профессоров были связаны с революционными потрясениями, бытовой неустроенностью и голодом 1921–

1922 г. Примерный численный состав профессоров Казанского университета, подтверждает устойчивость профессорско-преподавательской корпорации. Так, состав профессоров и преподавателей медицинского факультета за период с 1921 г. по 1929 г. изменился в сторону уменьшения на 7 человек, физико-математический факультет лишился 7 человек. Следует отметить, что численность профессорско-преподавательского состава университета значительно уменьшилась в первые послереволюционные годы. В 1921–1924 гг. наблюдается самый большой отток ученых [9. С. 175].

Тем не менее 15 мая 1929 г. был вновь проведен конкурс на замещение должностей профессорско-преподавательского состава вузов. Тогда с целью выявления идеологически неблагонадежных представителей профессорско-преподавательской корпорации были проведены перевыборы профессоров и преподавателей вузов. По решению Государственного ученого совета перевыборам подлежали все профессора и преподаватели, проработавшие 10 лет. Теперь выборы носили не столько академический характер, сколько общественно-политический, где в первую очередь оценивали кандидатов с позиции их лояльности к советской власти и степени участия в политической жизни страны. Благодаря проведенной работе в 1929 г. произошло значительное обновление кадров науки: если в 1927 г. было 49% ученых, начавших научную деятельность до 1917 г., то теперь их оставалось 43,6%. Эти темпы значительно превосходили дореволюционные нормы «амортизации» научных работников и замены их новыми [11. С. 184].

Условия, в которых оказались ученые, ставили их перед фактом профессиональной деградации. Преобразования, происходившие в высшей школе, часто воспринимались учеными не как конструктивные, а как деструктивные. Напряженную социальную атмосферу еще более накаляли непрекращающиеся слухи в академической среде о том, что предстоят сокращения и ликвидация ряда учебных заведений. Эти слухи, по словам самих ученых, «крайне тяжело отзываются на их положении, вызывая уход профессуры в столичные вузы и отлив учащейся массы...» [7. Д. 33. Л. 32]. Для сохранения прежнего уровня преподавания, успешной научной работы профессорско-преподавательская корпорация искала пути приспособления. Например, чтобы поддержать работу кафедры прикладной математики Казанского университета, ее заведующий, не имея штатного ассистента, пригласил себе в помощники инженера с «оплатой ему из моих личных средств, в размере 35 рублей», – сообщает профессор [8. Д. 1052. Л. 15].

Задержка заработной платы в 1920-е гг. была хронической и сильно пошатнула и без того слабое социальное положение научной интеллигенции. В удручающем положении находились и служащие Казанского университета. Болея душой и за дело, и за людей, причастных к нему, профессура вуза буквально заваливала местные комитеты просьбами о выдаче жалования своим служащим: ходатайство от заведующего геологическим кабинетом профессора М.Э. Ноинского [5. Д. 394. Л. 91], ходатайство от заведующего физиологической лабораторией профессора Н.А. Миславского [5. Д. 394. Л. 91об.]. Подобные просьбы и письма в советские органы власти были в то время не редкостью и иногда имели положительный результат, поскольку власти, оказывая покровительство, надеялись на лояльность со стороны некоторых категорий научной интеллигенции. Заявления писались по одной форме, выработанной администрацией, соблюдать такую форму должны были неукоснительно. Это дисциплинировало, заставляло чувствовать свою причастность к новому обществу. Заявление, написанное как-то иначе, могло быть вообще не рассмотрено месткомом.

Профессиональная деятельность ученого высшей школы неразрывно связана с педагогической практикой, где он может реализовать свой научный и педагогический потенциал. Поскольку революционные изменения коснулись всех сторон вузовской жизни, приходилось адаптироваться, менять прежние привычки и ценности, сформированные десятилетиями в педагогической практике. В противном случае ученый вынужден был покинуть стены вуза и расстаться с педагогикой. Так случилось в судьбе профессора Б.П. Кротова. Потомственный геолог, сын известного профессора-геолога Казанского университета Петра Ивановича Кротова, придерживался весьма независимых взглядов на происходящие вокруг изменения. Борис Петрович, унаследовав приличный багаж научных знаний и преподавательских навыков от своего отца, скончавшегося в 1914 г., пользовался авторитетом в академической среде. Попытки молодого ученого адаптироваться в новом социальном пространстве оказались малоэффективными. Прежние методы работы со студентами оказались никому не нужными. Студенческие представители обвинили профессора в некомпетентности, когда тот попытался наладить летнюю практику без ведома студенческих коллективов, заявив: «Если студенты 3-го и 4-го курсов хотят ехать на практику, то пусть не ходят в комиссию по распределению на практику, а идут к нему, иначе он отказывается устраивать их на практику» [10. Д. 32. Л. 51 об.]. Не жаловал профессор и студентов-общественников, про профессорско-преподавательский состав говорил: «Научный работник не может быть человеком-общественником» [10. Д. 32. Л. 51]. После таких заявлений продолжать карьеру ученого в советском обществе было очень непросто.

Тяжелое материальное положение, профессиональная дезориентация толкали многих ученых на мысли о переезде, где, возможно, будет проще приспособиться, найти свое место. Заявил о своем желании перейти на службу в г. Ленинград и профессор Б.П. Кротов. Кафедра геологии, наряду с другими кафедрами Казанского университета, испытывала сложности с профессорско-преподавательскими кадрами. Профессору предложили остаться, предоставили ряд льготных условий, в ответ на них ученый выдвинул свои «пожелания» [5. Д. 795. Л. 112]. Прекрасно осознавая, что его требования невыполнимы, профессор все-таки их предъявил. По сути, каждый пункт требований профессора – это социальные и профессиональные проблемы, испытываемые всеми научными работниками вузов Казани. Но в такой форме высказывать свое мнение было опасно. Б.П. Кротов не мог не понимать, что после таких заявлений он не сможет сохранить свое прежнее положение. Но вызов был сделан. Ученый в «Положениях в отношении условий службы в Казани» [5. Д. 795. Л. 111] прописал о своем желании иметь добавочную площадь к помещению минералогического кабинета для коллекций и для занятий студентов и еще одну комнату для практических занятий. Предлагал пополнить библиотеку новыми, в том числе и зарубежными изданиями, а лабораторию инструментами – о таких условиях службы в 1930-е гг. мечтали едва ли не все ученые. Почти программными стали пункты о сокращении числа лекций и занятий до приемлемого минимума. «Кричали» положения профессора и о социальных проблемах. Ученый требовал предоставления квартиры и оплаты за ее отопление, перевода на продовольственное снабжение по 1-й категории, увеличения заработной платы и санаторного лечения.

Далеко не всем бывшим «буржуазным» ученым удалось пройти путь профессиональной ресоциализации и сохранить место работы в вузе. Профессора Б.П. Кротова уволили с должности заведующего кафедрой со следующей мотивировкой: «Признать требования профессора Б.П. Кротова чрезвычайно преувеличенными, основанными на использовании затруднительного положения уни-

верситета в отношении отсутствия квалифицированных кадров. Отчислить профессора Б.П. Кротова от занимаемой должности. Довести до сведения Секцию научных работников и НКП РСФСР о поступке профессора Б.П. Кротова» [5. Д. 795. Л. 112]. Материалы дела передали в Секцию научных работников, на заседании которой обвинения в адрес профессора звучали как лозунги: «Нет более яркого примера рвачества, чем этот поступок – это должны знать все научные работники Казани и нашего Союза, это должны знать все трудящиеся. В нашем Советском Союзе люди науки – наукой не торгуют. Торговать наукой и собой это дело только тех научных работников, которые готовы служить капиталистическому строю» [5. Д. 795. Л. 110]. Заседание Секции научных работников вынесло решение исключить профессора П.Б. Кротова из состава организации. Позднее исключили профессора и из преподавательского состава Казанского университета.

Таким образом, научная интеллигенция применяла целый комплекс новых адаптивных практик. Используемые научной интеллигенцией практики адаптации способствовали формированию новой, гибридной идентичности.

Литература

1. Автухов А.Г. Организация и методика работы в высшей школе. М.: Учпедгиз, 1934. 168 с.
2. Дюков И.А. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина в 1917–1946 гг. / под ред. К.П. Ситникова. Казань, 1947. 123 с.
3. Казанский университет конца двадцатых-тридцатых годов. Сороковые годы // Наука. 1990. № 2–4.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1970. Т. 4. 598 с.
5. Национальный архив республики Татарстан. Р. 644. Оп. 1.
6. Национальный архив республики Татарстан. Р. 1337. Оп. 2.
7. Национальный архив республики Татарстан. Р. 1487. Оп. 1.
8. Национальный архив республики Татарстан. Р. 3682. Оп. 1.
9. Очерки истории Казанского университета / рук. авт. кол., сост. и отв. ред. И.П. Ермолаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 378 с.
10. Центральный государственный архив историко-партийной документации. Р. 624. Оп. 1.
11. Чанборисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М.: Высш. шк., 1988. 194 с.

ХАБИБРАХМАНОВА ОЛЬГА АРКАДЬЕВНА – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой философии и гуманитарных дисциплин, Институт социальных и гуманитарных знаний, Россия, Казань (olgaah@yandex.ru).

O. KHABIBRAKHMANOVA

ADAPTATION PRACTICES OF SCIENTIFIC INTELLIGENTSIA OF TATARSTAN IN 1920–1930

Key words: *adaptation, scientific intelligentsia, socialization, identity, Soviet.*

The article examines adaptation problems of Tatarstan scientific intelligentsia in 1920–1930. Studying adaptive practices of scientific intelligentsia is lead with the purpose of revealing social changes which involved post-revolutionary society and professorial corporation of Kazan. A historical-system approach in studying adaptive practices of scientific intelligentsia has allowed to reveal a degree of scientific intelligentsia participation in transformational processes.

On the basis of archival materials the article shows features of forming and using new adaptive practices of scientific intelligentsia. An uneasy way of scientists' resocialization in new conditions is shown. Especially sharply the scientists experienced the changes occurring in their professional sphere. As the basis of daily space was taken by science and teaching activity of scientists, it is in the professional environment that constructive changes were necessary with the purpose to adapt and try to keep former values and social practices. Embarking on the path of resocializa-

tion, scientists experienced both objective and subjective difficulties. Inventing new behavioral practices, scientists not only changed themselves but promoted the change of a social reality as well. The way of immense complexity in resocialization resulted in apathy among some scientists and in utter disregard to Soviet reality. A part of scientists adapted, another simply appeared to be deleted from a new social reality, having to say goodbye to their profession, to change their former residence.

Thus, as a result of new adaptive practices, used by the scientific intelligentsia in 1920–1930 there were serious social changes promoting emergence of a new, hybrid identity, no longer bourgeois, but not a Soviet scientist yet.

References

1. Avtukhov A.G. *Organizatsiya i metodika raboty v vysshei shkole* [The organization and technique of work in the higher school]. Moscow, 1934, 168 p.
2. Dyukov I.A. *Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V.I. Ul'yanova-Lenina v 1917–1946 gg.* [The Kazan state university him V.I.Uljanova-Lenina in 1917–1946]. Kazan, 1947, 123 p.
3. *Kazanskii universitet kontsa dvadtsatykh-tridtsatykh godov. Sorokovye gody* [The Kazan university of the end of the twentieth – thirtieth years. The fortieth years]. *Science*, 1990, no. 2–4.
4. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i Plenumov TsK* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of a Central Committee]. Moscow, 1970. vol. 4, 598 p.
5. *Natsional'nyi arkhiv respubliki Tatarstan. Fond 644. Opis'1* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 644. Anagraph 1].
6. *Natsional'nyi arkhiv respubliki Tatarstan. Fond 1337. Opis'2* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 644. Anagraph 1].
7. *Natsional'nyi arkhiv respubliki Tatarstan. Fond 1487. Opis'1* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 644. Anagraph 1].
8. *Natsional'nyi arkhiv respubliki Tatarstan. Fond 3682. Opis'1* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 644. Anagraph 1].
9. Ermolaev I.P. *Ocherki istorii Kazanskogo universiteta* [Sketches of a history of the Kazan University]. Kazan, Kazan University Publ., 2002, 378 p.
10. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-partiinoi dokumentatsii. Fond 3682. Opis'1.* [The central state archive of the historical-party documentation. Archives R-3682. Anagraph 1].
11. Chanborisov Sh.Kh. *Formirovanie sovetskoj universitetskoj sistemy* [Formation of the Soviet university system]. Moscow, 1988, 194 p.

KHABIBRAKHMANOVA OLGA – Candidate of Historical Sciences, Head of Philosophy and Humanities Department, Institute of Social and Humanitarian Knowledge, Russia, Kazan (olgaah@yandex.ru).

Ссылка на статью: Хабибрахманова О.А. Практики адаптации научной интеллигенции Татарстана в 1920–1930-х годах // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 147–152.

УДК 94(470.344)«19»:377.09

ББК 63.3(2Рос.Чув)63-28

Л.А. ХАРИТОНОВ

**ПОДГОТОВКА ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ
ДЛЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА ЧУВАШИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

Ключевые слова: энергетический кластер Чувашии, электротехнический и энергетический профили, инженерно-технические кадры, наставничество, повышение квалификации, образовательный процесс, энерготехникумы, технические вузы.

В статье уделено особое внимание изучению истории подготовки инженерно-технических кадров для электротехнической и энергетической промышленности Чувашии во второй половине XX в. с учетом особенностей развития региональной экономики. Впервые предпринята попытка исследовать систему технического образования на разных уровнях на основе изученных и проанализированных архивных документов. Исследованы основные формы и методы обучения будущих кадров для энергетического кластера (наставничество на предприятиях, повышение квалификации, индивидуальное обучение, прохождение курсов с отрывом и без отрыва от производства, стажировки). Изучена роль как представителей региональных властей, так и руководителей отдельных предприятий энергетической отрасли в создании национальной образовательной площадки для подготовки технических специалистов. Сделан основной вывод, о том, что открытие учебных заведений средней и высшей квалификации на территории Чувашии способствовало формированию энерготехнической среды как в Чувашской АССР, так и в многонациональном регионе Среднего Поволжья.

Энергетическая отрасль России считается одним из основных секторов развития экономики страны на современном этапе. Ее развитию и дальнейшему инвестированию уделяется огромное внимание на государственном уровне. В единой энергетической системе Российской Федерации важную роль играет быстроразвивающаяся энергетика Чувашской Республики. В связи с этим последовательное развитие энергетического кластера, вопросы подготовки будущих специалистов, инженеров-энергетиков для региона остаются актуальными.

Изучение данной проблемы показывает, что вопросы подготовки энергетических кадров затрагивались отдельными учеными как в советской, так и в постсоветской историографии. Из региональных работ советского периода, посвященных данной тематике, следует отметить исследование Г.П. Петрова [12], в котором автор отдельной главой рассматривает подготовку кадров для энергетической промышленности Чувашии. Представляют научный интерес статьи В.А. Щедрина, А.И. Минеева, А.В. Косихина, В.В. Натесовой, посвященные проблемам подготовки энерготехнических кадров в национальном регионе [9–11, 14]. Изучение материалов вышеуказанных авторов, региональных статистических источников, а также материалов архивных фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР) позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день отсутствуют работы, комплексно освещающие подготовку инженеров-техников для энергетической отрасли Чувашии во второй половине XX в.

Нами в фондах ГИА ЧР выявлены материалы, ранее не введенные в научный оборот [1–8]. Они наглядно показывают процесс подготовки энергетических кадров как в годы войны, так и послевоенное время, помогают проследить процесс создания на территории Чувашии первых средних и высших технических учебных заведений энергетического профиля.

Отметим, что после окончания Великой Отечественной войны в социально-экономическом развитии Чувашии начался новый этап. Это было связано с расширением производственной базы эвакуированных предприятий в годы войны на территорию Чувашии, а также введением в эксплуатацию новых. И, как след-

стве – в республике появились новые отрасли, в частности – электротехническая промышленность. Постепенно национальный регион превращался из аграрного в аграрно-индустриальный. Но промышленный потенциал, созданный в годы войны и накопленный в послевоенное время, нуждался в дипломированных, высококвалифицированных инженерно-технических кадрах.

Проблема подготовки кадров для республики неоднократно поднималась на уровне региональных властей еще в годы войны. Так, в 1942 г. по приказу Народного комиссариата электропромышленности СССР в г. Чебоксары был открыт вечерний филиал Горьковского электромеханического техникума при заводе № 654 (ныне – Чебоксарский электроаппаратный завод, далее – ЧЭАЗ) [2. Д. 2. Л. 24]. Следует отметить, что это решение и положило начало обучению будущих инженеров-энергетиков в республике. Первые занятия вечернего филиала начались в сентябре 1942 г. Они были организованы только для рабочих электроаппаратного завода. В процессе обучения встречалось много трудностей: за филиалом не было закреплено своего собственного здания, к тому же он не был оснащен необходимым оборудованием. Поэтому учебные занятия проводились в школе № 4 г. Чебоксары. Бывали случаи, когда занятия срывались из-за отсутствия электроэнергии. Посещаемость обучающихся также была на низком уровне. Все это было связано с военным временем, поскольку работающим учащимся приходилось трудиться практически целыми сутками на заводе. Да и численность обучающихся в филиале была небольшой – всего 32 студента [2. Д. 3. Л. 2]. Таким образом, первые попытки начала подготовки инженеров-энергетиков были предприняты в сложные для страны военные годы и направлены на удовлетворение потребности республики в специалистах энергетического кластера на территории самой Чувашии.

Учебное заведение на начальном этапе развития не могло в полной мере справиться с поставленными перед ним задачами. В связи с этим в 1943 г. на базе закрытого Чебоксарского коммунально-строительного техникума было принято решение открыть Чебоксарский энергетический техникум [1. Д. 3. Л. 137]. В нем начали готовить, в первую очередь, технических специалистов (электриков, теплотехников, дизелистов) и обучали рабочих для обслуживания электростанций и энергетической промышленности г. Чебоксары.

Спустя год приказом Наркомата электропромышленности СССР от 6 октября 1944 г. в Чебоксарах был создан автономный электромеханический техникум (далее – ЧЭМТ) с дневной и вечерней формами обучения (ныне – Чебоксарский электромеханический колледж). Совнарком Чувашской АССР выделил созданному техникуму небольшое двухэтажное здание рядом с Чебоксарским электроаппаратным заводом, которое мало было приспособлено для организации занятий и лабораторий. В этом здании до войны размещался Чебоксарский педагогический институт [2. Д. 3. Л. 2]. С октября 1944 г. был организован прием учащихся в техникум. Директорами техникума в военные и послевоенные годы работали: В.С. Шепелев, занимающий ранее должность заведующего вечерним филиалом Горьковского электромеханического техникума и И.П. Тысячник, ранее работавший инженером ЧЭАЗ [2. Д. 3. Л. 5].

Первые годы стали большим испытанием для преподавательского состава ЧЭМТ. Несмотря на то, что Совнарком СССР обязал Наркомэлектропром обеспечить учебный процесс необходимым оборудованием и специальными пособиями, практически учебно-материальная база не удовлетворяла требованиям времени. Поэтому многие преподаватели иногда сами готовили учебно-наглядные пособия, рисовали чертежи и схемы, которые широко использовались на занятиях. Кроме того, специальные дисциплины читали по совместительству практики: инженеры, технические специалисты электроаппаратного завода. Таким образом, за годы войны был заложен фундамент в дело подго-

товки и обучения инженерно-технических кадров энергетиков в средних специальных учебных заведениях Чувашии.

Послевоенное обеспечение квалифицированными специалистами и рабочими кадрами для электротехнической промышленности Чувашии шло по трем направлениям: 1) обучение рабочих и инженерно-технических кадров и дальнейшее повышение их квалификации на предприятиях Чувашии; 2) подготовка кадров-энергетиков в средних специализированных учреждениях (техникумах) республики; 3) подготовка технических специалистов для Чувашии в высших учебных заведениях (институтах и университетах) соседних регионов.

В 1950–1960-е гг. в Чувашской АССР активно стала развиваться электротехническая промышленность, что способствовало созданию предприятий энергетического профиля на территории самой Чувашии. Это остро поставило на повестку дня вопрос обеспечения электротехнической промышленности национального региона квалифицированными кадрами. Конечно же, из других регионов (Москвы, Ленинграда, Н. Новгорода и др.) по всеобщему распределению специалистов в республику направлялись профессиональные технические кадры. Но этого было недостаточно. Так, в 1958 г. на 100 рабочих в республике приходилось всего 8 ИТР [10. С. 22]. Подобная «пропорция» не могла эффективно развивать промышленность. Необходимо также отметить, что доля занятых рабочих в электротехнической отрасли в 1950–60-х гг. выросла по сравнению с таковой в период военных лет (1940 г. – 0,4%, 1950 г. – 0,9%, 1960 г. – 1,4%) [13. С. 62]. Такая динамика, во-первых, иллюстрирует заинтересованность как представителей региональных властей, так и руководителей отдельных предприятий данной отрасли в укомплектовании в полном объеме рабочими кадрами и инженерно-техническими специалистами, во-вторых, показывает появление своей прочной базы для подготовки национальных кадров для энергетической отрасли и активное взаимодействие всех задействованных сторон образовательного процесса.

На многих промышленных предприятиях Чувашии было организовано производственно-техническое обучение, где готовили новых рабочих из местного населения путем наставничества. Основным видом учебы являлось индивидуальное обучение: рабочие, не имевшие соответствующей подготовки для данной работы, прикреплялись для обучения к мастерам, бригадирам и опытным рабочим. Они обеспечивались соответствующей мастерской и производственными инструкциями для самостоятельной подготовки. Через определенный срок подготовки и стажировки, установленной программой обучения, квалифицированная комиссия принимала у этой категории рабочих экзамены. Сдача экзамена оформлялась протоколом с оценкой по 5-балльной шкале. Только после издания соответствующего приказа по предприятию рабочий допускался к самостоятельной работе по подтвержденной квалификационным испытанием специальности. Так, подобной формой обучения в Ишлейском заводе высоковольтной аппаратуры в 1963 г. было подготовлено 50 человек, в 1964 г. – 103 человека [5. Д. 63. Л. 33; Д. 77. Л. 7]. А на Чебоксарской теплоэлектроцентрали (ТЭЦ-1) в 1956 г. подготовлены 26 человек, в 1973 г. – 35 человек [7. Д. 19. Л. 19; Д. 254. Л. 2]. Эти данные подтверждают то, что такая форма подготовки рабочих на местах в определенной степени все же решала кадровые вопросы, но она была распространена не во всех предприятиях Чувашии. Поэтому говорить об эффективности применения индивидуального обучения не приходится.

Кроме этого, на предприятиях велась целенаправленная работа с молодыми специалистами. В связи с частыми производственными травмами из-за их технической неграмотности или малограмотности с ними проводились курсы по техническому минимуму и правилам безопасности ведения работы.

Еще одним направлением было постоянное повышение квалификации как рабочих, так и инженерно-технических кадров. Повышение квалификации рабочих проводилось путем индивидуального обучения без отрыва от производства и на организованных на предприятиях производственно-технических курсах. А повышение квалификации ИТР и служащих, наоборот, проводилось с отрывом от производства и на постоянно действующих курсах профильного министерства. Такой подход, безусловно, был оправданным.

Конечно же, руководители региональных предприятий следили за профессиональным и карьерным ростом своих подчиненных. В этих целях некоторые кадры отправлялись на краткосрочные стажировки по обмену опытом работы на энергетические предприятия в Ульяновск, Тверь, Нижний Новгород, Москву, Казань, Уфу. Наиболее подготовленные и проявившие себя в практической работе ИТР зачислялись в резерв для выдвижения на инженерные и руководящие должности по линии созданного в 1957 г. Чувашского совнархоза и его управлений. Так, например, на ТЭЦ-1 в 1967 г. после получения соответствующего образования были повышены в должности: один инженерно-технический работник (Г.А. Тюмин), два рабочих выдвинуты на инженерно-технические должности (К.Н. Смирнов и В.Е. Камаев) и двум рабочим повышена квалификация до 6-го разряда (А.П. Карпеев, Ю.Д. Грязнов) [6. Д. 176. Л. 64]. Таким образом, в Чувашской АССР проводилась значительная работа по повышению квалификации руководящих и инженерно-технических кадров.

Следующим уровнем в системе подготовки кадров являлось обучение в средних технических учебных заведениях. В повышении технических знаний рабочих важное место занимали вечерние и заочные отделения средних специальных учебных заведений. В то время были открыты вечерние отделения в Чебоксарском энергетическом и Чебоксарском электромеханическом техникумах. Некоторые вечерние отделения техникумов функционировали непосредственно на промышленных предприятиях. Преимущество подобного вида обучения было в том, что образовательный процесс проходил без отрыва от работы.

В 1950–1960-е гг. число обучающихся в этих техникумах резко возросло. Так, в ЧЭМТ в 1954 г. обучались 527 студентов, а в 1964 г. – 1097 учащихся [12. С. 126]. Это было связано с резко возросшей потребностью в технических специалистах и рабочих кадрах на предприятиях Чувашской АССР, с одной стороны, и престижностью получения среднего технического образования – с другой.

Говоря об учебно-производственной базе техникумов, можно отметить, что она была крайне слабой. Большинство техникумов не имели собственных зданий и вели работу в арендованных помещениях, не приспособленных к проведению занятий, тесных и не отвечающих требованиям учебного процесса. А это не давало возможности организовать и развернуть работу лабораторий и учебных кабинетов. Имеющиеся в некоторых техникумах учебные мастерские были оснащены изношенным, устаревшим оборудованием и в недостаточном количестве. Также не все техникумы имели на своем балансе общежития для студентов. Все эти недостатки вызывали трудности в приеме иногородних учащихся из других районов, прежде всего – сельских.

Директора учебных заведений часто обращались за помощью к руководителям заводов и главных управлений Чувашии. Техникумы заключали договора с промышленными предприятиями, по которым учащиеся на их базе проходили производственные и преддипломные практики. Наиболее подходящими площадками для подобных практик являлись: Чебоксарский завод тракторных запасных частей (ЧЗПЗ), Чебоксарский электроаппаратный завод (ЧЭАЗ), Чебоксарский завод электрических исполнительных приборов (ЗЭИП) и др. Многие учащиеся, пройдя на этих заводах практику, оставались работать там же на инженерно-технических должностях. Из числа выпускников было немало тех, кто на-

правлялся на работу после окончания в другие города Чувашии и РСФСР (Шумерлю, Канаш, Мариинский Посад, Козловку, Новосибирск, Саранск, Нижний Новгород, Ижевск, Самару, Томск и др.) [7. Д. 255. Л. 42]. Все это говорит о том, что выпускники техникумов технического профиля Чувашии были конкурентоспособными и востребованными на рынке труда страны.

Самым главным звеном в подготовке технических кадров в республике явилось открытие во второй половине 1950-х гг. высших технических учебных заведений в самой Чувашии. До этого подготовка специалистов технического профиля осуществлялась в вузах крупных индустриально-культурных центров по целевым направлениям и по конкурсному отбору. В Чувашию направлялось, как правило, незначительное число выпускников вузов, в связи с этим на предприятиях наблюдалась высокая текучесть кадров. Ситуация несколько изменилась с организацией в 1955 г. учебно-консультационного пункта Всесоюзного заочного политехнического института (УКП ВЗПИ), с осени 1958 г. – вечернего филиала Горьковского политехнического института (ГПИ). В 1956 г. руководство республики поставило вопрос об открытии в Чебоксарах энергетического института и технического вуза [14. С. 8]. Следует отметить, что до этого в Чувашии не было вузов, готовивших технические кадры в самой республике.

Волжский филиал Московского энергетического института (ВФ МЭИ) официально был открыт 16 августа 1961 г. приказом Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР № 484 «Об организации филиала МЭИ в г. Чебоксары» [4. Д. 1. Л. 7]. Приказом Министерства от 8 сентября 1961 г. № 502 руководству филиала предписывалось организовать факультеты электрификации промышленности и электротехнический [4. Д. 1. Л. 8]. Прием студентов нужно было завершить до 20 сентября 1961 г., организовав конкурс из числа лиц, сдававших вступительные экзамены в разные вузы страны в том же году. Кроме того, филиалу разрешалось осуществить зачисление студентов из Чебоксарского филиала ГПИ и УКП ВЗПИ по всем специальностям на II–IV курсы. Начало учебных занятий требовалось организовать с 1 октября 1961 г. и обеспечить учебный процесс высококвалифицированным преподавательским составом. Ставилась одновременно важная и самая трудная задача – обеспечить уже в 1962 г. через Главное управление министерства масштабное снабжение ВФ МЭИ материалами, современными приборами и оборудованием, необходимыми для создания учебно-лабораторной базы. Необходимо подчеркнуть, что она создавалась усилиями Чувашского совнархоза, МЭИ и всеми промышленными предприятиями республики.

На начальном этапе функционирования вуза лекции по многим дисциплинам в филиале читались прикомандированными профессорами и доцентами из МЭИ: П.А. Ионкиным, К.В. Егоровым, В.Н. Кудиным, А.Е. Сысоевым, Б.Ф. Токаревым и многими другими, проводившими занятия и в последующие годы. Филиал стремительно развивался и быстро получил популярность в Чувашии и в регионах Среднего Поволжья. Первые кадры («инженеры-электрики» и «электромеханики») получили дипломы о высшем образовании в ВФ МЭИ в 1963 г. [15. С. 21].

Таким образом, в 1950–60-е гг. в Чувашии было образовано разветвленное образовательное пространство по подготовке рабочих кадров и специалистов по энергетическому и электротехническому профилям. Следует отметить, что на 1950 г. численность технических специалистов с высшим образованием составляла всего 400 человек, в 1960 г. – 1800, в 1970 г. – 6 тыс., а в 1980 г. – уже 14,6 тыс. человек. Такая динамичная картина наблюдалась и среди средних технических специальностей (в 1960 г. – 6 тыс. человек, в 1970 г. – 16,4 тыс., а в 1980 г. – 35,7 тыс. человек) [13. С. 17]. Этому способствовало создание мощного

комплекса предприятий электротехнической промышленности, а также открытие вузов и техникумов и др. Все это способствовало решению кадровой проблемы в Чувашии и внедрению научно-технических достижений в экономику автономной республики. Во второй половине 1960-х гг. С.М. Ислюков, занимавший тогда должность первого секретаря Чувашского обкома КПСС, высказал новую, исключительно важную идею об открытии многопрофильного университета в г. Чебоксары.

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова был организован Постановлением Совета Министров СССР от 17 августа 1967 г. № 796. В приказе Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 26 августа 1967 г. № 386 «Об организации ЧГУ» предписывалось в установленном порядке передать ВФ МЭИ в подчинение аналогичному министерству РСФСР и открыть в новом университете 5 факультетов, в том числе и электротехнический [15. С. 23]. Так был образован технический вуз благодаря усилиям региональных властей, понимавших перспективу развития электротехнической и энергетической промышленности в будущем на территории Чувашии. Сегодня ЧГУ имени И.Н. Ульянова является одним из ведущих вузов Чувашии.

Таким образом, подготовка кадров для энерго- и электротехнической отрасли на территории Чувашии была начата в сложные для всей страны военные годы. Она была продиктована развитием энергетической отрасли в республике и нехваткой на предприятиях высококвалифицированных специалистов и рабочих. А во второй половине XX в. благодаря усилиям руководства республики и заинтересованных лиц были созданы и открыты первые средние технические и высшие учебные заведения, которые стабильно обеспечивали высококвалифицированными кадрами предприятия как энергетической промышленности, так и агропромышленного комплекса Чувашии.

Литература и источники

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 1803. Оп. 1. Д. 3, 71.
2. ГИА ЧР. Ф. 1884. О. 1. Д. 2, 3.
3. ГИА ЧР. Ф. 1912. Оп. 1. Д. 37.
4. ГИА ЧР. Ф. 1981. Оп. 1. Д. 1, 8.
5. ГИА ЧР. Ф. 2156. Оп. 1. Д. 63, 77, 90.
6. ГИА ЧР. Ф. 2309. Оп. Д. 67.
7. ГИА ЧР. Ф. 2388. Оп. 1. Д. 12, 19, 176, 254, 255.
8. ГИА ЧР. Ф. 2412. Оп. 1. Д. 8, 16, 33.
9. *Косихин А.В.* Самоотверженный труд энергетиков республик Среднего Поволжья в период Великой Отечественной войны // Экономика в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн. 2011. № 2. С. 51–60.
10. *Минеев А.И.* Чувашский совнархоз и подготовка технических кадров // Вестник Чувашского университета. 2013. № 1. С. 22–26.
11. *Натесова В.В.* Формирование единой системы энергообеспечения в Чувашии в 1950–1980 гг. // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2011. № 3 (71). С. 134–140.
12. *Петров Г.П.* Энергетика Советской Чувашии. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1971. 166 с.
13. Чувашия за 70 лет Советской власти (в цифрах): стат. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 98 с.
14. *Щедрин В.А.* Полвека кузнице творцов научно-технического прогресса Чувашской Республике // Вестник Чувашского университета. 2011. № 3. С. 7–16.
15. *Щедрин В.А.* Страницы из полувековой истории кафедры электроснабжения промышленных предприятий им. А.А. Федорова // Региональная энергетика и электротехника: проблемы и решения: сб. науч. тр. Вып. 6. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. С. 15–32.

ХАРИТОНОВ ЛЕОНИД АНАТОЛЬЕВИЧ – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет, Чебоксары (haritonovleonida@gmail.com).

L. KHARITONOV

TECHNICAL MANPOWER TRAINING FOR THE ENERGY CLUSTER OF THE CHUVASH REPUBLIC IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Key words: energy cluster of Chuvashia, electrotechnical and power engineering profiles, engineering and technical manpower, mentoring, professional development, educational process, energy technical schools, technical high schools.

The article pays special attention to studying the history of technical manpower training for electrotechnical and power engineering industry of Chuvashia in the second half of the 20th century taking into account developmental features of regional economy. It is the first attempt to examine the system of technical education at different levels on the basis of studied and analysed archival documents. The main forms and methods of training (mentoring at enterprises, professional development, individual training, passing out-of-service training courses and on-job training courses, manufacturing practice) future manpower for the power engineering cluster are investigated. The role of both regional authorities' representatives and the heads of individual enterprises of power engineering branch in creation the national educational platform for technical specialists training is studied. The main conclusion is drawn that opening secondary and higher educational institutions in the territory of Chuvashia contributed toward formation of power engineering technical environment both in the Chuvash ASSR and in multinational region of the Central Volga.

References

1. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1803. Opis 1. Document 3, 71 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 1803. Anagraph 1. Document 3, 71].
2. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1884. Opis 1. Document 2, 3 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 1884. Anagraph 1. Document 2, 3].
3. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1912. Opis 1. Document 37 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 1912. Anagraph 1. Document 37].
4. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1981. Opis 1. Document 1, 8 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 1981. Anagraph 1. Document 1, 8].
5. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 2156. Opis 1. Document 63, 77, 90 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 2156. Anagraph 1. Document 63, 77, 90].
6. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 2309. Opis 1. Document 67 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 2309. Anagraph 1. Document 67].
7. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 2388. Opis 1. Document 12, 19, 176, 254, 255 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 2388. Anagraph 1. Document 12, 19, 176, 254, 255].
8. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 2412. Opis 1. Document 8, 16, 33 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 2412. Anagraph 1. Document 8, 16, 33].
9. Kosikhin A.V. Samootverzhennii trud energetikov respublik Srednego Povolzh'ya v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Dedicated work of power engineers of the republics of the Middle Volga region during the great Patriotic war]. *Ekonomika v gody Vtoroi mirovoi i Velikoi Otechestvennoi voyn* [The economy during the Second World war and great Patriotic war], 2011, no. 2, pp. 51–60.
10. Mineev A.I. Chuvashskii sovnarkhoz i podgotovka tekhnicheskikh kadrov [The economic Council of the Chuvash and technical training]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, no 1, pp. 22–26.
11. Natesova V.V. Formirovanie edinoi sistemy energoobespecheniya v Chuvashii v 1950–1980 gg. [The formation of a single electricity system in the Chuvash Republic in the 1950-1980's.]. *Vestnik ChGPU* [Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University], 2011, no. 3(71), pp. 134–140.
12. Petrov G.P. *Energetika Sovetskoj Chuvashii* [Energy Soviet Chuvashia]. Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1971, 166 p.
13. *Chuvashiya za 70 let Sovetskoj vlasti (v tsifrah): stat. sb.* [Chuvashia 70 years of Soviet power (in numbers): Stat. Collection]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1990, 98 p.
14. Shchedrin V.A. Polveka kuznitse tvortsov nauchno-tekhnicheskogo progressa Chuvashskoi Respublike [Half a century forge creators of scientific and technical progress of the Chuvash Republic]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2011, no. 3, pp. 7–16.
15. Shchedrin V.A. Stranitsy iz poluvekovoi istorii kafedry elektrosnabzheniya promyshlennykh predpriyatii im. A.A. Fedorova [Pages from a half – century history of the department of industrial power them A.A. Fedorov]. In: *Regional'naya energetika i elektrotehnika: problemy i resheniya: sb. nauch. tr. Vyp. 6* [Regional power engineering and electrical engineering: problems and decisions: Collected papers. Iss. 6]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2010, pp. 15–32.

KHARITONOV LEONID – Post-Graduate Student, Russian and World History Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (haritonovleonida@gmail.com).

Ссылка на статью: Харитонов Л.А. Подготовка технических кадров для энергетического кластера Чувашии во второй половине XX века // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 153–159.

УДК [316.334.55;316.7](470.344) “21”
ББК 71.084.2

В.Г. ХАРИТОНОВА

СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ЧУВАШИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ*

Ключевые слова: Чувашская Республика, сельское население, социальные и культурные факторы, мотивация жизнедеятельности.

В статье рассматриваются вопросы развития сельского общества Чувашии в начале XXI в., мотивации жизнедеятельности сельского населения. Основные социокультурные факторы развития сельского сообщества в первое десятилетие XXI века, их влияние на социальную региональную модернизацию выступают в качестве научной проблемы. Эмпирическую основу статьи составили материалы социологических опросов населения 2006 и 2012 гг., статистические источники, научная литература. В результате исследования выделены социокультурные аспекты, влияющие на формирование совокупности ценностей и поведенческих норм, механизмов социальной деятельности, стабилизацию сельского социума. Сравнительный анализ с общей ситуацией в республике, прежде всего по поселенческому признаку, позволил обозначить особенности развития, выявить тенденции трансформации сельского общества на примере Чувашской Республики, их восприятия населением, обратить внимание на возможные пути решения проблем. Основное внимание уделяется анализу субъективного мнения населения и его отношения к происходящим процессам и перспективам. Делается вывод о влиянии социокультурных факторов на социальные процессы, поддержание и повышение уровня и качества жизни населения. Поставленные в научной статье проблемы имеют как теоретическую, так и практическую значимость. Особенности развития сельского социума региона необходимо учитывать при реализации программ социально-экономического, социального и культурного развития, активного использования потенциала сельского населения, налаживания взаимосвязи с соответствующими институтами и структурами для оптимизации дальнейшей жизнедеятельности.

Аграрные реформы, начавшиеся в 1990-е гг., внесли значительные изменения во все стороны жизни сельского населения Чувашии, обострили многие аспекты его жизнедеятельности, выявили необходимость выработки механизмов адаптации к новым условиям. В дальнейшем государственная политика в аграрной сфере преимущественно была направлена на социальное развитие и создание привлекательной инфраструктуры сельских территорий [3. С. 3; 10; 11]. Для Чувашии, в которой доля населения, проживающего в сельской местности, остается высокой, 38,7% на 1 января 2016 г. (в Российской Федерации 25,9% на 1 января 2016 г.), проведение данной политики весьма актуально [17. С. 47]. Вплоть до второй половины 1970-х гг. республика оставалась аграрной, с доминированием сельского населения. Перепись 1989 г. впервые выявила превышение городских жителей над сельскими. В общей численности населения доля сельского населения сократилась с 54,5% в 1979 г. до 42,4% в 1989 г., доля городского населения, соответственно, возросла с 45,5 до 57,6%. В дальнейшем доля городского населения в общей численности населения возрастала, на 1 января 2016 г. она составила 61,3% [18. С. 23; 17. С. 47]. Однако между двумя последними переписями 2002 г. и 2010 г. произошло незначительное снижение доли городского населения в республике. В 2010 г. доля городского населения составила 58,8% (в 2002 г. – 60,6%), сельского – 41,2% (в 2002 г. – 39,4%). На рост численности сельского населения повлияли административно-территориальные преобра-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 116-03-00356.

зования. За период между переписями 2002 г. и 2010 г. 8 поселков городского типа в соответствии с законодательством республики отнесены к категории сельских населенных пунктов. Сельское население республики сократилось за счет естественной убыли – на 33,3 тыс. человек, миграционной убыли – на 21,4 тыс. человек, за счет административно-территориальных преобразований увеличилось на 52,9 тыс. человек. Однако административные изменения не смогли компенсировать потери от естественной и миграционной убыли [9].

Одной из особенностей этнодемографической ситуации в республике являлось то, что титульная национальность была представлена численно как в городе, так и в сельской местности практически равномерно, в то время как русские, как, впрочем, и другие национальности, предпочитали жить в городах, нежели в сельской местности. Однако перепись 2002 г. зафиксировала превышение численности чувашей горожан над сельскими. Высокая доля чувашей в столице республики и в ее городском населении стала следующей отличительной особенностью региональной этнодемографической ситуации [2. С. 10–13; 9]. Следующим показателем является старение населения республики в целом, сельского в том числе: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., средний возраст жителей республики составил 38,7 года (в 2002 г. – 37 лет). Во многих административных сельских районах республики данный показатель выше среднереспубликанского значения [9]. По статистическим данным, на 1 января 2015 г. 67,1% молодежи от 14 до 30 лет проживало в городах Чувашии, на селе, соответственно, 32,9% (одна треть) [7. С. 8]. Кроме того, в Чувашии начиная с 2001 г. наблюдались достаточно высокие темпы относительного снижения занятости в аграрном секторе, но практически не происходил процесс урбанизации. Доля сельского населения на протяжении более чем 20 лет находится на уровне 40%, что в условиях аграрного перенаселения вызывает проблему обеспечения занятости сельского населения [16. С. 233]. С другой стороны, программы социально-экономического развития региона должны опираться на активность граждан, их инициативы [1]. Исходя из этих проблем в статье основное внимание уделено социокультурным факторам развития сельского общества Чувашии, при этом упор делается на анализ субъективного мнения населения и его отношения к происходящим процессам.

Изучение и анализ социокультурной характеристики регионов имеют актуальное значение на современном этапе. Регион рассматривается как социокультурная территориальная общность, которая образуется в результате деятельности жителей, социальных групп, организаций региона, выполняет ряд определенных функций по отношению в целом к российскому обществу и служит средой для мотивации жизнедеятельности населения [3–6, 8, 15]. Основу социокультурных факторов развития сообщества составляют человеческий потенциал, менталитет, преобладающие жизненные ценности, установки, культурные традиции, этнический и конфессиональный опыт. Совокупность социальных и культурных изменений влияет на уровень и качество жизни, развитие формальных и неформальных правил действий индивидов, организаций в экономической, политической и общественной жизни общества. Для проведения эффективной региональной социальной и культурной политики необходимо также учитывать изменения в нормах, ценностях, ориентациях и социальных практиках населения.

Источниковую базу статьи составили материалы социологического изучения населения республики, проведенного в 2006 г. ($N = 998$) и 2012 г. ($N = 1002$) в рамках реализации проекта «Социокультурный портрет регионов России», разработанного Центром изучения социокультурных изменений при

Институте философии РАН, авторы – доктор философских наук, член-корреспондент РАН Н.И. Лапин, доктор социологических наук Л.А. Беляева [12, 13]. С целью выявления основных тенденций и направлений социокультурной динамики республики исследование проводится в мониторинговом режиме [16, 19], в 2016 г. проведен третий этап опроса. Для опросов использована стратифицированная, многоступенчатая, квотная (пол/возраст) выборка. Само исследование проходило в следующих административно-территориальных единицах, отражающих этническую и географическую картину региона: в городах Чебоксары, Новочебоксарск, Канаш, Алатырь, Ядрин, Козловка, Шумерля; сельских районах – Алатырском, Батыревском, Вурнарском, Ибресинском, Канашском, Козловском, Чебоксарском, Шумерлинском, Ядринском. Были также изучены официальные документы, статистические источники, материалы СМИ, научная литература.

Одним из индикаторов качества региональной социокультурной общности, сбалансированности социокультурных функций является отношение населения к своему региону. Для выяснения позиций населения республики респондентам был задан ряд вопросов. Большинство населения Чувашии испытывает положительное отношение к Чувашии (см. табл. 1). При этом, безусловно, позитивных ответов больше примерно в 3 раза, чем негативных. В то же время с 2006 г. наблюдается некоторое снижение доли тех, кто в целом положительно оценивает свое проживание в республике с 80,1% в 2006 г. до 76,9% в 2012 г.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
Какие чувства Вы испытываете по отношению к Чувашии?
(% от числа опрошенных)**

Варианты ответов	2006			2012		
	все	город	село	все	город	село
Я рад, что живу здесь	38,3	35,5	42,6	34,2	26,1	47,4
В целом я доволен(льна), но многое не устраивает	41,8	43,3	39,5	42,7	45,6	37,9
Не испытываю особых чувств по этому поводу	10,1	9,2	11,4	12,7	15,3	8,4
Мне не нравится здесь жить, но привык и не собираюсь уезжать	5,2	6,1	3,9	2,9	3,5	1,8
Хотел(а) бы уехать в другой регион России	2,9	3,8	1,6	4	5	2,4
Хотел(а) бы вообще уехать из России	0,8	1,2	0,3	2,2	3,1	0,8
Затрудняюсь ответить	0,5	0,5	0,5	1,3	1,3	1,3
Отказ от ответа	0,4	0,5	0,3	-	-	-

Примечание. Табл. 1 составлена по результатам опросов в 2006, 2012 гг.

Наблюдается рост числа желающих уехать в другой регион России и из России с 3,7% в 2006 г. до 6,2% в 2012 г. По данным опросов, позитивная оценка жизни в регионе респондентов имеет некоторые, но несущественные различия по возрасту, гендеру, образованию. Более существенные различия выявлены в ответах на этот вопрос среди городских и сельских жителей, а также среди русских и чувашей. Традиционно положительное отношение высказывают сельское и чувашское население. Доля сельчан, выбравших вариант ответа «рад, что живу здесь» как в 2006 г., так и в 2012 г., намного выше доли горожан. Среди первых меньше недовольных местом проживания, по сравнению с 2006 г. их доля даже уменьшилась на 5 процентных пунктов. Однако тенденция увеличения доли желающих уехать из Чувашии сохраняется и среди сельского населения. В целом следует отметить снижение оптимизма жителей республики, трансформирующееся в отстраненное отношение, такое положение наблюдается в ряде регионов России [13].

На оценки населения повлияла сложная социально-экономическая ситуация в республике (см. табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос:
Как Вы считаете, жители Чувашии живут лучше или хуже,
чем жители соседних регионов?
(% от числа опрошенных)**

Варианты ответов	2006			2012		
	все	город	село	все	город	село
В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах	12,3	11	14,4	7,7	5,2	11,8
По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже	49,3	50,8	46,9	51,8	55,7	45,3
В нашем регионе люди живут хуже, чем в соседних регионах	24,3	27	20,1	27,5	30,7	22,4
Затрудняюсь ответить, отказ от ответа	14	11,2	18,6	13	8,4	20,5

Примечание. Табл. 2 составлена по результатам опросов в 2006, 2012 гг.

Около половины опрошенных как в 2006 г., так и в 2012 г. считают, что по сравнению с другими соседними регионами уровень жизни в республике может отличаться как в лучшую, так и в худшую сторону. В то же время снизилась доля тех, кто считает, что «люди живут лучше, чем в соседних регионах», на 5 процентных пунктов и выросла доля тех, кто считает, что «люди живут хуже, чем в соседних регионах», на 3 процентных пункта. Сельское население более позитивно оценивает свой уровень жизни. По данным 2012 г. доля сельских жителей, считающих, что в Чувашии люди живут лучше, чем соседних регионах, была в 2 раза выше, чем среди городских жителей. Но и среди сельчан в 2012 г. фиксируется более критичное отношение к оценке уровня жизни. На изменение идентификационных установок населения оказали влияние последствия финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг., приведшего к снижению основных экономических и социокультурных показателей в республике. Согласно данным опроса 2012 г., вследствие кризисных явлений 5,9% сельских респондентов оказались без работы и заработка, 12,3% потеряли в доходах, 12,6% столкнулись с задержками заработной платы и социальных выплат, 1,7% перешли на менее оплачиваемую работу, 7,8% взялись за дополнительную работу. Только 2,8% из них смогли во время кризисной ситуации повысить квалификацию и стали лучше зарабатывать и 1,4% нашли другую лучше оплачиваемую работу, для 55,5% опрошенных ничего не изменилось.

Проанализируем далее ответы на вопрос об уровне удовлетворенности респондентами своей жизнью (табл. 3). Уровень удовлетворенности своей жизнью у сельского населения республики в 2006 г. был в целом положительный (57%), в том числе полностью удовлетворены 12,1%, скорее удовлетворены – 45,0%. Часть опрошенных выразила свое неудовольствие положением дел, в том числе 18,9% были не очень удовлетворены, а 1,8% – совсем не удовлетворены. Разница в степени удовлетворенности своей жизнью у жителей города и села оказалась небольшой, менее 2 процентных пунктов, но среди горожан на 6 процентных пунктов была выше доля тех, кто недоволен своей жизнью в целом. По данным 2012 г., налицо разделение всего массива на две значительные части, большая из которых (55,5%) полностью или частично удовлетворена своей жизнью, а меньшая (39,1%) выбрала варианты «не очень удовлетворен» или «совсем не удовлетворен».

Обращает на себя внимание отсутствие различий между сельским и городским населением. Причем первые оказались более оптимистиче-

ски настроены к оценкам своей жизни. Отметим, что в 2012 г. менее 6% сельских респондентов затруднились определить свое отношение к данному вопросу, тогда как в 2006 г. не смогли определиться 22%. Учитывая, что доля сельчан, полностью удовлетворенных своей жизнью в целом, по сравнению с аналогичным показателем в 2006 г. изменилась незначительно, то опрос 2012 г. показал на значительное увеличение доли неудовлетворенных: с 20,7 до 37%. Таким образом, оценка изменения своего уровня жизни сельскими респондентами стала более критичной. Величина коэффициента удовлетворенности жизнью в 2012 г. составила 0,64, что несколько ниже его значения в 2006 г. (0,68).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос:
Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?**
(% от числа опрошенных)

Варианты ответов	2006			2012		
	все	город	село	все	город	село
Полностью удовлетворен(а)	11,8	11,7	12,1	13,1	13,4	12,7
Скорее удовлетворен(а)	44,3	43,8	45	42,4	42,1	43
Затрудняюсь сказать точно	18,9	16,9	22	4,9	4,4	5,8
Не очень удовлетворен(а)	21,3	22,8	18,9	34,4	34,1	34,8
Совсем не удовлетворен(а)	3,2	4,1	1,8	4,7	5,7	3,2
Отказ от ответа	0,5	0,7	0,3	0,4	0,3	0,5

Примечание. Табл. 3 составлена по результатам опросов в 2006, 2012 гг.

Важнейшим фактором социального самочувствия населения является уверенность/неуверенность в будущем. По данным исследования, 41,8% населения в 2006 г. можно отнести к оптимистам, поскольку из них уверены в своем будущем 12,8%, а 29,0% скорее уверенные, чем не уверенные. Пессимистические настроения высказали чуть более пятой части опрошенных (21,3%). Горожане и жители сельских населенных пунктов практически не отличаются в уровне уверенности в своем будущем. В 2012 г. среди респондентов самой большой группой являются лица, уверенные в своем будущем в той или иной степени (см. табл. 4), их доля несколько увеличилась: до 43,6%. Весьма высока и доля тех, кто сомневался в точном ответе, иначе говоря, в оценке своих перспектив в целом. Менее пятой части (17,9%) были настроены пессимистично. Применительно к городской и сельской местности разница в ответах не дает основания для дифференциации населения по этому признаку, что вовсе не означает одинаковый уровень притязания в оценке своего будущего.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос:
Степень уверенности жителей Чувашии в своем будущем**
(% от числа опрошенных)

Варианты ответов	2006			2012		
	все	город	село	все	город	село
Вполне уверен(а)	12,8	12,8	12,7	14,3	15,2	12,9
Скорее уверен(а), чем нет	29	29,4	28,4	29,3	29	29,7
Не могу сказать точно	36	34	39,3	38	36,2	40,8
Скорее не уверен(а), чем уверен(а)	16,5	17,6	14,7	13,6	14,7	11,8
Совершенно не уверен(а)	4,8	5,3	4,1	4,3	4,4	4,2
Отказ от ответа	0,9	1	0,8	0,5	0,5	0,5

Примечание. Табл. 4 составлена по результатам опросов в 2006, 2012 гг.

Далее рассмотрим мнения респондентов о возможных изменениях в ближайшие годы уровня жизни как их самих, так и их семей (табл. 5). В

2006 г., по данным опроса, доля жителей Чувашии, оценивающих, что их жизнь в ближайшей перспективе станет лучше, составила 40,8%, при этом среди горожан оптимистов было больше, чем среди сельчан, на 5 процентных пунктов. Около 31% городского и 25% сельского населения считали, что «ничего не изменится». Доля тех, кто предполагал ухудшение условий жизни, на селе оказалась выше, чем в городах: 12,4 и 9,2%, соответственно.

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос:
Жители Чувашии о перспективах своей жизни в ближайшие годы
(% от числа опрошенных)**

Варианты ответов	2006			2012		
	все	город	село	все	город	село
Значительно лучше	8,1	7,4	9,3	7,4	9,3	4,2
Несколько лучше	32,7	35,2	28,6	20,2	19,7	21
Ничего не изменится	28,9	31,3	25	31	31,4	30,2
Несколько хуже	8,3	6,9	10,6	8,1	8,5	7,4
Значительно хуже	2,1	2,3	1,8	1,8	1,8	1,9
Не знаю	19,6	16,6	24,5	31,3	28,8	35,3
Отказ от ответа	0,3	0,3	0,3	0,3	0,5	-

Примечание. Табл. 5 составлена по результатам опросов в 2006, 2012 гг.

Одновременно около 20% населения не знали ответа на вопрос, среди них доля сельского населения была выше. Таким образом, в 2006 г. сельское население было менее уверено в возможности улучшения уровня и качества жизни в ближайшем будущем. По данным 2012 г., 25,2% сельских респондентов полагают, что они и их семьи будут в ближайшие годы жить значительно или несколько лучше. Этот показатель на 17 процентных пунктов ниже, чем доля уверенных в той или иной мере в своем будущем (см. табл. 4). Подобная пропорция отмечается и при сравнении удельного веса тех, кто не уверен в своем будущем, и группой, полагающей, что жизнь станет хуже. Кроме того, почти треть опрошенных сельчан (30,3%) считает, что ничего не изменится. Среди вариантов ответа на данный вопрос есть и такой, как «Не знаю», который хотя и совсем ненамного опередил вариант «Ничего не изменится». Среди сельского населения между двумя опросами значительно сократилась доля респондентов, предполагающих улучшение жизни, возросла доля тех, кто не может определенно ответить на вопрос. Подобные тенденции наблюдаются и среди городского населения.

Таким образом, чуть более четверти респондентов полагают, что в их жизни произойдут перемены к лучшему, а для значительного большинства ближайшее будущее или ничего не изменит, или этот вопрос остается для граждан пока закрытым. Обращают на себя внимание практически одинаковые ответы у горожан и жителей села, что свидетельствует об отсутствии осязаемых перспектив для улучшения жизни у большинства респондентов. На самочувствие сельских жителей определенное влияние оказывают специфика сельского образа жизни, большая его консервативность, традиционность, система самосохранения. Оптимизм и уверенность в будущем базируются у жителей сельской местности Чувашии на этих жизненных ценностях. Доля же их в составе всего населения республики достаточно высока. Считаем, что данное обстоятельство в определенной мере может быть причиной реальной социокультурной разбалансированности.

Показатели социального самочувствия населения отражают противоречивость процессов, происходящих в регионе. Следует отметить важную тенден-

цию в динамике такой стержневой установки социальной самооценки, как снижение патерналистских устремлений и понимание важности собственных усилий. В 2006 г. среди граждан, полагающих, что улучшение собственной жизни полностью или частично зависит от собственных усилий, насчитывалось 85%, в 2012 г. – 88,8%. Среди сельчан как в 2006 г., так и в 2012 г. этот показатель был выше, 86,8% и 89,6%, соответственно, среди горожан 84% в 2006 г. и 88,3% в 2012 г. Как видим, рост не выражен ярко, и это закономерно, и связан прежде всего с реальными условиями жизни, ибо трудно ожидать абсолютной убежденности и уверенности в своих силах от всего населения, даже если речь идет только об улучшении собственной жизни. Понимание того, что от действия властей, в первую очередь российских, зависит успех бизнеса и работы многих предприятий и учреждений, по данным 2006 г., среди сельских жителей составило 70%, по данным 2012 г. – 50%. Данные представления, в свою очередь, сдерживают мотивацию улучшения жизни отдельных граждан.

Вместе с тем индекс социального самочувствия населения Чувашии остается стабильным (0,63 в 2006 г. и 0,64 в 2012 г.) в основном благодаря более традиционному отношению сельского населения республики к развитию общества. Данные особенности развития сельского социума региона необходимо учитывать при реализации программ социально-экономического, социального и культурного развития, активного использования потенциала сельского населения, налаживания взаимосвязи с соответствующими институтами и структурами для оптимизации дальнейшей жизнедеятельности. Анализ социокультурных аспектов развития сельского мира, крестьянства Чувашии показывает, что данные процессы являются гибкими, но не абсолютными, и решение указанных проблем может стать ключевым в дальнейшем развитии республики. Глубина и негативные тенденции трансформации наиболее выражено проявляются в сельском сообществе, но в целом можно утверждать, что происходит адаптация сельского населения к последствиям реформ и изменениям экономики.

Литература

1. Заседание президиума Госсовета по вопросу повышения роли регионов в модернизации экономики [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://президент.рф/news/13477/> (дата обращения: 22.12.2015).
2. *Иванова Н.М., Харитонов В.Г.* Информационно-коммуникационные технологии в этнокультурном развитии региона (на примере Чувашской Республики) / ЧГИГН. Чебоксары, 2013. 128 с.
3. *Ильин И.Е.* Современное российское село: реформы и повседневность / ЧГИГН. Чебоксары, 2014. 270 с.
4. *Каргаполова Е.В.* Тридцатый регион: потенциал социального развития / под ред. Н.В. Дулиной. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2011. 375 с.
5. *Кореланов Г.С.* Социальное воспроизводство региона: экономико-социологический анализ. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. 568 с.
6. *Мансуров П.М.* Формирование устойчивого жизнеобеспечения населения сельских территорий Ульяновской области. Ульяновск: УлГТУ, 2012. 272 с.
7. Молодежь Чувашии в современном обществе. Информационно-статистический материал / Чувашстат. Чебоксары, 2016. 59 с.
8. *Никитина Г.А.* Сельское сообщество Удмуртии в условиях реформ рубежа XX–XXI веков: ресурсы и опыт адаптации / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2015. 320 с.
9. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Чувашской Республике. URL: <http://chuvash.gks.ru> (дата обращения: 22.12.2016).
10. Перечень поручений по итогам заседания Госсовета и Совета по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/2096> (дата обращения: 22.11.2016).
11. Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию // Рос. газета. 2013. 13 дек.

12. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Ин-т философии РАН; сост., общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2013. 416 с.
13. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010. 111 с.
14. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост., общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2009. 808 с.
15. Современный российский регион: оценка состояния и перспективы развития / Е.В. Каргаполова, Д.П. Ануфриев, А.Ю. Арясова и др. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2012. 185 с.
16. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / И.И. Бойко [и др.]; под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой; ЧГИГН. Чебоксары, 2015. 244 с.
17. Чувашия в цифрах. 2016: краткий стат. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2016. 220 с.
18. Чувашия: 1920–2010. Цифры и факты: стат. сб. / Чувашстат. Чебоксары. 2010. 109 с.
19. Чувашская Республика. Социокультурный портрет / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина; ЧГИГН. Чебоксары, 2011. 192 с.

ХАРИТОНОВА ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВНА – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (val1957@rambler.ru).

V. KHARITONOVA

RURAL SOCIETY OF CHUVASHIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: SOCIO-CULTURAL FACTORS OF DEVELOPMENT

Key words: *the Chuvash Republic, rural population, social and cultural factors, motivation of life activity.*

This article discusses the development of the rural society in Chuvashia at the beginning of XXI century, motivation of life activity among rural population. The main socio-cultural developmental factors of rural community in the first decade of the XXI century and their influence on regional social modernization act as a scientific problem. The empirical basis for this article is made by findings of public opinion polls in 2006 and 2012, statistical sources and scientific literature. The study highlighted socio-cultural aspects influencing formation of the aggregate of values and behavioral norms, mechanisms of social activity, stabilization of rural society. A comparative analysis with the general situation in the Republic, primarily on the basis of settlement characteristic allowed to identify features of development, to identify trends in rural society transformation using the example of the Chuvash Republic, their perception by the population, to pay attention to possible solutions. Special attention is paid to analysis of population's subjective opinion and its relationship to ongoing processes and perspectives. The conclusion on the influence of socio-cultural factors on social processes, maintaining and improving the level and quality of life is made. The problems set up in the article have both theoretical and practical significance. Developmental features of rural society in the region should be considered in implementing programs of social and economic, social and cultural development, in active use of rural population potential, establishing links with relevant institutions and structures in order to optimize future activity.

References

1. Zasedanie prezidiuma Gossoveta po voprosu povysheniya roli regionov v modernizatsii ekonomiki [The state Council Presidium meeting on increasing role of regions in economic modernization] Available at: <http://prezident.rf/news/13477> (Accessed: 22 Dec. 2015).
2. Ivanova N.M., Kharitonova V.G. *Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v ehknokul'turnom razvitii regiona (na primere Chuvashskoj Respubliki)* [Information and communication technology in the ethnic and cultural development of the region (on the example of Chuvash Republic)]. Cheboksary, 2013, 128 p.
3. Il'in I.E. *Sovremennoe rossijskoe selo: reformy i povsednevnost'* [Contemporary Russian village: reforms and everyday life]. Cheboksary, 2014, 270 p.
4. Kargapolova E.V. *Tridtsatij region: potentsial sotsial'nogo razvitiya* [Thirtieth region: the potential of social development]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2011, 375 p.
5. Korepanov G.S. *Sotsial'noe vosпроизводство regiona: ehkonomiko-sotsiologicheskij analiz* [Social reproduction of the region: economic-sociological analysis]. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2010, 568 p.

6. Mansurov P.M. *Formirovanie ustojchivogo zhizneobespecheniya naseleniya sel'skikh territorij Ul'yanovskoj oblasti* [The formation of sustainable livelihoods of rural territories of the Ulyanovsk region]. Ulyanovsk, 2012, 272 p.
7. *Molodezh' Chuvashii v sovremennom obshhestve. Informatsionno-statisticheskij material* [The youth of the Chuvash Republic in the modern society Information and statistical material]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2016, 59 p.
8. Nikitina G.A. *Sel'skoe soobshhestvo Udmurtii v usloviyakh reform rubezha XX–XXI vekov: re-sursy i opyt adaptatsii* [Rural community of the Udmurt Republic in the conditions of reforms of the turn of XX–XXI centuries: resources and experience of adaptation]. Izhevsk, 2015, 320 p.
9. *Osnovnye itogi Vserossijskoi perepisi naseleniya 2010 goda po Chuvashskoi Respublike* [The main results of the population census of 2010 for the Chuvash Republic]. Available at: <http://chuvash.gks.ru> (Accessed: 22 Dec. 2016).
10. *Perechen' poruchenij po itogam zasedaniya Gossoвета i Soveta po realizatsii prioritnykh natsional'nykh projektov i demograficheskoy politike* [The list of instructions following meeting of state Council and Council for implementation of priority national projects and demographic policy]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/2096> (Accessed: 22 Nov. 2016).
11. *Poslanie Prezidenta RF Vladimira Putina Federal'nomu Sobraniyu* [The message of the President of the Russian Federation Vladimir Putin to the Federal Assembly]. *Rossiiskaya gazeta*, 2013, Dec. 13.
12. *Problemy sotsiokul'turnoj modernizatsii regionov Rossii* [Problems of socio-cultural modernization of Russian regions]. Moscow, Academia Publ., 2013, 416 p.
13. *Programma i tipovoj instrumentarij «Sotsiokul'turnyj portret regiona Rossii» (Modifikatsiya – 2010)* [Program and standard tools «socio-cultural portrait of the region» (Modification – 2010)]. Moscow, IFRAN Publ., 2010, 111 p.
14. *Regiony v Rossii: sotsiokul'turnye portrety regionov v obshherossijskom kontekste* [Regions in Russia: sociocultural portraits of regions in all-Russian context]. Moscow, AcademiaPubl., 2009, 808 p.
15. Kargapolova E.V., Anufriev D.P., Aryasova A.Yu. et al. *Sovremennyy rossijskij region: otsenka sostoyaniya i perspektivy razvitiya* [Modern Russian region: assessment and prospects]. Volgograd, 2012, 185 p.
16. Bojko I.I. et al. *Sotsiokul'turnaya ehvolyutsiya regionov Rossii: Chuvashskaya Respublika / [Socio-cultural evolution of the regions of Russia: Chuvash Republic]. Cheboksary, 2015, 244 p.*
17. *Chuvashiya v tsifrakh. 2016: kratkij stat. sb.* [Chuvashia in numbers. 2016]. Cheboksary, 2016, 220 p.
18. *Chuvashiya: 1920–2010. Tsifry i fakty: stat. sb.* [Chuvashia: 1920-2010. Facts and figures]. Cheboksary, 2010, 109 p.
19. *Chuvashskaya Respublika. Sotsiokul'turnyj portret* [Republic of Chuvashia. Sociocultural portrait]. Cheboksary, 2011. 192 p.

KHARITONOV VALENTINA – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia (val1957@rambler.ru).

Ссылка на статью: Харитонов В.Г. Сельское общество Чувашии в начале XXI века: социокультурные факторы развития // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 160–168.

УДК 811.111+811.161.1

ББК Ш12=411.2*008.51+Ш12=432.1*008.51

А.Г. АБРАМОВА, Е.Н. ГРИГОРЬЕВА, Т.Ю. ГУРЬЯНОВА, О.В. ЯКОВЛЕВА

СОЦИАТИВНЫЕ И КОМИТАТИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: творительный социативный, творительный комитативный, синтаксический элемент, дифференциальный синтаксико-семантический признак, валентность, оппозиция, дистрибуция, трансформация.

В статье рассматриваются социативные и комитативные синтаксические элементы в русском и английском языках. Творительный социативный и творительный комитативный в русском языке употребляются с предлогом «с», а в английском – с предлогом «with». При анализе творительного социативного и творительного комитативного учитывались следующие грамматические факторы: 1) соотносительность существительного в творительном падеже с существительным или глаголом и характер этой соотносительности; 2) вещественность или отвлеченность существительного, стоящего в творительном падеже; 3) порядок слов в предложении; 4) залоговая принадлежность глагола; 5) возможность замены творительного с предлогом «с» в русском языке, а в английском – с предлогом «with» другими равнозначными конструкциями. Отмечено, что активность членов совместности иногда определяется одушевленностью или неодушевленностью существительного, стоящего в творительном падеже.

А.М. Пешковский, рассматривая предложения *Пью чай с сахаром* и *Пью чай с товарищем*, обнаруживает так называемый творительный социативный, выражающий во втором предложении отношения совместности [7. С. 311]. Следует, однако, обратить внимание, пишет А.М. Мухин [5. С. 172], что за наименованием «творительный социативный» стоят не только синтаксемы, наделенные признаками социативности (совместности), но и ряд других синтаксем, за которыми, может быть, целесообразно закрепить термин, «комитативные» (сопроводительные). Собственно комитативную синтаксему можно усмотреть, например, в предложениях: *Яков вышел с лопатой. Она пряла с очками на носу. Люди идут с серпами*, где, как констатирует Д.С. Станишева, «обозначается сопровождающий предмет. При этом действие совершается только одним членом совместности, другой же не принимает в нем никакого (ни активного, ни пассивного) участия. Он лишь находится при субъекте в период совершения им указанного действия. Грамматически это выражается обозначением второго члена совместности неодушевленным, конкретным, вещественным существительным» [9. С. 52].

Исследование дистрибутивных и трансформационных возможностей комитативных синтаксических элементов показывает, что «чистая» комитативная синтаксема представлена предложной группой «С + существительное предметное в тв. пад.» без каких-либо определений к нему. Достаточно вместо предметного использовать неисчисляемое, абстрактное или существительное какого-либо другого семантического класса (существительные личные тоже исключаются, так как с ними модель «С + тв. пад.» характеризуется либо социативностью, либо взаимностью), как на признак комитативности накладываются другие дифференциальные синтаксико-семантические признаки (ДССП), прежде всего, способа. То же самое происходит, если использовать какое-либо неотчуждаемое определение к существительному в творительном падеже. Так в синтагме *Орел взлетел с шумом*, элемент *с шумом* несо-

мненно комитативный, так как возможна трансформация *Орел взлетел без шума* (трансформация замены предлога с предлогом *без* – это трансформация опознавания комитативных синтаксических элементов, т.е. наличия ДССП комитативности у синтаксического элемента), но элемент *с шумом* не представляет чистую комитативную синтаксему, так как существительное *шум* не является предметным. Здесь следует усматривать наложение ДССП способа на дифференциальный синтаксико-семантический признак комитативности, тем более, что синтагма допускает адвербиальную трансформацию предложной группы, ср.: *Орел взлетел с шумом* → *Орел взлетел шумно* → *Орел взлетел, шумно махая крыльями* и т.п.

Известно, что «чистая» синтаксема способа выражена качественными наречиями (*Он шел быстро; Петр выполнил работу хорошо* и т.д.). Все другие репрезентации этой синтаксемы вызывают наложения ДССП друг на друга, следовательно, в синтагме *Орел взлетел с шумом* элемент *с шумом* следует рассматривать как вариант комитативной синтаксемы способа.

В синтагме *Она пряла с очками на носу* сочетание *с очками* тоже не является чисто комитативным элементом, так как к существительному в творительном падеже имеется неотчуждаемое определение *на носу*, которое вместе с сочетанием *с очками* образует один синтаксический элемент – вариант комитативной синтаксемы способа. И, напротив, в синтагме *Яков вышел с большой лопатой* элемент *с лопатой* является чисто комитативной синтаксемой, так как прилагательное *большая* суть отчуждаемое определение.

С нашей точки зрения, собственно комитативность есть частный адвербиальный дифференциальный синтаксико-семантический признак, так как комитативные синтаксические элементы, как правило, распространяют предикаты, наделенные обязательной или факультативной адвербиальной валентностью. Это же верно в отношении ДССП способа.

На принадлежность к одной синтаксической категории (парадигматическому классу) адвербиальных синтаксических элементов указывает возможность систематической взаимозамены комитативных элементов и синтаксических элементов способа, что с помощью экспериментов-трансформаций подтверждает А.М. Мухин в книге «Синтаксемный анализ и проблема уровней языка» [6. С. 180–181], например, *She managed her surroundings with elegance* (Maugham) → *She managed her surroundings elegantly; It was charming to be welcomed with so much eagerness* (Maugham) → *It was charming to be welcomed so eagerly*.

Возвращаясь к русскому материалу, отметим, что как комитативные синтаксемы, так и синтаксемы способа, являясь адвербиальными элементами, должны допускать адвербиальную же трансформацию того или иного рода, подтверждающую их семантические признаки, например, синтагма *Она пряла с очками на носу* трансформируется в *Она пряла, имея очки на носу, Она пряла, надев очки* и т.п. Синтагма *Яков вышел с лопатой* трансформируется в *Яков вышел, держа в руке лопату, Яков вышел, взяв лопату* и т.п.

Обсуждая модель «С + тв. падеж существительного личного», А.М. Мухин различает «собственно социативную синтаксему», с одной стороны, и «социативно-объектную» – с другой. Обе синтаксемы представлены указанной моделью. «Социативно-объектная синтаксема» в русском языке употребляется при глаголах, обозначающих взаимный разговор, спор, сговор, борьбу, игру, встречу, знакомство, ссору, примирение, слияние, съезд, соединение и т.п., при этом модель «с кем» не должна заменяться моделью «вместе с кем» (*встречаюсь с ней* – **встречаюсь вместе с ней, познакомился с ним* –

**познакомился вместе с ним*), иначе предложная группа «с кем» в значении «вместе с кем» будет представлять вариант «собственно социативной синтаксемы» (*Вместе с ним мы сражались с врагом*). Все глаголы, служащие опорными в комбинациях с «социативно-объектными» элементами, либо взаимно-возвратные (*сговариваюсь, борюсь, знакоплюсь, мируюсь с кем*), либо взаимного значения (*говорю, спорю, беседую, играю с кем*). «Собственно-социативная синтаксема» выступает при самых различных глаголах, переходных и непереходных [5. С. 173].

Установив в предварительном порядке, что предложные группы социативного и социативно-объектного характера – разные синтаксемы, мы пока не знаем, принадлежат ли они к одному или разным парадигматическим классам (синтаксическим категориям). Если они принадлежат к разным парадигматическим классам синтаксических элементов, то они прямо не оппозитивны и противопоставляются друг другу лишь в межпарадигматических оппозициях. А.Г. Руднев (вслед за А.М. Пешковским) склоняется к следующему решению проблемы «социативных» элементов. Он пишет, что «подлежащее может быть выражено сочетанием существительного или местоимения в именительном падеже с существительным или местоимением в творительном падеже для указания на совместность, соучастие в одном и том же действительности состояний двух и более лиц или предметов...» [8. С. 66], например: *У кухни, под окном, на солнышке Полкан с Барбосом, лежа, грелись* (Крылов); *В тени высокого ясеня сидели на дерновой скамейке Катя с Аркадием* (Тургенев); *Дед с матерью шли впереди всех* (Горький); *Мы с тобою, как ты говоришь, молоды* (Тургенев). В таких случаях сказуемое ставится во множественном числе, иначе существительное или местоимение в творительном падеже рассматривается в качестве дополнения: *Однажды в дождливую погоду Карацупа с одним из товарищей отправился в наряд* [8. С. 66].

Мы полагаем, что А.Г. Руднев в последнем случае не прав: здесь мы тоже имеем «парный» член предложения (*Карацупа с товарищем*), ибо согласование, на которое указывает автор, представляется факультативным, правда, при единственном числе сказуемого ощущается, что второй член совместности менее важен, чем первый: *Полк с батареей выступил на передовые позиции; Мать с ребенком отправилась в амбулаторию* [8. С. 84]. Ср.: – *Карацупа с одним из товарищей отправились в наряд. – Полк с батареей выступили на передовые позиции. – Мать с ребенком отправились в амбулаторию.*

Теперь ср.: – ...**Карацупа отправились с одним из товарищей в наряд. – *Полк выступили с батареей на передовые позиции. – *Мать отправились с ребенком в амбулаторию.* Отсюда следует, что разорванный вариант (discontinuous variant) обсуждаемой синтаксемы возможен только при единственном числе предиката. Что же это за синтаксема? Мы сталкиваемся с оригинальными синтаксическими элементами, – на уровне поверхностной структуры предложения они парные (Г.А. Золотова предлагает термин «интерсубъектные» [2. С. 82]): ядерный предтуцируемый компонент предложения (подлежащее) выражен именительным падежом в сочетании с предложной группой «С + тв. падеж». Разумеется, на уровне глубинной структуры предложения они представляют один синтаксический элемент – агентивную социативную синтаксему, ср.: *Он пришел туда (вместе) с ней. → Он и она пришли туда (вместе). Петр приехал (вместе) с сыном. → Петр и сын приехали (вместе).* Трансформации показывают, что элементы модели *кто и кто* также репрезентируют вариант агентивной социативной синтаксемы. Другим вариантом этой синтаксемы, вероятно, является модель *кто да кто*:

Однажды *Лебедь, Рак да Щука везти с поклажей воз взяли...* [3. С. 112]. Возможно, имеются и другие варианты данной синтаксемы (вспомним упомянутый выше «разорванный» вариант), однако изучение вариативности агентивной социативной синтаксемы не является предметом настоящей работы. Отметим только, что в примерах «парных подлежащих» А.Г. Руднева лишь элемент *дед с матерью* представляет агентивную социативную синтаксему. Элементы *Полкан с Барбосом* и *Катя с Аркадием* – вариант субъектной социативной синтаксемы носителя состояния, *мы с тобою* – вариант субъектной социативной синтаксемы носителя качества. Агентивные синтаксемы, синтаксемы носителя состояния и синтаксемы носителя качества представляют три парадигматических подкласса парадигматического класса (синтаксической категории) субъектных синтаксических элементов. Все субъектные синтаксемы объединяются дифференциальным синтаксико-семантическим признаком субъектности, который для них является категориальным. Синтаксемы, представляющие подклассы (агентивные, носителя состояния и носителя качества), релевантно противопоставлены друг другу в синтаксических оппозициях. Различие в их ДССП подтверждается различиями в их форме или дистрибутивных характеристиках и трансформационных потенциалах их синтагм. Внутри подклассов синтаксемы разделяются частными ДССП, например, в оппозиции *Он пришел (туда) с ней* : *Он пришел (туда)* собственно оппозитивны элементы *он с ней* и *он*. Они взаимозаменяемы в одной позиции и, следовательно, принадлежат к одному парадигматическому классу и подклассу, но различия в дистрибуции убеждают нас, что это разные инварианты синтаксического уровня языка. Действительно, трансформационные потенциалы их синтагм различны: в первой синтагме возможно использование наречия *вместе* (*Он пришел вместе с ней*), во второй – это исключается; в первой синтагме возможна также трансформация: *Он и она пришли туда вместе*, где элемент *он и она* суть вариант агентивной социативной синтаксемы. Элемент *он* во второй синтагме – это «чистая» агентивная синтаксема.

Теперь возвратимся к так называемым социативно-объектным элементам. Они действительно объектные, точнее, прямо-объектные, так как опорные глаголы синтагм с «социативно-объектными» элементами характеризуются обязательной объектной валентностью, другими словами, «социативно-объектные» элементы не могут быть опущены из синтагмы, ср.: *Я встречаюсь... с ней. Я играю... с ним. Он познакомился... с ней. Муж помирился... с женой. Николай спорит... со мной* и т.п. Мы не можем, однако, признать эти элементы социативными, их семантика иная, это «связанные» синтаксемы [2. С. 82], их дифференциальные синтаксико-семантические признаки определяются значением предиката (а мы помним, что опорные глаголы синтагм с «социативно-объектными» распространителями – глаголы взаимно-возвратные или взаимного значения). Как пишет Д.С. Станишева, сами глаголы определенных семантических классов содержат семантический признак объектной связи [9. С. 126]. В данном случае это признак взаимной фактивности. Глаголы типа *соединяться* в сочетаниях с элементами *с кем, с чем* входят в число сильноуправляющих и, следовательно, наделенных обязательной объектной валентностью. Это глаголы взаимного воздействия, но их распространители не являются агентивно-социативными, так как элементы *с кем, с чем* в этом своем значении сочетаются только с глаголами типа *соединяться* и не могут быть опущены из синтагмы, в то время как агентивно-социативные элементы могут комбинироваться с глаголами любой семантики. Естественно, что в других значениях элементы *с кем, с чем* распростра-

няют не только глаголы взаимно-фактитивного значения, но и глаголы других семантических классов. Проанализируем оппозицию «*соединились с ними : согласились с ними: свыкнулись с ними*». Все три предиката характеризуются обязательной объектной валентностью, а их распространители хотя и представлены одной и той же морфологической формой, имеют разные ДССП: в первом случае это вариант прямо-объектной фактитивной взаимной синтаксемы, во втором – прямо-объектной декларационной, в третьем – прямо-объектной делиберативной синтаксемы. Все они принадлежат к парадигматическому классу (синтаксической категории) объектных элементов русского языка. Напомним, что агентивные синтаксемы (в том числе агентивная социативная) принадлежат к парадигматическому классу субъектных синтаксических элементов.

Сопоставление разных языков может стать большим подспорьем в деле выявления тех сторон языковой картины мира, которое при решении вопросов только одного языка бывает трудно уловить [1. С. 210; 4. С. 214].

Возвратимся теперь к английскому языку и проведем небольшое типологическое исследование.

Дифференцируем сначала так называемые социативные элементы (безразлично «собственно социативные» или «социативно-объектные») и комитативные. Э.В. Церпенто [10. С. 30–35] показывает, что ДССП социативности выявляется при замене одного варианта этой синтаксемы (в отличие от А.М. Мухина Э.В. Церпенто обнаруживает лишь одну социативную синтаксему) модели *WITH* + сущ. другими ее вариантами: *TOGETHER WITH* или *ALONG WITH*, ср.:

1a) *Ashley came home four days before Christmas, **with a group of the County boys** also on furlough, a sadly diminished group since Gettysburg* [14. С. 237]. – ... *came home four days before Christmas **along with a group of the County boys**...*

1b) *Don't you ever come back here **with any of your pins and ribbons**, thinking I'll forgive you* [14. С. 48]. – *...*come back here **together with any of your pins and ribbons**...*

2a) *The old lady is Mrs Jenkinson, who lives **with them**; the other is Miss de Bourgh* [11. С. 125]. – ...*lives **together with them**...*

2b) *To Scarlett, mad to hear from Tara, yet trying to keep up a brave face, it seemed an eternity since the siege began, seemed as though she had always lived **with the sound of cannon** in her ears until this sinister quiet had fallen* [15. С. 49]. – *...*lived **together with the sound of cannon**...*

3a) *He didn't mind saying this, he'd rather spend a day alone **with her** than play a round of golf* [13. С. 75]. – ...*spend a day alone **together with her**...*

3b) *It would be charming to spend a few weeks there **with an adequate income*** [13. С. 98]. – *...*to spend a few weeks there **along with an adequate income**.*

Итак, первые характеризуются сочетаемостью с наречиями *along* или *together*, вторые не реализуют такой дистрибутивной возможности. Они являются адвербиальными синтаксическими элементами и прямо не оппозитивны с социативными элементами. По-видимому, «социативные» элементы английского языка, так же как русского, делятся на агентивные, социативные и прямо-объектные (фактитивные взаимные и другие), ср.: *They had been walking about the place **with some of their new friends**, and were just returning to the inn to dress themselves for dining **with the same family**, when the sound of a carriage drew them to a window, and they saw a gentleman and lady in a curricle driving up the street* [11. С. 199] : *It seems so funny that all of a sudden you should run around all over the place **with a clerk** in the firm that does your accounts* [13. С. 182]; *Julia got up, dressed, and went down **with Michael** to the theatre* [13. С. 86] : *That was how*

she kept in touch with her public [13. С. 88]; *They had frequently been staying with her in town* [11. С. 110] : *But they are very pleasing women when you converse with them* [11. С. 14]; *In a few days Mr Bingley returned Mr Bennet's visit, and sat about ten minutes with him in his library* [11. С. 9] : *Mr Bingley had danced with her twice, and she had been distinguished by his sisters* [11. С. 12].

Приведенные оппозиции являются противопоставлениями элементов, выраженных одной и той же морфологической формой, в разных лексико-синтаксических условиях. Легко заметить, что опорные глаголы левых синтагм самой разной семантики, что вполне естественно для сочетаемости субъектных элементов с предикативными. Опорные глаголы правых членов оппозиций все акциональные, взаимного значения и все они наделены обязательной объектной валентностью, а их комплементы, следовательно, прямо-объектные синтаксические элементы. Это подтверждается трансформацией пассивизации, ср.: ...*she was kept in touch with*; ...*they are conversed with*; ...*she had been danced with*. Это так называемый *tertiary passive*, как именует его Мартин Джюз [12. С. 94]. Он выявляет еще один вариант соответствующей прямо-объектной синтаксемы.

В заключение необходимо указать, что социативные и комитативные синтаксические элементы привлекли внимание лингвистов в последние годы в связи с проблемой глубинного синтаксиса. Так, Дж. Уомсли [16. С. 504] в известной работе анализирует предложные группы модели «*with, without, together with, along with* + общий падеж существительного», в плане «глубинной структуры предложения» и в «терминах падежей».

К сожалению, у Дж. Уомсли мы не находим четкого разграничения комитативных и социативных синтаксических элементов.

Признак комитативности может быть рассмотрен шире, чем это принято в лингвистической литературе. Комитативные синтаксемы, например, комитативные способы могут быть выражены наречиями с суффиксом *-ly*, причастием I и прилагательным: *He put his arms round her protectingly* – *He put his arms round her protecting (her)*; *He stood up then, silently* – *He stood up then, silent* и т.п. Можно указать на другой предложный вариант комитативной синтаксемы (*IN* + существительное в общем падеже): *He put his arms round her in protection*; *He stood up then in silence*.

Литература

1. *Абрамова А.Г.* Грамматические параметры фразеологических парадигм // Вестник Чувашского университета, 2015. № 4. С. 208–214.
2. *Золотова Г.А.* О синтаксическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 82–83.
3. *Крылов И.А.* Басни; Пьесы. М.: Мир книги, Литература, 2006. 400 с.
4. *Леонтьева Л.Е., Абрамова А.Г.* Сравнительно-сопоставительная характеристика терминов родства в разноструктурных языках // Вестник Чувашского университета, 2016. № 2. С. 214–220.
5. *Мухин А.М.* Лингвистический анализ. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 282 с.
6. *Мухин А.М.* Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 303 с.
7. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
8. *Руднев А.Г.* Синтаксис современного русского языка. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1968. 320 с.
9. *Станишева Д.С.* Творительный социативный // Творительный падеж в славянских языках / под ред. С.Б. Бернштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 380 с.
10. *Церленто Э.В.* Лексические и синтаксические глагольные конструкции в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973. 43 с.
11. *Austen J.* *Pride and Prejudice*. London, Penguin Books Ltd., 1994, 299 p.
12. *Joos M.* *The English Verb. Form and Meaning*. The University of Wisconsin Press, Madison and Milwaukee, 1964, p. 94.
13. *Maugham W.S.* *Theatre*. М.: Manager Publ., 2004, 304 p.

14. Mitchell M. *Gone With the Wind*. Moscow, Ayris-press Publ., 2006, book 1, 320 p.
15. Mitchell M. *Gone With the Wind*. Moscow, Ayris-press Publ., 2006, book 2, 416 p.
16. Walmsley J.B. The English Comitative Case and the Concept of Deep Structure. *Foundations of Language*, 1971, vol. 7, no. 4, p. 504.

АБРАМОВА АНЖЕЛИКА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (foreign-languages-department@mail.ru).

ГРИГОРЬЕВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (elnic82@rambler.ru).

ГУРЬЯНОВА ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (vgurtat@yandex.ru).

ЯКОВЛЕВА ОЛИМПИАДА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Чебоксарский институт (филиал) Московского политехнического университета, Россия, Чебоксары (yakol76@mail.ru).

A. ABRAMOVA, E. GRIGORYEVA, T. GURYANOVA, O. YAKOVLEVA
SOCIATIVE AND COMITATIVE SYNTACTIC ELEMENTS
IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Key words: *sociative instrumental, comitative instrumental, syntactic element, distinctive syntactic-semantic feature, valency, opposition, distribution, transformation.*

The article deals with sociative and comitative syntactic elements in the Russian and English languages. The sociative instrumental and the comitative instrumental in Russian are used with the preposition «с», and in English – with the preposition «with». When analysing the sociative instrumental and the comitative instrumental the following grammatical factors have been taken into account: 1) correlation of a noun in the instrumental case with a noun or a verb and character of this correlation; 2) materiality or abstractness of the noun in the instrumental case; 3) word order in the sentence; 4) voice of the verb; 5) opportunity of replacing the instrumental case by other equivalent constructions with the preposition «с» in Russian, and in English with the preposition «with». It is noted that the activity of compatibility members is sometimes determined by animateness or inanimateness of the noun in the instrumental case.

References

1. Abramova A.G. *Grammaticheskie parametry frazeologicheskikh paradigm* [Grammatical parameters of phraseological paradigms]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 4, pp. 208–214.
2. Zolotova G.A. *O sintaksicheskom slovare russkogo yazyka* [On the syntactic dictionary of Russian]. *Voprosy yazykoznavaniya* [Questions of linguistics], 1980, no. 4, pp. 82–83.
3. Krylov I.A. *Basni; Pyesi* [Fables; Plays]. Moscow, Mir knigi Publ., Literatura Publ., 2006. 400 p.
4. Leontyeva L.E., Abramova A.G. *Sravnitel'no-sopostavitel'naya kharakteristika terminov rodstva v raznostrukturykh yazykakh* [Comparative characteristic of terms of relationship in different languages]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2016, no. 2, pp. 214–220.
5. Mukhin A.M. *Lingvisticheskii analiz* [The linguistic analysis]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, 282 p.
6. Mukhin A.M. *Sintaksemnii analiz i problema urovnei yazyka* [The syntactic analysis and the problem of language levels]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, 303 p.
7. Peshkovskii A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. 7-e izd.* [Russian syntax in scientific interpretation. 7th ed.]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956, 511 p.
8. Rudnev A.G. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka. 2-e izd.* [Syntax of modern Russian. 2nd ed.]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1968, 320 p.
9. Stanisheva D.S. *Tvoritel'nii sotsiativnii* [Sociative instrumental]. In: Bernshtein S.B., ed. *Tvoritel'nii padezh v slavyanskikh yazykakh* [The instrumental case in slavic languages]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, 380 p.
10. Tserpento E.V. *Leksicheskie i sintaksicheskie glagol'nie konstruksii v sovremennom angliiskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical and syntactic verbal constructions in modern English language. Abstract of Diss.]. Leningrad, 1973, 43 p.
11. Austen J. *Pride and Prejudice*. London, Penguin Books Ltd., 1994, 299 p.

12. Joos M. The English Verb. Form and Meaning. The University of Wisconsin Press, Madison and Milwaukee, 1964, p. 94.
13. Maugham W.S. Theatre. Moscow, Manager Publ., 2004, 304 p.
14. Mitchell M. Gone With the Wind. Moscow, Ayris-press Publ., 2006, book 1, 320 p.
15. Mitchell M. Gone With the Wind. Moscow, Ayris-press Publ., 2006, book 2, 416 p.
16. Walmsley J.B. The English Comitative Case and the Concept of Deep Structure. *Foundations of Language*, 1971, vol. 7, no. 4, p. 504.

ABRAMOVA ANZHELIKA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Department of Romano-Germanic Philology and Theory of Translation, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (foreign-languages-department@mail.ru).

GRIGORYEVA ELENA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor of English Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (elnic82@rambler.ru).

GURYANOVA TATYANA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor of General Subjects Department, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary (vguratat@yandex.ru).

YAKOVLEVA OLIMPIADA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Cheboksary Institute of Moscow Polytechnic University, Russia, Cheboksary (yakol76@mail.ru).

Ссылка на статью: *Абрамова А.Г., Григорьева Е.Н., Гурьянова Т.Ю., Яковлева О.В.* Социативные и комитативные синтаксические элементы в русском и английском языках // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 169–176.

УДК 811.511.151

ББК 81.2

Л.А. АБУКАЕВА

СИНТАКСИС И ПРАГМАТИКА МАРИЙСКИХ ТАБУ*

Ключевые слова: запрет (табу), синтаксис, структура, прагматика, коммуникативная ситуация.

Работа посвящена исследованию особенностей построения и прагматических функций марийских запретов (ойёрö). В числе наиболее продуктивных анализируются запреты, построенные по моделям бессоюзных сложных предложений с безличным предложением в первой части, в котором субъект не выражен, поскольку табу с такой структурой являются строгими, обязательными для соблюдения всеми членами этноса. В первой части содержится собственно запрет. Вторая часть табу – лаконичное изложение последствий нарушения запрета, реже причины его существования. По содержанию это реалистичное и прагматичное пояснение или объяснение мистического характера, в котором находят отражение сильные психологические доводы (жизнь и смерть, здоровье, благополучие семьи и рода, гармоничные отношения между людьми). Благодаря такой структуре марийские запреты легче запоминаются, имеют большую внушительную силу. Достигнув высокой степени обобщения, часть запретов стала функционировать как пословицы. Запреты, которые относятся к числу нестрогих, содержат третью факультативную часть: в ней указывается, при каких условиях можно нарушить запрет или что следует предпринять, если нет возможности соблюсти табу. Это может быть вербальное или невербальное действие. Лексемы маньит 'говорят', пуйто 'будто', ливеш 'будет' (в контексте жанра слово выступает в роли частицы якобы) во второй части табу являются показателем того, что вера в силу запретов в настоящее время не является абсолютной. Модальные компоненты, указывающие на малую вероятность того, что называется во второй части табу, появились, когда подчеркивалась отрицательная роль табу и утверждалось, что они способствуют насаждению превратных, искаженных, враждебных здравому смыслу и науке взглядов на мир, природу и общество. В марийских запретах в сжатой форме объединились различные представления и верования народа. Многовековой опыт в ойёрö сформулирован в виде кратких императивов, следуя которым человек мог жить в гармонии с природой. Соблюдение запретов, по представлениям мари, гарантировало сохранность всего, что обеспечивает существование отдельного человека, семьи, рода и этноса в целом.

Ойёрö (запреты) относятся к числу малых жанров марийского фольклора. Большинство марийских запретов восходит к древним языческим культовым представлениям, когда мари выделяли из окружающей природы в качестве объектов поклонения те предметы и явления, от которых зависели само существование человека, его благополучие [1. С. 71]. Объектами поклонения времен раннего язычества выступают наиболее важные факторы жизни человека – солнце, огонь, вода, земля: *Тылышкы ит шйвй: тйрвеш тылйрй нйлеш* 'Не плюй на огонь: болячки на губах будут' [2. С. 222]; *Вудыш шуйкым кышкаш о йёрö – муйшкырет коршитай тунгалеш* [12. С. 40] 'В воду нельзя мусор кидать – живот будет болеть'. Впоследствии возникли ойёрö, культовая природа которых отошла на второй план или была вытеснена.

Данная статья посвящена анализу синтаксических и лингвопрагматических особенностей марийских табу. Объектом исследования послужили тексты запретов, собранные автором статьи и студентами Марийского государственного университета на территории Республики Марий Эл, в местах компактного проживания мари в Республиках Башкортостан, Татарстан, Кировской области в период с 1990 г. по 2017 г., а также тексты марийских табу, опубликованные в различных источниках.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Марий Эл в рамках научного проекта № 16-14-12003.

При анализе особенностей синтаксической организации ойёрö выясняется, что наиболее продуктивными являются ойёрö, оформленные по моделям бессоюзных сложных предложений с двухчастной структурой. Первая часть табу – это собственно запрет со словом *ок / о йёрö* ‘не годится’; *огеш / ок лий* ‘нельзя’, реже – *сай огыл* ‘нехорошо’: *Шке малые олмышкет унам я эше иктаж-кõм малташ о йёрö – рыскалет пуэт* [4] ‘На свое место гостя или еще кого-либо спать укладывать нельзя – свое счастье отдаешь’; *Кусотышто саскам, понгым погаш, пушенгым руаш ок йёрö – кидет-йолет кошка* ‘В священной роще нельзя собирать ягоды, грибы, рубить деревья – руки, ноги отсохнут’; *Казан пондашыжым пучкаш ок лий – шөржö йомеш* [7] ‘У козы бороду стричь нельзя – молоко пропадет’; *Кочкын пытарыдыме кинде шултышым кодаш сай огыл – унаретым кодет* [10] ‘Недоеденный кусок хлеба оставлять нехорошо – силы оставляешь’. Первая часть строится по модели безличного предложения, субъект вербально не выражен, поскольку такие табу обязательны для соблюдения всеми членами этноса. В первой части бессоюзного сложного предложения субъект может выражаться существительным в дательном падеже: *Мушкыран удырамашлан пече рож гыч кошташ ок йёрö – азатын кагырже лиеш* [6] ‘Беременной нельзя пролезать через дырку в заборе – ребенок родится горбатым’.

Вторая часть табу – лаконичное изложение последствий нарушения запрета, реже причины его существования: *Вожан чõп менге йымач лекташ о йёрö – шайтан капка йымач лектат* [3] ‘Нельзя ходить под л-образным столбом – проходишь под чертовыми воротами’.

Вторая часть может содержать вполне реалистичное и прагматичное пояснение, или за мистическим, порой нелогичным, объяснением причины может скрываться реалистичная основа: *Енлан кужым пусö могыржо дене пуаш о йёрö – осалым шонет* ‘Нельзя передавать кому-либо нож острой стороной – ему зла желаешь’ [13. С. 23]. Поскольку представители этноса владеют общими фоновыми знаниями, здесь срабатывает определенный психологический момент. Человек не может демонстрировать открыто недобрые намерения, а если нож, протянутый остриём к человеку, служит знаком злых помыслов, то никто, вероятно, не допустит такой ошибки. Следовательно, будут соблюдены и элементарные требования техники безопасности.

С точки зрения современного человека, мотивировка некоторых запретов кажется нелогичной, связь между объектами, обозначенными в запрете, представляется несуществующей или весьма слабой, например: *Кылгыным пörтыштö кучаш о йёрö – тулым тылана* ‘Ковыль нельзя держать в доме – будет пожар’ (букв. ‘ковыль желает огня’) или запрещается наступать на чужой след, потому что считается, что от этого заболят ноги [8].

Некоторые запреты имеют иную форму. Так, в материалах Т.Е. Евсеева обнаруживаются ойёрö, оформленные в виде сложноподчиненных предложений с придаточным условием. В них пропозитивное и прагматическое значения расходятся: *Нурышто нур паша ыштаме годым рок моклакам кышкылтат гын, паша ышташ неле лиеш* [3. С. 64] ‘Если в поле во время полевых работ будешь бросаться комьями земли, работать будет тяжело’; *Туредаш кугарня кечын лектат гын, юмо рашкалта* [3. С. 64] ‘Если жатву начнешь в пятницу, тебя гром (Бог) разразит’. В данных конструкциях запрет выражается имплицитно, их прагматическая функция – запрет-предупреждение: «не бросайся комьями земли во время полевых работ», «не начинай жатву в пятницу».

Первая часть ойёрö может оформляться и в виде прямого императива: *Тер кудалтыме кечын нимогай урлыкымат ит лук, шудан лиеш* [3. С. 64] ‘В Благовещении (букв. ‘день бросания (смены) саней’) никакие семена не готовь, будет много сорняков’.

В некоторых случаях запрет сопровождается поговоркой. Так, не одобряют поведение человека, который вылизывает посуду, пытаясь съесть все до капли, до крошки: *Кочкын от тем гын, нулен от тем* [3. С. 7] 'Если не наелся во время еды, то не наешься и вылизывая'.

Многие формулы-пожелания, поговорки прямо или косвенно содержат в себе запреты: *Енлан тушман шонымо шкаланет лиеш* 'Зло, которое желаешь другому, на себя навлечешь'; *Еным воштылат гын, шкаланет шуэш* 'Если смеешься над человеком, то же на себя навлекаешь'; *Еныным ит нал, шкендынымат ит кышке* 'Чужого не бери, свое не разбрасывай' [3. С. 73] *Енлан вынемым ит кўнчō, шке пурен возат* 'Не копай другому колодец, сам в него упадешь' [3. С. 72].

Эмпирическим путем народ определил, что, если сопроводить запрет содержательными пояснениями, комментариями, он легче запоминается, имеет большую внушительную силу, например: *Пасушто малаш ок йōрō – умиашкет шыншале але кышке пура* 'Нельзя спать в поле – в рот ящерица или змея заползет'; *Изи азам мокташ о йōрō – моторлыкшо йомеш, шинча возеш* 'Младенца нельзя хвалить – пропадет его красота, сглазишь' [4]; *Йолым рўзен шинчаш о йōрō – шайтаным игым рўшет, манеш* [4] 'Сидя, нельзя болтать ногами – качаешь чертенка, говорят'. При этом, как видим, обоснование, объяснение может отсылать к реальному или мистическому миру. Обычно вторая часть запрета апеллирует к сильным психологическим доводам, среди которых:

– жизнь и смерть: *Пундышышто шинчаш ок йōрō – тулыкеш кодат* [5] 'Нельзя садиться на пень – осиротеешь';

– здоровье и болезни: *Вўргечын тувырым мушкаш ок йōрō – йочат черлана* 'В среду нельзя стирать – ребенок заболит'; *Чодыраште пундышым чумаш о йōрō – йолетым кышке чўнгалеш* [4] 'В лесу нельзя пинать пни – змея ногу ужалит'; *У саскам юмым пелештыде кочкаш ок йōрō – мўшкырет коршташ тўнгалеш* [9] 'Плоды нового урожая нельзя вкушать без молитвы – живот будет болеть';

– счастье человека: *Эрдене кынешмет годым шола йол дене кўвар ўмбак шогалаш ок йōрō – кечет рыскалан о лий* [4] 'Утром нельзя вставать с постели с левой ноги – день не будет счастливым';

– благополучие семьи и рода: *Енын икшывыжым шудалаш о йōрō – чыла шке йочатлан логалеш, але уныкатлан* [4] 'Нельзя проклинать чужих детей – все обернется против твоих детей или внуков';

– гармония в отношениях между людьми: *Ик шовычо дене коктын икнаште ўшташ ок йōрō – когынышт коклаште вурседылмаш лектеш* [4] 'Нельзя вытирать руки двоим одним и тем же полотенцем – между ними возникнет ссора';

– благоприятные погодные условия: *Ужар лышташ дене шўшкаш о йōрō – покшым лиеш* [4] 'Зелеными листьями свистеть нельзя – будут заморозки'.

Вторая часть табу может отсутствовать: возможно, она была утрачена, забыта, например: *Ўстел дек туп дене шинчаш о йōрō* [4] 'Нельзя садиться спиной к столу'. При обращении к информантам с вопросом, почему нельзя, собиратели обычно слышат такой ответ: «О йōрō да о йōрō. Ом пале / Кō пала вара? Ожно паленыт дыр» 'Нельзя и нельзя. Не знаю / Кто же знает? Раньше знали, наверно'. Возможно, изначально одно объяснение было у нескольких запретов, это предположение справедливо для табу религиозно-культурной природы.

Если запрет относится к числу нестрогих, то композиционно это обозначается в третьей факультативной части: указывается, при каких условиях можно нарушить запрет или что следует предпринять, если нет никакой возможности

соблюсти табу. Это может быть вербальное или невербальное действие: *Каст-нене омым ойлаш о йөрö – вес гана омо ок кончо. Ойлетак гын, «конгалан але пырдыжлан ойлем» манман* [4] 'Вечером сон рассказывать нельзя – в следующий раз сон не приснится. Если уж рассказываешь, то следует сказать: «Печке рассказываю (или стене)»'; *Чодыраште йөрлын вочшо пушенге йымачын лекташ ок йөрö – лочеш кодат. Корангын каяш огеш лий гын, «Коля лочо лийже» манман* [6] 'В лесу нельзя проходить под упавшим деревом – сиднем будешь. Если же нет возможности обойти, то следует сказать: «Пусть мышь будет сиднем»'. Страх перед возможными последствиями нарушения ойөрö побуждает найти способы избежать наказания при нарушении запрета.

В пояснительной части ойөрö содержится не только указание того, чего нельзя делать, но и рекомендация, как следует поступить во избежание нежелательных последствий: *Пуртусыштö муно шукым шала кышкаш о йөрö – локтен кертыт. Мландеш урыман* [13. С. 12] 'Яичную скорлупу разбрасывать нельзя – могут навести порчу. Скорлупу следует зарыть в землю'.

Достигнув определенной степени обобщения, некоторые ойөрö стали употребляться как пословицы: *Йылметым кужун ит колто, кидет денат трук ит логал* [3, с. 74] 'Язык свой не распускай, руками тоже сразу не размахивай' или *Йылметым кучо, кидетымат кенета ит нөлтал* [3. С. 74] 'Язык придерживай и руку внезапно не поднимай'; *Келгытшым палыде, вудыш ит пуро* 'Не зная глубины, в воду не лезь' [3. С. 74]; *Шке омашыштет ит шуклане* [12. С. 48] 'В своем шалаше не сори'; *Тумо онашке нөллö пудам ит кыре* [12. С. 52] 'В дубовую доску ольховый гвоздь не забивай'. Подобные ойөрö построены по моделям обобщенно-личных предложений.

Насколько верили наши предки в реальность того, что обозначено во второй части запретов, в какой-то мере указывает их лингвистическое оформление. Лексемы *маныт* 'говорят', *пуйто* 'будто', *леиш* 'будет' (в контексте жанра слово выступает в роли частицы якобы) являются показателем того, что сложно говорить об абсолютной вере в силу запретов. Можно, однако, утверждать, что изначально вера была неукоснительной, а модальные компоненты, указывающие на малую вероятность того, что называется во второй части табу, появились позже, когда подчеркивалась лишь негативная роль табу. При этом всячески подчеркивалось, что запреты лишь насаждают искаженные взгляды на мир, природу и общество, рождают страх, слабование, отравляют жизнь суеверных людей зловещими представлениями.

Коммуникативная ситуация, в которой функционируют запреты, – это повседневное общение в процессе выполнения определенных действий. Запрет обычно произносится именно в тот момент, когда возникает ситуация нарушения установленного правила или принципа. Многие ойөрö функционируют в составе обрядов, песен, сказок, бытовых рассказов, быличек. Запреты, например, содержатся в напутственных речах родителей невесты – *сугынь мут*. Благословляя свою дочь и будущего зятя, они говорят: *«Кече гай волгыдо, тылзе гай тичмаи, тюрлö вольыкан, киндан лийза. Тывел шомакым ида нангае, тувел шомакым ида кондо. Кугурак деч вожылза, изирак деч лүдса. Пыл гае оварланен, кече гае волгалтарен, кынепза»* [11. С. 23] 'Будьте светлыми, как солнце, целыми, как луна, с многочисленной скотиной, богатыми хлебами. Не увозите с собой слова (слухи. – Л. А.) отсюда, не привозите слов оттуда. Старших стыдитесь, младших бойтесь. Как туча, богатея, как солнце, сияя, поднимайтесь'.

В марийских запретах в сжатой форме объединились различные представления и верования народа. Многовековой опыт в ойөрö сформулирован в виде кратких императивов. В древних народных императивах изложены

принципы, следуя которым человек мог жить в гармонии с природой. Соблюдение запретов, по представлениям мари, гарантировало сохранность всего, что обеспечивает существование отдельного человека, семьи, рода и этноса в целом. Соблюдая все правила поведения и запреты, предписанные верованиями и народными представлениями, человек мог не опасаться каких-то враждебных действий со стороны божеств, духов, осуждения со стороны соотечественников, мог рассчитывать на их благорасположение и поддержку.

Литература

1. Абукаева Л.А. Культурные запреты в системе воззрений мари // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 2. С. 72–76.
2. Грачёва Ф.Т. Горномарийские пословицы, поговорки, приметы, загадки. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. ун-та, 2001. 233 с.
3. Евсеев Т.Е. Калык ойпого: тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туньктен каласыме, воштылтыш, тушто, кумалтыш мут да шўведыме ю-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1994. 208 с.
4. Записи Л.А. Абукаевой 1989 г. от Ў.П. Пезаевой, 1915 г.р., д. Новоключево Мишкинского р-на БАССР (ныне Республика Башкортостан).
5. Записи Л.А. Абукаевой и Н. Егошиной 2016 г. от Л.П. Садовинной, 1936 г. р., д. Чобыково Новоторъяльского района Республики Марий Эл.
6. Записи Л.А. Абукаевой и К.С. Жигановой 2015 г. от Л.В. Жигановой, 1952 г. р., д. Чодыра-сола Моркинского района Республики Марий Эл.
7. Записи Л.А. Абукаевой и Э.И. Поповой 2017 г. от Г.И. Александрова, 1973 г.р., д. Памашъял Параньгинского района Республики Марий Эл.
8. Записи Л.А. Абукаевой и Н. Смирновой 2016 г. от А.Н. Ореховой, 1924 г. р., д. Акиндулкино Медведевского района Республики Марий Эл.
9. Записи Л.А. Абукаевой и С. Суворовой 2016 г. от Р.Е. Ефимовой, 1933 г. д. Большие Шали Моркинского района Республики Марий Эл.
10. Записи Л.А. Абукаевой и И.А. Ягодаровой 2017 г. от Н.Н. Ягодаровой, 1959 г.р., д. Кундыштур Советского района Республики Марий Эл.
11. Иванов И.С. Марий сўан. Йошкар-Ола: Периодика Марий Эл, 1994. 64 с.
12. Марий сугынь: шочмо калыкнан тўня умылымашыже, юмынийўлаже, илыш-йўлаже, пагыт еда толын шогышо пайремже-влак нерген. Йошкар-Ола: ГУП «Газета «Марий Эл»», 2005. 264 с.
13. Ялаева Р. Шуктет гын ойфрым – илышет лиеш поро (Эрвел марийын 233 ойфржд). Что может спасти природу и каждого из нас? (233 табу-запрета народа мари). Йошкар-Ола: ГУП газета «Марий Эл», 2005. 72 с.

АБУКАЕВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСЕЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (sylne@mail.ru).

L. ABUKAEVA

SYNTAX AND PRAGMATICS OF MARI PROHIBITIONS

Key words: prohibition (taboo), syntax, structure, pragmatics, communicative situation.

The article is devoted to the study of construction peculiarities and pragmatic features of Mari prohibitions (oioro). The author analyses prohibitions, which are among the most productive ones and are constructed according to the models of conjunction less complex sentences in which the first part is an impersonal sentence where the subject is not expressed since the taboos of such structure are rigorous, compulsory for abidance by all members of the ethnic group. The actual prohibition is contained in the first part. A laconic statement of consequences for prohibition's violation and rarer the reasons of its existence make the second part of a taboo. By the content it is a realistic and pragmatic interpretation or an explanation of mystical nature, in which strong psychological arguments (life and death, health, welfare of a family and genus, harmonious relations between people) are reflected. Due to such structure Mari prohibitions are easier to remember and they have great impressive power. Having reached a high degree of generalization, part of prohibitions started functioning as proverbs. Prohibitions, which are not strict, contain a third optional part. It specifies under what conditions the prohibition can be broken or what should be done if the taboo could not be observed. It can be a ver-

bal or a non-verbal action. In the second part of taboo lexemes маным 'say', пуймо 'like', nuew 'in the context of the genre the word acts as the particle supposedly' which indicates that the faith in the power of prohibitions is not absolute at the present time. Indicating low probability of what is called in the second part of the taboo, model components appeared when the negative role of taboos was emphasized and argued that they contributed to obtusion of perverse, distorted, hostile to common sense and science views of the world, nature and society. Different views and beliefs of people unite in a compressed form in Mari prohibitions. Centuries-old experience in prohibitions (oioro) is formulated in the form of short imperatives, following which a human could live in harmony with nature. According to views of Mari people, observance of prohibitions ensures safety of all things that provide the existence of an individual, a family, a tribe and an ethnic group.

References

1. Abukaeva L.A. *Kul'tovye zaprety v sisteme vozzrenii mari* [Worscip Bans in the Mary System of Thoughts]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2, pp. 72–76.
2. Gracheva F.T. *Gornomariiskie posloviцы, pogovorki, primety, zagadki* [Proverbs, sayings, signs, riddles of Hill Mari]. Yoshkar-Ola, 2001, 233 p.
3. Evseev T.E. *Kalyk oipogo: tosho godso marii oilymash, iomak, onchyk liishash pale, omo kusaryme, tynykten kalasyme, voshtylysh, tusho, kumalysh mut da shÿvedyme yu-vlak* [The materials on the folklore of the Mary]. Yoshkar-Ola, Mari Publishing House, 1994, 208 p.
4. Abukaeva L.A. recorded in 1989 by Pezaeva U.P., born in 1915; d. Novoklyuchevy Mishkinskii r-n, BASSR (now Respublika Bashkortostan).
5. Abukaeva L.A. and Egoshina N. recorded in 2016 by L. P. Sadovinoj, born in 1936, d. Chobykovo Novotor'yalskogo r-n, Respublika Marii El.
6. Abukaeva L.A. and Zhiganova K.S. recorded in 2015 by Zhiganova L. V., born in 1952; d. Chodyrasola, Morkinskii r-n, Respublika Marii El.
7. Abukaeva L.A. and Popova E.I. recorded in 2017 by Aleksandrova G. I., born in 1973, d. Pamashjal, Paran'ginskii r-n, Respublika Marii El.
8. Abukaeva L.A. and Smirnova N. recorded in 2016 by Orehova A. N., born in 1924, d. Akindulkino, Medvedevskii r-n, Respublika Marii El.
9. Abukaeva L.A. and S. Suvorovoj recorded in 2016 by Efimova R. E., born in 1933, d. Bol'shie Shali, Morkinskii r-n, Respublika Marii El.
10. Abukaeva L.A. and I. A. Jagodarovoj recorded in 2017 by N.N. Jagodarova, born in 1959, d. Kundyshtur, Sovetskij r-n, Respublika Marii El.
11. Ivanov I.S. *Mari suan* [Mari wedding]. Yoshkar-Ola, Periodika Marii El Publ., 1994, 64 p.
12. *Mari sugyn': shochmo kalyknan tunya umylymashyze, yumyniulazhe, ilysh-iulazhe, pagyt eda tolyn shogysho pairenzhe-vlak nergen* [The materials on the folklore of Mari]. Yoshkar-Ola, 2005, 264 p.
13. Yalaeva R. *Shuktet gyn oiorym – ilyshet liesh poro (Ervel mariiyn 233 oiorozho). Chto mozhet spasti prirodu i kazhdogo iz nas? (233 tabu-zapreta naroda mari)* [If you follow the prohibitions, life will be good (233 taboos of Mari)]. Yoshkar-Ola, 2005, 72 p.

ABUKAEVA LUBOV – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian language, Literature and Journalism, Mary State University, Russia, Yoshkar-Ola (sylne@mail.ru).

Ссылка на статью: Абукаева Л.А. Синтаксис и прагматика марийских табу // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 177–182.

УДК 821.512.111.0
ББК 83.3(2=635.1)6-8

Л.А. БУДНИЧЕНКО

ПУНКТУАЦИОННАЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ Г. АЙГИ

Ключевые слова: экспрессивная пунктуация, интертекстуальность, дискурсивные смыслы, беспунктуационные тексты, ритмико-синтаксические структуры, пунктуационная авторефлексия, интермедиальность.

В статье намечаются основные векторы исследования проблемы интертекстуальности в пунктуационной графике Г. Айги. Одно из направлений исследования поэтических произведений Г. Айги – так называемые «беспунктуационные» тексты, характерные как для футуристов, так и сюрреалистов, использовавших данный прием как отражение «потока сознания». Другой вектор исследования – обнаружение в экспрессивной пунктуации Г. Айги определенных реминисценций, свидетельствующих о влиянии ритмико-синтаксических структур таких поэтов, как В. Маяковский, А. Блок, М. Цветаева. Еще одна область исследования экспрессивной пунктуации Айги – это получивший признание в теории интертекстуальности прием саморефлексии, который находит свое выражение в том, что автор может возвращаться к одной и той же собственной цитате или формуле, наполняя ее новым смыслом; в данном случае речь может идти об авторефлексии к определенным пунктуационным формулам. Актуально для поэзии Айги и явление интермедиальности, когда ссылки и реминисценции проявляются в текстах смежных искусств (слово, музыка, живопись); реминисценции к живописным полотнам кубистов и постмодернистов можно обнаружить и в экспрессивной графике поэтических произведений Айги.

Пунктуационная графика поэта Г. Айги экспрессивна, полна дискурсивных смыслов и чрезвычайно индивидуальна. Вместе с тем даже в высокой степени индивидуальной графике Г. Айги обнаруживаются реминисценции, обусловленные влиянием других авторов, что позволяет говорить о явлении интертекстуальности в творчестве поэта.

Феномен интертекстуальности, как известно, проявляется в *сознательном* или *бессознательном* использовании авторами цитат, аллюзий или реминисценций из других текстов, когда посредством отсылок к этим текстам формируется собственный смысл. В результате, как утверждал один из классиков теории интертекстуальности Р. Барт, «каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат и реминисценций» [3. С. 388]. Но поскольку любой автор, формируя в контенте определенные культурно-языковые интенции, моделирует собственные смыслы, интертекст рассматривают как когнитивную модель познания картины мира и один из способов авторского самовыражения.

Отсылку к прототексту не вербального, а визуального характера связывают с понятием интериконичности, когда такие элементы, как графические рисунки, шрифт, размер знаков и т.д., создают так называемую визуализированную интертекстуальность. В качестве иконических, создающих визуализированную интертекстуальность, могут выступать, на наш взгляд, и пунктуационные графемы. Следует вместе с тем добавить, что, поскольку пунктуация (прежде всего экспрессивная) связана с интонацией, речь может идти также об интертекстуальности интонационной.

Цель данного исследования – наметить основные направления исследования интертекстуальности в экспрессивной графике Г. Айги, в творчестве которого наблюдается симбиоз различных поэтических течений XX в., таких как авангард (с его ориентацией на кубофутуризм), а также постмодернизм, впитавший в себя характерные особенности символизма и сюрреализма.

В теории интертекстуальности возникло такое понятие, как поликодовый текст – это «смысловое целое, которое возникает между визуальными и вербальными знаками» [9. С. 105]. Способность пунктуационных знаков быть визу-

альными смысловыми единицами несомненна и вытекает из самой их природы как определенных семиотических единиц [4. С. 25]. В процессе использования экспрессивных графем происходит визуализация текстовых смыслов. Данное свойство экспрессивной пунктуации активно использует Г. Айги в своей поэзии.

Тексты без пунктуации. Одной из особенностей поэтических произведений Г. Айги были так называемые «беспунктуационные» тексты. Отсутствие знаков препинания обнаруживаем в таких его произведениях, как «Предзимний рекем», «Дом друзей», «Мадригал поэту», «Ночь к весне», «Розы с конца» и др.

Беспунктуационные тексты – явление, достаточно широко распространенное в поэзии и прозе XX в. Согласно одной точке зрения, у истоков его стояли футуристы, рассматривавшие отказ от правил пунктуации как необходимое условие свободы творчества. Согласно другой точке зрения, первенство по созданию текстов без пунктуации принадлежит сюрреалистам как представителям модернистского течения и отражает характерный для них прием представления на письме *автоматического письма*, передающего впечатление «потока сознания». Независимо от того, какое литературное течение стояло у истоков создания текстов без пунктуации, важно, что данное явление приобрело характер традиции как в зарубежной, так и в русской поэзии. Понятия традиции и интертекстуальности пересекаются. Явление интертекстуальности, – считают современные филологи, – «соотносимо с понятием культурного кода, культурной традиции, отражая «вписанность» текста в процесс литературной эволюции» [5. С. 24]. Развивал традицию создания беспунктуационных текстов и Г. Айги.

Интерес к созданию текстов без пунктуации существовал в русской поэтической традиции всегда, начиная с футуристов (или модернистов), и то угасал, то разгорался вновь в связи с развитием свободной формы стиха. Популярна эта форма и в современном поэтическом мире, о чем свидетельствует «Антология русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии» (2003), где достойное место занимают произведения Г. Айги.

Исследователи текстов без пунктуации различают произведения с полным или частичным отсутствием знаков препинания. Футуристы более всего выступали против «глупых точек и запятых», отдавая предпочтение экспрессивным тире, вопросительному и восклицательному знакам. Яркое доказательство тому – поэзия В. Маяковского. Айги впитал эту новацию футуристов. У него преобладают тексты, в которых отсутствуют запятые и точки, хотя есть тексты абсолютно беспунктуационные, но последних немного. Крайне редко, но все же прибегает Айги к точкам и запятым, например, в стихотворении «Отъезд» (1958), где точка выполняет не столько смысловую, сколько ритмическую функцию.

Отсутствие знаков препинания так же значимо, как и их присутствие, и свидетельствует о реализации определенных авторских интенций. Рамки обзорной статьи не позволяют провести подробный анализ беспунктуационных текстов Г. Айги с целью обнаружения его авторских приемов и интенций, свидетельствующих о новаторстве поэта, что может быть предметом отдельной статьи. Важно отметить, что беспунктуационные стихотворения Г. Айги – явление интертекстуальное, продолжающее культурную традицию, идущую от футуристов (или сюрреалистов), отражая «вписанность» текстов поэта в процесс литературной эволюции.

Ритмико-синтаксические структуры. Любой текст, в соответствии с теорией интертекстуальности, является интертекстом, и другие тексты присутствуют в нем в виде *обрывков культурных кодов, формул, ритмических структур*. Постмодернистская теория «заимствований и влияний» объясняла этот процесс как передачу семантической информации по каналу ритмической памяти» [6. С. 10]. В связи с этим было выработано, в частности, такое понятие, как «ритмико-синтаксическая память».

В творчестве Г. Айги обнаруживаются реминисценции ритмико-синтаксических структур М. Цветаевой, В. Маяковского, А. Блока. Если обратиться к текстам Г. Айги (**А**) и, например, М. Цветаевой (**Ц**), то можно обнаружить те же синтаксические структуры, тот же ритм, тот же пунктуационный и интонационный рисунок, что позволяет говорить об использовании поэтом ритмико-интонационной цитаты.

В качестве примера приведем структуры, организованные двумя тире:

Ц: Калужской – песенной – привычной (8,61)

А: нищенской – новой – вещественностью (1,116)

Ц: А я – руки настезь! – застыла – столбняк ! (8,146)

А: Опор – на равнинах! – и словно пронизанных гласными – полости солнца подобными! (1,109)

Ц: Хоромы – как сноп соломы – ничего! (8,133)

А: все – словно с ризной белизной – в слезах ! (1, 109)

Тире выступает как эмоциональный знак, который прежде всего организует экспрессивную синтаксическую конструкцию, нанизывая автономные смысловые единицы и объединяя их в единое целое, позволяя тем самым состояться мысли. Вместе с тем тире организует ритмику фразы, подчиняя себе синтаксис. Экспрессия тире – в создании интонационных акцентов, формируемых паузой и интонацией, под которые попадают лексические единицы, входящие в состав ритмизованной структуры. Во всех приведенных параллелях синтаксических структур интонационно-графический рисунок создается в том числе и восклицательным знаком, создающим пронзительность поэтических строк.

Приведенные параллели свидетельствуют о том, что поэт не просто был хорошо знаком с поэзией М. Цветаевой, но учился у нее смысловой сжатости и разорванности стихотворной ткани, образности ассоциаций и острым изломам ритма, впитывая все эмоционально-психологические нюансы, которые способна передать экспрессивная пунктуация.

Вместе с тем, несмотря на аналогичность ритмизованных структур, целевые установки их использования поэтами различны. Цветаева прибегает к ритмическим возможностям *традиционно-классического стиха*, в котором пульсирующие интонации поэта находятся в полной зависимости от ритма ее переживаний. Порывистый и прерывистый характер речи отражает прежде всего состояние души поэта, отсюда их как бы задыхающаяся отрывистость, дробление фраз на краткие, взрывчатые эмоциональные части.

Айги творит в рамках свободного стиха, не сковывающего поэта традиционными формальными ограничениями в виде слогового метра, рифмы, регулярной строфики и т.д. Считается, что господство верлибра утвердили поэты-сюрреалисты, эстетика которых возродилась в России в 70-х гг. XX в. в стихах И. Бродского, Г. Сапгира, Г. Айги. Главная категория сюрреалистической эстетики – так называемое *автоматическое письмо*, творчество без контроля сознания, опирающееся на подсознательные импульсы и иррациональность. Это «поток сознания», воспроизводимый посредством ассоциаций, нелогичности и оборванности синтаксиса. Именно в этом направлении работает «ритмико-синтаксическая память» Айги. В результате маркированность поэтических произведений Айги определенными ритмико-синтаксическими реминисценциями из текстов М. Цветаевой становится источником порождения иной прагматики, иных дискурсивных смыслов.

Интертекстуальность определяют как «переключку», диалог текстов, традиция, как известно, идущая еще от М.М. Бахтина. Если это отсылка не к конкретному тексту, а к некоторым моделям, по которым построен текст, то имеет место диалог не текстов, а дискурсов, в связи с чем говорят о явлении *интердискурсивности* [9. С. 85].

Авторефлексия. В теории интертекстуальности сложился принцип, согласно которому интертекстуальность может формироваться посредством отсылки к другому тексту, который обнаруживается в творчестве того же автора. Природа такой отсылки была определена как авторефлексия (И.П. Смирнов), автоцитация (Н.А. Кузьмина) или шире – автоинтертекстуальность (Н.А. Фатеева).

Авторефлексия – это рефлексия к самому себе [6. С. 10].

Автоцитация представляет собой «удачно найденную словесную формулу, к которой автор возвращается, наполняя ее новым смыслом» [5. С. 112].

Автоинтертекстуальность предполагает любые виды и формы интертекстуальности, например, сочетание в формуле лексических и графических единиц [7. С. 20]. Одна из таких формул, которая устойчиво повторяется в заголовках поэтических произведений Г. Айги:

И: яблони цветут (1,103)

И: об уходящем (1,152)

И: последняя камера (1,190)

И: Шуберт (1,213)

И: мгновенья – в-березах (1,217)

И: Едино – Овраг (1,244)

И: поле живых (1,199)

Двоеточие после союза И – индивидуально-авторский прием Г. Айги, особенно часто встречающийся в заглавиях его поэтических произведений. Если союз И отсылает к каким-то предшествующим авторским ассоциациям, то двоеточие с его функцией пояснения подготавливает почву для появления нового смысла, привносимого лексической единицей.

Прагматические функции данного лексико-графического приема проявляются, возможно, в том, что союз И, выполняя функцию присоединения, сигнализирует о существовании определенных параллелей и ассоциаций данного стихотворения с другими произведениями поэта. В результате читатель настраивается на восприятие текста не как изолированного, а в соотношении с другими ассоциативно возникающими поэтическими произведениями Айги. Что с чем ассоциировать, зависит не столько от интенций самого автора, сколько от тезауруса читателя, обладающего определенным культурным курсом и знакомом с творчеством Айги.

Другая иллюстрация:

Друг мой – дерево – из окна (1,160)

Плач – и – я (2,147)

Сон – в – знамени (1,219)

Ты – и – лес (1,239)

Дитя – и – роза (2,286)

Подросток-в-старце (2,251)

Сосны-с-березой (2,150)

Авторефлексия – устойчивая черта поэтического творчества Г. Айги.

Интермедийность. Важным является выработанное в теории интертекста представление, согласно которому интертекстуальность имеет место не только в текстах в узком смысле, т.е. словесных, вербальных, но и в текстах невербальных, в том числе текстах смежных искусств (музыка, живопись). Как интертекстуальные могут функционировать единицы не только естественного языка (звук, слово и т.д.), но и других знаковых систем. Ссылки, аллюзии, реминисценции могут обнаруживаться в рамках разных видов искусств. В этом случае речь идет о явлении *интермедийности*, предполагающем транспозицию одной знаковой системы в другую [9. С. 8]. В качестве интермедийных способны, на наш взгляд, выступать и пунктуационные графемы.

Иллюстрацией может служить известное стихотворение Г. Айги «На смерть Казимира Малевича», где, по мнению исследователя Н.А. Фатеевой, «словами и линиями, образованными знаками тире, нарисована общая картина авангардного искусства 20 века» [7. С. 119]:

город – страница – железо – поляна – квадрат:
– прост как огонь под золой утешающий Витебск
– под знаком намека был отдан и взят Велимир
– а Эль он как линия он вдалеке для прощания
– это как будто концовка для Библии: срез –
завершение – Хармс.

Словами создается прежде всего широкий культурологический дискурс, построенный, по мнению Н.А. Фатеевой, на аллюзиях (Черный квадрат Малевича, «намек на слова» Велимира Хлебникова, Витебск художника Шагала, Эль Лисицкий, Хармс и т.д.). Тире, как нам представляется, выполняет функцию присоединения, как бы нанизывая и соединяя автономные лексические единицы, которые без тире невозможно объединить в одно смысловое целое. В результате смысл возникает как глубинное дискурсивное образование – как намек, подтекст, коннотация. Однако не менее важна в данном случае композиционная организация тире в пределах не фразы или предложения, а в рамках текста: четыре тире в горизонтальной цепочке, которая завершается словом «квадрат», и четыре в вертикальной, как бы подтверждающая не случайность построения при помощи графем визуальной конструкции, рождающей ассоциации с четырьмя сторонами Черного квадрата Малевича.

Для эстетики постмодернизма характерна игра с внешней формой, что весьма характерно для творчества Айги. Своеобразной игрой-загадкой можно назвать приведенный выше контекст, в котором с помощью четырех тире зашифрован (нарисован) Черный квадрат Малевича.

Транспозицию одной системы знаков в другую определяют как интермедийальные тропы, «в основе образности которых лежат семиотические переносы, причем базой для них служит сравнение изобразительных искусств», чаще всего сравнение с живописным визуальным рядом [7. С. 120].

Интермедийальным явлением, на наш взгляд, можно считать двоеточие в заголовках поэтических произведений Г. Айги:

Утро: Малевич: Немчиновка (2,130)

Холм: сосны: полдень (2,161)

Полночь: «глушилки»: голос неизвестной певички (2,221)

Поле: мост: травы (1,150)

Служба: утро: бумаги (1,105)

Двоеточие в приведенных иллюстрациях не выполняет своей языковой функции пояснения, поскольку каждая последующая лексическая единица вовсе не поясняет предыдущую (сравните: «Служба» – абстрактное понятие; «утро – явление природы», «бумаги» – конкретное понятие). Соединяя несоотносимые понятия, двоеточие служит совершенно иным целям. Композиция с двумя графемами позволяет в плане изобразительности передать одновременно несколько образов и планов, несколько углов зрения и плоскостей, составляющих, вместе с тем, единое целое, что наводит на некоторые ассоциации с таким направлением, как кубизм. В соответствии с эстетикой кубизма взгляд на действительность многослоен. В картине объект разлагается на многие углы зрения и в то же самое время объединяет разные перспективы в стремлении довести до зрителя информацию о целом предмете, субъекте, явлении. Визуально двоето-

чие ассоциируется с некоей невидимой плоскостью, сдвигающей в образной мысленной картине один план относительно другого, заставляя читателя взглянуть на одно и то же явление под разными углами зрения, создавая общую картину, что и рождает ассоциацию с эстетическими приемами кубизма.

Как известно, в эстетике кубофутуристов с их ориентацией на живопись как развивающую визуальное мышление типографский облик текста являлся важным выразительным средством. Свои графические приемы, реминисцирующие к эстетике кубофутуристов, находит и Г. Айги.

Таким образом, проведенный обзор возможных направлений исследования интертекстуальных реминисценций в пунктуационной графике поэтических произведений Г. Айги позволяет сделать вывод о том, что каким бы индивидуальным и непредсказуемым ни казался идиостиль Г. Айги, но и он подчиняется общим законам Мирового Текста, построенного на интертекстуальных связях.

Литература

1. Айги Г.Н. Здесь: Избранные стихотворения. 1954–1988. М.: Современник, 1991. 287 с.
2. Айги Г.Н. Теперь всегда снега: Стихи разных лет. М.: Советский писатель, 1992. 320 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Будниченко Л.А. Смысловые функции экспрессивных графем в медийных текстах. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. 194 с.
5. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: Либроком, 2009. 270 с.
6. Смирнов И.П. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. СПб.: СПбГУ, 1995. 191 с.
7. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: Либроком, 2009. 272 с.
8. Цветаева М.И. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. I. 587 с.
9. Чернявская В.Е. Текст в медиальном пространстве. М.: Либроком, 2013. 232 с.

БУДНИЧЕНКО ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (lara8500@mail.ru).

L. BUDNICHENKO

PUNCTUATION INTERTEXTUALITY IN G. AYGHI POETRY

Key words: expressive punctuation, intertextuality, discursive meanings, non-punctuation texts, rhythmic and syntactic structures, punctuation self-reflection, intermediality.

The article considers the main lines of studying the issue of intertextuality in punctuation graphics of G. Ayghi. One of the lines in studying poetic works by G. Ayghi is the so called "non-punctuation" texts that are characteristic both for futurists and surrealists who employed this method as a reflection of «stream of consciousness». Another line of research is revealing certain reminiscences implying the influence of rhythmic and syntactic structures of such poets as V. Mayakovsky, A. Blok, V. Tsvetaeva in G. Ayghi's expressive punctuation. There is also one more line of studying G. Ayghi's expressive punctuation which deals with the method of self-reflection (which gained credence in the theory of intertextuality) which is reflected in the fact that the author may return to his own quote or formula, filling it with a new meaning; in this case, it can go above self-reflection towards certain punctuation formulas. The phenomenon of intermediality (when references and reminiscences appear in the texts of contiguous arts such as music or pictorial art) characterizes G. Ayghi poetry, too. Reminiscences to the paintings of cubists and postmodernists can be found in G. Ayghi expressive graphics.

References

1. Aygi G.N. *Zdes'*: *Izbrannyye stihotvoreniya. 1954–1988* [Here: Selected stihotvoreniya. 1954–1988]. Moscow, Contemporary Publ., 1991, 287 p.
2. Aygi G.N. *Teper' vseгда snega: Stih raznykh let*. [Now the snow is always: Poems of various years]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1992, 320 p.

3. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989, 616 p.
4. Budnichenko L.A. *Smyslovye funktsii ekspressivnykh grafem v mediinykh tekstakh* [Semantic functions of expressive graphemes in media texts]. Cheboksary, 2015, 194 p.
5. Kuzmina N.A. *Intertekst i ego rol' v processakh jevoljucii pojeticheskogo jazyka*. [Intertext and its role in the evolution of poetic language]. Moscow, Librokom Publ., 2009, 270 p.
6. Smirnov I.P. *Porozhdenie interteksta: Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestvo B.L. Pasternaka* [Generation intertext: Elements of intertextual analysis with examples of the work of Boris Pasternak]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1995, 191 p.
7. Fateeva N.A. *Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti* [Intertext in the text world: Counterpoint intertextuality]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 272 p.
8. Tsvetaeva M.I. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980. vol. 1, 527 p.
9. Chernyavskaya V.E. *Tekst v medial'nom prostranstve* [Text in the medial prostranstve]. Moscow, Librokom Publ., 2013, 232 p.

BUDNICHENKO LARISA – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (lara8500@mail.ru).

Ссылка на статью: Будниченко Л.А. Пунктуационная интертекстуальность в поэзии Г. Айги // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 183–189.

УДК 811.512.111'374

ББК Ш12=635.1*46

А.Р. ГУБАНОВ, Г.Ф. ГУБАНОВА, О.В. СВЕКЛОВА

**ТЕЗАУРУС ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА (ЧӐВАШ ПӐЛӐВӐН МУЛӐ)
КАК ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА ЗНАНИЙ**

Ключевые слова: тезаурус, чувашский язык, архитектура тезауруса, системно-модельный подход, тезаурусный метод, концепт, таксономия.

Исследованы принципы создания и особенности архитектуры тезауруса чувашского языка (ЧувТез). Определены особенности тезауруса на основе метода моделирования, предполагающего соотношения терминов той или иной предметной области и концептов – понятий с последующей организацией всего материала в сложную таксономическую систему. Основным приемом анализа в рамках данного метода в исследовании является составление таксономий. ЧувТез как экспланаторный потенциал для изучения чувашской национальной картины мира представляет иерархическую сеть концептов (понятий): 1) универсальные представления (действие, состояния и т.д.); 2) универсальные отношения (темпоральные отношения; причинно-следственные и т.д.); 3) смысловые объекты (мироустройство; человек как живое существо; быт).

Современная лингвистика, тюркология в частности, характеризуется преодолением описательного подхода по отношению к языковым явлениям. Метод прямого наблюдения сменяется системно-модельным подходом, который позволяет проникнуть во внутреннюю структуру исследуемых объектов [2]. Тезаурусный метод исследования языка, состоящий в соотношении выражения языка и понятийных категорий на основе семантического анализа значений слов, существует с момента создания первых тезаурусных словарей. В современном языкознании данный метод называется «методом тезаурусного моделирования» [1–13], который предполагает восстановление отношений терминов (слов языка) и понятий с последующей организацией всего материала в сложную, как правило, таксономическую систему, так как основным типом объединения понятий считается родо-видовой. Основным приемом анализа в рамках тезаурусного метода является составление таксономий, однако в последнее время в него вносятся новые приемы анализа языкового материала в связи с развитием семантических исследований языка.

Разные предметные области нуждаются в разработке двуязычных тезаурусов, однако в настоящее время на рынке интеллектуальных технологий отсутствуют доступные (недорогие, распространяемые свободно для многоязычных тезаурусов) и простые (для использования в той или иной предметной области экспертами без дополнительного обучения со стороны программистов) в использовании средства разработки таких тезаурусов. При этом такие средства позволяли бы свободно настраивать тезаурус на требуемую предметную область, т.е. в любой момент вводить дополнительные свойства в описание терминов и расширять множество отношений между ними. Важным требованием к таким средствам является поддержание логической целостности терминологической системы тезауруса. В данном исследовании описывается подход к разработке двуязычного тезауруса, рассматриваются типичные требования к общему строению тезауруса, структуре тезаурусных статей и набору отношений между терминами. Показано, как с помощью средств, предоставляемых технологией построения порталов научных знаний, может быть разработана концептуальная схема требуемого тезауруса. Описывается использование программных средств этой же технологии для эффективного управления контентом тезауруса и обеспечения доступа к его терминам.

Построение тезауруса чувашского языка – задача не из легких, хотя имеются определенные стандарты создания тезаурусов, однако существующие методики связаны со спецификой сравниваемых или сопоставляемых языков, и к тому же в настоящее время проекты, направленные на создание тезаурусов типа wordnet для тюркских языков, находятся в начальной стадии разработки. Актуальность рассматриваемой темы также связана с идеей создания идеографических словарей в тюркских языках, в частности, чувашского языка: в настоящее время в чувашском языкознании отсутствуют источники лексической информации (например, больших корпусов текстов), доступные морфологические словари чувашского языка. Актуальность исследования предполагает решение таких конкретных задач: 1) разработка концептуальных и теоретических основ русско-чувашского тезауруса (определение структуры словарной статьи тезауруса, парадигматических и ассоциативных отношений между лексическими единицами и др.); 2) выявление различий и сходства между понятиями, используемыми в русском и тюркском языкознании, создание новых понятий и лингвистических терминов, отсутствующих в чувашском языке и др.; 3) создание двуязычного тезауруса двойного назначения, связанного с системой концептов (понятий) и с индексированием для информационного поиска; 4) объединение опыта традиционной чувашской лексикографии и современных информационных технологий при разработке ЧувТез типа wordnet-тезауруса; 5) использование двуязычного тезауруса в качестве инструмента разработки формальных и программных средств технологии построения порталов научных знаний организаций; 6) создание архитектуры программной оболочки и средства наполнения и дополнительной настройки тезауруса в системе Java Eclipse; 7) информационное пополнение тезауруса на основе редактора KOMMA OWL.

В качестве информационной модели тезауруса как портала знаний следует использовать онтологию как формат формального описания предметной области, определяющего архитектуру контента тезауруса и в итоге выступающего как базис для доступа к знаниям. И при разработке русско-чувашского тезауруса следует опираться на отечественные и международные стандарты¹ для одноязычных и многоязычных информационных тезаурусов.

Одним из базовых принципов построения тезауруса типа wordnet для чувашского языка является положение, требующее, чтобы каждый термин определялся и объяснялся в следующем порядке: вначале дается наиболее приемлемый компонент, далее приводятся определения из других источников с учетом контекстной степени обобщения того или иного концепта-понятия (каждое определение имеет ссылку на первоисточник). И при этом словарная статья словаря тезаурусного типа должна выдать пользователю полную информацию о термине (парадигматика термина включает как семантику термина, так и понятийные связи с другими терминами), т.е. структура словарной статьи в ЧувТез должна вписываться в следующую схему: $T = \langle A, B, C, D, E \rangle$, где A – символическое имя термина (название понятия), B – определение термина, C – релятор (маркер для дифференциации терминов-омонимов), D – рубрика (тематический раздел термина); E – понятийные связи термина).

Между одноязычными дескрипторами и аскрипторами в ЧувТез могут уславливаться следующие типы смысловых отношений: синонимические в случаях смыслового тождества во всех контекстах между дескриптором и аскриптором, например, *упра* – *сыхла* – *асăрха* и т.д.; антонимические (противо-

¹ ГОСТ 7.24-2007. Тезаурус информационно-поисковый многоязычный. Состав, структура и основные требования к построению. М.: Стандартинформ, 2008. 7 с.; ANSI/NISO Z39.19-2005. Guidelines for the Construction, Format, and Management of Monolingual Controlled Vocabularies (Periodic Review). http://www.niso.org/apps/group_public/download.php/12591/z39-19-2005r2010.pdf.

поставления в смысловых отношениях: *вёри – сивё, лайӑх – усал*); гипо-гиперонимические (родо-видовые отношения, отношения общего и частного): *врач – терапевт*; меронимические (отношение целого и его части): *пит – сӑмса, лицо – нос, кёнеке – страницӑ, книга – страница*. Основными единицами структуры Тезауруса выступают так называемые синсеты – синонимические ряды, связанные между собой семантическими, как парадигматическими, так и синтагматическими, отношениями.

Укажем на основные принципы сборки синсетов в тезаурусе ЧувТез: а) единицей описания в тезаурусе выступает, как уже было сказано выше, не отдельное слово, а синсет, или же синонимические ряды; б) в составе синсета могут быть однословные и неоднословные синонимы (*сыр – хайла – шухӑшласа кӑлар* и т.д.); в) в случаях, если для соответствующего значения синонимов не существует, синсет может состоять только из одного слова (выражения): *аффикс, суффикс и т.д.*); г) синонимы по структуре могут состоять из одного корня и из разных корней (*ӑшӑт – лёплен*) и т.д. Следует отметить, что синонимическим словам часто присущи дополнительные оттенки, например, стиль общения, устарелость или новизна употребления, и поэтому в ЧувТез следует использовать разные группы словарных помет: эмоциональные пометы (добавочные эмоциональные компоненты, например, *ласк. – ласкательное (аннем, йӑмӑкӑм)*, стилистические пометы (слово используется в том или ином регистре речи и т.д.).

ЧувТез должен обладать весомым экспланаторным потенциалом для изучения чувашской национальной картины мира (разграничение мира на совершенно определенные картинки – концепты или другие ментальные образования – происходит благодаря тому (и вследствие того), что в процессе говорения, в ходе накопления своего языкового опыта, предполагающего принятие правил языкового употребления на веру, человек учится оперировать не отдельными словами, а их устойчивыми последовательностями, которые со временем начинают оцениваться как проверенное знание языка, и это знание кладется в основу языковой модели мира – его «картины»). ЧувТез позволяет рассмотреть новые возможности исследований концептуального устройства чувашской национальной картины мира, сформированной в условиях разных языков, в частности, русского и чувашского, при сопоставительном анализе. Анализ лексического значения, несомненно, проливает свет на различия в организации концепта.

ЧувТез представляет национальную картину мира в виде иерархической сети концептов (понятий). Иерархическая система понятий ЧувТез предполагает четыре уровня, которые распределяются следующим образом:

1. *Универсальные представления*: 1) действие; 2) конкретная физическая деятельность; 3) сенсорная деятельность (восприятие окружающего мира); 4) мыслительная деятельность (интеллект); 5) речевая деятельность.

2. *Универсальные смыслы*: 1) рациональная оценка; 2) эмоциональная оценка.

3. *Универсальные отношения*: 1) темпоральные отношения; 2) интенсивность; 3) причинно-следственные отношения: а) отношения следствия; б) кондичиональные (условные) отношения; в) концессивные (уступительные) отношения; г) финальные (целевые) отношения; 4) противоположность, противоречие; 5) сопоставление; 6) соответствие; 7) раздельность, очерёдность.

4. *Смысловые группы (объекты)*: 1) мироустройство (природа); 2) человек как живое существо; 3) быт [6].

В ЧувТез целесообразно включить следующие иерархические отношения:

а) таксономические и родо-видовые (отношение «класс – подкласс»);

б) ассоциативные отношения между понятиями, имеющими некий общий признак;

в) эквивалентные отношения, указывающие на эквивалентность дескрипторов, представленных на разных языках (при необходимости учитывать степень эквивалентности русских и чувашских дескрипторов, этому отношению может быть приписан дополнительный атрибут, отражающий эту характеристику, либо это отношение может быть заменено набором отношений, соответствующих различным степеням эквивалентности.

При наборе синсетов в Тезаурусе следует учесть, что по компонентному составу смысловые группы синсетов могут быть разными, например:

а) группы, состоящие только из слов одной части речи (растительный покров земли: куряк, сум);

б) синонимические ряды, состоящие из служебных частей речи (последлоги, союзы, частицы), которые в структуре словарной статьи следуют за полнознаменательными словами;

в) синонимические ряды могут состоять только из служебных слов, а также в состав могут включаться слова-синонимы разных частей речи;

г) синонимические ряды, состоящие из разного рода устойчивых сочетаний и др.

Тезаурусные модели ЧувТез, как системы знания о мире, как семантические тезаурусные сети, в дальнейшем можно соотнести с моделями сетей других типов, как дефинициальные, импликационные и нейронные, что позволит в дальнейшем изучать тезаурус как коммуникативную систему.

Литература

1. Гаврилова Т.А., Хорошевский В.Ф. Базы знаний интеллектуальных систем. СПб.: Питер, 2000. 384 с.
2. Емельянова М.В. Сложные директивные речевые акты в разноструктурных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2004. 23 с.
3. Лукашевич Н.В., Добров Б.В. Отношения в онтологиях для решения задач информационного поиска в больших разнородных текстовых коллекциях // Девятая национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием КИИ-2004: в 3 т. М.: Физматлит, 2004. Т. 2. С. 544–551.
4. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 342 с.
5. Пиотровский Р.Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении). СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. 256 с.
6. Рец Н.И., Губанов А.Р. Категория причинности: каузальная и каузативная связи // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 244–249.
7. Рубашкин В.Ш., Лахути Д.Г. Семантический (концептуальный) словарь для информационных технологий // Информационные процессы и системы. М., 2000. № 7. С. 1–9.
8. Шевцова А.Ю. Моделирование нормативного двуязычного словаря-тезауруса терминов авиационной экологии: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Тюмень, 2014. 24 с.
9. Semantic Web Activity. Available at: <http://www.w3.org/2001/sw>.
10. OWL Web Ontology Language 1.0 Reference. W3C Working Draft. Available at: <http://www.w3.org/TR/owl-ref>.
11. Thesaurus Format: Nusearch Standard Specification. Available at: http://www.excavio.com/pdf/wp_nusearch_thesaurus_spec.pdf.
12. Zheltov P.V., Zheltov P., Gubanov A.R. Text analysis subsystem in a search engine for the national corpora of the chuvash language. *Russian linguistic Bulletin*, 2016, no. 3(7), pp. 61–63.
13. Zheltov P.V., Zheltov V.P., Gubanov A.R. Automation of lexical search in National Corpora of Cchuvash language: methods of exploring space of literary texts. *Russian linguistic Bulletin*, 2016, no. 3(7), pp. 58–60.

ГУБАНОВ АЛЕКСЕЙ РАФАИЛОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alexgubm@gmail.com).

ГУБАНОВА ГАЛИНА ФЕДОРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры управления и экономики здравоохранения, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (rggalina@gmail.com).

СВЕКЛОВА ОКСАНА ВИТАЛИЕВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

A. GUBANOV, G. GUBANOVA, O. SVEKLOVA

THESAURUS OF THE CHUVASH LANGUAGE AS A LANGUAGE KNOWLEDGE SYSTEM

Key words: *thesaurus, the Chuvash language, thesaurus architecture, systemic-model approach, thesaurus method, concept, taxonomy.*

The principles of creation and architecture features of the Chuvash language thesaurus are studied. The thesaurus features are determined based on a modeling approach, supposing interrelations between terms of one subject area or another and concepts – notions with subsequent organization of the material in a complex taxonomic system. The basic method of analysis in the framework of the given method in research is to formulate taxonomies. The Chuvash language thesaurus as an explanatory potential for studying the Chuvash national worldview represents a hierarchical network of concepts (notions): 1) universal concepts (actions, conditions etc); 2) universal relations (temporal, causal relations etc); 3) semantic objects (world order; a human being man as an animate creature; everyday routine).

References

1. Gavrilova T.A., Khoroshevskii V.F. *Bazy znaniy intellektual'nykh sistem* [Knowledge base of intellectual systems]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000, 384 p.
2. Emel'yanova M.V. *Slozhnye direktivnye rechevye akty v raznostrukturnykh yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Complex directive speech acts in languages of different structure: abstract of Diss.]. Cheboksary, 2004. 23 p.
3. Lukashevich N.V., Dobrov B.V. *Otnosheniya v ontologiyakh dlya resheniya zadach informatsionnogo poiska v bol'shikh raznorodnykh tekstovykh kollektivyakh* [Relations in ontologies for solving problems of information search in large heterogeneous text collections]. In: *Devyataya natsional'naya konferentsiya po iskusstvennomu intellektu s mezhdunarodnym uchastiem KII-2004: v 3 t.* [The Ninth National Conference on Artificial Intelligence with International Participation. 3 vols.]. Moscow, Physical and Mathematical Literature Publ., 2004, vol. 2, pp. 544–551.
4. Minskii M. *Freimy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for knowledge representation]. Moscow, Energy Publ., 1979, 342 p.
5. Piotrovskii R.G. *Lingvisticheskii avtomat (v issledovanii i nepreryvnom obuchenii)* [Linguistic automaton (in research and continuous learning)]. St. Petersburg, 1999, 256 p.
6. Rets N.I., Gubanov A.R. *Kategoriya prichinnosti: kauzal'naya i kauzativnaya svyazi* [Category of causality: causal and causative connection]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 244–249.
7. Rubashkin V.Sh., Lakhuti D.G. *Semanticheskii (kontseptual'nyi) slovar' dlya informatsionnykh tekhnologii* [Semantic (conceptual) vocabulary for information technology]. *Inform. protsessy i sistemy* [Information processes and systems], 2000, no. 7, pp. 1–9.
8. Shevtsova A.Yu. *Modelirovanie normativnogo dvuyazychnogo slovarya-tezaurususa terminov aviatsionnoi ekologii: avtoref. dis. ... kand. tekhn. nauk* [Modeling of normative bilingual thesaurus dictionary of aviation environment terms. Abstract of Diss.]. Tyumen, 2014, 24 p.
9. Semantic Web Activity. Available at: <http://www.w3.org/2001/sw>.
10. OWL Web Ontology Language 1.0 Reference. W3C Working Draft. Available at: <http://www.w3.org/TR/owl-ref>.
11. Thesaurus Format: Nusearch Standard Specification. Available at: http://www.excavio.com/pdf/wp_nusearch_thesaurus_spec.pdf.
12. Zheltov P.V., Zheltov P., Gubanov A.R. Text analysis subsystem in a search engine for the national corpora of the chuvash language. *Russian linguistic Bulletin*, 2016, no. 3(7), pp. 61–63.
13. Zheltov P.V., Zheltov V.P., Gubanov A.R. Automation of lexical search in National Corpora of Chuvash language: methods of exploring space of literary texts. *Russian linguistic Bulletin*, 2016, no. 3(7), pp. 58–60.

GUBANOV ALEKSEY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alexgubm@gmail.com).

GUBANOV GALINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (rggalina@gmail.com).

SVEKLOVA OKSANA – Senior Lecturer of Foreign Languages № 1 Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Губанов А.Р., Губанова Г.Ф., Свеклова О.В. Тезаурус чувашского языка (чăваш пĕлĕвĕн мулĕ) как языковая система знаний // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 190–194.

УДК 811.111'42
ББК Ш12=432.1*50

М.В. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е.Л. ЗАЙЦЕВА,
Н.В. КИРИЛЛОВА, А.А. ПУШКИН

ЭКСЕПЦИОНАЛИЗМ КАК ОБЪЕКТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: исключительность, политический текст, средства массовой информации, америкоцентризм, привилегированная нация, личность, мировое лидерство.

В настоящей статье предпринимается попытка анализа утверждения идеологии «исключительности» американского образа жизни, в основе которого лежат две ключевые идеи: идея величия личности и центральное место Бога и веры в американских семьях. Выбор языковых средств ведущих политиков и государственных деятелей США транслирует представление о стране как о изначально привилегированной нации. Авторы проводят семантический анализ термина exceptionalism, который предполагает идею богоизбранности и непогрешимости Америки, чувство осознанного превосходства по отношению к суверенитету и независимости других стран мира.

Из истории США известно, что люди приезжали в Америку в поисках лучшей жизни. Первые европейцы, обосновавшиеся на американском континенте, считали себя создателями нового, не похожего ни на что другое, благословенного мира, были уверены, что они создают идеальное общество [11]. Эта уверенность переросла в убеждение, которое сегодня называют американский эксепционализм – представление об Америке как о лучшей из всех наций, как о государстве, не имеющем равных и обладающем исключительным правом на проведение миссионерской деятельности. Идея америкоцентризма, получив широкое распространение во всех сферах человеческой деятельности, не могла не отразиться в языке, о чем свидетельствуют появление и широкое использование в политических текстах таких терминов, как Pax Americana, exceptionalism.

США создали Конституцию, взяв за основу законы Англии, но больше сосредоточились на правах каждого отдельного человека, его ценностях, убеждениях и свободах, что делает их Конституцию непохожей на законы других стран. США, как и любое государство, – это страна, организованная вокруг идеологии, состоящей из определений, что такое хорошее общество. Из подобных определений и развилось явление эксепционализма, который, в соответствии с суффиксом *изм-*, так же, как коммунизм, либерализм, патриотизм, можно рассматривать как политический термин, имеющий свою языковую презентацию, прямое и контекстуальное значение.

Среди тех, кто впервые в 1830–1840 гг. охарактеризовал США как «exceptional»/«исключительное государство», часто называют Алексиса де Токвиля, который назвал США исключительной страной, однозначно отличающейся от более традиционных обществ и наций Старого Света. Однако А. де Токвиль не использовал ни само слово *exceptionalism*, ни его французский эквивалент, он всего лишь написал, что «La situation des Américains est ... exceptionnelle» / положение Америки исключительное [3]. Теория американского «исключительизма» получила развитие в 2011 г., когда появились две книги: Г. Вуда, провозгласившего *we Americans are a special people with a special destiny to lead the world toward liberty and democracy* / мы, американцы – особый народ с особой судьбой, чтобы вести мир к свободе и демократии [19. С. 6], и Н. Гингрича «*A Nation Like No Other: Why American Exceptionalism Matters* / Нация, как никто другой: почему американская исключительность имеет значение», в которой называются две ключевые истины об американ-

ской исключительности: величие личности, т.е. каждый человек действительно имеет значение, и центральное место Бога и веры в американских семьях / *two key truths about American Exceptionalism: the dignity of the individual – the idea that every person does indeed matter – and the centrality of God and faith in American families and communities* [9].

В словарях русского языка термин *эксепционализм* не зафиксирован, поисковые системы отсылают к английскому *exceptionalism* в русском переводе – исключительность, не имеющему ничего общего с Америкой. Понятие *American exceptionalism* графически оформилось в русском языке в 2013 г. как *исключимелизм* (перевод фильма А. Науэй «Exceptionalism»), как синоним именно американской исключительности. В данной работе используется транслитерация *эксепционализм* английского слова *exceptionalism*.

В английском языке *exceptionalism* терминологически оформился в 1929 г. [12] как причина, по которой марксизм не смог укорениться в США. В соответствии со словарными определениями *exceptionalism – the condition of being different from the norm; a theory expounding the exceptionalism especially of a nation or region* / состояние, отличное от стандартного; теория, разъясняющая исключительность *the theory or belief that something, especially a nation, does not conform to a pattern or norm* / теория или убеждение, что что-то, особенно нация, не соответствует шаблону или стандарту [5].

Как видно из словарных определений, повторяющийся элемент значений, составляющий семантическое ядро термина *exceptionalism* – это отличие, однако такие определения еще не содержат элементов, указывающих на превосходство и богоизбранность. Наполнение термина *exceptionalism* такими современными политизированными значениями, как американское превосходство, американская богоизбранность, американская непогрешимость, отношение Америки к другим странам, культурам и т.д., основанное на представлении о своих отличиях от этих стран и превосходстве над ними, – это результат современных языковых практик, свидетельствующих об открытой и способной к наполняемости структуре словарных статей.

В настоящем исследовании анализируются политические тексты из центральных американских изданий (The New York Times, The Washington Post, New York Post) и интернет-порталов, взявших за основу дискурсивные практики американских политиков. Через представление в текстах дихотомии «мы, Америка» – «они» термин *эксепционализм* концептуализируется и получает свое дальнейшее языковое наполнение, значение которого можно определить как превосходство США в мире.

Классическим примером публичного политического выступления, в котором Америка названа средоточием всего позитивного, что есть в мире, является высказывание президента США Р. Рейгана из его прощальной речи в 1989 г.: *in my mind, it was a tall proud city built on rocks stronger than oceans, wind-swept, God-blessed and teeming with people of all kinds living in harmony and peace* / это был высокий гордый город, построенный на скалах, более сильных, чем океаны, открытый всем ветрам, благословенный богом, заполненный людьми всех рас, живущими в мире и гармонии [15]. В данном примере исключительный образ США создается за счет использования высокоэмоциональных слов с очень большой образной способностью: скалы – океаны, бог, гармония.

К примерам, транслирующим *эксепционализм*, относится и заявление М. Олбрайт накануне объявления Косово независимым: *But if we have to use force, it is because we are America; we are the indispensable nation. We stand tall and we see further than other countries into the future* / Но если нам придется при-

менить силу, это потому что мы – Америка, мы – незаменимая нация. Мы стоим в полный рост и видим в будущем больше и дальше, чем другие страны [4]. Выбор языковых средств в этом примере приводит к репрезентации эксепционализма как цивилизационного (*indispensable*) американского начала, противостоящего недоразвитому неамериканскому (*other countries*). В данном примере на основе повторения личного местоимения *we*, сравнительного оборота *further than other* транслируется значение эксепционализма, еще не зафиксированное в словарях: мы обладаем главной и самой важной ролью в мире и будем иметь эту роль в будущем; *if we have to use force, it is because we are America* – подобное высказывание транслирует ценностный ориентир (сила) и желания одной конкретной страны (Америки), которые должны считаться нормами международного права, и этому дается объяснение: *because we are America*.

Американский «исключителлизм» находит свое дальнейшее развитие в доктрине Дж. Буша о превентивной самообороне [10], синонимами эксепционализма в этом документе являются слова-маркеры *God's blessed and chosen* / «богоизбранная страна», которой предназначено выполнение *special mission on a global scale* / особой миссии в мировых масштабах, разрешены *pre-emptive action* / упреждающие удары, выбор таких языковых средств, как *special, chosen*, транслирует представление о США как о привилегированной нации, *pre-* для которой возможны односторонние произвольные действия, *God's blessed* – у которой больше прав, чем у других.

Эксепционализм в следующих примерах является показателем того, в какой степени Америка и остальной мир фактически различны, языковыми маркерами эксепционализма являются материальное изобилие (*to balance the budget, create jobs, and provide the stability, prosperity*) индивидуализм (*the private sector background, liberty*), но особенно – лидерство (*not to be a nation of followers, not to be one of several equal, lead, leadership*).

Mitt Romney has the private sector background...to balance the budget, create jobs, and provide the stability in Washington that will guarantee American exceptionalism / Митт Ромни...должен, опираясь на поддержку частного бизнеса..., сбалансировать бюджет, создать рабочие места, обеспечить стабильность в Вашингтоне, чтобы гарантировать американский «исключителлизм» [16].

America is an exceptional and unique nation ... "This century must be an American century, where America leads the free world and the free world leads the entire world. God did not create this country to be a nation of followers. America is not destined to be one of several equally balanced global powers. America must lead the world, or someone else will. Without American leadership, without clarity of American purpose and resolve, the world becomes a far more dangerous place, and liberty and prosperity would surely be among the first casualties / Америка является исключительной и уникальной нацией ... Этот век должен быть американским, где Америка идет во главе свободного мира, а свободный мир ведет весь (остальной) мир. Бог создавал эту страну не для того, чтобы быть нацией подражателей. Америка не предназначена для того, чтобы быть одной из нескольких мировых держав, одинаково сбалансированных. Америка должна возглавить мир, или кто-то другой сделает это. Без американского лидерства, без ясных американских целей и решимости мир станет более опасным местом, и свобода и процветание, несомненно, будут одной из первых жертв [17].

В следующих примерах эксепционализм объясняется за счет выбора лексики с выраженным компонентом «плохо» в значении (выделены шрифтом), тем самым достигается эмотивное воздействие на читателей.

We have to... acknowledge that we have allowed a mighty country to be brought low and set a course to restitution /Мы должны... признать, что мы по-

зволили могущественной стране быть униженной и начать курс на восстановление (унижение – плохо, восстановление – хорошо) [3].

*But our **collective self-abasement** in the 1970s did not reflect the deeper truth about the United States, even with the United States at a low ebb. On that day of the tall ships, we saw our country again as it was and is – the shining city on a hill, the last best hope of Earth!* Но наше коллективное самоуничтожение в 1970-х гг. не отражает глубокую истину о США, даже если США в упадке. В тот день парусных судов, мы увидели, что наша страна вновь, как это было и есть – сияющий город на холме, последняя надежда Земли [12] (самоуничтожение – плохо, последняя надежда Земли – хорошо).

*Hillary Clinton accused Donald Trump of being **anti-American exceptionalism** / Хиллари Клинтон обвинила Дональда Трампа в том, что он против американской исключительности [6] (быть против Америки – плохо, обвинять в этом – хорошо).*

*For America **to be embarrassed** by its exceptionalism is itself exceptional and absolutely unacceptable/ Для Америки стыдиться своей исключительности – само по себе исключительно и абсолютно неприемлемо [12] (стыдиться исключительности – плохо, быть исключительным – хорошо).*

*My opponent in this race has said very clearly that he thinks **American exceptionalism is insulting to the rest of the world. In fact, when Vladimir Putin, of all people, criticized American exceptionalism, my opponent agreed with him** / Мой оппонент в этой гонке очень ясно сказал, что он считает, что американская исключительность – это оскорбительно для остального мира. В самом деле, когда из всех людей только Владимир Путин критикует американскую исключительность, мой оппонент согласился с ним [6].*

Следующая группа текстов транслирует эксеptionализм на основе положительно-оценочных слов (выделены шрифтом), таким образом, словарное значение термина расширяется и получает значение *a shining beacon of democracy and economic freedom*/ яркий светоч демократии и экономической свободы, лучшее место, чем где-либо еще, но остальной мир это видит и стремится подражать США.

*...America's unique and unparalleled ability to be **a force for peace and progress, a champion for freedom and opportunity. Our power comes with a responsibility to lead.** ... Уникальная и не имеющая равных способность Америки быть движущей силой мира и прогресса, быть борцом за свободу и предоставление возможностей. Наше могущество приходит с ответственностью за то, что мы ведем мир [8].*

*...the global force **for freedom, justice and human dignity**... We are the indispensable nation. **People all over the world look to us and follow our lead.** The decisions we make and the actions we take – even the actions we don't take – affect millions, even billions of lives, When America fails to lead, that either leads to chaos, or leaves a vacuum that other countries rush in to fill / мировая сила по защите свободы, мира, человеческого достоинства. Мы – незаменимая нация. Люди всего мира смотрят на нас и идут за нами. Решения, которые мы принимаем, и действия, которые мы совершаем, – даже действия, которые мы еще не совершаем, – влияют на миллионы, миллиарды людей [8].*

*America remains what it has always been – the **greatest and most far-reaching political experiment in human history**/ Америка остается тем, чем она всегда была, – самый великий и самый далеко идущий политический эксперимент в истории человечества [14].*

*America is not **great** because of its leaders, who change, or because of the ideology they espouse, because that changes too as the views of the electorate change.*

America's greatness has to do with the way it is organized. The central figure in the United States is the person. The central figure in the United States is you.

Величие Америки основано не на лидерах, которые меняются, не на идеологии, потому что она тоже меняется, как и мнение электората. Величие Америки связано с тем, как она организована. Центральная фигура в Соединенных Штатах – это личность. Центральная фигура в США – это вы [14].

To a degree unknown anywhere in the world, America is self-correcting / В степени, не известной нигде больше в мире, Америка исправляет себя сама [14].

The luckiest people on Earth are the people who are born Americans, or who become Americans / Самые счастливые люди на Земле являются люди, родившиеся американцами, или кто стали американцами [14].

Now more than ever US must celebrate its exceptionalism / Rupert Murdoch remarks Monday night at the Hudson Institute. Сейчас больше, чем когда-либо, США должны прославлять свою исключительность [12].

We are all often struck by the exceptional qualities of America and by the exceptional and selfless influence America has exercised on the world / Мы все чаще поражаемся исключительным качествам Америки и исключительному и бескорыстному влиянию, которое Америка осуществляет по всему миру [12].

В примерах этой группы сильная положительная роль Америки направлена, в том числе, и на установление контакта с читателем: редакция СМИ знает, что читательской аудитории понравится подтверждение о своей избранности со страниц газет, поэтому транслируется своеобразный месседж: вы тоже американцы, поэтому вы – хорошие. Таким образом, терминологическое значение слова *exceptionalism* расширяется и становится синонимом американского патриотизма. Неамериканцы представлены как безликая коллективная масса: *human history, anywhere in the world, People all over the world, millions, billions of lives.*

В следующих примерах эксепционализм транслируется через разделение на пострадавшую сторону (не-Америка) и спасителя (Америка, слова выделены шрифтом).

America is a restless nation. It was built by taking in the people of the world and so it cannot turn its back on the world / Америка – нация, не знающая покоя. Она образовалась, вбирая в себя людей со всего мира, поэтому она не может отвернуться от мира [9].

As we've seen in Syria and in Ukraine and in the streets of Paris, without this country's self-confident championing of that «human quest for freedom and humane values», global affairs collapse into nightmare – the policy wasteland becomes fertile territory for terror/ Как мы увидели в Сирии и на Украине, и на улицах Парижа, без уверенной защиты этой страной человеческого стремления к свободе и гуманным ценностям мировая политика рухнет и превращается в кошмар, в политическую пустыню, становится плодородной почвой для террора [12].

There is no way that Australia alone could have defended itself during the Second World War, heroic as Australian troops were / Австралия одна не могла бы защитить себя во время Второй мировой войны, какими героическими бы ни были австралийские войска [12].

In the 1950s, America saved the now prospering South Korea from the barbarity of Kim Il-sung / В 1950-е гг., Америка спасла процветающую сегодня Южную Корею от варварства Ким Ир Сена [12].

And in the 1980s, thanks to Ronald Reagan, America stood firm against the Soviet Union, and that very resolve led to its reform. It led to one Germany, not two. It allowed the Polish and the Hungarians and the Czechs and Slovaks to be independent, not political proxies. It recast Europe and emancipated millions/ И в

1980-е гг. благодаря Рональду Рейгану Америка твердо выступила против Советского Союза, эта самая твердость привела к реформам в СССР. Эта решимость привела к единой, а не разделенной надвое Германии. Она позволила полякам, венграм, чехам и словакам быть независимыми, а не вести политику по доверенности. Она перестроила Европу и раскрепостила миллионы [12].

And in that very same era, the United States provided a stable background for the rise of China, which went from the impoverishment of mindless ideology to the magic of market forces, allowing hundreds of millions of people to escape from poverty / И в то же время Соединенные Штаты обеспечили стабильный фон для усиления Китая, который прошел от обнищания глупой и бессмысленной идеологии к чуду рыночных сил, благодаря чему сотни миллионов людей вырвались из бедности [12].

We shouldn't apologize for America; we should celebrate America. For the world as it might have been without America is a much, much lesser world / Мы не должны извиняться за Америку, мы должны прославлять Америку. Потому что мир, такой, каким он мог бы быть без Америки, это гораздо менее значительный мир [12].

Таким образом, в политических текстах основными маркерами «исключительности» являются слова «Америка», «вести», «лидер», «лидирующая» и «лидерство». Во всех примерах наблюдается закономерность: эксепционализм проявляется как явление, имеющее две стороны: индивидуализирующую, языковыми маркерами которой являются слова со значением «личная жизнь, свобода и материальное благосостояние американцев – лучшие в мире», и абстрактную, языковые маркеры которой более многочисленные, это слова с общим значением «Америка – защитник общемировых ценностей и свобод». Возможно, в абстрактной стороне эксепционализма проявляются исторически сложившаяся социальная и географическая мобильность американцев как нации, образовавшейся из эмигрантов. Приведенные примеры дискурсивных практик ориентируются на целенаправленное управление адресатом. С точки зрения российского читателя подобную подачу фактологического материала, доминирующую в американских СМИ, можно свести к фразе Дж. Сороса *The primary purpose of political discourse is to gain power and to stay in power... As things stand now, the pursuit of power tends to take precedence over the pursuit of truth /* Основной целью политических речей является завоевание власти и удержаться у власти... Сейчас стремление захватить власть имеет большее значение, чем поиски истины [18. Р. 66–68]. А что сказал бы Сорос, если бы мы возразили ему: «Бог, на которого так любят ссылаться в Америке, создал всех равными. Равенство исключает исключительность».

Литература

1. Емельянова М.В. Аргументация в политическом дискурсе на материале русского и английского языков // Вестник Чувашского университета. 2006. № 7. С. 116–119.
2. Кириллова Н.В., Зайцева Е.Л. Паремии как средство актуализации эмоционального концепта «страх» в русской, английской и чувашской лингвокультурах // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 12–18.
3. Токвиль А. де. Демократия в Америке: пер. с фр. / предисл. Г.Дж. Ласки. М.: Весь Мир, 2000. 560 с.
4. Albright M. Speech on NBC's Today Show. Available at: <https://foreignpolicy.com/2014/11/06/the-myth-of-the-indispensable-nation> (дата обращения: 12.02.2017).
5. American Heritage Dictionary of the English Language. 5th ed. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2016. 2184 p.
6. Blow Charles M. Decline of American Exceptionalism. *New York Times*, 2011, Nov. 18.
7. Clinton H. Address at American Legion National Convention [Электронный ресурс]. Available at: <https://hillaryspeeches.com/2016/08/31/hillary-clinton-talks-about-american-exceptionalism-at-american-legion-convention/> (дата обращения: 07.02.2017).

8. Clinton H. Indispensable nation. Hillary Clinton pitches American exceptionalism (31 Aug., 2016). Available at: <https://www.rt.com/usa/357801-clinton-american-exceptionalism-speech>.
9. Gingrich N. A Nation Like No Other: Why American Exceptionalism Matters. Regnery Publ., 2011, 264 p.
10. Jervis R. Understanding the Bush Doctrine. *Political Science Quarterly*, 2003, vol. 118, no. 3, pp. 365–388.
11. Marsoobian A.T., Ryder J. The Blackwell Guide to American Philosophy. Wiley-Blackwell, 2004, 432 p.
12. Murdoch R. Remarks Monday night at the Hudson Institute. *New York Post*, 2015, Dec. 1.
13. Obama B. The President's News Conference with President Felipe de Jesus Calderon Hinojosa of Mexico and Prime Minister Stephen Harper of Canada (April 2, 2012). Available at: presidency.ucsb.edu/ws/?pid=100451 (Accessed 29 Jan. 2017).
14. Podgoretz J. It's not our leaders who make America great. *New York Post*, 2016, July 3.
15. Reagan R. Farewell Address to the Nation (11 Jan., 1989). <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=29650> (дата обращения: 29.01.2017).
16. Romney M. Support to eight Nevada State Senators. Available at: <http://mittromney.com/news/2011/11/mitt-romney-announces-support-eight-nevada-state-senators>.
17. Rucker Ph. Mitt Romney calls for new 'American century' with muscular foreign policy. *Washington Post*, 2011, Oct. 7.
18. Soros J. The new Paradigm to Financial markets: the Credit crisis of 2008 and What it means. New York, Public Affairs, 2008, 164 p.
19. Wood G. The Idea of America. Reflections on the Birth of the United States. New York, Penguin Press, 2011. 400 p.

ЕМЕЛЬЯНОВА МАРГАРИТА ВАЛЕНТИНОВНА – кандидат филологических наук, декан факультета иностранных языков, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dekin@chuvsu.ru).

ЗАЙЦЕВА ЕЛЕНА ЛЬВОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (917elena@mail.ru).

КИРИЛЛОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (natkir71@rambler.ru).

ПУШКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков № 2, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (fidh@mail.ru).

M. EMELIANOVA, E. ZAYTSEVA, N. KIRILLOVA, A. PUSHKIN

EXCEPTIONALISM AS A CONCEPTUALIZATION OBJECT OF A POLITICAL TEXT

Key words: *exceptionalism, political text, mass-media, Pax Americana, privileged nation, an individual, world leadership.*

This article undertakes an attempt to analyze the assertion of «exceptionalism» ideology of the American way of life, which is based on two key ideas: the idea of greatness of a personality and the central place of God and faith in American families. The choice of linguistic means of USA leading politicians and statesmen translates the idea of the country as a privileged by default nation. The authors conduct a semantic analysis of the term exceptionalism, which presupposes the idea of God's favoured and infallible America, the sense of conscious superiority in relation to sovereignty and independence of other countries of the world.

References

1. Emel'yanova M.V. *Argumentatsiya v politicheskom diskurse na materiale russkogo i angliiskogo yazykov* [Argumentation in political discourse on the material of Russian and English languages]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2006. no. 7, pp. 116–119.
2. Kirillova N.V., Zaitseva E.L. *Premii kak sredstvo aktualizatsii emotsional'nogo kontsepta «strakh» v russkoi, angliiskoi i chuvashskoi lingvokul'turakh* [Proverbs as a means of implementation of the emotional concept "fear" in russian, english and chuvash linguistic pictures of the world]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 1-1, pp. 12–18.
3. Tocqueville A. de. *De la démocratie en Amérique*. 12 éd. Paris, 1848 (Rus. ed.: *Demokratiya v Amerike*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2000, 560 p.

4. Albright M. Speech on NBC's Today Show. Available at: <https://foreignpolicy.com/2014/11/06/the-myth-of-the-indispensable-nation> (Accessed 12 February 2017).
5. American Heritage Dictionary of the English Language. 5th ed. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2016. 2184 p.
6. Blow Charles M. Decline of American Exceptionalism. *New York Times*, 2011, Nov. 18.
7. Clinton H. Address at American Legion National Convention. Available at: <https://hillary-speeches.com/2016/08/31/hillary-clinton-talks-about-american-exceptionalism-at-american-legion-convention/> (Accessed 07 February 2017).
8. Clinton H. Indispensable nation. Hillary Clinton pitches American exceptionalism (31 Aug., 2016). Available at: <https://www.rt.com/usa/357801-clinton-american-exceptionalism-speech>.
9. Gingrich N. A Nation Like No Other: Why American Exceptionalism Matters. Regnery Publ., 2011, 264 p.
10. Jervis R. Understanding the Bush Doctrine. *Political Science Quarterly*, 2003, vol. 118, no. 3, pp. 365–388.
11. Marsoobian A.T., Ryder J. The Blackwell Guide to American Philosophy. Wiley-Blackwell, 2004, 432 p.
12. Murdoch R. Remarks Monday night at the Hudson Institute. *New York Post*, 2015, Dec. 1.
13. Obama B. The President's News Conference with President Felipe de Jesus Calderon Hinojosa of Mexico and Prime Minister Stephen Harper of Canada (April 2, 2012). Available at: [presidency.ucsb.edu/ws/?pid=100451](http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=100451) (Accessed 29 Jan. 2017).
14. Podgoretz J. It's not our leaders who make America great. *New York Post*, 2016, July 3.
15. Reagan R. Farewell Address to the Nation (11 Jan., 1989). Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=29650> (Accessed: 29. 01.2017).
16. Romney M. Support to eight Nevada State Senators. Available at: <http://mittromney.com/news/2011/11/mitt-romney-announces-support-eight-nevada-state-senators>.
17. Rucker Ph. Mitt Romney calls for new 'American century' with muscular foreign policy. *Washington Post*, 2011, Oct. 7.
18. Soros J. The new Paradigm to Financial markets: the Credit crisis of 2008 and What it means. New York, Public Affairs, 2008, 164 p.
19. Wood G. The Idea of America. Reflections on the Birth of the United States. New York, Penguin Press, 2011. 400 p.

EMELIANOVA MARGARITA – Candidate of Philological Sciences, Dean of the Faculty of Foreign Languages, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (dekin@chuvsu.ru).

ZAYTSEVA ELENA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of Romano-German Philology and Translation Studies Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (917elena@mail.ru).

KIRILLOVA NATALYA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of Foreign Languages Department № 2, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (natkir71@rambler.ru).

PUSHKIN ALEXEY – Candidate of Philological Sciences, Professor of Foreign Languages Department № 2, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (fldh@mail.ru).

Ссылка на статью: Емельянова М.В., Зайцева Е.Л., Кириллова Н.В., Пушкин А.А. Экспционализм как объект концептуализации политического текста // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 195–202.

УДК 811.512.111'373.45

ББК Ш12=635.1*322.1

В.А. ИВАНОВ

**ПРЯМЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ АРАБСКИХ И ПЕРСИДСКИХ СЛОВ
В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ**

Ключевые слова: прямое заимствование, превращение, сравнительный, этимология, хронологический, корень, божество, язычник, этнический.

В статье рассматриваются арабские и новоперсидские заимствования в чувашском языке на основе результатов исследования немецкого ученого Б. Шернера, опубликованных в книге «*Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen*». Из большого количества заимствованных слов выделены те, которые перешли без участия языка-посредника, на их примере прослеживаются звуковые переходы. Обобщаются фонетические и семантические изменения, анализируется хронологизация длительного процесса заимствования в VII–XII вв. Доказывается актуальность исследования для использования в этнолингвистике и применения данных в арабоязычной аудитории в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова.

Сосредоточившись на тексте, филология рассматривает аспекты духовного бытия человека, не отходя от конкретики, и допускает при этом их универсальность. Данным качеством обладает труд, посвященный арабским и новоперсидским словам, сохранившимся в современном чувашском языке [7]. Книга, написанная на немецком языке, принадлежит Бернду Шернеру, ученику известного исследователя академика Йоханнеса Бенцинга, которого профессор М.Р. Федотов считает «великим» за его работу *Das Tschuwaschische* [4. С. 142]. Михаил Романович Федотов представил научному миру научно-исследовательскую деятельность 32 видных чувашеведов, 12 из которых излагали результаты своей деятельности на немецком языке. Нам представляется, что *Bernd Scherner* как новое имя заслуживает быть включенным в ряд немецкоязычных исследователей чувашского языка, аргументация данной позиции является одной из целей данной статьи.

Современность и значимость изучения заимствований как перехода слов из одного языка в другой обусловлены контактами его носителей, которые участвуют в процессе перенесения «орудия» общения из одного пространства в другое. Немецкий исследователь наглядно иллюстрирует, как слова по форме и семантике приспосабливаются к системе другого языка в условиях возрастающей роли культурных, экономических и торговых связей между народами. На примере чувашского языка доказывается, как в ряде случаев иноязычное происхождение слова почти не ощущается и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа. В этой связи актуально заметить, как видный этимолог чувашского языка профессор В.Г. Егоров в своем словаре [2] нередко обращается к знакомому ему арабскому языку: по направлению Российско-Палестинского общества он в течение двух лет руководил российско-арабскими школами в Сирии. Егоров заочно, а Бенцинг непосредственно были научными консультантами Шернера – первый через свои многочисленные труды, второй – благодаря поучительным замечаниям и терпеливому научному руководству (*hilfreiche Kritik und geduldiges Ausharren bei der Durchführung*) [7. S. VI].

Панхронический характер языкового заимствования детерминирован множеством факторов, в том числе и периодом великого переселения народов (*Völkerwanderung*), в котором активно участвовали и древние носители чувашского языка хунны, в честь которых названа одна из площадей старинного баварского города Регенсбурга – *Hunnenplatz*. В те далекие времена ин-

тенсивно взаимодействовали языки народов; господствующая держава гуннов оставила свои следы в языке и Ближнего Востока, и Поволжья; заимствующая сторона там естественно инициировала сдвиги в исходной семантике и фонетике и древнеболгарского языка, который рассматривается как основа праязыка чувашей, и в этой связи приведем некоторые результаты исследований другого немецкого лингвиста В. Бартольда: *Das čuvašische stellt den Überrest eines älteren Entwicklungsstadiums dar, in diesem Stadium befand sich die Sprache der Hunnen, ... schon im 2. Jahrhundert befanden sich die Hunnen unweit der Wolga – Etil, ... die frühere bulgarische Sprache blieb nur in der Sprache der Čuvašen erhalten* [5. С. 31], т.е. гуннский находился на древней стадии развития человеческого языка; его остаточные элементы представляет чувашский язык, который появился на Волге во втором столетии, ... древнеболгарский язык сохранен только в чувашском языке. Эти данные позволяют констатировать, что исследованные Шернером переходы звуков (*Lautübergänge*) из арабского и персидского в древнеболгарский язык имеют глубокие корни, их хронологизация обоснована немецким исследователем примерами из источников на 101 языке и диалекте, доказана справедливость теории прямых переходов звуков и слов из арабского и персидского в древнечувашский язык, данному длительному процессу посвящены 38 параграфов, учтены особенности характерных для чувашского языка явлений гармонизации гласных, оглушения твердых согласных, соноризации глухих согласных, отражены данные этимологизации арабо-персидско-чувашских лексических параллелей. Знатоку контактируемых языков Шернеру-полиглоту удалось с опорой на богатство транскрипционных знаков отразить прелесть речи этносов – носителей исследуемых языков, мы же довольствуемся доступными нам латиницей и кириллицей. Страницы 186–193 титанического труда Шернером написаны арабским шрифтом.

Для иллюстрации арабо-персидско-чувашских параллелей и прямых переходов слов из языка-оригинала в язык-транслита нами отобраны некоторые слова с переводом их нами на русский язык (немецкий вариант Шернера):

Xavar – hypar (Nachricht – весть), xatt – hut (Papier, Schrift – бумага, письмо), sifa – sāpat (Gesicht – лицо), tāqiya – tuhja (Kopfschmuck der Mädchen – девичий головной убор), qala – hula (город, крепость), qirmiz – hēremeslen (purpur; rot werden – краснеть), aqall – ahal (sehr wenig – очень мало, зря), halıqa – alka (Ohrring – ушное колечко), masxara – myskara (Spaß – шутка), Izra – Esrel (Todesengel – ангел смерти), qurbān – hārpan (heidnische Gottheit – языческое божество), hālā – halē (jetzt – теперь), vagt – vāhāt (Zeit – время), haqq – hak (Preis – цена, плата, приз), sālvar – sālavar (Hose – брюки), avval – aval (früher – раньше), abmag – uhmah (dumm – глупый), qiyāmat – hājamat (Ende der Welt – конец света, бедствие).

Часто в процессе преподавания иностранных языков мы сталкиваемся с тем, что слово пишется по-немецки, а произносится по-английски: *Kultur* – калчă или *Literatur* – литричĕ и т.п., почти то же самое наблюдаем в приведенных выше примерах. Где и когда произошли эти переходы и развитие звуков в процессе заимствования, об этом Шернер говорит не категорично, пользуется словом *Versuch* (попытка) в отношении хронологизации и таблицы передвижения звуков, не допускает категоричных выражений в исследовании арабского, новоперсидского элемента (*des Elementes*) в чувашском языке, потому что язык для него является организмом и не бездушной машиной (*ein Organismus und keine seelenlose Maschine*). В то же время пользуется выражением, не допускающим сомнения – «яркие звукопереходы в чувашском языке» (*markante Laut-*

übergänge im čuv). К ним можно отнести, например: *a, ä > y, u, e, i; b > p, t, c; g > s, c, j; v > j, c; aw > av, ev, iv; ay > yi, aj, ei*. Исходя из книги, состоящей в основном из транскрипционных знаков, мы имеем в виду, что исследователь опирается на состояние чувашского языка в эпоху с VIII по XX вв. В каких царствах и государствах находился его носитель – исторически общеизвестно.

Прибытие в Волжскую Болгарию из Багдада каравана во главе с *Ahmad Ibn Fadlān* по приглашению *Bolgarenkönig Almiš* произошло именно в указанный период времени – 12. *Muharram des Jahres* 310 (= 12. мая 922). Путь посланников калифа *Abbaside al-Muqtadir* был тягостным и опасным, длился более года, маршрут был избран с учетом обстановки в регионах, через которые нужно было двигаться. Допускаем, что имелись в виду и религиозные, и языковые, и продовольственные обстоятельства. Общение болгар с арабами в годы оборонительных и захватнических боевых действий между соседними этносами, о чем пишет Шернер, происходило по торговым вопросам и оказанию помощи. Что касается непосредственных контактов между болгарским и арабским языками, можно в определенной степени судить по таблице исследователя о чувашских звукопереходах, например, *a > ä, aa; o > u* или по развитию концепта *uras*, начиная со значений персидского *roz* (*Tag, Sonne, Gesicht, rechte Zeit, offen, klar, Epoche, Zustand, Lage* – день, солнце, лицо, счастье, своевременно, открыто, ясно, эпоха, состояние, положение). Анализ данного слова на двух страницах более 100 строк [7. С. 178–180] выявил его развитие от языческого мужского имени *urasaj*, названия населенного пункта Ураскилт (рус. Раскильдино) со значением *Glück gekommen* (счастье пришло) до творчества П.И. Полоруссова, где он обратил внимание на звучание его гражданского имени *Selepi*, у которого в произведении есть герой *Urazajkin* (*Familiennamen von čuv. Urasa*) [7. С. 179].

Основательно изучая каждый звук и слово, Шернер находил арабо-чувашские языковые параллели и звукопереходы, языковые явления иллюстрировал примерами, относящимися и к этнической культуре, например, персидское *sarbana* (*Kopfbedeckung der Frau* – женский головной убор), среднечув. *sorban*, верхнечув. *sorpan*, новочув. *surpan*, описал как данное украшение и как персидское *širdan* (*Wiederkäuermagen; Labmagen, gefüllt mit Fleisch und Reis*) > *šärttan* (*Art Wurst* – вид колбасы, бараний желудок, начиненный мясом, рисом), а также *šerbet* (*Honigwasser* – медовая вода, *süßes Getränk* – сладкий напиток) > чув. шерпет (шерпет – медовый сироп). Анализ языковых заимствований во времени и пространстве позволил Шернеру доказать переход новоперсидского *q* в чувашское *k* в VII–VIII вв., дальнейшие исследования привели ученого к мысли обратить внимание на Волго-Камский (Чувашский) регион, где обнаружено у соседней слово *qub.ka* (*Schwammpilz* – зоологическое губка, плесень, гриб; *Schwämme suchen* – ходить по грибы). Деназализация носового гласного к 850 г., а также учет наличия в волгобулгарском *gomba* и в чувашском *kāmpa*, варианта *gōmbō* по этимологии и утверждение Ашмарина о 32 чувашских названиях грибов позволили немецкому чувашеведу сделать вывод по поводу происхождения *kāmpa*: *In erster Linie kommen hier die Wolgabolgaren in Betracht* (в первую очередь иметь в виду волжских болгар) [7. С. 83].

В процессе изучения рассмотренных Шернером около 1300 лексических единиц чувашского языка и 100 параллелей в арабо-чувашских языках мы пришли к мнению, что в рамках статьи нет возможности остановиться на каждом из них, поэтому укажем лишь еще одно слово – название языческого божества (*heidnische Gottheit*): в рассматриваемом труде с учетом особенности периода

данная религия упоминается довольно часто. В аспекте древнечувашских верований речь идет о *Pihampar* – *ein Geist, der dem Menschen gute Eigenschaften eingibt, er ist der Beschützer des Viehs* (обеспечивает людей хорошими качествами, является защитником скота). Новоперсидское *раууӓмбар* выступает в значении «пророк», «посланник». Изменение звуков в древних и современных языках позволили Шернеру выявить следующее: новоперсидское *раууӓмбар* > древнечувашское *руйһампар* > современное чувашское *пиһампар*, пройдя через *руһампар*, *руһампар*, *руйһампар*, сохранило основное значение – бог скота. Шернер отмечает, что в балладе чувашского поэта Михаила Федорова «*Arsuri*» главный персонаж оберегает скотину от хищных зверей – *schützt das Vieh von Raubtieren*. Шернер в форме *руһампар* обнаружил дополнительное значение – обеспечение человека богатым урожаем. У него в книге есть еще один добрый дух – персидское *firista* (*Engel* – ангел) параллельно с чувашским *пирӗшти* – «добрый дух», «ангел». Исследователь отмечает, что в этих словах о божествах речь идет об очень древнем заимствовании – *es handelt sich hier um ein sehr altes Lehnwort* [7. С. 168].

Таким образом, прямые заимствования арабских и новоперсидских слов в чувашском языке и хронологизация звуко-буквенных изменений в них являются дополнительным свидетельством отличий чувашского языка от других родственных, о чем Шернер напоминает уже в предисловии своего труда: *In der Turkologie und Altaistik nimmt das Tschuwaschische wegen der starken Abweichungen einen besonderen Platz ein* [7. S. V]. Эти положения о сильных отклонениях чувашского языка восприняты им от своего учителя Й. Бенцинга и исходят из данных о надписях на надгробных памятниках волжских болгар [6. С. 421–422]. Они отражены и в работах Бартольда, где чувашский язык упоминается как *Rest* (остаток) *der Hunnischen wurde wahrscheinlich* (вероятно) *nach dem Westen gebracht* [5. С. 31], что служит напоминанием об учении академика Марра о чувашском языке как «сохранившем доселе свое изолированное положение и в отношении угрофиннизации, и в отношении туркизации» [3. С. 261]. Шернеру как ценителю истории языкознания удалось занять место в известном ряду 12 немецкоязычных чувашеведов. Мы благодарны ему за материал, предоставленный для использования в процессе работы со студентами из арабских стран [1. С. 15], в том числе и из Багдада, родины упомянутого Ибн Фадлана, в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова.

Литература

1. Данилов А.П. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. 56 с.
2. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
3. Марр Н.Я. Основные вопросы языкознания / АН СССР. Ленинград, 1934. Т. 3. 421 с.
4. Федотов М.Р. Исследователи чувашского языка. 2-е изд., доп. Чебоксары, 2000. 152 с.
5. Barthold W. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Berlin, Buchhandlung für Kunst und Wissenschaft, 1935, 278 S.
6. Benzing J. Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, 1942, 470 S.
7. Scherner B. Arabische und Neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1977, 230 S.

ИВАНОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (bella-lucia@rocketmail.com).

V. IVANOV

DIRECT BORROWINGS OF ARABIC AND PERSIAN WORDS IN THE CHUVASH LANGUAGE

Key words: direct borrowing, conversion, comparative, etymology, chronological, root, divinity, heathen, clear, ethnic.

This article considers Arab and New Persian borrowings in the Chuvash language on the basis of the study of German scientist B. Scherner, the results of which are published in the book «Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen». Of a large number of loan words the author highlighted those that passed without participation of an intermediary language, that are examples of audio transitions. Phonetic and semantic changes are summarized, chronological arrangement of the long borrowing process in the VII–XII centuries is analyzed. The article proves relevance of the study for ethnolinguistics and for Arabic-speaking audience in I.N. Ulyanov Chuvash State University.

References

1. Danilov A.P. *Chuvashskiy gosudarstvennyy universitet imeni I.N.Ulyanova* [I.N.Ulyanov Chuvash State University]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 1992, 56 p.
2. Egorov V.G. *Etimologicheskiy slovar chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1964, 355 p.
3. Marr N.Ya. *Osnovnyye voprosy yazykoznaniya* [Main questions of linguistics]. Leningrad, 1936.
4. Fedotov M.R. *Issledovateli chuvashskogo yazyka* [Researchers of the Chuvash language]. Cheboksary, 2000. 152 p.
5. Barthold W. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens [12 lectures about the history of Turk in Central Asia]. Berlin, Buchhandlung für Kunst und Wissenschaft., 1935, 278 c.
6. Benzing J. *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft* [Magazin of the german mid-east society]. Leipzig, 1940.
7. Scherner B. *Arabische und Neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen* [Arab and new Persian borrowings in Chuvash language]. Wiesbaden, 1977. Franz Steiner Verlag. 230 p.

IVANOV VLADIMIR – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Foreign Languages, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (bella-lucia@rocketmail.com).

Ссылка на статью: Иванов В.А. Прямые заимствования арабских и персидских слов в чувашском языке // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 203–207.

УДК 811.512.145

ББК 81.2ТАТ-3

А.М. ИВАНОВА, Г.С. ХАЗИЕВА-ДЕМИРБАШ

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНТРОПОНИМОВ КОРАНИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В АФОРИСТИЧЕСКИХ ЖАНРАХ ТАТАРСКОГО И ТУРЕЦКОГО ФОЛЬКЛОРА

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительный аспект, личные имена, татарский фольклор, турецкий фольклор, этнокультурный компонент, афористические жанры, паремии.

В статье в сравнительно-сопоставительном аспекте рассматриваются личные имена в афористических жанрах татарского и турецкого фольклора, являющиеся неотъемлемой частью этнокультурного пространства. Показано, что личные имена в паремиях не только индивидуализируют, но и обобщают этнокультурную информацию. Выделение личного имени в афористических жанрах фольклора как этнокультурного компонента дает возможность раскрыть стереотипические и архетипические образы языковой личности татарского и турецкого народов. Рассматриваются особенности употребления антропонимов коранических персонажей, выявляются общие черты фольклорной картины мира. Приводится классификация прецедентных онимов, изменяющих содержание и форму афористических жанров. Показано, что в антропонимах татарских и турецких афористических жанров запечатлены пути осмысления и обобщения человеком явлений окружающего мира, времени, пространства.

Афористические жанры фольклора как «наиболее древние жанры фольклора в сжатой форме образуют представление о человеческих ценностях, мироздании, религиозных и культурных традициях» [1. С. 4]. Специфика этих жанров заключена в особом поэтическом строе и связана с актуализацией этнокультурной информации, «транслирующих познания создавшего их народа» [9. С. 27]. Личные имена в фольклорном контексте, в частности в афористических жанрах, участвуют в формировании мифопоэтической модели мира, которая сопряжена представлениями и миропониманием создателя и носителя этого языка – народа. Актуальность сравнительно-сопоставительного исследования личных имен в татарских и турецких паремиях заключается в знаниях и представлениях народа о мире, раскрывающих особенности этнокультурного пространства этих народов. Поэтому исследователями устного народного творчества, лингвофольклористики всегда подчеркивалась необходимость изучения использования имен собственных в различных афористических жанрах. Исследования, посвященные анализу семантики антропонимов, продолжают оставаться актуальными и в современном тюркском языкознании, проблематика которых рассматривается в работах: в татарском языкознании – Х.Ш. Махмутова, Г.З. Дарзамановой, З.Р. Загировой, Р.Г. Ганиевой, в турецком – И. Шахина, О. Кибара и др. Однако до сих пор в антропонимике не предпринимался сравнительно-сопоставительный анализ коранических антропонимов в паремиях. В этом смысле предпринятое нами исследование восполняет в определенной степени существующий пробел.

Семантический потенциал паремий с личными именами позволяет выделить детерминированные антропонимы, отражающие этнокультурную информацию для носителя определенного этнокультурного пространства. Денотату, представленному известными именами коранических персонажей, принадлежит особая роль в трансляции этнокультурного пространства татарского и турецкого народа: *Һәрбер Мөхәммәт пәйгамбәр булмый* (тат.) (букв. не каждый пророк Мухаммад) [3. С. 145]; *Ümmet-i Muhammet 60 ile 70 arasinda gider* (пер. Потомок Мухаммеда уходит в 60 или 70) [8. С. 56]. Конно-

тации, связанные с кораническими личными именам, диктуются с кораническими сюжетами и, как указывает М.Ш. Махмутов, «каждая сура в Коране “разукрашена” невероятными и сказочно красивыми сказаниями и легендами, в которых многие аяты отражаются в виде мудрых и остроумных изречений» [1. С. 4]. Нами было выявлено, что частотным именем в татарских и турецких пословицах и поговорках является имя Пророка Мухаммада: *Ел елга, ел Мөхәммәткә житкәндә* (пер. годы идут, время уходит, даже Мухаммат-пророк умер – время идет) [4. С. 96]; *Син дә мин, Мөхәммәт әмин* (пер. ты да я Мухамед – аминь) [5. С. 74], говорится о дружбе людей; *Мөхәммәткә өммәт булмыйм* (пер. если я сказал неправду, то не быть мне последователем Мухаммада) [3. С. 164].

В татарском паремиологическом фонде функционируют пословицы и поговорки, связанные с пророком Сулейманом – сыном пророка Даута (имя Сулейман – арабского происхождения, имеет значение «мирный, защищенный») [2. С. 224]. Сулейман (Сөләйман) – коранический персонаж, благочестивый и мудрый царь, соответствует библейскому Соломону, фигурирует как великолепный маг, обладающий силой, исходившей из дарованного ему Аллахом кольца [7. С. 468]. В татарском паремиологическом фонде зафиксированы следующие пословицы и поговорки: *Сөләйман йөзеге* (пер. перстень Сулеймана), *Йөзек кем кулында булса – шул Сөләйман* (пер. У кого перстень – тот и Сулейман), *Йөзеге барда – Сөләйман, йөзеге юкта – сөмәйгән* (пер. с перстнем он – Сулейман, т.е. властный, без перстня – унылый), *Сөләйман үлдә – диюләр котылды* (пер. Сулейман умер – дивы избавились) [5. С. 63] и др. В турецкой пословичной культуре выделены следующие культуремы: *Mühür kimde ise Süleyman odur* (пер. у кого печать, тот и Сулейман); *Dünya Hazret-i Süleyman'a kalmamış* (Все люди когда-то уходят из жизни) [9. С. 367]. Согласно исламской мифологии, у пророка Сулеймана был перстень, в котором написаны 99 эпитетов Аллаха, и, владея этим перстнем, человек мог стать властелином мира, поэтому в татарском этнокультурном пространстве появились пословицы и поговорки, связанные с перстнем Сулеймана. В татарском языке поговорка *Сөләйман йөзеге* связана с мифологическим сюжетом о перстне Сулеймана, семантика которой восходит к значению «неограниченная власть», возникшая в результате коннотативных значений перстня. Доказательством этому является сюжет 31-34-го аята суры «Сад» Корана, в котором рассказывается о скакунах Сулеймана, любящая которыми, забыл о вечернем намазе, и в наказание этого Аллах лишил его перстня. Однажды Сулейман оставил перстень у своей жены, а джин в облике Сулеймана пришел к ней, забрал перстень и стал властелином мира. Однако Сулейман покаялся и с благословения Аллаха вновь вернул себе не только перстень, но и власть. Семантическое переосмысление пословицы *Йөзек кем кулында булса – шул Сөләйман* (пер. у кого перстень – тот и Сулейман) [5. С. 67] связано с сюжетными линиями Корана. Однако нами было выявлено, что признаки, присущие некоторым персонажам, выявляют не только конкретные, но и менее существенные качества. В основном в паремиях проявляются постоянные свойства, конкретные качества персонажа.

Образность личных имен в пословицах и поговорках имеет особое значение. Например, распространенное в татарском языке личное имя Айша, имеющее в арабском языке значение «живучая, обеспеченная, благополучная, процветающая, зажиточная» [2. С. 306], в поговорке *Минем телем түгел, Идел кичкән инәкә теле; Минем кулым түгел, Әйшә-Батма кулы* (букв. не мой язык, который через Волгу прошел; не моя рука, рука Айше-Батмы) [4. С. 165] раскрывает не только семантический потенциал личного имени, а связь с де-

нотатом. Как известно, в татарской мифологии образы Айша – Фатима являются покровителями всех женщин [6. С. 269]. В мифологии образ руки Айше-Батмы встречается не только в исламском, но и во всем тюркском мире.

В исследовании было выявлено, что паремии с компонентом Хозыр связаны с пророком Хозыр Ильясом. Как известно, в татарской мифологии Хозыр Ильяс – бессмертный святой, мифологический персонаж. В поговорке *авызына Хозыр төкергән* (пер. Хозыр в рот плюнул) [4. С. 210] говорится об ученом, мудром, красноречивом человеке, в котором личное имя Хозыр испытало полную идиоматизацию, подвергаясь полному переосмыслению. Подобная поговорка существует также в турецком языке: *Hızır'a külah giydirir* (пер. наденет на голову Хозыра шапку) [8. С. 91], так говорят об умном, мудром человеке.

Существуют паремии и с другими личными именами, встречающимися в коранических сюжетах: мал малга жіткәнче *Газраил жанга жітә* (пока накопишь добро, Азраил возмет твою душу); *Газраил шикелле өстә тора* (стоять наверху как Азраил) [3. С. 95], так говорят тогда, когда хотят держать человека в смертельном страхе. Семантические параллели наблюдаются в турецкой поговорке *Azrail olmak* (как Азраил) [9. С. 178].

Существует огромное количество паремий, образованных от сказаний о жизни Аббаса – дяди Пророка Мухаммеда [2. С. 18], семантика которых восходит к кораническому сюжету совершения Аббасом хаджа (переселения) в Мекку незадолго до завоевания ее мусульманами. Так, в татарской поговорке *Юлчыдыр Аббас, беркемгә дә бакмас, кайтса китмәс, китсә кайтмас* (букв. Аббас странник, ни на кого не смотрит, если придет – не уходит, если уйдет – не возвращается) [5. С. 210] и в турецкой поговорке *Abbas yolcudur* (Аббас – спутник) [8. С. 134] говорится о человеке, которому предстоит дальняя дорога. Личное имя Аббас в переводе с арабского означает «суровый». Однако в данном изречении семантика не связана со значением имени, а содержит этнокультурную информацию о жизни пророка.

Согласно кораническим сюжетам, Нух – один из предшественников пророка Мухаммеда [7. С. 503]. Семантика паремий, связанная с антропокомпонентом Нух, тесно взаимосвязана с мифологическими преданиями о пророке: тат. *Нух заманыннан бирле* (со времен Ноя, при царе Горохе); *Нух заманнарыннан калма, Нухтан калган* (о давних событиях); *Нух каргасы* (пер. ворон Ноя) (о человеке, который забывает о поручениях своей выгоды) [4. С. 205]; в тур. *Nuh ömrü* (пер. жизнь Нуха), *Nuh yilinda kalma* (пер. остаться во временах Нуха), *Nuh nabiden kalma* (пер. о давних событиях) [8. С. 260] и др. В сказаниях говорится о том, как перед смертью пророка Нуха спросили о том, каким он увидел эту жизнь, его ответ был таким: «Как дом с двумя дверьми: как будто вошел в одну дверь и вышел в другую», философия времени которого отразилась в изречениях (*Нух заманыннан бирле, Нух заманнарыннан калма, Нухтан калган*), указывающих о древности явлений.

В этнокультурном пространстве семантика культурем *Әюп пәйгамбәр сабыры* (пер. терпение пророка Аюба) [3. С. 56]; тур. *Eyüp sabri* (терпение Аюба), *Sabr-ı Eyüp, Ömr-ü Nuh* (терпение Аюба, жизнь Нуха) [8. С. 236] связана со сказанием о терпеливости пророка Аюпа. У Аюба была большая семья и много жен. Он усердно и настойчиво занимался богослужением. Однако, к несчастью, пророк Аюб потерял сына, лишился всего имущества и тяжело заболел. Все мучения и беды он переносил с благодарностью, был очень терпелив и вынослив. Когда его настигла беда, с ним осталась жена Рахмат, которая терпеливо ухаживала за мужем. Аллах вознаградил их за то, что все испытания они перенесли с терпением и мудростью, будучи в до-

вольстве тем, что преопределил им Аллах, и вернул им все: богатство, детей, здоровье. Он является образцом терпеливости, с которого необходимо брать пример. В татарском этнокультурном пространстве семантика фразеологизма *Әюп сабыры* прочно ассоциируется с понятием терпеливости.

Подытоживая, следует сказать, что в этнокультурном пространстве татарского и турецкого языков коранические антропонимы связаны с первоисточником и выступают своеобразным диалогом, формирующим интертекстуальный смысл. Личные имена в фольклорном тексте являются уникальным материалом, зафиксированным в фольклорном творчестве народа, который тесно связан с этнокультурой, этническим составом народа, различными взглядами, приметами и обычаями татарского и турецкого народов. Таким образом, коранические имена в афористических жанрах репрезентируют этнокультурные сведения, запечатленные в мифологическом народном сознании.

Литература

1. Мөхмүтов Х.Ш. Гыйбәрәләр тарихыннан сәхифәләр (Этимологик эзләнүләр). Казан, 2008. 464 б.
2. Мусульманские имена. Словарь-справочник. СПб.: Диля, 2007. 448 с.
3. Татар халык мәкальләре 3 томда: том 1. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 623 б.
4. Татар халык мәкальләре 3 томда: том 2. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 749 б.
5. Татар халык мәкальләре 3 томда: том 3. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 799 б.
6. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда: 1 т. (А-Г.) / Фатих Урманче. Казан: Мәгариф, 2008. 303 б.
7. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, ред. Г.С. Сабирзянов. Т. 4: М-П. Казань: Ин-т Татар. энцикл. АН РТ, 2008. 768 с.
8. Ömer Asım Aksoy. Atasözleri ve deyimler sözlüğü. Deyimler sözlüğü. İstanbul: İnkilab kitap evi, 2 cilt, 1994. 1205 s.
9. Ömer Asım Aksoy. Atasözleri ve deyimler sözlüğü. Atasözleri sözlüğü. İstanbul: İnkilab kitap evi, 1 cilt, 1994. 486 s.

ИВАНОВА АЛЕНА МИХАЙЛОВНА – доктор филологических наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (amivano@rambler.ru).

ХАЗИЕВА-ДЕМИРБАШ ГУЗАЛИЯ САЙФУЛЛОВНА – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикологии и диалектологии, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Россия, Казань (guzhaz@mail.ru).

A. IVANOVA, G. KHAZIYEVA-DEMIRBASH

COMPARATIVE ANALYSIS OF QURANIC ANTHROPONYMS IN APHORISTIC GENRES OF THE TATAR AND TURKISH FOLKLORE

Key words: *contrastive-comparative aspect, personal names, Tatar folklore, Turkish folklore, ethno-cultural component, aphoristic genres, paremias.*

The article uses a contrastive-comparative aspect to study personal names in aphoristic genres of the Tatar and Turkish folklore which are an integral part of ethnocultural space. It is shown that personal names in paremias not only individualize, but generalize ethnocultural information as well. Accentuation of a personal name in folklore aphoristic genres as an ethnocultural component makes it possible to disclose stereotypical and archetypal images of the linguistic personality of the Tatar and Turkish people. Features of using anthroponyms of Quran characters' are considered, common features of the folklore worldview are revealed. Classification of precedent onims changing the content and the form of aphoristic genres is given. It is shown that anthroponyms of the Tatar and Turkish aphoristic genres capture the ways of comprehension and generalization of surrounding world phenomena, time and space.

References

1. Mekhmytov Kh.Sh. *Gyibereler tarikhynnan sekhifeler (Etimologik ezlenyler)* [From the History of Sayings], Kazan, 2008, 464 p.
2. *Musul'manskie imena. Slovar'-spravochnik* [Muslim names. Dictionary reference book]. St. Petersburg, Dilya Publ., 2007, 448 p.
3. *Tatar khalyk mekal'ere* [Tatar proverbs]. Kazan, Tatar Book Publ., vol. 1, 2010, 623 p.
4. *Tatar khalyk mekal'ere* [Tatar proverbs]. Kazan, Tatar Book Publ., vol. 2, 2010, 749 p.
5. *Tatar khalyk mekal'ere* [Tatar proverbs]. Kazan, Tatar Book Publ., vol. 3, 2010, 799 p.
6. *Tatar mifologijase. Entsiklopedik syzlek* [Tatar mythology. Encyclopedic dictionary], Kazan, Magarif Publ., 2008, vol. 1, 303 p.
7. *Tatarskaya jenciklopediya* [Tatar Encyclopedia], Kazan, 2008, vol. 4, 768 p.
8. Omer Asim Aksoy. *Atasozleri ve deyimler sozlugu. Deyimler sozlugu* [Dictionary of Turkish Proverbs and Sayings]. Istanbul, Revolutionary Publ. House, vol. 2, 1994, 1205 p.
9. Omer Asim Aksoy. *Atasozleri ve deyimler sozlugu. Atasozleri sozlugu* [Dictionary of Turkish proverbs and sayings]. Istanbul, Revolutionary Publ. House, vol. 1, 1994, 486 p.

IVANOVA ALENA – Doctor of Philological Sciences, Dean of the Russian and Chuvash Philology and Journalism Faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (amivano@rambler.ru).

KHAZIYEVA-DEMIRBASH GUZALIYA – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Lexicology and Dialectology Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov, Academy of Science of the Republic Tatarstan, Russia, Kazan (guzhaz@mail.ru).

Ссылка на статью: Иванова А.М., Хазиева-Демирбаш Г.С. Сравнительно-сопоставительный анализ антропонимов коранических персонажей в афористических жанрах татарского и турецкого фольклора // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 208–212.

УДК 811.111'255.4
ББК Ш12=432.1*72

О.Я. КАРПЕЕВА

НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: грамматические и лексические трансформации, замена, части речи, несоответствия, нелогичность, подлежащее, сказуемое.

В статье рассмотрены некоторые виды лексических и грамматических преобразований, связанные с разницей в грамматическом и лексическом строе английского и русского языков, приведены примеры переводческих трансформаций, которые встречаются особенно часто. Даются объяснения причинам использования лексико-грамматических трансформаций при переводе с английского языка на русский. Результаты работы могут быть использованы при обучении английскому языку и практике перевода.

Перевод – это полное и точное выражение смысла высказывания одного языка на другом языке. В своем роде перевод является искусством, учиться владеть которым можно всю жизнь. Средства, с помощью которых осуществляется перевод мысли с одного языка на другой, называются грамматическими трансформациями [4. С. 207]. Но задачей перевода является не только точная передача мысли, но и ее стилистическое оформление. Важна и форма ее передачи на иностранный язык. Здесь и возникает самая большая проблема – несоответствия внутренних структур используемых в переводе языков, а значит, и необходимость грамматических трансформаций. Эти несоответствия могут быть абсолютными или касаться лишь частей высказывания. Пример абсолютного несоответствия – это отсутствие грамматической формы в одном из языков. Иногда грамматическая категория одного языка гораздо шире, чем другого. А бывают случаи, когда категория присутствует, но совпадает лишь частично [5. С. 58].

Делая перевод, мы можем выделить грамматические и лексические трансформации. Но так как мы начинаем грамматические преобразования со слова и изменения его форм, то стоит рассматривать отдельно и словообразовательные трансформации. В данной статье речь пойдет о переводе с английского на русский язык. Знание грамматики английского языка и обладание большим словарным запасом не является достаточным для правильного и качественного перевода. Правильный порядок слов, найденных в словаре и собранных в английское предложение по общим принципам, не будет являться гарантией хорошего перевода. Мысль в разных языках выражается своими специфическими средствами, по своим языковым законам и принципам, которые переводчик должен знать и уметь применять на практике, что гораздо важнее знания огромного количества слов. Конечно, это не значит, что можно не владеть основами грамматики и определенным словарным запасом. Все перечисленные навыки и умения в совокупности и являются составляющими успешного перевода.

Особенности строя английского языка связаны с точным и правильным по смыслу пониманием английского текста. Эти особенности должны обязательно учитываться. Поэтому и возникает необходимость переводческих трансформаций. Остановимся на самых часто встречающихся из них. Сюда мы можем отнести отсутствие окончаний у большинства частей речи (наречий, числительных, прилагательных, причастий), двупадежность существи-

тельных и местоимений, употребление только трех форм глагола (play, plays, played) и некоторые другие. Остальные временные формы образуются при помощи вспомогательных глаголов [3].

Давайте проследим изменения окончаний у существительных в разных падежах в русском и английском:

Это забавная история. – *This is a funny story.*

Я слышал эту забавную историю. – *I have heard that funny story.*

Я много слышал об этой забавной истории. – *I have heard much about that funny story.*

Мы наглядно видим, что английское **story** никак не меняется, тогда как русское **история** имеет разные окончания во всех трех предложениях.

В английском языке, как известно, строго определен порядок слов в предложении, и каждое из слов занимает свое место, от которого зависит его перевод.

We play chess every Sunday. – *Мы играем в шахматы каждый день.*

The play is very good. – *Пьеса очень хорошая.*

The playing material is here. – *Игровой материал находится здесь.*

I'd like to watch this play. – *Я бы хотел посмотреть эту пьесу.*

Можно было бы добавить еще несколько примеров с этим же словом. Расхождения в переводе слова play во всех вышеприведенных случаях очевидны: либо это разные части речи, либо это разные члены предложения. Все перечисленные различия определяются местом слова **play** в английском предложении, в то время как в русском мы можем узнать, какой частью речи оно является и какую функцию выполняет в предложении по его окончаниям вне зависимости от того, где его место. Мы не можем просто найти в словаре слово и перевести его, не выяснив, какую функцию оно выполняет в предложении, к какой части речи принадлежит, и только после такого анализа можно его правильно перевести.

В русском и английском предложениях часто встречается несовпадение сказуемых по своему типу, из-за чего необходима перестройка предложения.

This mountain is naked and windswept. – *На этой голой горе гуляют ветра.*

Если переводить предложение дословно, получится: *Эта гора голая и продуваемая ветрами.* Такой буквальный перевод неприемлем, и было бы правильным в первом случае перевести первый предикативный член предложения как определение, а второй как подлежащее и сказуемое.

Замена частей речи встречается и в сложноподчиненных предложениях. В английском предложении, если придаточное стоит перед главным, то в придаточном подлежащее часто выражено местоимением, заменяющим подлежащее главного предложения, выраженного существительным. Такого не может быть в русском языке из-за нелогичности [4. С. 208]. Приведем пример:

1. *Wherever she appeared, the girl surely attracted attention.* – *Где бы девушка ни появлялась, она обязательно привлекала внимание.*

Буквальный перевод предложения: *Где бы она ни появилась, девушка обязательно привлекала внимание.*

2. *When he came into the hall the doctor saw the patients waiting.* – *Когда доктор вошел в зал, он увидел, что пациенты ждут.*

А прямой перевод: *Когда он вошел в зал, доктор увидел, что пациенты ждут.*

Ясно, что если не поменять местоимение в придаточном предложении на существительное, то можно подумать, что в предложениях речь идет не об одном лице, а о двух разных.

По правилам английского языка существительное должно стоять в главном предложении, а заменяющее его местоимение – в придаточном. В русском же это неважно, здесь учитывается порядок предложений: существительное всегда ставится в первом предложении, независимо от того, придаточное оно или главное, а заменяющее его местоимение – в следующем за ним.

Бывают случаи, когда именная часть составного сказуемого с глаголом *to be* может заменяться наречием:

She is sure to come. – Она обязательно придет.

I was quick to understand what he was driving at. – Я быстро понял, к чему он клонит.

Из-за того, что в русском языке глагол *to be* в настоящем времени опускается, тем не менее в публицистическом, научном и деловом стиле он часто переводится на русский глаголами-синонимами: находиться, входить, составлять и т.п.

Carbon is a member of Mendeleev's system. – Углерод **входит** в систему Менделеева.

He is a member of the Communist party. – Он **является** членом коммунистической партии.

Изменения местоположения в предложении можно наблюдать при употреблении оборотов с вводным *there*. Например:

And there is that very Nelson's monument in the middle of Trafalgar Square guarded by four bronze lions. – И в центре Трафальгарской площади стоит тот самый памятник Нельсону, охраняемый четырьмя бронзовыми львами.

Конструкции с вводным *there* почти всегда переводятся с конца предложения, т.е. с обстоятельства места или времени, при этом сказуемое чаще всего опускается или заменяется простым, что зависит от контекста.

There were lots of shining stars in the sky yesterday which didn't let me enter the house and go to bed. – Вчера в небе сверкало множество звезд, которые не давали мне зайти в дом и лечь спать.

Рассмотрим системы времен английского и русского языков. Принципы построения этих двух систем сильно отличаются. В английском языке учитываются длительность действия и временная относительность. Последняя характерна для перфектных форм английского глагола. Эти формы имеют значение предшествования какому-либо моменту времени или другому действию. Глагол будет переводиться либо прошедшим временем (когда оно завершено к определенному моменту и есть его результат) или настоящим (если началось раньше и продолжается и сейчас), когда глагол не употребляется в Continuous.

He has gone but promised to come back. – Он ушел, но обещал вернуться.

Somebody has left the door open. – Кто-то оставил дверь открытой.

You have promised to marry her for 10 years. – Ты обещаешь жениться на ней десять лет.

We have been on strike for a month already. – Мы бастуем уже месяц.

Как видно, в первых двух предложениях мы использовали прошедшее время для перевода на русский язык, а в двух последних случаях – настоящее.

Выражая предшествующее действие относительно другого действия или какого-то момента времени, Present Perfect часто требует употребления наречия времени (*just, already, ever, never, yet, etc.*):

*I have **just** entered and I am ready to leave.* – Я только что зашел, но готов уйти.

*Mother has **already** cooked big dinner and now she is waiting for us to come.* – Мама уже приготовила обед, и сейчас она ждет, когда мы приедем.

*He has **never** been to London.* – Он никогда не был в Лондоне.

Времена группы Continuous тоже зачастую не совпадают с несовершенным видом глаголов в русском языке, и для передачи его полного значения требуется добавить наречие времени:

The hard thunderstorms are breaking out. – В последние дни идут страшные грозы.

Past Continuous обычно переводится глаголом несовершенного вида в прошедшем времени.

It was raining the whole day yesterday and there was no sign of the sun appearing. – Вчера весь день шел дождь, и не было намека на появление солнца.

Можно говорить об огромном количестве несопадений при переводе с английского языка на русский. Это очень широкая область исследования. Чем глубже вы изучаете английский язык, тем больше интересных моментов в переводе вы можете увидеть.

Совершенству искусства перевода нет предела. Эта область науки изучается русскими и зарубежными учеными много лет. Но в последние годы, когда английский язык стал международным, все чаще встречаются люди, далекие от лингвистики, кто искренне интересуется изучением английского языка на более глубоком уровне, чем тот, который предлагается в обычных учебных заведениях. Следовательно, растет и интерес к русскому (родному) языку, что крайне важно для развития и сохранения русской культуры и престижа нашей страны в мировом пространстве.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 239 с.
2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 374 с.
3. Волкова А.В., Карпеева О.Я. Глагольная каузация как когнитивный способ выражения причинно-следственных связей в чувашских и английских пословицах // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 162–165.
4. Карпеева О.Я. Некоторые виды грамматических преобразований при переводе с английского языка на русский // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 207–210.
5. Карпеева О.Я., Петрова О.А. Косвенные речевые акты в обучении речевому этикету // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. С. 52–60.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 250 с.

КАРПЕЕВА ОЛЬГА ЯНОВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (s1lverfox@rambler.ru).

O. KARPEEVA

SOME TYPES OF LEXICAL AND GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Key words: *grammatical and lexical transformations, substitution, parts of speech, inconsistencies, allogism, subject, predicate.*

The article discusses some types of lexical and grammatical transformations associated with differences in grammatical and lexical system of the English and the Russian languages, it gives examples of translation transformations, which occur particularly often. The reasons for the use of lexical and grammatical transformations while translating from English into Russian are explained. The results of the work can be used in teaching English and in translation practice.

References

1. Barkhudarov L.S. *Yazyk i perevod* [Language and Translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1975, 239 p.
2. Vinogradov V.S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction into Translation Studies (General Lexical Questions)]. Moscow, 2001, 374 p.
3. Volkova A.V., Karpeeva O.Ya. *Glago'l'naya kauzatsiya kak kognitivnyi sposob vyrazheniya pri-chinno-sledstvennykh svyazei v chuvashskikh i angliiskikh poslovitsakh* [Verbal cognitive causation as a way of expressing cause-effect relationship in the chuvash and english proverbs]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, no. 2, pp. 162–165.
4. Karpeeva O.Ya. *Nekotorye vidy grammaticheskikh preobrazovaniy pri perevode s angliiskogo yazyka na russkii* [Some kinds of grammatical transformations in translation from english into russian]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2016, no. 4, pp. 207–210.
5. Karpeeva O.Ya., Petrova O.A. *Kosvennye rechevye akty v obuchenii rechevomu etiketu* [Indirect speech acts in speech etiquette training]. *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedenie: aktual'nye voprosy i perspektivy issledovaniya: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Linguistics, Didactics Translation Studies»]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2015, pp. 52–60.
6. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation Theory (Linguistics Aspects)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, 250 p.

KARPEEVA OLGA – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (s1lverfox@rambler.ru).

Ссылка на статью: Карпеева О.Я. Некоторые виды лексических и грамматических трансформаций при переводе с английского языка на русский язык // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 213–217.

УДК 821.161.1Пушкин.08+821.112.2Гете.08

ББК43(21)(=411.2){5}8*Пушкин4*45*001.1+Ш43(4Гем)(=432.42){5}*Гете4*45*001.1

Ю.Ю. КЛЫКОВА

ЛЕКСЕМЫ «ДЕНЬ» И «TAG» В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА И И.В. ГЕТЕ

Ключевые слова: время, поэтический язык, день, *der Tag*, Пушкин, Гете.

В статье проводится сопоставительное исследование лексических единиц «день» и «Tag» в поэтических текстах А.С. Пушкина и И.В. Гете на основе антропоцентрического подхода, что определяет актуальность исследования и научную новизну. Целью данной статьи являются определение и описание особенностей выражения суточного времени, а именно лексических единиц «день» и «Tag». В ходе анализа ментальных и образно-ассоциативных смыслов в текстах русского и немецкого поэтов выявлено, что семантическая наполненность исследуемых лексем демонстрирует особенности представления о суточном времени за счет их индивидуально-авторской стилиевой характеристики.

Статья является продолжением серии публикаций на эту тему [1]. Концепт «время» и его репрезентанты особенно ярко представлены в поэтических текстах и их сравнение в разноструктурных языках дает полную картину индивидуально-авторского представления о времени.

Самая употребительная лексема суточного времени как в поэзии А.С. Пушкина, так и в поэзии немецкого классика И.В. Гете является *день* (*Tag*) и встречается 644 и 684 раза, соответственно.

Согласно толковым словарям русского языка, лексеме *день* свойственны следующие языковые значения: 1) светлая часть суток от восхода до захода солнца; 2) сутки; 3) промежуток времени в пределах календарных суток, характеризующийся чем-л., предназначенный для чего-л., занятый чем-л.; 4) календарная дата, связанная с каким-л. событием [3]; 5) *мн.* время, период [2].

В толковых словарях немецкого языка для лексемы *Tag* указаны следующие значения: 1) светлое время суток между восходом и заходом солнца; 2) а) период времени с полуночи до полуночи, промежуток времени в 24 часа; б) день (памяти), торжество; в) *высок.* годы (жизни) [20]; 3) *мн.ч.* время [18]; 4) *устар.* собрание, заседание [19].

Как и другие временные лексемы, слово *день* в поэтическом языке А.С. Пушкина (37 случаев употребления) и И.В. Гете (51) в переносном значении репрезентируется в терминах движения и пространства, представляющих этот временной отрезок в образе сущности, характеризующейся разными способами и манерой перемещения, темпом (идти, бежать, пролететь, течь, промчаться, катиться, бродить, влечься, тянуться; *kommen, vergehen, vorschreiten, fliehen, hinfliehen, regen, rollen*): *И дни текут среди вечной темноты* [4. С. 145]; *Умчались вы, дни радости моей!* [4. С. 186]; *Как медленно катился скучный день!* [10. С. 59]; *И дни бегут; желтеют нивы* [7. С. 55] и др. Интересно, что при изображении такого движения создается его интенсивность, выраженная в семантике предикатов. Он может иметь стремительный характер движения времени, что создает образ бегущего дня: *Дни наши, милые друзья, / Бегут как утренние тени* [5. С. 84]; *Nun fahre wohl! Sehr schnell sind diese Tage / Mir hingeflohn; wie eine Flamme, die / Nun erst den Holzstoß recht ergriffen, / Verzehrt die Zeit das Alter schneller als die Jugend* [15. S. 534], либо, напротив, создавать впечатление томительного ожидания: *Доселе в ревостии беспечной / Брели по розам дни мои* [4. С. 131]; *Медлительно влекутся дни мои* [4. С. 169]; *Nicht ist beständig! Manches Mißverhältnis / Löst unbemerkt, indem die Tage rollen, / Durch Stufenschritte sich in Harmonie* [16. S. 225].

Данная лексема также сочетается с глаголами вертикальной ориентации, кодирующими начало наступления (настать, родиться, наступать, всходить, проглядеть, восстать; *erscheinen, hereinbrechen, heranzukommen, heranrücken, entstehen, sich erheben, sich erneuern, seinen Thron besteigen*): *Печальный лес и дол завялый, / Проглянет день – и уж темно, / И, будто путник запоздалый, / Стучится буря к нам в окно...* [6. С. 140]; *Сомнительный рождался день / На отуманенном востоке...* [7. С. 82]; *Vernimm! – Der schönste Tag bestieg schon seinen Thron, / Die süße Hoffnung nahte schon* [14. С. 361], разгар, продолжение дня (пылать, заиграть, блистать, сиять; *währen, glänzen, blühen*): *Пылает день. Он открывает очи* [1. С. 250]; *Но день блистает лучезарный...* [7. С. 21]; *Die Tage der Jugend, sie glänzen und blühen; / O laß uns der Jugend genießen!* [14. С. 35] или его завершения (приближаться к концу, завянуть, клониться, удаляться, сокрыться, гаснуть, потухать, померкнуть, счесть, просрочить,дохнуть, умолкнуть, ложиться; *vorbei sein, verschwinden*) того или иного временного явления: *Редел на небе мрак глубокой, / Ложился день на темный дол* [7. С. 112]; *Завяли дни мои!* [4. С. 215]; *Пока дохнет веселый день* [5. С. 389]; *Der Tag verschwindet ungenossen / In abgesondertem Geschick* [12. С. 280].

Как видно уже из представленных выше примеров, исследуемые лексемы очень часто употребляются в сочетании с глаголами. Лексема *день* находит свое выражение также с глаголами нахождения или пребывания (проводить, провождать, вести, владеть, влачить, тяготеть, посвящать): *Где без трудов они так долго жили / И дни свои невинно проводили / В объятиях ленивой тишины* [7. С. 129]; *Всегда гоним, теперь в изгнаны / Влachu закованные дни* [5. С. 288] и с глаголами, выражающими психическое состояние (ждать, хранить, искать): *Но наконец дождался дня, / Давно предвиденного мною* [4. С. 13]; *Что с неба дни его хранит / И в радостях, и в горькой доле?* [5. С. 315]; *Проснулся я; ищущ на небе день* [4. С. 147]. Огромное количество немецких глаголов представлено с лексемой *Tag*, создавая одушевленный образ с физиоморфными и антропоморфными метафорами (*gewinnen, verzehren, regeln, vollbringen, erzeugen, gebeuten (gebieten), bringen, maulen, zerstören, belügen*): *Wenn auch der Tag ihm mault, / Daß er den Freunden schenke, / Was nie und nimmer fault* [11. С. 689]; *Zum Gütersammeln war er nicht der Mann; / Der Tag verzehrte, was der Tag gewann* [12. С. 79]. Слово *Tag* может приобретать различный размер и форму (*wachsen, abnehmen, schmal werden*): *Es soll auch künftig keinem fehlen; zwar / Ist's diese Tage schmal geworden –* [14. С. 138]; *Doch haben die Tage so abgenommen* [15. С. 143]. С помощью глаголов *grauen* и *sich verdunkeln* *Tag* в поэтическом языке Гете может стать серым или потемнеть, указывая на наступление вечера или ночи: *Nicht zum Entsetzen, nur zur Lust / Soll diesmal sich der Tag verdunkeln; / Nun möge jedes Auge funkeln, / Und froh sich fühlen jede Brust!* [14. С. 480]; *Ihr Herrn, was gibt's? Vergeßt ihr, daß der Tag / Zu grauen schon beginnt, und daß der Tag / Zu grauen schon beginnt, und daß der Fürst...* [14. С. 168].

Разнообразно представлены взаимосвязанные отношения между днями, которые могут переплетаться в значении «чередоваться»: *Des Menschen Tage sind verflochten, / Die schönsten Güter angefochten*, [12. С. 280] или оказывать влияние друг на друга: *Wie auch die Welt sich stellen mag, / Der Tag immer belügt den Tag* [11. С. 683] и сопровождаться преимущественно отрицательными признаками: *Dagegen man auch nicht gerne hört, / Wenn der Tag den Tag zerstört* [11. С. 684].

Особую выразительность лексемы *день* (268) и *Tag* (251) приобретают за счет использования при их описании большого количества прилагательных и эпитетов:

1. Температурная характеристика дня (жаркой, знойный, морозный, heiß, frisch): *Кой-где недавний труд заставил / Младые ветви в знойный день /*

Давать насильственную тень [9. С. 202]; *Du hast mir wie mit himmlischem Gefieder / Am heißen Tag die Stirne sanft gekühlt; / Du schenkest mir der Erde beste Gaben, / Und jedes Glück will ich durch dich nur haben!* [11. С. 8].

2. Характеристика как целостного периода (весь, целый, voll, all, ganz). В значении «промежуток времени 24 часа» служит местоименное прилагательное «весь»: *Калуер могильною землею / Ребенка большого всего вытер, / И весь день творил над ним молитвы* [6. С. 351]. С прилагательным «целый» лексема *день / Tag* получает гиперболическое значение «с утра до ночи»: *Мехмет (так звался он) прилежно целый день / Ходил за ульями, за стадом* [5. С. 173]; *Er säuft den vollen Tag, macht Schulden hier und dort, / Spielt, stärkert, pocht und kriecht, das geht an einem fort!* [15. С. 84].

3. Временные характеристики дня (краткий, долгий, прошлый, прежний, былой, грядущий, юный, молодой, быстрый, рассветающий, летний, lang, längst, kurz, neu, alt, jung, jüngst, drängend, künftig, jetztig, verlebt, heutig, nächst, jede, ewig, morgend, spät, wechselnd): *И въявь я вижу пред собою / Дней прошлых гордые следы* [6. С. 190]; *Doch weil auf unsern deutschen Bühnen / Man preist ein löbliches Erkühnen, / Und man bis auf den neusten Tag / Noch gern was Altes schauen mag* [14. С. 553].

Для передачи прошедшего времени или определенных отрезков жизни героев поэты используют с данной темпоральной единицей причастия минувший, протекший, потерянных тобою, улетевшие, давнишние, старинные *vergangen, kurzvergangen, mildvergangen*: *Ты будешь звать воспоминанья Потерянных тобою дней!* [5. С. 133]; *И замысел давнишних дней, / Быть может, зреет одиноко. / Как знать?* [8. С. 25]; *И вынулось колечко ей / Под песенку старинных дней* [9. С. 100]; *Verschwunden ist die frühere Gestalt, / Verloschen jede Spur vergangner Tage* [16. С. 230]; *Und nach mildvergangnen Tagen / Sich das Erntefest ergießt* [14. С. 610]. Данная лексема может иметь отношение не только к прошлому, но и к будущему: *Что день грядущий мне готовит?* [9. С. 125]; *Schon wird mir bange für die künft'gen Tage* [15. С. 528] и даже к настоящему: *Om рассветающего дня / Долина с рощею прибрежной* [7. С. 68]; *So in jetzt'gen Tagen träumen* [12. С. 275].

Лексема *день* в романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкина преимущественно встречается в адъективных конструкциях различных семантических характеристик. Наиболее частотное употребление приобретает временная лексема в составе с эпитетами темпорального значения. Лексема *день* осмысливается поэтом как невозвратное и необратимое, но вместе с тем как то, что всегда с тобой рядом: *Кто чувствовал, того тревожит / Призрак невозвратимых дней* [9. С. 24]; *Где муки, где любовь? Увы! В душе моей / Для бедной, легковерной тени, / Для сладкой памяти невозвратимых дней / Не нахожу ни слез, ни пени* [6. С. 20]. Каждый день в жизни человека воспринимается поэтом как некая сущность, которая с наступлением ночи погибает, но призрак дня остается в памяти человека и может преследовать его всю жизнь.

В данном значении поэтический язык поэта представлен разнообразными эпитетами: *Что ты значишь, скучный шепот? / Укоризна или ропот / Мной утраченного дня?* [6. С. 250]; *Мне дорог день, мне дорог час: / А я в напрасной скуке трачу / Судьбой отсчитанные дни. / И так уж тягостны они* [9. С. 181]. Исследуемая лексема может быть представлена также как живая, создавая одушевленный образ времени: *Так одевает бури тень / Едва рождающийся день* [9. С. 83].

Необходимо отметить, что молодость в поэзии Пушкина передается помимо прилагательных «младые», «юные», «беззаботные» такими эпитетами, как «невинные», «бесценные», «беспечные»: *И дней невинных ей не жаль, / И*

душу ей одна печаль / Порой, как туча, затмевает [8. С. 33]; Бесценных дней не трать со мною; / Другого юношу зови [7. С. 105]. Интересно, что юные дни у русского поэта наделяются такими характеристиками, как забава, веселье, отрада, отвага, надежда: *И твое воспоминанье / Заменит душе моей / Силу, гордость, упованье / И отвагу юных дней* [6. С. 116]; *Мои грехи, забавы юных дней* [7. С. 131]; *Упьюсь отрадой юных дней!* [4. С. 96]. Очень часто молодость у А.С. Пушкина ассоциируется также с весной: *Чтоб дочери любимой доля / Была, как вешний день, ясна* [7. С. 160].

Самая беззаботная, спокойная пора детства предстаёт перед читателями днями «тихими»: *Спи, милый! Горькие печали / Не тронут детства тихих дней!* [4. С. 65] или ассоциируются с колыбелью: *Задумчивость, ее подруга / От самых колыбельных дней, / Теченье сельского досуга / Мечтами украшала ей* [9. С. 42]. А далее день наполняется хлопотами и событиями, создавая образ беспокойного, оживленного дня, который лишь со смертью человека «умолкает»: *Когда для смертного умолкнет шумный день...* [6. С. 102].

4. Цветовая и погодная характеристика дня (золотой, бледный, белый, черный, багряный, яркий, ясный, чистый, gold, hell, blendend, alleuchtend, rein, klar, licht, offen).

Немаловажную роль играет и цветовая наполненность данной временной единицы. Если большинство темпоральных единиц имеют определенные цветообозначения, то день предстает перед читателями в различных красках **от белого: И в белый день, и по ночам,** [7. С. 66] **до черного цвета: Но скоро я дожил до черного дня** [5. С. 138]. Данные фразеологические сочетания имеют значения «светлый, ясный» и «мрачный, безрадостный, связанный с тягестями жизни» соответственно. Помимо черно-белых контрастных тонов слово *день* может быть бледным в значении «лишённый интенсивной окраски; утративший яркость и свежесть тона»: *Сонны очи / Он наконец закрыл. И вот / Редает мгла ненастной ночи / И бледный день уж настаёт...* [8. С. 140]. Особую выразительность получает лексема *день* в красном цветообозначении: *Но день багряный вечерел...* [7. С. 52]; *Друзья! Вам сердце оставляю / И память прошлых красных дней* [4. С. 97]. Слово «красный» как постоянный эпитет используется поэтом в значении «радостный, счастливый». В переносном значении «счастливый, блаженный» воспринимаются авторами и *златые дни: Нам жизни дни златые / Не страшно расточать* [4. С. 104]; *Stellen her der goldnen Tage / Paradiese noch einmal, / Liebes Herz! ja, schlage, schlage!* [11. С. 299]. Несмотря на разнообразную визуальную характеристику, исследуемый временной отрезок не воспринимается человеческим зрением: *Где льется дней моих невидимый поток / На лоне счастья и забвенья* [5. С. 82].

В творчестве Пушкина день определяется как часть суток, наполненная светом. Такое цветообозначение в поэзии выражается эпитетами «ясный, яркий», которые употребляются как в прямом, так и переносном значениях: *Свободы яркий день вставал,* – [5. С. 192]; *Скинь мантилью, ангел милый, И явь как яркий день!* [5. С. 307]; *Und getrost der höchsten Klarheit / Hellsten Tags entgegenblickt* [11. С. 565]. Эпитет «ясный» в значении «ничем не омрачённый, спокойный, чистый; исполненный прямоты, искренности» используется автором также в переносном значении: *Да озарит он заточенье / Лучом лицейских ясных дней!* [6. С. 39]; *Светла, как ясный день, младенческая совесть* [5. С. 188]. Природа и природные явления, сам день персонифицируются и имеют тесную взаимосвязь: *Wenn der Äther, Wolken tragend, / Mit dem klaren Tage streitet, / Und ein Ostwind, sie verjagend, / Blaue Sonnenbahn bereitet;* [12. С. 109].

5. Локусная характеристика дня (irdisch, nordisch): *Und mir leuchtet der Mond heller als nordischer Tag* [11. С. 172].

6. Величина дня (великий, groß, grōßt, hohe, höchst): *Великий день Бородина / Мы братской тризной поминая...* [6. С. 273]; *Der Sonne Pracht, das fröhliche Gefühl / Des hohen Tags, der tausendfachen Welt / Glanzreiche Gegenwart ist öd und tief / Im Nebel eingehüllt, der mich umgibt* [17. С. 775].

7. Эмоциональное отношение человека. Лексемы *день* и *Tag* в составе с прилагательным, наделенным положительной (лучший, счастливый, радостный, чудесный, блаженный, славный, пылкий, бурный, gut, schön, schönst, allschönst, best, herrlich, hold, liebe, geliebt, lieblich, beglückte, fröhlich, vergnüglich, froh, heiter, fabelhaft, selig jubelvoll, gesund) или отрицательной семантикой (печальный, ужасный, ненастный, ненавистный, суровый, опасный, грозный, graulich, traurig, liebelos, bösig, gemein, trübe, günstig, ängstlich, schlimmst, böse, getrübt, schwer bedrohter) описывают тот или иной интервал жизни человека: *Нет, никогда средь пылких дней / Кипящей младости моей / Я не желал с таким мученьем / Лобзать уста младых Армид* [9. С. 19]; *Начало славных дней Петра / мрачили мятежи и казни* [6. С. 40]; *O welch ein selig jubelvoller Tag!* [16. С. 172]. Разлуку, расставание воспринимает русский поэт негативно, наделяя отрицательными характеристиками в сочетании с прилагательными *ужасный, печальный, опасный, грозный*: *Мой брат, в опасный день разлуки / Все думы сердца – о тебе* [5. С. 311] и сравнивает такое состояние с зимним временем года: *Явьсь, возлюбленная тень, / Как ты была перед разлукой, / Бледна, хладна, как зимний день, / Искажена последней мукой* [6. С. 246]. У немецкого классика наблюдается философский подход к интерпретации негативной характеристики дня: *Wer geboren in bösen Tagen, / Dem werden selbst die bösen behangen* [13. С. 69]; *In unsres Lebens oft getrübt Tagen / Gab uns ein Gott Ersatz für alle Plagen* [12. С. 233].

8. Имеющие отношение к церкви и церковным традициям дни (heilig, geweiht, recht geboten, himmelfroh): *Sagte Grimbart: «Lasset an guten Werken, mein Oheim, / Eure Besserung spüren, und leset Psalmen, besuchet / Fleißig die Kirchen, und fastet an rechten gebotenen Tagen ...* [13. С. 472]; *Heilig sei dir der Tag; doch schätze das Leben nicht höher / Als ein anderes Gut, und alle Güter sind trüglich»* [13. С. 648].

9. Имеющий отношение к событию день (festlich, gerichtlich, auserwählt, verschieden, verworren, eigen, einzig, gemischt, ungenutzt, bequem, erwünscht): *Tanzen verherrlicht den festlichen Tag* [11. С. 23].

10. Весовая характеристика дня (leicht, schwer): *Jenes süße Gedränge der leichtesten irdischen Tage, / Ach, wer schätzt ihn genug, diesen vereilenden Wert!* [11. С. 200].

11. Лексемы *день* и *Tag* в сочетании с прилагательными, обозначающими начало (первый, первоначальный, erste) или конец (последний, на закате дней, letzte, das Ende der Tage, des Tags Vollendung, zum Schlusse des Tages) временного отрезка, характеризуют начальный или конечный этап жизни или какого-либо события: И возникают в ней виденья / Первоначальных, чистых дней [5. С. 101]; Безумец! на закате дней / Он вздумал быть ее супругом [8. С. 21]; *Erzogen hab ich dich von deinen ersten Tagen, / Ich habe dich gelehrt, bei Hof dich zu betragen* [15. С. 141]; „Also das ist mir zuletzt für die höchste Nachsicht geworden, / Daß mir das Unangenehmste geschieht noch zum Schlusse des Tages!“ [13. С. 645].

12. В поэтическом языке А.С. Пушкина в составе традиционно-поэтической лексики выделяется исконно русская лексика и фразеология. Например, *бранный день* в значении «военный»: *И что завидней бранных дней / Не слишком мудрых усачей* [4. С. 193]; *божий день* в значении «ежедневно»: *Весь божий день он в кельи провождал* [4. С. 10]; *спящий день* в значении «покоиться (об умершем)»: *И разгневанная тень / близ любовников не станет / Вызывая*

спящий день [4. С. 187]; ликующий день в значении «восторженно-радостный»: *Последняя туча рассеянной бури! / Одна ты несешься по ясной лазури, / Одна ты наводишь унылую тень, / Одна ты печалишь ликующий день* [6. С. 381]; скрывающийся день в значении «уходящий»: *И с вздохом провожаю / Скрывающийся день!..* [4. С. 34]; неверный день в значении «обманчивый»: *Наш век – неверный день, всечасное волненье* [4. С. 188].

Лексема *день* может выступать в поэтических текстах в значении календарного времени и указывать на календарное событие: *В день троицын, когда народ / Зевая слушает молебен, / Умильно на пучок зари / Они роняли слезки три* [9. С. 47]. У А.С. Пушкина упоминаются следующие календарные даты: Юрьев день, день Лицея, дни Великого поста, день Бородина, Петров день, день святой Екатерины, дни Дадона, у Гете – Страстная пятница и день Святого Мартина: *Petrarcas Liebe, die unendlich hohe, / War leider unbelohnt und gar zu traurig, / Ein Herzensweh, ein ewiger Karfreitag* [11. С. 282]. Кроме того, в поэзии Гете упоминаются религиозное понятие и праздник der Jüngste Tag (8 раз), который угрожает человечеству концом света: *Es droht / Herein der Jüngste Tag!* [15. С. 149]. Поэтому верующие люди боятся дня великого суда и его наказания: *Ich fürcht, es kommt der Jüngste Tag* [15. С. 160].

Темпоральная лексема используется в значении «жизнь» или «годы»: *Sie haben sie geraubt; / Den Trost meiner Tage; / Doch ihm ist's erlaubt* [14. С. 409]; *Подруга дней моих суровых, / Голубка дряхлая моя!* [6. С. 33]. В данном значении темпоральная лексема *Tag* употребляется преимущественно с притяжательными местоимениями. Выражение Гете «открыть дню свои глаза» употребляется в переносном значении «ожить»: *Sie lebt! sie lebt! Sie hat dem Tage wieder / Ihr Aug eröffnet* [16. С. 165]. С помощью прилагательных *alt, jung* делается акцент на молодые или зрелые годы: *Geh! gehorche meinen Winken, / Nutze deine jungen Tage, / Lerne zeitig klüger sein* [11. С. 91]; *In meinen alten Tagen / Soll mir so was geschehn? Es ist nicht zu ertragen!* [15. С. 96]. Как видно из вышеприведенных примеров, поэт призывает посвятить молодые годы учению, а в пожилом возрасте, хоть это и непросто, смириться с происходящим в человеке изменением. Один день может вмещать в себя целую жизнь, наделяя тем самым день событиями настоящего: *Sonst war mir jeder Tag ein ganzes Leben...* [17. С. 751]. И наоборот, жизнь может пролететь как один день: *Mir ward bei euch, ihr Brüder, / Das Leben nur ein Tag* [14. С. 373], или, несмотря на короткую жизнь, день в жизни человека может быть длинным: *Was wird mir jede Stunde so bang? / Das Leben ist kurz, der Tag ist lang* [13. С. 69]. Необходимо подчеркнуть, что очень часто в поэтическом языке немецкого поэта встречаются изречения, ставшие афоризмами. Рассуждая о жизни, автор признается, что следование дней в жизни человека зависит от его судьбы: *Nicht der Jüngere schließt dem Aelteren immer das Auge, / Das sich willig gesenkt, kräftig dem Schwächeren zu. / Oeffter, ach! verkehrt das Geschick die Ordnung der Tage* [11. С. 201].

Момент середины суточного времени обозначается у Пушкина лексемой *полдень* (12 раз) и у Гете лексемами *Mittag* (5), *Tag* с прилагательным *halb* (2), которое выступает в ряде контекстов синонимом к слову *день*. Данная лексема в поэтическом языке русского классика встречается в нескольких значениях: середина дня, время высшего стояния: *Уж полдень над его главою / Пылал в сиянии веселом...* [7. С. 94]; середина жизненного пути, конец молодости: *Так, полдень мой настал, и нужно / Мне в том сознаться, вижу я* [9. С. 136]; время обеда: *Но вот уж полдень. – В светлой зале Весельем круглый стол накрыт;* [4. С. 129]; *Nach Mittage saßen wir / Junges Volk im Kühlen;* [11. С. 15]. Значению «полдень» соответствует перифраз ... *und wälzet die Sonne / Sich, von dem Gipfel des Tags, nicht in die Wellen hinab?* [11. С. 204].

Следует отметить, что с темпоральным словом *Tag* имеется немалое количество сложных слов, образованных от словосочетаний сущ.+сущ., которые подразделяются на следующие группы:

1. Время года. Путем перечисления времен года с лексемой *Tag* Гете подчеркивает наполненность и важность данного промежутка времени: *Der innre Sinn bewahret sie getreulich, / In Frühlings-, Sommer-, Herbst- und Wintertagen / Die holden Bilder auf- und abzutragen*; [11. S. 718], указывая порой на месяц года: *Doch stets erscheine, fort und fort, die frohe, / Süß, unter Palmenjubil, wonneschaurig, / Der Herrin Ankunfft mir, ein ew'ger Maitag* [11. S. 282].

2. День недели. В поэзии Гете встречаются все дни недели, но особый интерес представляет словосочетание *der Tage der Herrn* (День Господень), которое может означать, с одной стороны, воскресенье, с другой – момент времени упомянутых в Библии некоторых событий божественного воздействия: *Nicht sich entzöge, er solle sich stellen am Hofe des Königs / An dem Tage der Herrn, wenn sie zunächst sich versammeln* [13. S. 451].

3. День, сутки. Сложное немецкое существительное *Lebenstag* можно перевести на русский язык одним словом «день», подразумевая день в жизни каждого человека, не похожий на предыдущий: *Es erhebt / Die Sonne sich des neuen Lebenstages, / Der mit den vorigen sich nicht vergleicht* [17. S. 753].

4. Эмоции. Положительные эмоции вызывают существительные *die Freude, die Wonne*, отрицательные – *die Trauer, die Scheide*, которые на русский язык могут переводиться именем прилагательным или существительным в родительном падеже: *Und ihr Entzücken / Enthält die Würde, / Enthält den Segen / Des Wonnetags!* [11. S. 297]; *In Leid und Freuden bleibet ihrer eingedenk, / Genuß, Entbehrung, Hoffnung, Schmerz und Scheidetag / Menschlich zu übernehmen, aber männlich auch!* [14. S. 503].

5. Тип дня. Для «праздничного дня» используются в его составе слова *das Fest, die Feier*: *Schön in Kleidern muß ich kommen, / Aus dem Schrank sind sie genommen, / Weil es heute Festtag ist...* [11. S. 64].

6. Событие. В составе сложного слова с лексемой *Tag* обозначаются события *der Tauftag, der Geburtstag, der Gerichtstag, die Bundestage, der Schöpfungstag*: *Erwünschte Feier froher Bundestage* [16. S. 228]; *Das junge Volk, es bildet sich ein, / Sein Tauftag sollte der Schöpfungstag sein* [11. S. 443]. Следует отметить, что у Гете для обозначения дня рождения встречается антропоморфный эвфемизм: *Ja, du bist in eine Zeit gekommen, wo dein König / Dich nicht zum heitren, frohen Feste ruft, / Wenn er den Tag, der ihm das Leben gab, / In kurzem feiern wird; doch soll der Tag / Um deinetwillen mir willkommen sein...* [16. S. 169].

7. Окказиональные сложные слова, значение которых не зафиксировано в словарях: *Sofort nun wende dich nach innen, / Das Zentrum findest du dadrinnen, / Woran kein Edler zweifeln mag. / Wirst keine Regel da vermissen: / Denn das selbstständige Gewissen / Ist Sonne deinem Sittentag* [11. S. 541].

В поэтическом языке темпоральные единицы *день* и *Tag* употребляются с определено-количественными, порядковыми и местоименными числительными. Чаще всего у Пушкина встречаются количественные числительные *три, два дня, восемь дней*, реже – *один, пять, семь*: *Семь дней сряду пировали* [5. С. 226]. Среди порядковых числительных преобладает *в (на) третий день*, очень редко используется автором *пятый, осьмой, девятый*: *Вот осьмой уж день проходит, / Войско в горы царь приводит, / И промеж высоких гор / Видит шелковый шатер* [6. С. 560]. У Гете преобладают количественные числительные *четырнадцать, шесть, семь* и *восемь*: *Schon vierzehn Tage hier, und dir kein Wort gesagt!* [15. S. 74]; *Schon den zwanzigsten Tag schleppt mich der Wagen dahin* [11. S. 222]. Неопределенно-количественные числительные, такие как *несколько, много, мало* встречаются в равной степени

у обоих поэтов: *Но сон зловещий ей сулит / Печальных много приключений. / Дней несколько она потом / Всё беспокоилась о том* [9. С. 108]; *Hieltest zauberleicht ihn angebunden / Und vergaukeltest ihm manchen Tag. / Welche Seligkeit glich jenen Wonnestunden, / Da er dankbar dir zu Füßen lag*, [12. S. 211].

В текстах русского и немецкого поэтов встречаются устойчивые обороты с лексемой *день / Tag*, например, *(и) день и ночь* в значении «постоянно»: *Другой был клад невозвратимый / Честь дочери моей любимой / я день и ночь над ним дрожал: / Мазепа этот клад украл* [8. С. 41]; *день за днем* о течении времени: *Тоска! Так день за днем идет в уединеньи!* [6. С. 182]; *ни днем ни ночью* в значении «никогда»: *Узрюмый сторож ханских жен / Ни днем, ни ночью к ней не входит* [7. С. 161]; *с дня на день*: *И часто сетовал. Сам ясно видел он, / Что хуже дедушек с дня на день были внуки, / Что грудь кормилицы ребенок уж кусал, / Что правосудие сидело сложа руки / И по носу его ленивый не щелкал* [8. С. 107]; *день от дня* в значении «постепенно»: *Я долго счастьем наслаждалась, / Была беспечней день от дня...*[7. С. 165]; *в один и тот же день* в значении «тот же самый»: *Могу сказать, перенесла тревогу: / Досталась я в один и тот же день / Лукавому, архангелу и богу* [7. С. 135]; *Tag für Tag* в значении «изо дня в день, каждый день»: *Nein! du wählst nicht den Geringern! / Gib die Hand, daß Tag für Tag / Ich an deinen zarten Fingern / Ewigkeiten zählen mag* [13. S. 149]; *von Tag zu Tag* в значении «со дня на день»: *Die Feinde, sie bedrohen dich, / Das mehrt von Tag zu Tag sich, / Wie dir doch gar nicht graut!* [11. S. 703]; *Tag auf Tage, Tag vor Tag, Tag um Tag* в значении «день за днем»: *O möchte ich Tag auf Tage so erleben!* [16. S. 172]; *Tag im Tag* в значении «день на день»: *Einbildungskraft verlangt er, die so gerne / Geschäftig schwärmt, den Tag im Tag vergißt ...* [14. S. 625]. У А.С. Пушкина фразеологическое словосочетание с данной лексемой *во цвете дней* в переносном значении «в периоде полного развития, расцвета» указывает на определенный промежуток жизни человека: *Кто лиру в дар от Феба / Во цвете дней возьмет!* [4. С. 78]. Слово *Tag* в выражении *vom Altertum zu Tag* получает широкое значение «современность, сегодняшние (наши) дни»: *Wie das erbaut war, wie's im Frieden lag, / Es kommt vielleicht vom Altertum zu Tag* [11. S. 577]. С помощью притяжательного местоимения *наш(и)* лексема *день* имеет значение исторический период времени, в котором происходит действие романа: *Я знаю: нежного Парни / Перо не в моде в наши дни* [9. С. 64] или может указываться конкретный исторический интервал времени: *Но дней минувших анекдоты / От Ромула до наших дней / хранил он в памяти своей* [9. С. 8].

Важно отметить, что день служит для передачи определенных временных промежутков в жизни человека. И здесь мы находим достаточно примеров индивидуально-авторского толкования представленной лексемы с помощью метафоры.

Метафорически временная лексема может быть представлена в качестве объекта, наделенного физическими параметрами, такими как **длина**: *Уж небо осенью дышало, / Уж реже солнышко блистало, / Короче становился день, / Лесов таинственная сень / С печальным шумом обнажалась ...* [9. С. 89], *Denn die Tage sind kurz, und beschränkt der Sterblichen Schicksal* [13. S. 611]; **звук**: *Грузинка! всё в душе твоей / Родное что-то пробудило, / Всё звуками забытых дней / Невнятно вдруг заговорило* [7. С. 164] или **его отсутствие**: *Когда для смертного умолкнет шумный день, [6. С. 102]; Leuchten schön und jauchzten lieber; / Doch der schöne Tag ist stumm* [11. S. 720] и параметрами психического состояния, например, **боль**: *...Allein ich fühle schon / Den langen, ausgedehnten Schmerz der Tage, wenn / Ich nun entbehren soll, was mich erfreute* [17. S. 775] или **мучения**: *Jeder Tag seine eigne Plage hat* [15. S. 123]. Долгота дня в жизни человека может зависеть от его чувственного состояния. Нега-

тивные ощущения и эмоции удлиняют день: *Wenn ich dich nicht gefunden, / War mir der Tag so lang* [12. S. 159], а их отсутствие вычеркивает день из жизни человека: *Bin von mir selbst nur abgesperrt, / Da hab ich keinen Tag* [11. S. 593]. Чистоту светового дня Гете сравнивает с чудесным сиянием луны: *Aber das Mädchen begann und sagte: «Wie find ich des Mondes / Herrlichen Schein so süß! er ist der Klarheit des Tags gleich»* [13. S. 638].

В поэтическом языке обоих авторов ярко выражена антропоморфная характеристика дня. У Гете можно не только увидеть, но и услышать течение дня: *Hier seht ihr seiner Tage Lauf, / Und was man sieht, ist leicht zu hören* [12. S. 224]. День может оказывать влияние на человеческую жизнь как положительно: *Ich bin vom Glanz des Tages überschienen, / Ihr kennet mich, ich kenne mich nicht mehr* [17. S. 787], так и негативно: *Ein launischer Verdruß ist seines Herzens Plage / Und trübet mir und ihm die besten Sommertage*; [15. S. 9]. У Гете день бес- смертен, так как уходящий день порождает день грядущий: *Niederträchtigers wird nichts gereicht, / Als wenn der Tag den Tag erzeugt* [11. S. 460].

В поэзии встречается метонимический перифраз с данной лексемой к слову «солнце». У Пушкина солнце представлено как «светило дня»: *Прости, светило дня, прости, небес завеса* [4. С. 168], у Гете оно выступает как «творец чудесных дней»: *Sonne! so sei du auch mir / Die Schöpferin herrlicher Tage; / Leben und Ewigkeit ist's* [11. S. 43]. Поэтому, умирая, герой просит небеса о скорейшем наступлении дня: *Ach, ich muß sterben, / Ich muß vergehen. / O gäbe der Himmel, / Es wäre schon Tag!* [14. S. 319].

У Гете исследуемая лексема тесно связана с существительным *das Licht*. Свет имеет размер, чем «шире» свет, тем более яркие эмоции испытывает автор от дня в целом: *...Neu / Genieß ich nun durch dich das weite Licht / Des Tages* [17. S. 707]. Свет связан с яркими эмоциями, страстью, ожиданием прекрасного: *Wie sehnlich harr ich auf das Licht des Tages!* [14. S. 163].

Для передачи определенного состояния человека или события в его жизни служит структура *день + существительное* в родительном падеже (в составе с именем прилагательным). Данная конструкция указывает на конкретный период времени в жизни человека, который в зависимости от семантики прилагательно- го или суц. в род. пад. может характеризоваться положительно или негативно: *[Надолго ли?... а кажется прошли / Дни мрачных бурь, дни горьких искушений]* [6. С. 329]; *Во дни веселий и желаний / Я был от балов без ума* [9. С. 17]. У Гете весьма оригинально представлен *день счастья*, который сравнивается с чувствами малыша, находящегося в безопасности под сердцем матери и слышащего биение ее сердца: *Doch wie den Kleinen unter Larvenmummung / Ein kindlich Herz der lieben Mutter schlägt, / So danken alle wir dem Tag des Glücks, / Der uns vergönnte, dies Gefühl zu teilen* [14. S. 636]. Дни блаженства имеют неразрывную связь с природой, а именно с солнцем, холмом и лесом: *Tage der Wonne, / Kommt ihr so bald? / Schenkt mir die Sonne, / Hügel und Wald?* [11. S. 57].

Особый интерес представляет лексема *Tag* в сравнениях. Например, сравнение *дня благоволения* с *днем сбора урожая* указывает на полезную, плодотворную наполняемость дня в жизни любого человека: *Mir scheint nicht rätlich, daß du dich entfernst / In dem Moment, da dein vollendet Werk / Dem Fürsten und der Fürstin dich empfiehlt. / Ein Tag der Gunst ist wie ein Tag der Ernte: / Man muß geschäftig sein, sobald sie reift* [17. S. 797]. Или необычное сравнение дней, подобных венку с вечно сияющим нимбом над головой выдающегося человека: *Deine Tage so umkränzend, / Immer licht und neu belebt, / Wie der Ring, der ewig glänzend / Mein erhabnes Haupt umschwebt* [14. S. 579].

Таким образом, проведенный анализ лексем *день* и *Tag* в поэтических текстах А.С. Пушкина и И.В. Гете показал, что семантическая наполненность данных лексем демонстрирует сходства и различия представлений поэтов о

суточном времени, выразительность которого создается не только при помощи актуализации сем конкретного и периферийного значений, но и посредством изобразительно-выразительных средств, среди которых преобладают метафоры, эпитеты, персонификации, перифразы и сравнения. Следует особо подчеркнуть, что в языке обоих авторов исследуемые лексемы особо выделяются за счет их антропоморфного изображения, что свидетельствует о ментальном и образно-ассоциативном представлении времени. Особое место в поэзии Гете занимают сложные слова с морфологической структурой *сущ.* + *Tag*, которые многообразно реализуют представление о темпоральной единице как важном аспекте восприятия времени.

Литература

1. Клыкова Ю.Ю. Зима в поэтическом языке А.С. Пушкина и И. Гете // Вестник Чувашского университета. 2016. № 2. С. 189–198.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2016. 896 с.
3. Первый толковый БЭС. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2006. 2144 с.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 1. 463 с.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 2, кн. 1. 568 с.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 3, кн. 1. 635 с.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 4. 514 с.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 5. 570 с.
9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 6. 700 с.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 7. 395 с.
11. Goethe J.W. Poetische Werke. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag,... (Berliner Ausgabe). Bd. 1: Gedichte und Singspiele. [T.] 1: Gedichte. 3. Aufl. 1976. 1047 S.
12. Goethe J.W. Poetische Werke. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag,... (Berliner Ausgabe). Bd. 2: Gedichte und Singspiele. [T.] 2: Gedichte: Nachlese und Nachlass. 3. Aufl. 1979. 965 S.
13. Goethe J.W. Poetische Werke. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag,... (Berliner Ausgabe). Bd. 3: Gedichte und Singspiele. 3. Aufl. 1979. 859 S.
14. Goethe J.W. Poetische Werke. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag,... (Berliner Ausgabe). Bd. 4: Gedichte und Singspiele. 3. Aufl. 1980. 1087 S.
15. Goethe J.W. Poetische Werke. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag,... (Berliner Ausgabe). Bd. 5: Dramatische Dichtungen I. 3. Aufl. 1978. 715 S.
16. Goethe J.W. Poetische Werke. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag,... (Berliner Ausgabe). Bd. 6: Dramatische Dichtungen II. 3. Aufl. 1980. 777 S.
17. Goethe J.W. Poetische Werke. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag,... (Berliner Ausgabe). Bd. 7: Dramatische Dichtungen III. 3. Aufl. 1977. 993 S.
18. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache: das einsprachige Wörterbuch für alle, die Deutsch lernen / herausgeb. von Dieter Götz [et al]. Berlin: Langenscheidt, 2003. 1253 S.
19. Das Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / herausgeb. von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz. 6 Bände. Berlin: Akademie-Verlag, 1964-1977. Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Tag> (дата обращения: 17.03.2017).
20. Der Duden: in 12 Bänden; das Standardwerk zur deutschen Sprache / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. [Ausg. in 12 Bd.]. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl. Bd. 10. Duden, Bedeutungswörterbuch: Wortschatz und Wortbildung. 4. Aufl. 1998. 1152 S.

КЛЫКОВА ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА – аспирантка кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (julja07@yandex.ru).

Ju. KLYKOVA

LEXEMES «DEN'» AND «TAG» IN POETIC LANGUAGE OF A. PUSHKIN AND J.W. VON GOETHE

Key words: time, poetic language, day, Pushkin, Goethe.

The article presents a contrastive study of lexical units «den'» and «Tag» in poetic texts of A. Pushkin and J.W. von Goethe through an anthropocentric approach that determines thematic justification and scientific novelty. The purpose of the article is to determine and describe features of expressing the time of day, i.e. lexical units «den'» and «Tag». The analysis of mental and figurative-associated meanings in the poetic language of Russian and German poets found that semantic fullness of lexemes being studied shows peculiarities of time perception through their individual and author's stylistic characteristic.

References

1. Klykova Ju. *Zima v poeticheskom yazyke A.S. Pushkina i J.W. Goethe* [Winter in poetic language by A. Pushkin and J.W. von Goethe]. *Vestnik Cuvashskogo universiteta*, 2016, no. 2, pp. 189-198.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.J. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian]. Moscow, A TEMP Publ., 2016, 896 p.
3. *Pervyi tolkovyi BES* [Explanatory dictionary of Russian]. St. Petersburg, Norint Publ., Moscow, RIPOI Publ., 2006, 2144 p.
4. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 17 t. T. 1.* [Complete works. 17 vols. Vol. 1.]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1994, 463 p.
5. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 17 t. T. 2. (b. 1.)* [Complete works. 17 vols. Vol. 2.]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1994, 568 p.
6. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 17 t. T. 3. (b. 1.)* [Complete works. 17 vols. Vol. 3.]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1995, 635 p.
7. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 17 t. T. 4.* [Complete works. 17 vols. Vol. 4.]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1994, 514 p.
8. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 17 t. T. 5.* [Complete works. 17 vols. Vol. 5.]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1994, 570 p.
9. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 17 t. T. 6.* [Complete works. 17 vols. Vol. 6.]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1995, 700 p.
10. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 17 t. T. 7.* [Complete works. 17 vols. Vol. 7.]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1994, 395 p.
11. Goethe J.W. *Poetische Werke*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag,.. (Berliner Ausgabe). Bd. 1: Gedichte und Singspiele: [T.] 1: Gedichte. 3. Aufl. 1976. 1047 S.
12. Goethe J.W. *Poetische Werke*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag,.. (Berliner Ausgabe). Bd. 2: Gedichte und Singspiele: [T.] 2: Gedichte: Nachlese und Nachlass. 3. Aufl. 1979. 965 S.
13. Goethe J.W. *Poetische Werke*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag,.. (Berliner Ausgabe). Bd. 3: Gedichte und Singspiele. 3. Aufl. 1979. 859 S.
14. Goethe J.W. *Poetische Werke*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag,.. (Berliner Ausgabe). Bd. 4: Gedichte und Singspiele. 3. Aufl. 1980. 1087 S.
15. Goethe J.W. *Poetische Werke*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag,.. (Berliner Ausgabe). Bd. 5: Dramatische Dichtungen I. 3. Aufl. 1978. 715 S.
16. Goethe J.W. *Poetische Werke*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag,.. (Berliner Ausgabe). Bd. 6: Dramatische Dichtungen II. 3. Aufl. 1980. 777 S.
17. Goethe J.W. *Poetische Werke*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag,.. (Berliner Ausgabe). Bd. 7: Dramatische Dichtungen III. 3. Aufl. 1977. 993 S.
18. *Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache: das einsprachige Wörterbuch für alle, die Deutsch lernen / herausgeb. von Dieter Götz [et al]*. Berlin: Langenscheidt, 2003. 1253 S.
19. *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / herausgeb. von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz. 6 Bände*. Berlin: Akademie-Verlag, 1964–1977. Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Tag> (дата обращения: 17.03.2017).
20. *Der Duden: in 12 Bänden; das Standardwerk zur deutschen Sprache / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. [Ausg. in 12 Bd.]*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl. Bd. 10. Duden, Bedeutungswörterbuch: Wortschatz und Wortbildung. 4. Aufl. 1998. 1152 S.

KLYKOVA JULIA – Post-Graduate Student of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (julja07@yandex.ru).

Ссылка на статью: Клыкova Ю.Ю. Лексемы день и Tag в поэтическом языке А.С. Пушкина и И.В. Гете // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 218–228.

УДК 81'373.21

ББК 81.2-3

Г.Е. КОРНИЛОВ

**ЭТНОТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ
(БАШКОРТОСТАН, КОМИ, МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ, ТАТАРСТАН,
УДМУРТИЯ, ЧУВАШИЯ) – XL:
А-АНЛАУТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ***

Ключевые слова: компаративистика, этимология, контактология, оноματοлогия, топонимика.

Статья продолжает инвентаризацию и интерпретацию А-анлаутных топонимов и апеллятивов в языках Поволжья, в ней дается этимология топонимов «Акӑль варё», «Акӑль тӑвайкки», «Акӑль уй», «Акӑль суч», лимнонимов «Акӑш кӑлӑ», «Юксер/Юксар», «Лебединое» и некоторых других, рассмотрены апеллятивы, положенные в основу славянских, тюркских и волжско-финских орнитонимов – названий лебеда вообще и лебедей-кликунов, лебедей-шипунгов в частности.

0.0.2.7.4. **АКӐЛЬ:** ~варё «Аглев дол» [17. С. 4]; ~тӑвайкки «Аглев склон»; ~уй «Аглево поле», – все на земле чув. д. Ефремкасы / Ехремкасси быв. Ефремкассин. с-та Аликовского р-на (в XVIII в. Курмышского у. Нижегород. губ.) [17]; ~суч «Аглев пригорок (на склоне, между двумя понижениями)» на земле чув. с. Асакасы / Ассакасси быв. Карачурин. с-та Аликовского р-на [17].

В «Аликовской энциклопедии» [1. С. 209] указано, что с 01.01.2006 г. с. Асакасы и д. Ефремкасы / Ехремкасси (Тинсарина 2-я, Ойкасы, Ярлыккин) при овраге *Шор сьрми* «Болотный овраг» включены в состав Ефремкассинского сельского поселения.

Из сравнения текстов И.Д. Никитина и «Аликовской энциклопедии» вытекает, что первый топонимы *Уйкас*, *Акӑль уй*, *Акӑль суч* указал в «литературизованной» форме, в живом произношении они звучали *Ойкас(ы)*, *Акӑль ой*, *Акӑль суч*, поскольку говор названного поселения верховой (тури), окающий, ведь до сегодняшнего дня, до 2006 г., второе название д. Ефремкасы звучит *Ойкасы* (а не *Уйкас*), а название большого оврага *Шор сьрми* (а не *Шур сьрми*). Поведение И.Д. Никитина вполне извинительно, поскольку он был историком, а не филологом, и литературную норму считал более правильной.

С другой стороны, видимо, в «Аликовскую энциклопедию» прокралась опечатка, здесь вместо правильного *Акӑль варё* представлено *Акаль варё* (смешение букв «а» и «ӑ» – самая встречаемая опечатка в русскоязычных текстах, включающих в свой состав чувашские слова). Топонимы *Акӑль суч*, *Акӑль тӑвайкки* и *Акӑль уй* авторам энциклопедии остались неизвестны.

Если определяемые географические номенклатурные термины – *вар* «дол», *суч* / *соч* (*сучё* / *сочё*) «пригорок на склоне между двумя понижениями», *тӑвайкки* «склон горы» (*тӑв* «гора», *айкки* «его сторона»), *уй* / *ой* «поле» – совершенно прозрачны, то определение *Акӑль* [*Агль*] выглядит агнонимом, словом неизвестного происхождения и значения. По типу его согласования с определяемыми компонентами – отношения притяжательности – *Акӑль* воспринимается как антропоним, фонетически он совпадает и, скорее всего, этимологически тождествен с производящей основой указанных у Н.И. Ашмарина [5. Вып. I. С. 91]:

Акӑлчи, *vox ignota, in aenigmatate posita*. Неизвестное слово, встречающееся в загадке... *Акӑлчи-макӑлчи: шысмак кут* (Пушмак) ... толстая задница (*Calceus*. Башмак).

* Исследование выполнено при финансовом содействии Министерства образования и науки РФ (грант ГО 2-1.6-123).

Акăльски (*агыл'ски*), britannicus, английский ... Акăльски сип, fila duplicata e lino xylino facta, крученые бумажные нитки... Fila duplicata e lino xylino facta. Eorum plura sunt genera, velut: их несколько сортов: *таса акăльски*, quas sunt candidissima (чăлт шурă), совершенно белые нитки; *хёрлĕ акăльски*, rubri coloris, красные; *ахаль акăльски*, usitatissima vilissimaque, subflavi coloris, простые и дешёвые, желтоватого цвета.

В приведенной выше загадке композита *акăлчи-макăлчи* скорее всего намекает на вид обуви – *английский ботинок* (у него выпуклый задник), *акăлчи* – усечение слова *акăлчан* «англичанин; английский», *-макăлчи* – «слово-эхо», подобно *-маляпки*: *каляпки-~*, *-бурум*: *шурум-~* и т.д., приём детской речи и речи, обращенной к детям. Что касается названия ниток – *акăльски*, то это русизм, старые формы современного русского прилагательного *английский* звучали в XVII–XVIII вв.: *аглинской*, *аглицкий* с ударением на начальном слоге под влиянием польск. *anglik* (первоначально **англицкий*), см. [22. Т. I. С. 60–61].

Таким образом, как рус. *зонт* образовано от устарелого *зондек* (из голланд. *zondek* «защита от солнца») [22. Т. II. С. 104], т.е. *зонтик* первично, а *зонт* – вторично, так и в чув. ефремкасин.-асакасин. *Акăль* образовано от *Акăльски*, т.е. *Акăльски* «Английский» первично, а *Акăль* – вторично. Ср. соврем. чув. литературное *акăлчан* «англичанин; английский», где палатальность -л- графически уже не передается. Следовательно, можно допускать, что в чув. д. Ефремкасы и в чув. с. Асакасы в 1-й половине XX в. (записи И.Д. Никитина сделаны в 1930-х гг.) был известен мужчина по прозвищу *Акăль / Агль* «Англичанин».

До некоторой степени альтернативой сказанному могло бы быть следующее рассуждение. В чувашском языке имеется парное слово-имитатив *чикĕл-макăль* – звукоизображение порывистого кувыркания, соответствие рус. глаголу ультратмгновенного вида *кувырк* (откуда *кувырок*), вторая часть *-макăль*: *чикĕль-~*, могла бы рассматриваться как «слово-эхо» в композиции **акăль-макăль*, где предполагаемое **акăль* (не регистрируемое ни одним словарем) можно мыслить по аналогии к первым компонентам реально фиксируемым чувашским: *акăш-макăш* «как попало», *ачăл-мачăл*: *ачăлташ-мачăлташ* «растение мать-и-мачеха» и под.

0.0.2.7.5. **АКĂШ КÛЛĔ** – лимноним с неточной локализацией, в материалах И.Д. Никитина [17] указан в Чебоксар. р-не на земле с. Большие Карачуры быв. Карачурин. с-та; последний абзац соответствующего списка топонимов названного села начинается: «*Лешайкки уйĕ* (т.е. «Поле той стороны». – Г.К.). *Шĕнер кĕперри* (т.е. «Шинерский мост». – Г.К.). Атăл лешенче, хуларан 15-16 килом («На той стороне Волги, в 15-16 км от города». – Г.К.). *Митягин саранĕ* (т.е. «Митягин луг». – Г.К.). *Акăш кÛлĔ* – 35 килом. (т.е. «Лебединое озеро», ожидалось *Акăш кÛлли*. – Г.К.). *Йершшу мăн сÛлĔ* (Мал. Карачурин.) (т.е. букв. «Большая дорога *Йершшу*», соврем. чув. название д. *Йăршу* или *Пĕчĕк Карачура*, по-рус. *Малые Карачуры*, южнее г. Чебоксары, вовсе не «на той стороне Волги». – Г.К.). Как видно из цитаты, И.Д. Никитин ставил точку после каждого топонима, не используя ни запятых, ни тире, ни двоеточий, поэтому осталось немаркированным: относится ли замечание *Атăл лешенче...* «На той стороне Волги...» к предыдущему перечислению или к последующему, и в том и в другом случае – исключительно к непосредственно примыкающему топониму или ко всему списку...

По нашему мнению, скорее всего, речь идет об озере *Акăш кÛлĔ* на Левобережье, справа от бетонной дороги *Сосновка* – *Северный* (поселок торфоразработчиков), на южной стороне проселочной дороги *Северный* – *Липша*, озере, имеющем совпадающие по значению варианты названия: *марийский* – *Юксер / Юксар* (*йÛксĕ* «лебедь; лебединый», *ер* «озеро») и *русский* – *Лебединое*. На северном берегу озера – резиденция *АгышкÛльского /*

Юксарского / Лебединского лесничества, в озере из года в год гнездилась пара диких лебедей-шипун. Западнее чув. оз. *Ака́шкүл*, за границей Чувашии, уже на территории Марий Эл – нас. пункты быв. Юксарского с-та, с центром в мар. с. *Юксары* Горномарийского р-на, в словаре О.П. Воронцовой и И.С. Галкина упоминаются другие «Лебединые» озёра: *Юксары* (мар. *Йу́ксăр*) «в междуречье Рутки и Большой Кокшаги» (*йу́кс* < *йу́ксĕ* «лебедь» + *ăр* < *йăр* «озеро»); *Юксыер* (мар. *Йу́ксыер*) «озеро в Моркин. р-не (*йу́ксĕ* «лебедь» + *ер* «озеро»)» [6. С. 99]; *Юкшо-Отоер* «озеро в Моркин. р-не ... (*юкшо* / *юксо* < *йу́ксĕ* «лебедь» + *ото* «мольбище, роща» + *ер* «озеро»); *Юкшер* «озеро в Моркин. р-не» (*юкш* < *юкшо* < *йу́ксĕ* «лебедь» + *ер* «озеро»)» [6. С. 399].

В «Аликовской энциклопедии» отдельная статья посвящена нп *Кора́кши / Курака́ш* (Тинсарина 2-я тож) – чув. д. Ефремкасин. сел. поселения (с 01.01.2006) ... при овраге *Чаган / Чакан сырма* [1. С. 72а; 302а, б; 566а]. Русский вариант *Кора́кши* явно вторичен, исходный чув. вариант *Курака́ш* редактор книги записал в литературизованной форме, согласно нормам местного говора должно быть *Коракáш*, что подтверждают материалы И.Д. Никитина, где в алфавитном порядке 12-м пунктом указана чув. д. *Кора́коши*, по-чув. *Кора́каш* (Асса касси) на территории Аликов. р-на / Элĕк районĕ, *103 кил* «103 двора». Выясняется, таким образом, что членение *Корак-оши* или *Корак-оши* сомнительно, тем более – имеется и указание на название речки – *Кора́каш шы́вĕ* (отсутствует в современной энциклопедии); мы склонны видеть в определительной части диалектное *кор-áкаш*, соответствующее литературному *хур-акáш*, в других говорах тури-вирьял – *хор-акáш*, *хор-акка́ш* «гуси-лебеди», правда, на уровне «народной» этимологии в *Коракáш(ĕ)*, ср. рус. вариант *Корак-оши*, можно усматривать смысл «Сестра Гуся», так как *-ак(к)áш(ĕ)* этимологически тождественно притяжательной форме слова *ак(к)а* «(старшая) сестра». На земле другой Аликов. деревни – *Янгорас / Янкорас* И.Д. Никитин также упоминает названный выше овраг *Чакан сырма* (д. б. *Чакан сырма*. – Г.К.) и указывает, что он – *Кора́каша анса каять* «Спускается в *Кора́каш*», чем подтверждается исконность данного варианта потамонима [17. С. 5, 15, 44].

Н.И. Ашмарин привел оба варианта чувашского названия лебедя без уточнения вида (кликун или шипун): *Ака́ш* [5. Вып. I. С. 93], *Акка́ш* [5. Вып. I. С. 99] и один-единственный лимноним – *Ака́ш күлли*, пом. *lacus in praefectura Buguruslanensis*, проге *vicum Kěсĕн-Мүкүшкел* «Назв. озера в Бугуруслан. у., около дер. Кёсĕн-Мүкүшкел (Малое Микушкино. – Г.К.), Микушкин. вол. [5. Вып. I. С. 93].

М.Г. Атаманов привел два «лебединых» топонима на территории Удмуртии: село *Юськи* в Завьялов. р-не, от воршудно-родового имени *Юсь* «Лебедь» [3. С. 149б] и удм. д. *Юсьпиян / Усьпян* «Место гнездования лебедей» [3. С. 234а]. А.П. Афанасьев на территории Коми указал 2 озера *Юсь*, 2 речки *Юсью*, проток реки Печоры – *Юсь Шар* [4. С. 88а, б], р. *Юсьель* и пос. *Юсьтыдор* [4. С. 164б], которых не было в словаре А.И. Туркина [21]. Хотя В.И. Лыткин и Е.С. Гуляев для коми и удм. *юсь* «лебедь» приводят мар., мокш., фин., саам., манс. параллели [15. С. 336б], тем не менее – слово остается без дальнейшей этимологии, в то же время чув. *акáш / акка́ш* – совершенно прозрачно, оно заимствовано из тат. *ак кош* «белая птица», для которого В.Г. Егоров в качестве этимологически тождественных параллелей привел башк. *ак кош*, уйг. *ак куш*, узб. *ок куш*, из чего мы предварительно заключаем, что орнитоним, возможно, имеет чагатайский источник, где является поэтической заменой исконно тюрк. *куг(у) > кув(у)* «лебедь», производной основы, имитирующей весенние (брачные) крики лебедя-кликун (отсюда и рус. *кугиклы*, *кувиклы*, *кувички*, *кувицы* «флейта Пана», народный музыкальный инструмент, с общетюрк. суф. *-лы/-ли*, букв. «содержащий в себе имитатив *кугик- / кувик-*», ср. чув. *ка́вик*, *ка́ввик*, звукоизображение криков разных птиц в словаре Н.И. Аш-

марина [5. Вып. VII. С. 103–104]), ср. соответствия: алт. *ку*, хак. *хуу*, туркм., тув., кирг. *-куу*: *ак~*, к. калп. *-ку*: *ак~*, тур. *кууу*, *-кууу*: *~кушу*, ног. *-кув*: *ак~* «лебедеь» [10. С. 23], а также др.-тюрк. *qoϕu*, *quϕu*, с их переносными значениями «блестящий» (*qoϕulϕuluy*) и «седой» [9. С. 452б, 464а]. Мы не исключаем, что типологически близкий корень можно усматривать в др.-тюрк. *кў* «весть, молва», откуда *кў ат* «весть, молва, слава», *кў тут* – «прославляться» [9. С. 322].

Невозможно не заметить структурное сходство др.-тюрк. *qoϕu* / *quϕu*, тур. *кууу*, повторяющих рисунок гетерогенных – чув. *куку(к)*, рус. *куку(шка)* и под., что дополнительно подчеркивает звукоподражательный характер всего круга перечисленных основ, заимствованных у природы, а не друг у друга, и относящихся, в первую очередь, к лебедю-кликуну, обобщенно – к лебедю вообще. Согласно Х.Ч. Алишиной, название речки *Куб* в Нижнетавдин. р-не Тюмен. обл. «тоже означает "лебедеь"» [2. С. 77], ср. *Куб*:- *~ань* «Лебяжье низовье», «Лебедия», болг.-тюрк. переосмысление др.-греч. *Гипанис* [13. С. 11–12] времен Боспорского царства (с V в. до н.э. по V в. н.э.). Любопытно этимологическое тождество р. *Куб*:- *~ань*, нижнетавдин. р. *Куб* с р. *Куб*:- *~ня*, назв. лев. притока р. Свияги на юге Чувашии (болг.-чув. **Кув ен* «Лебяжья сторона» > кыпч. **Кубен* > ст.-рус. **Кубеня* > *Кубня*, ср. *чечен* > *Чечня*, р. **Менья* > *Меня*); в результате реконкисты, вторичного заселения бассейна Кубни – в средневековье *Дикого Поля* – чувашами из северных районов современной Чувашии, освоение уже русифицированного варианта *Кубня* в виде *Кётне*, где *-бн-> -тн-* результат регрессивной ассимиляции по зубности, *-у- ~ -я > -ё- ~ -е* – следствие сингармонизма (влияние мягкого *-нь-*). Ср. *Куба* – прав. приток *Малой Кокшаги* и его иное объяснение [6. С. 137]. Также: татарские деревни *Старая Кубен*, *Кубен*, *Кубен-Новослужилая* [11. С. 437].

Авторы «Словаря топонимов Башкирской АССР» с *акқош* «лебедеь; лебединая» указали на три лимнонима *Аккуш* / *Аққош* в Аургазин., Бижбуляк., Янаул. районах (перечислены Ф.Г. Гариповой [7. С. 149]), один потапоним *Аққош йылғаһы* «Лебяжья речка» в Кугарчин. р-не, один комоним *Аккушево* / *Аққош* – назв. башк. д. в быв. Староисаев. с-те Нурыман. р-на [19. С. 216], к ним можно добавить *Аққош айырыһы* у Азата Камалова (вид объекта и адрес не указаны) [12. С. 222] и *Аккушлы-куль* / *Аққошлы күл* «Лебяжье озеро» в быв. Илкей-Минской вол. Уфим. у., согласно Ф.Г. Хисамитдиновой, впервые упоминаемое «в документах 1738 г.» [23. С. 29], имя болг. хана *Кубрат*.

В Татарстане Ф.Г. Гарипова указала *Аккош күле* в бас. р. Мензеля в Сарман. р-не [7. С. 149], а также «*Аккош күле* (Лебяжье озеро) ... к западу от города Казани, в Кировском районе» [7. С. 400], кроме этого, в ее капитальном труде дважды упомянуто «*Аккош күле* – озеро (д. Самар, Октябрь.)» в Перм. обл. [7. С. 149, 201]; также – «*Аккош күле* – озеро (д. Нов. Муса, Шарлык.)» в Оренбург. обл. [7. С. 200]; «*Аккош күле* – озеро (д. Алтар, Ромодан.)» в Мордовии.

В Тюменском крае Х.Ч. Алишиной зарегистрированы: *Аккош олы күл* «Лебяжье большое озеро» (Вг.) [2. С. 60] и *Аккош олы күл* (оз., Яр) [2. С. 207, 210] (Вг. – Вагайский р-н, Яр. – Яркоковский р-н. – Г.К.). Совершенно неожиданные сведения обнаруживаются в 240-м параграфе ее содержательной книги, озаглавленной, *Якушевские юрты* на берегу р. *Туры* в быв. Кашегальской в. Тюмен. округа в списках XIX в. назвались *Акушевскими*, далее цитирую по книге: «Лексема *якуши* в русских диалектах – «плотники». *Акуш* < тат. *аккош* «лебедеь». Завершает пассаж цитата из В.А. Лезина [14. С. 286]: «*Якуш* (*Акуш*) – оз., пл. 25 кв. км, 7 км к ЮВ от д. Н. Александровка, Казан. р., на границе с Северо-Казахстанской обл.». Аналоги в РТ: *Якушкино* (Окт.)» [2. С. 188]. Разумеется, следовало упомянуть в качестве альтернативы рус. *Яша*, *Якуш*, *Якуша*, *Якушка* от *Иаков* / *Яков* из др.-евр. *Якоб*: *акеб* «пятка» [20. С. 348]. Из-

вестны и русские фамилии *Якушев, Якушин, Якушкин* [8. С. 488]. Чередование в анлауте **А-** / **Иа-** можно проиллюстрировать чувашскими «языческими именами» из списка В.К. Магницкого: *Акуша* [16. С. 26а], но *Якушъ. Якушка* [16. С. 97б], явно из рус. разг. вариантов имени *Иаков / Яков*. Более того, в тексте книги Х.Ч. Алишиной имеются случаи с **И-**мобиле: «*Абалак* – оттоптомное имя-прозвище. *Иабалак* «сова» [2. С. 39]; «*Татар Абалак* от антропонима Ябалак» [2. С. 160]; «[ja] > [a]: *Иабалак – Абалак* (Тб.)» [2. С. 202]; «*Алан / Ялан*» [2. С. 134] (ср. чув. «языческое» *Ялан*:- ~ча у В.К. Магницкого [16. С. 97б], этимологически тождественное чув. *яланчă* «качели» [5. Вып. IV. С. 180], но также башк., тат., чув., мар., удм. *ялан* «всегда, постоянно», чув. *ялан / яланхи* «постоянный, всегдашний». – Г.К.); «*Ярыш* – личное имя. *Ярыш* < (й)арыш < *арыш*: а) оглобли, б) рожь» [2. С. 189] (подозрительна близость к рус. **ярыш* < *ярый* «ярый», ср. *малый* > *малыш*, *крепкий* > *крепыш*, также чув. «языческие» *Яруш, Яруша, Ярушка* [16. С. 100б]; «*Алынбаев – Алын-бай-ев*. Аpellятив *йалын* раньше употреблялся в языке жителей Чебурги ... можно сопоставить с татарским литературным *ялкын* «пламя», «страсть», «пыл». Элизия [й] в анлауте» [2. С. 231] (сиб.-тат. чебург. *йалын* – влияние уйг., алт., ком., тур., крым. и тому под., где *йалын* «пламя» от *йал*- «воспламеняться», тат. литер. *ялкын* – другая линия словообразования от того же корня. Кроме того, сиб.-тат. *Алын*:-: ~баев ближе к чув. «языческим» *Алинъ, Алинка* [16. С. 27]. – Г.К.).

В дополнение к перечисленному невозможно оставить без упоминания все-российски известный астионим *Елабуга* < тат. *Алабуга* от *алабуга* «окунь; окунёвый», букв. «пёстрый бугай», ср. рус. *пеструшка*, венг. *pisztráng* «форель».

Вышеприведенные наименования лебедя в тюркских и финно-угорских языках, таким образом, можно разделить на две группы. Обязанные своим происхождением указанию на характерный снежно-белый цвет птицы, для лебедя-шипунa, не издающего сколько-либо громких звуков (он лишь невразумительно «шипит»), это главный признак; тюркские варианты орнитонима *ақ кош* «белая птица», скорее всего, относятся именно к шипуну; на белый цвет дополнительно указывают и некоторые отымитативные (звукоподражательные) названия, ср. выше: *ак куу, ак ку, ак кув*, при этом звукоподражательное др.-тюрк. *quyu* «лебедь» (лебедь-кликун. – Г.К.) переносно употребляется как символ «седины» (т.е. белизны. – Г.К.), ср.: *quyu qondi başqa*, букв. «лебедь опустил на голову», в смысле «голова поседела» [9. С. 464а]; в данном контексте напрашивается постановка вопроса, не является ли мар. *йўкс(ö)* (см. выше) «лебедь» каким-то образом (возможно, опосредовано) этимологически тождественным лат. *lux* «свет, блеск», откуда *luxus* «чрезмерная роскошь», откуда и фр. *luxе*, и вост.-слав. параллели рус. *люкс* (анлаутные субституции **й-ль-**, **ль-й-**, ср. чув. *йут* ~ рус. *люд*, обычное явление). Характерно, что и славянские параллели рус. *лебедь*, нем. устар. *Elbs* «лебедь» и т.д. историки языка единогогласно считают гомогенными с лат. *albus* «белый» (**олбедь* > *лебедь*). Список, видимо, можно продолжить по данным других языков и семей языков. На этом фоне специфически тюркскими/древнетюркскими являются образования на базе *куз-* > *кув-* > *куб-*, перечисленные выше.

(Продолжение следует)

Литература

1. Аликовская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 636 с.
2. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): в 2 ч. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. Ч. I. 240 с.
3. Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск: Удмуртия, 1997. 248 с.

4. Афанасьев А.П. Топонимия республик Коми: словарь-справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. 208 с.
5. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чăваш сĕмахĕсен кенеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. I–XVII.
6. Воронцова О.П., Галкин И.С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2002. 424 с.
7. Гарипова Ф.Г. Татарская гидронимия: вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии. Казань: ИЯЛИ, 1998. Кн. 1. 571 с.
8. Грушко Е.А., Медведева Ю.М. Энциклопедия русских фамилий. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 592 с.
9. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
10. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
11. Иванов А.Г. Царевококшайск в конце XVI–XVIII веков. Очерки по истории уездного города: Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2001. 440 с.
12. Камалов А.А. Башкирская топонимия. Уфа: Китап, 1994. 304 с.
13. Корнилов Г.Е. О праславянско-болгаро-чувашских лексических параллелях // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: сб. ст. Всерос. науч. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 7–15.
14. Лезин В.А. Реки и озера Тюменской области: словарь-справочник. Тюмень: [Б.и.], 1995.
15. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
16. Магницкий В.К. Чувашскія языческія имена. Казань: Тип. Императорскаго Университета, 1905. 101 с.
17. Никитин И.Д. Топонимика (Названия урочищ, оврагов, лесов и ... селений ЧАССР): рукопись // Научный архив ЧГИГН. 1906–1940.
18. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Сов. энцикл., 1966. 384 с.
19. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 200 с.
20. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: Эксмо, 2005. 544 с.
21. Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. 144 с.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1996. Т. I–IV.
23. Хисамитдинова Ф.Г. Географические названия Башкортостана: Материалы для историко-этимологического словаря. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: Гилем, 2006. 132 с.
24. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 5-е изд., стереотип. Т. I: А-Пантомима. М.: Русский язык, 2002. 624 с.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Чебоксары, Россия (gennkorn@rambler.ru).

G. KORNILOV

ETHNIC TOPONYMS IN VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XL: A-NAMES OF PLACES

Key words: comparative linguistics, etymology, contactology, onomatology, toponymy.

The article continues the inventory and interpretation of A-anlaut toponyms and appellatives in the languages of the Volga region, it gives etymology of toponyms «Akal' vare», «Akal' tavaikkii», «Akal' ui», «Akal' shchuch», limnonyms «Akash kule», «Yukser / Tuksar», «Lebedinoe» and some others. It examines appellatives taken as a basis of Slavic, Turkic and Volga-Finnish ornithonyms – the names of swans all together and in particular of Whooper swans, mute swans.

References

1. Alikovskaya enciklopediya [Alikovsky encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2009, 636 p.
2. Alishina Kh.Ch. *Onomastikon sibirskikh tatar (na materiale Tyumenskoi oblasti)* [The Siberian Tatars' onomasticon on the data of the Tyumen area. 2 vols.]. Tyumen, Tyumenskii Gos. Univ., vol. 1, 1999, 240 p.
3. Atamanov M.G. *Istoriya Udmurtii v geograficheskikh nazvaniyakh* [The history of Udmurtia in place names]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1997, 248 p.
4. Afanas'ev A.P. *Toponimiya respublik Komi. Slovar'-spravochnik* [The toponymy of the Republic of Komi. Reference Dictionary]. Syktvykar, Komi Publishing House, 1996, 208 p.

5. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka. Chăvash sâmakhësen këneki* [The dictionary of the Chuvash language]. Kazan, Cheboksary, 1928–1950, vol. 1–17.
6. Vorontsova O.P., Galkin I.S. *Toponimika Respubliki Mariy El: Istoriko-etimologicheskii analiz* [Toponymy of the Republic of Mari El: Historical and etymological analysis]. Yoshkar-Ola, Mari Polygraph Publ., 2002, 424 p.
7. Garipova F.G. *Tatarskaya gidronimiya: voprosy etnogeneza tatarskogo naroda po dannym gidronimii* [The Tatar Hydronymy: the questions of the ethnogenesis of the Tatar people on the hydronymy data]. Kazan, 1998, vol. 1, 571 p.
8. Grushko E.A., Medvedeva Yu.M. *Entsiklopediya russkikh family* [Encyclopedia of Russian names]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2001, 592 p.
9. Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M., eds. *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p.
10. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary Chuvash]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1964, 355 p.
11. Ivanov A.G. *Carevokokshajsk v konce XVI–XVIII vekov. Ocherki po istorii uezdnoogo goroda* [Tsarevokokshajsk in the end of XVI–XVIII centuries. Essays on the history of the County town]. Yoshkar-Ola, 2001, 440 p.
12. Kamalov A.A. *Bashkirskaya toponimiya* [The Bashkir toponymy]. Ufa, Kitup Publ., 1994, 304 p.
13. Kornilov G.E. *O praslavyansko-bolgaro-chuvashskikh leksicheskikh paralelyakh* [About the Proto-Slavic-Bulgarian-Chuvash lexical parallels]. *Chteniya, posvyashchennye Dnyam slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury: sb. st. Vseros. nauch. konf.* [Proc. of. Rus. Sci. Conf. «Readings dedicated to the Days of Slavic Written Language and Culture»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2016, pp. 7–15.
14. Lezin V.A. *Reki i ozera Tyumenskoy oblasti* [Rivers and lakes in the Tyumen region]. Tyumen, 1995.
15. Lytkin V.I., Gulyaev E.S. *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka* [Concise etymological dictionary Komi language]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 386 p.
16. Magnitskiy V.K. *Chuvashskiya yazycheskiya imena* [The Chuvash pagan names]. Kazan, 1905, 101 p.
17. Nikitin I.D. *Toponimika (Nazvaniya urochishh, ovragov, lesov i ... selenii ChASSR): rukopis'* [Toponymics (Titles stows, ravines, forests and villages of ChASSR)]. In: *Nauchnyi arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk, 1906–1940* [The scientific archive of the Chuvash state Institute of Humanities. 1906–1940].
18. Petrovskiy N.A. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary Russian personal names]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966, 384 p.
19. *Slovar' toponimov Bashkirskoi ASSR* [The Dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR]. Ufa, Bashkir Publishing House, 1980, 200 p.
20. Superanskaya A.V. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [The dictionary of Russian personal names]. Moscow, Eksmo Publ., 2005, 544 p.
21. Turkin A.I. *Toponimicheskii slovar' Komi ASSR* [Toponymic Dictionary Komi ASSR]. Syktyvkar, Komi Publishing House, 1986, 144 p.
22. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1996, vol. I–IV.
23. Khisamitdinova F.G. *Geograficheskie nazvaniya Bashkortostana: Materialy dlya istoriko-etimologicheskogo slovarya. 2-e izd.* [The Geographical names of Bashkortostan. The Materials for the historical and etymological dictionary. 2nd ed.]. Ufa, Gilem Publ., 2006, 132 p.
24. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennoogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of modern Russian language. 2 vols.]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2002, vol. I, 624 p.

KORNILOV GENNADIY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (gennkorn@rambler.ru).

Ссылка на статью: Корнилов Г.Е. Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XL: А-Анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 229–235.

УДК 070.41
ББК Ш12=411.2*515

Л.А. КОХАНОВА, С.Б. ГОЛОВКО, Н.Д. ГОРБАЧЕВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ СМИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНТЕРНЕТА

Ключевые слова: средства массовой информации, журналистика, традиционные СМИ, новые медиа, социальные сети, блогосфера, Интернет, текст, язык, речупотребление, разговорно-письменный тип речи.

В данной статье речь идет о результатах пилотного исследования, предпринятого на факультете журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в рамках учебного курса. Дается описание этапов исследования, которое предполагало сбор студенческих постов из социальных сетей, а также газетных публикаций, записи радио- и телевизионных программ, что позволило определить, насколько сказываются на журналистских текстах характерные изменения речупотребления. Также в статье представлены результаты сравнительного анализа сетевых и журналистских текстов на интерлингвистическом, или межъязыковом, и на интралингвистическом, или внутриязыковом, уровнях. Выявлены основные характерные черты этих видоизменений журналистских текстов под влиянием Интернета. Даны характеристики нового разговорно-письменного типа речи, который используют как пользователи сети, так и журналисты.

Как показывает анализ деятельности средств массовой информации, сегодня в большинство из них пришло новое поколение журналистов, которое выросло и сформировалось как профессионалы в эпоху Интернета. По сути, они владеют уже иным языком, который явно трансформировался в результате влияния сети. Причем процесс этот продолжается, так как все больше традиционных СМИ начинают осваивать виртуальное пространство, создавая свои версии. Параллельно активно развивается непосредственно онлайн-журналистика, которая не имеет печатных аналогов. Радио все больше начинает вещать, а телевидение показывать в Интернете.

Своеобразным ускорителем этих процессов стали социальные сети, которые вовлекли в процессы журналистского творчества массу неподготовленных для этой деятельности людей. Развиваясь параллельно с блогосферой («Живой Журнал» и др.), они способствуют увеличению общего числа текстов, составляющих международное информационно-коммуникативное пространство. Исследователи рассматривают его как особую сферу речупотребления, у которой есть свои функциональные характеристики и особенности.

Более того, это позволило специалистам заговорить о появлении устно-письменного, или разговорно-письменного, языка. На это явление указывают многие исследователи, которые изучают языковое обеспечение средств массовой информации и происходящие в нем изменения. Прежде всего это работы А.Н. Васильевой, Т.Г. Добросклонской, В.Г. Костомарова, О.А. Лаптевой, Ю.В. Рождественского, Г.В. Степанова, Г.Я. Солганика, С.И. Сметаниной, Д.Н. Шмелева и др.

Эти процессы стали весьма ощутимы и в процессе подготовки специалистов, которые планируют связать свою судьбу с расширяющейся информационно-коммуникативной отраслью, постоянно порождающей новые узкие виды деятельности. Поэтому на факультете журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в рамках учебного курса было предпринято пилотное исследование. В нем приняли участие более 160 студентов вечернего и заочного отделения, многие из которых являются сотрудниками тех или иных СМИ или работают с ними на договорных усло-

виях. Его целью было выявить, насколько суть этих трансформационных процессов осознают сами студенты, которые, как видим, в большинстве своем уже имеют временные или постоянные взаимоотношения со СМИ и в определенной степени влияют на их язык.

При этом мы исходили из того, что появление на переломе столетий глобальной сети Интернет обусловило создание общего информационного поля, представленного совокупностью большого числа медийных потоков. Тексты прессы, радио, телевидения раньше являлись достаточно большой платформой существования объема речепользования. Журналистские тексты российских СМИ мы можем назвать основной формой существования современного языка. Сумма всех текстов современных медиа намного больше объема речи остальных сфер деятельности человека.

Следуя традиции и ментальности российского общества, массовая аудитория по-прежнему воспринимает речь, звучащую на радио, по телевидению, напечатанную в газете, как общепринятую норму. Тем самым языковые единицы журналистских текстов входят в широкое употребление и претендуют на статус «официально-правильного» языка. Поэтому вполне закономерно, что современные журналистские тексты служат своеобразной платформой для суждения о состоянии языка по той причине, что в них быстрее, чем в любых других текстах, отражаются и фиксируются все преобразования языковой действительности.

Базируясь на этих исходных позициях, мы рассматриваем современный язык СМИ в рамках данного исследования как совокупность всех текстов, которые производят и распространяют профессиональные журналисты; как устойчивую внутриязыковую систему со своими лингвостилистическими свойствами и признаками. Тем самым под языком СМИ мы понимаем особую систему знаков смешанного типа с определенным соположением вербальных, визуальных и аудитивных компонентов, обладающую отличительными свойствами для каждого из средств массовой информации: печати, радио, телевидения, сети Интернет [14].

При проведении данного пилотного исследования мы столкнулись с ситуацией, когда, мнению Б.В. Кривенко, «при обращении к специфике использования языка в текстах массовой информации исследователь сталкивается с взаимодействием двух систем: естественной системы, которой является человеческий язык, и искусственной системы средств массовой информации, созданной человеком с использованием различных технологий» [19. С. 7].

Студентам было предложено выбрать из своих реальных текстов, которые уже ими обнародованы в социальных сетях или блогосфере, типичные для них посты. Для них сегодня это их естественная система, т.е. язык, которым они пользуются не только, когда пишут свои комментарии в сеть, но при общении. Следующим этапом работы был их анализ, при этом они в обязательном порядке знакомились с научной литературой. Параллельно, и это был третий этап исследования, они изучали газетные тексты, записи радио- и телевизионных программ, чтобы определить, насколько сказываются на журналистских текстах характерные изменения речепользования. То есть в их задачу входило определить, в чем суть искусственной системы средств массовой информации, которая сегодня активно создается, в том числе и ими, как пользователями сети, с использованием новых медийных технологий.

Анализ собранных студенческих работ показал, что все их авторы едины во мнении, что идет процесс активной трансформации языка под воздействием социальных сетей и блогосферы. При этом сами журналистские тексты, по мнению одного из них, «обладают удивительной "фотографичностью"», т.е. они фиксируют и передают реальное отражение фактов языка. В связи с

этим трудно переоценить важность таких исследований, которое мы проводим, так как нам самим очень важно, что происходит с нашим языком»¹.

Оценивая воздействие виртуальных ресурсов на языковые изменения, студенты в своих работах также выделили интерлингвистический и интралингвистический уровни анализа языка как сетевых, так журналистских текстов. Очевидно, что авторы первых в большей степени – любители, вторых – профессионалы. Это достаточно значимый вывод, к которому они пришли в своей массе, тем более, что именно на эти уровни анализа указывают многие ученые, в том числе и Т.Г. Добросклонская в своей книге «Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь» [11].

Если следовать этому подходу, интерлингвистический уровень анализа текстов является межъязыковым уровнем. На этом уровне студенты исследовали взаимовлияние различных языков, механизмы заимствований, формирования языковых калек. В большей степени они обращали внимание на подержанные иноязычному влиянию различные сферы речеупотребления.

Интралингвистический уровень анализа текстов является внутриязыковым уровнем. На этом уровне исследуют языковые процессы, проходящие в рамках одной лингвокультурной среды. В рамках настоящего исследования это больше относилось к третьему его этапу, когда рассматривались газетные публикации. Студенты обращали внимание на такие элементы, как утеря четкости стилиевых границ журналистских текстов, преобладание форм разговорного стиля в основном корпусе медиаречи, расширение круга расчлененных и сегментированных синтаксических построений, тиражирование ошибочного речеупотребления и стилистически неверной сочетаемости слов, снижение речевой нормы и др.

Анализируя языковые изменения современного пользовательского и журналистского текстов на интерлингвистическом уровне, многие авторы выполненных работ пришли к выводу, что глобализация информационно-коммуникативного пространства обусловила становление английского языка основным языком современных медиа. Так, Н.С. Заруцкая пишет: «Как в зарубежных, так и в российских СМИ мы можем наблюдать экспансию не только английской речи, но и англоязычных форматов медиа. Сегодня английский язык является международным языком в различных сферах экономики, бизнеса, дипломатии, политики, шоу-бизнеса, медицины и образования. Заимствования из других языков, чаще всего, обозначают предметы, наиболее развитые в той или иной национальной культуре или сфере деятельности»².

Выводы, к которым пришли студенты, подтверждаются авторами научных работ. Так, по их мнению, большая часть тезауруса, связанного с интернет-технологиями, глобальным пространством – это слова, заимствованные из английского языка. Примером тому могут служить следующие слова: *гаджет* (от англ. *gadget* – приспособление), *веб* (от англ. *web* – сеть), *пост/репост* (от англ. *post* – сообщение; *repost* – повторное сообщение), *лайк* (от английского *like* – нравиться) и др. [2. С. 26].

Студенты в своих работах пишут, что общее число англоязычных текстов, распространяемых каждый день по каналам СМИ, значительно превосходит число текстов на других языках. Это же отмечает и Т.Г. Добросклонская, которая утверждает, что «воздействие англо-американских массмедиа на российские СМИ заметно как на уровне формата и содержания, так и на уровне языка. Широкое распространение англоязычных образцов телевизионной и радиопродук-

¹ Архив автора.

² Архив автора.

ции, копирование формата и содержания, мощная волна англоязычных заимствований, имитация коммуникативно-вещательных стилей – все это характерные признаки современных российских медиатекстов» [11. С. 8–9].

Студенты также приводят примеры, когда лексический состав всех языков постоянно пополняется новыми словами и расширяется за счет использования как внутренних резервов языка, так и внешних резервов (к примеру, заимствования из других языков). При этом они ссылаются на «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, которая дает следующее определение заимствованию:

1) обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов;

2) слова, словообразовательные аффиксы и конструкции, вошедшие в данный язык в результате заимствования [4. С. 47].

По мнению авторов многих студенческих работ, одной из немаловажных причин, обуславливающих заимствование англоязычных слов, является необходимость передать набор дополнительных лингво-культурологических коннотаций, которые не могут быть переданы с помощью русского слова соответствующего значения.

Особенно это характерно для пользователей сети. Нередко употребление слов, заимствованных из английского языка, вызвано их стремлением создать более экономичную языковую форму, например, использование английского слова «online» вместо словосочетания «состояние подключения к Интернету».

Многие фразы и выражения, используемые в современной медиаречи и приводимые студентами в работах, являются языковыми кальками англоязычной радио- и телеречи. Так, часто употребляемая нашими телеведущими фраза «Оставайтесь с нами!» является дословным переводом распространенного на англоязычных каналах фразового клише «Stay with us!». Они также отмечают, что активностью пользователей сети можно объяснить появление моды на обращение к официальным лицам по имени с фамилией, без использования отчества. Это далеко не единственный пример, названный в студенческих работах. Он лишь подтверждает тенденцию преимущественного использования английского языка в современных сетевых и традиционных средствах массовой информации.

Также в условиях взаимодействия социальных сетей и непосредственно самих традиционных СМИ, обусловивших сближение различных типов текстов печатных изданий, радио-, телетекстов, текстов Интернет-изданий, обозначилась тенденция к стиранию четких стиливых границ как внутри самого корпуса медиаречи (пользователь – журналист), так и среди журналистских жанров и текстовых моделей. Этот интралингвистический уровень анализа текстов, который является внутриязыковым уровнем, был также четко обозначен в представленных студентами работах. На этом уровне они исследовали языковые процессы, проходящие в рамках одной лингвокультурной среды.

Изучение трудов российских исследователей корпуса медиаречи позволило выявить и объяснить тенденцию к стиранию четких стиливых границ динамичностью и высокой подвижностью жанрово-типологической парадигмы медиадискурса. По мнению студентов М.Ю. Мовчана, Д.В. Савиновой, А.И. Шумаковой и др., основные типы журналистских текстов находятся в постоянном взаимодействии и непосредственной близости в пространстве и во времени на одной цифровой платформе. Так, информационно-аналитические программы соседствуют с новостями и комментариями, прерываются рекламным и развлекательным компонентом. Подобное смешение обусловлено стремлением массовой коммуникации к привлечению самой широкой аудитории. Это, в свою

очередь, приводит к появлению совершенно новых жанрово-стилистических гибридов, к образованию новых текстовых «сверхмоделей». Примером тому может служить появление такого стиля преподнесения информации, как инфотейнмент, на который указали авторы в своих исследованиях.

Инфотейнмент (от англ. *information* и *entertainment* – информация и развлечение) – это «стиль преподнесения сообщения, когда серьезные события, действия или идеи подаются в развлекательной, непринужденной, легкой, даже ироничной форме или с оттенком развлекательности» [13. С. 131–133].

Тем самым инфотейнмент является не содержанием, а формой преподнесения информации. Для данного стиля характерна игровая форма, при которой журналист вовлекает своего читателя, слушателя и зрителя в процесс «игры». Инфотейнмент, использовавшийся изначально исключительно в развлекательно-рекреативной таблоидной журналистике, проникает сегодня и в качественную прессу. Как отмечает В.А. Евдокимов, «познавая этот симбиоз сообщения и шутки, аудитория в одних коммуникативных ситуациях узнает о чем-то новом, интересном или приподнимает завесу над каким-либо острым взаимодействием, а в других – получает суррогат журналистской мысли» [12. С. 214–219].

По мнению авторов студенческих работ, одной из причин контаминации журналистских жанров и монтажа текстовых моделей являются функционально-технологические особенности дискурсивных практик массмедиа. При этом они ссылаются на примеры, которые приводит в своих работах исследователь Т.Г. Добросклонская. Она называет процесс производства и распространения журналистских текстов, который включает в себя такие характерные техники, как чтение с бегущей строки, перевод первично устного текста (например, интервью или текст радиозэфира) в письменную форму публикации, «интеграцию речи спонтанной и речи подготовленной, смешение разговорных и книжно-письменных стилей» [11. С. 15].

Студенты, большинство которых является одновременно практикующими журналистами, особо обращают на это внимание и приводят конкретные примеры из своей каждодневной деятельности. Тем самым процесс контаминации журналистских жанров и текстовых моделей происходит на фоне формирования общего медиаязыка массовой коммуникации для всех типов текстов медиа.

На эту тенденцию указывает отечественный исследователь В.Г. Костомаров. Он характеризует современный язык массовой коммуникации как «оформляющийся новый тип функционально-стилевых единств, в которых идет процесс опробования возможных путей реализации общего конструктивного принципа, более активный и менее структурно и традиционно обоснованный, чем в сложившихся исторических стилях, и широко вовлекающий в сферу своего влияния внеязыковые технические возможности» [16].

В современном русском языке В.Г. Костомаров выделяет особый уровень функционально-стилевой дифференциации наряду с книжным и разговорным стилем: тип массово-коммуникативных стилей. Тем самым автор отмечает стирание четких границ жанров и указывает на формирование новой формы существования языка – разговорно-письменной.

Признание этого факта стало одним из результатов проведенного исследования. Анализ текстов студентов, которые они представили как свои посты в сетях, показал, что разговорно-письменный язык стал для них обыденным явлением. Сеть предоставила им возможность не только выразить свое «я», общаться с единомышленниками, но и получать необходимую информацию. Получив в свое распоряжение достаточно большое, причем постоянно растущее количество альтернативных коммуникативных возможностей, они стали отдавать предпочтение наиболее компактному, емкому и максимально визуализированному каналу информации. Автор одной из работ пишет: «Как следствие, в современ-

ном информационном обществе снижается потребление традиционных СМИ и растет доля потребления Интернет-СМИ. Я давно не читаю газет и журналов. Мои друзья тоже. Всю информацию берем из сети».

Сопоставление студенческих постов и газетных публикаций показало, что все больше число традиционных СМИ учитывает тот факт, что сегодня люди получают информацию «на лету», быстро и невнимательно читают тексты, слушают радионные и телевизионные новости, которые все больше становятся фоном при выполнении других дел. Радио, как правило, больше слушают в машине в дороге, телевидение смотрят, занимаясь домашними делами.

Поэтому они стараются подстраиваться под поверхностное восприятие информации, пишут тексты понятным читателю разговорным языком, максимально динамичным и демократичным, ориентированным на общеупотребительность. В данных условиях происходит процесс демократизации устной и письменной литературной речи, получает широкое распространение дестандартизация литературно-языковой нормы. Данный процесс находит отражение «на всех языковых уровнях, в том числе и синтаксическом, хотя синтаксис – это наиболее устойчивый ярус языковой системы» [15. С. 63].

В процессе исследования было собрано более трех тысяч студенческих текстов – постов в сети, которые можно считать достаточно репрезентативной эмпирической базой, подтверждающей теоретические постулаты В.Г. Костомарова. Исследователь ввел понятие демократизации и либерализации языковых норм русского языка, описал лингвистические процессы, затрагивающие народные уровни общенационального русского языка, такие как язык массовой коммуникации, письменный язык периодики. «В целом литературно-языковая норма становится менее определенной и обязательной; литературный стандарт становится менее стандартным» [17. С. 7].

Анализируемые тексты являются весомым аргументом, говорящим о том, что на фоне общей демократизации языка разрушается традиционная фразеология, отбрасываются правила стилистики языка, высказывается безразличие к нормам орфоэпии, правилам словоупотребления и сочетаемости слов. Всеми этими характеристиками обладают собранные материалы.

Более того, сетевой язык, на котором говорит студенческая аудитория – будущие и настоящие журналисты, практически совпадает с теми текстами, которые пишут газетчики и читают в эфире телерадиовещатели. Эта массовость ошибочного речепотребления в современных журналистских текстах говорит об общей нормативно-языковой недисциплинированности. В современных текстах можно встретить подчеркнутое, «карнавализованное» пренебрежение языковой нормой [18. С. 23–24].

Различные стилистические, лексические и морфологические ошибки являются следствием недостаточно серьезного отношения журналистов к ортологии; следует понимать, что обязательным условием создания качественных текстов является знание языковых стандартов и системы кодифицированных норм.

Однако состояние и движение современной языковой нормы определяются такими характерными свойствами массовой коммуникации, как многократное повторение, воспроизведение и огромный охват аудитории. О.А. Лаптева, говоря о взаимном влиянии средств массовой информации и языковых изменений, отмечает процесс разграничения языка СМИ и книжно-письменного типа русского литературного языка. «Происходит неконтролируемое смешение книжно-письменных и устно-разговорных речевых особенностей, что способствует общему снижению речевой культуры» [20. С. 3].

Анализируя тексты печатных СМИ, не следует забывать, что на страницах газет и раньше нередко использовались слова со словарными пометами

«жарг.», «разг.-сниж.», «простореч.», так как газетно-публицистический стиль речи подразумевает некую экспрессивность. Использование подобных слов может служить определенной художественной задаче автора, как то: речевая характеристика персонажа или передача местного колорита. Как отмечает А.Н. Васильева, основной причиной «активизации жаргонно-просторечной лексики в газете является ее яркая стилистическая маркированность» [7. С. 98].

Нарушение норм речеупотребления, или лексическая ошибка, не относится к общепризнанному ортологическому типу. Многие исследователи спорят о месте лексической ошибки в тексте; так Б.Н. Головин отмечает, что на лексическом уровне выбор слова «регулируется обычно не нормой, а целесообразностью – принципом, который действует достаточно мягко и вместе с тем требовательно, удовлетворяя нужды речевого общения» [10. С. 49].

Данное же исследование показало, что смещены пропорции в употреблении разговорного языка, когда не отдельные слова, а весь текст выражает экспрессивность. К этому призывают современные специалисты в области интернет-журналистики. Они дают следующие рекомендации по написанию текстов для онлайн-СМИ: «Бич текстов – чрезмерно длинные предложения. Вообще, чем длиннее фраза, тем больше вероятность, что с ней что-то не так. Делите длинные фразы на логически связанные части. Читатели просматривают предложения по диагонали, они читают новости на бегу» [1].

Другими словами, это означает: пишите эмоционально, экспрессивно, что в определенной степени скрывает непрофессионализм. Об этом говорит SMM-менеджер «Комсомольской правды» Виктория Бубнова: «Главной ошибкой при публикации новостных текстов в социальных сетях является неправильная подача материала. В официальной группе нашей газеты в социальных сетях мы не даем сами тексты – мы даем анонсы к ним. То есть если на нашем сайте есть хороший материал про добычу нефти, то в социальных сетях мы пишем "Наш корреспондент отправился в Челябинск, чтобы узнать про добычу нефти в регионе ... Читайте специальный проект на нашем сайте" – и ссылку даем. Текст в социальных сетях – это максимум три предложения, это обязательная ссылка на сайт и какое-то визуальное оформление. Здесь важно, чтобы в эти три предложения анонса был помещен главный смысл самой заметки, а также ответ на вопрос, почему человек должен эту заметку прочесть. У всех постов анонсы должны быть такими, чтобы захотелось перейти дальше, захотелось узнать больше. Интернет-СМИ не любят большие тексты, людям нельзя давать "много букв", поэтому даже если бы мы хотели давать каждую заметку в полном тексте, нам бы это ничего не принесло, разве что уменьшилось бы число подписчиков»¹.

Последующие этапы сопоставительного анализа студенческих постов и газетных публикаций показали, что явно выраженным признаком нового разговорно-письменного типа текста СМИ является смешение на коротких отрезках речи языковых единиц, принадлежащих подчеркнуто книжному стилю, и разговорно-просторечных оборотов. Явно под влиянием социальных сетей мы наблюдаем сочетание лексических единиц, «принципиально противопоставляемых в русском языковом сознании» [16].

Также характерной синтаксической особенностью современных журналистских текстов, которая свойственна большинству студенческих постов, является рематическая подача информации: все новое, важное располагается в начале предложения, а распространяющая и дополнительная информация – в конце. Таким образом, частое и не всегда мотивированное использование инверсии – один из признаков формирования нового типа речи. Используемая в современных как сетевых, так и журналистских текстах инверсия «от-

¹ Архив автора.

ражает изменение актуального членения предложения, когда семантически значимые его компоненты выдвигаются в актуальные позиции, нарушая классическое синтаксическое построение» [8].

Обращение к инверсии весьма мотивировано как пользователями, так и журналистами. Она помогает им эмоционально выделить элементы высказывания, акцентирует внимание своей аудитории, будь то сетевое сообщество или читатели газеты, на ремее сообщения, способствует эмфатическому выявлению сути. Являясь эффективным средством смысловой и интонационной акцентуации, рематическая подача информации «служит средством логического выделения инвертируемого элемента» [9].

Говоря о влиянии социальных сетей и блогосферы на журналистские тексты, нельзя не отметить еще одну характерную черту, на которую обратили внимание студенты в своих работах. Это же подтвердил и сопоставительный анализ непосредственно сетевых и журналистских текстов. Речь идет о том, что сегодня в традиционных СМИ все чаще стали появляться материалы, которые передают реальные события через призму субъективного авторского восприятия.

Поэтому новый разговорно-письменный тип речи предполагает частотное использование оценочных вводных конструкций, выражающих авторское отношение к объекту сообщения. Подобная форма подачи материала ориентирована на установление непосредственного контакта с читателем, на непринужденный взаимонаправленный диалог с аудиторией.

Она явно взята на вооружение благодаря анализу сетевого общения. Тем самым в журналистских текстах используются также диалогические конструкции, вопросно-ответное оформление сообщения. Очевидно, что повторить общение в стиле онлайн традиционным изданиям вряд ли удастся, но имитация живого общения вполне реальна. По сути, это и является целью использования данных форм общения с читателем, позаимствованных из виртуального пространства. Как отмечает Л.Г. Антонова, в последнее время в средствах массовой информации «наметилась тенденция интимизации отношений между автором и читателем в рамках публичного высказывания» [3].

Таким образом, предпринятое пилотное исследование показало, что новое поколение журналистов, которое сегодня приходит в редакции как традиционных, так и новых медиа, четко осознает, что идет необратимый процесс трансформации языка под влиянием Интернета. Собранный участниками исследования эмпирический материал, который состоял из студенческих постов в сети и текстов газет, журналов, радио и телепрограмм, показал, что это взаимовлияние уже очевидно. Оно идет на интерлингвистическом, или межъязыковом, и интралингвистическом, или внутриязыковом, уровнях.

Исследование на интерлингвистическом уровне показало, что активно идет процесс взаимовлияния различных языков, совершенствуются механизмы заимствований, формирования языковых калек. К тому же расширяется сфера речеупотребления, которая подвергается иноязычному влиянию. Прежде всего, речь идет об английском языке, который практически стал основным языком современных медиа. Подтверждением тому является общее число англоязычных текстов, распространяемых каждый день по каналам СМИ, которые существенно превосходят число текстов на других языках.

На основании анализа непосредственно сетевых и журналистских текстов можно утверждать, что заимствование предполагает:

- обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов;
- использование слов, словообразовательных аффиксов и конструкций, вошедших в данный язык в результате заимствования.

Сопоставительный анализ студенческих постов и журналистских текстов на интралингвистическом, или внутриязыковом, уровне позволяет назвать следующие изменения:

- контаминация жанров, монтаж текстовых моделей;
- демократизация устной и письменной литературной речи; дестандартизация литературно-языковой нормы;
- оформление нового, разговорно-письменного, типа речи.

Таковы результаты пилотного исследования, в котором участвовали студенты. Но, пожалуй, главный результат – они не безучастны к тому, что происходит с их родным языком. Они пытаются понять, каким должен быть родной язык, чтобы на нем было сохранено культурное наследие нашего народа. Впрочем, в основе его и лежит устно-письменное слово летописей и писем на бересте. Очевидно, что это не случайное совпадение, когда на ином технологическом уровне общество приходит к необходимости говорить и фиксировать это говорение, т.е. писать.

Литература

1. Амзин А. Новостная интернет-журналистика [Электронный ресурс]. URL: amzin.livejournal.com (дата обращения: 27.03.2016).
2. Анашина Н.Д. Современный словарь моих первых иностранных слов русского языка. М.: АСТ, 2015.
3. Антонова Л.Г. Медiateксты в современной массовой коммуникации // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2, т. 1.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966.
5. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
6. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003.
7. Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи. М.: Рус. яз., 1982.
8. Вепрева И.Т., Купина Н.А., Матвеева Т.В., Михайлова О.А. Отступление от норм русского литературного языка в средствах массовой информации Уральского федерального округа // Современная русская речь: состояние и функционирование: сб. аналит. материалов. СПб.: МИРС, 2008.
9. Глазкова М.Ю. Экспрессивный синтаксис в современной публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д., 2010.
10. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высш. шк., 1988.
11. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта; Наука, 2008.
12. Евдокимов В.А. Инфотеймент в масс-медиа: панацея от скуки и эрзац дискуссии // Наука о человеке: гуманитарные знания. 2010. № 5.
13. Жуков А.С. Тексты в формате инфотеймента в прессе // Молодой ученый. 2014. № 4.
14. Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика. М.: Юнити-Дана, 2005.
15. Корнилова Л.Н. Синтаксические особенности медиатекста как продукта конвергентной журналистики // Медиатекст как целевой элемент журналистского образования в условиях конвергенции СМИ / под ред. Л.П. Шестеркиной. Челябинск: РЕКПОЛ, 2013.
16. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.
17. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999.
18. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Карнавализация как характеристика современного состояния русского языка: лингвометодический аспект // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. Ч. 1.
19. Кривенко Б.В. Язык массовой коммуникации. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993.
20. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

КОХАНОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва (L_Kokhanova@mail.ru).

ГОЛОВКО СЕРГЕЙ БОРИЗЬЕВИЧ – кандидат филологических наук, профессор кафедры журналистики, Академия медиаиндустрии, Россия, Москва (sgolovko@inbox.ru).

ГОРБАЧЕВА НИНА ДМИТРИЕВНА – старший редактор редакции Lingua, Издательство АСТ, Россия, Москва (pishitemne-skoree@yandex.ru).

L. KOKHANOVA, S. GOLOVKO, N. GORBACHEVA

TRANSFORMATION OF THE LANGUAGE OF MODERN MEDIA UNDER INFLUENCE OF THE INTERNET

Key words: mass media, journalism, traditional media, new media, social networks, blogosphere, Internet, text, language, speech, spoken and written speech.

The present article describes the results of a pilot study undertaken at the Faculty of Journalism of M.V. Lomonosov Moscow State University as part of the training course. It describes the stages of the research, which involved acquisition of student posts from social networks as well as newspaper articles, recordings of radio and television programs, allowing to determine to what extent characteristic changes in the use of speech effect journalistic texts. In addition, the article includes the results of a comparative analysis of network and journalistic texts on interlinguistic or interlingual and intralinguistic or intralingual levels. The main features of these changes in journalistic texts influenced by the Internet are identified. Characteristics of the new colloquial-written type of speech, which is used by both network users and journalists are revealed.

References

1. Amzin A. *Novostrnaya internet-zhurnalistsika* [Online news journalism]. Available at: amzin.livejournal.com.
2. Anashina N.D. *Sovremenniy slovar' moikh pervykh inostrannykh slov russkogo yazyka* [Modern dictionary of my first foreign words in Russian language]. Moscow, AST Publ., 2015.
3. Antonova L.G. *Mediateksty v sovremennoy massovoy kommunikatsii* [Media Texts in Modern Mass Communication]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2011, no. 2, vol. 1.
4. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Glossary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966.
5. Baranov A.N. *Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001.
6. Valgina N.S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active processes in modern Russian language]. Moscow, Logos Publ., 2003.
7. Vasil'eva A.N. *Gazetno-publitsisticheskii stil' rechi* [Newspaper-journalistic style of speech]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1982.
8. Vepreva I.T., Kupina N.A., Matveeva T.V., Mikhailova O.A. *Otstuplenie ot norm russkogo literaturnogo yazyka v sredstvakh massovoy informatsii Ural'skogo federal'nogo okruga* [Derogation from the rules of the Russian literary language in the media of the Ural Federal District]. In: *Sovremennaya russkaya rech': sostoyanie i funktsionirovanie: sb. analit. materialov* [Modern Russian speech: condition and operation: Compendium of analytical materials]. St. Petersburg, MIRS Publ., 2008.
9. Glazkova M.Yu. *Ekspressivnyy sintaksis v sovremennoy publitsistike: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Expressive syntax in modern journalism. Diss. Abstract]. Rostov na Donu, 2010.
10. Golovin B.N. *Osnovy kul'tury rechi* [Fundamentals of speech culture]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988.
11. Dobrosklonskaya T.G. *Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliiskaya mediarech'* [Medialinguistics: a systematic approach to language learning MEDIA: contemporary English mediarech']. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2008.
12. Evdokimov V.A. *Infoteiment v mass-media: panatseya ot skuki i erzats diskussii* [Infotainment in the mass media: a panacea for boredom and faux discussion]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye znaniya*, 2010, no. 5.
13. Zhukov A.S. *Teksty v formate infoteimenta v presse* [Infotainment format texts in the press]. *Molodoi uchenyi*, 2014, no. 4.
14. Kalmykov A.A., Kokhanova L.A. *Internet-zhurnalistsika* [Online Journalism]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2005.
15. Komilova L.N. *Sintaksicheskie osobennosti mediateksta kak produkta konvergentnoi zhurnalistsiki* [Syntactic features mediateksta as the product of convergent journalism]. In: Shesterkina L.P., ed. *Mediatekst kak tselevoi element zhurnalistskogo obrazovaniya v usloviyakh konvergensii SMI* [Mediatext as the target element of journalistic education in media convergence]. Chelyabinsk, REKPOL Publ., 2013.
16. Kostomarov V.G. *Russkii yazyk na gazetnoi polose* [Russian language newspaper strip]. Moscow, Moscow University Publ., 1971.
17. Kostomarov V.G. *Yazykovoi vkus epokhi. Iz nablyudenii nad rechevoi praktikoi mass-media. 3-e izd., ispr. i dop.* [Language taste era. From observations over speech practice of mass-media. 3rd ed.]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999.
18. Kostomarov V.G., Burvikova N.D. *Karnavalizatsiya kak kharakteristika sovremennogo sostoyaniya russkogo yazyka: lingvometodicheskii aspekt* [Carnivalization as characteristic of the current status of the Russian language: linguistic and methodological aspects]. *Funktsional'naya semantika*

yazyka, semiotika znakovykh sistem i metody ikh izucheniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf.: v 2 ch. [Proc. of Int. Sci. Conf. «Functional language semantics, semiotics sign systems and methods of their study». 2 parts]. Moscow, 1997, part 1.

19. Krivenko B.V. *Yazyk massovoi kommunikatsii* [Language of mass communication]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1993.

20. Lapteva O.A. *Zhivaya russkaya rech' s teleekrana* [Live Russian speech with TV]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001.

KOKHANOVA LYUDMILA – Doctor of Philological Sciences, Professor of Journalism Department, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow (L_Kokhanova@mail.ru).

GOLOVKO SERGIY – Candidate of Philological Sciences, Professor of Journalism Department, Academy of Media Industry, Russia, Moscow (sgolovko@inbox.ru).

GORBACHEVA NINA – Senior Editor Editorial Publishing Lingua, AST Publishing, Russia, Moscow (pishitemne-skoree@yandex.ru).

Ссылка на статью: Коханова Л.А., Головки С.Б., Горбачева Н.Д. Трансформация языка современных СМИ под влиянием Интернета // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 236–246.

УДК 070.41
ББК Ш12=411.2*515

А.А. ЛЕБЕДЕВ

СЕМАНТИКА КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ» В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ КАНАЛА «ЗВЕЗДА»

Ключевые слова: новости, патриотизм, концепт, лексика, семантика.

В статье речь идет о специфическом наборе средств речевого воздействия, где упомянутый жанр и тематическое содержание являются ведущими. Изучаемый концепт «патриотизм» может быть представлен разнообразными языковыми средствами, в число которых могут и не входить те частотные лексические единицы, которые зафиксированы в предлагаемом тезаурусе лексических репрезентантов патриотизма. Представленный материал позволяет также увидеть журналистский потенциал лексико-семантической специфики реализации концепта «патриотизм» в рамках государственного патриотического телевизионного вещания.

В ранее проведенном автором исследовании «Контентообразование и лексико-семантическая специфика реализации концепта «патриотизм» в рамках государственного патриотического новостного телевизионного вещания (на примере телеканала «Звезда»)» было отмечено, что «научная интерпретация специфики отбора и организации речевых и языковых средств новостных информационных сообщений строится на особом сочетании информационной функции и функции языкового воздействия. С этой точки зрения новость, транслируемая телеканалом «Звезда», отвечает основным дифференциальным признакам речевого жанра и занимает свое собственное положение в жанровой структуре СМИ» [4].

Обозначенный в рамках патриотического канала формат обуславливает вынесение на первый план функции языкового воздействия, так как обозначение процесса языкового воздействия на общественное сознание определяется его целью и мотивом, а также организационными аудиторными компонентами.

Поэтому совершенно естественно предположить, что в массиве теленовостей канала «Звезда», определяемых как дискурсивное пространство, репрезентируются базовые когнитивные слои концепта «патриотизм», «коррелирующие, – как отмечает один из исследователей лексико-семантической репрезентации патриотизма Е.Г. Малышева, – с дифференциальными семантиками значения лексемы патриотизм, которая является вербальным маркером данного феномена» [6]. Кроме того, нужно заметить, что языковое наполнение концепта отличается не только большой частотностью, но и достаточной сложностью определения границ его семантического поля.

Так, большинство исследователей среди оценочных смыслов-реакций на слово «патриотизм» считают когнитивный аспект восприятия (патриотизм: *Россия, флаг, гимн, партия*). «Однако, – отмечают другие, – анализ ассоциатов позволяет обнаружить и парадигматические связи (патриотизм: *любовь к Родине, преданность, верность, дело отцов, гордость, мужество, защита Отечества*)» [1]. Например, стимул Россия на ассоциативно-вербальном уровне вызывает не только положительные (*патриотизм, где тебе хорошо, большая, родная, великая, держава, благодать, верность, мужество, гордость, преданность*), но и отрицательные реакции (*кризис, бюрократия, безработица, водка др.*). Ассоциаты выражают не только представление о современном состоянии страны (*демократия, Путин, Олимпиада в Сочи,*

президент, кризис и др.), но и фоновые исторические знания (Россия – Москва, Кремль, великая страна, родной край и др.).

Новостной массив канала «Звезда», исследуемый нами за последние семь лет (3500 новостей), помимо военной тематики отражает и разнообразную событийную картину. Анализ ее, а также объективация в новостных «дискурсах» репрезентирует наши ментальные особенности, наши представления о "своих" и "чужих", о патриотизме, о национальном характере, о базовых идеологических и политических ценностях» [1].

Логично предположить, что «концентрированное» отображение экспликации «патриотизм» наблюдается в новостных блоках, когда в стране проходят значимые мероприятия, как, например, Олимпиада в Сочи и другие подобного уровня события. В представленной ниже табл. 1 отражен формально-функциональный тезаурус лексических репрезентантов концепта «патриотизм», часть которого содержит когнитивные доминанты концепта, полученного в результате исследования журналистского спортивного дискурса Е.Г. Малышевой, детально проанализировавшей ранее лексико-семантическое своеобразие экспликации доминант спортивного дискурса – лингвокультурологической идеи «патриотизм» [5].

Отметим еще раз: изучаемый концепт может быть представлен разнообразными языковыми средствами, в число которых могут и не входить те частотные лексические единицы, которые зафиксированы в предлагаемом тезаурусе лексических репрезентантов патриотизма.

Таблица 1

**Тезаурус лексических репрезентантов
концепта «патриотизм»**

I. Формально-функциональный тезаурус	
1. Номинативы:	
1.1. Наименование субъектов, непосредственно связанных с семантикой концепта: <i>мы, нам, нас, наш (-и, -а), русский, российский, россиянин (-е), россиянка, патриот (вид спорта), соотечественник.</i>	
11.02.2014	Российские фигуристы Татьяна Волосожар и Максим Траньков стали лидерами в короткой программе Наши фигуристы Татьяна Волосожар и Максим Траньков установили мировой рекорд по количеству баллов в короткой программе и расположились на первом месте по итогам короткой программы в соревнованиях спортивных пар на играх в Сочи.
21.02.2013	Российский лыжник Никита Крюков завоевал «золото» в спринте на чемпионате мира в Италии Россиянин Никита Крюков выиграл золотую медаль в спринте классическим стилем на ЧМ по лыжным видам спорта в Италии. В финале он показал время 3 минуты 30,4 секунды. Крюков опередил норвежца Петтера Нортуга и канадца Алекса Харви.
1.2. Наименование объектов, непосредственно связанных с семантикой концепта: <i>Россия, отчизна, Родина, страна (наша), родной край</i>	
28.07.2011	В Киеве, Москве и Минске отмечают День крещения Руси В столицах России , Украины и Белоруссии сегодня отмечают День крещения Руси. Основные торжества пройдут в Киеве – первом русском городе, принявшем христианство. Произошло это в 988 году. Инициатором новой религии стал князь Владимир Святославович.
30.12.2014	Россия стала первой по количеству выведенных на орбиту космических аппаратов в 2014 году По количеству космических пусков Россия в 2014 году осталась на первом месте в мире, всего было осуществлено 38 стартов.
1.3. Наименование атрибутов, непосредственно связанных с семантикой концепта: <i>Гимн (государства России), флаг (российский, страны), герб</i>	
05.02.2014	Бобслеист Александр Зубков будет знаменосцем сборной России на открытии Игр-2014 Флаг России на церемонии открытия Олимпийских игр в Сочи понесет Александр Зубков. Известный бобслеист является двукратным призером Олимпийских игр. Также спортсмен завоевал 6 медалей чемпионата мира.

Продолжение табл. 1

1.4. Абстрактные наименования с семантикой качества, свойства, непосредственно связанных с семантикой концепта: патриотизм	
26.02.2011	Спутник «Глонасс-К» успешно выведен на орбиту Новейший спутник «Глонасс-К» успешно выведен на орбиту. Теперь навигационная спутниковая система будет посылать на Землю еще более точный сигнал. С его помощью можно будет вычислить координаты любого объекта с точностью до шести метров.
09.01.2015	Ракетный щит России усилится в 2015 году Ракетный щит России усилится еще двумя бригадами «Искандеров-М». Периметр страны будут защищать семь ракетных комплексов. Как сообщил главком Сухопутных войск генерал-полковник Олег Салюков, пополнение произойдет уже до конца нынешнего года.
2. Атрибутивы, непосредственно связанные с семантикой концепта: Наш, национальный герой, отечественный (спорт, продукт), российский (триумф, победа), родной, свой, советский (спорт, традиция).	
II. Функциональный тезаурус	
1. Номинативы	
1.1. Наименование субъектов, опосредованно связанных с семантикой концепта: атлет (наш), болельщик (наш, российский, русский), игрок (российский), команда (наша), надежда (главная, наша, российская), президент (наш), народ (наш), сектор (наш), спортсмен (наш, русский), тренер (наш)	
29.12.2014	Человеком года, по мнению большинства россиян, стал Владимир Путин Владимир Путин стал лидером рейтинга, который опубликовал «Левада-Центр» после проведения всероссийского опроса. Второе место в чарте у министра обороны РФ Сергея Шойгу. На третьем – глава МИД Сергей Лавров. Женщиной года стала Валентина Матвиенко.
28.12.2014	Американцы признали Марию Шарапову спортсменкой года Россиянка Мария Шарапова признана лучшей спортсменкой 2014 года по версии Американской академии спорта.
1.2. Наименование объектов, опосредованно связанных с семантикой концепта: дисциплина (наша, российская), спорт (наш российский, советский), футбол, хоккей, лыжи и др. (наш, российский, советский)	
19.02.2014	Российский сноубордист Виктор Уайлд завоевал «золото» в параллельном гигантском слаломе Российский сноубордист Виктор Уайлд завоевал «золото» Игр-2014 в параллельном гигантском слаломе. Это первое в истории России золото Олимпиады в сноуборде.
23.02.2014	Все билеты на церемонию закрытия Зимних Игр, которая состоится в Сочи 23 февраля, распроданы Церемония закрытия Зимних Игр 2014 года состоится 23 февраля, на стадионе «Фишт» в 20.00 Сочи. Шоу обещает быть не менее захватывающим, чем открытие. Все билеты на стадион «Фишт» уже распроданы.
1.3. Наименования абстрактных реалий и номинации с семантикой качества, свойства, опосредованно связанных с семантикой концепта	
1.3.1. Абстрактные наименования с положительным прагматическим компонентом в значении, опосредованно связанные с семантикой концепта: вера, восторг, восхищение, гордость (национальная, за страну, за спортсменов), душа (патриота, России), надежда, наследие, подъем (патриотический), традиция, триумф	
09.12.2014	ПРОРЫВ РОССИИ: Америка в шоке от новой системы противоракетной обороны Россия создает новую систему противоракетной обороны. Ее черты похожи на американскую систему противоракетной обороны THAAD, которая позволяет решать задачи по перехвату баллистических ракет средней дальности и в то же время будет абсолютно уникальной.
24.03.2014	Путин вручил государственные награды организаторам Олимпийских игр. ВИДЕО Президент передал слова благодарности всем, кто принимал участие в подготовке, организации и проведении Олимпиады и Паралимпиады в Сочи. "Мы вместе проделали огромный путь, большую созидательную работу", – отметил он в своей поздравительной речи.
13.01.2015	«Криптон» и «Москит»: «солнечный ожог» для американского флота Российские крылатые ракеты – одни из самых опасных средств поражения в мире. В 2015 году на вооружение Вооруженных Сил РФ поступит более десяти модернизированных и новых образцов противокорабельных и противолокационных ракет Х-31
1.3.2. Абстрактные наименования с отрицательным прагматическим компонентом в значении, опосредованно связанные с семантикой концепта: бизнес, горечь, измена (Родине), разочарование, тревога, угар (патриотический)	
09.08.2011	Верховный суд подтвердил законность приговора бывшему разведчику Потееву Приговор изменнику Родине останется без изменений — Верховный суд сегодня отказался смягчить наказание бывшему полковнику Службы внешней разведки Александру Потееву. Его обвиняют в выдаче США российских сотрудников спецслужб. Потеев заочно осужден на 25 лет.

Продолжение табл. 1

28.07.2015	Преподавателя Бауманки обвинили в госизмене – СМИ Преподавателя МГТУ имени Баумана и главу одного из научных центров «ЦНИИмаш» Владимира Лапыгина обвинили в государственной измене . Как сообщает «Интерфакс», 75-летнего ученого обвиняют в передаче секретной информации.
1.3.3.	Абстрактные наименования безоценочные и/или с концептуально зависимым прагматическим компонентом, опосредованно связанные с семантикой концепта: вопрос (патриотизма, национальной гордости, интересов), гамма (эмоций), отношение (к стране), чувство (обиды, счастья, тревоги, патриотическое)
30.01.2015	Задача не допустить военного превосходства над РФ будет выполнена – Шойгу В связи со складывающейся вокруг России военно-политической обстановкой военное ведомство усилит группировки войск и сил на стратегических направлениях, заявил министр обороны России Сергей Шойгу.
02.01.2015	Убойная десятка: новинки российской армии 2014 года В 2014 году в российскую армию поступило более восьми тысяч новых образцов вооружения и военной техники. По данным Министерства обороны, объемы поставок вооружения выросли на 30-40 % по сравнению с прошлым годом. Современные самолеты и ракеты, системы ПВО и боевые машины десанта в «убойной десятке»-2014 от телеканала «Звезда».
26.02.2015	Песков назвал требования для возвращения доверия к Западу Отношения между Россией и Западом могут восстановиться только в случае уважения национальных интересов РФ. Об этом заявил пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков в интервью телеканалу CNN.
2. Атрибутивы	
2.1.	Атрибутивы с положительным прагматическим компонентом в значении, опосредованно связанные с семантикой концепта: бурный (чувство, восторг), великий, восторженный (крик), главный (надежда), любимый (страна, Россия), настоящий (идеал), невыдуманный (герой), славный, такой, теплый (о патриотических чувствах), лучший
31.05.2015	«Тайфун» показал свои запредельные возможности в Алабине На стрелковом полигоне в Алабине тяжелый «Тайфун» демонстрирует свои практически запредельные возможности. И это лишь репетиция международного форума «Армия-2015». Броня «Тайфуна» выдерживает попадание из крупнокалиберного пулемета. Система подкачки шин позволяет двигаться, даже если в каждом колесе по 14 пробоев.
20.05.2015	Крепость по имени Крым: чем полуостров ответит врагу На сегодняшний день Крым – одна из самых защищенных российских территорий. Границы полуострова надежно охраняет мощнейшая и хорошо вооруженная группировка, по размерам и составу сопоставимая с общевойсковой армией.
14.05.2015	Ракета дальнего следования: на что способны «Ярс», «Воевода» и «Тополь» «Ну и дура!» – не с оскорбительной интонацией, а, напротив, с восторженным криком и с нескрываемым восхищением пронеслось по трибунам на Красной площади, когда из-за здания Исторического музея, встраиваясь в парадную колонну военной техники, выехала громадина установки ПГРК «Ярс».
2.2.	Атрибутивы с отрицательным прагматическим компонентом в значении, опосредованно связанные с семантикой концепта
22.05.2015	Сборную России по хоккею оштрафуют за игнорирование канадского гимна Федерация хоккея России с большой долей вероятности будет оштрафована за то, что российские хоккеисты после финала Чемпионата мира 2015 года покинули площадку до исполнения гимна Канады. Об этом заявил президент Международной федерации хоккея Рене Фазель.
3. Предикаты	
3.1.	Предикаты с семантикой «чувства, эмоции, переживания и их оценка», опосредованно связанные с содержанием концепта: болеть (за Россию, сборную), быть без ума от счастья, взорваться (ликованием), горд, гордиться, заставить (гордиться, похвалить, плакать), испытывать чувство гордости (за страну, за спортсмена), не оказал(ась) равных, не подражаем, нет равных, нет аналогов, поверить (в невероятное, в успех, в победу), подарить, пожалеть, плакать (от гордости, от счастья).
23.03.2015	Москва посоветовала Лондону «скушать Твикс» в ответ на требование вернуть Крым Председатель Комитета по международным делам Государственной Думы Алексей Пушков посоветовал Лондону «сделать паузу и скушать Твикс».
23.03.2015	Почему в России танки летают: новый Ка-52К способен потопить целую эскадру Российский ВМФ начал получать самые современные ударные вертолеты. Аналогов морского «Аллигатора» в мире нет: это летающий танк для спецопераций, способный потопить корабль.

Окончание табл. 1

09.03.2015	Российская «Армия-2015» потрясет мир: выставка, какой никогда не было С 16 по 19 июня 2015 года Минобороны России проводит не имеющий аналогов в мире Международный военно-технический форум «АРМИЯ-2015». Он состоится в специально строящемся для этого парке «Патриот» в подмосковной Кубинке.
18.06.2015	Почему американцы боятся «Инфауну»: оружие, «вырубающее» целый флот Новейший комплекс радиоэлектронной борьбы «Инфауна» подавляет средства связи и электронику любого противника, а также выводит из строя радиоуправляемые мины и высокоточное оружие.

Таким образом, табл. 1 показывает, что семантика концепта «патриотизм» в новостном дискурсе канала «Звезда» представлена прямо или метафорически сочетаниями лексем, которые находят себя чаще всего в военной и спортивной тематике.

С другой стороны, еще раз отметим сложность семантического поля выделенного концепта. Новостная тематика, раскрывающая информационное поле различных сфер общественной и международной жизни, в большей степени, чем другие жанровые формы, может и не содержать в своем составе лексем, непосредственно или опосредованно соотносимых с выделяемым концептом.

Тем не менее, как отмечают исследователи, и без лексических репрезентантов концепта можно передать патриотическое настроение и достигнуть перлокутивного эффекта благодаря доминирующей роли в новостном тексте концептуальной оппозиции «Свои – Чужие» (табл. 2), поскольку «роль архитипического противопоставления «своего» и «чужого» по-прежнему чрезвычайно велика, что находит отражение в фактах языка и речи, и вообще «противопоставление своего и чужого универсально» [2. С. 69].

Таблица 2

Смыслообразующие компоненты информации

17.04.2015	Организаторы убийств журналистов и политиков в Киеве выдали сами себя Запрещенная в России организация «Украинская повстанческая армия» взяла на себя ответственность за серию убийств журналистов и политиков в Киеве. Об этом сообщил украинский политолог Владимир Фесенко. По его словам, письмо с признанием от экстремистов пришло к нему на электронную почту. Цитату из заявления Фесенко приводит на своей странице в Фейсбуке. «В подтверждение того, что именно наши бойцы провели эти покушения, приводим факт, неизвестный общественности: Калашников был ликвидирован оружием калибра 7.65x17 и 9x18, сам он также успел сделать выстрел из своего оружия. Мы разворачиваем повстанческую борьбу против антиукраинского режима предателей и московских холуев. И с этого времени будем разговаривать с ними только языком оружия до полного их уничтожения». Следствие по делу об убийствах экс-депутата от Партии регионов Олега Калашникова и журналиста Олеся Бузины проверяет подлинность этого заявления. Ранее советник главы МВД Антон Геращенко подтвердил, что главной версией преступлений является общественно-политическая деятельность погибших. И заявил, что за убийствами могут стоять одни и те же люди.
22.12.2014	Порошенко поблагодарил США за введение экономической блокады Крыма В частности, президент Украины приветствовал введение дополнительных ограничений на торговлю и инвестиции с организациями в Крыму и подписание президентом США акта «О поддержке свободы на Украине».
30.06.2015	Украина приостанавливает закупку российского газа Украинский «Нафтогаз» приостанавливает закупку газа у «Газпрома» с 1 июля 2015 года до согласования условий поставки. Украинскую сторону не устраивает размер скидки, которая на третий квартал снижена со 100 до 40 долларов.

Так, приведенные примеры в табл. 2 из новостных блоков канала показывают, что изучаемый концепт может быть отражен языковыми средствами, которые и не содержат частотных лексических единиц, обозначенных в тезаурусе (табл. 1). По этому поводу Е.Г. Малышева пишет: «причины нам видятся в специфике содержания самого концепта, который относится к сфере

культурных и этнически значимых когнитивных феноменов, обладает чрезвычайно разветвленной и подвижной периферийной концептуальной зоной, не всегда отчетливо вербализованной» [5. С. 103]. О таких «духовных» феноменах другой исследователь Ю.С. Степанов размышляет как о концептах, для которых существует граница их познания и описания: «мы можем донести свое описание лишь до определенной черты, за которой лежит духовная реальность, которая не описывается, лишь переживается» [7. С. 83].

И нужно сказать, что в таких текстах журналист выражает чувства и эмоции по отношению к информационному сообщению и, прежде всего чувства патриотического наполнения. Более того, и что особенно важно, воздействие таких текстов на аудиторию в информационно-коммуникативных системах приносит положительный эффект, если когнитивная база адресантов «содержит необходимые сведения о соответствующем событии и о том, что ему предшествовало» [5. С. 103]. С другой стороны, человек руководствуется своими убеждениями и схемами установок, относящихся к СМИ, чтобы направлять восприятие и извлекать из своей памяти и знаний необходимые суждения о том, что изображено в событиях-новостях.

Достижению такой базы в основе своей и служат основные элементы государственных образовательных и информационных политик.

В части научного осмысления проблем развития информационно-коммуникативных систем профессор Е.Я. Дугин предлагает «следующую логическую схему: от анализа эволюции взглядов на текст и раскрытия особенностей формирования современных смыслов, заключенных в текстах массмедиа, через выявление существующей типологии коммуникативных систем к построению моделей текстов массовой коммуникации и типов изданий, соответствующих ценностным ориентациям, мотивациям и запросам современной аудитории» [3. С. 167].

Логика такой схемы уже сегодня просматривается в концепции развития государственного патриотического канала «Звезда» как нового формата электронных коммуникаций.

Литература

1. *Башиева С.К., Шогенова М.Ч.* Концепт «патриотизм» как фрагмент вербальной ассоциативно-семантической сети в организации языковой личности (результаты ассоциативного эксперимента) // Вестник Самарского университета. 2010. № 3(77). С. 107–112.
2. *Васильева Е.В.* Отражение архитипического противопоставления «Свое» – «Чужое» в языковых данных (на материале русского языка) // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы Междунар. конгресса исследователей русского языка / под общ. ред. М.Л. Ремневой и А.А. Поликарпова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
3. *Дугин Е.Я.* Телевидение в условиях мультимедийности. М.: Русника, 2010.
4. *Лебедев А.А.* Контентообразование и лексико-семантическая специфика реализации концепта «патриотизм» в рамках государственного патриотического новостного телевизионного вещания (на примере телеканала «Звезда») // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5, № 3. С. 396–408.
5. *Малышева Е.Г.* Лингвокогнитивная идея «патриотизм» в спортивном дискурсивном пространстве: особенности лексико-семантической реализации. Статья 2 // Вестник Омского университета. 2010. № 3. С. 98–104.
6. *Малышева Е.Г.* Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3907625.
7. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001.

A. LEBEDEV

SEMANTICS OF THE CONCEPT «PATRIOTISM» IN THE NEWS DISCOURSE OF THE CHANNEL «ZVEZDA»

Key words: news, patriotism, concept, vocabulary, semantics.

The article tells about specific tools of speech influence where the above-mentioned genre and thematic content are principal. The concept «patriotism» under study can be represented by various linguistic means which may not include those frequency lexical units that are fixed in the thesaurus of lexical representatives for patriotism. The presented material also allows to see the journalistic potential of lexical and semantic specificity of implementing the concept «patriotism» in the framework of the state patriotic TV broadcast.

References

1. Bashieva S.K., Shogenova M.Ch. *Kontsept «patriotizm» kak fragment verbal'noi assotsiativno-semanticeskoi seti v organizatsii yazykovoi lichnosti (rezul'taty assotsiativnogo eksperimenta)* [Concept «Patriotism» as the fragment of verbal associativesemantic network in the organization of a language personality (results of the associative experiment)]. *Vestnik Samarskogo universiteta*, 2010, no. 3(77), pp. 107–112.

2. Vasilieva E.V. *Otazhenie arkhaitipicheskogo protivopostavlenniya «Svoe» – «Chuzhoe» v yazykovykh dannyykh (na materiale russkogo yazyka)* [The report is devoted to reflection of an archaic opposition «belonging to one's own world» vs «belonging to alien world» in Russian]. Remneva M.L., Polikarpov A.A., eds. *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': trudy i materialy Mezhdunar. kongressa issledovatelei russkogo yazyka* [Proc. of Sci. Cong. «Russian language: its historical destiny and present state»]. Moscow, Moscow University Publ., 2001.

3. Dugin E.Ya. *Televidenie v usloviyakh multimedii* [TV in the context of multimedia]. Moscow, Rusnika Publ., 2010.

4. Lebedev A.A. *Kontentoobrazovanie i leksiko-semanticeskaya spetsifika realizatsii kontsepta «patriotizm» v ramkakh gosudarstvennogo patrioticheskogo novostnogo televizionnogo veshchaniya (na primere telekanala «Zvezda»)* [«Patriotism» concept realization: content formation, lexical and semantic specifics in the frame of the state patriotic news TV broadcasting (using the example of «Zvezda» Channel)]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2016, vol. 5, no. 3, pp. 396–408.

5. Malysheva E.G. *Lingvokognitivnaya ideya «patriotizm» v sportivnom diskursivnom prostanstve: osobennosti leksiko-semanticeskoi realizatsii. Stat'ya 2* [Lingua-cultural idea 'patriotism' in sports discursive space: peculiarities of lexical-semantic implementation. Article 2]. *Vestnik Omskogo univresiteta*, 2010, no. 3, pp. 98–104.

6. Malysheva E.G. *Russkii sportivnyi diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie* [Russian sports discourse: linguistic and cognitive research]. Available at: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3907625.

7. Stepanov Yu.S. *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury. 2-e izd., ispr. i dop.* [Constants: dictionary of Russian culture. 2nd ed.]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2001.

LEBEDEV ALEKANDR – Candidate of Philosophical Sciences, Doctoral Candidate, Academy of Media Industry, Russia, Moscow (captlebedev@rambler.ru).

Ссылка на статью: Лебедев А.А. Семантика концепта «патриотизм» в новостном дискурсе канала «Звезда» // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 247–253.

УДК 811.111'25:621
ББК Ш12=432.1*752:К4

Т.В. ЛЬВОВА, И.А. ГЕРДО

ПЕРЕВОД СУБСТАНТИВНЫХ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ НА ПРИМЕРЕ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ПО МАШИНОСТРОЕНИЮ

Ключевые слова: *субстантивные атрибутивные словосочетания, двухкомпонентные терминологические словосочетания, смысловые отношения, многокомпонентные словосочетания, способы перевода, идентифицирующий предикат, машиностроение.*

В статье рассматриваются субстантивные атрибутивные словосочетания английского языка, характерные для технических текстов по машиностроению. Субстантивные атрибутивные словосочетания, встречающиеся в текстах данного подъязыка, представляют собой терминологические словосочетания. Приводятся классификации семантических отношений между компонентами внутри словосочетания с указанием идентифицирующих предикатов, выявлены наиболее типичные виды смысловых отношений между компонентами субстантивных атрибутивных словосочетаний. Многокомпонентность субстантивных атрибутивных словосочетаний позволяет передать максимальное количество информации при минимальном использовании грамматических средств связи. Значение целого словосочетания определяется не только семантикой его компонентов, но и их положением по отношению друг к другу, последнее существительное в системе всегда идентифицируется как определяемое. Описываются основные способы перевода субстантивных атрибутивных словосочетаний и влияние расположения компонентов на семантику всего словосочетания.

В силу особенностей английского и русского языков, несовпадения лексико-грамматических структур, отражающих одни и те же понятия и смысловые связи, возникают определенные трудности для их понимания и перевода.

Отдельное внимание следует уделить тем языковым явлениям, которые не имеют структурно-семантических аналогов в русском языке, в частности атрибутивным словосочетаниям, в качестве зависимого компонента которых выступает существительное. Словосочетания такого рода определяются как субстантивные атрибутивные. Субстантивные атрибутивные словосочетания чрезвычайно привлекательны для исследования тем, что представляют собой случай, когда в качестве определения одной субстанции выступает другая. Такие словосочетания разнообразны и выражают различные оттенки смысловых отношений.

В данной статье мы рассмотрим особенности субстантивных атрибутивных словосочетаний на материале технических текстов по машиностроению, так как они не характерны для русского языка и представляют потенциальные трудности при переводе научно-технической литературы. В силу того, что научный стиль речи требует лаконичности, ясности, логической последовательности изложения, данные словосочетания, которые легко справляются с этой задачей, представляют собой наиболее распространённый тип соединений в технической литературе.

В современном английском языке определяют четыре базовые разновидности субстантивных атрибутивных словосочетаний:

- отсубстантивное прилагательное + существительное (an American citizen);
- существительное + существительное (defense pacts);
- существительное в притяжательном падеже + существительное в общем падеже (Isabelle's laughter);
- существительное + предлог + существительное (the track of a fox) [5].

На основе анализа научно-технической литературы по машиностроению можно сделать заключение, что субстантивные атрибутивные словосочетания типа: «существительное + существительное» (*assembly line, fatigue strength, composite material*) и «существительное + предлог + существительное» (*ways of*

treatment, coefficient of friction, level of sophistication, range of hardness) оказались самыми распространёнными. Реже употребляется конструкция «существительное в притяжательном падеже + существительное в общем падеже» (*person's control, products' performance*), а примеры конструкции «отсубстантивное прилагательное + существительное» выявлены не были.

Наиболее распространенными являются двухкомпонентные субстантивные атрибутивные словосочетания (*composite material; grain size; metal removal*), однако достаточно часто встречаются трехкомпонентные (*gypsum casting mould, impression die forging, powder metallurgy techniques, aluminium casting facilities, grain size reduction*), реже – четырехкомпонентные (*assembly chain tension adjuster* – устройство регулирования натяжения цепи, *copper-zinc-lead alloy*), пятикомпонентные (*automobile repair plant construction project*.) субстантивные словосочетания атрибутивного характера. Словосочетания, состоящие из большего количества компонентов, встречаются крайне редко (*steel pole-piece plus copper field coil* – медная катушка со стальным сердечником).

Многокомпонентные словосочетания позволяют передать максимальное количество информации при минимальном использовании грамматических средств связи. Однако многокомпонентность субстантивных атрибутивных словосочетаний вызывает трудности в установке смысловых отношений в рамках самого словосочетания и, следовательно, его понимания, хотя последнее существительное в системе всегда идентифицируется как определяемое. В каждом языке существуют установившиеся традиционные сочетания, которые не совпадают с соответствующим кругом сочетаний в другом языке. Чем шире семантический объем слова, тем шире его сочетаемость [4].

В современной лингвистике не существует единой классификации смысловых отношений, передаваемых такими словосочетаниями. Так, А. Нойберт выделяет 13 видов отношений, передаваемых в рамках двучленных атрибутивных словосочетаний: 1) отношения части и целого; 2) местоположения; 3) ссылка на материал, из которого изготовлен предмет; 4) темпоральные (временные) отношения; 5) отношения сравнения; 6) отношения цели, предназначения; 7) характеризующие отношения; 8) отношения принадлежности; 9) обозначение источника; 10) объектные; 11) субъектные; 12) указывающие на специфику; 13) идентифицирующие [6]. Е.В. Юрьева выделяет 16 типов, добавляя к перечню А. Нойберта инструментальное отношение, отношение «содержимое – контейнер» и отношение авторства [8], а в статье Ю.З. Васильевой, И.В. Шариповой [2] мы встречаем 14 типов смысловых отношений, возникающих между членами атрибутивных субстантивных словосочетаний:

- 1) *посессивные отношения* (идентифицирующий предикат – 'have');
- 2) *отношения 'часть – целое'* (идентифицирующий предикат – 'be part of');
- 3) *субъектные отношения* (идентифицирующий предикат – 'act');
- 4) *локативные отношения* (идентифицирующий предикат – 'be situated in/on/at/near');
- 5) *объектные отношения* (идентифицирующий предикат – 'be acted upon');
- 6) *темпоральные отношения* (идентифицирующий предикат – 'takeplace during / for');
- 7) *специфицирующие отношения* (идентифицирующий предикат – 'be type of');
- 8) *тематические отношения* (идентифицирующий предикат – 'be about, deal with');
- 9) *отношения предназначения* (идентифицирующий предикат – 'be for');

10) *композитивные отношения* (идентифицирующий предикат – 'be made of / with');

11) *компаративные отношения* (идентифицирующий предикат – 'be like, resemble');

12) *квантитативные отношения* (идентифицирующий предикат – 'indicate quantity of');

13) *результативные отношения* (идентифицирующий предикат – 'result in, lead to');

14) *идентифицирующие отношения* (элементарный предикат – 'identify as').

Анализ научно-технических статей по машиностроению выявил, что для текстов данного подъязыка наиболее характерны следующие типы смысловых отношений между компонентами субстантивного атрибутивного словосочетания: **предназначения** – *design office, assembly line, assembly fixture, fuel tank, production equipment, research lab, transport and storage system, tool bore, test equipment, thrust bearing, test conditions, fuel pump, service life, operation time, recrystallization temperature* [1]; **композитивные** – *sand mould, gypsum mould, iron billet, carbon steel ring, diamond wheelhead, alloy steel, metal powder, glass fiber cable, copper sulphide ores, iron part, plastic part, antimony impurities, composite materials*; **специфицирующие** – *steam engine, hardness value, moisture resistance, gas turbine, steam turbine, wear resistance, impact strength, tensile strength, fatigue strength, load stress, shock stress, carbon equivalent, assembly process, water resistance, oil lubrication*; **объектные** – *part design, material choice, metal removal, machine utilization, metal manufacture, faults detection, machinery application, metal extrusion, grain refinement, surface finish, strength test, noise reduction*. Реже встречаются **компаративные** – *starfish shape, sheet metal, sandwich panel, wing nut, pig iron, squirrel – cage motor, flake graphite, eye bolt, sun wheel, star wheel*; **посессивные** – *part configuration, grain size, material thickness, metal structure*; *часть целого* – *machine part, spindle nose, tool edge, engine cylinder, piston ring, machine bed*; **результативные** – *friction break, shrinkage porosity, design failure, test data, heat distortion, fatigue wear*; *субъектные* – *metal flow, designer failure, operator errors, metal fatigue, metal creep*. Практически отсутствуют **квантитативные** (*mass production*), а **темпоральные** и **тематические** смысловые отношения выявлены не были.

Тип смысловых связей влияет на способ перевода данных словосочетаний и помогает переводчику выбрать правильный вариант. Субстантивные атрибутивные словосочетания на русский язык можно перевести:

1) **прилагательным с существительным**: *alloy steel* – легированная сталь, *metal powder* – металлический порошок, *diamond wheelhead* – алмазный шлифовальный круг, *precision forging* – прецизионнаяковка, *fatigue wear* – усталостное изнашивание, *composite material* – композиционный материал, *steel sheet* – стальной лист, *thrust bearing* – упорный подшипник;

2) **существительным в родительном падеже**: *grain size* – размер зерна, *material thickness* – толщина материала, *machine part* – деталь машины, *spindle nose* – нос вала, *tool edge* – кромка инструмента, *metal flow* – поток металла, *design failure* – недочет конструкции, *operator errors* – ошибка оператора, *metal fatigue* – усталость металла, *part configuration* – форма детали, *machine utilization* – применение машин, *chip removal* – удаление стружки;

3) **существительным с предлогом**: *carbon steel ring* – кольцо из углеродистой стали, *tensile strength* – прочность на разрыв, *corrosion resistance* – устойчивость к коррозии, *machining allowance* – припуск на обработку, *flake-graphite iron* – чугун с чешуйчатым графитом;

4) **посредством новых слов (прием добавления)** *starfish shape* – форма в виде морской звезды, *friction break* – поломка, вызванная трением, *shrinkage porosity* – пористость, вызванная усадкой, *screw machining* – обработка на винторезном станке, *fatigue life* – наработка до усталостного разрушения. Прием лексического добавления – введение дополнительных слов при переводе – обусловлен различиями в структуре предложения, тем, что английским предложениям свойственна компрессия [4];

5) **перестановкой членов атрибутивной группы:** *battery-charging motor generators* – мотор-генераторы, подзаряжающие аккумуляторы.

Значение целого словосочетания определяется не только семантикой его компонентов, но и их положением по отношению друг к другу. Два идентичных по составу словосочетания изменяют свое значение в случае перестановки составляющих их компонентов, но при этом основным компонентом словосочетания неизменно остается последний. Влияние расположения компонентов на семантику всего словосочетания прослеживается в следующих примерах: *fiber composite* (волоконный композит) – *composite fiber* (композитное волокно); *production technology* (технология производства) – *technology production* (производство технологий), *powder metal* (порошковый металл) – *metal powder* (металлический порошок).

Именно субстантивные атрибутивные словосочетания в современном техническом английском языке представляют собой удобное и экономное средство выражения содержания, так как позволяют в компрессированном виде сообщить развернутую информацию [3].

Проведенный нами анализ текстов по машиностроению показал, что большое количество субстантивных атрибутивных словосочетаний представляют собой терминологические словосочетания. При этом наиболее продуктивной моделью являются двухкомпонентные терминологические словосочетания, которые составляют около 40% от общего числа терминологических исследуемых словосочетаний.

Литература

1. Бгашев В.Н., Долматовская Е.Ю. Английский язык для студентов машиностроительных специальностей. М.: Астрель-Аст, 2003. 380 с.
2. Васильева Ю.З., Шаралова И.В. Важность навыка перевода атрибутивных групп для переводчика научно-технической литературы // Лингвистические и культурологические традиции и инновации: сб. материалов XIV Междунар. науч.-практ. конф. Томск: Изд-во ТПУ, 2014. С. 60–66.
3. Дроздов А.М. Многокомпонентные субстантивные словосочетания как проявление тенденции языковой экономии в современном английском языке // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. Вып. 50. С. 154–158.
4. Львова Т.В., Гердо И.А. Виды лексических трансформаций при переводе технических текстов по машиностроению // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. Вып. 3. С. 213–217.
5. Мисуно Е.А., Шаблыгина И.В. Перевод с английского языка на русский язык. Минск: Аверсэв, 2009. 255 с.
6. Пронина Р.Ф. Перевод английской научно-технической литературы. М.: Высш. шк., 1986. 175 с.
7. Юрьева Е.В. Английские субстантивно-субстантивные словосочетания в стилевой дифференциации языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.
8. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. ст. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 172–198.

ЛВОВА ТАТЬЯНА ВИТАЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (lvovt1962@yandex.ru).

ГЕРДО ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gerdo-irina@yandex.ru).

T. LVOVA, I. GERDO

TRANSLATION OF SUBSTANTIVE ATTRIBUTIVE WORD COMBINATIONS
IN TECHNICAL TEXTS ON MECHANICAL ENGINEERING

Key words: substantive attributive word combinations, two-component term phrases, semantic relations, multi-component combinations, ways of translation, identifying predicate, mechanical engineering.

The present article deals with English substantive attributive word combinations typical for technical texts on mechanical engineering. Substantive attributive word combinations found in texts of the given sub-language represent terminological phrases. Classifications of semantic relations between components within a phrase based on the identifying predicates are given. The most typical types of semantic relations between the components of substantive attributive word combinations are described. Multicomponent substantive attributive word combinations allow to pass a maximum amount of information by minimal use of grammatical means. The meaning of the whole phrase is determined not only by the semantics of its components but by their position relative to one another as well, the last noun in the system being always identified as a defined one. The article describes basic ways of translation of substantive attributive word combinations and the influence of their components location on the semantics of the whole phrase.

References

1. Bgashev V.N., Dolmatovskaya E.Yu. *Angliiskii yazyk dlya studentov mashinostroitel'nykh spetsial'nostei* [English for machine-building students]. Moscow, Astrel'-Ast Publ., 2003, 380 p.
2. Vasil'eva Yu.Z., Sharapova I.V. *Vazhnost' navyka perevoda atributivnykh grupp dlya perevodchika nauchno-tekhnicheskoi literatury* [The importance of translator' ability to translate attribute groups in scientific and technical literature]. *Lingvisticheskie i kul'turologicheskie traditsii i innovatsii: sb. materiaov XIV Mezhdun. nauch.-prakt. konf., Tomskii politekhnicheskii universitet* [Proc. of XIV Int. conf. Linguistic and cultural traditions and innovations], Tomsk, Tomsk Polytechnical University Publ., 2014, pp. 60-66.
3. Drozdov A.M. *Mnogokomponentnye substantivnye slovosochetaniya kak proyavlenie tendentsii yazykovoi ekonomii v sovremennom angliiskom yazyke* [Multi-component substantive word combinations as the manifestation of a tendency of language economy in the modern English language]. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Stavropol State University], 2007, iss. 50, pp. 154–158.
4. L'vova T.V., Gerdo I.A. *Vidy leksicheskikh transformatsii pri perevode tekhnicheskikh tekstov po mashinostroeniyu* [Types of lexical transformations in translating technical texts on mechanical engineering]. *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedenie: aktual'nye voprosy i perspektivy issledovaniya: sb. materiaov Mezhdun. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. conf. «Linguistics, linguodidactics, and translation: current issues and prospects of research»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2016, iss. 3, pp. 213–217.
5. Misuno E. A., Shablygina I. *V Perevod s angliiskogo yazyka na russkii yazyk* [Translation from English into Russian]. Minsk, Aversev Publ., 2009, 255 p.
6. Pronina R.F. *Perevod angliiskoi nauchno-tekhnicheskoi literatury* [Translation of English scientific technical literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986, 175 p.
7. Yur'eva Y.V. *Angliiskie substantivno-substantivnye slovosochetaniya v stilevoy differentsiatsii yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [English noun to noun word combinations in the stylistic differentiation of language. Abstract Diss.]. Moscow, 2009, 25 p.
8. Noibert A. *Pragmaticheskie aspekty perevoda* [Pragmatic aspects of translation]. In: *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike: sb. st.* [Questions of translation theory in foreign linguistics. Collection of articles]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1978, pp. 172–198.

LVOVA TATYANA – Senior Lecturer of Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (lvovatv1962@yandex.ru).

GERDO IRINA – Senior Lecturer of Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (gerdo-irina@yandex.ru).

Ссылка на статью: Львова Т.В., Гердо И.А. Перевод субстантивных атрибутивных словосочетаний на примере технических текстов по машиностроению // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 254–258.

УДК 811.111'25
ББК Ш12=432.1*70

З.И. МИТРОФАНОВА

КАК ЭТО СКАЗАТЬ ПО-РУССКИ «NOT UNWORTHY»?

Ключевые слова: переводческие методы и приемы, лексико-грамматические трансформации, антоним, антонимический перевод, синоним, коммуникативно-смысловая структура высказывания, семантические пресуппозиции, прагматические пресуппозиции, ассерция, тема, рема, уровни эквивалентности, эквивалентный перевод, адекватный перевод.

Целью исследования является изучение применения антонимического перевода в различных типах текстов при передаче их содержания с английского языка на русский и с русского на английский. Рассматриваются высказывания, представленные как простыми, так и сложными предложениями, их коммуникативно-смысловая и информационная структура, а также изменения, возможные в переводящем высказывании при антонимическом переводе. Исследование проводилось в русле функционально-коммуникативной лингвистики с использованием следующих лингвистических и переводческих методов: описательно-аналитического, сравнительно-сопоставительного, трансформационного, моделирования. Как показали результаты исследования, для достижения эквивалентного и адекватного перевода антонимический перевод нередко сочетается с применением других видов лексико-грамматических трансформаций. При применении приема антонимического перевода коммуникативно-информационные структуры высказываний исходного и переводящего языков могут сохранять свою эквивалентность и даже тождественность относительно содержащейся в них когнитивной информации, но могут отличаться оценочными и другими коннотациями. Выбор приема антонимического перевода обуславливают такие факторы, как традиционные культурно-языковые особенности языка перевода, прагматические и стилистические особенности контекста, жанровые характеристики более широкого текста.

В статье рассматриваются некоторые случаи антонимического перевода.

Одной из наиболее распространенных лексико-грамматических переводческих трансформаций является прием антонимического перевода. Под антонимическим переводом в переводческой литературе понимают широко распространенную комплексную лексико-грамматическую замену, сущность которой заключается в трансформации утвердительной конструкции в отрицательную и наоборот, отрицательной в утвердительную, сопровождаемой заменой одного из слов переводимого предложения исходного языка на его антоним в переводящем языке [1. С. 215–216].

В переводческой литературе отмечают, что наиболее часто антонимическому переводу подвергаются такие лексико-грамматические конструкции, как отрицательная частица + прилагательное, наречие с отрицательной приставкой **not unworthy**, **not unlikely**, прилагательное с отрицательным суффиксом **less mindless**, предлоги с отрицательным значением **without**, фразовые глаголы, как например, **to keep out**, **to keep off**, конструкции с предлогом **until**, с союзами **until**, **unless** с отрицательной частицей **not – It was not... until...** и ряд других.

Для понимания сути антонимического перевода и происходящих при этом преобразований высказывания на исходном и переводящем языках, способные совершать различные речевые акты и выполнять различные речезыковые функции, рассматриваются как информационные единицы, обладающие определенными коммуникативно-смысловыми структурами, в создании которых существенную роль играют их пресуппозиционно-ассертивные и тема-рематические компоненты [5. С. 223–228; 5. С. 82–89].

Есть случаи, когда антонимический перевод, замена утвердительной формы на отрицательную и отрицательной на утвердительную в силу культурно-языковых особенностей исходного и переводящего языков является един-

ственным вариантом перевода оригинального высказывания. Это наблюдается при переводе устоявшихся речевых формул, представляющих собой различного рода директивы, когда в языке перевода нет соответствующей лексической единицы, как, например, в нижеследующем классическом примере.

1. Перевод с заменой утвердительной формы на отрицательную:

Keep the child (яp)¹ out of the sun. – (яp) **He держите** ребенка на солнце [1. С. 218].

Оба высказывания имеют общую семантическую пресуппозицию «*The child is / may be / in the sun – Ребенок находится / может находиться на солнце*» и прагматическую пресуппозицию – «*This is bad /may be bad/ for him – Это ему вредно /может быть вредно/*». Исходное и переводящее высказывания представляют собой директиву (рекомендацию, требование). Ее содержание, противоположное содержанию семантической пресуппозиции, является следствием, вытекающим из содержания прагматической пресуппозиции.

Предложная группа **out of** и отрицание **he**, являясь антонимами по форме, выражают один общий смысл «удаление, во вне», определяющий смысловую эквивалентность исходного и переводящего высказываний. Хотя в коммуникативно-информационных структурах высказываний имеются некоторые различия: рематическое ядро **out of** в английском языке располагается перед обстоятельством места, а в русском языке отрицательная частица **he**, употребляемая перед сказуемым в побудительном наклонении, начинает высказывание, это не влияет на адекватность перевода.

Как показывает анализ языкового материала, антонимический перевод не ограничивается заменой одного слова другим и нередко связан с изменением всей структуры предложения-высказывания, когда для достижения эквивалентного и адекватного перевода прибегают к использованию и других переводческих приемов и лексико-грамматических трансформаций.

При антонимическом переводе высказывания на исходном и переводящем языках могут содержать эквивалентную когнитивную информацию, но отличаться при этом аксиологической информацией и другими коннотациями.

2. При выборе того или иного приема перевода, в том числе и антонимического, значительную роль играет контекст, раскрывающий прагматические особенности дискурса, отношение говорящего, коммуникантов к описываемой ситуации. Изолированное высказывание не всегда указывает на факторы (лингвистические и экстралингвистические), определяющие выбор именно приема антонимического перевода, в частности, замены отрицательной формы на утвердительную, как в следующем предложении:

(яp) **Nothing changed** in my home town. – (яp) **Все осталось / (яp) / прежнему в моем родном городе**» [2. С. 171–172].

В отношении формальной антонимии находятся подлежащно-сказуемые группы английского и русского высказываний **Nothing changed** и **Все осталось прежнему**.

Вышеприведенное исходное отрицательное высказывание может быть также переведено отрицательным высказыванием – **Ничего не изменилось в моем родном городе**.

Исходное английское высказывание и два возможных его перевода на русский имеют одну и ту же семантическую пресуппозицию – предположение, что «**Something changed in my home town – Что-то изменилось в моем родном городе**».

¹ Здесь и далее используются следующие сокращения: (p) – рема; (яp) – ядро ремы; (т) – тема; (MT) – макротема; (MP) – макрорема.

Изолированное исходное высказывание не выражает отношения говорящего ни к предполагаемой ситуации, отраженной в его семантической пресуппозиции, *возможному изменению*, ни к реальной ситуации, отраженной в его поверхностной структуре.

Но высказывание на русском языке благодаря антонимическому переводу и соответствующему лексическому наполнению, помимо указанной общей пресуппозиции, имеет еще другую семантическую пресуппозицию, которая выражает предположение и даже надежду на то, что **«Что-то осталось прежним в моем родном городе»**. Содержание его поверхностной структуры является, собственно, ответом на вопрос *Что-нибудь осталось прежним в моем городе?* Исходное английское высказывание и его перевод на русский язык могут имплицировать разные оценки отражаемой в них ситуации, обусловленной разным лексико-грамматическим наполнением: отрицательную в первом и положительную в русском высказывании – *«нашел родной город неизменным (родным)»*. Роль контекста в выяснении подобных смысловых и весьма существенных для перевода смысловых нюансов несомненна. В исходном английском высказывании отрицательное местоимение **«nothing»** составляет либо рему, либо ядро рематического компонента; в русском высказывании в зависимости от контекста ремой может быть вся антонимическая группа или отдельные ее компоненты.

3. Антонимический перевод очень часто применяется при переводе конструкций с отрицательной частицей, употребленной перед словом с отрицательным префиксом, и представляет собой стилистический прием **литоты**, весьма широко распространенный в английском языке благодаря большому количеству отрицательных префиксов.

Применение антонимического перевода в случае литоты объясняют тем, что в русском языке совместное употребление отрицательной частицы **не** и основной отрицательной приставки обычно оказывается неудобопроизносимым.

She is (p) not unworthy of your attention – Она (р) вполне достойна вашего внимания [3. С. 165].

Исходное высказывание является ответом на противоположное мнение, высказанное или предполагаемое – *She is unworthy of your(my) attention*, которое представляет собой одну из его семантических пресуппозиций и находится в антонимических отношениях со смысловым компонентом в переводящем высказывании: *Она достойна вашего внимания*.

Поскольку литота, в данном случае: **not unworthy – не недостойный** (*пословный перевод*), занимает некоторое промежуточное положение на шкале оценок между антонимами **unworthy** (*недостойна*) и **достойна**, для достижения эквивалентности языковых единиц, выражающих оценку в исходном и переводящем высказываниях, в русском переводе необходимо употребление компенсирующей лексической единицы, здесь – наречия **вполне**.

4. Использование приема антонимического перевода может быть обусловлено сочетаемостью одних языковых единиц в исходном высказывании и невозможностью сочетания их аналогов в переводящем языке, как в следующем примере из технического текста.

Mercury relay is a relay that uses mercury as the switching element. They are used where contact erosion would be a problem for conventional relay contacts.

Owing to environmental considerations about significant amount of mercury used and modern alternatives, they are now comparatively uncommon [16].

Из соображений безопасности для окружающей среды относительно значительного количества используемой ртути и наличия современных альтернативных вариантов они сейчас используются сравнительно редко.

В данном техническом тексте прилагательное **common** имеет значение *«распространенный»*, а **uncommon** – *«нераспространенный»*.

Сочетание «они сейчас **сравнительно нераспространенные /нечастые**» звучит не по-русски. Наиболее подходящим в силу сочетаемости слов оказывается синоним **редко**, занимающий полярное место на шкале оценок и указывающий на максимальное проявление признака.

5. При переводе текстов, особенно профессионально ориентированных, нельзя не учитывать пресуппозиционных характеристик высказывания, играющих существенную роль в создании коммуникативно-смысловой структуры высказывания и текста [7. С. 256–261; 8. С. 221–225].

The other common overload protection system uses an electromagnet coil in series with the motor that directly operates contacts. This is similar to a control relay but *requires a rather high fault current to operate the contacts*.

(T) To prevent short over current spikes from causing nuisance triggering (MP) (т) the armature movement (p) is damped with a dashpot. The thermal and magnetic overload detections are typically used together in a motor protection relay [16].

В одном из предложенных вариантов – *Для предотвращения коротких скачков сверхтока, вызывающих ложное срабатывание, перемещение якоря демпфируется гидравлическим амортизатором* – перевод герундия **from causing nuisance triggering** причастием действительного залога, указывающего лишь на общие характеристики референта **короткие скачки сверхтока**, искажает ситуацию, представленную в исходном высказывании. Смысловой компонент «**короткие скачки сверхтока**» представляет собой семантическую пресуппозицию, т.е. «**обязательное наличие коротких скачков сверхтока**», что вытекает из предтекста. А причастие действительного залога – **вызывающих** – лишает смысловой компонент «**короткие скачки сверхтока**» его презумптивного значения, т.е. их нет, и надо защищать от «их возможного возникновения», что противоречит предтексту.

В одном из возможных вариантов эквивалентного и адекватного перевода используется прием антонимического перевода.

Она похожа на контрольное реле, но требует весьма высокого тока короткого замыкания для управления контактами.

1) **(MP) (т) Для того чтобы короткие скачки (всплески) сверхтока (яр) не вызывали (яр) ложного срабатывания, (MP) перемещение якоря демпфируется (ослабляется) гидравлическим амортизатором.**

Фразы **to prevent... from causing**, инфинитив, герундий с предлогом и глагол в отрицательной форме в функции цели **для того чтобы не вызывали**, являясь антонимами по форме, эквивалентны в смысловом отношении. Прием антонимического перевода здесь сопровождается применением других видов трансформаций: опущения, изменения функций членов предложения, добавления, распределения значения.

Во втором возможном варианте не используется прием антонимического перевода.

2) **(MT) (т) Для предупреждения (предотвращения) ложного срабатывания, вызываемого (которое может быть вызвано) (р) короткими скачками (всплесками) сверхтока, (MP) перемещение якоря демпфируется (ослабляется) гидравлическим амортизатором.**

Передавая без искажения общую когнитивную информацию, эти два варианта перевода отличаются в то же время своей информационной структурой: разным расположением семантических компонентов и их соотношением с тема-рематическими компонентами высказываний, а также направленностью семантических отношений.

Большее соответствие наблюдается в информационных структурах первого варианта перевода и исходного высказывания. В английском высказывании тематический фокус представляет инфинитивно-герундиальная группа в функции

цели, в русском переводе – придаточное цели, где причинно-следственные отношения в смысловой группе «(т) *короткие скачки (всплески) сверхтока* (причина-тема) (р) *(могут) вызывать (я) ложное срабатывание* (следствие-рема)», имеют то же расположение, что и в исходном предложении.

Во втором варианте перевода имеет место противоположная направленность семантических отношений: следствие «*ложное срабатывание*» ← затем – причина «*короткие скачки (всплески) сверхтока*». В информационной структуре высказывания семантический компонент, указывающий на *следствие*, входит в тематический фокус, а указывающий причину – в рематический.

В подлежащно-сказуемой группе исходного английского высказывания и главных предложениях в обоих вариантах перевода, представляющих макрорему высказываний, наблюдается полное соответствие информационной структуры, семантических отношений и их направленности.

6. Прием антонимического перевода нередко используют при переводе конструкций с предлогом *until* и союзами *until u unless* в сочетании с отрицанием *not*.

Since the FRG itself had not been founded until 1949 parliament ruled that the statute (of limitations on murder) should be extended to 1969.

Полагают, что пословный перевод – *Поскольку сама ФРГ не была образована до 1949 года, то Парламент постановил, что действие закона (ограничение срока давности на военные преступления) должно быть продлено до 1969 года* – затушевывает смысл предложения и лишает его всякой логичности, так как в английском предложении важно не до какого времени ФРГ не была образована, а когда именно она была образована.

Ситуацию проясняет антонимический перевод – *Поскольку сама ФРГ была образована лишь в 1949 году, то Парламент постановил, что действие закона (ограничение срока давности на военные преступления) должно быть продлено до 1969 года* [12. С. 162–163].

Логике образования английского предложения-высказывания, а также логичность пословного перевода и применения приема антонимического перевода раскрывает рассмотрение взаимодействия пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематических компонентов данного высказывания в соответствующем диалоге [9. С. 222].

В определенном дискурсе данное высказывание является ответом на вопрос: А. *Had The FRG itself been founded (я) until 1949? (Была ФРГ образована до 1949?)* – В. *the FRG itself had (я) not been founded until 1949... (ФРГ (я) не была образована до 1949)*, – где пропозиция *the FRG itself had been founded until 1949 (ФРГ была образована до 1949)* представляет семантическую пресуппозицию и тематический компонент высказывания, от которого «отталкивается» говорящий, а отрицание *not (не)* – его рему.

Другая семантическая пресуппозиция исходного высказывания – *the FRG itself should have been founded until 1949 so that the statute (of limitations on murder) should not be extended (to 1969) (ФРГ следовало образовать до 1949 года, чтобы действие закона (ограничение срока давности на военные преступления) не было продлено (до 1969 года)* – эксплицируется в русском переводе благодаря рематизирующей усилительной частице *лишь*, акцентирующей смысловой компонент «*поздний срок образования ФРГ*» и способствующей тем самым осуществлению адекватного перевода. В исходном высказывании указание *на 1949 год* входит в тематическую, семантическую пресуппозицию, а в русском переводе составляет рему высказывания. При этом русское высказывание оказывается более эмоциональным, нежели исходное, нейтральное английское.

В итоге информационная структура высказываний может быть представлена следующим образом: (MT) *Since the FRG itself had (яp) not been founded until 1949 (MP) parliament ruled that the statute (of limitations on murder) (p) should be extended (яp) to 1969 – (MT) Поскольку сама ФРГ была образована (яp) лишь в 1949 году, (MP) то Парламент постановил, что действие закона (ограничение срока давности на военные преступления) должно быть продлено до 1969 года.*

В изолированном английском предложении могут сместиться смысловые акценты: в реме оказывается обстоятельство времени *until 1949*, и придаточное предложение выражает «до какого времени ФРГ не была образована», что несколько затуманивает смысл английского предложения. Конструкция же пословного перевода нехарактерна для русского языка.

7. Антонимический перевод может придать обычному научно-техническому тексту, содержащему когнитивную информацию и лишенному, как отмечают, всякой поэтичности [13. С. 290], некоторую образность.

In 1987, a more dangerous virus called Jerusalem appeared. This virus stayed in a computer and did nothing until the date was Friday the thirteenth; then it started to damage the computer's memory [15. С. 46].

Здесь возможны два варианта эквивалентного и адекватного перевода.

Первый вариант, нейтральный, без применения приема антонимического перевода, передает лишь когнитивную информацию: 1. *В 1987 году появился более опасный вирус под названием «Иерусалим». Этот вирус оставался (находился) в компьютере и (ничего не делал) ничем не проявлял себя до тех пор, пока не наступила пятница, 13-е; затем он начал разрушать память компьютера.*

Второй вариант представляет собой антонимический перевод – *Этот вирус оставался (находился) в компьютере и сидел тихо до тех пор, пока не наступила пятница, 13-е; затем он начал разрушать память компьютера*, – в котором антоним, фразеологизм *сидел тихо (did nothing)*, персонифицируя неодушевленный референт *a more dangerous virus* (более опасный вирус), раскрывает образность, заложенную в данном нейтральном, на первый взгляд, техническом тексте, создавая образ вируса-террориста.

8. Прием антонимического перевода в профессионально ориентированных текстах, в частности в деловой корреспонденции, деловых контрактах, обусловлен их стилистическими и прагматическими особенностями, такими как краткость, ясность, прозрачность, информативность, убедительность, доказательность и др. [6. С. 80–81].

1) Так, языковая единица в исходном русском высказывании, содержащая сему отрицания, переводится на английский языковой единицей, в которой сема отрицания отсутствует.

Продавец гарантирует: *Высокое качество материалов, которые используются для изготовления оборудования, (яp) безупречную обработку и высокое качество технического выполнения и сборки.*

The Sellers guarantee: High quality of the materials used in the manufacture of the equipment, (яp) first rate workmanship and high quality of the manufacture and assembly [14. С. 32].

Перевод с употреблением синонимичного прилагательного с отрицательной семой фактически эквивалентен по содержанию исходному высказыванию – *High quality of the materials used in the manufacture of the equipment, faultless (first rate) workmanship and high quality of the manufacture and assembly.*

Слово *faultless (fault – изъян, ошибка; less – отрицательный суффикс прилагательного)* само предполагает «наличие/допущение изъяна в обработке» (что составляет пресуппозиционный компонент), в то время как сло-

восочетание *first rate* (первоклассная обработка) исключает эту импликацию и выражает высшую оценку, идеальную характеристику продукта.

В слове *faultless* корень *fault* (дефект, недостаток, способный вызвать упрек), на который падает словесное ударение, первым входит в сознание адресата, покупателя, вследствие чего перлокутивный эффект высказывания (воздействие, оказываемое им на покупателя) может оказаться весьма нежелательным в отличие от фразеологизма *first rate – первоклассный*, находящегося к тому же в полной гармонии с другим фразеологизмом *high quality (высокое качество)*, выражающим высокую оценку предлагаемой продукции.

Между английским высказыванием и его русским переводом складываются своеобразные семантические отношения.

Языковые единицы «*безупречный (-ая), faultless, first rate*» являются семантическими синонимами, но не являются в данном контексте стилистическими синонимами [11. С. 80–86; 4. С. 446; 10. С. 103–107]. Стилистические синонимы представлены прилагательным *безупречный* и фразеологизмом *first rate*, которые являются, с одной стороны, формальными антонимами (наличие семы *отрицания* в прилагательном и ее отсутствие в словосочетании), с другой стороны, лексическая группа *first rate* является семантическим антонимом корню *упрек (недостаток)* в слове *безупречный (-ая)*. Эта своеобразная пара семантико-стилистических синонимов и в то же время формальных и отчасти семантических антонимов в информационной структуре исходного русского и переводящего английского высказываний несет новую существенную информацию и представляет собой одно из рематических ядер.

2) Стилистическими особенностями языка контрактов, официальности, книжности, четкости и ясности обусловлен перевод глагола, употребляемого в отрицательной форме в русском высказывании, английской глагольной группой *fail+ to+ the Infinitive*, являющейся ему по форме антонимом, а по своему значению – синонимом.

Если сторона, вызванная в арбитраж, не изберет в указанный срок второго арбитра, то последний назначается Председателем Торговой Палаты г. Стокгольм...

If the Party which has received the notification of the dispute being submitted to Arbitration fails to choose its arbitrator within the said period, the latter will be appointed by the President of the Chamber of Commerce in Stockholm [15. С. 49].

Сравните: в возможном эквивалентном высказывании на английском языке без антонимического перевода – *If the Party which has received the notification of the dispute being submitted to Arbitration does not choose (fails to choose – потерпел неудачу) its arbitrator within the said period, the latter will be appointed by the President of the Chamber of Commerce in Stockholm* – отрицательная форма глагола *does not choose...* оказывается менее лаконичной и выразительной.

3) По-разному оформляются в исходном и переводящем языках контракта правовые отношения между продавцом и покупателем. Такие языковые единицы русского языка, содержащие отрицание и указывающие на отсутствие прав у одной из договаривающихся сторон, как *не вправе*, переводятся на английский с помощью приема антонимического перевода.

Общие условия. ... Продавец (яр) не вправе передавать третьим лицам права и обязательства по контракту (яр) без письменного согласия Покупателя.

General conditions. ... The Sellers have the right to assign to the third Parties the fulfillment of the present Contract (яр) only on the Buyers' written consent [15. С. 54].

В исходном и переводящем высказывании употреблены две пары (семантических) антонимов **не вправе** – **have the right** и **без письменного согласия Покупателя** – **only on the Buyers' written consent**. Утвердительные формы в английском высказывании представляют собой экспликацию пресуппозиционных компонентов исходного высказывания: предположение о том, что «**Продавец вправе передавать ... с согласия Покупателя**». В совокупности лексико-грамматические группы **не вправе...(передавать...)... без письменного согласия Покупателя и have the right ...(to assign...)... only on the Buyers' written consent** являются семантическими и стилистическими синонимами, в равной степени выражая **безусловное** требование, предъявляемое договаривающимся сторонам.

Благодаря усилительной частице **only**, категорически исключающей любые другие условия, смысловой компонент «**only on the Buyers' written consent**» представляет собой ядро рематического компонента, в исходном русском – отрицание **не вправе**. В русском высказывании актуализируется и акцентируется **запрет**, в английском – **разрешение**.

Иной возможный неантонимический перевод предложения *The Sellers have no right to assign to the third Parties the fulfillment of the present Contract without the Buyers' written consent* лишает высказывание четкости, ясности и лаконичности.

Прием **антонимического перевода**, заключающийся в трансформации утвердительной конструкции в отрицательную и наоборот, отрицательной в утвердительную, далеко не однозначен. Его выбор обусловлен различными факторами: культурно-языковыми особенностями исходного и переводящего языков, требующими употребления только определенных речевых формул, лексико-грамматических конструкций, стилем мышления и его выражения в исходном языке и языке перевода, а также прагматическими и стилистическими особенностями оригинального и переводящего текстов.

Прием антонимического перевода не всегда сводится к замене лексической единицы исходного языка на единицу переводящего с противоположным значением. Для достижения эквивалентного и адекватного перевода он нередко сочетается с другими видами трансформаций. Значительную роль в понимании использования приема антонимического перевода играет контекст, раскрывающий всю полноту переводимой информации, когнитивной, аксиологической и различного рода коннотаций.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 239 с.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2000. С. 171–172.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2004. С. 165.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 446.
5. Митрофанова З.И. Пресуппозиции и их перевод // Лингвистика. Лингводидактика. Переводоведение. Актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. Вып. 1. С. 223–228.
6. Митрофанова З.И. О некоторых особенностях перевода сложных предложений (на материале переводов деловой коммерческой корреспонденции на английском и русском языках) // Лингвистика. Лингводидактика. Переводоведение. Актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. Вып. 2. 12 с.
7. Митрофанова З.И. О взаимодействии пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематических компонентов в создании смысловой структуры высказывания (на материале английского языка) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 256–261.
8. Митрофанова З.И. О взаимодействии пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематических компонентов в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия (на материале английского и русского языков) // Вестник Чувашского университета. 2016. № 2. С. 221–225.

9. Митрофанова З.И. Несколько слов о типичных трудностях в понимании и переводе профессионально-ориентированных текстов (на материале естественнонаучных текстов на английском языке) // Лингвистика. Лингводидактика. Переводоведение. Актуальные вопросы и перспективы исследования. сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. Вып. 3. С. 222.

10. Митрофанова З.И. Перевод терминов как один из факторов формирования лингвистической, содержательно-когнитивной и социально-эффективной компетенций при подготовке переводчика // Инновационные технологии формирования лингвистической, содержательно-когнитивной и социально-эффективной компетенций в процессе обучения иностранным языкам: сб. материалов Межвузовской науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. С. 103–107.

11. Митрофанова З.И. Термины-синонимы и их перевод. Инновационные технологии формирования лингвистической, содержательно-когнитивной и социально-эффективной компетенций в процессе обучения иностранным языкам: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. С. 80–86.

12. Словенко И.С. Курс совершенствования английского языка по финансово-экономической и банковской тематике. Москва, 1992. С. 162-163.

13. Трукова А.И. Поэтический дискурс и перевод // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 290.

14. Шалыпина С.С. Чтение и составление контрактов на английском языке. М.: P.S, 1991. 64 с.

15. Davis P.A. Information Technology. Oxford, Oxford University Press, 2008, p. 46.

16. Relay [Электронный ресурс]. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Relay>.

МИТРОФАНОВА ЗИНАИДА ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mirt910@yandex.ru).

Z. MITROFANOVA

WHAT IS THE RUSSIAN FOR «NOT UNWORTHY»?

Key words: translation methods and techniques, lexical and grammatical transformations, antonym, antonymous translation, synonym, semantic structure of an utterance, semantic presupposition, pragmatic presupposition, assertion, theme, rheme, levels of equivalence, equivalent translation, adequate translation.

The goal of the present study is to examine cases where the method of antonymous translation is used for translating different types of texts from English into Russian and from Russian into English. Utterances presented by simple and composite sentences, their semantic and information structure, changes in the translating utterance due to antonymous translation are considered. The study is performed in line with functional and communicative linguistics by using the following linguistic and translational methods: descriptive-taxonomic, contrastive-comparative, transformational as well as the translational method of modeling. The findings of the research show that in order to achieve an equivalent and adequate translation antonymous translation is often combined with other types of lexical-grammatical transformations. When using the antonymous technique communicative and information structures of utterances of the original language and the language of translation may retain their cognitive information equivalent and identical, but in some cases they may differ in axiological information and other connotations. The choice of antonym translation method may be caused by such factors as traditional cultural and language peculiarities of the language of translation, pragmatic and stylistic features of the context as well as genre characteristics of a wider text.

References

1. Barhudarov L.S. Язык и перевод [Language and translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1975, 239 p.

2. Komissarov V.N. *Sovremennoye perevodovedeniye* [Soviet science of translation]. Moscow, ETS Publ., 2000, pp. 171–172.

3. Komissarov V.N. *Sovremennoye perevodovedeniye* [Soviet science of translation]. Moscow, ETS Publ., 2004, p. 165.

4. Yartzevaya V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow, Soviet encyclopaedia Publ., 1990, p. 446.

5. Mitrofanova Z.I. *Presuppozitsii i ih perevod* [Presuppositions and their translation]. *Lingvistika. Lingvodidaktika. Perevodovedenie: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vyp. 1* [Proc. of Int.

Sci. and Pract. Conf. «Linguistics. Linguodidactics. Translation»). Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2014, iss. 1, pp. 223–228.

6. Mitrofanova Z.I. *O nekotorykh osobennostyakh perevoda slozhnykh predlozhenii (na materiale perevodov delovoy kommercheskoy korrespondentsii na angliyskom i russkom yasykah)* [About some peculiarities of translation of complex sentences (on the material of translation of business commercial correspondence in the English and Russian languages)]. *Lingvistika. Lingvodidaktika. Perevodovedenie: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vyp. 2* [Proc. of Int. Sci. and Pract. Conf. «Linguistics. Linguodidactics. Translation»). Cheboksary, Chuvash State University Publ., iss. 2, 2014, 12 p.

7. Mitrofanova Z.I. *O vzaimodeistvii presuppozitsionno-assertivnykh i tema-rematicheskikh komponentov v sozdanii smyslovykh struktury vykazyvaniya (na materiale angliyskogo yasyka)* [Presuppositional and assertive components, theme and rheme in creating the semantic structure of an utterance (on the material of the English language)]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, 2015, no. 4, p. 260.

8. Mitrofanova Z.I. *O vzaimodeistvii presuppozitsionno-assertivnykh i tema-rematicheskikh komponentov v slozhnopodchinennykh predlozheniyakh s pridatochnym usloviam (na materiale angliyskogo i russkogo yasykov)* [About the interaction of presuppositional and assertive components, theme and rheme in complex sentences with subordinate clause of condition (on the material of the English and Russian languages)]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, 2016, no. 2, pp. 221–225.

9. Mitrofanova Z.I. *Neskolko slov o tipichnykh trudnostykh v ponimanii i perevode professionalno-orientirovannykh tekstov (na materiale estestvenno-nauchnykh tekstov na angliyskom yasyke)* [Some words about common difficulties in understanding and translating specialist texts (on the material of English scientific texts)]. *Lingvistika. Lingvodidaktika. Perevodovedenie: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vyp. 3* [Proc. of Int. Sci. and Pract. Conf. «Linguistics. Linguodidactics. Translation»). Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2016, iss. 3, p. 222.

10. Mitrofanova Z.I. *Perevod terminov kak odin iz faktorov formirovaniya lingvisticheskoy, soderzhatelno-kognitivnoy i sotsialno-effektivnoy kompetentsii v prozesse obucheniya inostrannym yazykam* [Translation of terms as one of the factors of formation of linguistic, cognitive, social and effective competence in training translators]. *Innovatsionnye tehnologii formirovaniya lingvisticheskoy, soderzhatelno-kognitivnoy i sotsialno-effektivnoy kompetentsiy v prozesse obucheniya inostrannym yazykam: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. Sci. and Pract. Conf. «Innovational technologies of formation of linguistic, cognitive, social and effective competence in the process of teaching foreign languages»). Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2009, pp. 103–107.

11. Mitrofanova Z.I. *Terminy-synonymy i ih perevod* [Terms-synonyms and their translation]. *Innovatsionnye tehnologii formirovaniya lingvisticheskoy, soderzhatelno-kognitivnoy i sotsialno-effektivnoy kompetentsiy v prozesse obucheniya inostrannym yazykam: sb. materialov II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. Sci. and Pract. Conf. «Innovational technologies of formation of linguistic, cognitive, social and effective competence in the process of teaching foreign languages»). Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2010, pp. 80–86.

12. Slovenko I.S. *Specialized advanced English course for bankers and financiers. Kurs sovershenstvovaniya angliyskogo yasyka po finansovo-ekonomicheskoy i bankovskoy tematike* [Specialized advanced English course for bankers and financiers]. Moscow, 1992, pp. 162–163.

13. Trukova A.I. *Poetichesky diskurs i perevod* [Poetic discourse and translation]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, 2015, no. 4, p. 290.

14. Shalygina S.S. *Chteniyе i sostavleniye kontraktov na angliyskom yasyke* [Reading and drafting of contracts in the English Language]. Moscow, PS Publ., 1991, p. 32.

15. Davis Paul A. *Information Technology*. Oxford, Oxford University Press, 2008, p. 46.

16. Relay. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Relay>.

MITROFANOVA ZINAIDA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Department of Foreign Languages № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mirt910@yandex.ru).

Ссылка на статью: Митрофанова З.И. Как это сказать по-русски «not unworthy»? // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 259–268.

УДК 81'25
ББК 81.2

Е.А. МОРОЗКИНА, Ю.Н. МОРОЗКИН, З.М. САФИНА

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДЛОГИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ФРАКТАЛОВ*

Ключевые слова: фрактал, структурное самоподобие, фрактальная размерность, фрактальная структура значений, пространственные предлоги.

В статье рассматриваются вопросы структуры и вариативности значений пространственных предлогов в аспекте теории фракталов. Фрактальность языка предполагает наличие в нем самоподобия (масштабной инвариантности) и рекурсии (использования на каждом шаге порождения порождённого ранее). Самоподобие, лежащее в основе фракталов, присуще бесчисленным природным и социальным явлениям. Кроме самоподобия фракталы обладают также свойством нерегулярности, фрактальной размерностью, а также скалярной относительностью и формальной последовательностью.

*В языке проявляются все основные свойства фрактала, что позволяет рассматривать язык в качестве фрактальной структуры. Для анализа фрактальности структуры и значений пространственных предлогов *up* и *down* был выбран роман Ф.С. Фицджеральда «Ночь нежна» (1934) и один из вариантов его перевода на русский язык, выполненный Т. Краснолуцкой. Авторами была предпринята попытка доказать, что структуру и смысловую вариативность языковых единиц можно условно подразделить на две группы, передающие переход из одного пространства в другое пространство и переход из одного состояния в другое состояние. В этом случае первый компонент является показателем структурного подобия, а второй – фрактальной размерности.*

*Исследуемые предлоги не только задают вектор движения в физическом пространстве, но и формируют так называемое пространство состояний. Можно говорить о двух типах фракталов, связанных с предлогами *up* и *down*, – фрактал пространства и фрактал состояния. Поскольку язык предстает как неоднородная структура, а английский и русский языки являются разноструктурными языками, не все значения предлогов можно рассматривать в связи с фрактальностью. Наблюдаются случаи выхода за рамки данной теории, когда предлоги дублируют свои значения или служат для расширения значений глаголов и наречий. Анализ функционирования предлогов в аспекте теории фрактала может быть использован при переводе художественных текстов.*

Предлоги имеют первостепенное значение для выражения пространственных отношений в языке. Хотя изучение семантики лексических единиц всегда вызывало огромный интерес, предлоги довольно долго оставались без должного внимания в семантических исследованиях или рассматривались только как грамматические средства языка. Исследование предлогов вызвано необходимостью четкого определения лексического значения предлогов и выявления случаев их многозначности и синонимичности. Актуальность исследования обусловлена применением принципов теории фракталов к анализу структуры предлогов и вариативности их смыслов, а выводы, к которым приходят авторы, содержат научную новизну.

В последние годы появилось большое количество работ, в которых анализируются отдельные предлоги и целые их группы. По мнению исследователей, особую трудность представляет понимание термина «значение» в отношении предлогов, так как долгое время значение предлога отождествлялось только с его грамматическим значением [4. С. 135]. Однако некоторые исследователи считают, что предлоги не только не лишены лексического значения, но и характеризуются сложной семантической структурой. Представление о многозначности предлогов получает всё большее распространение в

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФГНФ научного проекта № 16-04-00042.

работах зарубежных и отечественных лингвистов. Так, в частности, О.Н. Селливерстова высказывает мнение о том, что лексическим значениям предлогов соответствуют некоторые общие понятия, такие как пространство, время, причина и т.д., которые в комбинации с грамматическим значением предлога представляются как отношения с распределёнными актантными ролями, приписываемыми денотатам знаменательных слов [12].

В словарях английского языка, как правило, содержится большое количество глаголов и сочетаний с частицами, являющимися, по определению Ф. Палмера, словами, которые могут употребляться в функции как предлога, так и наречия. Эти частицы чрезвычайно распространены, особенно в разговорном английском. Наиболее часто употребляемыми являются *down, in, off, on, out, up* в сочетании с глаголами *put, take, get, make* [20. С. 215].

Существуют различные мнения относительно места предлогов и послелогов в классификации частей речи. Так, ряд исследователей считают нецелесообразным терминологическое различие между предлогом и послелогом, поскольку отличие между ними слишком незначительное. По мнению Дж. Лайонза, в традиционной теории частей речи, разработанной для описания классических европейских языков, термин «предлог» использовался для обозначения класса неизменяемых слов, которые имели грамматические или локальные функции и которые, как правило, располагались непосредственно перед определяемым существительным (предлог по латыни *praepositio, prae- перед, positus положенный, поставленный*, отсюда французское *préposition*, английское *preposition*, немецкое *Präposition* [2. С. 3]). На самом же деле, считает Дж. Лайонз, их положение до или после существительного представляет собой незначительный вопрос для грамматической теории в целом [19. С. 302]. С точки зрения О. Йесперсена, различия между наречиями, предлогами, союзами и междометиями, которые рассматриваются как четыре разные части речи почти во всех грамматиках, слишком преувеличены, что позволяет объединить их в один класс частиц. Разница в значении состоит лишь в том, полагает ученый, что в некоторых случаях данные частицы являются полными, как, например, в *he climbs up* и *he falls down*, а в других они осложнены дополнением, например в *he climbs up a tree, he falls down the stairs* [18. С. 87].

Отечественные лингвисты придерживаются традиционных взглядов на классификацию частей речи и относят наречия к знаменательным частям речи, а предлоги и частицы – к служебным [3, 7]. А.И. Смирницкий рассматривает предлоги не как отдельную часть речи, а как группу слов внутри наречия [13. С. 376]. Б.С. Хаймович и Б.И. Роговская относят предлоги к полузнаменательным частям речи, которые обладают помимо грамматического еще и определенным лексическим значением [15. С. 207]. М.А. Ганшина и Н.М. Василевская утверждают, что предлоги не имеют независимого лексического значения, а служат в современном английском языке, потерявшем почти все падежные формы, для указания на различные связи существительных с другими словами в предложении. Предлоги могут показывать отношения существительного к существительному, существительного к прилагательному, существительного к глаголу [6. С. 307]. И.Е. Аничков считает, что, прежде всего, предлоги указывают на пространственные отношения существительного к другим знаменательным частям речи [2. С. 3]. Б.Н. Аксененко, напротив, полагает, что предлоги не только указывают на наличие определенных отношений между знаменательными словами в предложении, но при помощи своих значений раскрывают и уточняют содержание и характер этих отношений [1. С. 37]. В задачи настоящего исследования не входит вопрос о терминологическом разграничении данных

классов слов, поэтому мы используем термин «предлог» по отношению ко всем случаям употребления *up* и *down*.

Предлоги образовались из наречий, имен существительных (реже прилагательных) или из причастий и могут быть разделены на наречные, отыменные, отглагольные или причастные. Наречные предлоги, такие как *up* и *down*, могут быть подразделены на простые или первичные, образовавшиеся в глубокой древности из наречий места, и сложные, образовавшиеся из двух наречий или предлогов [2. С. 6]. Предлоги являются словами, выражающими важные грамматические отношения, сохраняющиеся в течение ряда эпох. Так, предлог *up* засвидетельствован в литературных памятниках периода от 1000 до 1200 г., *down* вошел в словарь английского языка с XIV в. [1. С. 19]. Содержание и характер семантики предлогов чрезвычайно разнообразны. По мнению Б.Н. Аксененко, смысловое содержание и смысловый объем отдельного предлога могут быть весьма широкими, и отдельные значения такого предлога располагаются между полюсами (наиболее конкретным и самым абстрактным значениями) [1. С. 39]. С. Линднер полагает, что данные предлоги должны рассматриваться как сети, состоящие из набора конкретных смыслов и их обобщений [8. С. 58]. А. Тайлер и В. Иванс предполагают, что значения *up* связаны с положительной оценкой, а *down* – с отрицательной [22. С. 137]. По мнению Г. Кларка, положительная оценка обычно связана с наличием чего-то, а отрицательная – с отсутствием. Поскольку все, что находится выше уровня земли видимо, а находящееся ниже – невидимо, то и направление *up* воспринимается как положительное, а *down* – как отрицательное [16. С. 33].

Таким образом, предлоги английского языка предстают как сложная неоднородная система, изучению которой может содействовать теория фрактала. Данная теория дает возможность взглянуть на сложный объект, в том числе и на язык, как на нелинейную систему и дать толкование процессам, протекающим в структуре языка.

Полагаем, что фрактальные свойства языка возникают по тому же принципу, что и в других фрактальных структурах. Фрактальность языка предполагает наличие в нем самоподобия (масштабной инвариантности) и рекурсии (использования на каждом шаге порождения порождённого ранее). Отношения подобия (самоподобия объекта) «можно выявить при сопоставительном анализе как крупных единиц, так и более мелких составляющих. Этот принцип позволяет увидеть общность структур не только единиц, составляющих единую систему на разных уровнях, но и элементов функционально-языковой макроструктуры» [11. С. 17].

Понятие фрактала, утверждающего самоподобие как одно из важнейших свойств развивающейся структуры, было перенесено нами на анализ художественного текста. Текст условно можно рассматривать как некое структурное целое, состоящее по семантическому или по формообразующему признаку из отдельных частей – фракталов, каждый из которых представляет собой уменьшенную копию целого художественного произведения. Иными словами, «художественный текст обладает некими свойствами фрактала, исследование которых позволяет распознать повторяющиеся самоподобные структуры, наблюдать процесс их взаимодействия, помогает воспроизвести «нелинейную» фрактальную форму произведения как единого целого, что способствует проникновению в глубинные смыслы произведения, заложенные автором» [10. С. 187].

По утверждению Г. Парейона, основные характеристики фрактала, а именно: структурное самоподобие, неровная поверхность, фрактальная размерность, скалярная относительность, формальная последовательность присущи и языку [21]. Нами предпринята попытка применить вышеназванные

фрактальные характеристики для описания значений предлогов *up* и *down*. Полагаем, что структура значений предлогов может рассматриваться как фрактальная структура, обладающая определенными свойствами фрактала.

В целях проведения означенного исследования нами сделана выборка предлогов *up* и *down* из произведения Ф. С. Фицджеральда «Ночь нежна» (книга первая) [17] и его перевода на русский язык, выполненного Т. Краснолуцкой [14]. В анализируемом отрывке нами выявлено 154 случая использования предлога *up* и 69 применений *down*. При этом *up* только в 13 примерах употребляется самостоятельно, не в сочетании с глаголом, а *down* – в 9, например,

We built a house, up at Tarmes. – У нас тут дом **наверху**, в Тарме.

Down in the garden lanterns still glowed... – **Внизу** фонари освещали стол.

Такое незначительное количество случаев изолированного употребления данных предлогов свидетельствует об их тесной связи с глаголами, что затрудняет как определение их значений, так и их перевод. Как свидетельствует наше исследование, не представляется возможной точная передача на русский язык всех оттенков значений исследуемых предлогов. Считаем, что данное обстоятельство является показателем неровной (неоднородной) поверхности языков, поскольку структура значений данных предлогов в английском языке значительно отличается от структуры значений аналогичных предлогов в русском языке, поэтому не всегда возможен точный перевод предлогов на русский язык. И, вероятно, контекст «до определенной степени способен восполнить недостающие элементы» значений этих предлогов и, «следовательно, в определенном отношении выровнять по смысловому наполнению» текст оригинала и перевода [5. С. 356].

В целом, по нашему мнению, структуру значений анализируемых предлогов можно подразделить на две крупные составляющие: переход из одного пространства в другое и переход из одного состояния в другое. Первый компонент является показателем структурного самоподобия, а второй – фрактальной размерности. Принцип подобия заключается в том, что *up* и *down* обозначают «область физического пространства, организованного относительно вертикального и горизонтального измерений» [8. С. 72]. Данный принцип наблюдается в таких случаях, как *up north* (to or toward the north), *get up*, *sit up*, *stand up* (in or into a vertical or upright position); *sit down*, *pull down*, *glance down* (from a higher to a lower place or position). В целом, во всех подобных примерах предлоги служат для указания вектора движения объекта в пространстве. Таким образом, присоединяя данные предлоги к определенной группе глаголов, можно по принципу подобия формировать глагольные группы с аналогичными значениями. При этом глаголы приобретают значение, соответствующее совершенному виду глагола в русском языке, ср.: *sit* – сидеть, *sit up* – приподняться, *sit down* – сесть. Перевод подобных глагольных групп, практически, не вызывает трудностей и разночтений:

Abe got himself up with an effort – Эйб заставил себя **подняться**.

Abe sat down beside Rosemary. – Эйб **устроился** рядом с Розмари.

В некоторых случаях предлоги служат для усиления значения глагола или наречия (не просто *farther* или *here*, а *farther up*, *down here*):

Farther up, where... – **Чуть поодаль**, там, где...

There's not a thing up here. – **Здесь мы не держим**.

... things are over down here... – ...**здесь уже делать нечего**...

Фрактальное свойство самоподобия отмечается и в случаях противопоставления значений *up* и *down*, например,

... she walked down with him to the one below for a minute – and then up and up. – спустились на один пролет **вниз**, а потом уже мчались ...**вверх**.

...she ...not slumped **down** on her hips but held **up**... – ...*летящая, стремящаяся ввысь*.

Подобное антонимическое отношение, когда *up* не является обратным по отношению к *down*, не наблюдается между всеми значениями данной пары, что, на наш взгляд, свидетельствует о свойстве неровной поверхности. Так, например, мы не выявили выражения **bob down* или другие глагольные группы с *down*, антонимичные *bob up* в следующем примере:

...unfamiliar Negro faces bobbing **up**... – ... *отовсюду наплывали черные лица*.

Аналогично, *give up* в значении *отказаться* (... she had given **up**... – *Потом ей надоело*...) не противопоставлено *give down*, зафиксированному в словарях с совершенно иным значением: *to let (milk) flow*.

Полагаем, что фрактальное свойство самоподобия может нарушаться в тех случаях, когда глагольные группы, в которые входят эти противоположные по смыслу предлоги, означают, практически, одно и то же:

Then Dick came up to Rosemary – К Розмэри подошел Дик...

...the man...and the tall blonde man...came down toward her – ... *тот ... и высокий блондин... — ... подошли к ней...*

Нами были выявлены случаи употребления исследуемых предлогов в характерной связке *up and down*, когда изменился вектор движения в вертикальной плоскости, и действие перешло в горизонтальную плоскость, что «создает сложную систему пространственных регистров» [9. С. 710]. Полагаем, что это могло произойти в процессе развития языка и возникших в нем изменений:

He glanced up and down the beach – Оглядел пляж. Abe and McKisco were walking up and down... – ...Эйб и Маккиско прохаживались...

Следующие примеры свидетельствуют о том, что предлоги служат для обозначения не только вектора движения в физическом пространстве, но и изменения в пространстве состояния, которое, как правило, относится к человеку. Значение перехода из одного состояния в другое является показателем фрактальной размерности, что характеризует сложность языковой системы:

American children brought up in France. – ... американские дети, выросшие во Франции.

...they all settled down – ... *наконец все успокоилось*.

He broke down – Но тут же не выдержал.

Результаты нашего исследования подтверждают мысль о том, что значение глагола не изменяется при присоединении к нему предлога, а расширяется, сохраняя свое основное значение и приобретая оттенки значений предлога. Так, в следующих примерах глагол *take* – *взять* в сочетании с предлогом приобретает значение *быть схваченным, атакованным*; *hang* – *вешать, hang up* – *вешать на вешалку*:

The Frankenstein took down Dick and Rosemary at a gulp – Франкенштейн в одно мновение поглотил Дика и Розмэри.

He had hung up coat and vest... – Пиджак и жилет уже висели в шкафу на плечиках.

Таким образом, в статье предлоги *up* и *down* исследованы в свете теории фрактальности, в результате чего были выявлены такие свойства предлогов, как самоподобие, фрактальная размерность, неровная поверхность. Можно говорить о двух типах фракталов, формируемых предлогами *up* и *down*, – фрактал пространства и фрактал состояния. Исследованы случаи, когда вектор движения, обозначаемый этими предлогами, изменяется и переходит из вертикального пространства в горизонтальное. Поскольку язык предстает как неоднородная структура, а английский и русский языки являются разнострук-

турными языками, не все значения предлогов можно рассматривать в связи с фрактальностью. Наблюдаются случаи выхода за рамки данной теории, когда предлоги дублируют свои значения или служат для расширения значений глаголов и наречий. В целом, данные проведенного исследования позволяют использовать их при переводе художественного текста.

Литература

1. Аксененко Б.Н. Предлоги английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 320 с.
2. Анчикоев И.Е. Вступительная статья // Аксененко Б.Н. Предлоги английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. С. 3–16.
3. Бархударов Л.С., Штелина Д.А. Грамматика английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1960. 424 с.
4. Бороздина И.С. Предлоги как специфическое средство вербализации пространственных отношений // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 2. С. 134–138.
5. Воробьев В.В., Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г. Триада язык – культура – личность как основа современной лингвокультурологии // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 2. С. 355–359.
6. Ганшина М.А., Василевская Н.М. Практическая грамматика английского языка. М.: Высш. шк., 1964. 548 с.
7. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. Л.: Просвещение, 1971. 366 с.
8. Линднер С. То, что движется вверх (*up*), не обязательно может следовать вниз (*down*): сопоставление *in* и *out* // Исследования по семантике предлогов: сб. ст. М.: Русские словари, 2000. С. 55–82.
9. Морозкина Е.А., Камалов Р.И. Метафоризация художественного пространства в текстах Н. Готорна // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 3. С. 706–712.
10. Морозкина Е.А., Сафина З.М. Лингвистическая фрактальность художественного текста // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 184–188.
11. Морозкина Е.А., Сафина З.М. Фрактальность грамматических форм в оригинале и переводе // Модернизация высшего образования в России: опыт истории и векторы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию первого ректора БашГУ Ш.Х. Чанбарисова (г. Уфа, 21 апреля 2016 г.) / отв. ред. Н.Д. Морозкин. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. Ч. II С. 14–20.
12. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
13. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 440 с.
14. Фицджеральд Ф.С. Ночь нежна [Электронный ресурс]. URL: <http://fitzgerald.narod.ru/tend/nochalf01.html>.
15. Хаймович Б.С., Роговская Б.И. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Высш. шк., 1987. 298 с.
16. Clark H. Space, time, semantics, and the child. In: Moore T.E., ed. Cognitive development and the acquisition of language. Toronto, Academic Press, 1973, pp. 27–63.
17. Fitzgerald F.S. Tender is the Night. Available at: http://fitzgerald.narod.ru/tend/orig_tender_01.html.
18. Jespersen O. The philosophy of grammar. London, Unwin Brothers LTD., 1958, 359 p.
19. Lyons J. Introduction to theoretical linguistics. Great Britain, Cambridge University Press, 1995, 519 p.
20. Palmer F.R. The English Verb. New York, Longman, 1987, 268 p.
21. Pareyon G. Fractal theory and language: the form of macrolinguistics. Available at: <http://www.mi.sanu.ac.rs/vismath/BA2007/sym79.pdf>.
22. Tyler A., Evans V. The Semantics of English Prepositions: Spatial Scenes, Embodied Meaning and Cognition. New York, Cambridge University Press, 2003, 254 p.

МОРОЗКИНА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой лингводидактики и переводоведения, Башкирский государственный университет, Россия, Уфа (morozkinaeva@mail.ru).

МОРОЗКИН ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры финансов и налогообложения, Башкирский государственный университет, Россия, Уфа (morozkinaeva@mail.ru).

САФИНА ЗАРЕМА МИНИАМИНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики и переводоведения, Башкирский государственный университет, Россия, Уфа (safinazarema@mail.ru).

E. MOROZKINA, Yu. MOROZKIN, Z. SAFINA

SPATIAL PREPOSITIONS IN THE LIGHT OF FRACTAL THEORY

Key words: fractal, structural self-similarity, fractal dimension, fractal structure of meanings, spatial prepositions.

The article discusses the structure and variability of spatial prepositions meanings in terms of the theory of fractals. Fractality of a language presupposes its having self-similarity (scale invariance) and recursion (using the generated at each generation step). Self-similarity being the basis of fractals, is inherent to uncountable natural and social phenomena. In addition to self-similarity, fractals also have the property of irregularity, fractal dimension as well as scalar relativity and formal consistency.

The language exhibits all the basic properties of a fractal that allows to consider a language as a fractal structure. For the analysis of structure fractality and meanings of spatial prepositions up and down we have chosen F. S. Fitzgerald's novel "Tender is the Night" (1934) and one of the variants of its translation into Russian made by T. Krasnolutsкая. The authors attempted to prove that the structure and semantic variability of language units can be conventionally divided into two groups, conveying transition from one space into another space and transition from one state into another state. In this case, the first component is an indicator of structural similarity, and the second one – of fractal dimension.

The investigated prepositions do not only specify the vector of motion in the physical space, but form the so-called space of states as well. It is possible to distinguish two types of fractals formed by prepositions up and down – the fractal of space and the fractal of state. Since any language is considered as a heterogeneous structure, and the English and Russian languages are languages with different structures, not all prepositions can be studied using the theory of fractality. There are cases beyond this theory, when prepositions duplicate their meanings or are used to extend the meanings of verbs and adverbs. The analysis of prepositions functioning in terms of fractal theory can be used in the process of literary texts translation.

References

1. Aksenenko B.N. *Predlogi angliiskogo yazyka* [English prepositions]. Moscow, Literatura na inostrannykh yazykakh Publ., 1956, 320 p.
2. Anichkov I.E. *Vstupitel'naya stat'ya* [Introduction]. In: Aksenenko B.N. *Predlogi angliiskogo yazyka* [English prepositions]. Moscow, Literatura na inostrannykh yazykakh Publ., 1956, pp. 3–16.
3. Barhudarov L.S., Shteling D.A. *Grammatika angliiskogo yazyka* [English grammar]. Moscow, Literatura na inostrannykh yazykakh Publ., 1960, 424 p.
4. Borozdina I.S. *Predlogi kak spetsificheskoe sredstvo verbalizatsii prostranstvennykh otnoshenii* [Prepositions as a specific means of verbalization of spatial relations]. *Uchenye zapiski. Yelektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Academic reports. On-line academic journal of Kursk state university], 2010, no. 2, pp. 134–138.
5. Vorob'ev V.V., Morozkina E.A., Fatkullina F.G. *Triada yazyk – kul'tura – lichnost' kak osnova sovremennoi lingvokul'turologii* [The triad Language – Culture – Individual as basis of modern linguo-cultural science]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2016, vol. 21, no. 2, pp. 355–359.
6. Ganshina M.A., Vasilevskaya N.M. *Prakticheskaya grammatika angliiskogo yazyka* [Practical grammar of English]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1964, 548 p.
7. Il'ish B. A. *Stroi sovremennogo angliiskogo yazyka* [The system of modern English]. Leningrad, Prosveshenie Publ., 1971, 366 p.
8. Lindner S. *To, chto dvizhetsya vverkh (up), ne obyazatel'no mozhet sledovat' vniz (down): so-postavlenie in i out* [What goes up doesn't necessarily come down: The ins and outs of opposites]. *Issledovaniya po semantike predlogov: sb. statei* [Study on semantics of prepositions: Collection of articles]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, pp. 55–82.
9. Morozkina E.A., Kamalov R.I. *Metaforizatsiya khudozhestvennogo prostranstva v tekstakh N. Gotorna* [Metaphorization of literary space in N. Hotorn's texts]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2016, vol. 21, no. 3, pp. 706–712.
10. Morozkina E.A., Safina Z.M. *Lingvisticheskaya fraktal'nost' khudozhestvennogo teksta* [Linguistic fractality of a literary text]. *Yazykovye edinitsy v svete sovremennykh nauchnykh paradig: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. Conf. «Language units in the light of modern scientific paradigms»]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2015, pp. 184–188.
11. Morozkina E.A., Safina Z.M. *Fraktal'nost' grammaticheskikh form v originale i perevode* [Fractality of grammatical forms in the original and in the translation]. *Modernizatsiya vysshego obrazovaniya v Rossii: opyt istorii i vektory razvitiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. Conf. «Modernization of higher education in Russia: experience of the past and vectors of development»]. Ufa, Bashkir State University, 2016, part II, pp. 14–20.

12. Seliverstova O.N. *Trudy po semantike* [Works on semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, 960 p.
13. Smirnitkii A.I. *Morfologiya angliiskogo yazyka* [Morphology of the English language]. Moscow, Literatura na inostrannyh yazykah Publ., 1959, 440 p.
14. Fitzgerald F.S. *Nockh' nezha* [Tender is the night]. Available at: <http://fitzgerald.narod.ru/tend/nochalt01.html>.
15. Haimovich B.S., Rogovskaya B.I. *Teoreticheskaya grammatika angliiskogo yazyka* [Theoretical grammar of the English language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987, 298 p.
16. Clark H. Space, time, semantics, and the child. In: Moore T.E., ed. *Cognitive development and the acquisition of language*. Toronto, Academic Press, 1973, pp. 27–63.
17. Fitzgerald F.S. *Tender is the Night*. Available at: http://fitzgerald.narod.ru/tend/orig_tender_01.html.
18. Jespersen O. *The philosophy of grammar*. London, Unwin Brothers LTD., 1958, 359 p.
19. Lyons J. *Introduction to theoretical linguistics*. Great Britain, Cambridge University Press, 1995, 519 p.
20. Palmer F.R. *The English Verb*. New York, Longman, 1987, 268 p.
21. Pareyon G. *Fractal theory and language: the form of macrolinguistics*. Available at: <http://www.mi.sanu.ac.rs/vismath/BA2007/sym79.pdf>.
22. Tyler A., Evans V. *The Semantics of English Prepositions: Spatial Scenes, Embodied Meaning and Cognition*. New York, Cambridge University Press, 2003, 254 p.

MOROZKINA EUGENIYA – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Linguodidactics and Translatology Department, Bashkir State University, Russia, Ufa (morozkinaea@mail.ru).

MOROZKIN YURIY – Candidate of Physics and Mathematics Sciences, Associate Professor of Finance and Tax Department, Bashkir State University, Russia, Ufa (morozkinaea@mail.ru).

SAFINA ZAREMA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Linguodidactics and Translatology Department, Bashkir State University, Russia, Ufa (safinazarema@mail.ru).

Ссылка на статью: Морозкина Е.А., Морозкин Ю.Н., Сафина З.М. Пространственные предлоги в свете теории фракталов // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 269–276.

УДК 81'25
ББК 81.2

Е.А. МОРОЗКИНА, О.О. ТИМИРБАЕВА

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПАРАДОКСА
(на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»
и англоязычных версий его перевода)***

Ключевые слова: парадокс, виды парадоксов, функции парадоксов, парадоксальные высказывания, перевод, художественный текст.

Актуальность данной статьи обусловлена значительным интересом лингвистов к изучению понятия «парадокс», его характеристик, видов и функций, а также тем обстоятельством, что проблемы перевода парадоксальных высказываний эпизодов, реплик, высказываний в художественном тексте до сих пор остаются малоисследованными. В статье исследуются проблемы перевода парадокса на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и его переводов, осуществленных М. Паркером, Дж. Уиздомом и М. Мюрреем. В статье выявляются наиболее характерные для прозы М.Ю. Лермонтова виды парадокса, в частности, парадокс, основанный на антонимии, и учитывается парадоксальность мотива игры, введенного писателем. Проводится сопоставительный анализ парадоксальных высказываний в оригинале и англоязычных переводах. Отмечается, что при переводе художественных текстов, содержащих парадоксальные фразы и описания, в первую очередь следует выявлять парадоксальные элементы и попытаться передать их, сохраняя авторскую интенцию. Доказывается, что принцип парадоксальности, заложенный в сюжет, добавляет выразительности художественному тексту, особенно в случае, когда прием парадокса приобретает универсальный характер и, следовательно, должен быть учтен при переводе. В статье рассматривается использование автором принципа парадоксальности при создании образов Печорина, Веры, доктора Вернера в аспекте парадоксального сюжетного решения и семантики парадоксальных высказываний персонажей. Анализируются способы перевода парадоксов в англоязычных версиях перевода, отмечается, что в ряде случаев переводчикам не удается передать элемент парадоксальности в художественном тексте, что приводит к определенному искажению смысла текста оригинала.

Проблемы перевода парадокса в лингвистике остаются малоизученными, особенно в аспекте обратного перевода, что определяет актуальность данной статьи. Научная новизна статьи заключается в выявлении парадоксов в прозе М.Ю. Лермонтова на уровне построения сюжета и структуры образов, в выделении наиболее характерных для прозы писателя видов парадокса, сопоставлении парадоксальных элементов сюжета и высказываний персонажей в оригинале и англоязычных версиях перевода.

Цель статьи включает анализ оригинала романа и англоязычных версий его переводов, созданных Дж. Уиздомом и М. Мюрреем (1924), М. Паркером (1947), с точки зрения проблем перевода парадоксов. Задачи исследования включают определение видов парадокса в прозе М.Ю. Лермонтова и их основных функций в тексте, а также сопоставительный анализ оригинала и переводов с точки зрения адекватности переводческих решений в аспекте проблемы перевода парадоксальных высказываний.

Понятие «парадокс» зародилось в древнегреческой философии, в современной критике неоднозначно трактуется с позиции логики, философии и лингвистики.

На сегодняшний день отсутствует единая трактовка термина «парадокс». Одни исследователи отождествляют данное понятие с языковой аномалией

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФНФ научного проекта № 16-04-00042.

(В.Д. Девкин, В.Д. Одинцов, Е.А. Селиванова), другие считают, что данное явление имеет место, когда разные компоненты высказывания противоречат друг другу (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелева). Рассматривая парадокс в художественной литературе, критики пришли к выводу, что этот прием основан на противоречии общему мнению, стереотипу или намеренно созданному ожиданию. Интерес лингвистов к парадоксу связан с его природой, освобождающей от стереотипов и клише, и свойством акцентировать внимание к способу и технике выражения парадоксальной игры смыслами. В своих работах определенное внимание парадоксу уделяли В.А. Звегинцев, Н.Д. Арутюнова, В.В. Одинцов, В.Д. Девкин, Л.А. Нефедова. Ряд лингвистических исследований был посвящен анализу отдельных свойств парадоксальных высказываний. Так, прагматикой таких высказываний занимался Б.Т. Ганеев, лексико-семантические аспекты парадокса затрагивались В.И. Карасиком, Э.Б. Темяниковой, Д.А. Крузе, спецификой функционирования парадоксов в процессе коммуникации интересовался П. Вацлавик, лингвокогнитивный и прагматический аспекты данного феномена анализировались Е.Ю. Жигadlo [1. С. 29–30].

Среди основных характеристик парадокса, наиболее ярко отражающих его особенности в художественном тексте, выделяют следующие: противоречивость высказывания, наличие эксплицитно выраженных или имплицитно подразумеваемых противоположных точек зрения, неожиданный подход к трактовке привычного явления, рассчитанный на создание эффекта обманутого ожидания [8. С. 233].

Лингвисты отмечают, что построение парадоксальных высказываний тесно связано с функциями парадокса в художественном контексте, к которым, помимо создания художественной выразительности, относится имплицитная характеристика художественных образов. Парадокс в художественных текстах выполняет следующие функции: выделительную и конструирующую. Первая реализуется через парадокс как фигуру речи, вторая структурирует текст художественного произведения. Необходимо отметить, что особенность художественной прозы М.Ю. Лермонтова заключается, в частности, в том, что он блестяще пользуется приемом парадокса особенно, как мы полагаем, при создании художественных образов, развивая как выделительную функцию парадокса, так конструирующую.

В художественном тексте парадокс, как правило, классифицируют по функциональному и семантическому признакам. Семантическая направленность парадокса позволяет выделить главные виды парадоксов: парадоксы, основанные на антонимии, сопоставлении и перефразе известных высказываний. Парадоксы, основанные на антонимии, создаются противопоставлением лексических единиц, тогда как в парадоксах, основанных на сопоставлении, лексические единицы сопоставляются или сравниваются друг с другом. Парадоксы, основанные на перефразе известных высказываний, как правило, строятся на противопоставлении антонимов, один из которых выражен имплицитно. По функциональному признаку выделяют философский, исторический, характерологический, сюжетный и иронический парадоксы.

При переводе художественных текстов перед переводчиком стоит важная задача: достоверно передать целостность и смысловую многозначность оригинала. Вильгельм фон Гумбольдт определяет перевод текста или сообщения с одного языка на другой как важнейшую проблему соотношения языка и мышления, которые, «находясь в нерасторжимом единстве», одновременно содержат внутреннюю противоречивость, что, естественно, затрудняет процесс понимания и интерпретации сообщения [5. С. 111]. Кроме того, «понимание текста часто усложняется временным, культурным и языковым разрывом между

автором текста и его интерпретатором, который в нашем случае выступает в роли переводчика» [4. С. 86]. Следовательно, «проблема поиска и раскрытия смысла является ключевой для понимания, истолкования перевода текстов в целом и художественных произведений, в частности» [4. С. 18]. Для понимания смысла текста, содержащего парадоксальные фразы, описания, обороты речи, переводчику необходимо выделить парадоксальные элементы текста и интерпретировать их в тексте перевода с наименьшими семантическими потерями. Если переводчик неверно передает парадоксальные элементы текста, то происходит потеря доминантных смыслов художественного произведения. Для сохранения в переводе авторской интенции переводчику необходимо «скорректировать имплицитные смыслы» [6. С. 172], заложенные в парадоксальных эпизодах, в сюжетных коллизиях, а также воплощенные, практически, во всех художественных образах, начиная с образа главного героя Печорина. Необходимо также учитывать в переводе парадоксальность мотива игры, введенного писателем в роман. Принцип парадоксальной игры заложен в структуре романа и усиливает выразительность художественных образов. Так, парадоксальность образа главного героя Печорина связана с особенностями его характера, поскольку в нем сочетаются радость и печаль, трагичность и комичность, доброта и жестокость по отношению к людям. Даже в своем дневнике, сам жанр которого предполагает искреннее раскрытие переживаний персонажа, герой, на самом деле, сохраняет загадочность и таинственность, предпочитая то снимать, то надевать маску, скрывающую его истинные чувства. Парадоксальны внутренний мир и характер героя: он одновременно нежен и коварен со своими возлюбленными, искренен и лукав с теми, кого считает своими друзьями. Печорин с удовольствием разыгрывает людей: флиртует с княжной Мери, ведет нечестную игру с Грушницким, иронизирует над его недостатками, доводит пустяковый конфликт до дуэли. Вследствие этого комическая модель поведения Печорина парадоксально переходит в трагическую, связанную с гибелью Грушницкого. Другие персонажи, впрочем, пытаются «переиграть» самого Печорина, хотя весьма существенно уступают ему в интеллекте и образованности, что также вводит эффект парадоксальности в эпизоды, в которых его легко обманывают «честные контрабандисты»: юная Ундина едва не утопила многоопытного Печорина в море, а слепой мальчик обокрал его, забрав шкатулку, шашку и кинжал. Безусловно, введение образа слепого юноши, способного на такой поступок, как кража, также можно внести в разряд парадоксальности.

Парадоксальную игру ведет с Печориным и Вера, «образ этой героини тоже окутан тайной» [3. С. 82], и, как правило, трактуется положительно. Напрашивается парадоксальный вывод о том, что, хотя Печорин считает себя глубоким философом и тонким психологом, в реальности он не разбирается в людях, принимая их недостатки за достоинства. С позиции морали XIX в. ее поведение нельзя рассматривать как положительное в силу ряда парадоксальных деталей, включенных автором в роман, а именно: она, казалось бы, любит Печорина, но при этом легко обманывает его, просит его сделать вид, что он равнодушен к княжне Мери, что приводит к дуэли и смерти Грушницкого. Вера искренна, честна и идеальна только в воображении Печорина, а, на самом деле, не может рассматриваться как положительная героиня. Вера встречается с Печориным, находясь в браке и имея сына от первого брака. Она выходит во второй раз замуж по расчету за «хромого старичка» [2. С. 108], которого предпочитает Печорину. Вера уважает мужа «как отца, – и будет обманывать как мужа» [2. С. 109], с легкостью убегая на тайные свидания с Печориным. Данный парадокс удачно передан в переводах (“for she respects him like a father –

and will deceive him as a husband” [9. С. 109] и “she respects him as a father, and will deceive him as a husband” [10. С. 87]). Следует отметить, что для выразительности и усиления экспрессивности приведенного парадокса, помимо лексических средств, автор использует графические средства, например, в данном случае, тире. Авторская интенция была сохранена лишь в переводе М. Паркера, переводчики Дж. Уиздом и М. Мюррей заменили тире запятой.

Наиболее ярко, полагаем, парадоксальность проявляется в образе доктора Вернера, которого критики часто называют двойником Печорина, что уже предполагает некоторую парадоксальную двойственность персонажей, учитывая отсутствие у них внешнего сходства и разноплановость их внутреннего мира.

Портрет персонажа вводится Печориным и оставляет неблагоприятное впечатление, а именно: Вернер «мал ростом и худ и слаб, как ребенок; одна нога была у него короче другой, как у Байрона; в сравнении с туловищем голова его казалась огромна» [2. С. 96]. Впрочем, как убежден Печорин, эти внешние недостатки компенсируют острый ум и душа, «испытанная и высокая» [2. С. 96]. Вслед за Печориным и автор характеризует доктора Вернера как философа, способного на рациональные суждения в большинстве случаев парадоксального характера, причем большей частью парадоксы, связанные с этим образом, основаны на антонимии.

Приводим таблицу некоторых парадоксальных суждений и высказываний, связанных с этим персонажем, в оригинале и англоязычных версиях перевода.

Парадоксальные суждения в оригинале романа «Герой нашего времени» и англоязычных версиях

Оригинал	Переводы
«...его имя Вернер , но он русский . Я знал одного Иванова , который был немец » [2. С. 95].	“...His name is Werner , but he is a Russian . I once knew an Ivanov who was a German ” [9. С. 96]. “His name is Werner , but he is a Russian . I have known a man named Ivanov , who was a German ” [10. С. 78].
«Он скептик и материалист ,... а вместе с этим поэт , ...» [2. С. 95].	“He is a sceptic and a materialist ..., but he is also a poet , ...” [9. С. 96]. “... he is a sceptic and a materialist , but , at the same time, he is a genuine poet ...” [10. С. 78].
«...Вернер исподтишка насмехался над своими больными ; но я раз видел, как он плакал над умирающим солдатом ...» [2. С. 95].	“...Werner secretly laughed at his patients , yet once I saw him weep over a dying soldier ...” [9. С. 96]. “...Werner usually made fun of his patients in private; but once I saw him weeping over a dying soldier ...” [10. С. 78].
«Он изучал все живые струны сердца человека , как изучают жилы трупа ...» [2. С. 95].	“He has studied the vital chords of the human heart the way men study the sinews of a corpse ...” [9. С. 96]. “He has mastered all the living chords of the human heart , just as one learns the veins of a corpse ...” [10. С. 78].

В первом примере парадокс основан на противопоставлении лексических единиц: автор называет героя Вернером и русским по национальности, а некого Иванова немцем. Примечательно, что прилагательное «одного», скорее всего, подразумевает значение «какого-то определенного» Иванова. В переводах М. Паркера, Дж. Уиздома и М. Мюррея это значение оказалось утрачено в связи с использованием неопределенного артикля “a/an” вместо определенного “the”.

Отличительной особенностью следующих примеров (2 и 3) является то, что вместо союза “and” переводчики вводят союзы “but” / “yet”. В русском языке

ке эти союзы относятся к группе противительных сочинительных союзов, но основным значением союза «а» является сопоставление. При помощи него сопоставляются факты, которые различаются по какому-либо признаку, но не являются взаимоисключающими, а сосуществуют. Отсюда вывод, что в данном парадоксе союз «а» в сочетании с выражением «вместе с этим» указывает на многогранность личности персонажа, в котором сосуществуют скептицизм и внутренняя поэтичность. Следовательно, употребление в переводе союза «and» являлось бы более уместным.

Второй пример интересен и тем, что переводчики Дж. Уиздом и М. Мюррей в своем варианте перевода позволили вольность, добавив к существительному «poet» прилагательное «genuine», хотя в оригинале такая информация отсутствует. Не совсем ясно, почему и на основании чего переводчики пришли к выводу, что доктор является поэтом. Скорее всего, автор имел в виду не столько поэтические способности персонажа, сколько его романтическую душу, поскольку, как отмечено в оригинале, он «в жизнь свою не написал двух стихов» [2. С. 58].

Согласимся с идеей о том, что «эмоциональная жизнь человека находит свое выражение в языке» [6. С. 172]. Эмоциональные переживания доктора Вернера представлены в парадоксе, основанном на противопоставлении действий героя, выраженных антонимами «насмехался – плакал», соответственно, в англоязычных версиях “laughed at – weep over” (М. Паркер) и “made fun of – weeping over” (Дж. Уиздом и М. Мюррей). Данный пример подчеркивает, что парадоксальность свойственна не только высказываниям и поведению персонажа, но и его внутреннему миру, иными словами, в одной и той же ситуации персонаж способен переживать противоречивые эмоции: радость и горе. «Как отмечают исследователи, одна из главных функций эмоций состоит в том, что они помогают ориентироваться в окружающей действительности, оценивать предметы и явления с точки зрения их желательности или нежелательности, полезности или бесполезности» [6. С. 173], в нашем случае, с точки зрения парадоксальности внутреннего восприятия действительности и внешнего мира.

Парадоксальное соединение комического и трагического встречается и в эпизоде, когда автор сравнивает процесс изучения «живых струн сердца человеческого» [2. С. 58] с процессом исследования «жил трупа» [2. С. 58]. Данное сравнение обладает свойством парадоксальности, которая выражена противопоставлением существительных «живые струны сердца» и «жилы трупа». Отметим, что отмеченный парадокс, на наш взгляд, успешно переведен переводчиками.

Таким образом, парадокс как литературный прием используется и для выражения парадоксальной игры смыслов, и для придания выразительности образам. В свою очередь, парадоксы М.Ю. Лермонтова представляют собой оригинальную игру смыслами. Среди видов парадокса, которые автор вводит в роман, наиболее широко представлен парадокс, основанный на антонимии, главная функция которого заключается в выделение парадоксальных особенностей внутреннего мира и внешнего облика персонажей. Полагаем, художественный парадокс существенно обогатил прозу М. Ю. Лермонтова, продемонстрировав введенные в роман имплицитные смыслы, которые, как показало проведенное исследование, не всегда удается разгадать переводчикам и отобразить в англоязычных версиях перевода, что, безусловно, не может не оказать определенного влияния на общий смысловой фон произведения. Переводчики при работе над оригиналом создают свой художественный текст, в котором следует сохранить авторскую интенцию, выраженную в парадоксальной игре смыслами, и достоверно передать смысловую многозначность художественного текста.

Литература

1. Кожевникова А.В. Феномен парадокса в языке (на материале немецкого языка) // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 2. С. 29–32.
2. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М.: АСТ, 2015. 281 с.
3. Морозкина Е.А., Зарипова Р.Р. Универсальность мотива игры в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Наследие М.Ю. Лермонтова и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (29 мая 2004 г.). Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 81–84.
4. Морозкина Е.А., Насанбаева Э.Р. Отражение национальной языковой картины мира в герменевтическом круге в процессе перевода. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 84 с.
5. Морозкина Е.А., Филиппова Ю.А. Лингвистическая система Вильгельма фон Гумбольдта у истоков герменевтической модели перевода // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 1. С. 110–114.
6. Морозкина Е.А., Хамматова С.Р. Выражение эмотивности в художественном тексте (на материале романа У. Г. Симмса «Мартин Фабер») // Вестник Башкирского университета. 2015. № 1. С. 172–178.
7. Яшина Е.А. О парадоксах в логике и лингвистике текста // Язык. Текст. Дискурс. 2006. № 4. С. 28–32.
8. Яшина Е.А. Способы формирования парадоксальных высказываний в художественном тексте (на материале русского и английского языков) // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2-1. С. 233–236.
9. Lermontov M.Y. A hero of our time / Translated by Martin Parker. Moscow, Foreign languages Publ., 1947. 224 p.
10. Lermontov M.Y. A hero of our time / Translated by J.H. Wisdom and Marr Murray. New York, Knopf, 1924, 265 p.

МОРОЗКИНА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой лингводидактики и переводоведения, Башкирский государственный университет, Россия, Уфа (morozkinaeva@mail.ru).

ТИМИРБАЕВА ОКСАНА ОЛЕГОВНА – ассистент кафедры лингводидактики и переводоведения, Башкирский государственный университет, Россия, Уфа (oks-timirbaeva@yandex.ru).

E. MOROZKINA, O. TIMIRBAEVA

**PROBLEMS OF PARADOX TRANSLATION
(BASED ON M. LERMONTOV'S NOVEL «A HERO OR OUR TIME»
AND THE ENGLISH VERSIONS OF ITS TRANSLATION)**

Key words: *paradox, types of paradoxes, functions of paradoxes, paradoxical statement, translation, literary text.*

The topicality of the article is defined by linguists' significant interest in studying the concept of "paradox", its characteristics, types and functions as well as by the fact that the problems of translating paradoxical statements, episodes, remarks, utterances in the literary texts haven't been thoroughly investigated. The article examines the problems of paradox translation in M. Lermontov's novel "A hero of our time" and its translation from Russian into English performed by M. Parker (1947), J.H. Wisdom and M. Murray (1924). In the article the most peculiar types of paradoxes of M. Lermontov's prose, including the paradoxes based on antonymy, are defined and paradoxical motive of game inserted into the novel by the author is taken into account. A comparative analysis of paradoxical statements is carried out in the original and its English-language translations. It is noted that when translating literary texts containing paradoxical phrases and descriptions first of all one should reveal paradoxical elements and try to translate them without loss of the author's intention. It is proved that the principle of paradoxicality included into the plot of the novel makes the literary text emphatically more impressive, especially in the case when the paradox gains a universal character and, thus, should be taken into account while translating. The author's use of paradoxicality principle when forming the characters of Pechorin, Vera, and Doctor Werner in the aspect of paradoxical plot structure and semantics of paradoxical heroes' utterances and remarks is considered in the article. The ways of paradoxes translation in English versions of the novel are analyzed. It is noted that in a number of cases translators do not succeed in translating elements of paradoxicality in a literary text which results in a certain distortion of the original meaning.

References

1. Kozhevnikova A.V. *Fenomen paradoksa v yazyke (na materiale nemetskogo yazyka)* [The phenomenon of "paradox" in the language (based on the German language)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 2, pp. 29–32.
2. Lermontov M.Y. *Geroi nashogo vremeni* [A hero of our time]. Moscow, AST Publ., 2015, 281 p.
3. Morozkina E.A., Zaripova R.R. *Universal'nost' motiva igry v romane M.Yu. Lermontova "Geroi nashogo vremeni"* [Universality of the motive of play in M.Yu. Lermontov's novel "A hero of our time"]. *Nasledie M.Yu. Lermontova i sovremennost': materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (29 maya 2004 g.)* [Proc. of Rus. Sci. Conf. «The heritage of M.Yu. Lermontov and modernity»]. Ufa, 2005, pp. 81–84.
4. Morozkina E.A., Nasanbaeva E.R. *Otrazhenie natsional'noi yazykovoi kartiny mira v germenevticheskom krugue v protsesse perevoda* [Reflection of ethnical linguistic world-image in the hermeneutic circle in the process of translation: teaching guide]. Ufa, 2014, 84 p.
5. Morozkina E.A., Filippova Yu.A. *Lingvisticheskaya sistema Vil'gel'ma fon Gumbol'dta u istokov germenevticheskoi modeli perevoda* [Wilhelm Von Humboldt's linguistic system at the origins of hermeneutic model of translation]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2014, vol. 19, no. 1, pp. 110–114.
6. Morozkina E.A., Hammatova S.R. *Vyrazhenie emotivnosti v hudozhestvennom tekste (na material romana U.G. Simmsa "Martin Faber")* [Representation of emotivity in literary texts (based on W.G. Simms's novel "Martin Faber")]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2015, no. 1, pp. 172–178.
7. Yashina E.A. *O paradokсах v logike i lingvistike teksta* [Paradoxes in logic and in text linguistics]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, 2006, no. 4, pp. 28–37.
8. Yashina E.A. *Sposoby formirovaniya paradoksal'nykh vyskazyvaniy v hudozhestvennom tekste (na material russkogo i angliiskogo yazykov)* [Methods of paradoxical statements formation in the literary text (based on the Russian and English languages)]. *Al'manah sovremenoj nauki i obrazovaniya*, 2008, no. 2-1, pp. 233–236.
9. Lermontov M.Y. *A hero of our time* / Translated by Martin Parker. Moscow, Foreign languages Publ., 1947. 224 p.
10. Lermontov M.Y. *A hero of our time* / Translated by J.H. Wisdom and Marr Murray. New York, Knopf, 1924, 265 p.

MOROZKINA EVGENIYA – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Linguodidactics and Translation Studies Department, Bashkir State University, Russia, Ufa (lingvodidactica@mail.ru).

TIMIRBAEVA OKSANA – Assistant Lecturer of Linguodidactics and Translation Studies Department, Bashkir State University, Russia, Ufa (oks-timirbaeva@yandex.ru).

Ссылка на статью: Морозкина Е.А., Тимирбаева О.О. Проблемы перевода парадокса (на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и англоязычных версий его перевода) // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 277–283.

УДК 81'373
ББК Ш10*33

Н.В. НИКОЛАЕВА, В.И. СЕРГЕЕВ

ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА ЗООНИМАМИ В ПАРЕМИЯХ, ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ И СРАВНЕНИЯХ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: зоонимы (анималионимы), устойчивые обороты, паремии (пословицы и поговорки), фраземы, сравнения, афоризмы, фразеологические единицы, метафоры.

В статье рассмотрены разные типы таких устойчивых оборотов, как паремии (пословицы и поговорки), фраземы, сравнения, афоризмы, которые взаимосвязаны и постоянно взаимодействуют в процессе их функционирования в системах различных языков. Особое внимание уделяется зоонимам (анималионимам), метафорическим переосмыслениям по модели «животное → человек» на примере слов «петух», «курица» и «цыпленок» в разных языках, которые используются для характеристики людей. Цель этих метафор – приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, т.е. перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации.

Все типы устойчивых оборотов, особенно паремии (пословицы и поговорки), фраземы, сравнения, афоризмы, в системе языка взаимосвязаны и постоянно взаимодействуют в процессе функционирования. В этих отношениях значительное место занимают процессы преобразования и перехода одних единиц в другие: пословицы могут переходить в поговорки, а поговорки могут стать фразеологическими единицами и сравнениями.

В нашей работе в одно тематическое объединение под названием зоонимы (анималионимы) входят все типы устойчивых единиц: паремии, фраземы, сравнения, крылатые и образные выражения (афоризмы) отдельных авторов.

В свое время В.В. Виноградов делил фразеологизмы на три разряда: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Выделение четвертого разряда фразеологических выражений было предложено Н.М. Шанским, который тем самым расширил известную классификацию фразеологизмов В.В. Виноградова. К фразеологическим выражениям относятся пословицы и поговорки, крылатые слова (афоризмы), изречения, устойчивые сочетания номинативного плана типа *любви все возрасты покорны* и др.

Пословицы – это народные устойчивые афористические изречения. Все вопросы, связанные с фразеологизмами, идиомами и пословицами, нашли отражение в работах чувашоведа – фразеолога М.Ф. Чернова. Но вопросы о связи афоризмов с фраземами оставались в стороне.

Афористика – поистине наука о жизни; афоризмы могут указать человеку жизненный путь, утешить в горе. Предложения по их определению и изучению были разные:

- а) афоризмы – предмет изучения фразеологии;
- б) пословицы лучше всего назвать народными афоризмами;
- в) афористика – область для демонстрации собственного «я».

Но никто из исследователей не обратил внимание на то, что все вышеперечисленные устойчивые обороты, изречения, выражения в какой-то степени метафоричны, т.е., приступая к изложению темы, мы должны понять, какими связями характеризуются метафорические переосмысления «животное → человек» и как это проявляется во всех устойчивых выражениях.

На основе метафоры образуются и другие устойчивые сочетания и термины. Если метафора выражена словосочетанием, она, как правило, фразеологизируется. При этом происходят метафорическое переосмысление,

преображение или новая референция слова или словосочетания. Метафора – скрытое сравнение. На основе метафор, сравнений и фразем возникает когнитивная лингвистика – направление в языкознании, которое исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия, под которой сейчас подразумевают глубинную семантику.

Тип метафоры «животное → человек» считается одним из самых сильных видов метахарактеристики личности. Цель этих метафор – приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, т.е. перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации. Сами названия зоонимов к оценке нейтральны, но человек подмечает в животных данные от природы признаки и приписывает человеку их этические, психические, поведенческие характеристики [4. С. 62; 3. С. 72].

Именно метафора является одним из продуктивных способов смыслопроизводства (семантической деривации) почти на всех значимых уровнях языковой структуры – лексическом, синтаксическом. Метафора – универсальное явление в языке. Ее универсальность проявляется в структуре языка и его функционировании. Изучение метафоры в сопоставительно-типологическом плане позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации.

Мы рассматриваем метафору в более широком эвристическом контексте, т.е. в исследовательский оборот вводим анималистические сравнения, фраземы (во многих случаях метафорический смысл можно вывести из переносных значений зоонимов), то же самое можно сказать о пословицах – об устойчиво-афористических изречениях, где переносные значения зоонимов обращены на человека. Метафора по своей природе антропометрична, в ней человек осознает себя «мерой всех вещей» [2].

Зоонимы, или анималионимы – это названия домашних и диких животных, птиц. В данной статье приводятся некоторые зоонимы чувашского и русского языков и соответствующие лексемы из ряда других языков: тюркских, индоевропейских, финно-угорских.

Автан «петух» → перен. драчливый человек; *çăвӑр автан*, «сеголетка» → «драчун, забияка» [ЧРСл. 1982. С. 22];

тат. *этӓч* «петух» → перен. *сугыш, чукмары, бӑйлӓнчек кеше* – «забияка, драчун», «придира, заноза».

Значение заносчивости, запальчивости выражено в татарских производных от слова *этӓч, этӓчлек* – «заносчивость, задорность»; *этӓчлӓну* «петушиться», «вести себя запальчиво, заносчиво» [ТРСл. 1966. С. 733];

англ. *sock* «петух» → перен. вожак, коновод (зачинщик, заводила); *sock of the school* – первый драчун в школе; ср. дериват *sockerel* «петушок» → перен. драчун, задира [АРСл. 1960. С. 191];

нем. *Hahn* «петух» → перен. *Hahn in Korb sein* – быть в центре внимания, пользоваться популярностью; быть единственным мужчиной в обществе женщин;

Фраземы – сравнения, показывающие задиристость «петуха → человека». Значение драчливости (драчун, забияка) проявляется в выражении «*автан лек – пите кутӓн, вӑрсчан, чӑкӓлтӓш*» весьма упрямый, задиристый, драчун, забияка, придира [7. С. 32]. Если судить по конструкции и по наличию послелога *лек*, это чистейший сравнительный оборот, но Г.И. Федоров считает это фразеологизмом, а мы называем эту конструкцию фраземо-сравнением. Значение задиристости может быть передано словоформой *автанла*: *унӓн автанла йӓла*

пур «он как петух» (о задире); ср. тат. *этэчлек* «заносчивость, задорность»; *этэчлену* «петушиться, вести себя задиристо и запальчиво». Сравнительные обороты *автан лек*, *этэч кебек* «как петух» отличаются от словоформ *автанла* и *этэчлек* тем, что в них нет послелогов *лек*, *кебек*, но поскольку они выражают то же значение, что и первые, эти словоформы могут быть названы лексемо-фразами, или лексема-сравнениями; ср. англ. *cockiness* «дерзость».

Зооморфические метафоры – это метафоры, развившиеся по модели «животное → человек», но не только: зооморфические метафоры могут образовываться и по модели «животное → часть тела человека»: *автан – арсыннән ар хатёрё* «мужской половой орган, penis»: *Автанă авăтатъ-и?* «Ты не импотент?» [А I: 60]; *Автанё суккър; Арлăх пурнăçёпе пурăнайман арсын* «Импотент, тот, кто страдает половым бессилием» [ЧЧАСК: 24]; ср. англ. *cock* «петух» → груб., разг. «половой член» [АРСл. 1960: 191].

Татары о человеке, умирающем в раннем возрасте, говорят: *этэч гомерле* «недолговечный», т.е. существующий недолго.

Фраземы типа *этэч гомерле* называются субстантивными фразеологическими единицами и обладают наиболее широкой сочетаемостью, где *этэч* считается стержневым компонентом, употребляющимся в одной фиксированной падежной форме. Стержневой компонент бывает в одноместном, двухместном, трехместном морфологическом окружении, но фразеологические единицы могут быть и с синтаксическим окружением [5. С. 113–152].

В английских фраземах со стержневым компонентом *cock* «петух» мы наблюдаем его в синтаксическом окружении: *cock of the walk* «хозяин положения; главная персона в своем окружении»; *to live like a fighting cock* «жить припеваючи» (о человеке, живущем богато и вольготно). Здесь мы имеем дело с фраземо-сравнением, где слово *like* – показатель сравнения, а стержневой компонент *cock* в синтаксическом многоместном окружении образует фразему; а в двухместном окружении *old cock* «дружище» (прилагательное *old* + существительное *cock*) мы сталкиваемся с адъективной моделью фраземы. Во фразеологической единице *that cock won't fight* «этот номер не пройдет» мы имеем дело с глагольной ФЕ.

Мы начали исследование метафоры, образованной по модели «животное → человек», а именно *автан* «петух» → «задира, забияка, драчун». Естественно, петухи, в особенности петушки-сеголетки задорны и драчливы. Народ наблюдал за их драчливым поведением и перенес их на задорность человека. На основе наблюдений люди придумали для себя забаву – *петушиный бой, cockfight, cock fighting*, где задиристые петухи-вояки, драчуны заклеивают друг друга до смерти.

В сравнениях русского языка участвуют две лексемы: *петун* и *петух*.

Петун: виться около девушек как петун – шутливо-иронически о молодцевато и кокетливо обхаживающем девушек парне, мужчине;

– обозлиться как петун – о сильно рассерженном, разозлившемся человеке.

Петух: вспетушиться как петух – о начавшем задираться человеке;

– драчливый как петух – о любящем драться по любому поводу человеке;

– как петух – о задиристом, боевом человеке;

– как молодой петух – о задиристом, драчливом молодом человеке;

– как два петуха – об агрессивно настроенных, задирающих друг друга двух мужчинах;

– стать петухом – о человеке, вставшем в молодцеватую и задиристую позу [БСНС 2008. С. 496–498].

Петуха в основном сравнивают с парнем или молодым мужчиной, а с курицей сравниваются женщины, бабы и девушки, хотя и не всегда:

- как кура (курица) худая – об очень худой, непривлекательной женщине;
- как курица – 1) о глупой, суетливой, крикливой женщине; 2) о растрепанной, нелепо одетой женщине;
- как ощипанная курица – о женщине с растрепанными волосами;
- кудахтать как курица – о суетливой, крикливой женщине;
- раскудахтаться как курица – о громко, быстро и эмоционально говорящей женщине;
- бродить как кура – о бестолково, праздно ходящей женщине;
- ссесться как курицы-седухи – о сабравшихся посудачить женщинах [БСНС 2008. С. 326–328].

В английском *hen*: 1) курица; 2) *шутл.* женщина, на нем. 1) *Hahn* «петух»; 2) самец у птиц; → перен. *Hahn in Korb sein* – быть в центре внимания, пользоваться популярностью; быть единственным мужчиной в обществе женщин. Если считать англ. *Hen* и нем. *Hahn* однокоренными, то почему они разнозначные?

Если слово *петух* в русском языке метафорически характеризует мужчин, парней, молодых людей, а *курица* является в основном характеристикой женщин, то *цыпленок* в сравнениях и фраземах характеризует и мужчин, и женщин, и детей; ср. чув. *ман пёчёк чёплём* «мой маленький ребенок»; фразема: *кёл чёппи (чэххи) «домосед», «человек с бледным лицом»; англ. chicken 1) «цыпленок, птенец»; 2) «ребенок», «юнец» (неопытный); spring chicken «желторотый юнец»; амер. «новоиспеченный».*

Таким образом, зоонимы (анималионимы) при всей их обычности пополняют лексику непредметной действительности, а именно характеристику свойств человека, его поступков, и помогают соизмерить их в соответствии с человеческим масштабом знаний и представлений, а вместе с тем и с системой национально-культурных ценностей и стереотипов.

Сокращения

1. А I-XVII – Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. 1–17. Казань; Чебоксары, 1928–1950.
2. АРСл – Англо-русский словарь. 7-е изд. М.: Госизд. иностр. и нац. словарей, 1960. 1192 с.
3. БСНС – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь народных сравнений. М.: Олма Медиа групп, 2008. 799 с.
4. Ожегов – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 907 с.
5. ТРСл – Татарско-русский словарь.
6. Ушаков – Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2007. 1239 с.
7. ЧРСл – Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. М., 1982; 2-е изд. 1985. 712 с.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц // Академик А.А. Шахматов: труды комиссии по истории АН СССР. М.; Л., 1947. Вып. 3.
2. *Николаева Н.В., Сергеев В.И.* Когнитивная лингвистика, человеческая когниция и зооморфические метафоры // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 233–237.
3. *Сергеев В.И.* Развитие лексической семантики чувашского языка. Основные тенденции. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. 175 с.
4. *Склярёвская Г.Н.* Опыт системного описания языковой метафоры в словаре // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988. С. 63–67.
5. *Уракин З.Г.* Фразеология башкирского языка / АН СССР, Башк. филиал, Ин-т истории, яз. и литературы. М.: Наука, 1975. 192 с.
6. *Чернов М.Ф.* Фразеология чувашского языка // Избр. труды. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 276–305.
7. *Федоров Г.И.* Чăваш фразеологийĕн аңлантарулла сăмах кĕнеки. I-II том. Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 2017.
8. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Вышш. шк., 1969.

НИКОЛАЕВА НАТАЛИЯ ВИТАЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nicknata75@inbox.ru).

СЕРГЕЕВ ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашского языкознания и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (cervitchuv45@rambler.ru).

N. NIKOLAEVA, V. SERGEEV

CHARACTERISTIC OF A PERSON WITH ZOONYMS IN PAROEMIAS,
IDIOMS AND COMPARISONS OF DIFFERENT LANGUAGES

Key words: *zonyms (animalionyms), chunks of language, paroemias (proverbs and sayings), phrasemes, comparisons, aphorisms, phraseological units, metaphors.*

The article considers different types of chunks of language, especially paroemias (proverbs and sayings), phrasemes, comparisons, aphorisms, which are interrelated and constantly interact in the process of their functioning in different systems of languages. Special attention is paid to zonyms (animalionyms), metaphorical rethinking in the model «animal → person» through the example of the words «cock», «hen» and «chick» which are used in different languages to characterize people. The purpose of these metaphors is to attribute to a person some signs that always or almost always have an evaluative meaning, i.e. transfer of animal characteristics to humans that involves evaluative connotations.

References

1. Vinogradov V. V. *Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinic* [On the main types of phraseological units]. *Akademik A.A. Shahmatov. Trudy komissii po istorii AN SSSR. Vyp. 3* [The work of the Commission on the history of the Academy of Sciences of the USSR. Issue 3]. Moscow, Leningrad, 1947.
2. Nikolaeva N.V., Sergeev V.I. *Kognitivnaya lingvistika, chelovecheskaya kognitsiya i zoomorficheskie metafory* [Cognitive linguistics, human cognition and zoomorphic metaphors]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2016, no. 4, pp. 233–237.
3. Sergeev V.I. *Razvitie leksicheskoi semantiki chuvashskogo yazyka. Osnovnye tendentsii* [Development of lexical semantics of the Chuvash language. Basic trends]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1991, 175 p.
4. Sklyarevskaya G. N. *Opyt sistemnogo opisaniya yazykovoi metafory v slovare* [Systematic description of linguistic metaphors in the dictionary]. In: *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specificity of the language and its reflection in a normative dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 63–67.
5. Uraksin Z.G. *Frazeologiya bashkirskogo yazyka* [Phraseology of the Bashkir language]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 192 p.
6. Chernov M.F. *Frazeologiya chuvashskogo yazyka* [The phraseology of the Chuvash language]. In: *Izbr. trudy* [Selected works]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2006, pp. 276–305.
7. Fedorov G.I. *Chuvash frazeologii anlantarulla samakh keneki. I-II tom* [Chuvash phraseology dictionary. I-II vol.]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2017.
8. Shanskii N.M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of modern Russian language]. Moscow, 1969.

NIKOLAEVA NATALIA – Senior Lecturer of Foreign Languages Department № 2, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (nicknata75@inbox.ru).

SERGEYEV VITALY – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Linguistics and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (cervitchuv45@rambler.ru).

Ссылка на статью: Николаева Н.В., Сергеев В.И. Характеристика человека зоонимами в паремиях, фразеологизмах и сравнениях разносистемных языков // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 284–288.

УДК 811.512.111+811.511.152+94(470.344)+94(470.345)
ББК ТЗ(2Рос.Чув)-73(2Рос.Мор)+Ш12=635.1*008.3=663.1

О.Е. ПОЛЯКОВ

МОРДВА И ЧУВАШИ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ – ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУР И ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: прауральский язык, мордовские языки, мокшанский язык, эрзянский язык, мордовские диалекты, сонорные согласные, «глухие» сонорные, заднеязычный носовой согласный.

Мордовско-чувашские отношения (в отличие от мордовско-татарских) изучены недостаточно. Поэтому цель статьи – восполнить этот пробел. Учитывая, что мордва и чуваша имеют древние связи, автор статьи приводит общие факты в их занятиях, семейном быту, материальной и духовной культуре мордвы и чувашей. Кроме того, в статье дается список слов, заимствованных мордвой из чувашского языка. Чтобы разграничить чувашские слова от татарских, в статье приводятся критерии их разграничения. Кроме фонетических особенностей во внимание берутся и морфолого-семантические критерии. Материалы статьи представляют интерес не только для лингвистов, но и для историков, этнографов. Древние связи мордвы и чувашей, их контакты в настоящее время свидетельствуют о том, что эта тема требует дальнейшего исследования. Приведенный в статье материал подтверждает древние связи мордвы и чувашей. Автор статьи приводит сведения о продолжающихся контактах мордвы и чувашей и в настоящее время.

Известный археолог А.Х. Халиков не без основания отмечал: «Сложные процессы формирования культуры и этноса современных народов протекали не изолированно, а в условиях тесных взаимоотношений с окружающими их как родственными по языку, так и иноязычными племенами. Немалую роль в этнической консолидации финно-угорских народов Волго-Камья, в том числе и мордовского народа, сыграло взаимодействие их предков с тюркоязычными племенами. Весьма плодотворными эти контакты оказались и для тюркоязычных племен, в культуре современных потомков которых – казанских татар и башкир – очень отчетливы финно-угорские элементы, а в культуре чувашей они преобладают» [13. С. 152; 6. С. 35].

Известный финно-угровед А.П. Феоктистов считал, что контакты мордовских племен с тюркоязычными начались с приходом гуннов в районы Прикаспия в IV в. н.э. [12. С. 337].

В VII в. Прикаспии складывалась Хазарская держава, оказавшая влияние на народы Восточной Европы, в том числе и на мордву. Хазария представляла собой обширные объединения тюркоязычных племен: хазар, савир, булгар, алан. В мордовских могильниках находят вещи хазарского производства. Хазары не оказали сильного влияния на культуру мордовского народа, однако торговые отношения между мордвой и хазарами были.

В IX в. на Средней Волге булгары создали сильное государство под названием Волжская Булгария. Булгары вступили в довольно тесные отношения с мордвой, оказав значительное влияние на формирование её материальной культуры. Мордовское население не было вытеснено пришельцами, мордва вместе с булгарами проживала в одних городах и поселках (Ахтае, Бездне, Балымере, Булгарах). С момента мордовско-булгарских связей мордовско-тюркские контакты приняли непрерывный характер.

Мордовские ученые, например, Д.Т. Надькин и О.Е. Поляков считают, что следы тюркского влияния в некоторых финно-угорских языках обнаруживаются не только в словарном составе, но и в фонетической системе, грамматическом строе [5. С. 4; 8. С. 148; 9. С. 23]. Д.Т. Надькин не исключает, что в мок-

шанском языке редуцированный гласный *ъ* (*кърга* «шея», *ър'вән'ă* «невеста») появился под тюркским влиянием [5. С. 4].

Мордовский и чувашский народы имеют тесные этнокультурные связи с древних времен [10]. О давних культурных связях этих двух народов говорил просветитель мордовского народа М.Е. Евсевьев, уроженец села Малые Кармалы (Батыревский район Чувашии), близкий друг и сподвижник чувашского просветителя И.Я. Яковлева [14. С. 176].

О том, что мордва и чувашаи имеют древние связи, писал В.Ф. Каховский. Он считал, что «... они прошли общий путь исторического развития. Инвентарь городищ: орудия труда (топоры, серны, ножи), предметы вооружения..., разнообразные украшения сближают памятники Чувашии с памятниками раннего железного века Мордовии». Он считал, что у мордвы и чувашей общие корни происхождения, много общего в их обрядах [3. С. 169–170].

В 2016 г. мордовские археологи обнаружили древний мордовский могильник на территории Чувашской Республики. Древние связи мордвы и чувашей не могли не сказаться на их этнокультурной жизни. Исследователь чувашского языка М.Р. Федотов считал, что у чувашек и мордвок одинаковые древние *сюлгамы* (шейные украшения), чувашское слово *сăхман* «кафтан» заимствовано у соседей (мордвы). М.Р. Федотов считает, что к мордовскому близка чувашская *тылă* «мялка» [11. С. 91].

В мордовской одежде имеются параллели с костюмом чувашей: штаны общего кроя, головные уборы чувашек типа «*хошпу*», украшения из монет и раковин, подвески из бисера, бисерные нагрудники. В.Н. Белицер выявила, что мордва и сопредельные с ней народы, живущие на территории Среднего Поволжья и Прикамья, – русские, марийцы, удмурты, чувашаи, татары и башкиры, – несмотря на их принадлежность к различным языковым группам, имеют много общего в занятиях, семейном быту, материальной и духовной культуре. Она считала, что очень близки к чувашским мордовские нагрудные украшения из бисера. Мордовки и чувашки носили белые холщовые туникообразного прямого покроя рубахи. Для удобства в работе мордовки шили рубахи с клиньями в боках, как у чувашек [1. С. 189–196].

В.Н. Белицер также считает, что имеются параллели между поясными украшениями. Старинный чувашский «*хўре*» напоминает эрзянский «*пулагай*». Общие черты она находит в мордовских и чувашских вышивках: плотная зашивка фона, цветовая гамма, в которой доминирует красный цвет марены, техника шитья. В вышивках, в основном, преобладают геометрические узоры [1. С. 197].

Интересный материал о чувашско-мордовских отношениях содержит статья известного этнографа Н.Ф. Мокшина «Чувашский и татарский этносы в этнонимии мордвы». Исходя из того, что чувашский этнос под этническим именем «*чувашаи*» появился лишь в XVI в., Н.Ф. Мокшин считает, что в источнике «Слово о погибели Русской земли» чувашаи выступают под именем «*веда*». Мордва чувашей называют «*ветке*», «*ветьке*». «*Ветькень мастор*» в мордовских песнях называется «*Земля чувашская*». Этноним *ветьке* лег в основу мордовских дохристианских имен: *Веткас*, *Ветькальке*, *Ведельтей*. В ряде русских документов упоминается «*Ватцкая мордва*», «*Вацкая мордва*», «*Мордва Вадцкая*». Н.Ф. Мокшин считает, что название русскими чувашей *веда* ими взято у мордвы. В свою очередь, соседствовавшие с эрзей всю мордву называли *ирсе*. Мордву чувашаи уважали. Вот чувашское благопожелание: «*Ир тарсан, ирсе пек, каş вьртсан, кашта пек*» – «*Вставая поутру, становись как мордвин, засыпая вечером, становись как жердь*» [4. С. 99–104].

С давних времен изучаются тюркские заимствования в мордовских языках. Известный финский лингвист Х. Паасонен еще в 1897 г. издал «*Die türkische*

Zehnwörter im Mordwinischen», Helsingfors, 1897 («Тюркские заимствования в мордовских»). Тюркские заимствования он делит на три группы: 1) заимствования из татарского языка, 2) заимствования из чувашского языка, 3) тюркские заимствования спорного происхождения.

Для того, чтобы с определенной уверенностью сказать, что тюркское слово вошло в мордовские языки из чувашского, необходимо выявить звуковые особенности между чувашским и татарским языками.

Опираясь на работы своих предшественников (Х. Паасонен, М. Ряснен, Н. Поппе, В.Г. Егорова, Р.Г. Ахметьянова), Н.В. Бутылов в своей работе «Тюркские заимствования в мордовских языках» [2] приводит критерии разграничения татарских заимствований от болгаро-чувашских:

1. Тат. *й* (ж) – чув. *ç* – морд. *й* или *с*: тат. *йирек*, чув. *çирёк* – морд. *сирек*, *сирть* («ясень»);

2. Тат. *а* – чув. *а* – морд. *а*: тат. *анчак*, чув. *анчах* – морд. *аньцек*, *ан сяк* «только что»;

3. Тат. *э* – чув. *а* – морд. *а*: тат. *авал* – кинэ «давно» – тат. *эвел*, чув. *авал*;

4. Тат. *к* – чув. *к* или *х*: морд. *комля* «хмель» – тат. *комлак* – чув. *хәмла*;

5. Тат. *з* (*с*) – чув. *р* – морд. *с*(з) или *р*: морд. *аера* «пронзительный, холодный» – тат. *айаз* – чув. *уяр*;

6. Глухой анлаут: морд. *базя*, *бальзя* – тат. *базя* – чув. *пусана*;

7. Тат. *д* – чув. *т*: морд. *давол* «буря» – тат. *давила* – чув. *тăвъл* [2. С. 23–26].

При разграничении татарских и чувашских заимствований во внимание берутся и морфолого-семантические критерии, а также историко-географические признаки.

Используя материалы исследователей тюркских заимствований в финно-угорских языках (Х. Паасонена, В.Г. Егорова, М.Р. Федотова, А.П. Феоктистова), Н.В. Бутылов болгаро-чувашскими заимствованиями в мордовских языках считает следующие тюркизмы:

м.э. айел «подпруга» < тат. аел, чув. айал «подпруга»;

м. айра, аја э.(шам), аера «резкий, пронизывающий, холодный» (о ветре, погоде) < чув. уйяр, ойар, тат айаз «ясная, хорошая погода»;

м. ака «старшая сестра» < чув. акка «старшая сестра»;

э. арлан «крот» «старшая сестра» < чув. арлан, тат. эрлэн «крот, хомяк»;

м. асу, асуд «польза» < чув. усă, осă «польза, выгода»;

м. авал, авалкине, авалкин'е «давно, в старые времена» < чув. авал «раньше, давно», тат. эвэл «раньше, прежде»;

м. арзя «сундук» < чув. арча, тат. эрзэ «сундук»;

м. бусма «пучок» < чув. пусма, посма;

м.э. зепе «карман», удм. зеп < чув. кёсы «карман»;

э. ила «обычай, обряд» < чув. йăла, тат йола «обычай»;

м. иса «ива, серебристая ива» < чув. йăвăс «осина»;

м. келда, э. кенделя «клоп» < чув. хăнкăла, тат. кандала «клоп»;

м. кушмань, э. кшумань «редька» < чув. кăшман, кошман «редька»;

м. котянь, э. котян «прямая кишка» < чув. кутана, котана, тат. кутян «прямая кишка»;

м.э. кереметь «место жертвоприношений, мольбище (языческое)» < чув. киреметь «тж», тат. кирэмэт «идол, священное дерево, чудо, несчастье»;

м. комля, э. комоля «хмель» < чув. хăмла, хомла, тат. колмак «тж»;

э. конев «бумага» < чув. кёнеке;

м.э. каштан «гордец, щеголь» < чув. куштан, коштан «гордец, щеголь», тат. башк. куштан «льстец, подхалим»;

м. карша, э. каршо «против, навстречу» < чув. хирёс «навстречу», тат. каршы «против, навстречу»;

м.э. кильдемс «запрягать» < чув. кўль «запрягать»;

м (П) э (П) кастар, кастарга «красивая девушка» < чув. хастар «старательный, трудолюбивый, усердный», тат. хэстер «предусмотрительный, деловитый, ухоженный»;

э (д) карлав «палка для замешивания скоту корма, лопатка для очистки плуга» < чув. карлав «мешалка для замешивания корма, деревянная лопатка для рытья картошки»;

э. кор «характер, нрав, гонор, зависть» < чув. хор, хур «горе, печаль», тат. хур «позорный, униженный, обидный» < чув., тат. хурла «хулить»;

э. куро «солома» < чув. хыт-хура, хыт-хора «общее название сухих, засохших трав», тат. кура «стебель высохшего растения»;

м.э. козя «богатый, зажиточный» < чув. хуҫа, хоҫа, тат. хужа «хозяин, владелец, содержатель»;

м.э. лац «хорошо» < чув. лач «как раз, точь-в-точь, впору», лайӑх «хороший, добрый, хорошо»;

м. лама, э. ламо «много» < чув. лӑках «доверху, до отказа»;

м. мат(ы)р «красивый» < чув. маттур «молодец, красивый, здоровый», тат. матур «красивый, пригожий, деловитый»;

м. мокорь, э. мукорь «пень, чурбан» < чув. макар «бугор, возвышенность, выступ», тат. (миш) мукорь «пень, чурбан, кочка»;

м. (уст.) ока «золото, позолота» < чув. ука, ока «серебряный или золотой галун», тат. (уст.) ока;

м. пур, э. пор рог «мел» чув. пур, пор, тат. бор «мел»;

м. порзи, борзи «перец» < чув. пором, тат. бороч «перец»;

м. покра «куколь» < чув. пурка, покра, тат. башк. бакра «куколь»;

м. парьси, парьхци, парцей «шелк» < чув. пурсан «шелк», тат. парча «ткань, украшенная золотым или серебряным шитьем»;

м. сирек, э. сирть < чув. ҫирёк, тат. зирек «ольха»;

м. сапынь, э. сапонь «мыло» < чув. супӑнь, сопань, тат. сабын «мыло»;

м. (уст.) самана «время» < чув. самана, тат. заман «время»;

м. э. сумань «кафтан, домотканое сукно» < чув. сӑхман, сакман «кафтан», тат. чикмэн «армяк, зипун, чекмень»;

м. сукъямс, э. сукъямс «кланяться» < чув. ҫӑкӑн «приседать, поклониться», тат. чукуну/шакану «приседать, поклониться, креститься, молиться»;

м.э. сёрма «письмо» < чув. ҫыр, тат. йаз «пиши», тат. сыр «узор»;

м. саты, э. саты «хватит» < чув. ҫит «будет достаточно, довольно»;

м. сьяльге, сельге «волокно, прядь» < чув. ҫулкӑ, ҫулӑк «метла», тат. (миш.) сэдге «волокно»;

э. (кос.) турто «оглобля, сторона» < чув. турта, тат. башк. тэртэ «оглобля»;

м. тераза «весы» < чув. тараса «весы», тат. таразы «большие весы с ко- ромыслом, ватерпас»;

м. тобы, пежет-тоба «божба, клятва» < чув. туба/тоба «божба, клятва», тат. тэубэ/туба «божба, клятва», тат. тэубэ/туба «клятва не делать чего-либо»;

м. тарат, э. тарад «ветвь, сук» < чув. турат, торат «ветвь, сук»;

м. утом, э. утомо «амбар, гумно» < чув. йётем «ток, гумно»;

э. услый «понятие, толк» < чув. ӑслӑ «умный», др. тюрк. ус «ум»;

э. цеця, цветок, м. (Ад) цеце с'ес' «одуванчик» < чув. сешке, тат. чэчэк/чэчкэ, тат (миш.) цэцэк/цэцкэ, др. тюрк. сесак «цветок»;

м. цюкыр, э. суюоро «лепешка» < чув. сәкәр «хлеб»;

м. шалгамс, э. чалгамс «наступить» произошло, по всей видимости, от э. чала «прутья, подкладываемые под соломенную крышу», булг. чала, чув. чала «маленькие мосточки через речку».

Контакты мордвы с чувашами продолжают и в наше время. В настоящее время в Чувашии мордва проживает в 26 сельских населенных пунктах, а также городах. Общее количество мордвы, по данным переписи 2010 г., составляло 13 тыс. человек (1,1% от всего населения республики) [6]. В селе Напольном, являющемся самым большим в Чувашской Республике, начиная с 1992 г. ежегодно проводится мордовский праздник *Арта* (У чувашей *арта* «длинношерстная овчина», *артак* «радость, блаженство»). А накануне «Арты» организуется и проводится детский фольклорный праздник «*Чипайне*» («Солнышко»). В селе Напольном организован ансамбль «*Эрзянка*», а в селе Малые Кармалы – «*Горнипов*» («Купальница европейская»).

День чувашского села Сигач «*Симёк*» («весенний праздник») накануне Троицы и сам праздник Троицы справляют вместе чувашаи, мордва и русские. В день празднования Пасхи в мордовские деревни приходят дети из чувашских сел.

Исследования развития этнокультуры мордовского населения, проведенные в 2007 г. Чувашским государственным институтом гуманитарных наук, показали актуализацию элементов традиционной культуры мордвы и тесное взаимодействие в этой области с чувашами и русскими.

Литература

1. Белицер В.Н. Этнокультурные связи мордвы с соседними народами (по материалам одежды) // Краеведение Мордовии: материалы I Морд. краеведческой конф. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1973. С. 189–197.
2. Бутылов Н.В. Тюркские заимствования в мордовских языках. Саранск: [Б.и.], 2005. С. 23–29.
3. Каховский В.Ф. Мордовско-чувашские отношения по данным материальной и духовной культуры // Этногенез мордовского народа: материалы науч. сессии: материалы науч. сессии. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1965. С. 169–170.
4. Мокшин Н.Ф. Чувашский и татарский этносы в этнонимии мордвы // Лингвистика: материалы X Междунар. конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2008. С. 99–104.
5. Надкин Д.Т. Проблема редуцированного гласного и особенности развития ударения в мордовских языках // Актуальные вопросы мордовского языкознания. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. С. 4.
6. Национальный состав Чувашии: итоги переписи-2010 [Электронный ресурс] // ИА REGNUM: сайт. URL: <https://regnum.ru/news/1600066.html>.
7. Поляков О.Е. Мордовия многонациональная: взаимоотношения народов – взаимоотношения языков. Саранск: НИИ Регионологии при Морд. ун-те, 1993. 139 с.
8. Поляков О.Е. Общемордовский язык и современные мордовские языки: сопоставительный анализ // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. Т. 23, № 3. С. 148–153.
9. Поляков О.Е. О формировании, современном состоянии и перспективах развития мордовских языков (мокшанского и эрзянского) // Финно-угроведение. 1994. № 1. С. 23–40.
10. Поляков О.Е., Романов Г.Е. Территория проживания древней мордвы: ее соседи (по данным языка) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. Т. 27, № 3. С. 155–159.
11. Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. С. 91.
12. Феоктистов А.П. К проблеме мордовско-татарских языковых контактов // Этногенез мордовского народа: материалы науч. сессии. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1965. С. 334.
13. Халиков А.Х. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии // Этногенез мордовского народа: материалы науч. сессии. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1965. С. 152–167.
14. Этногенез мордовского народа: материалы науч. сессии. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1965. С. 176.

ПОЛЯКОВ ОСИП ЕГОРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры мордовских языков, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, Россия, Саранск (kafmoksh2012@rambler.ru).

O. POLYAKOV

THE MORDVA AND THE CHUVASH: PEOPLES' INTERRELATIONS –
INTERRELATIONS OF CULTURES AND LANGUAGES

Key words: the Proto-Uralic language, the Mordvin languages, the Moksha language, the Erzya language, the Mordvin dialects, sonorants, "voiceless" sonorants, postdorsal resonant.

The Mordvin-Chuvash relationships (in contrast to the Mordvin-Tatar ones) have been insufficiently studied. The purpose of this article is to fill this gap. Taking into account that the Mordvins and the Chuvashes have ages-old contacts, the author of this article gives common facts in their everyday activities, family routine, material values and intellectual culture of the two peoples. In addition, the article provides a list of words borrowed by the Mordvins from the Chuvash language. To differentiate the Chuvash words from the Tatar ones, the article focuses on criteria of their differentiation. Apart from phonetic features morphological and semantic criteria are taken into account. The materials of the article are of interest not only for linguists but for historians and ethnographers as well. Ancient links between the Mordvins and the Chuvashes, their current relationships need further research. The material given in the article confirms ancient ties of the Mordvins and the Chuvashes. The author of the article gives evidence of unarrested contacts between the Mordvins and the Chuvashes at present time.

References

1. Belitser V.N. *Etnokul'turnye svyazi mordvy s sosednimi narodami (po materialam odezhdy)* [Ethno-cultural ties of the Mordvins with neighboring nationality]. *Kraevedenie Mordovii: materialy I Mord. kraevedcheskoj konf.* [Proc. of Mordovian Conf. «The Mordovian History»]. Saransk, Mordovian Publishing House, 1973, pp. 189–197.
2. Butylov N.V. *Tyurkskie zaimstvovaniya v mordovskikh yazykakh* [Turkic loanwords in Mordvin languages]. Saransk, 2005, pp. 23–29.
3. Kakhovskii V.F. *Mordovsko-chuvashskie otnosheniya po dannym material'noi i dukhovnoi kul'tury* [Mordovian Chuvash relations according to the material and spiritual culture]. In: *Etnogenez mordovskogo naroda: materialy nauch. sessii: materialy nauch. sessii* [Proc. of Sci. Session «The ethnogenesis of the Mordvinic People»]. Saransk, Mordovian Publishing House, 1965, pp. 169–170.
4. Mokshin N.F. *Chuvashskii i tatarskii etnosy v etnonimii mordvy* [The Chuvash and the Tatar ethnic groups in anonymii Mordovians]. *Lingvistika: materialy X Mezhdunar. kongressa finno-ugrovedov* [Proc. of X Int. Congress «Linguistics»]. Yoshkar-Ola, 2008, pp. 99–104.
5. Nad'kin D.T. *Problema reduktivnogo glasnogo i osobennosti razvitiya udareniya v mordovskikh yazykakh* [The problem of the reduced vowel and peculiarities of accent in the Mordovian languages]. In: *Aktual'nye voprosy mordovskogo yazykoznanija* [Topical issues of linguistics in Mordovia]. Saransk, Mordovian Publishing House, 1988. S. 4.
6. *Natsional'nyi sostav Chuvashii: itogi perepisi-2010* [The nationalities of the Chuvash Republic: the results of the census 2010]. Available at: <https://regnum.ru/news/1600066.html>.
7. Polyakov O.E. *Mordoviya mnogonatsional'naya: vzaimootnosheniya narodov – vzaimootnosheniya yazykov* [Mordovia is a multinational one: peoples' relations – relations of languages]. Saransk, 1993, 139 p.
8. Polyakov O.E. *Obshchemordovskii yazyk i sovremennye mordovskie yazyki: сопоставительный анализ* [General Mordovian language and the modern Mordvin languages: a comparative analysis]. *Vestnik Nil gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*, 2012, vol. 23, no. 3, pp. 148–153.
9. Polyakov O.E. *O formirovanii, sovremennom sostoyanii i perspektivakh razvitiya mordovskikh yazykov (mokshanskogo i erzyanskogo)* [About the formation, current state and prospects of Mordovian languages (Moksha and Erzya) development]. *Finno-ugrovedenie*, 1994, no. 1, pp. 23–40.
10. Polyakov O.E., Romanov G.E. *Territoriya prozhivaniya drevnei mordvy: ee sosedi (po dannym yazyka)* [The territory of ancient Mordovians' residence: its neighbors (according to language)]. *Vestnik Nil gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*, 2013, vol. 27, no. 3, pp. 155–159.
11. Fedotov M.R. *Istoricheskie svyazi chuvashskogo yazyka s yazykami ugro-finnov Povolzh'ya i Permi* [Historical communication with the Chuvash language and Finno-Finns in the Volga region and Perm]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1965, p. 91.

12. Feoktistov A.P. *K probleme mordovsko-tatarskikh yazykovykh kontaktov* [The problem Mordovian-Tatar language contact]. In: *Etnogenez mordovskogo naroda: materialy nauch. sessii: materialy nauch. sessii* [Proc. of Sci. Session «The ethnogenesis of the Mordvinic People»]. Saransk, Mordovian Publishing House, 1965, p. 334.

13. Khalikov A.Kh. *Mordovskie i bolgarno-tatarskie vzaimootnosheniya po dannym arkheologii* [Mordovia and the Bulgarian-Tatar relations, according to archeology]. In: *Etnogenez mordovskogo naroda: materialy nauch. sessii: materialy nauch. sessii* [Proc. of Sci. Session «The ethnogenesis of the Mordvinic People»]. Saransk, Mordovian Publishing House, 1965, pp. 152–167.

14. *Etnogenez mordovskogo naroda: materialy nauch. sessii: materialy nauch. sessii* [Proc. of Sci. Session «The ethnogenesis of the Mordvinic People»]. Saransk, Mordovian Publishing House, 1965, p. 176.

POLYAKOV OSIP – Doctor of Philological Sciences, Professor of Mordovian Languages Department, Mordovian State University, Russia, Saransk (kafmoksh2012@rambler.ru).

Ссылка на статью: Поляков О.Е. Мордва и чуваша: взаимоотношения народов – взаимоотношения культур и языков // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 289–295.

УДК 81'373
ББК Ш10*33

К.В. ПУШКИНА, Н.В. НИКОЛАЕВА

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: фразеологические единицы, соматический компонент, идиоматические сочетания, сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматическим компонентом в английском, русском и чувашском языках, коннотативное значение, идиоматичность, эквивалентность.

Данная статья посвящена сопоставлению и выявлению общих значений соматических единиц в английском, русском и чувашском языках с точки зрения лексических и семантических особенностей фразеологизмов. Анализируются коннотативные символические значения большинства частей тела на основе метафорического и метонимического переноса. Приводятся примеры сходства на семантическом уровне соматических единиц в разнотипных, генетически неродственных языках. На основе обобщения результатов исследования можно предположить, что фразеологические единицы, содержащие соматический компонент, в английском, русском и чувашском языках обладают высокой межъязыковой фразеологической активностью, что способствует повышению степени межъязыковой эквивалентности.

Фразеология является интересной, но недостаточно изученной областью языкознания. Отцом теории фразеологии считается один из выдающихся лингвистов XX в. Шарль Балли из Швейцарии (1865–1947). Толкования фразеологии в широком понимании содержатся в трудах В.В. Виноградова [3], Н.М. Шанского [10], А.В. Кунина [4–6] и др. Узкого понимания фразеологии придерживается большинство лингвистов. Объектом их интереса являются семантически неделимые обороты, называемые фразеологическими сращениями, или идиомами, и фразеологическими единствами.

Необходимо принимать во внимание тот факт, что некоторые ученые относят пословицы и поговорки к фразеологизмам, что является предметом споров между лингвистами. В энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой отмечается, что «наибольшие споры вызывает включение во фразеологический состав пословиц, поговорок и крылатых слов» [9. С. 559]. Можно предположить, что ученые расходятся во мнениях из-за того, что явной границы между этими понятиями не существует.

Говоря о пословицах, А.В. Кунин подразумевает «афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме» [4. С. 300]. Он считает поговорки коммуникативными единицами, имеющими непословичный характер, и неважно, имеют они связь с пословицами или нет. Также А.В. Кунин выделяет устойчивые образования фразеоматического характера. К ним относятся пословицы, имеющие буквальное значение всех компонентов, например, такие, как cool head.

Фразеологизмам свойственна идиоматичность, т.е. смысловое значение целого невозможно разложить на значение слов-компонентов. Фразеологические единства и сращения в лингвистике называют идиомами, или идиоматическими сочетаниями. Как отмечает М.Ф. Чернов, «семантическая целостность (т.е. неразделенность семантики на отдельно понимаемые значения) – это определяющий дифференциальный признак идиоматических сочетаний, отграничивающий их от других типов словесных соединений (свободных словосочетаний и так называемых фразеологических сочетаний)» [11. С. 14].

Фразеологизмы, являясь «зеркалом» национального языка, способны в полной мере воссоздать всю его особенность и самобытность. Исторически

сложившийся опыт народа, представления об образе жизни и культуре людей наиболее ярко раскрываются именно в крылатых выражениях данной нации. Поэтому изучение фразеологии – весьма существенный компонент при изучении языка, позволяющий достичь высокой культуры речи и расширяющий лингвистический кругозор. Умение правильно применять фразеологизмы делает речь выразительной, разнообразной и интересной для собеседника. Будь то осязаемый мир человека или же чувственно-эмоциональный, наиболее полно он отражается именно во фразеологизмах. [1].

Тематический принцип – самый популярный принцип классификации фразеологических единиц. Именно он является основным в трудах западных и российских лингвистов (Л.П. Смит, В.В. Сытель, В.Х. Коллинз, Л.А. Винарева, В.В. Янсон, П.П. Литвинов и др.). С его помощью ученые выделяют группы фразеологизмов, различающихся семным составом значений. В рамках данной классификации подразделяются типы, которые формируются в зависимости от наличия основной архисемы. Например, названия частей тела, животных, овощей, фруктов, отношения между людьми, предметы быта, явления природы и т.д.

Соматические («сома» – с греч. яз. «тело») фразеологизмы встречаются во всех языках и представляют собой наибольшие группы. Это фразеологические единицы, в которых имеется название какой-либо части человеческого тела.

Выбранная тема актуальна по причине того, что фразеологизмы, включающие соматический компонент (соматизмы), требуют более глубокого изучения. Для наибольшего комфорта в общении с людьми из англоязычных стран, а также для продуктивной работы с источниками на английском языке изучение английской фразеологии представляется необходимым. Все это представляет интерес как для студентов медицинских специальностей, так и их преподавателей. Ведь большинство научных статей выпускается на иностранном языке, а перевода в открытом доступе не имеет.

Целью данной работы является выявление сходств и различий соматических фразеологизмов в английском, русском и чувашском языках с помощью сопоставительного анализа. Изучение процессов возникновения и употребления фразеологизмов, включающих соматический компонент в английском, русском и чувашском языках, помогает понять национальные особенности мышления и поведения носителей языков. В качестве материала исследования были взяты соматизмы, найденные в различных источниках: одно- и двуязычных фразеологических справочниках и словарях.

Названия частей тела являют собой обширный пласт лексики любого языка. Он связан с самыми разными сторонами человеческого бытия и отражает особенности индивидов, их принадлежность к различным языковым сообществам. Эти группы слов складываются тысячелетиями и отражают знания носителей языка об окружающем мире и их представления о своем организме.

Фразеологизмы, имеющие в составе соматический компонент, устойчивы к изменениям лексической системы. Люди употребляют названия частей тела в идиомах, метафорах, сравнениях, пословицах, которые помогают полнее сформулировать свою мысль или впечатлить собеседника. К словам, называющим части тела и органы, люди прибегают в самых разных случаях – иногда и для описания эмоций. Например, говоря о чем-то очень знакомом, люди применяют следующее сравнение с собственным телом: *знать, словно свои пять пальцев* – *to have something at one's fingertips*.

Соматизмы характеризуются целой системой переносных значений и активно используются в сфере словообразования. Фразеологизмы с названиями

наружных частей тела человека являются самыми активными и функционально важными для человека. Они подразделяются на два класса. Первый класс – это лицо с его составными частями (глаза, рот, уши, нос) и голова. Второй класс включает конечности – ноги, руки. Первое место по активности словообразования занимают слова, обозначающие голову, руки и глаза.

Существует множество классификаций органов человеческого организма в зависимости от разных признаков: существуют органы, принимающие информацию из окружающей среды – нос, уши, глаза. Язык отвечает за передачу информации. Существуют органы, необходимые для общения посредством движений и жестов. Для деятельности человека необходимы все части тела. По этой причине мы часто слышим фразы: «У тебя что, рук нет?» или «У тебя ног нет?», «Where were your eyes?». Они употребляются с иронией для подчеркивания того, что человек не выполняет просьбу или не идет куда-либо.

В своих работах Р.Ю. Мугу [7. С. 12] подразделил соматические фразеологизмы на следующие типы:

1. *Somonymic* (греч. *soma* – тело и *onima* – имя) – обозначают части тела человека (рука, голова, нога, шея и т. д.): *at hand* – под рукой – алă айёнче; *to have a good head on one's shoulders* – иметь свою голову на плечах – пуçĕ пур, пуçра ас пулмалла, *dead from the neck up* – голова садовая – тăм пуç, тăм писмен, анкă-минкĕ.

2. *Osteonymic* (греч. *osteon* – кость) – обозначают части скелетной системы человеческого организма: *a bone of content* – яблоко раздора – хирĕçĕ (тавлашу) сăлтавĕ; *skin and bones* – кожа да кости – шăммипе тирĕ çеç.

3. *Angionymic* (греч. *angeion* – сосуд) – обозначают части сердечно-сосудистой системы организма: *too rich for somebody's blood* – проливать свою кровь, заплатить кровью, смыть кровью – юн тăк, юн юхтар.

4. *Splanchnonymic* (греч. *splanchna* – внутренности, внутренние органы) – обозначают внутренние органы человеческого тела: *at the top of one's lungs* – кричать очень громко – пыр сурăлса тухас пек, пыр татăличчен; *hard to stomach* – трудно согласиться – пĕр чĕлхе тупма çук; *to have the nerve* – иметь наглость – сын урлă каçса кай, сынна татта; *from the bottom of the heart* – от всей души – чунтан – вартан, чун-чĕререн.

5. *Sensonymic* (греч. *sensus* – чувство) – обозначают органы чувств человеческого тела: *to be all ears* – ушки на макушке (слушать внимательно) – хăлхана чалт тăрам; *apple in smb's eye* – любимая вещь – чун туртни, *to count noses* – подсчитать присутствующих – пурнепе шутласа тух; *to have a good nose* – иметь хорошее чутье – чун туйать; *to bite one's tongue* – прикусить язык – чĕлхене сырт.

6. Общая лексика – *in the flesh* – лично – куçа куçан; *to press the flesh* – повысить популярность, здороваясь за руку с избирателями; *put flesh on smth* – уточнить что-либо.

В нашей работе мы изучили и проанализировали более 2000 фразеологизмов из английского, чувашского и русского языков, которые были выбраны из фразеологических словарей А.В. Кунина, Д.И. Квеселевича, М.Ф. Чернова и из других источников. В ходе структурно-семантического сопоставительного анализа фразеологической картины мира английского, чувашского и русского языков на примере тематического блока «Части тела» мы сделали попытку выявить общечеловеческие и национально-специфические черты, которые обусловлены культурно-историческим развитием этих народов и обозначают индивидуальные характеристики человека и его социально обусловленные качества; его деятельность, духовный мир. Для соматических фразеологизмов характерна сложная система образного значения. Сюда относятся

прежде всего соматизмы, обозначающие внешние части человеческого тела. Мы разделили их на три класса:

- 1) голова, лицо и их части: глаза, уши, нос, рот, губы, подбородок, лоб;
- 2) конечности: ноги, руки.
- 3) внутренние органы: сердце, легкие, печень.

Рассмотрим некоторые коннотативные значения соматизмов.

Head – голова – пуç управляет нашим мышлением и сознанием. *To have a good head for something – иметь ясную голову – пусна ан сухат, to have a good head on one's shoulders – иметь свою голову на плечах – хăв пуçупа шухăшла*. И отсутствие ума передается на английском языке как *cabbage-head, wooden head, be soft in head*, в русском языке – *голова садовая, дурья голова*, а в чувашском языке – *тăм пуç, тăм писмен*. Также идиомы могут выражать способность человека терять волю: *to lose one's head – повесить нос, понурить голову – пуца ус, пуца чик, to bury one's head – зарыть голову в песок – пусна минтер айне чик*. Компонент «голова» в чувашском и русском языках имеет и значение «жизнь»: *поплатиться головой /отвечать головой/ заплатить головой – пусна хур*. Следует отметить, что иногда компонент «голова», используемый в идиомах в английском, русском и чувашском языках, воспринимается как компонент «ум». Например, *ломать над чем-нибудь голову – to cudgel one's brains over something – пуца ват. Brain like a sieve – пуçсăр, тăнсăр, анкă-минкĕ* – о тех, кто имеет очень плохую память, все забывает. *All brawn and no brain – вайĕ пур та йсĕ çук, ухмашăн сур çук*, что означает *сила есть – ума не надо*.

Face – лицо – пит. Когда нам стыдно, мы краснеем. Существуют много английских идиом с этим соматизмом, которые употребляются и в русском, и в чувашском языках в значении «репутация, честь, позор». Например, *save one's face – сохранить свое лицо – пит хĕретмелле ан пултăр* и противоположное значение этого компонента *lose one's face, get a red face – терять лицо, пит хĕрет*. Другие английские соматические фразеологизмы: *two-faced – двуличный – икĕ питлĕ* – тот, кто является лживым и неискренним, *poker face – тот, у кого безэмоциональное выражение лица, face that would stop a clock, face that would stop a bus – непривлекательное лицо – сăнсăр, face like thunder – злое лицо – хаяр сăн-питлĕ, a face as long as a fiddle – печальное лицо – хуйхă пусна питлĕ сын, face like a bulldog chewing a wasp – очень непривлекательное лицо – ытла та сăнсăр*.

Eye – глаза – куç – основная часть головы и лица человека. Глаз рассматривается как наиболее важный орган, он может быть даже наделен магической силой. Фразеологизмы, обозначающие способность зрительного восприятия, включают сему «видеть – не видеть». Вот несколько примеров идиом из английского, чувашского и русского языков: наличие глаз, их открытость характеризуют получение информации, ее правдивость: *see something with one's own eyes – видеть своими глазами – хам куçпа хам курнă, sharp eye – острый глаз – сивĕч куç* означает наблюдательность; *keep one's weather eyes open – смотреть в оба (глаза) – куçран ан вĕçерт*. Глаза занимают важное место, выражая эмоции и чувства, поэтому существует множество фразеологизмов, которые показывают перемену в эмоциональном состоянии человека. Например, удивление: *an eye – opener – вытаращить глаза, делать большие глаза, глаза на лоб лезут – куса чарса пăрах*; желание: *with an eye to doing something; положить глаз на что-либо / глаза загораются – куç хыв, куçсем сунасçĕ*; зависть: *the envy eye / green eyes – дурной глаз – усал (хура) куç, куç ўкернĕ*. Необходимо отметить, что существуют некоторые фразеологизмы в русском и

чувашском языке с компонентом глаз, который обозначает смерть: *кусне ёмёрлĕхех хупнă* – закрыть глаза навеки.

Ear – ухо – хăлха – орган, который воспринимает звуковую информацию извне. Поэтому фразеологизмы, связанные с органом слуха, в основном употребляются для отражения способности слушать и узнавать: *to be all ears* – во все уши слушать – *хăлха тăратса итлет*; *fall on deaf ears* – в одно ухо влетело, в другое вылетело – *хăлхана ан чик*. Следует отметить, что уши ассоциируются с секретом, с желанием его узнать: *to pick up somebody's ears* – наострить уши – *хăлха тăрат*; *walls have ear* – у стен есть уши – *вăрман куçла, уй хăлхаллă*. Кроме того, уши – это символ чего-то крайнего (наверное, это связано с их положением не только на голове, но и в вертикальном отношении, потому что уши расположены выше остальных органов): *to be over head and ears in love* – влюбиться по уши; *to be up to the ear in work* – по уши увязнуть в работе / быть по уши в работе.

Nose – нос – сăмса – орган обоняния. Но он может обозначать и близость других органов, связанных с получением информации. К примеру, *not to see beyond the end of one's nose* – не видеть дальше собственного носа – *сăмси айĕнчине курмасть*; *to stole something under one's nose* – стащить что-либо у кого-либо из-под носа – *сăмса айĕнчен шăхăртса кай*. Второе его значение – излишнее любопытство: *to stick / poke one's nose into other people's affairs* – совать свой нос не в свое дело – *сăмсуна ан чик*. Важно отметить и другое значение: *to look down one's nose at somebody / with one's nose in the air* – задирать нос, важничать – *сăмса каçарт*, *under the nose of somebody* – под самым носом у кого-либо – *сăмса айĕнчен*.

Tongue – язык – чĕлхе является символом общения, передачи информации, это его первое значение, например: *to have lost one's tongue* – язык проглотить – *чĕлхе çăтса яр*; *the word is on the tip of my tongue* – на языке вертится – *чĕлхе вĕçĕнче*. Зачастую во фразеологизмах слово язык имеет значение крайне болтливого органа. В этом случае у него негативная семантика (второе значение): *wag one's tongue* – языком трепать / чесать – *вăрăм чĕлхеллĕ*; *to hold one's tongue* – держать язык за зубами – *чĕлхуне сырт*; *a clever tongue will take you anywhere* – язык до Киева доведет – *чĕлхе-çавар çаврăнать, сыпăсуллă*; *a fool's tongue runs before his wit*, язык мой – враг мой, чĕлхен чаракĕ çук; *to loose one's tongue* – развязать язык / быть невоздержанным на язык – *чĕлхен шăмми çук, чĕлхине ирĕке янă*.

Mouth – рот – çавар – это орган воспроизводства речи. В этом и заключается символическое значение: *to keep one's mouth shut* – заткнуть рот – *çаварна хуп*.

Neck – шея – мăй – это компонент, используемый в образовании идиом с различными значениями, например: *to break one's neck* – сломать, свернуть шею – *мăйне пăрса ларт, ёнсене хуçса пăрах*; *up to one's neck in something* – за уши хватит, “очень много” – *мăй таран*; *break one's neck (to do something)* – сломать шею – *мăйран пуссан та*; *a pain in the neck* – an annoying or bothersome person or event – надеть себе на шею хомут – *хăвна валли хăмăт, мăй çакки туп*; *stick one's neck out for someone or something* – свернуть шею кому-либо – *мăй пăрса яр*.

Forehead – лоб – çамка. В английском языке нет идиомы с этим компонентом, но в русском и чувашском языках мы наблюдаем это явление, как, например, в русском языке – на лбу написано, по-чувашски – *çамка çине çырса хунă*; лоб в лоб – *çамкапа çамка çапăн*.

Зуб – зубы – шăл – это древнейшая символика агрессии и защиты. Например: *to show one's teeth* – скалить зубы – *шăл йĕр*; *tooth for a tooth* – зуб за зуб – *шăла хирĕç шăлла (тавлашура, хирĕçÿре, тупăшура)*.

Hair – волосы – сўс – этот компонент может рассматриваться как часть головы и как самостоятельный компонент. Обычно слово в фразеологизмах приобретает значение каких-либо чувств или эмоциональное состояние. Например, страха: *one's hair stood on end* – *волосы дыбом встают* – *сўс вирелле тǎрса каять*; досады: *to tear one's hair out* – *рвать на себе волосы* – *сўс тǎпǎлтар*. Отдельный смысл имеет один волос или волосок: он является значением чего-то малого, не очень важного: *to split hairs* – *придираться к мелочам* – *сўс пǎрчилǎх*.

Hand – рука, кисть – алǎ – это слово играет универсальную роль: оно может употребляться с разными значениями, наиболее частыми являются: деятельность, мастерство, общение, обмен, т.е. применение чего-либо на практике. Особенно часто используются значения: «нахождения чего-либо у кого-либо и получения». Например: *to take something in hand / lay hands on* – *взять / положить что-либо в руки / прибрать что-либо к рукам* – *алǎра тым / алла ил*; *to hold well in hand* – *держат в своих руках* – *алǎра тым*; *to take oneself in hand* – *взять себя в руки* – *хǎвна алǎра тым*; *hands off* – *руки прочь* – *аллуна ил*; *to fall / get into somebody's hands* – *попасться в чьи-либо лапы* – *алла лек*. Обозначает также деятельность, например, *to give a free hand* – *развязать, распускать руки* – *алǎсене ирǎке яр*; *to be tired / bound hand and foot* – *быть связанным по рукам и ногам* – *ал-урапа сыхланса лар*. Смысл общения и обмена отражается в таких фразеологизмах: *change hands* – *переходить из рук в руки / ходить по рукам / из рук в руки* – *алǎран алǎна*. Руки становятся и материальным воплощением желаний: *to seek somebody's hand in marriage* – *просить руки* – *качча тухма ыйтни*. Особенно интересно подразделение на правую и левую руки: *not to let one's left hand know what one's right hand does* – *левая рука не ведает, что творит правая* – *сулахай алǎ сылтǎм алǎ мǎн тунине пǎлмест*.

Foot/leg – нога – ура – слово является символом скорости, движения. Часто в устоявшихся выражениях ноги и голова противопоставляются друг другу и связанному с ними смыслу в человеке, как действующий и разумный органы соответственно: *little wit in the head makes much work for the feet* – *дурная голова ногам покоя не дает* – *ухмах пус урасене канǎс памасть*. Некоторые фразеологизмы определяют устойчивость/неустойчивость (как в прямом, так и в переносном значении) и уверенность/неуверенность в себе: *to stand on one's own two feet* – *стоять обеими ногами на земле* – *ура сине сирǎп тǎр*; *to feel/find one's feet* – *обрести (твёрдую) почву под ногами* – *ура сине сирǎп тǎр*; *to get back on one's feet* – *встать на ноги* – *ура сине тǎр*; *to cut the ground from under one's feet / to pull the rug from under one's feet* – *выбить почву из-под ног* – *ура айǎнчи сǎре сухат, урапан ǎкер*; *to be with one foot in the grave* – *стоять одной ногой в могиле* – *вилǎм тǎпри сине тǎр*, *to give somebody a foot* – *подставить ножку* – *ура хур, ура ларт*. Значение левого и правого в отношении ноги (так же, как и руки), вероятно, универсально, например: *to get up with one's left foot foremost* – *встать с левой ноги* – *сулахай ура сине тǎр*. «Левый» в этом случае несет в себе смысл чего-то неправильного.

Shoulder – плечо – хулпуссу – верхняя часть руки символизирует ответственность, работу на износ, которую они несут: *взвалить что-то на плечи, подставить свое плечо* – *помочь, вынести что-то на своих плечах* – *справляться с трудностями, без какой-либо помощи*. Английские идиомы *to have one's head screwed on one's shoulders on the right way* – *иметь свою голову на плечах*; *put your shoulder to the wheel* – *приложить старания*; *shoulder to shoulder* – *плечом к плечу* – *сума-сумǎн, алла-аллǎн тымǎнса*.

Упоминание фразеологических единиц со словом **кnee – колено** – **чǎркуссу** часто является семантикой трусости, рабства, подчинения, униже-

ния. Например, *to bring somebody to his knees* – поставить кого-либо на колени – чӑркуҫси ҫине тӑрат, чӑркуҫлентер.

Back – спина – ҫурӑм. Английская идиома *back-to-back* соответствует русской спина к спине и чувашской ҫурӑмпа ҫурӑм – рядом друг с другом или касаясь спиной; *behind someone's back* – за спиной – без чье-либо ведома, тайком, когда кто-то отсутствует – ҫурӑм, куҫ хыҫӑнче; *break one's back to do something* – гнуть спину – пуҫ ҫӑклесе пӑхмасӑр, ҫурӑма авса ӗҫле – очень сильно постараться что-либо сделать.

Heart – сердце – ӗҫе – орган, символизирующий чувства, переживания, настроение. Например, искренность: *from the bottom of one's heart* – от самого сердца – пӗтӗм чун-ӗҫерен, чунтан-вартан; *with all one's heart* – от всего сердца, от всей души – пӗтӗм чун-ӗҫерен; боли: *heart is bleeding* – сердце кровью обливается – ӗҫе ыратать, ӗҫе ҫурӑлса тухать; *to eat one's heart out* – сердце болит – чун ыратса каять; удачи: *to win one's heart* – покорить чье-либо сердце – ӗҫене тыткӑна ил; переживания: *to take something to heart* – принимать что-либо близко к сердцу – ӗҫе патне ил. Часто применяется для подчеркивания характера людей: *to have heart of gold/big/soft/kind heart* – иметь золотое/доброе/большое сердце – ылтӑн/ырӑ/пысӑк ӗҫе. Употребляя слово «сердце», в основном подразумевают хорошие черты характера человека. Нередко сердце связывают с любовью: *to open one's heart to* – открыть сердце / отдать кому-то свое сердце – чуна уҫса пар; *to break one's heart* – разбить сердце – ӗҫене ҫунтар. Необходимо отметить, что в русском языке слово «душа» обладает сильной фразеологической эквивалентностью, она приравнивается к значению слова «сердце», например, аналоги русских выражений *душа ушла в пятки* – *one's heart sank into one's boots* – *сехре хӑпрӗ; излить душу* – *to bare one's heart* – *чуна уҫса калаҫ*.

В рассматриваемых языках также имеются идиомы с компонентом *кость*. Например, выражение *a bag of bone* – мешок с костями, кожа да кости означает очень худого человека, по-чувашски – *шӑммипе тирӗ*.

Компонент **blood – кровь – юн** имеет различные значения в составе фразеологии. Английские идиомы: *bad blood* (between people) – гнев или плохие взаимоотношения с кем-нибудь – хура юнлӑ; *blood is thicker than water* – кровь не водица – тӑван юн. В русском языке: *проливать свою кровь* – юн тӑк.

Проанализировав фразеологические единицы с соматизмами в английском, русском и чувашском языках, мы пришли к выводу, что качественно-количественные расхождения наиболее заметны в соматических фразеологизмах чувашского и английского языков. Эти несовпадения являются результатом отражения национального духа, экстралингвистических факторов и языковых связей внутри системы. В то же время можно отметить более похожие значения идиом с соматизмами в русском и чувашском языках. Это можно объяснить их связью с историей развития народов, которая отражается в национальной своеобразии их менталитета, языка и культуры. Объяснение совпадения значений соматических фразеологизмов в русском и чувашском языках можно найти не только в заимствованиях, но и в закономерностях, которые вызывают возникновение похожих по значению фразеологических единиц.

Литература

1. Абрамова А.Г. Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в разнотурных языках (на материале русского и чувашского языков): дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2005, 181 с.
2. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 208 с.
3. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 118–139.

4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Просвещение, 1996. 381 с.
5. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания. М.: Международные отношения, 1971. 287 с.
6. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2001. 401 с.
7. Музу Р.Ю. Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд филол. наук. Майкоп, 2003. 23 с.
8. Блюм А. Семантические особенности соматической фразеологии. М.: АСТ-Пресс, 2000. 20 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. 874 с.
10. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высш. шк., 1985. 160 с.
11. Чернов М.Ф. Русско-чувашский фразеологический словарь / под ред. Л.П. Сергеева. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та: 2003. 536 с.
12. Якимова Н.И. Соматические фразеологические единицы чувашского языка. Чебоксары, 2009. 176 с.
13. Spears R.A. American Idioms Dictionary. Illinois, 1991.
14. Longman dictionary of English idioms. London, 1996.

ПУШКИНА КЛАРА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Klara-608389@mail.ru).

НИКОЛАЕВА НАТАЛИЯ ВИТАЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nicknata75@inbox.ru).

K. PUSHKINA, N. NIKOLAEVA

COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH SOMATIC COMPONENT IN THE RUSSIAN, THE ENGLISH AND THE CHUVASH LANGUAGES

Key words: *phraseological units, somatic component, idiomatic combinations, contrastive analysis of phraseological units with somatic component in the Russian, the English and the Chuvash languages, connotative meaning, idiomaticity, equivalence.*

The given article focuses on matching and identifying common values of somatic units in the English, the Russian and the Chuvash languages from the point of view of lexical and semantic peculiarities of phraseological units. The article analyzes connotative symbolic meanings of most bodily parts on the basis of metaphorical and metonymical transfer. Examples of similarities on the semantic level of somatic units in multi-structured, genetically unrelated languages are given. On the basis of generalization of the research results it can be assumed that phraseological units with somatic component in the Russian, the English and the Chuvash languages have a high interlanguage phraseological activity, which increases the degree of cross-language equivalence.

References

1. Abramova A.G. *Frazeologicheskie edinitsy s komponentami-somatizmami v raznostrukturykh yazykakh (Na materiale russkogo i chuvashskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk* [Phraseological units with somatic components in structurally different languages (On the material of Russian and Chuvash languages): Doct. Diss.]. Cheboksary, 2005, 181 p.
2. Amosova N.N. *Osnovy angliiskoi fraziologii* [Basics of English phraseology]. Leningrad, University Publ., 1963, 208 p.
3. Vinogradov V.V. *Osnovnye ponyatiya russkoi frazeologii kak lingvisticheskoi distsipliny* [Main concepts of Russian phraseology as a linguistic discipline]. In: *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 118–139.
4. Kulin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka* [Course of modern English phraseology]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1996, 381 p.
5. Kulin A.V. *Frazeologiya sovremennogo angliiskogo yazyka: opyt sistematizirovannogo opisaniya* [Phraseology of modern English: the experience of systematic description]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1971, 287 p.
6. Kulin A.V. *Anglo-russkii frazeologicheskii slovar'*, 3-e izd. [English-Russian phraseological dictionary, 3rd ed.]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001, 401 p.

7. Mugu R.Yu. *Polisemantizm somaticheskoi leksiki (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand filol. nauk* [Polysemantic somatic vocabulary (on the material of Russian and German language): Abstract of Diss.]. Maikop, Adygeiskii state University Publ., 2003, 23 p.

8. Blyum A. *Semanticheskie osobennosti somaticheskoi frazeologii* [Semantic peculiarities of somatic idioms]. Moscow, AST-press Publ., 2000, 20 p.

9. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, 874 p.

10. Shanskii N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1985, 160 p.

11. Chernov M.F. *Russko-chuvashskii frazeologicheskii slovar'* [Russian-Chuvash dictionary]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2003, 536 p.

12. Yakimova N.I. *Somaticheskie frazeologicheskie edinitsy chuvashskogo yazyka* [Somatic phraseological units of the Chuvash language]. Cheboksary, 2009, 176 p.

13. 13. Spears R.A. *American Idioms Dictionary*. Illinois, 1991.

14. Longman dictionary of English idioms, London, 1996.

PUSHKINA KLARA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor of Foreign Languages Department № 2, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (Klara-608389@mail.ru).

NIKOLAEVA NATALIYA – Senior Lecturer of Foreign Languages Department № 2, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (nicknata75@inbox.ru).

Ссылка на статью: Пушкина К.В., Николаева Н.В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматическим компонентом в английском, русском и чувашском языках // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 296–304.

УДК 81:39
ББК 82.т3(2РОС)[Чув]3

В.Г. РОДИОНОВ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СДВИГИ ЛЕКСЕМ, СВЯЗАННЫХ С ЭТАПАМИ СЛОЖЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ПРОТОТЮРКОВ

Ключевые слова: семантика, художественное сознание, первопредок, пещерный медведь, прототюрки, первобытное искусство.

В статье общая теория возникновения пещерного искусства иллюстрируется семантическими сдвигами ряда тюркских лексических единиц, прежде всего понятий, близких к палеолитическому художественному творчеству. В результате такого сравнительно-генетического и типологического сопоставлений семантики слов выявляются специфические аспекты сложения прототюркского художественного сознания. В этой связи определённую доказательную силу имеют фонетические совпадения тюркских лексических единиц с понятиями «медведь» и «предок». Лингвистический материал подтверждает гипотезу искусствоведов о первоначальных причинах возникновения пещерного искусства. Места охоты и проживания палеолитического человека в ледниковый период действительно совмещались (пещера). Там находилось жилище и медведя, первоначально как объекта охоты, а со временем и как тотемного зверя-перопретка. Фонетическое совпадение слов, означающих понятия «сходство», «наружность», «вид», «цвет» (түр, тёр), с древним названием шкуры и кожи (зверя и человека) позволяет допустить такие семантические смещения: «шкура как натуральная часть убитого зверя» > «шкура как сходство (символ) зверя» > «сходство», «вид», «вариант», «цвет». Одевание древних тюрков теснейшим образом связано со шкурой зверей, а в дальнейшем и с материями растительного происхождения. Словом түр/тёр прототюрки первоначально называли не только одежду и мифологические изображения на них, но настенные и наскальные рисунки. Прототюркское слово кеп первоначально тоже означало вторичное изображение или же форму изображения материального мира первобытного человека. Со временем оно обрело новые значения: «фигура», «изваяние», «картина» и т.д.

Проблеме художественного сознания прототюрков автор данной статьи посвятил ряд своих последних публикаций [5–7]. В них описываются конкретные памятники палеолитического искусства на территории современной Монголии. Как известно, именно там зарождалась культура плиточных могил предполагаемых предков современных тюркских народов.

Настоящая статья отличается от предыдущих тем, что в ней общая теория возникновения пещерного искусства иллюстрируется семантическими сдвигами ряда тюркских лексических единиц, прежде всего понятий, близких к палеолитическому художественному творчеству. В результате такого сравнительно-генетического и типологического сопоставлений должны выявиться, по мнению автора, некоторые специфические аспекты сложения прототюркского художественного сознания.

Наиболее вероятное предположение о возникновении пещерного искусства верхнего палеолита заключается в факте освоения человеком территории пещеры, наиболее удобной для его существования в ледниковый период. Её необходимо было отвоевать у диких зверей, в первую очередь пещерного медведя, который одновременно являлся и объектом коллективной охоты. Накопленный опыт совместной охоты на пещерного медведя (как на объект добычи питания и жилья) древние люди передавали из поколения в поколение. С целью обучения (инициации) будущих охотников первоначально они использовали целые туши убитых зверей, а затем (с целью экономии продукта питания) в пещерных чучелах медведя натуральными оставались лишь его голова и шкура (эпоха раннего и среднего ориньяка) [8. С. 47]. Так как эти чучела с лепной глиняной основой (> глиняные изваяния) соответствовали ес-

тественной величине пещерного зверя, то для их устойчивости (первоначальное лежачее положение крупных глиняных скульптур со временем сменилось стоячим) использовали стенку пещеры, т.е. лепку фигур исполняли с опорой на стенку пещеры [8. С. 50–51]. Затем (после открытия идеи о возможности уменьшения натуральной величины изображаемого зверя и идеи барельефного технического выражения) творчество первобытных художников вплотную приблизилось «к открытию плоскостного воспроизведения – рисунка и гравюры» [8. С. 50]. Окончательное уплощение рельефной лепки привело к тому, что преобладающим изобразительным средством становился прочерченный на поверхности глины канонично определённый, строго профильный контур [8. С. 52]. По такой схеме можно представить зарождение пещерных изваяний (скульптур) и профильных рисунков палеолита.

Первая гипотеза заключается в том, что основным соперником завоевания жилища человека ледникового и послеледникового периодов был пещерный медведь, он же в ту пору (в эпоху сложения тотемизма) считался первопредком, а также объектом охоты. В этой связи определённую доказательную силу имеют фонетические совпадения тюркских лексических единиц с понятиями «медведь» и «предок». В своём «Этимологическом словаре чувашского языка» М.Р. Федотов приводит к чувашскому *ула/ола* «медведь» следующие тюркские соответствия (условные сокращения названий народов – автора словаря): тел., шор., саг., койб., кач., тур., чаг. *аба* «отец» (тел., шор., саг.), «предок» (тур., чаг.), «дядя со стороны отца» (чаг.), «старший брат» (кач.), «медведь» (саг., койб., кач.); саг. *абаа* «старший брат»; тел., чаг. *абуу* (=монг.) «батьюшка»; др.-тюрк. *аба* «медведь» [10. С. 281]. Имеются такие монгольские формы: п.-монг. *абай* «голубчик, милый»; *абагай* «почтенный батьюшка»; монг. *ав* «отец», «папа, батьюшка»; бур. *аба* (тж.) [10. С. 281–282].

Итак, предположение о возникновении имени прототюркского тотемического первопредка от названия медведя подтверждается лингвистическим материалом и имеет серьёзную доказательную основу. Особый интерес представляет тот факт, что у огуро-булгар *ала* означает первопредка не по мужской линии, как у пратюрков и монголов, а по женской линии (чув. *апай* «мать моя», *асла́ апай* «мать моего отца»). Очевидно, в обществе *р-л*-язычных прототюрков (огуров) традиции матриархата сохранились лучше и дольше, чем в сообществе *з-ш*-язычных (огузов). Данное положение можно подтвердить и другими лингвокультурологическими фактами, а также особенностью огуро-булгарской культуры [5, 6].

Вторая гипотеза связана с предположением о совмещении в палеолите места охоты и жилища, это – пещера. По сведениям М.Р. Федотова, в древних тюркских языках понятие «жилище, становище» имело следующие фонетические формы: *eb/ef/ev/üj/üv* [9. С. 57]. В «Древнетюркском словаре» «дом, юрта, помещение» имеет форму *ev/eb*, а «женщина, жена» – *evči/ebči* [3. С. 189, 162]. Ср.: чув. *эв + *-ра/-ре* (аф. дат. пад.) + *-әм* (аф. принадл.) > *эврим > *аврам* > *арәм* «замужняя женщина», «жена», т.е. «тот, кто находится в жилище» [9. С. 57]. Данная основа содержится и в слове *авлан* «жениться», т.е. «обзавестись жилищем, домом» (*эв + *лен* > *авлан*).

В тюркских языках, в которых строго соблюдается закон сингармонизма, все аффиксы имеют как велярные, так и палатальные варианты, подобно вышеприведённому чувашскому аффиксу дательного падежа (*-ра/-ре*). Поэтому близкие друг к другу понятия по семантике в разных тюркских языках или диалектах иногда встречаются в твёрдом или же мягком сингармоническом ряду (например, др.-тюрк. *еся́* «старшая сестра»; *есі́* «старший брат, дядя» и *аса́* «родственник» [3. С. 162; 4]). Благодаря этому парные слова в чувашском языке могут составляться даже в противоположном фонетиче-

ском варианте без определённой семантики: *тимёр* «железо» + *тәмәр* (велярный вариант *тимёр*) > *тимёр-тәмәр* «металлы»; *çётёк* «тряпка, лоскут» + *çатăк* (велярный вариант *çётёк*) > *çётёк-çатăк* «тряпё, ветошь»; *сырма* «овраг» + *çёрме* (палатальный вариант *сырма*) > *сырма-çёрме* «овраги» и др. По данному принципу вполне могут быть сближены древнетюркские *ev/eb* «жилище, становище» и *av/ab* «охота» [3. С. 68; 1]. (Кстати, рыбная ловля тоже относится к форме добычи пищи, поэтому не удивительно, что рыболовная снасть – «сети, невод» – у древних тюрков тоже называется *av* [3. С. 68]).

Итак, на лингвистическом материале полностью подтверждается вышеизложенная гипотеза искусствоведов о первоначальных причинах возникновения пещерного искусства. Места охоты и проживания палеолитического человека в ледниковый период действительно совмещались (пещера). Там находилось жилище и медведя, первоначально как объекта охоты, а со временем и как тотемного зверя-первопредка. При этом наличие связи между понятиями «жилище» и «предки» (прежде всего «мать») очевидно: для последующих поколений они всегда сливались в образе жилища родоначальников (*тёп кил*). Здесь попутно можно высказать и другое предположение: супругом «женщины» (*евçи*), по представлению древних людей, являлся сам первопредок-медведь. В большинстве чувашских сказок медведь не случайно выступает как добрый муж и достойный супруг, смерть которого овдовевшая женщина горестно оплакивает такими словами: «Суп без мяса не хлебали, / Хлеб без мёда мы не ели...» (перевод наш. – В.Р.) [4. С. 15].

Далее следует рассматривать названия понятий «голова» и «шкура», как основных натуральных частей чучела пещерного медведя. Фонетические изменения чувашского *луç* («голова», «глава», «индивид», «перед», «начало», «вершина», «верховое») и общетюркского *баш* (в тех же значениях) ряд маститых учёных (М. Рясанен, Г. Дёрфер, Т. Текин) представляли так: **balç* > волж.-болг. **bač* > чув. *puç*; **balç* > др.- тюрк. *baš* [9. С. 452–453]. Следует допустить, что данное слово образовано с помощью тюркского глагола *пол-/бол-/бул-* «быть, существовать, совершенствоваться»; «сделаться», «стать», «иметься» и т.д. [9. С. 442]. Известно, что для существования как человека, так и животных в первую очередь необходимо наличие головы, а не другой части их тела (ноги, руки, хвоста и т. д.). Не случайно основной мишенью для будущих охотников-стрелков в пещерном чучеле (натуральном макете) была именно голова (как символ живого медведя) [8. С. 48].

В чувашском языке значение «шкура» имеют два слова: *сăран* «выделенная шкура» и *тир/тирĕ* «шкура, кожа, овчина, мех» [10. С. 30, 234]. В тюркских языках чувашскому *сăран* находятся следующие соответствия: тат. *соран* «сыромятная, необделанная кожа»; тур. *sirim* «сорт грубого сафьяна», «кожаный ремень». Монгольские формы: калм. *сур* «ремешок, ремень», «ременный, кожаный»; п.-монг. *sur*; ср. тур. *сугут* (тж); каз. *сыран* (тж); монг. *сур* «ремень, ремешок», «мишень для стрельбы из лука». Ср. венг. *szironu* «выделанная кожа» [10. С. 30]. Второму слову в тюркских языках находятся следующие соответствия: алт., тел., леб., шор., кюэрик. *тăрă* «кожа», «шкура»; саг., койб., кирг., к.-кирг. *терă* (тж); ком., крым., бар., караим., чаг. *тăри* (тж), баш. *тире* «кожа (на теле)», як. *тирии* «кожа», «шкура», «кожный», «кожаный» [10. С. 234–235].

Из этих двух лексем наиболее древней и исконно тюркской является, скорее всего, *тăрă/терă* в значениях «шкура» и «кожа». В чувашском языке парное слово *тум-тир* означает одежду вообще (и летнюю, и зимнюю). Первое слово (*тум* «одежда») соответствует древнетюркскому *тон* «верхняя одежда», «шуба» и, оно, по утверждению ряда лингвистов, заимствовано из среднекитайского языка (*тон* «длинное платье», «халат» [10. С. 238]). Очевидно, вторая часть вы-

шеприведённого парного слова (*тир* < *тирĕ*) в древности имела тоже близкую к *тум* семантику – «одежда (из кожи)». Следует полагать, что до появления термина китайского происхождения одежду древние тюрки и огуро-булгары называли *tārā/terā*. Что касается чувашского *си-луç* («внешность, наружность, внешний облик», «одежда»), то нужно сказать, что данное парное слово этимологически весьма прозрачно (*си* «верх, верхняя часть» + *луç* «голова») и означает прежде всего внешний облик головной части, а не туловища человека.

В «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина зафиксировано парное слово *тир-тĕр* в значении «кожи (всякого или разного рода)» [1. С. 65]. Здесь *тĕр* не является сингармоническим вариантом первого слова, оно родственно с чувашским существительным *тĕр* (*тĕр* + *лĕ* «разный», «различный, разнообразный, всевозможный», «всякий», «вид») и имеет тюркские соответствия: алт., тел., тар. *тўр* «наружность», «цвет» (алт., тел.), «вид, род» (тел., тар.), тат., башк. *төр* «вид», «вариант», «сорт», «род» (биол.), ком., кирг. *тўрлў* «различный» и др. [10. С. 219–220].

Наиболее близкой по семантике к чувашскому *тĕр* является лексема *тĕс* «цвет», «масть», «внешний облик», «образ», «вид», «подобие», «род» [10. С. 222]. Она имеет такие производные формы: *тĕс-йыш* «вид», *тĕс-йĕр* «наружность», *тĕслĕ* «различный», «похожий цветом (видом) на...», «лад», *тĕслĕлĕх / тĕслĕх* «образец», *тĕслĕ-тĕслĕ* «разнообразный», *тĕс-луç* «облик», *тĕссĕр* «бесцветный», «бледный, некрасивый». Данной лексической единице находятся тюркские соответствия в значениях «наружность», «вид», «цвет», «окраска». Ср. монг. *төс* «сходство» [10. С. 222–223]. Имея сходную семантику, *тĕр* и *тĕс* являются, очевидно, лишь вариантами одного прототюркского корня и стоят они в одном ряду с такими парами в тюркских языках, как *çур* и *йаз* «весна», *кĕр* и *кўз* «осень» (разделение по законам ротацизма и зетацизма).

Фонетическое совпадение слов, означающих понятия «сходство», «наружность», «вид», «цвет» (*тўр, тĕр*), с древним названием шкуры и кожи (зверя и человека) позволяет допустить такие семантические смещения: «шкура как натуральная часть убитого зверя» > «шкура как сходство (символ) зверя» > «сходство», «вид», «вариант», «цвет». Одевание древних тюрков, как показано выше, теснейшим образом связано со шкурой зверей, а в дальнейшем и с материями растительного происхождения. Изображаемые на них сходства (с натуральным и воображаемым мирами) в тюркских языках назывались *тўр / төр* «рисунок на материях», «вышитое украшение», «пёстрые рисунки на кошме» (алт, тел., кирг., чаг.), «вышивка, узор» (каз.) [10. С. 219]. В чувашском языке *тĕр/тĕрĕ* имеет, кроме вышеназванных значений, и такие: «рисунок (на деревянных предметах, стекле, снегу, камне и других объектах природы)» [2. С. 77–81]. Очевидно, словом *тўр/төр* прототюрки первоначально называли не только одежду и мифологические изображения на них, но настенные и наскальные рисунки.

В чувашском языке существует глагол *сых* – «вязать, завязывать, привязывать», «вязать (чулки, кружева)» который восходит, по мнению М.Р. Федотова, к др.-тюрк. *сйу* – «завязывать, связывать (узлом)» [10. С. 159]. Между тем в древнетюркском языке с подобной семантикой существовал другой глагол (*çek-*), который образовал лексему *çekin* в двух значениях: «шёлковая нить» и «вышивание мишурой по шёлку» [3. С. 143]. Там же бытовало существительное *çek* «хлопчатобумажная ткань, из которой шьют верхнюю одежду». Следует полагать, что татарский термин *чигу* («вышивание», «вышивка») связан именно с этими древнетюркскими вариантами и сохранил в своей семантике больше особенности техники вышивания (шёлком, мишурой), чем аспект сходства, копирования оригинала.

В тюркских языках сохранилось и другое предполагаемое название объектов первобытного искусства. Так, в тюркских языках, в том числе и чуваш-

ском, сохранилось интересное слово *кел*: тел., алт. леб., шор., «мера, модель, колодка, образец»; др.-тюрк. «форма»; стар. тур. *gip* «картина»; чуваш. *кап* «объем, величина, внешний вид, фигура» и т.д. Булгарское слово *кел* в значениях «форма; образ; изображение; портрет» вошло в венгерский язык, а позже (после славянизации языка дунайских болгар) оно сохранилось в старославянском языке в форме *каль* (сравните русское *капище* «языческий храм») [10. С. 224–225]. Очевидно, прототюркское слово *кел* первоначально, как и *тўр/тўр*, означало вторичное изображение или же форму изображения материального мира первобытного человека. Со временем оно обрело новые значения: «фигура», «изваяние», «картина» и т.д.

Здесь же следует перечислить и другие слова, в той или иной степени относящиеся к художественному творчеству древних предков чувашей. Обще-тюркское слово *йаз* (чуваш *зыр*) означает не только «писать», но и «очертить (на камне, земле, дереве)». Например, чувашское словосочетание *чул зине зырни* дословно переводится как «очерченное на поверхности камня». Интересна этимология слова *ўкер* «заставить упасть, уронить, свалить, сшибать (с места)». М.Р. Федотов допускает, что в основу данной лексемы легло тюркское *ōkū/ōgū* (чуваш. *ўкё*) «смягчиться» (этот корень сохранился и в слове *ўкён* «раскаяться, каяться; досадовать, огорчаться, сожалеть») [10. С. 299]. Другое синонимическое слово (*ўкер*) имеет следующие значения: «образчик, рисунок узора», «скопировать», «писать», «рисовать» и т.д. В обеих лексемах подразумевается соединение двух состояний, плоскостей, движение от первичного состояния к вторичному. В круг терминов народного изобразительного искусства входят и следующие чувашские слова: *юла* «намогильный столб»; *кёлетке* «вид, фигура, изображение, статуя, отпечаток, идол», «портрет, фото»; *пукане* «кукла»; *ёмёлке* «тень, силуэт»; *ёлкё* «образец, модель», «выкройка», «вид, форма»; *сән* «внешний вид, облик», «лицо», «наружность», «красивая внешность»; *сәрә* «краска», «цвет»; *сўрет* «вид, изображение» и т.д. К сожалению, в аспекте семантики и этимологии они еще не рассмотрены и нуждаются в глубоком историко-типологическом анализе лингвокультурологов.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 вып. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1937. Вып. 14. 335 с.
2. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1941. Вып. 15. 376 с.
3. Древнетюркский словарь. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.
4. Ильина Н.Г. Чăваш юмахёсен тёлёнтермёш тёнчи // Чăваш халăх пултаруляхё. Январ юмахёсем. Шупашкар: Чăваш кён. изд-ви, 2011. С. 5 – 26.
5. Родионов В.Г. Проблемы реконструкции древнечувашской мифологической модели мира // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 8 октября 2015 г.) / ЧГИГН. Чебоксары, 2016. С. 236–244.
6. Родионов В.Г. Этимология и трансформация семантики названия образа змея-покровителя в чувашской мифологии // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 238–244.
7. Родионов В.Г. О художественном сознании прототюрков и огуро-булгар // Ашмаринские чтения: сб. тр. X Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20–21 октября 2016 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 7–11.
8. Столяр А.Д. О генезисе изобразительной деятельности и её роли в становлении сознания (к постановке проблемы) // Ранние формы искусства: сб. ст. М.: Искусство, 1972. С. 31–75.
9. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 1. А–Р / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. 470 с.
10. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 2. С–Я. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. 509 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru).

V. RODIONOV

SEMANTIC SHIFTS OF LEXEMS CONNECTED WITH DEVELOPMENTAL STAGES OF PROTOTURKIC PEOPLE'S ARTISTIC CONSCIOUSNESS

Key words: semantics, artistic consciousness, the primal forefather, the cave bear, Turkic ancestors (prototurkic people), primitive art.

In this paper the general theory of cave art origin is illustrated by semantic changes in a number of Turkic lexical units, first of all in concepts close to Paleolithic artistic creativity. As a result of this comparative-genetic and typological comparison of words semantics, specific aspects of artistic consciousness development in prototurkic people's are revealed. In this regard, phonetic coincidences of Turkic lexical units with the concepts of "bear" and "ancestor" have a certain evidentiary power. Linguistic material confirms the hypothesis of art critics about the original causes of cave art emergence. Places of hunting and residence of a Paleolithic man in the ice Age were really combined (a cave). It was an habitation of a bear, originally as an object of hunting, and eventually as a totemic animal-primal forefather. Phonetic coincidence of words meaning "similarity", "appearance", "look", "color" (tur / tor) with the ancient name for skin and hide (beast's and human's) allows to admit such semantic shifts: "hide as a natural part of the killed animal" > "Hide as similarity (symbol) of an animal" > "similarity", "look", "variant", "color". The dress of ancient Turkic peoples is closely connected with the hide of animals, and later with fabrics of plant origin. With the word *tür* / *tör* the prototurkic peoples originally called not only clothes and mythological images on them but wall and rock paintings as well. The prototurkic word *kep* originally also meant a secondary image or a form of depicting a primitive man's material world. Over time, it acquired new meanings: "figure", "statue", "picture", etc.

References

1. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash Language Dictionary]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1937, Issue 14, 335 p.
2. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash Language Dictionary]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1941, Issue 15, 376 p.
3. *Drevnetyurkskii slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1969, 676 p.
4. Il'ina N.G. *Chavash yumakhesen telentermesh tenchi* [Features of the Chuvash folk fairy tales]. In: *Chavash khalakh pultarulakhe. Yanavar yumakhesem* [Chuvash folk art. Fairy tales]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2011, pp. 5–26.
5. Rodionov V.G. *Problemy rekonstruktsii drevnechuvashskoi mifologicheskoi modeli mira* [Problems of reconstruction of the ancient Chuvash mythological model of the world]. *Mifologiya chuvashei: istoki, evolyutsiya i kul'turnye vzaimosvyazi: materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf.i* [Proc. of Sci. Conf. «Mythology of the Chuvash people: origins, evolution and cultural interrelations»]. Cheboksary, 2016, pp. 236–244.
6. Rodionov V.G. *Etimologiya i transformatsiya semantiki nazvaniya obraza zmeya-pokrovitelya v chuvashskoi mifologii* [Etymology and semantic transformation of the name of the serpent-patron's image in the chuvash mythology]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2016, no. 4, pp. 238–244.
7. Rodionov V.G. *O khudozhestvennom soznanii prototyurkov i oguro-bulgars* [On the artistic consciousness of proto-Türks and Oguro-Bulgars]. *Ashmarinskii chteniya: sb. tr. X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of X Int. Sci. Conf. «Ashmarin Readings»]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2016, pp. 7–11.
8. Stolyar A.D. *O genezise izobrazitel'noi deyatel'nosti i ee roli v stanovlenii soznaniya (k postanovke problemy)* [On the genesis of visual activity and its role in the formation of consciousness (To the formulation of the problem)]. *Rannie formy iskusstva: sb. st.* [Early forms of art: a collection of articles]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972, pp. 31–75.
9. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Chuvash language. 2 vol.]. Cheboksary, 1996, vol. 1, A–R, 470 p.
10. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language. 2 vol.]. Cheboksary, 1996, vol. 2, C–Ya, 509 p.

RODIONOV VITALIY – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vitrod1@yandex.ru).

Ссылка на статью: Родионов В.Г. Семантические сдвиги лексем, связанных с этапами сложения художественного сознания прототюрков // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 305–310.

УДК [811.512. 111+811.111]373

ББК Ш12=635.1*33*008.51+Ш12=432.1*33*008.51

И.Г. ТРОФИМОВА, И.Г. НИКИТИНА

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ СО СТРУКТУРОЙ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (на материале английского и чувашского языков)

Ключевые слова: синтаксис, сложноподчиненные предложения, английский и чувашский языки, сопоставительное исследование, паремиологические единицы, пословицы.

Статья посвящена изучению особенностей синтаксической организации английских и чувашских паремиологических единиц со структурой сложноподчиненного предложения. Проанализированы наиболее частотные типы, используемые в паремиях сопоставляемых языков. В результате исследования выделены типовые синтаксические схемы сложноподчиненных предложений, используемые в пословицах сопоставляемых языков, а также их универсальные и специфические признаки.

Известно, что язык является важным средством коммуникации людей. Он, как отмечает Гумбольдт, «тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [3. С. 48]. Особенности лингвокультуры представлены на всех уровнях языка. Однако особенно богато они отражены в паремиологических единицах. Паремия не утрачивает своей актуальности, поскольку она является когнитивной базой языка, в которой вербализуется познавательный опыт той или иной этнокультуры, передаваемый из поколения в поколение. Пословицы являются прекрасным материалом для лингвистических исследований и привлекают внимание многих языковедов, которые рассматривают их в различных аспектах.

Целью нашей работы является сравнительно-сопоставительное исследование синтаксической организации английских и чувашских паремиологических высказываний со структурой сложноподчиненного предложения (СПП) для выявления их универсальных и специфических признаков.

Анализ широкого корпуса английских и чувашских пословиц позволил нам выделить основные типы СПП, используемые в сопоставляемых языках.

1. СПП с ограничительным определительным придаточным предложением, вводимым относительным местоимением *that*, и личным местоимением *he* в функции подлежащего в главном предложении. Данный тип паремий широко распространен в английском языке и по своему составу делится на две подгруппы:

а) с придаточными предложениями, следующими за главным, например:

He is happy that thinks himself so. He jests at scars that never felt a wound. He should have a long spoon that sups with the devil.

б) с придаточными предложениями, расположенными за подлежащим в главном предложении, например:

He that talks much lies much. He that is full of himself is empty. He that has no head needs no hat. He that is born to be hanged shall never be drowned.

В приведенных подгруппах пословиц в определительных придаточных предложениях может эксплицироваться действие, например: *He cannot speak well that cannot hold his tongue. He that knows nothing doubts nothing.*

Кроме того, в них также выражается принадлежность признака, например: *He that is warm thinks all so. He is lifeless, that is faultless.*

С точки зрения синтаксиса порядок слов играет существенную роль для определения семантико-синтаксических процессов и выделения определяемого и определяющего.

Аналогичную структуру имеют СПП, в которых придаточные предложения вводятся союзным местоимением *who*, например:

а) *He laughs best who laughs last. He knows much who knows how to hold his tongue. He goes long barefoot, who waits for dead men's shoes.*

б) *He who hesitates is lost. He who doesn't work, neither shall eat. He who is born a fool will die a fool.*

Анализ языкового материала в чувашском языке выявил отсутствие паремий со структурой данного типа.

II. СПП с придаточным предложением, вводимым союзным местоимением *who*, расположенным перед главным и выполняющим функцию подлежащего, например:

Who breaks, pays. Who has never tasted bitter, knows not what is sweet. Who keeps company with the wolf, will learn to howl. Who chatters to you will chatter of you. Who will not keep a penny never shall have any.

В чувашском языке данному типу соответствуют пословицы с придаточными предложениями, также находящимися в препозиции к главному и выполняющими функцию подлежащего. Они вводятся при помощи союзного слова *кам*. При этом указательное слово *çав* или *вӑл* в главном поясняет придаточное, например:

Кам ёçлет, çав çиет (Кто работает, тот ест); *Кам çуратнӑ, вӑл пӑхтӑр* (Кто породил, пусть он же и воспитает).

Придаточное предложение может быть заменено причастной конструкцией, которая также является подлежащим в составе простого двусоставного предложения. Союзное слово *кам* при этом опускается. В составе такого предложения, как правило, употребляется субстантивированное причастие в настоящем времени на *-акан* (*-екен*), *-ан* (*-ен*) [1. С. 171], например:

Нумая шыракан сахаллине сұхатнӑ (Кто многое ищет, тот теряет малое); *Çынна усал тӑвакан хӑй те усал курать* (Кто делает зло другому, тот и сам его испытает); *Пысӑка ёмӑтленекен пӑчӑккине сұхатать* (Кто надеется на большое, потеряет многое).

Пословичные высказывания с придаточными предложениями используются для выделения одного лица или группы лиц из ряда им подобных и характерны для торжественной и возвышенной речи. Пословицы с причастной конструкцией имеют широкое распространение в естественном разговорном языке, например, ср.:

Кам тӑрӑслехе юратать, çав çын яланах хисеплӗ пулать (Кто любит правду, того всегда уважают). – *Тӑрӑслехе юратакан çын хисеплӗ пулать* (Любящего правду человека уважают). Сравнимые примеры синонимичны по значению, но имеют разную грамматическую структуру.

III. СПП с условными придаточными предложениями, вводимыми союзом *if* и предшествующими главному, например:

If you try to please everybody, you will please none. If you laugh before breakfast, you'll cry before supper. If you run after two hares, you will catch neither.

СПП с условными придаточными предложениями, находящимися в постпозиции к главному, встречаются гораздо реже, чем другие типы СПП, например: *It is easy to swim if another holds up your chin. It is a great life if you don't weaken.*

В чувашских пословичных выражениях условие совершения действия выражено деепричастиями с аффиксами *-сан/-сен* в придаточных предложениях, находящихся в препозиции к главному, например:

Тухман çын тухсан, тӑман тухать (Если выйдет домосед, то быть пурге); *Анаталла шырасан шывӑн вӑçне тупаймӑн* (Если искать начало реки вниз по

течению, то его не найти); *Пур инкекшён макӑрсан куӑсуль кӑллине путса вилён* (Если будешь плакать при каждом несчастье, то утонешь в собственных слезах).

Придаточное предложение может присоединяться к главному при помощи союза *пулсан*, например: *Пӑр ӑӑхе пулсан путса анасси часах* (Если лед тонок, то скоро можно провалиться).

Следует отметить, что в тюркских языках выражение условия является лишь частным случаем экспликации времени совершения действия [2. С. 160]. В чувашском языке деепричастия с аффиксами *-сан/-сен* могут одновременно обозначать время и условие [5. С. 248], например:

Сёмёрт ӑсӑки ӑурӑлсан, килет вӑрман илемӗ (Когда расцветает черемуха, лес становится красивым); *Ыр сын вилсен ят юлать*. (Когда добрый человек умирает, остается его имя); *Вӑхӑт ӑитсен йывӑӑ ӑулси те тӑкӑнать* (Когда придет пора, лист с дерева упадет); *Вӑрӑӑ чарӑнсан паттӑр нумай* (Когда война заканчивается, героев много).

IV. СПП с придаточными предложениями времени, вводимыми союзом *when, while*, например: *When candles are out all cats are grey. When guns speak it is too late to argue. When elephants fight, the grass suffers. When wine is in, wit is out. While the grass grows the horse starves.*

Союз *while* может также выражать значения условия и причины, например: *While there is life there is hope.*

В чувашском языке одновременность действий в главном и придаточном маркируется при помощи послелогов *чух(чухне), ӑинче*, например:

Хёвел ӑук чухне уйӑх та ӑутатать (И месяц светит, когда солнца нет); *Алӑ-ура пур ӑинче ахаль ларни килӗшмест* (Когда есть руки-ноги, не подobaет сидеть без дела); *Алӑк патӗнче вырӑн пур чухне тӗпеле кӗрсе лармаӑӑӑ* (Когда есть место у дверей, не садятся в красном углу избы).

Во многих чувашских пословицах данного типа предикат в главном предложении выражен формой повелительного наклонения, например: *Ут пур чух ӑула ӑӑре, аӑу пур чух ёӑе вӑрен* (Пока имеешь лошадь, почаще выезжай, пока жив отец, приучайся к работе);

V. СПП с придаточными предложениями, выполняющими функцию подлежащего, вводимыми в главное предложение местоимением *what*, например:

What is done, cannot be undone. What must be, must be. What is lost, is lost. What is done by night appears by day. What is past is past.

В чувашском языке в пословицах с аналогичной структурой придаточное предложение в качестве подлежащего выражено отпричастной формой с суффиксами *-ни, -асси/-есси*, например: *Мирпе килни туй пек иртсе каять* (Что с миром приходит, то как свадьба проходит); *Ал тивменни алӑ ӑул выртнӑ* (То, до чего не дотронулась рука, пролежало пятьдесят лет).

VI. СПП с обстоятельственными придаточными предложениями места, вводимыми в главное при помощи союзного слова *where*, например: *Where there is a will, there is a way. Where ignorance is bliss 'tis folly to be wise.*

В аналогичных чувашских пословицах выражения придаточные присоединяются к главному при помощи союзного слова *ӑста*, а главное маркируется местоименным наречием *унта* например: *ӑста лапра, унта тупра* (Где грязь, там добро); *ӑил ӑстан, ӑумӑр унтан* (Откуда ветер, оттуда дождь); *ӑста чечек, унта пыл пулать* (Где цветок, там и мед).

VII. Эмфатические СПП с ограничительными придаточными предложениями, вводимыми местоимениями *it* и *that*, имеющими указательное значение и выступающими в функции подлежащего, например:

It is an ill wind that blows nobody good. It is a silly fish that is caught twice with the same bait. It is an ill bird that fouls its own nest. It's a good horse that never stumbles.

В чувашском языке, имеющем сильно развитые синтетические грамматические формы, нами не были найдены пословицы, соответствующие данному типу структур.

VIII. СПП, в которых придаточное предложение выражает причинную обусловленность действия главного предложения. Придаточное предложение находится в препозиции к главному и присоединяется к нему посредством союза *as*, например: *As you sow, you shall mow*.

Главное предложение может вводиться наречием *so*: *As you sow, so you shall reap; As the tree falls, so it shall lie; As you brew, so must you drink; As you make your bed, so must lie on it*.

Данному типу английских предложений близки чувашские СПП, в которых придаточные предложения присоединяются к главному при помощи союзных слов *мёнле*, *епле*, а в главном используется указательное слово *сапла*, например: *Мёнле пӑсӑнӑ, савӑнпа юсанаççӗ* (Чем испорчен, тем и печатся).

IX. СПП с придаточными сказуемыми. Обе части предложения вводятся повторяющимися маркерами *like*, либо *such*, при этом их конечные элементы, как правило, противопоставлены друг другу, например: *Like father, like son; Like mistress, like maid; Like pries, like congregation; Such times, such people; Such life, such death; Such people, such honour*.

Данные пословичные выражения с синтаксическим сжатием можно развернуть до СПП с придаточным следствия, выражающим причинно-следственные отношения, например: *Like mother, like daughter = as the mother is, such is the daughter*.

Данному типу английских СПП соответствуют чувашские пословицы с придаточным-сказуемым, части которого соединяются при помощи союзных слов *мёнле*, *епле*; главное предложение вводится указательным словом *сапла* и рядом других, например: *Асти епле, ёçӗ сапла* (Каков мастер, таково и дело); *Ар епле, йӑш сапла* (Каков мужчина, такова и его семья); *Ашшӗ-амӑшӗ епле, ачи-пӑчи те сапла* (Каковы родители, таковы бывают и дети); *Хунямӑшӗ епле, кинӗ сапла* (Какова свекровка, такова и сношка).

В чувашских пословицах, в отличие от английских, противопоставляемые члены предложения находятся в начале главного и придаточного СПП.

X. Эллиптические обороты различных типов, отличающиеся максимальной лаконичностью за счет пропусков разных членов предложения. В результате синтаксического сжатия образуются разнообразные виды пропусков и сложные сочетания структур, например:

англ. *Out of sight, out of mind. Ill gotten, ill spent. More haste, less speed. Soon ripe, soon rotten. Far from eye, far from heart. Neither hide, nor hair. Neither rhyme, nor reason. No song, no supper*.

Каждое из приведенных пословичных высказываний представляется возможным развернуть до СПП, например с придаточным условия: *No pains, no gains = if one takes no pain, he won't gain anything*.

В чувашском языке данной модели соответствуют пословицы, большинство из которых являются безглагольными предложениями с опущенным предикатом, например:

чув. *Чӗлхере пыл, чӗрере пӑр* (На языке мед, а на сердце лед); *Ялла, мирпе, халӑхпа пӗрле* (С деревней, с миром, вместе с народом); *Пур пӗрле, çук сурмалла* (Что есть вместе, чего нет – пополам); *Ырӑ ячӗ хуçине, хаяр ячӗ тарçине* (Добрая слава хозяину, злословие – работнику).

Несмотря на то, что к этим оборотам нельзя добавить недостающие члены предложения, они все же являются предикативными фразеологическими единицами, семантически равноценными предложению [4. С. 191].

Таким образом, на основе анализа корпуса английских и чувашских пословиц нами выделены типовые синтаксические схемы СПП, используемые в пословицах сопоставляемых языков.

Наиболее частотными моделями для английских паремий оказались I и III модели СПП. В I типе предикат придаточного определительного предложения выражен, главным образом, формой глагола настоящего неопределенного времени, а в главном – формой настоящего либо будущего неопределенного времени. Во II типе в придаточном условия предикат в форме настоящего неопределенного времени, а в главном – в основном в форме будущего неопределенного времени. В чувашском языке наиболее частотной моделью является СПП III типа, в которой в придаточном предложении условие маркируется деепричастной формой, а в главном используются финитные формы глаголов в разных временах. Следует также отметить, что в чувашских пословичных выражениях со структурой СПП придаточное предложение находится в препозиции к главному.

Приведенные типовые синтаксические схемы паремий, которые представляют собой образцы фольклорных клише в анализируемых языках, отражают языковые предпочтения для выражения обобщающих суждений, поскольку являются наиболее рациональными способами синтаксического оформления высказываний.

Источники

Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. М.: Худож. лит., 2000. 415 с.

Райдаут Р., Уиттинг К. Толковый словарь английских пословиц. СПб.: Лань, 1997. 256 с.

Румянцева И.М. Русские и английские пословицы и поговорки: учеб. слов. фразеол. соответствий / И.М. Румянцева. М.: Филоматис, 2008. 397 с.

Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сáмахĕсем = Чувашское народное творчество. Пословицы и поговорки / сост. О. Н. Терентьева. Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 2007. 493 с.

Литература

1. *Андреев И.А.* Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. Ч. II. С. 171.
2. *Горский С.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхин синтаксисĕ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. С. 160.
3. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 48.
4. *Трофимова И.Г., Никитина И.Г.* О роли родного языка в процессе обучения устной иноязычной речи // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 191.
5. *Трофимова И.Г., Никитина И.Г.* Сложноподчиненные предложения с придаточными условиями в английском и чувашском языках (опыт сопоставительного исследования) // Вестник Чувашского университета, 2016. № 2. С. 247–254.

ТРОФИМОВА ИРАИДА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (iraidatrofimova@gmail.com).

НИКИТИНА ИРИНА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nikitina_irina94@inbox.ru).

I. TROFIKOVA, I. NIKITINA

COMPARISON AND COLLATION OF PAROEMIAS WITH A STRUCTURE OF COMPLEX SENTENCES IN THE ENGLISH AND THE CHUVASH LANGUAGES

Key words: syntax, complex sentences, the English and the Chuvash languages, comparative study, paroemiological units, proverbs.

The goal of the present investigation is to study syntactic peculiarities of English and Chuvash paroemiological units having the structure of complex sentences. Syntactic structures most frequently used in paroemiological units are considered in the analyzed languages. As a result of comparative studies of English and Chuvash proverbs typical syntactic structures of complex sentences used in proverbs of the languages compared as well as their common and specific features are revealed.

References

1. Andreev I. A. *Chavash sintaksisen yitavesem* [Problems of the Chuvash language syntax]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1975, part 1, p. 171.
2. Gorskii S.P. *Khal'khi chāvash literatura chēlkhin sintaksisē* [Syntax of the modern Chuvash literature language]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1970, p. 160.
3. Gumbol'dt V. fon. *O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniy na dukhovnoe razvitie chelovechestva* [On the diversity of human languages construction and its influence on the intellectual development of the humanity]. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1984, p. 48.
4. Trofimova I.G., Nikitina I.G. *O roli rodnogo yazyka v protsesse obucheniya ustnoi inoyazychnoi rechi. Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedenie: aktual'nye voprosy i perspektivy issledovaniya* [The part played by the native language in teaching a spoken foreign language]. *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedenie: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vyp. 3* [Proc. of Sci. Conf. «Materials of Intern. scientific and practica conference», issue 3 «Linguistics, linguodidactics, translation»]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2016, p. 191.
5. Trofimova I.G., Nikitina I.G. Complex sentences with adverbial clauses of condition in the English and the Chuvash languages. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2016, no. 2, p. 247–254.

TROFIKOVA IRAIDA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (iraidatrofimo-va@gmail.com).

NIKITINA IRINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (nikitina_irina94@inbox.ru).

Ссылка на статью: Трофимова И.Г., Никитина И.Г. Сравнительно-сопоставительный анализ паремий со структурой сложноподчиненного предложения (на материале английского и чувашского языков) // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 311–316.

УДК 821.111Шекспир030=512.111

ББК Ш44(4Вел)(=432.11){4}*8Шекспир*4*45-312.3*002.187.37=635.1

А.И. ТРУКОВА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Ключевые слова: перевод, стихотворный текст, трансформации, сравнительный анализ, оригинал и переводной текст.

Исследователи в течение многих лет занимались проблемами перевода поэтических произведений. Однако вопросы перевода английской поэзии на чувашский язык все еще остаются неисследованными. В статье представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа перевода одного из сонетов У. Шекспира с английского языка на чувашский. Авторы подчеркивают, что применение переводческих трансформаций обусловлено различиями между языком оригинала и языком перевода. Основная трудность заключается в достижении эквивалентности текста перевода тексту оригинального произведения наряду с отражением эмоций автора, исходного смысла и литературных приемов и сохранением композиционной структуры.

Л.С. Бархударов писал о сложностях передачи поэтического текста на другой язык: «Вопрос о средствах и путях достижения адекватности поэтических произведений – один из наименее разработанных в теории художественного перевода. Строгие ограничения, налагаемые на поэтические произведения, в силу специфики самого жанра, необходимость передать в переводе не только содержание, но и ритмико-мелодическую и композиционно-структурную сторону подлинника, больше, чем в прозе, зависимость поэтического произведения от особенностей языка, на котором оно написано, – все это делает перевод поэзии одной из наиболее трудных областей переводческой деятельности. Тем более важно представлять с точки зрения как теории, так и практики перевода анализ лучших образцов перевода поэтических произведений с целью установления путей и средств достижения адекватности, применяемых опытными и талантливыми переводчиками» [2. С. 41]. Поэзия имеет свои особенности и представляет большую сложность для художественного перевода. Поэтический перевод отличается от перевода прозы своим особо организованным поэтическим текстом, построенным в соответствии с рядом присущих поэзии признаков: рифмой, ритмом, размером и т.д. [5. С. 249].

Переводы произведений выдающегося английского поэта и драматурга У. Шекспира на разные языки мира вызывают значительный интерес. Переводы сонетов, отличающихся своей загадочностью и неповторимостью, привлекают особое внимание исследователей. Также их интерес обусловлен своеобразием стиля, образностью языка и подбором авторских языковых средств. Прежде всего исследователи отмечают метафорический образ оригинального произведения, поэтическую силу которого необходимо отразить в тексте перевода. Метафоры представляют собой «ценный наглядный материал для психологической характеристики созданных Шекспиром лиц» [4]. Переводчики неизбежно сталкиваются с трудностью отражения стиля сонетов Шекспира. М. Морозов, А. Аникст, А. Смирнов внесли значительный вклад в изучение шекспировского стиля. Тем не менее сонеты Шекспира, являющиеся знаменитой частью его поэтического наследия, и в наши дни остаются загадкой, несмотря на многочисленные исследования [6. С. 245].

Поэты-переводчики, литературоведы Н.В. Гербель, М.И. Чайковский, С.Я. Маршак, А.М. Финкель, Я.И. Бергер, И.М. Фрадкин, И.А. Мамуна, А.И. Кузнецов и многие другие в разное время переводили сонеты Шекспира на русский язык. Чувашский поэт, переводчик, прозаик Николай Александрович Теветкел (Петровский) переложил все 154 сонета на чувашский язык. Н. Тевет-

кел ввел язык сонета в чувашскую поэзию, издав в 1995 г. книгу «Сонетсем» («Сонеты») на родном языке, и поднял чувашский сонет на уровень классического. Данная работа содержит сравнительно-сопоставительный анализ перевода «Сонета 130» на чувашский язык.

Прежде всего следует рассмотреть композиционную структуру оригинального произведения. Английский сонет состоит из трех катренов и заключительного двустишия. Каждый катрен характеризуется перекрестным видом рифмовки (abab) (табл. 1).

Таблица 1

Сонет 130: оригинал и переводы

Оригинал У. Шекспира	Перевод Н. Теветкеля
My mistress' eyes are nothing like the sun; Coral is far more red than her lips' red; If snow be white, why then her breasts are dun; If hairs be wires, black wires grow on her head.	Савни сӑнне эп хӗвелпе танлаштарма пӗлеймӗп, Коралл пек темӗн тутине – вӑл тӗлкӗшмен кӑвар. Ма унӑн тӗксӗм кӑкарне юр пек шап-шурӑ тейӗп, Ав, ҫӳҫӗ те пралук пекех – пӗрре те ҫемҫе мар.
I have seen roses damask'd, red and white, But no such roses see I in her cheeks; And in some perfumes is there more delight Than in the breath that from my mistress reeks.	Анчах та сӑнӗ хӗрелсен, тен, роза та шупкалӗ, Тумне хывсан фиалкасен шӑрши алхастарать. Вӑл ерипен сывланӑ чух виле те сӑвӑ калӗ – Арави сӑмалин шӑрши пит тутлӑн сарӑлать.
I love to hear her speak, yet well I know That music hath a far more pleasing sound; I grant I never saw a goddess go; My mistress, when she walks, treads on the ground.	Мана вӑл шӑпчӑк сассипе килентермест пӗрре те, Анчах чуна пӑхӑнтарать юравсӑр чӗлхилех. Ури те, ав, пусать тӗрккес. Тирке! – чӗрре кӗретӗп – Вӑл юрату туррисенчен утать пек хитререх.
And yet, by heaven, I think my love as rare As any she belied with false compare.	Ӗна «илем турри» тесе ма суйӑп эп сире? Анчах унран чиперрине шырамӑп тӗнчере.

В «Сонете 130» Шекспир не только не идеализирует образ возлюбленной женщины, он восстает против банальной красоты, которая воспевалась в современной лирической поэзии того времени. Штампованные сравнения с красотами земли и неба, которыми щедро награждали поэты своих героинь, не имеют ничего общего с его возлюбленной. Однако поэт отмечает, что она наделена редкой красотой. Шекспир рисует далекий от привычного идеала образ подлинной красоты, подчеркивая, что совершенство его любимой женщины заключается в ее естественности и искренности. Несмотря на то, что в сонете прослеживается неоднозначность чувств поэта ввиду присутствия некоторого излишнего натурализма, парадоксальная хвала не мешает поэту признаться в искренней любви к реальной женщине, образ которой противопоставлен общепринятым канонам красоты.

Вероятно, одним из самых распространенных поэтических штампов того времени было сравнение глаз возлюбленной с солнцем. Поэтом Шекспир начинает первый катрен со строки *my mistress' eyes are nothing like the sun* (глаза моей возлюбленной не похожи на солнце), в которой *nothing like* (ничего подобного) является очень ярким отрицанием.

Далее во второй строке мы читаем *coral is far more red than her lips' red* (коралл гораздо краснее, чем ее губы). Шекспир мог бы обойтись словом *more red* (более красные) вместо выражения *far more red* (гораздо краснее), которое усиливает противопоставление.

Ответ Шекспира на очередной штамп прослеживается в третьей строке, где он, подобно многим другим поэтам того времени, сравнивает грудь возлюбленной со снегом, применяя сложно построенную ироническую строку: *if snow be white, why then her breasts are dun* (если снег белый, тогда почему ее груди темные). Автор использует форму множественного числа *breasts* (гру-

ди), характеризующуюся некоторой вульгарностью, в то время как поэты в основном применяют форму единственного числа. В английском языке эпитет *dun* означает *серовато-коричневый оттенок*. Шекспир стремится подчеркнуть загрязненность цвета. Только белокожие женщины считались истинными красавицами, которые к тому же должны были иметь светлые волосы.

В рамках современного Шекспиру идеала красоты брюнетки считались некрасивыми, а черный цвет ассоциировался с символом зла [7. С. 32]. Не удивительно, что автор стремится разрушить и этот поэтический штамп: *if hairs be wires, black wires grow on her head (если волосы – проволока, то черная проволока растет на ее голове)*. Следует отметить, что в то время в женской моде царили сложные прически на каркасе из золотой и серебряной проволоки, поэтому сравнение волос с проволокой не вызывает удивления. Автор же говорит о черной проволоке, изображая женщину брюнеткой.

Не случайно во втором катрене встречается старинный город Дамаск, известный изготовлением оружия из стали. Очевидно, что дамасские розы яркого оттенка, полученного в результате смешения красного и белого цветов, нельзя назвать нежными. Но на лице любимой невозможно разглядеть даже такие розы: *I have seen roses damask'd, red and white, but no such roses I see in her cheeks (я видел дамасские розы, красные и белые, но такие розы я не вижу на ее щеках)*.

Далее поэт описывает запах своей возлюбленной: *in some perfumes is there more delight than in the breath that from my mistress reeks (в некоторых ароматах больше наслаждения, чем в запахе, который исходит от моей возлюбленной)*. В современном английском языке глагол *reek* означает *неприятно пахнуть, вонять*. Сравнение совсем не лестное, по отношению к женщине оно звучит довольно оскорбительно.

В третьем катрене Шекспир отмечает, что его женщина вовсе не похожа на богиню: *I never saw a goddess go; my mistress, when she walks, treads on the ground (я никогда не видел, как ходят богини; моя возлюбленная, когда ходит, ступает по земле)*. Здесь автор подчеркивает тяжелую поступь героини, которая, в отличие от богинь, передвигается, твердо ступая по земле.

В заключительном двустишии автор признается в любви, подводя итог вышесказанному: *by heaven, I think my love as rare as any (ей-богу, я считаю, что моя возлюбленная столь же редкой красоты, как любая другая, которую обманули ложными сравнениями)*.

Один из создателей советской школы поэтического перевода М.Л. Лозинский считал, что «переводя иноязычные стихи, переводчик должен учитывать все элементы во всей их сложной и живой связи, и его задача – найти в плане своего родного языка такую же сложную и живую связь, которая по возможности точно отразила бы подлинник, обладала бы тем же эмоциональным эффектом» [3].

Далее рассмотрим, насколько эквивалентным является переводной текст тексту оригинального произведения, и выясним, удалось ли переводчику воспроизвести коммуникативное намерение сонета на чувашском языке: противопоставление реального женского образа своей любимой общепринятым идеалам красоты.

Прежде всего следует отметить, что в целом структурная схема оригинального произведения сохранена в тексте перевода: и сонет-оригинал, и сонет-перевод состоят из трех катренов и заключительного двустишия. Однако имеются некоторые отличия. В оригинале два простых и два сложных предложения с подчинительной связью составляют первый катрен, в то время как в переводе – три простых и одно сложное предложение с подчинительной связью. Во втором кат-

рене в оригинале – сложное предложение с сочинительной связью и сложное предложение с подчинительной связью, а в катрене перевода – три сложных предложения с сочинительной связью. Третий катрен шекспировского сонета представлен двумя предложениями с двумя подчинительными связями и сочинительной связью, в то время как в переводе Н. Теветкеля – одно сложное предложение с сочинительной связью и три простых предложения. Заключительное двустушие оригинала состоит из одного сложного предложения с подчинительной связью, а перевода – из двух простых предложений. Сонет-перевод, как и сонет-оригинал, представлен перекрестным видом рифмовки (abab).

В переводе Н. Теветкеля довольно много эпитетов, придающих красочность и насыщенность: *тёлкёшмен кăвар* (неяркие угли), *тёксём кăкăрне* (темные груди), *семсе сўсё* (мягкие волосы), *шăпчăк сассипе* (голос соловья), *юравсăр чёлхипех* (негодный язык). Любопытно, что в тексте оригинала их всего три: *dark breasts* (темные груди), *pleasing sound* (приятный голос), *rare love* (редкой красоты возлюбленная).

Первый катрен чувашского перевода сонета начинается со сравнения лица возлюбленной с солнцем. Переводчик применил прием генерализации: *eyes* (глаза) – *сăнне* (лицо). Во второй строке Н. Теветкел трансформировал утвердительную конструкцию в отрицательную, используя антонимический перевод: *коралл пек темён тутине* (не сказать, что губы как кораллы). Для усиления противопоставления губ возлюбленной кораллам переводчик называет их *тёлкёшмен кăвар* (неяркие угли). Переводчик воспроизвел контраст белизны снега и темной груди: *ма унăн тёксём кăкăрне юр пек шап-шурă тейёп* (почему про ее темные груди смогу сказать, что они белые как снег). Полностью совпадает с оригиналом сравнение волос возлюбленной с проволокой: *сўсё те пралук пекех – пёрре те семсе мар* (ее волосы – как проволока, совсем не мягкие).

Далее в переводном тексте мы наблюдаем довольно грубую неточность: *сăнё хёрелсен, роза та шупкалё* (если появится румянец, и роза потускнеет), *тумне хывсан фиалкăсен шăрши алхастарать* (если снимет одежду, запах фиалки возбуждает), *ерипен сывланă чух – Арави сăмалин шăрши пит тутлăн сарăлат* (когда она медленно дышит, очень приятный аромат смолы Аравии распространяется). Переводчик не просто смягчает или нейтрализует переводы выражения *no such roses* (нет таких роз) и глагола *reek* (вонять), он искажает общий смысл подлинника. Здесь наблюдается явное несоответствие текста перевода тексту оригинала: совсем не обыденная возлюбленная с румянцем на щеках благоухает свежестью и источает ароматы фиалки и благоухания смол Аравии.

В чувашской версии третьего катрена верность оригинальному произведению сохранена. Несмотря на отсутствие сравнения голоса возлюбленной со звуками музыки, полемический задор и нарочитая грубоватость Шекспира отражены в переводе: *мана вăл шăпчăк сассипе килентермест пёрре те, анчах чуна пăхăнтарать юравсăр чёлхипех* (мне ее соловьиное пение совсем не доставляет удовольствие, но душу покоряет своим негодным языком). Здесь переводчик применил прием конкретизации: *music* (музыка) – *шăпчăк сассипе* (соловьиное пение). Восклицание *Турке!* (зобракуй) в конце третьего катрена способствует усилению экспрессии, подчеркивает прерывистость потока мыслей и взволнованность героя. Не желая следовать общепринятым канонам, переводчик отмечает превосходство своей земной любимой над богинями: *вăл юрату туррисенчен утать пек хитререх* (как будто она ходит красивее, чем богини любви).

В заключительном двустушии сонета-перевода Н. Теветкел признает, что возлюбленная лирического героя далека от признанного идеала красоты:

ăна «илем турри» тесе ма суйăп эп сире?(почему обману вас, называя ее богиней красоты). Здесь чувашский автор применил еще одну переводческую трансформацию – добавление: *goddess* (богиня) – *илем турри* (богиня красоты). Тем не менее он сохраняет ей верность и признается в любви, подводя итог вышесказанному: *анчах унран чиперрине шырамăп тĕнчере (но красивее ее искать никого не буду)*.

Следует отметить, что контраст возлюбленной с идеалом красоты усиливается употреблением отрицательных лексических единиц, отсутствующих в подлиннике: *танлаштарма пĕлеймĕп (не сумею сравнить)*, *сўсĕ сĕмсе мар (волосы не мякие)*, *сассипе килентермест (пение не доставляет удовольствия)*, *юравсăр чĕлхипех (негодным языком)*, *чиперрине шырамăп (не буду искать красивее)*. Это позволило чувашскому лирическому герою подчеркнуть непохожесть любимой на других. Обратный порядок слов (инверсия), который встречается в переводном тексте 5 раз, способствует усилению впечатления контраста (табл. 2).

Таблица 2

Инверсия в переводе Н. Теветкеля

Перевод Н. Теветкеля	Построчный перевод
Савни сăнне эп хĕвелпе танлаштарма пĕлеймĕп, Ма унăн тĕксĕм кăкăрне юр пек шап-шурă тейĕп, Мана вăл шапчăк сассипе килентермест пĕрре те, Анчах чуна пăхăнтарать юравсăр чĕлхипех, Ăна «илем турри» тесе ма суйăп эп сире.	Лицо возлюбленной я с солнцем не сумею сравнить, Почему про ее темные груди смогу сказать, что они белые как снег, Мне ее соловьиное пение совсем не доставляет удовольствия, Но душу покоряет своим негодным языком, Называя ее «Богиней красоты», почему обману вас.

Таким образом, Н. Теветкелю в целом удалось передать идею протеста против идеализированного образа женщины в поэзии того времени: возлюбленная лирического героя сонета-оригинала и сонета-перевода – обычная земная женщина. Однако неточности в переводе третьего катрена смягчили пародийность сонета-оригинала и несколько исказили замысел английского автора.

«Но во всех этих случаях, как, впрочем, и всегда, самостоятельной ценностью является сам факт культурного контакта и несомненное обогащение принимающей культуры, которая усваивает переведенный текст» [1. С. 179].

Литература

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004. 352 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 235 с.
3. Лозинский М.Л. Искусство стихотворного перевода // Перевод – средство взаимного сближения народов: сб. ст. М.: Прогресс, 1987. 322 с.
4. Морозов М.М. Театр Шекспира. М.: Изд-во Всерос. театр. о-ва (ВТО), 1984. 319 с.
5. Трукова А.И., Кузнецова Т.Н. Вариативность поэтического перевода // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (26 сентября 2016 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. Вып. 3. С. 248-252.
6. Трукова А.И., Кузнецова Т.Н. Из истории переводов сонетов Шекспира: стилистико-компаративный аспект // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 245–249.
7. McCullough N.V. The Negro in English Literature: a Critical Introduction. Ifracombe [Eng.]: A.H. Stockwell, 1962. 176 p.

ТРУКОВА АЛЕНА ИВАНОВНА – кандидат экономических наук, заведующая кафедрой иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alenatrukova@mail.ru).

A. TRUKOVA

SOME ASPECTS OF POETIC TEXTS TRANSLATION

Key words: translation, poetic text, transformation, comparative analysis, original and translated texts.

Researchers have been dealing with the problems of translating poetry for many years. However, issues of translation of English poetry into the Chuvash language are still unexplored. The article presents the results of comparative-contrastive analysis of Shakespeare's Sonnet translation from English into Chuvash. The authors emphasize that using translation transformations takes place due to differences between the source language and the target language. The main difficulty is to make the translation text equivalent to the original work, along with showing emotions of the author, the original meaning and literary techniques and keeping the compositional structure.

References

1. Alekseeva I.S. *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to translation]. Moscow, Akademiya Publ., 2004, 352 p.
2. Barkhudarov L.S. *Yazyk i perevod: voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda*. [Language and translation: questions of general and special theory of translation]. Moscow, LKI Publ., 2008, 235 p.
3. Lozinskii M.L. *Iskusstvo stikhotvornogo perevoda* [The art of poetic translation]. *Perevod – sredstvo vzaimnogo sblizheniya narodov. Sbornik statei* [Translation is a means of rapprochement between peoples. Collected papers]. Moscow, Progress, 1987, 322 p.
4. Morozov M.M. *Teatr Shekspira* [Shakespeare's theatre]. Moscow, Vseros. teatr. o-va Publ., 1984, 319 p.
5. Trukova A.I., Kuznetsova T.N. *Variativnost' poeticheskogo perevoda* [Variability of poetic translation]. *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedenie: aktual'nye voprosy i perspektivy issledovaniya: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (26 sentyabrya 2016 g.)* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Linguistics, linguodidactics, translation: currents issues and prospects of research»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2016, issue 3, pp. 248-252.
6. Trukova A.I., Kuznetsova T.N. *Iz istorii perevodov sonetov Shekspira: stilistiko-komparativnyi aspekt* [From the history of Shakespeare Sonnets' translation]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2016, no. 4, pp. 245-249.
7. McCullough N.V. *The Negro in English Literature: a Critical Introduction*. Ilfracombe, A.H. Stockwell, 1962, 176 p.

TRUKOVA ALENA – Candidate of Economic Sciences, Head of Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alenatrukova@mail.ru).

Ссылка на статью: Трукова А.И. Некоторые аспекты перевода поэтических текстов // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 317–322.

УДК 811.111'367/37

ББК 81

А.Ш. ЮСУПОВА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДВУЯЗЫЧНЫХ (ТАТАРСКО-РУССКИХ) ТЕМАТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ XIX ВЕКА

Ключевые слова: татарский язык, тематический, словарь, словарный состав, двуязычие.

В татарской лексикографии XIX в. особый интерес проявляют словари, которые составлены по систематической макроструктуре: слова в словарях располагаются не по алфавиту, а группируются по смыслу. Такими являются татарско-русские и русско-татарские словари И. Гиганова (1801), Миссионерского общества (1880–1891) и Ш. Габдельгазиза (1893), которые называются тематическими. В основу их положена тематическая классификация лексики, отражающая группу предметов и явлений реальной действительности. В данных словарях разработан системный подход к изучению лексики татарского языка, целенаправленно отбирался языковой материал, описание лексики дается в различных аспектах.

В лексическом минимуме тематических словарей татарского языка XIX в. отражаются только те единицы, которые были необходимы для усвоения на определенном этапе обучения. Статья раскрывает роль словарей Миссионерского общества и Ш. Габдельгазиза, которые были изданы в XIX в. по тематическому принципу.

В тематических группах данных словарей представлена речевая системность татарского языка того периода, лексика отбиралась из речевого материала изучаемого периода. Эти словари помогали моделировать речевую деятельность обучаемых, т.е. определять сферы речевой деятельности, выделять основные темы и ситуации, соответствующие конечным целям обучения, с последующим отбором языковых средств, достаточных для общения в этих сферах. Авторы тематических словарей XIX в., будучи преподавателями, организуя учебный лексический материал в рамках ситуативно-тематической ограниченности в системе языка, знали, что тематический словарь в определенной мере способствует осуществлению взаимосвязи системного и коммуникативного принципов в описании лексики татарского языка в учебных целях.

Тематические словари являются словарями активного типа. Их назначение – предоставить необходимый лексический и отчасти лексико-грамматический материал (слова, значения слов, словосочетания и типичные фразы-клише) для осуществления речевой деятельности в пределах отраженной в словаре тематики общения.

В истории татарской лексикографии в XIX в. стали появляться идеографические словари, которые продолжали традиции двуязычных рукописных словарей. Их основу составляет связь между словарной системой и системой действительности, системой окружающего мира. О такой связи одним из первых писал известный русско-польский языковед Н.В. Крушевский (1851–1887) в «Очерке науки о языке» (1883): «Мы не должны никогда терять из виду основной характер языка: слово есть знак вещи. Представление о вещи и представление о слове, обозначающем эту вещь, связываются законом ассоциации в неразлучную пару. Слова должны классифицироваться в нашем уме в те же группы, что и означаемые ими вещи» [1. С. 23].

Идеографический способ, как свидетельствуют лингвисты, возник раньше алфавитного. Примером такого словаря, по мнению В.В. Морковкина, может служить пособие Карла Плетца, изданное в 1847 г. в Париже. Специфика его в том, что автор не ставил перед собой задачу выявить все группы, реально существующие в лексике языка, а выбирает важные, с его точки зрения, темы и связанные с ними слова. В словаре К. Плетца 33 тематические группы, каждая включает ряд подтем. Первая группа «Город» состоит из сле-

дующих подтем: общие слова, улица, мост, коммунальное обслуживание, общественные заведения и т.д. [7. С. 26].

Тематическим является словарь, в основу которого положена тематическая классификация лексики, отражающая классификацию предметов и явлений реальной действительности.

Одним из первых опытов систематизации словарного состава на материале индоевропейских языков (в частности, английских слов и выражений) был опубликованный в 1852 г. П.М. Роже тезаурусный словарь. В нём описаны глобальные концептуальные (понятийные) сферы, реализованные в лексике и фразеологии английского языка, которые автор делит на 6 основных классов и 24 подкласса:

I. «Абстрактные отношения»: 1) «Бытие»; 2) «Отношение»; 3) «Количество»; 4) «Порядок»; 5) «Число»; 6) «Время»; 7) «Измерение»; 8) «Причинность»;

II. «Пространство»: 1) «Пространство вообще»; 2) «Величина»; 3) «Форма»; 4) «Движение»;

III. «Материя»: 1) «Материя вообще»; 2) «Неорганическая материя»; 3) «Органическая материя»;

IV. «Разум»: 1) «Формирование мыслей»; 2) «Передача мыслей»;

V. «Воля»: 1) «Индивидуальная воля»; 2) «Социальная воля»;

VI. «Чувство»: 1) «Чувство вообще»; 2) «Индивидуальные чувства»; 3) «Эмоциональные взаимоотношения»; 4) «Мораль»; 5) «Религия» [6. С. 467].

Среди татарско-русских словарей XIX в. имеется несколько тематических словарей. Это словари Ш. Габдельгазиза и словари, изданные Миссионерским обществом святителя Гурия. По своей структуре и композиции они очень похожи на словари Карла Плетца, П.М. Роже и на рукописные словари и самоучители татарского языка XIX в., которые были составлены с целью изучения татарского языка как неродного.

Православные миссионеры XIX в. сыграли большую роль в изучении языков, фольклора и этнографии тюркских народов. Учителя татарского языка, преподававшие в религиозных учебных заведениях для христиан, также являлись сторонниками этого движения. Идеальным татарским языком они считали говор крещёных татар, поэтому он и являлся предметом их изучения.

Православные миссионеры внесли заметный вклад в татарскую лексикографию. «Краткий татарско-русский словарь с прибавлением некоторых славянских слов с татарским переводом», составленный членами Миссионерского общества святителя Гурия, издавался пять раз, но ни одно из его изданий, а также лексический состав словаря до сих пор не изучены (Казань, 1880. 55 с.; 1882. 55 с.; 1886. 96 с.; 1888. 96 с.; 1891. 96 с.).

Два словаря (1880, 1882) были изданы в типографии М.А. Гладышевой, которая располагалась на Николаевской площади в доме Курманаева. Эти труды являлись интеллектуальной собственностью православного Миссионерского общества. «Разрешение на печать» было дано Советом Братства святителя Гурия 8 июля 1880 г.

Братство святителя Гурия (Миссионерское общество святителя Гурия) было создано в 1867 г. в Казани с целью распространения христианства среди нерусского населения Казанской губернии. Основными направлениями его деятельности являлись открытие школ для «иногородцев», переводы и издание церковной литературы на языках народов Поволжья и т.д. Братство прекратило своё существование в 1917 г.

По решению Совета Братства в 1886, 1888, 1891 гг. в типографии М.А. Чирковой были напечатаны тиражи новых вариантов данного словаря. В

них был добавлен грамматический материал, что отразилось и на названии словаря: «Краткий татарско-русский и славянско-татарский словарь съ прибавлениемъ оснований русской грамматики» [4, 5].

Формат всех словарей – 10×17,5. Составлены они по тематическому принципу.

«Краткій татарско-русскій словарь съ прибавленіемъ некоторыхъ славянскихъ словъ съ татарскимъ переводомъ» [4] был напечатан в типографии М.А. Гладышевой в 1880 г. Словарь объёмом 55 страниц составлен по тематическому принципу. Выделены 43 тематические группы, всего зафиксировано 983 слова. Названия групп даны как на татарском, так и на русском языке: *ишек алдындагы каралдылар* – строения на дворе, *ашамлыклар* – съедобное, *жорт кошлары* – домашняя птица, *сугыш кораллары* – оружия, *кейемняр* – одежда, *агач атлары* – названия деревьев, *донья жаклары* – страны света, *багыт* – время, *акча исабе* – денежный счет, *улчяулар* – весы, *буйга улчяу* – меры протяжения, *сыйык нястяне улчяу* – меры жидкости, *ой* – домъ, *ой эчендяге настоялар* – вещи въ доме, *жимешляр* – плоды, *гомбяляр* – грибы, *курнемей торган нястяляр* – предметы отвлеченные, *уйынчыклар* – игрушки, *чиркяу айберляре* – церковные вещи, *укыту нястяляре* – учебные вещи, *тешлей торган ыуак жаннекляр* – насекомые, *кейекляр* – звери, *жирянгеч жаннекляр* – гады, *жорт терлекляре* – домашняя животная, *эчемнекляр* – напитки, *кеше тяненен саннары* – состав человеческого тела, *ындырдагы нястяляр* – вещи на гумне, *кыр кошлары* – дикая птица, *урман кошлары* – лесная птица, *ауадагы нястяляр* – предметы небесные, *бакча* – огородъ, *мунча* – баня, *жир* – земля, *тосляр* – цвета, *балчык эчендяге нярсяляр* – металлы, *ташлар* – камни, *нястянен ничеклеге* – качества, *ден сюзляре* – слова веры, *балта остасынын кораллары* – плотничьи инструменты, *тимерче* – кузнецъ, *ашлыклар* – хлеба, *улямняр* – растенія, *кыйлану сюзляре* – глаголы.

Правописание слов приведено нами именно так, как предложено пользователю словаря. Авторы данных трудов использовали алфавит миссионера и профессора Казанского императорского университета Н.И. Ильминского.

В некоторых единицах словаря нашло отражение также явление протезы, т.е. добавления гласных в начале слова. Эта закономерность, характерная для русских заимствований, наблюдается и в арабских словах: *эзяр* – пояс [4. С. 6], *эшям* – свечка [4. С. 12], *эшямдял* – подсвечникъ [4. С. 12].

В словаре встречаются и диалектные единицы, характерные для разных говоров, но в небольшом количестве: *бистяр* – полотенце [4. С. 6; 9. Б. 88], *туйра* – дубнякъ [4. С. 7; 9. Б. 424], *эт бороно* – шиповникъ [4. С. 8; 9. Б. 609], *княген* – вчера [4. С. 9; 9. Б. 238], *тустаган* – стаканъ [4. С. 10; 9. Б. 429], *айбагыр* – подсолнечникъ [4. С. 23; 9. Б. 27], *гердя* – булка [4. С. 4; 9. Б. 117], *шайке* – шайка [4. С. 24; 9. Б. 520], *ачыткы* – квась [4. С. 19; 9. Б. 57], *чем* – ветвь [4. С. 8; 9. Б. 480].

Среди лексических единиц, зафиксированных в словаре, много русских заимствований. Большую их часть составляют слова, подчинённые фонетическим законам татарского языка и не имеющие эквивалентов: *клят* – клетъ [4. С. 3], *пряник* – пряникъ [4. С. 4], *эштей* – щи [4. С. 4], *буряня* – бревно [4. С. 7], *пот* – пудъ [4. С. 9], *биршук* – вершокъ [4. С. 10], *скамья* – скамейка [4. С. 11], *самауыр* – самоваръ [4. С. 11], *укуят* – ухватъ [4. С. 12], *шкаб* – шкафъ [4. С. 12], *тетрадь* – тетрадь [4. С. 16], *грифел* – грифель [4. С. 16], *наливка* – наливка [4. С. 19], *рум* – ромъ [4. С. 19], *лачынка* – носилки [4. С. 21], *салам* – солома [4. С. 21], *скерт* – скирдъ [4. С. 21], *упунка* – опенки

[4. С. 13], *струг* – настругъ [4. С. 29], *клящя* – клещи [4. С. 29], *пичеркя* – печурка [4. С. 11], *пудаука* – пудовка [4. С. 10], *арган* – орган [4. С. 14]. Лишь слово «тетрадь» в татарском языке имеет эквивалент «дэфтәр» из персидского языка, но составители его не указывают.

Лексический состав словаря близок к лексике современного татарского языка. Лишь несколько лексических единиц, что зафиксированы в словаре, забыты и ныне не употребляются. Это: *сага* – мячь [4. С. 14] – в совр. тат. языке – туп, *шакмак* – шашка [4. С. 14] – в совр. тат. языке – шашка; *канат сабы* – ручка [4. С. 16] – в совр. тат. языке – каләм, ручка; *бурлы* – бурый [4. С. 25].

В приложении «Церковно-славянские слова» зафиксировано 315 слов, которые полностью относятся к сфере религии.

Отметим в заключение, что данный словарь издавался пять раз, следовательно, он был востребован.

Четвёртое издание словаря православного Миссионерского общества был издан в 1888 г. в типографии М.А. Чирковой. Печатался он по рекомендации Совета Братства святителя Гурия.

Корпус словаря состоит из 45 тематических групп. Названия групп даны и на татарском, и на русском языке. Расположение тематических групп в нём иное, чем в первом словаре. Некоторые тематические группы первого словаря пропущены или названы по-другому.

Отсутствуют такие группы, как *жорт кошлары* – домашняя птица, *улчяуляр* – весы, *буйга улчяу* – меры протяжения, *сыйык нястяне улчяу* – меры жидкости, *ой* – домъ, *курнемей торган нястяляр* – предметы отвлеченные, *уйынчыклар* – игрушки, *тешлей торган ыуак жяннекляр* – насекомья, *жирянгеч жяннекляр* – гады, *кыр кошлары* – дикія птица, *урман кошлары* – лесная птица, *бакча* – огородъ, *мунча* – баня, *ташлар* – камни, *кыйлану сюзляре* – глаголы.

Состав лексики идентичен лексическому составу предыдущего словаря. Отражение своеобразной орфографической нормы слов свидетельствует о том, что авторы строго придерживались миссионерских принципов, т.е. в первую очередь обратились к говору крещёных татар.

В названии словаря указано, что он является и славяно-татарским, что подтверждает последняя тематическая группа, в которой представлены церковно-славянские слова. В этой части словаря ярко выражена его основная – миссионерская цель.

Кроме корпуса данный словарь, в отличие от своего предшественника, имеет приложение «Грамматикадан айтеу». Грамматическую категорию рода авторы объясняют очень доступным способом: «Урысча телдя нястя исемнярен барын очкя бюляляр; бюлемнярнен зат диб айтиляр.

Ъ-га, Ъ-га, Й-га беткян исемнярне ир заты дейляр.

О-га, Е-га, Мя-га беткян исемнярне урта зат дейляр.

А-га, Я-га, Ъ-га беткян исемнярне катын заты дейляр.

Шул оч зат оч торло торляня.

Татарча телдя исемняр бар да Бер зат белян сойляшяня, шунар кюря исемнярнен торлянеуе дя бер торло» [5. С. 83].

Приведено склонение имён существительных в разных родах и числах, склонение имён существительных во множественном числе, уделено внимание и такой грамматической категории, как спряжение глаголов.

Представлены своеобразные грамматические термины: уткян багыт (в сов. тат. яз. үткән заман (прошедшее время)), буласы багыт (в сов. тат. яз. киләчәк заман (будущее время)), кушкандагы торлянеу (в сов. тат. яз. боерык наклонение (повелительное наклонение)).

Даны предложения на русском языке для разбора и упражнения в правописании, а также подборка не связанных по смыслу предложений, состоящих из двух или трех слов: *Спрячьте свои тетради. Дети играли на дворе. Мчится тройка удалая. Гони гусей домой. Къ намъ приехали гости. Стальное перо испортилось.*

В заключение отметим, что данный словарь был очень удобен для тех, кто изучал татарский язык как неродной, поскольку авторы при его составлении учли все особенности обучения другому языку. Включение в него лишь активных и необходимых для общения единиц, разделение их на тематические группы, попытка отразить фонетические законы языка в письме, работа в большей части случаев с эквивалентами слов при переводе, подача грамматического материала – всё это свидетельствует о богатом лексикографическом опыте составителей данного словаря.

Значительный вклад в обучение татар русскому и русских татарскому языкам внес Ш. Рахматуллин.

Книга Ш. Рахматуллина под названием «Татар теленнән русчага һәм урыс теленнән татарчага тәржемә легать яки словарь» («Перевод с татарского на русский и с русского на татарский, или словарь») [2] была издана в типографии Казанского университета в 1893 г. под псевдонимом Ш. Габдельгазиз. Книга имеет формат 15×23 и состоит из 72 страниц. Указано её русское название: «Перевод съ татарскаго на русский языкъ или словарь». 28 января 1892 г. цензура Санкт-Петербурга дала разрешение на издание этой книги.

Это – словарь с систематической макроструктурой, где слова располагаются не по алфавиту, а группируются по смыслу, по тематическому принципу. В сорока разделах, вобравших 1711 слов, выделены следующие тематические группы, как «Адамъ тянинень агзалары» («Органы человеческого тела»), «Кардышъ – оругларнынъ исемляре» («Родственные термины»), «Нярсялярнень исемляри урынына куила турган сюзьярь» («Местоимения»), «Уку нярсяляри» («Учебные вещи»), «Кеше» («Человек»), «Киемляръ» («Одежда»), «Ашамлыкларъ» («Съедобное»), «Ашга тямъ биря турганъ нярсяляръ» («Приправа пищи»), «Эчемлекляръ» («Напитки»), «Ашлыкларъ улянляръ» («Хлеба травы»), «Емешляръ» («Плоды»), «Бакча емеше» («Огородная овощь»), «Оей нястяси» («Изба»), «Ишек алдындагы каралтыларъ» («Строения на дворе»), «Үсемлекләр» («Растения»), «Хайваннар» («Животные»), «Кошларъ» («Птицы»), «Кувакларъ исемляре» («Названия деревьев»), «Донья тарафлары» («Страны света»), «Тюсярь» («Цвета»), «Вақытларъ» («Времена»), «Сугыш кораллары» («Оружия»), «Иер» («Земля»), «Мягъдан» («Минералы») и др.

В отличие от других словарей, в работе Ш. Габдельгазиза сохраняется частеречный принцип, согласно которому отдельными тематическими группами представлены части речи: имя, глагол, местоимение и т.д. Данное явление можно рассматривать как первый шаг в области грамматической классификации слов. На наш взгляд, классификация автора основана на арабской грамматике. В словаре больше употребляются арабские термины.

В разделе «числительные» собраны слова, обозначающие количество предметов. Указаны только количественные числительные. Они сохранились в том же виде и в современном языке. Автор расположил числительные в порядке их возрастания: от одного до десяти, затем десятки, сотни, тысячи и миллион.

Имена прилагательные представлены двумя группами: «Яхшы һәм яман сыйфатлар» («Плохие и хорошие качества»), «Нәрсәнең сыйфатлары» («Признаки предметов»).

Самая большая тематическая группа «Глаголы. Действия». Глаголы представлены в форме инфинитива на *-мак/-мэк* в алфавитном порядке арабского языка. Многие из них относятся к активной лексике и употребляются без всяких изменений: *ашамакъ* – есть [2. С. 44], *айтмякъ* – сказать [2. С. 44], *аудармакъ* – валить [2. С. 44], *юрмякъ* – ходить [2. С. 50].

Слова написаны арабскими и русскими буквами. На левой стороне страницы расположены татарские слова, на правой – русские слова на арабской графике и кириллице.

В конце словаря даны «Предложения и отрывки». Они приведены по принципу от простого к сложному. Сначала идут короткие предложения: *Гул чячяк ата* – Роза цветет. *Бала уйный* – Дитя играет. *Эт оря* – Собака лает. Затем автор переходит к более сложным фразам. В основном они являются образцами устного народного творчества – пословицами: *Жал кайда – койрыкъ шунда* – Куда грива, туда и хвост; *Сузучян сьерга Аллагы Тягаля могоз дя бирми* – Бодливой корове Бог и рог не дает; *Бурене тешляре ашата* – Волка зубы курмать [2. С. 80]; *Тюлкене койрыгы саклы* – Лису хвост бережет [2. С. 80]; *Ирьнинъ сюзи беръ булырь* – Слово мужчины будет одно [2. С. 80] и т.д.

Среди фраз присутствуют нравственно-поучительные выражения и изречения великих философов. *Агярдя безъ бельсяк иде вакытъ ничекъ киммятле икенлегенъ, аны болай фягемсезъ исрафъ кылмасъ идекъ* (Если бы мы знали, как дорого время, то не расточали бы его так легкомысленно) [2. С. 75]; *Безненъ халебездянь кильми эйтергя: вакытъ тукта биръ безгя вагда уйга тюшяръгя дейбъ* (Мы не можем сказать: время стой и дай нам опомниться) [2. С. 76].

Данная работа Ш. Габдельгазиза отличается от других его самоучителей лишь отсутствием азбуки, но сам автор называет её словарём.

Можно предположить, что распределение слов по отдельным тематическим группам намного облегчало обучение татарскому языку. Факт акцентирования внимания на частях речи и характерных для них грамматических категориях свидетельствует о том, что Ш. Габдельгазиз прекрасно владел татарским и арабским языками, а также методикой обучения иностранным языкам.

Объем лексического состава тематических словарей татарского языка XIX в. (1500–2000 слов) соответствует нормам словарного запаса учащихся и включает только общеупотребительные слова. Использование словарей в качестве учебного пособия и источника фактического материала является удачной идеей в обучении татарскому языку в истории и современности [3, 8, 14]. На примерах анализа лексики словарей раскрываются особенности национального менталитета, история народа, становление и развитие национальной культуры [9–13], в связи с этим словари и словарная лексика становятся объектом исследования многих работ в современном татарском языкознании [15–17].

Проведенное нами исследование показало, что формирование такого лексикографического корпуса источников, как тематические татарско-русские словари XIX в., во многом соответствовало общим чертам, особенностям возникновения лексикографических трудов тематического принципа.

Изучая данные словари, мы пришли к выводу, что их составители стремились максимально сохранить особенности словарно-языковых знаков и их грамматического оформления с учетом существовавших знаково-оценочных и конкретно-словесных выражений, уникальных черт образной языковой системы своего времени, соблюдая при этом лексико-грамматические каноны и подчиняясь закономерностям науки о языке.

Литература

1. Введенская Л.А. Русская лексикография. М.: МарТ; Ростов н/Д.: МарТ, 2007. 352 с.
2. Габдельгазиз Ш. Татар теленнән русчага һәм урыс теленнән татарчага тәржемә лөгәть яки словарь. Казан, 1893. 72 б.
3. Гиганов И. Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами свидетельствованные. СПб., 1801. 75 с.
4. Краткий татарско-русский словарь с прибавлением некоторых славянских слов с татарским переводом. Казань, 1880. 55 с.
5. Краткий татарско-русский словарь с прибавлением некоторых славянских слов с татарским переводом. Казань, 1888. 96 с.
6. Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка. Т. 1, ч. 1. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 510 с.; Т. 1, ч. 2. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 506 с.
7. Морковкин В.В. Идеографические словари. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 69 с.
8. Ноэман М. XVII–XVIII йәзләрдәге русча-татарча кулъязма сүзлекләр. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1969. 112 б.
9. Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан: тат. кит. нәшр., 1969. 643 б.
10. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. 255 с.
11. Федотов М.Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен / ЧГИГН. Чебоксары, 1998. 148 с.
12. Фомин Э.В., Иванова А.М. Чăваш поэтонимёсен пуххи / Чăваш патшалăх университетчĕ. Шупашкар, 2016. 84 с.
13. Хәмзин К.З., Мәхмүтов М.И., Сәйфуллин Г.Ш. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. Казан, 1965. 853 б.
14. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. 272 б.
15. Юсупова А.Ш. Диалектная лексика в татарско-русских словарях XIX века // Альманах современной науки и образования. 2012. № 10. С. 186–192.
16. Юсупова А.Ш. Словари Иосифа Гиганова – диалектологические словари татарского языка // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 30–33.
17. Yusupova A. Tatar Language Dictionaries of XIX Century as a Unified Historical and Cultural Phenomenon. *World Applied Sciences Journal*, 2014, vol. 30 (2), pp. 186–190.

ЮСУПОВА АЛЬФИЯ ШАВКЕТОВНА – доктор филологических наук, профессор, директор Высшей школы татаристики и тюркологии им. Габдуллы Тукая, Институт филологии и межкультурной коммуникации имени Льва Толстого, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия (alyusupova@yandex.ru).

A. YUSUPOVA

LINGUISTIC STRUCTURE OF BILINGUAL (TATAR-RUSSIAN)

THEMATIC DICTIONARIES OF THE XIX CENTURY

Key words: *the Tatar language, thematic dictionary, vocabulary, bilingualism.*

In Tatar lexicography of the nineteenth century dictionaries compiled by systematic macro-structure are of utmost interest: the words in the dictionary are not arranged in alphabetical order but are grouped by their meaning. These are Tatar-Russian and Russian-Tatar dictionaries by I. Giganov (1801), those of Missionary society (1880–1891) and Sh. Gabdelgaziz (1893), they are called thematic ones. Their basis is thematic classification of vocabulary, reflecting a group of objects and phenomena of reality. These dictionaries developed a systematic approach to the study of the Tatar language vocabulary, linguistic material was purposefully selected, the description of the vocabulary is given in different aspects.

The lexical minimum of the Tatar language thematic dictionaries of the XIX century reflects only those units that were necessary for acquisition at a certain stage of learning. The article reveals the role of dictionaries compiled by the Missionary society and W. Gabdelgaziz that were published in the nineteenth century basing on the thematic principle.

Thematic groups of the given dictionaries represent speech consistency of the Tatar language of that period, lexis was selected from speech material of the study period. These dictionaries helped to simulate speech activity of students, i.e. to determine areas of speech activity, to identify the main themes and situations meeting the end purpose of teaching,

with subsequent selection of language means sufficient to communicate in these areas. The authors of thematic dictionaries of the XIX century, being teachers, when organizing learning lexical material in the framework of situational-thematic constraints in the language system, knew that to a certain extent a thematic dictionary contributes to implementation of interconnection between systematic and communication principles in the description of the Tatar language vocabulary in educational purposes.

References

1. Vvedenskaya L.A. *Russkaya leksikografiya* [Russian lexicography]. Moscow, MarT Publ., Rostov on the Don, MarT Publ., 2007, 352 p.
2. Gabdel'gaziz Sh. *Tatar telenen ruschaga hem urys telennen tatarchaga terzheme logat' yaki slovar'* [Translation from Tatar into Russian and from Russian into Tatar or the dictionary]. Kazan, 1893, 72 p.
3. Giganov I. *Slova korennye, nuzhneishie k svedeniyu dlya obucheniya tatarskomu yazyku, sobrannye v Tobol'skoi glavnoi shkole uchitelem tatarskogo yazyka, Sofiiskogo sobora svyashchennikom Iosifom Giganovym i yurtovskimi mullami svidetel'stvovannye* [The root words necessary for learning of the Tatar language collected in Tobolsk main school of the St. Sophia Cathedral by the priest and teacher of the Tatar language Joseph Giganov and obtained by Yurtovsky mullahs]. St. Petersburg, 1801, 75 p.
4. *Kratkii tatarsko-russkii slovar' s pribavleniem nekotorykh slavyanskikh slov s tatarskim perevodom* [A short Tatar-Russian dictionary with the addition of some Slavic words with the Tatar translation]. Kazan, 1880, 55 p.
5. *Kratkii tatarsko-russkii slovar' s pribavleniem nekotorykh slavyanskikh slov s tatarskim perevodom* [A short Tatar-Russian dictionary with the addition of some Slavic words with the Tatar translation]. Kazan, 1888, 96 p.
6. *Materialy k ideograficheskomu slovarju dialektov tatarskogo yazyka* [Materials to the ideographic dictionary of the Tatar language dialects], vol. 1, p. 1. Ufa, Bashkir University Publ., 2005, 510 p.; vol. 1, p. 2. Ufa, Bashkir University Publ., 2005, 506 p.
7. Morkovkin V.V. *Ideograficheskie slovari* [Ideographic dictionaries]. Moscow, Moscow University Publ., 1970, 69 p.
8. Nogman M. *XVII–XVIII izlerdege ruscha-tatarcha kulyazma syzlekler* [Manuscripts of the Russian-Tatar dictionaries of the 17–18th centuries]. Kazan, Kazan University Publ., 1969, 112 p.
9. *Tatar telenen dialektologik syzlege* [Dialectological dictionary of the Tatar language]. Kazan, Tatar Publ. House, 1969, 643 p.
10. Tumasheva D.G. *Slovar' dialektov sibirskikh tatar* [Dictionary of the dialects of the Siberian Tatars]. Kazan, Kazan University Publ., 1992, 255 p.
11. Fedotov M.R. *Slovar' chuvashskikh nekhristianskikh lichnykh imen* [Dictionary of non-Christian Chuvash names]. Cheboksary, 1998, 148 p.
12. Fomin E.V., Ivanova A.M. *Chavash poetonimesen pukhkhi* [Dictionary of Chuvash poetonyms]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2016, 84 p.
13. Khemzin K.Z., Mekhmutoy M.I., Seifullin G.Sh. *Garepche-tatarcha-ruscha alynmalar syzlege* [Arab-Tatar-Russian dictionary]. Kazan, 1965, 853 p.
14. Ekhmet'yanov R.G. *Tatar telenen kyskacha tarikhi-etimologik syzlege* [Short historical etymological dictionary of Tatar language]. Kazan, Tatar Publ. House, 2001, 272 p.
15. Yusupova A.Sh. *Dialektnaya leksika v tatarsko-russkikh slovaryakh XIX veka* [Dialect words in the Tatar-Russian dictionaries of the XIX century] *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 2012, no 10, pp. 186–192.
16. Yusupova A.Sh. *Slovari Iosifa Giganova – dialektologicheskie slovari tatarskogo yazyka* [Joseph Giganov's dictionaries are dialectological dictionaries of the Tatar language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no 355, pp. 30–33.
17. Yusupova A. Tatar Language Dictionaries of XIX Century as a Unified Historical and Cultural Phenomenon. *World Applied Sciences Journal*, 2014, vol. 30 (2), pp. 186–190.

YUSUPOVA ALFIYA – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Gabdulla Tukay Higher School of Tatar Studies and Turkology, Kazan (Volga region) Federal University, Russia, Kazan (alyusupova@yandex.ru).

Ссылка на статью: Юсупова А.Ш. Лингвистические основы двуязычных (татарско-русских) тематических словарей XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 1. – С. 323–330.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *анкета авторов;*
- 3) *две внешние рецензии;*
- 4) *ходатайство научного руководителя;*
- 5) *экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати.*

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. **Оформление статьи:**

- 1) *классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *примечательный библиографический список;*
- 11) *транслитерированный библиографический список References;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. **Рисунки.** Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. **Формулы и буквенные обозначения по тексту.** Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. **Таблицы.** Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовок выделяется полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. **Список литературы.** Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. Список References. Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

10. Сведения об авторах набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

11. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Алметева И.В., Иванов А.Г., Филонов А.А. Трудовое обучение в земской школе Марийского края во второй половине XIX – начале XX веков.....	5
Андреев О.В. Оборонно-массовая работа в Чувашии в 1946–1951 годах.....	12
Андреев О.В. Формирование Чувашской республиканской организации единого военно-патриотического общества – ДОСААФ в 1951–1953 годах	25
Артемов А.В. Образ перестройки в диктовках М.С. Горбачева на последнем этапе политических реформ (1990–1991 годы)	33
Блиняев С.Н., Широков О.Н. Проведение мобилизации в Чебоксарском уезде Казанской губернии в годы Первой мировой войны (по документам Чебоксарской городской управы)	41
Волкович Н.С. Чувашская свадьба как семейно-родовая церемония.....	48
Григорьев А.Д., Харитонов С.Б. Фонд обороны и фонд Красной Армии как проявление патриотизма и гражданственности населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны	59
Данилов А.А., Данилов А.П. История развития техники и технологии современных печатных СМИ Чувашской Республики: тренды, оценки, перспективы	65
Данилов А.П., Данилов А.А. История становления и развития журналистского образования в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова	71
Идиатуллоев А.К. Традиционная духовная культура в полиэтничном регионе (на примере г. Ульяновск).....	82
Идиатуллоев А.К. Новая религиозность студентов Уфы (на примере башкир и татар)	88
Маньков А.В. К вопросу об истории терроризма: истоки, становление и эволюция в России.....	93
Маньков А.В. Региональный революционный терроризм: боевые структуры и объекты терроризирования эсеров Поволжья в 1905 году	99
Михайлова С.Ю., Музякова А.Л., Шумилова О.В. Университетская составляющая ускоренной индустриализации Чувашии в 60–70-е годы XX века	108
Павлова А.Н. Материалы школьной переписи 1911 года как источник для изучения состояния образования нерусских народов восточной части России в начале XX века	115

Павлова А.Н.

Опубликованные и документальные материалы
по истории развития школьного образования нерусских народов
Среднего Поволжья в 70–90-х годах XIX века 121

Салмин А.К.

Влияние религиозных верований персов на чувашей 129

Сергеев Т.С.

«Визитная карта» Чувашского университета:
45 лет функционирования музея И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева 138

Соколова В.И.

СССР в условиях развития НТР в 1950–1980-е годы:
упущенные возможности обновления 142

Хабибрахманова О.А.

Практики адаптации научной интеллигенции Татарстана в 1920–1930-х годах 147

Харитонов Л.А.

Подготовка технических кадров для энергетического кластера Чувашии
во второй половине XX века 153

Харитонов В.Г.

Сельское общество Чувашии в начале XXI века:
социокультурные факторы развития 160

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абрамова А.Г., Григорьева Е.Н., Гурьянова Т.Ю., Яковлева О.В.

Социативные и комитативные синтаксические элементы в русском и английском языках 169

Абукаева Л.А.

Синтаксис и прагматика марийских табу 177

Будниченко Л.А.

Пунктуационная интертекстуальность в поэзии Г. Айги 183

Губанов А.Р., Губанова Г.Ф., Свеклова О.В.

Тезаурус чувашского языка (чăваш пĕлĕвĕн мулĕ) как языковая система знаний 190

Емельянова М.В., Зайцева Е.Л., Кириллова Н.В., Пушкин А.А.

Экспедиционализм как объект концептуализации политического текста 195

Иванов В.А.

Прямые заимствования арабских и персидских слов в чувашском языке 203

Иванова А.М., Хазиева-Демирбаш Г.С.

Сравнительно-сопоставительный анализ антропонимов коранических персонажей
в афористических жанрах татарского и турецкого фольклора 208

Карпеева О.Я.

Некоторые виды лексических и грамматических трансформаций
при переводе с английского языка на русский язык 213

Клыкова Ю.Ю.

Лексемы «день» и «Таг» в поэтическом языке А.С. Пушкина и И.В. Гете 218

Корнилов Г.Е.

Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия,
Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XL: А-Анлаутные географические названия 229

Коханова Л.А., Головкин С.Б., Горбачева Н.Д.

Трансформация языка современных СМИ под влиянием Интернета 236

Лебедев А.А.

Семантика концепта «патриотизм» в новостном дискурсе канала «Звезда» 247

Львова Т.В., Гердо И.А.

Перевод субстантивных атрибутивных словосочетаний
на примере технических текстов по машиностроению 254

Митрофанова З.И. Как это сказать по-русски «not unworthy»?.....	259
Морозкина Е.А., Морозкин Ю.Н., Сафина З.М. Пространственные предлоги в свете теории фракталов	269
Морозкина Е.А., Тимирбаева О.О. Проблемы перевода парадокса (на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и англоязычных версий его перевода)	277
Николаева Н.В., Сергеев В.И. Характеристика человека зоонимами в поговорках, фразеологизмах и сравнениях разнотипных языков	284
Поляков О.Е. Мордва и чуваша: взаимоотношения народов – взаимоотношения культур и языков	289
Пушкина К.В., Николаева Н.В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматическим компонентом в английском, русском и чувашском языках	296
Родионов В.Г. Семантические сдвиги лексем, связанных с этапами сложения художественного сознания прототюрков	305
Трофимова И.Г., Никитина И.Г. Сравнительно-сопоставительный анализ паремий со структурой сложноподчиненного предложения (на материале английского и чувашского языков)	311
Трукова А.И. Некоторые аспекты перевода поэтических текстов	317
Юсупова А.Ш. Лингвистические основы двуязычных (татарско-русских) тематических словарей XIX века	323
Правила для авторов	331

VESTNIK CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

HUMANITIES

2017

№ 2

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Almeteva I., Ivanov A., Filonov A. LABOR TRAINING IN ZEMSTVO SCHOOLS IN THE MARI REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES	5
Andreev O. DEFENSE-MASS WORK IN CHUVASHIA IN 1946–1951	12
Andreev O. FORMATION OF THE CHUVASH REPUBLICAN ORGANIZATION OF UNIFORM MILITARY PATRIOTIC SOCIETY – DOSAAF IN 1951–1953	25
Artemov A. THE IMAGE OF PERESTROIKA IN THE DICTATIONS OF M.S. GORBACHEV AT THE LAST STAGE OF POLITICAL REFORMS (1990–1991)	33
Blinjaev S., Shirokov O. CONDUCT OF MOBILIZATION IN CHEBOKSARY DISTRICT OF KAZAN GOVERNORATE DURING THE FIRST WORLD WAR (BASED ON DOCUMENTS OF CHEBOKSARY ADMINISTRATIVE BOARD).....	41
Volkovich N. CHUVASH WEDDING AS A FAMILY-ANCESTRAL CEREMONY	48
Grigorjev A., Kharitonova S. THE DEFENSE FUND AND THE RED ARMY FOUNDATION AS A MANIFESTATION OF PATRIOTISM AND CIVIC CONSCIOUSNESS OF THE CHUVASH ASSR POPULATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	59
Danilov A., Danilov A. DEVELOPMENTAL HISTORY OF MODERN PRINT MEDIA EQUIPMENT AND TECHNOLOGY OF THE CHUVASH REPUBLIC: TRENDS, EVALUATION, OUTLOOK	65
Danilov A., Danilov A. THE HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF JOURNALISTIC EDUCATION AT I.N. ULIANOV CHUVASH STATE UNIVERSITY	71
Idiatullov A. TRADITIONAL SPIRITUAL CULTURE IN A POLYETNIC REGION (ON THE EXAMPLE OF ULYANOVSK).....	82
Idiatullov A. NEW RELIGIOUSNESS OF UFA STUDENTS (ON THE EXAMPLE THE BASHKIRS AND THE TATARS).....	88
Mankov A. ON THE QUESTION OF TERRORISM HISTORY: ORIGINS, FORMATION AND EVOLUTION IN RUSSIA.....	93
Mankov A. REGIONAL REVOLUTIONARY TERRORISM: MILITARY STRUCTURES AND TERRORIZING OBJECTS BY VOLGA SRs IN 1905	99
Mikhailova S., Muzyakova A., Shumilova O. UNIVERSITY COMPONENT IN RAPID INDUSTRIALIZATION OF CHUVASHIA IN THE 60–70s OF XX CENTURY	108
Pavlova A. MATERIALS OF SCHOOL CENSUS OF 1911 AS A SOURCE FOR STUDYING EDUCATION STATUS OF NON-RUSSIAN POPULATION OF EASTERN RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY	115

Pavlova A. PUBLISHED AND DOCUMENTARY MATERIALS ON DEVELOPMENTAL HISTORY OF SCHOOL EDUCATION FOR NON-RUSSIAN PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA IN THE 70–90s OF THE XIX CENTURY	121
Salmin A. THE INFLUENCE OF THE RELIGIOUS BELIEFS OF THE PERSIANS ON THE CHUVASH	129
Sergeev T. «VISIT CARD» OF CHUVASH STATE UNIVERSITY: 45 YEARS OF FUNCTIONING OF I.N. ULIANOV AND I.Ya. YAKOVLEV MUSEUM	138
Sokolova V. THE USSR IN TERMS OF SCIENTIFIC-TECHNOLOGICAL REVOLUTION DEVELOPMENT IN 1950–1980s: MISSED OPPORTUNITIES FOR RENEWAL	142
Khabibrakhmanova O. ADAPTATION PRACTICES OF SCIENTIFIC INTELLIGENTSIA OF TATARSTAN IN 1920–1930	147
Kharitonov L. TECHNICAL MANPOWER TRAINING FOR THE ENERGY CLUSTER OF THE CHUVASH REPUBLIC IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY	153
Kharitonova V. RURAL SOCIETY OF CHUVASHIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: SOCIO-CULTURAL FACTORS OF DEVELOPMENT	160

PHILOLOGICAL SCIENCES. LINGUISTICS

Abramova A., Grigoryeva E., Guryanova T., Yakovleva O. SOCIATIVE AND COMITATIVE SYNTACTIC ELEMENTS IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES	169
Abukaeva L. SYNTAX AND PRAGMATICS OF MARI PROHIBITIONS	177
Budnichenko L. PUNCTUATION INTERTEXTUALITY IN G. AYGHI POETRY	183
Gubanov A., Gubanova G., Sveklva O. THESAURUS OF THE CHUVASH LANGUAGE AS A LANGUAGE KNOWLEDGE SYSTEM.....	190
Emelianova M., Zaytseva E., Kirillova N., Pushkin A. EXCEPTIONALISM AS A CONCEPTUALIZATION OBJECT OF A POLITICAL TEXT	195
Ivanov V. DIRECT BORROWINGS OF ARABIC AND PERSIAN WORDS IN THE CHUVASH LANGUAGE	203
Ivanova A., Khaziyeva-Demirbash G. COMPARATIVE ANALYSIS OF QURANIC ANTHROPONYMS IN APHORISTIC GENRES OF THE TATAR AND TURKISH FOLKLORE	208
Karpeeva O. SOME TYPES OF LEXICAL AND GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN.....	213
Klykova Ju. LEXEMES «DEN'» AND «TAG» IN POETIC LANGUAGE OF A. PUSHKIN AND J.W. VON GOETHE	218
Kornilov G. ETHNIC TOPONYMS IN VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XL: A-NAMES OF PLACES	229
Kokhanova L., Golovko S., Gorbacheva N. TRANSFORMATION OF THE LANGUAGE OF MODERN MEDIA UNDER INFLUENCE OF THE INTERNET	236
Lebedev A. SEMANTICS OF THE CONCEPT «PATRIOTISM» IN THE NEWS DISCOURSE OF THE CHANNEL «ZVEZDA»	247
Lvova T., Gerdo I. TRANSLATION OF SUBSTANTIVE ATTRIBUTIVE WORD COMBINATIONS IN TECHNICAL TEXTS ON MECHANICAL ENGINEERING	254

Mitrofanova Z. WHAT IS THE RUSSIAN FOR «NOT UNWORTHY»?	259
Morozkina E., Morozkin Yu., Safina Z. SPATIAL PREPOSITIONS IN THE LIGHT OF FRACTAL THEORY	269
Morozkina E., Timirbaeva O. PROBLEMS OF PARADOX TRANSLATION (BASED ON M. LERMONTOV'S NOVEL «A HERO OR OUR TIME» AND THE ENGLISH VERSIONS OF ITS TRANSLATION).....	277
Nikolaeva N., Sergeev V. CHARACTERISTIC OF A PERSON WITH ZOONYMS IN PAROEMIAS, IDIOMS AND COMPARISONS OF DIFFERENT LANGUAGES	284
Polyakov O. THE MORDVA AND THE CHUVASH: PEOPLES' INTERRELATIONS – INTERRELATIONS OF CULTURES AND LANGUAGES	289
Pushkina K., Nikolaeva N. COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH SOMATIC COMPONENT IN THE RUSSIAN, THE ENGLISH AND THE CHUVASH LANGUAGES	296
Rodionov V. SEMANTIC SHIFTS OF LEXEMS CONNECTED WITH DEVELOPMENTAL STAGES OF PROTOTURKIC PEOPLE'S ARTISTIC CONSCIOUSNESS	305
Trofimova I., Nikitina I. COMPARISON AND COLLATION OF PAROEMIAS WITH A STRUCTURE OF COMPLEX SENTENCES IN THE ENGLISH AND THE CHUVASH LANGUAGES	311
Trukova A. SOME ASPECTS OF POETIC TEXTS TRANSLATION	317
Yusupova A. LINGUISTIC STRUCTURE OF BILINGUAL (TATAR-RUSSIAN) THEMATIC DICTIONARIES OF THE XIX CENTURY	323
RULES FOR THE AUTHORS	331

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (16+)

Гуманитарные науки

№ 2 2017

Редактор **Н.И. Завгородняя**
Корректор **Г.Ф. Губанова**
Технический редактор **Н.Н. Иванова**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66541 от 21.07.2016 г.

Сдано в набор 16.03.2017. Подписано в печать 20.06.2017. Выход в свет 27.06.2017.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,25. Уч.-изд. л. 29,39.
Тираж 200 экз. Заказ № 726. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя
428015, Чебоксары, Московский просп., 15

Типография Чувашского университета
428015, Чебоксары, Московский просп., 15